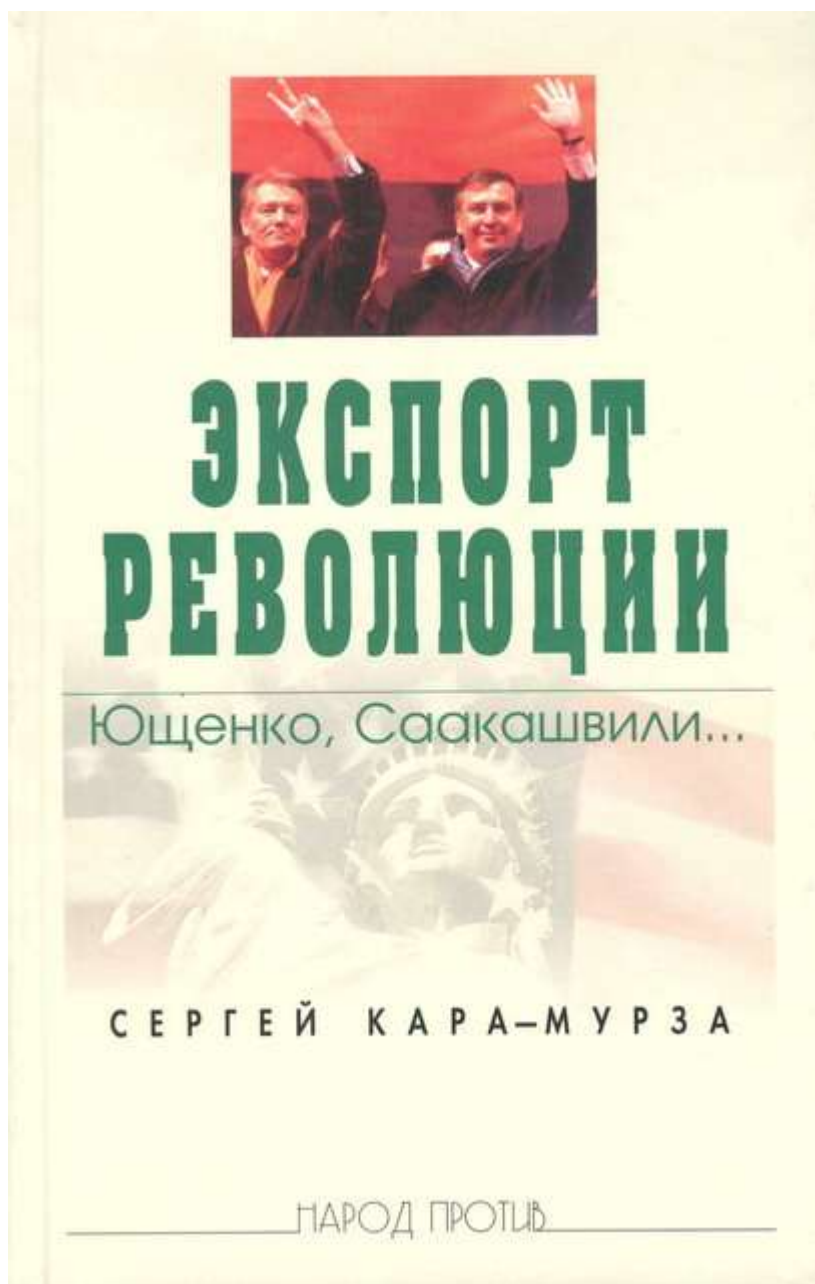

**Александр Александров, Сергей Анатольевич Телегин,
Сергей Георгиевич Кара-Мурза, Михаил Алексеевич
Мурашкин
Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили...**

«Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили...»: Алгоритм; Москва; 2005

Аннотация

Исторически сложилось так, что в конце XX века Советский Союз прекратил существование. А появившиеся государства, отпав от Москвы, устремились на Запад. И прежде всего под крыло Америки. Не случайно в Грузии, на Украине, в Киргизии прокатились так называемые «оранжевые революции» с антироссийской направленностью. А что же Россия? Доколе ее правители будут бездействовать, больше того – сдавать позицию за позицией?

В своей новой книге известный политолог и публицист Сергей Георгиевич Кара-Мурза и его соавторы попытались разобраться в ситуации, сложившейся вокруг России на

**Сергей Георгиевич Кара-Мурза
Александр Александрович Александров
Михаил Алексеевич Мурашкин
Сергей Анатольевич Телегин
Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили...**

**Часть 1
Введение**

РФ втягивается в состояние острой нестабильности, которая создается под давлением извне в геополитических целях – при наличии внутри РФ влиятельных сил, также заинтересованных в дестабилизации. В воздухе висит общее ощущение назревающей *революции*.

Предпосылки для дестабилизации имеют системный характер, они представляют собой взаимосвязанные «дремлющие» (латентные) кризисы социальных и национальных отношений, деградацию систем жизнеобеспечения, безопасности и культуры, быстрые изменения в массовом сознании.

Созревание всех этих частных кризисов и соединение их в систему с переходом в новое качественное состояние есть результат стратегического политического выбора, принятого властной бригадой Б.Н.Ельцина, а затем и В.В.Путина – уже в начале его первого президентского срока. Однако этот процесс был ускорен и *поставлен под контроль* организованными силами вне и внутри РФ, которые за 2004-2005 годы завладели инициативой.

Уже совокупность событий 2004 г. позволяет трактовать их как эпизоды очередной кампании войны против РФ – так же, как кризис СССР в 1989-1991 гг. был создан в ходе кампании «холодной войны» (разумеется, при наличии *объективных предпосылок* для кризиса, порожденных в самом советском обществе и государстве).

Эта война против РФ не вызвана конфликтом идеологий и не имеет классовой природы. В отличие от «холодной войны» против СССР, она не имеет даже минимально приемлемого идеологического прикрытия, привязанного к внутренним проблемам российских реформ. Это – типичный геополитический конфликт, преследующий целый ряд стратегических целей. Россия была участником такого конфликта, носящего характер «холодно-горячей» войны, в течение последних двух веков независимо от ее социально-политического устройства и ее официальной идеологии – будучи и монархической Российской империей, и Советским Союзом, и антисоветской «капиталистической» Российской Федерацией.

Конфликты такого рода открыто не декларируются, и пока что не имеется документальных подтверждений сделанному выше выводу о начале в данный момент особой кампании в этой длительной войне. Основаниями для этого вывода служит множество фактов, в которых уже нельзя не видеть определенной системы, содержание и тональность сообщений как западных СМИ, так и «прозападных» СМИ в самой РФ, действия политических организаций внутри РФ, которые воспринимаются как «прозападные». В других подобных ситуациях прогнозы, сделанные на основании таких же «симптомов», сбывались с высокой точностью (как это произошло в начале 90-х годов).

Важным доводом в обоснование этого вывода служит тот уже общепризнанный факт, что к концу 80-х годов в политической практике США и их союзников была выработана и опробована новая технология целенаправленной дестабилизации и смены власти в самых разных странах без прямого насилия (т.н. «бархатные» революции) или с минимальным использованием насилия. За последующие 12-13 лет эти технологии были доведены до высокой степени точности и надежности и в самое последнее время были применены на территории бывшего СССР в республиках, тесно связанных с РФ (Грузии, на Украине и в Киргизии). Как

известно, в административной мудрости США есть формула: «Все, что технически возможно, реализуется».

Как выразился в мае 2005 г. один политолог, «оранжевые революции» становятся отличительной особенностью постсоветского пространства, переходят в разряд исторических реалий и понятий не менее значимых, чем, допустим, Ялтинская конференция или «дипломатия канонерок».

Поэтому именно революции этой серии, которые мы будем называть «оранжевыми революциями» (по названию самой крупной и показательной из них, произошедшей на Украине в 2004 г.), привлекают сейчас пристальное внимание у политиков и общественности РФ. Знание о природе, сущности, движущих силах, организации и технологии «оранжевых революций» стало насущно необходимым для российского общества по самым практическим причинам, касающимся буквально каждого гражданина.

Это знание, однако, должно опираться на достаточно богатую предысторию «оранжевых революций» как способа применения *ненасильственных* действий для свержения государственной власти.

Глава 1. Государство и революции

Уже во втором тысячелетии до нашей эры политическая власть в обществах древних цивилизаций приобрела черты *государства*. С тех пор и до настоящего времени государство представляет собой основной институт, осуществляющий управление обществом и охрану его экономической и социальной структуры от угроз как внутреннего, так и внешнего характера.

По своему типу государства отвечают типу того общества, которое их порождает. Если мы классифицируем общества по признакам *формации*, то различаем государства рабовладельческие, феодальные, буржуазные и социалистические (хотя понятие формации является абстракцией, и в любом обществе сосуществуют разные социально-экономические уклады). В периоды больших социальных сдвигов (особенно революций) возникают государства переходных типов, с быстрым изменением их структур и образа действия.

Если нас интересует форма правления, организация власти, то мы различаем разного типа монархии и республики (парламентскую, президентскую, советскую), и вариации их весьма многообразны. По территориальному и национальному устройству государства могут быть унитарными (едиными), федерациями (союз относительно автономных единиц) или конфедерациями (государственно-правовыми объединениями), а также империями.

Осуществление государственной власти основывается на отношениях *господства*. Под ним понимается такое состояние общества, когда приказания власти встречают повиновение подданных или граждан. Это состояние не может быть обеспечено только средствами *принуждения* (в том числе с помощью насилия), для него необходима *вера* в законность власти. Никколо Макиавелли – политик и мыслитель Возрождения (XV-XVI века), заложивший основы нового учения о государстве, первым из теоретиков государства заявил, что власть держится на силе и согласии (эта концепция получила название «макиавеллиевский кентавр»)1. Отсюда вытекает, что «Государь» должен непрерывно вести особую работу по завоеванию и удержанию *согласия* подданных. Механизм власти – не только принуждение, но и *убеждение*. Овладение собственностью как экономическая основа власти недостаточно – господство собственников тем самым автоматически не гарантируется и стабильная власть не обеспечивается.

Условием устойчивости власти является ее *легитимность*. Это – совсем не то же, что *законность* (легальность) власти, т.е. формальное соответствие законам страны. Формально законная власть еще должна приобрести легитимность, обеспечить свою легитимизацию, то есть «превращение власти в *авторитет*». Как же определяют, в двух словах, суть легитимности ведущие ученые в этой области? Примерно так: это убежденность большинства общества в том, что данная власть действует во *благо народу* и обеспечивает *спасение страны*, что эта власть сохраняет главные ее ценности. Такую власть уважают (разумом), а многие и любят (сердцем), хотя при всякой власти у каждого отдельного человека есть основания для недовольства и обид.

Вполне законная власть, утратив авторитет, теряет свою легитимность и становится бессильной. Если на политической арене есть конкурент, он эту законную, но бессильную власть устраняет без труда. Так произошло в феврале 1917 г. с монархией, так же произошло в октябре 1917 г. с Временным правительством. Никого тогда не волновал вопрос законности его формирования – оно не завоевало авторитета и не приобрело легитимности. Его попросили «очистить помещение», и в тот вечер даже театры в Петрограде не прервали спектаклей (потом Эйзенштейн снял героический фильм – матросы, ворота, стрельба). На наших глазах за три года утратил легитимность режим Горбачева – и три человека собрались, трясаясь от страха, где-то в лесу и ликвидировали СССР.

Наоборот, власть, завоевавшая авторитет и ставшая легитимной, тем самым приобретает и законность – она уже не нуждается в формальном обосновании. О «незаконности» власти (например, советской) начинают говорить именно когда она утрачивает авторитет, а до этого такие разговоры показались бы просто странными.

Свержение государственной власти с глубокими изменениями в ее структуре и функциях мы называем *революциями*.

Привычное для нашего общества понятие *социальной революции* проникнуто представлениями марксизма. «Философский словарь» (1991) гласит: «Революция – коренной переворот в жизни общества, означающий низвержение отжившего и утверждение нового, прогрессивного общественного строя; форма перехода от одной общественно-экономической формации к другой... «Переход государственной власти из рук одного в руки другого *класса* есть первый, главный, основной признак революции как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия» (Ленин В.И.). Революция – высшая форма борьбы классов».

Выделим главные черты, которые приписывает революциям это определение.

Во-первых, революция представлена как явление всегда *прогрессивное*, ведущее к улучшению жизни общества («низвержение отжившего и утверждение прогрессивного»). Этому определению присущ *прогрессизм*.

Во-вторых, это определение присуще *формационному* подходу к истории. В его поле зрения не попадают все другие «коренные перевороты в жизни общества», которые не вписываются в схему истории как смены общественно-экономических формаций. Этому определению присущ *экономизм*.

В-третьих, революция в этом определении представлена как явление *классовой борьбы*. Из него выпадают все «коренные перевороты в жизни общества», вызванные противоречиями между общностями людей, не подпадающими под понятие класса (национальными, религиозными, культурными и др.).

Тот факт, что в современных энциклопедиях понятие революции трактуется согласно *теории пролетарской революции*, разработанной Марксом в середине XIX века, сам по себе является замечательным. Ведь понятия представляют собой важнейший инструмент рационального мышления. В данном случае исключительно узкое и ограниченное марксистское понятие служит фильтром, который не позволяет нам увидеть целые типы революций, причем революций реальных, определяющих судьбу народов. Большинство образованных людей, следующих приведенному выше определению, не видит даже революций, которые готовятся и происходят у них прямо на глазах – они считают их не слишком существенными явлениями. Тем более они не могут почувствовать приближения таких революций. Значит, общество теряет саму возможность понять суть того исторического выбора, перед которым оно оказывается в момент революции.

К этому добавляется еще одно отягчающее обстоятельство: за последние двести лет в мире не произошло революций, отвечающих приведенному выше определению. Ему соответствуют только буржуазные революции в Англии XVII века и Франции конца XVIII века. В XX веке классовых революций не было, но зато прошла мировая волна революций в сословных обществах «крестьянских» стран, затем волна национально-освободительных революций, а в последние десятилетия – волна постмодернистских «бархатных» революций.

Тем не менее, необходимо кратко рассмотреть главные положения основных теорий революции, начиная с теории Маркса. Он, как известно, изучал классовое капиталистическое

общество (на материале Англии) и назревающую в нем, как он предполагал, пролетарскую революцию.

Доктрине марксизма присущ крайний экономизм – в ней не только революции, но и вообще любая политическая борьба сводится исключительно к экономическим причинам и к борьбе классов, отрицается любая иная природа общественных конфликтов. Энгельс пишет: «По крайней мере для новейшей истории доказано, что всякая политическая борьба есть борьба классовая и что всякая борьба классов за свое освобождение, невзирая на ее неизбежно политическую форму, – ибо всякая классовая борьба есть борьба политическая, – ведется, в конечном счете, из-за освобождения *экономического*» (Ф. Энгельс. «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», Соч., т. 21, с. 310).

Такое представление общественных противоречий – крайняя абстракция. В действительности конфликты на экономической почве являются лишь одним из многих типов общественных конфликтов. Чаще всего конфликты возникают на почве культурных различий – в прошлом религиозных, в XX веке – национальных. Американский этнограф К. Янг, посвятивший классификации конфликтов большую книгу (1976), говорил в Москве на конференции «Этничность и власть в полиэтнических государствах»: «Широкомасштабное насилие, имевшее место в последние десятилетия в рамках политических сообществ, в огромном большинстве случаев развивалось по линии культурных, а не классовых различий; в экстремальном случае геноцид является патологией проявления культурного плюрализма [то есть *этничности*], но никак не классовой борьбы».

Более того, во второй половине XX века, на исходе Нового времени, западное общество даже смогло интегрировать то, что Маркс считал импульсами революции, в качестве укрепляющих общество инструментов. С.Земляной пишет: «Государство эпохи постмодерна научилось канализировать протест, использовать оппозицию как эффективный инструмент своей отладки и регулирования. Михаилом Лифшицем, неординарным советским философом-марксистом, для объяснения этой пикантной ситуации была предложена теория „мнимого протеста“, которая неожиданным образом воскресла во французском постмодернизме, коим под знаменатель мнимого протеста были подведены марксизм и классовая борьба.

Известный французский философ Жан-Франсуа Лиотар отмечал в книге «Состояние постмодерн»: «Марксизмом руководит другая модель общества... В основе этой модели лежит борьба классов... Здесь невозможно обойтись без перипетий, которые занимают общественную историю, политику и идеологию в течение более века... Судьба их известна: в странах с либеральным или прогрессивно-либеральным правлением происходит преобразование этой борьбы и ее руководителей в регуляторы системы... И повсюду, под разными названиями, критика политической экономии (под названием „Капитала“ Маркса) и критика связанного с ней общества отчуждения используются в качестве элементов при программировании системы»².

В последние двадцать лет мы наблюдали исторического масштаба революционную трансформацию «обществ советского типа» в СССР и странах Восточной Европы. Организованным движением, которое наиболее последовательно готовило эту революцию, была польская «Солидарность». Однако мотивация этой внешне «буржуазной» революции была совершенно не классовой.

Вот что говорится об основаниях этой мотивации: «Солидарность» представляла собой «ценностно-ориентированный монолит», а не сообщество заинтересованных в достижении конкретных целей групп общества. Разделительная линия между противоборствующими силами пролегла не в социальной или классовой плоскости, а в ценностной, то есть культурной, точнее культурно-политической, или социально-психологической. Фактически общественная функция этого движения свелась к разрушению социалистической системы. Предпосылки институционального краха этой системы возникли после распада ее ценностной основы. Однако это «Солидарности», провозглашавшиеся ею идеалы были бесконечно далеки от социокультурной реальности общества либерально-демократического типа, от рыночной экономики, частной собственности, политического плюрализма, западной демократии. «Солидарность» как тип культуры – несмотря на свою антикоммунистическую направленность

– тяготела скорее к предшествующему периоду консервативной модернизации с ее неотрадиционалистским заключительным этапом, чем к сменившей его эпохе прагматизма»³.

В случае радикальных революций, сопровождающихся гражданской войной, конфликт на экономической почве даже не является главным. Американский социолог (из числа высланных из СССР в 1922 г. философов) П.А.Сорокин пишет: «Гражданские войны возникали от быстрого и коренного изменения высших ценностей в одной части данного общества, тогда как другая либо не принимала перемены, либо двигалась в противоположном направлении. Фактически все гражданские войны в прошлом происходили от резкого несоответствия высших ценностей у революционеров и контр-революционеров. От гражданских войн Египта и Персии до недавних событий в России и Испании история подтверждает справедливость этого положения»⁴.

Марксистское определение революции страдает еще и тем изъяном, что отсылает нас к понятию класса, которое таит в себе большую неопределенность. Споры относительно этого понятия велись после выхода основных трудов Маркса около ста лет. В результате понятие класса усложнилось – основанием для классификации стало не только отношение социальной группы к собственности, но и признаки *культуры*. На то, что понятие класса вообще трактуется совершенно по-разному в разных культурах, указывалось и раньше.

Например, О.Шпенглер пишет о восприятии этого понятия в Германии: «*Английский народ воспитался на различии между богатыми и бедными, прусский – на различии между повелением и послушанием*. Значение классовых различий в обеих странах поэтому совершенно разное. Основанием для объединения людей низших классов в обществе независимых частных лиц (каким является Англия), служит общее *чувство необеспеченности*. В пределах же государственного общения (т.е. в Пруссии) – *чувство своей бесправности*».

В другом месте О.Шпенглер пишет: «Маркс мыслит чисто по-английски. Его система двух классов выведена из уклада жизни народа купцов... Здесь существуют только „буржуа“ и „пролетарий“, субъект и объект предприятия, грабитель и ограбленный. В пределах господства прусской государственной идеи эти понятия бессмысленны»⁵.

Не соответствовала марксистскому определению классов и структура общества социалистических стран Восточной Европы в период подготовки «бархатных» революций. Н.Коровицына пишет: «По наблюдениям польских социологов, именно образование служило детерминантой идеологического выбора в пользу либерализма в широком его понимании. Высокообразованные отличались от остального населения по своему мировоззрению. Можно даже сказать, что все восточноевропейское общество, пройдя путь соцмодернизации, состояло из двух „классов“ – имевших высшее образование и не имевших его. Частные собственники начального этапа рыночных преобразований не представляли из себя социокультурной общности, аналогичной интеллигенции. Более того, как свидетельствуют эмпирические данные, они даже не демонстрировали выраженного предпочтения либеральных ценностей».

Совсем иначе, нежели в марксизме, понимался смысл классов и в России – именно по этой причине советские граждане так долго не замечали ошибочности отнесения русских революций к классовым. Н.А.Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» писал: «Марксизм разложил понятие народа как целостного организма, разложил на классы с противоположными интересами. Но в мифе о пролетариате по-новому восстановился миф о русском народе. Произошло как бы отождествление русского народа с пролетариатом, русского мессианизма с пролетарским мессианизмом». Столь же далеким от марксизма было и представление о буржуазии. М.М.Пришвин пишет в «Дневниках» (14 сентября 1917 г.): «Без всякого сомнения, это верно, что виновата в разрухе буржуазия, то есть комплекс “эгоистических побуждений”, но кого считать за буржуазию?.. Буржуазией называются в деревне неопределенные группы людей, действующие во имя корыстных побуждений».

Общества, еще не проваренные в котле капитализма (как Россия в начале или СССР в конце XX века), вообще являются не классовыми, а в той или иной степени *сословными*. А основания, по которым люди объединяются в классы или в сословия, принципиально различны. Это замечает даже О.Шпенглер, хотя в разделении общества на классы Германия прошла несравненно дальше, чем Россия. Он пишет: «С полным непониманием психологии, свойственным воспитанному на естествознании уму 50-х годов XIX века, Маркс не знает, что

ему делать с различием сословия и класса»б.

Многие убеждены, что в России в 1917 г. произошла классовая (пролетарская) революция – так нас учили. Но как же видит Маркс основания для пролетарской революции – для того, чтобы заменить у власти буржуазию как господствующий класс пролетариатом? Первое основание – исчерпание тех возможностей, которые капитализм давал для развития производительных сил. Причину этого Маркс видел в том, что основанное на частной собственности капиталистическое производство регулируется стихийными механизмами рынка и не приемлет научного планирования в масштабе всего общества. Именно потому, что базис капиталистической формации все более ограничивал, по мнению Маркса, простор для развития производительных сил, капитализм должен был уступить место более прогрессивной формации, в которой частная собственность заменялась общественной.

Преодоление капиталистического способа производства через революцию Маркс представляет так: «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют. Капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это – отрицание отрицания... Там дело заключалось в экспроприации народной массы немногими узурпаторами, здесь народной массе предстоит экспроприировать немногих узурпаторов» («Капитал», Соч., с. 772-773).

Какие условия необходимы, по мнению Маркса, для того, чтобы сложились условия для пролетарской революции? Первым условием является глобальный характер господства капиталистического способа производства. Поступательное развитие капитализма перестанет быть прогрессивным только тогда, когда и капиталистический рынок, и пролетариат станут *всемирными* явлениями. Революция созреет тогда, когда полного развития достигнет частная собственность. Маркс пишет: «Нетрудно усмотреть необходимость того, что все революционное движение находит себе как эмпирическую, так и теоретическую основу в движении *частной собственности*, в экономике» («Экономические рукописи 1844 г.», Соч., т. 42, с. 117).

Смысл ясен: без полного развития частной собственности еще не все трудящиеся Земли станут пролетариями, а развитие капиталистических отношений и соответствующих им производительных сил еще не наткнется на непреодолимые барьеры. А значит, еще не будет необходимости устранять порожденное частной собственностью отчуждение посредством революции.

Маркс объясняет так: «Это *отчуждение*», говоря понятным для философов языком, может быть уничтожено, конечно, только при наличии двух *практических* предпосылок. Чтобы стать «невыносимой» силой, т.е. такой силой, против которой совершают революцию, необходимо, чтобы это отчуждение превратило основную массу человечества в совершенно «лишенных собственности» людей, противостоящих в то же время имеющемуся налицо миру богатства и образования, а оба эти условия предполагают огромный рост производительной силы, высокую степень ее развития. С другой стороны, это развитие производительных сил... является абсолютно необходимой практической предпосылкой еще и потому, что без него имеет место лишь всеобщее распространение *бедности*; а при *крайней нужде* должна была бы снова начаться и борьба за необходимые предметы и, значит, должна была бы воскреснуть вся старая мерзость. Это развитие производительных сил является, далее, необходимой предпосылкой потому, что только вместе с универсальным развитием производительных сил устанавливается *универсальное* общение людей, благодаря чему, с одной стороны, факт существования «лишенной собственности» массы обнаруживается одновременно у всех народов (всеобщая конкуренция), – каждый из этих народов становится зависимым от переворотов у других народов, – и, наконец, местно ограниченные индивиды сменяются индивидами *всемирно-историческими*, эмпирически универсальными... Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствующих народов, произведенное «сразу», одновременно, что предполагает универсальное развитие производительной силы и связанного

с ним мирового общения...

Пролетариат может существовать, следовательно, только *во всемирно-историческом смысле*, подобно тому как коммунизм – его деяние – вообще возможен лишь как «всемирно историческое» существование» («Немецкая идеология». Соч., т. 3, с. 33-34).

Таким образом, следующее условие самой возможности пролетарской революции – ее всемирный характер, одновременное осуществление во всех капиталистических странах. Попытка в отдельной стране произвести «преждевременную» революцию, до того как буржуазия полностью исчерпает свой потенциал в развитии производительных сил, трактуется в марксизме как *реакционная*. На это прямо указывалось русским революционерам. Энгельс предупреждает в статье «О социальном вопросе в России» (1875): «Только на известной, даже для наших современных условий очень высокой, ступени развития общественных производительных сил, становится возможным поднять производство до такого уровня, чтобы отмена классовых различий стала действительным прогрессом, чтобы она была прочной и не повлекла за собой застоя или даже упадка в общественном способе производства. Но такой степени развития производительные силы достигли лишь в руках буржуазии».

Эту мысль Энгельс с иронией поясняет таким образом: «У дикарей и полудикарей часто тоже нет никаких классовых различий, и через такое состояние прошел каждый народ. Восстанавливать его снова нам и в голову не может прийти» (Соч., т. 18, с. 537).

Социальной причиной, по которой классом-могильщиком буржуазии должен стать пролетариат, была, по Марксу, эксплуатация рабочих посредством изъятия капиталистом прибавочной стоимости. Именно пролетариат был должен и имел право *экспроприировать экспроприаторов*. Это важное положение марксистской теории революции, особенно для тех стран, в которых промышленный пролетариат составлял очень небольшую часть населения (как в России, где в начале 1917 г. рабочих фабрично-заводской промышленности с семьями было 7,2 млн. человек, из них взрослых мужчин 1,8 млн.).

Но это теоретическое обоснование неотвратимости пролетарской революции на Западе несет в себе внутреннее противоречие.

Дело в том, что согласно политэкономическим воззрениям самого Маркса, капиталисты были *экспроприаторами* вовсе не по отношению к пролетариям – у пролетариев они покупали их рабочую силу по ее стоимости, через эквивалентный обмен на рынке труда. Жертвами капиталистической *экспроприации* были именно крестьяне и ремесленники, жившие и работавшие в докапиталистических хозяйственных укладах, где они вели натуральное хозяйство или мелкотоварное производство.

Маркс пишет об этой экспроприации капиталистами: «Превращение карликовой собственности многих в гигантскую собственность немногих, экспроприация у широких народных масс земли, жизненных средств, орудий труда, – эта ужасная и тяжелая экспроприация народной массы образует пролог истории капитала... Частная собственность, добытая трудом собственника, основанная, так сказать, на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплуатации чужой, но формально свободной рабочей силы» («Капитал», Соч., с. 771-772).

Если так, то как раз не на Западе и не от пролетариата следовало ожидать революции «экспроприированных масс». Ведь особенно большие масштабы «экспроприация у широких народных масс земли» приобрела в зависимых от Запада странах – колониях. В.И. Ленин приводит данные, показывающие, что уже в XIX веке земельная собственность в Африке, Полинезии и Австралии была присвоена западными колониальными державами практически полностью, а в Азии – на 57%.

Однако сопротивление капитализму народных масс Маркс квалифицирует как *реакционное*, ибо оно препятствует «прогрессу промышленности, невольным носителем которого является буржуазия». Поэтому приведенные выше слова об «ужасной экспроприации народной массы» сопровождаются таким утверждением из «Манифеста коммунистической партии»: «Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин – все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже

более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории” (К. Маркс и Ф. Энгельс. “Манифест Коммунистической партии”. Соч., 2 изд., том 4, стр. 436).

Надо подчеркнуть, что обвинение капитализма в эксплуатации рабочих является *нравственным* и, в принципе, вообще не должно присутствовать в политэкономии, которая претендует быть наукой (то есть беспристрастным знанием, свободным от моральных ценностей). Но главное, если бы капитализм смог “исправиться” и преодолеть эти два дефекта, на которые указал Маркс, то и оснований для революции не было бы – приверженцы марксизма с полным правом одобрили бы продление капитализма еще на исторический срок, снова дали бы ему “кредит доверия”. В течение XX века именно это и смог совершить западный капитализм. Прежде всего, было отведено обвинение в эксплуатации – произошло становление так называемого “социального государства”. Показатели экономической эффективности как критерия развития производительных сил также оказались к концу XX века у капитализма очень высокими⁷. Предсказанная теорией Маркса пролетарская революция не состоялась.

Теория тех антикапиталистических революций, которые действительно произошли во многих странах, сложилась в России. Она именно сложилась исходя из анализа реальности, который вели в течение полувека большое число политиков и ученых. Политическую форму этой теории придал В.И. Ленин. Эта теория кардинально расходилась с марксистской, хотя это «обвинение» отвергалось исходя из политической целесообразности.

Расхождения проявились на самой первой стадии зарождения этой теории. В 1875 г. народник П.Ткачев пишет брошюру «Открытое письмо г-ну Фр. Энгельсу», в которой объясняет, почему в России назревает революция и почему она будет антикапиталистической. Маркс пересылает эту брошюру Энгельсу и просит ответить. Тот отвечает, сравнивая Ткачева с «зеленым, на редкость незрелым гимназистом». Ответ этот, «О социальном вопросе в России» (Соч., т. 18, с. 537-548), был опубликован в 1875 г. в Лейпциге и, как сказано в предисловии к 18-му тому сочинений Маркса и Энгельса, «положил начало той всесторонней критике народничества в марксистской литературе, которая была завершена В.И. Лениным в 90-х годах XIX века и привела к полному идейно-теоретическому разгрому народничества» (Соч., т. 18, с. XXIX)⁸.

Энгельс так критикует прогнозы народников: «Г-н Ткачев говорит чистейший вздор, утверждая, что русские крестьяне, хотя они и „собственники“, стоят „ближе к социализму“, чем лишенные собственности рабочие Западной Европы. Как раз наоборот. Если что-нибудь может еще спасти русскую общинную собственность и дать ей возможность превратиться в новую, действительно жизнеспособную форму, то это именно пролетарская революция в Западной Европе» (Соч., т. 18, с. 546)⁹.

Отвергая само право крестьянства на революционное сопротивление капитализму, Энгельс создает ложное представление о русской поземельной общине (которая якобы «составляет естественную основу для *восточного деспотизма*»), а также о культуре крестьянства как сословия. Во введении к брошюре «О социальном вопросе в России» он пишет: «Масса русского народа, крестьяне, столетиями, поколение за поколением, тупо влачили свое существование в трясине какого-то внеисторического прозябания» (Соч., т. 18, с. 568). Откуда это следует? Из русских сказок, песен, организации труда и быта, истории освоения Сибири, Аляски и Калифорнии? Это – чисто умозрительная и ошибочная установка евроцентризма.

В момент написания своей знаменитой книги “Развитие капитализма в России” (1899) Ленин также следовал евроцентристскому тезису о неизбежности прохождения России через этап господства капиталистической формации. Отсюда вытекало, что и назревающая русская революция, смысл которой виделся в расчистке площадки для прогрессивной формации, должна быть революцией буржуазной. В статье “Аграрный вопрос и силы революции” (1907) Ленин писал: “Все с.-д. убеждены в том, что наша революция по содержанию происходящего общественно-экономического переворота буржуазная. Это значит, что переворот происходит на почве капиталистических отношений производства, и что результатом переворота неизбежно станет дальнейшее развитие именно этих отношений производства” (т.15, с. 204).

Главным противоречием, породившим русскую революцию, марксисты считали в то время сопротивление прогрессивному капитализму со стороны традиционных укладов (под

ними понимались община, крепостничество – в общем, “азиатчина”). Исходом революции должно было стать “чисто капиталистическое” хозяйство. В предисловии ко второму изданию “Развития капитализма в России” (1908 г.) Ленин дает две альтернативы русской революции: “На данной экономической основе русской революции объективно возможны две основные линии ее развития и исхода: Либо старое помещичье хозяйство... сохраняется, превращаясь медленно в чисто капиталистическое, “юнкерское” хозяйство... Весь аграрный строй государства становится капиталистическим, надолго сохраняя черты крепостнические... Либо старое помещичье хозяйство ломает революция... Весь аграрный строй становится капиталистическим, ибо разложение крестьянства идет тем быстрее, чем полнее уничтожены следы крепостничества”. Таким образом, Ленин исходит из того постулата, который мы находим уже в предисловии к «Капиталу» Маркса – капиталистический способ производства должен охватить все пространство («весь аграрный строй государства становится капиталистическим»), и к этому направлена русская революция.

Эти предвидения не сбылись. Революция 1905-1907 гг. свершилась, а капиталистического хозяйства как господствующего уклада не сложилось ни в одном из ее течений. Тезис о том, что революция была буржуазной, не подтвердился практикой. Попытка капиталистической модернизации, предпринятая Столыпиным, была разрушительной и вела к пауперизации большей части крестьянства. Это была историческая ловушка, осознание которой оказывало на крестьян революционизирующее действие.

Именно урок революции 1905-1907 гг. заставил Ленина пересмотреть представление о смысле русской революции. В 1908 г., Ленин пишет статью, само название которой наполнено большим скрытым смыслом: “Лев Толстой как зеркало русской революции”. Уже здесь – совершенно новая трактовка революции. Ведь очевидно, что не мог быть Толстой зеркалом *буржуазной* революции. В этой статье Ленин осторожно выдвигает кардинально новую для марксизма идею о революциях, движущей силой которых является не устранение препятствий для господства “прогрессивных” производственных отношений (капитализма), а именно *предотвращение* этого господства – стремление не пойти по капиталистическому пути развития. Это – новое понимание сути русской революции, которое затем было развито в идейных основах революций других крестьянских стран.

Что отражает Толстой как “зеркало русской революции”? Теперь, согласно новому взгляду Ленина, он отражает “протест против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеления масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней”. Не буржуазная революция, а *протест против надвигающегося капитализма* ! Можно даже сказать, что крестьянская революция более *антибуржуазна*, нежели пролетарская, ибо крестьянство и капитализм несовместимы, а капитал и труд пролетария – лишь партнеры на рынке, спорящие о цене.

В 1910 г. Ленин пишет в связи со смертью Л.Н.Толстого: “Его непреклонное отрицание частной поземельной собственности передает психологию крестьянской массы... Его непрестанное обличение капитализма передает весь ужас патриархального крестьянства, на которое стал надвигаться новый, невидимый, непонятный враг, идущий откуда-то из города или откуда-то из-за границы, разрушающий все “устои” деревенского быта, несущий с собою невиданное разорение, нищету, голодную смерть, одичание, проституцию, сифилис...”. Здесь уже и речи нет о прогрессивном влиянии капитализма, устраняющем “азиатчину” из русской деревни. Наоборот, капитализм несет в нее одичание и невиданное разорение.

Определенно это новое представление о революции выразилось в Апрельских тезисах 1917 г. Суть этих тезисов и следующего за ними Октября как цивилизационного выбора отметили многие левые идеологи России и Европы. Плеханов и меньшевики, бундовцы и западные социал-демократы криком кричали, что вся стратегия Ленина противоречит марксизму, что это народничество и славянофильство. Лидер эсеров В.М.Чернов считал это воплощением “фантазий народников-максималистов”, лидер Бунда М.И.Либер (Гольдман) видел корни взглядов Ленина в славянофильстве. Отсюда – антисоветизм Плеханова и Засулич, смычка меньшевиков с белыми. На Западе сторонники Каутского определили большевизм как “азиатизацию Европы”. Стоит обратить внимание на это настойчивое повторение идеи, будто советский проект и представлявшие его большевики были силой *Азии*, в то время как и

либералы-кадеты, и даже марксисты-меньшевики считали себя силой *Европы*. Они подчеркивали, что их столкновение с большевиками представляет собой *войну цивилизаций*.

Напротив, А. Грамши писал в июле 1918 г. в статье “Утопия” об утверждениях, будто в России якобы буржуазия должна завершить необходимый этап буржуазной революции: “Где была в России буржуазия, способная осуществить эту задачу? И если господство буржуазии есть закон природы, то почему этот закон не сработал?.. Истина в том, что эта формула ни в коей мере не выражает никакого закона природы. Между предпосылкой (экономическая система) и следствием (политический строй) не существует простых и прямых отношений... То, что прямо определяет политическое действие, есть не экономическая система, а восприятие этой системы и так называемых законов ее развития. Эти законы не имеют ничего общего с законами природы, хотя и законы природы также в действительности не являются объективными, а представляют собой мыслительные конструкции, полезные для практики схемы, удобные для исследования и преподавания”.

Революция в России была отрицанием капитализма с его разделением на классы. Замечательно это выразил Грамши в статье “Революция против “Капитала” (5 января 1918 г.): “Это революция против “Капитала” Карла Маркса. “Капитал” Маркса был в России книгой скорее для буржуазии, чем для пролетариата. Он неопровержимо доказывал фатальную необходимость формирования в России буржуазии, наступления эры капитализма и утверждения цивилизации западного типа... Но факты пересилили идеологию. Факты вызвали взрыв, который разнес на куски те схемы, согласно которым история России должна была следовать канонам исторического материализма. Большевики отвергли Маркса. Они доказали делом, своими завоеваниями, что каноны исторического материализма не такие железные, как могло казаться и казалось”.

Таким образом, в отличие от марксистской теории классовой революции в России была создана теория революции, *предотвращающей* разделение на классы. Для крестьянских стран это была революция *цивилизационная* – она была средством спасения от втягивания страны в периферию западного капитализма. Там в России, где победили силы, стремящиеся стать «частью Запада», они выступали против Советской революции, выступая даже и под красным знаменем социализма. Примером стала Грузия. Здесь возникло типично социалистическое правительство под руководством марксистской партии, которое было непримиримым врагом Октябрьской революции и вело войну против большевиков. Президент Грузии Жордания (член ЦК РСДРП) объяснил это в своей речи 16 января 1920 г.: «Наша дорога ведет к Европе, дорога России – к Азии. Я знаю, наши враги скажут, что мы на стороне империализма. Поэтому я должен сказать со всей решительностью: я предпочту империализм Запада фанатикам Востока!»¹⁰.

Второй план в процессе преодоления В.И.Лениным рамок марксизма и развития представлений о судьбе периферийных стран мировой системы отражен в труде «Империализм как высшая стадия капитализма», написанном в 1916 г. в Цюрихе и напечатанном в середине 1917 г. в Петрограде. В дополнение к совершенному В.И.Лениным ранее (после революции 1905-1907 гг.) отходу от марксистских представлений о крестьянстве, «Империализм...» стал необходимым и достаточным блоком для выработки учения об антикапиталистической революции «в одной стране» – вне зависимости от участия в ней пролетариата развитых капиталистических стран. Таким образом, «Империализм...» является текстом, представляющим ядро *ленинизма* как новой теории революции.

Из приведенных в «Империализме...» данных об изъятии центром капитализма ресурсов периферии следует, что рабочий класс промышленно развитых стран Запада не является революционным классом (строго говоря, не является и пролетариатом). Это – важная предпосылка для преодоления присущего марксизму мессианского отношения к промышленному пролетариату и убеждения в том, что лишь мировая пролетарская революция может стать мотором освобождения народов от капиталистической эксплуатации. Преодоление этого постулата было условием для создания ленинской теории революции.

Этой теме в «Империализме...» уделено большое внимание. В ряде мест говорится, с обильным цитированием западных экономистов, о перемещении основной массы физического труда, в том числе промышленного, из Западной Европы «на плечи темнокожего человечества».

Приводятся данные о сокращении численности рабочих в Англии (15% населения в 1901 г.) и о числе рантье, по своему порядку сравнимом с числом рабочих (1 млн. рантье против 4,9 млн. рабочих).

Хотя по традиции В.И. Ленин говорит еще о рабочей аристократии и «собственно пролетарском низшем слое» в Англии, в приведенных им цитатах речь идет о вовлечении всего рабочего класса Запада в эксплуатацию периферии. Так, цитируемый В.И. Лениным английский экономист Дж.А. Гобсон пишет: «Господствующее государство использует свои провинции, колонии и зависимые страны для обогащения своего правящего класса и для подкупа своих низших классов, чтобы они оставались спокойными»¹¹.

В.И. Ленин приводит исключительно красноречивые рассуждения идеологов империализма (например, С. Родса) о том, что разрешение социальных проблем в самой метрополии было едва ли не важнейшей целью эксплуатации зависимых стран («Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами»). Эту проблему Запад успешно решил – его «низшие классы» оказались подкупленными в достаточной мере, чтобы оставаться спокойными, что подтверждается цитатами из текстов как буржуазных экономистов, так и западных социал-демократов.

Пожалуй, самой сильной иллюстрацией к этой теме служат приведенные В.И. Лениным высказывания самого Энгельса. Так, 7 октября 1858 г. (!) он писал Марксу: «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат *рядом* с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно» (с. 405). И это представление Энгельса, сложившееся к 1858 году, вполне устойчиво. 12 сентября 1882 г. он пишет Каутскому, что «рабочие преспокойно пользуются вместе с ними [буржуазией] колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке» (там же)¹².

Из этого прямо следовала установка большевиков, что уповать на пролетарскую революцию в метрополии капитализма не приходилось, а революция в странах периферийного капитализма, к которым относилась и Россия, неизбежно приобретала не только антикапиталистический, но и национально-освободительный характер, преодолевающий гнет иностранного капитала. Впоследствии ленинская теория революции получила развитие на опыте подобных революций в других крестьянских странах (Китае, Мексике, Индонезии, Вьетнаме и Алжире).

Видный историк Б. Мур пишет, анализируя все революции начиная с Крестьянской войны в Германии и кончая Китаем: «Главной социальной базой радикализма были крестьяне и мелкие ремесленники в городах. Из этих фактов можно сделать вывод о том, что дух человеческой свободы выражается не только в том, в чем видел Маркс – то есть в устремлениях классов, идущих к власти, но также – и, вероятно, даже больше – в предсмертном вопле класса, который вот-вот будет захлестнут волной прогресса».

Условием для победоносной революции в России было то уникальное сочетание чаяний и интересов общинного крестьянства и молодого рабочего класса, которое выразил Ленин в идее союза рабочих и крестьян. Сравнивая поведение рабочих в разных странах, мы должны были бы прийти к выводу, что революционным, отрицающим буржуазный порядок, был рабочий класс именно там, где он не потерял связь с землей, со своими крестьянскими корнями. Историк крестьянства Э. Вольф пишет: «Революционная активность, очевидно, является результатом не столько роста промышленного пролетариата как такового, сколько расширения промышленной рабочей силы, все еще тесно связанной с деревенской жизнью. Сама попытка среднего и „свободного“ крестьянина остаться в рамках традиций делает его революционным».

В некоторые редкие исторические моменты даже в странах Запада возникают революционные ситуации, в которых перед народом стоит не классовая, а общенациональная задача – предотвратить опасность выталкивания страны на периферию его цивилизационного пространства. О. Шпенглер пишет о том, как назревала в 20-е годы в Германии социалистическая «консервативная революция» (которая была сорвана другой, национал-социалистической революцией фашистов): «Немецкие консерваторы приходят к мысли о неизбежности социализма, поскольку либеральный капитализм означал для них

капитуляцию перед Антантой, тем мировым порядком, в котором Германии было уготовано место колонии»¹³.

В чем сходство теорий революции Маркса и Ленина? В том, что в обоих случаях объектом революционного изменения (разрушения) становился *базис* общества или, в терминах марксизма, производственные отношения. Смысл пролетарской революции состоял в экспроприации капиталистической частной собственности. Смысл революции в крестьянской стране – экспроприация феодальной и частной земельной собственности. Смысл «консервативной революции» в трактовке О.Шпенглера – переход к прусскому социализму как жизнеустройству, защищающему Германию от угрозы превращения ее в периферийный придаток Антанты. Для достижения этих целей и построения нового жизнеустройства на измененном базисе предполагались соответствующие революционные изменения и в надстройке – государстве, идеологии и пр.

В 30-е годы XX века, после изучения опыта всех великих революций прошлого, а также русской революции и национал-социалистической революции в Германии (фашизм), родилась принципиально новая теория, согласно которой первым объектом революционного разрушения становилась *надстройка* общества, причем ее наиболее «мягкая» и податливая часть – идеология и установки общественного сознания. Разработка ее связана с именем Антонио Грамши, основателя и теоретика Итальянской компартии.

Грамши создал новую теорию государства и революции – для городского общества, в отличие от ленинской теории, созданной для условий крестьянской России. Ключевой раздел труда Грамши – учение о *культурной гегемонии*. Это – часть общей теории революции как слома государства. Изложение ее содержится в «Тюремных тетрадах», огромном труде, который Грамши написал в тюрьме. Записи были тайно вывезены и через Испанию переправлены в Москву. Труд опубликован впервые в Италии в 1948-1951 гг., в 1975 г. вышло его четырехтомное научное издание с комментариями.

Выше был приведен постулат Макиавелли, согласно которому государство стоит *на силе и согласии*. Положение, при котором достигнут достаточный уровень согласия граждан и власти, Антонио Грамши называет *культурной гегемонией*. По его словам, «государство является гегемонией, облеченной в броню принуждения». Таким образом, принуждение – лишь броня гораздо более фундаментального содержимого. Более того, гегемония предполагает не просто согласие, но *благожелательное* (активное) согласие, при котором граждане желают того, что требуется власти (шире – господствующему классу). Грамши дает такое определение: «Государство – это вся совокупность практической и теоретической деятельности, посредством которой господствующий класс оправдывает и удерживает свое господство, добиваясь при этом активного согласия руководимых».

Если главная сила государства и основа власти – гегемония, то вопрос стабильности политического порядка и, напротив, условия его слома (революции) сводится к тому как достигается или подрывается гегемония. Кто в этом процессе является главным агентом? Каковы «технологии» процесса? Гегемония – не застывшее, однажды достигнутое состояние, а динамичный, непрерывный процесс. Ее надо непрерывно обновлять и завоевывать.

По Грамши, и установление, и подрыв гегемонии – процесс «молекулярный». Он протекает не как столкновение классовых сил (Грамши отрицал такие механистические аналогии, которые привлекает исторический материализм), а как невидимое изменение мнений и настроений в сознании людей. Грамши подчеркивает, что «гегемония, будучи этико-политической, не может также не быть экономической». Но он уходит от «экономического детерминизма» истмата, который делает упор на базисе, на отношениях собственности.

Гегемония опирается на «*культурное ядро*» общества, которое включает в себя совокупность представлений о мире и человеке, о добре и зле, множество символов и образов, традиций и предрассудков, знаний и опыта. Пока это ядро стабильно, в обществе имеется «устойчивая коллективная воля», направленная на сохранение существующего порядка. Подрыв этого «культурного ядра» и разрушение этой коллективной воли – условие революции.

Для подрыва гегемонии надо воздействовать не на теории противника и не на главные идеологические устои власти, а на обыденное сознание, на повседневные, «маленькие» мысли

среднего человека. И самый эффективный способ воздействия – неустанное повторение одних и тех же утверждений, чтобы к ним привыкли и стали принимать не разумом, а на веру. Это – не изречение некой истины, которая совершила бы переворот в сознании, какое-то озарение. Это «огромное количество книг, брошюр, журнальных и газетных статей, разговоров и споров, которые без конца повторяются и в своей гигантской совокупности образуют то длительное усилие, из которого рождается коллективная воля определенной степени однородности, той степени, которая необходима, чтобы получилось действие, координированное и одновременное во времени и географическом пространстве».

Главное действующее лицо в установлении или подрыве гегемонии – интеллигенция. Именно создание и распространение идеологий, установление или подрыв гегемонии того или иного класса – главный смысл существования интеллигенции в современном обществе. Это нагляднее всего видно как раз на примере «бархатных» революций конца XX века. Например, основную роль в подрыве легитимности политической системы ПНР сыграла участвующая в движении «Солидарность» специфическая польская интеллигенция.

Вот к какому выводу пришли польские ученые, изучая эту историю: «Автор и исполнитель программы „Солидарности“ – образованный класс. Он сформировался под влиянием национального, политического и культурного канона польского романтизма, культа трагического героя, подчинения политической активности моральным требованиям и приоритета эмоций над рационалистическим типом поведения. Мифологизация политики, сведение ее к этической сфере, подмена политической конкретики абстракциями – результат огромного влияния художественной литературы на формирование политической традиции страны в XIX в. Это влияние сохранилось и даже усилилось во время войн и общественных кризисов XX в. Оно характерно и для 1948-1989 гг., когда литература выполняла роль „невидимого правительства“, а „польским героем“ был, по выражению И. Курчевской, ангелоподобный член идеального с моральной точки зрения сообщества, католик, защитник наследия национальной культуры, но не гражданин в представлении западной демократии»¹⁴.

Учение Грамши о гегемонии стало важной главой в современной политологии. С использованием предложенной им методологии ведется много прикладных исследований и разработок. Во многих случаях противостоящие политические силы сознательно планировали свою кампанию как борьбу за гегемонию в общественном сознании по конкретному вопросу. Так было, например, в Великобритании во время кампании Тэтчер по приватизации в 1984-1985 гг. – английские профсоюзы, противодействующие приватизации, пытались склонить на свою сторону общественное мнение, но проиграли соревнование за гегемонию. В результате англичане дали согласие на приватизацию и отшатнулись от тэтчеризма только, когда испытали ее последствия на своей шкуре.

Исходя из положений этой теории была «спроектирована» и гласность в СССР как программа по подрыву гегемонии советского строя. Когда «кризис гегемонии» созрел и возникает ситуация «войны», нужны уже, разумеется, не только «молекулярные» воздействия на сознание, но и быстрые целенаправленные операции, особенно такие, которые наносят сильный удар по сознанию, вызывают шок (типа провокации в Румынии в 1989 г. или «путча» в Москве в августе 1991 г.). Эти открытые действия по добиванию власти, утратившей культурную гегемонию, ведут, согласно концепции Грамши (в отличие от Маркса), не классовые организации, а *исторические блоки* – временные союзы внутренних и внешних сил, объединенных конкретной краткосрочной целью свержения власти. Эти блоки собираются не по классовым принципам, а ситуативно, и имеют динамический характер. Их создание и обновление – важная часть политической деятельности.

Теория революции Грамши развивается множеством авторов, на ее основе пишутся даже учебники. К ним относится, например, книга Дж. Шарпа «От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения». Она издана в 1993 году и является учебным пособием для активистов «оранжевых революций». Лежащая в основе этого текста доктрина управления сознанием масс и идеология экспорта демократии отчетливо проявились в уже произошедших грузинских и украинских событиях¹⁵. Текст Дж. Шарпа размещен на сайте его собственного института (www.aeinstein.org), а также на сайтах грузинской «Жмары» и молодежной организации белорусской оппозиции «Зубр», созданной для борьбы с «диктатурой Лукашенко».

Имеется он и на российских сайтах¹⁶.

В логике учения Грамши велся подрыв гегемонии социалистических сил в СССР и странах Восточной Европы в 70-80-е годы. Этому служил и самиздат, и передачи специально созданных на Западе радиостанций, и массовое производство анекдотов, и работа популярных юмористов или студенческое движение КВН в СССР. Массовая «молекулярная» агрессия в сознание велась непрерывно и подтачивала культурное ядро.

Особое значение имел театр. В США сделаны диссертации о роли театра в разрушении культурного ядра социалистических стран¹⁷. Так, например, рассмотрена работа известного в ГДР театра Хайнера Мюллера, который в своих пьесах ставил целью «подрыв истории снизу». Это – типичный пример явления, названного «анти-институциональный театр», то есть театр, подгрызающий общественные институты. Согласно выводам исследования, постановщики сознательно «искали трещины в монолите гегемонии и стремились расширить эти трещины – в перспективе вплоть до конца истории». Концом истории издавна было названо желаемое крушение противостоящего Западу «советского блока».

Вершиной этой «работы по Грамши» была, конечно, перестройка в СССР («грамшианская революция»). Она представляла собой интенсивную программу по разрушению идей-символов, которыми легитимировалось *идеократическое* советское государство. Мир символов упорядочивает историю народа, общества, страны, связывает в нашей коллективной жизни прошлое, настоящее и будущее. В отношении прошлого символы создают нашу общую память, благодаря которой мы становимся народом. В отношении будущего символы соединяют нас в народ, указывая, куда следовало бы стремиться и чего следовало бы опасаться. Тем свойством, благодаря которому символы выполняют свою легитимирующую роль, является *авторитет*. Символ, лишенный авторитета, становится разрушительной силой – он отравляет вокруг себя пространство, поражая целостность сознания людей.

Как писал известный католический богослов Р.Гвардини, «разрушение авторитета неизбежно вызывает к жизни его извращенное подобие – насилие». Огромным экспериментом был тот «штурм символов», которым стала Реформация в Западной Европе. Ее опыт глубоко изучил Грамши при разработке учения о гегемонии. Результатом Реформации была такая вспышка насилия, что Германия потеряла 2/3 населения.

Поскольку советское государство было *идеократическим*, его легитимация и поддержание гегемонии опирались именно на авторитет символов и священных идей, а не на политический рынок индивидуального голосования. Во время перестройки идеологи перешли от «молекулярного» разъедания мира символов, который вели «шестидесятники», к его открытому штурму. Этот штурм был очень эффективным.

Важное отличие теории революции Грамши от марксистской и ленинской теорий было и то, что Грамши преодолел свойственный историческому материализму *прогрессизм*. И Маркс, и Ленин отвергали саму возможность революций *регресса*. Такого рода исторические процессы в их концепциях общественного развития выглядели как *реакция* или контрреволюция. Как видно из учения о гегемонии, любое государство, в том числе прогрессивное, может не справиться с задачей сохранения своей культурной гегемонии, если исторический блок его противников обладает новыми, более эффективными средствами агрессии в культурное ядро общества.

У Грамши перед глазами был опыт фашизма, который применил средства манипуляции сознанием, относящиеся уже к эпохе постмодерна и подорвал гегемонию буржуазной демократии – совершил типичную революцию регресса. Но теория истмата оказалась не готова к такому повороту событий. Недаром немецкий философ Л.Люкс после опыта фашизма писал: «Благодаря работам Маркса, Энгельса, Ленина было гораздо лучше известно об экономических условиях прогрессивного развития, чем о регрессивных силах». При этом, опять же, подрыв культурных устоев, которые могли бы противостоять соблазнам фашизма, проводился силами интеллигенции. Л.Люкс замечает: «Именно представители культурной элиты в Европе, а не массы, первыми поставили под сомнение фундаментальные ценности европейской культуры. Не восстание масс, а мятеж интеллектуальной элиты нанес самые тяжелые удары по европейскому гуманизму, писал в 1939 г. Георгий Федотов».

Более того, элита советских коммунистов, получившая в 30-е годы образование,

основанное на прогрессистских постулатах Просвещения (в версии исторического материализма), долго не могла поверить, что в Европе может произойти такой сдвиг в сфере сознания. Это не позволило осознать угрозу фашизма в полном объеме. Это особо подчеркивает Л.Люкс: «После 1917 г. большевики попытались завоевать мир и для идеала русской интеллигенции – всеобщего равенства, и для марксистского идеала – пролетарской революции. Однако оба эти идеала не нашли в „капиталистической Европе“ межвоенного периода того отклика, на который рассчитывали коммунисты. Европейские массы, прежде всего в Италии и Германии, оказались втянутыми в движения противоположного характера, рассматривавшие идеал равенства как знак декаданса и утверждавшие непреодолимость неравенства рас и наций. Восхваление неравенства и иерархического принципа правыми экстремистами было связано, прежде всего у национал-социалистов, с разрушительным стремлением к порабощению или уничтожению тех людей и наций, которые находились на более низкой ступени выстроенной ими иерархии. Вытекавшая отсюда политика уничтожения, проводившаяся правыми экстремистами, и в первую очередь национал-социалистами, довела до абсурда как идею национального эгоизма, так и иерархический принцип».

Оптимизм, которым было проникнуто советское мировоззрение, затруднил понимание причин и глубины того кризиса Запада, из которого вырвалась фашистская революция. Л.Люкс пишет по этому поводу: «Коммунисты не поняли европейского пессимизма, они считали его явлением, присущим одной лишь буржуазии... Теоретики Коминтерна закрывали глаза на то, что европейский пролетариат был охвачен пессимизмом почти в такой же мере, как и все другие слои общества. Ошибочная оценка европейского пессимизма большевистской идеологией коренилась как в марксистской, так и в национально-русской традиции».

Опыт фашизма показал ограниченность тех теорий общества, в которых не учитывалась уязвимость надстройки, общественного сознания. Крупнейший психолог нашего века Юнг, наблюдая за пациентами-немцами, написал уже в 1918 г., задолго до фашизма: “Христианский взгляд на мир утрачивает свой авторитет, и поэтому возрастает опасность того, что “белокурая бестия”, мечущая ныне в своей подземной темнице, сможет внезапно вырваться на поверхность с самыми разрушительными последствиями”.

Потом он внимательно следил за фашизмом и все же в 1946 г. в эпилоге к своим работам об этом массовом психозе (“немецкой психопатии”) признал: “Германия поставила перед миром огромную и страшную проблему”. Он прекрасно знал все “разумные” экономические, политические и пр. объяснения фашизма, но видел, что дело не в реальных “объективных причинах”. Загадочным явлением был именно массовый, захвативший большинство немцев психоз, при котором целая разумная и культурная нация, упрятав в концлагеря несогласных, соединилась в проекте, который вел к краху.

Иррациональные установки владели умами интеллигенции и рабочих во время «бархатных» революций в странах Восточной Европы. Они ломали структуры надежно развивавшегося общества и расчищали дорогу капитализму, вовсе того не желая. Польские социологи пишут об этом явлении: «Противостояние имело неотрадиционалистский, ценностно-символический характер („мы и они“), овеяно ореолом героико-романтическим – религиозным и патриотическим. „Нематериалистическим“ был сам феномен „Солидарности“, появившийся и исчезнувший... Он активизировал массы, придав политический смысл чисто моральным категориям, близким и понятным „простому“ человеку – таким, как „борьба добра со злом“... Широко известно изречение А.Михника: „Мы отлично знаем, чего не хотим, но чего мы хотим, никто из нас точно не знает“.

Подобный слом произошел в СССР в конце 80-х годов. Поведение огромных масс населения нашей страны стало на время обусловлено не разумным расчетом, не “объективными интересами”, а именно всплеском коллективного бессознательного. Это поведение казалось той части народа, которая психозом не была захвачена, непонятным и необъяснимым. В некоторых частях сломанного СССР раскачанное идеологами коллективное бессознательное привело к крайним последствиям. Возьмите Армению начала 90-х годов. Нет смысла искать разумных расчетов в ее войне с Азербайджаном – шансов на успех в такой изнурительной войне почти не было. Это – массовый психоз, вызванный политиками для свержения советского строя и разрушения СССР.

«Процесс начавшихся на постсоветском пространстве народно-демократических революций обрел облик, характерный для неустойчивых эмоционально-психологических состояний. Вчера по отношению к властям – высочайший рейтинг политического доверия и симпатии, завтра – катастрофический провал, антагонизм, приводящий вчерашних кумиров практически к свержению. Так случилось с Шеварднадзе, Кучмой, Акаевым»¹⁸.

Перестройка и начальная фаза рыночной реформы в СССР – чистый случай революции регресса, и его совершенно не могло предсказать советское обществоведение исходя из теорий революции Маркса и Ленина. Кто в 90-е годы поддержал Ельцина, если не считать ничтожную кучку “новых русских” с их разумным, даже циничным расчетом, и сбитуую с толку либеральную интеллигенцию? Поддержали именно те, в ком выиграло обузданное советским строем *антицивилизационное* коллективное бессознательное. Эти внеклассовые массы людей, освобожденные от рациональности заводов и КБ, правильно поняли клич Ельцина “я дал вам свободу!” В самом понятии *рынок* их слух ласкал эпитет: *стихийный* регулятор. А понятие плана отталкивало неизбежной *дисциплиной*. И к этим людям, как запорожцы босым, но пьяным и веселым, КПРФ взывала: выберите нас, мы восстановим производство и вернем вас к станку и за парты.

Когда такая *революция регресса* происходит с половиной народа и он начинает “жечь костры и в церковь гнать табун”, то это – национальная катастрофа. Это вовсе не возврат к досоветской российской цивилизации («контрреволюция через 70 лет»), а *«революция гунна»*, имеющая цивилизационное измерение. В РФ оно выражается в демонтаже главных структур современной цивилизации – промышленности, науки, образования, больших технических систем (типа Единой энергетической системы).

Революция может иметь причиной глубокий конфликт в отношении всех фундаментальных принципов жизнеустройства, всех структур цивилизации, а вовсе не только в отношении способа распределения произведенного продукта («прибавочной стоимости»). Например, многие немецкие мыслители первой половины XX в. считали, что та революция в Германии, которая возникла в результате Первой мировой войны, имела в своем основании отношение к *государству*. О.Шпенглер приводит слова видного консерватора И.Пленге о том, что это была «революция собирания и организации всех государственных сил XX века против революции разрушительного освобождения в XVIII веке». О.Шпенглер поясняет: «Центральной мыслью Пленге было то, что война привела к истинной революции, причем революции социалистической. „Социализм есть организация“, он предполагает плановое хозяйство и дисциплину, он кладет конец эпохе индивидуализма»¹⁹.

Понятно, что такая революция совершенно противоречит теории Маркса, ибо для марксизма государство – лишь *паразитический нарост* на обществе. О.Шпенглер отмечает: «Маркс и в этом отношении превратился в англичанина: *государство не входит в его мышление*. Он мыслит при помощи образа *society* – безгосударственно»²⁰.

Главным предметом данной книги является специфический тип революций, который иногда обозначается словом «цветные», а чаще словом «оранжевые» – по названию самой крупной из них, которая произошла на Украине в конце 2004-начале 2005 г. Две другие сходные революции имели место в 2000 г. в Югославии и в 2003 г. в Грузии. Описание и анализ «оранжевых» революций предваряет краткий очерк их предшественниц, особенно «бархатных» революций 80-х годов в восточноевропейских социалистических странах.

«Оранжевые» революции – это революции, не просто приводящие к смене властной верхушки государства и его геополитической ориентации, а и принципиально меняющие основание легитимности всей государственности страны. Более того, меняется даже местонахождение *источника легитимности*, он перемещается с территории данного государства в *метрополию*, в ядро мировой системы капитализма. Такое глубокое изменение государственности имеет цивилизационное измерение.

Наблюдатели, следующие представлениям о революциях, принятым в историческом материализме (революция как смена формации), отрицают за «бархатными» и «оранжевыми» операциями по смене власти статус *революций*. Российские политологи О. Маслов, А. Прудник так пишут об «оранжевой» революции в Грузии и на Украине: «События 1991 года не могут быть названы бархатной революцией по той простой причине, что в стране произошла смена

общественно-экономической формации. Но зададимся простым вопросом: произошла ли смена общественно-экономической формации на Украине, в Грузии и в Киргизии? Безусловно, нет. Это и позволяет говорить о том, что необходимо отделить классическое понятие революции, исторически сложившееся в массовом сознании граждан России, от понятия бархатной революции, которая, по сути дела, революцией не является.

Объективный анализ событий на Украине, Грузии и Киргизии позволяет утверждать, что данные бархатные революции – это форма смены элит на постсоветском пространстве. Не более того... Будущая оранжевая революция в Москве – это не более чем смена элит. Причем значительная часть нынешней федеральной властной элиты в состоянии реально сохранить свои позиции во власти. Так стоит ли из-за этого проливать кровь тех молодых ребят, которые в скором времени будут приезжать в Москву из сотен российских больших и малых городов?..

Более того, будущая оранжевая революция призвана аккумулировать в себе значительную часть негативной энергии общества, и это позволит сформировать новый спектр позитивных общественных ожиданий. Таким образом, оранжевая революция в состоянии отодвинуть на вполне определенное время новую классическую российскую революцию. Если за победой оранжевой революции не последует реальная трансформация политической и экономической системы общества, ведущая к позитивным изменениям в жизни граждан страны, то новая классическая революция не заставит себя ждать. В XXI веке тоже будет свой «1917 год»²¹.

Действительно, в данной книге не идет речи о *классических* революциях. Но общественные явления вообще, а революции в частности, и не ограничиваются классикой. Смена власти и в Грузии, и на Украине сопровождалась глубокими структурными изменениями не только в государстве и обществе этих стран, но и в структуре *мироустройства*. Две *постсоветские* территории резко изменили свой цивилизационный тип и траекторию развития – они вырваны из той страны, которая еще оставалась на месте СССР, хотя и с расчлененной государственностью. Они перестали быть постсоветскими. Будущее покажет, будет ли это новое состояние устойчивым, но в данный момент приходится признать, что свершилась именно революция.

Разумеется, эти *неклассические* революции по многим своим важнейшим признакам отличаются от прежних и классовых, и цивилизационных революций. В том числе и по той роли, которую играют внешние силы. М.Ремизов пишет: «Революции всегда в той или иной степени служили целям внешних агентов (хотя бы потому, что в краткосрочном плане они ослабляют общественный организм) и как-то инспирировались извне. Но в великих революциях “внешний фактор” был именно внешним, привходящим по отношению к самому революционному акту. В случае “бархатных революций” все иначе: поддержка извне является их внутренней чертой, входит в онтологию события, становится краеугольным камнем новой легитимности»²².

Для нашей цели – описания и анализа «бархатных» и «оранжевых» революций, которые сложились как специфическая политическая технология свержения государственной власти в самые последние десятилетия (*на пороге постмодерна*) – нет необходимости вдаваться в детальную классификацию множества революций второй половины XX века. Главное – принять и осмыслить тот факт, что реально имевшие место в XX веке революции вызваны необходимостью решать задачи не столько формационного характера, сколько цивилизационного.

Мы видели революции, в которых часть общества добивалась изменения главных структур жизнеустройства в соответствии со своими представлениями о благой жизни, но при этом формационные изменения имели для этой части общества второстепенное значение, были лишь инструментами изменения. Таковы были и революция кадетов, и революция либеральной интеллигенции в СССР, и массовый порыв части украинского общества в 2003-2004 гг. Но мы видели и революции, которые другая часть общества производила, чтобы предотвратить эти изменения, противоречащие ее представлениям о благой жизни – и для этого приходилось переделывать общественно-экономические структуры.

Для понимания и предвидения хода революций надо вглядываться не только в противоречия, созревшие в базисе общества, но и в процессы, происходящие или целенаправленно возбуждаемые в надстройке общества – в культуре, идеологии и сфере

массового сознания. Грамши дал сильную теорию таких революций, а в последние полвека накапливается и систематизируется богатый эмпирический материал. Эта работа достигла того уровня зрелости, когда появилась возможность быстро разрабатывать технологии таких революций применительно к конкретной социокультурной обстановке.

Глава 2. Ненасильственный характер – принцип “бархатных революций”

Как уже говорилось, основной формой организации жизни больших сообществ людей является *государство*. Лишь оно позволяет обеспечить существование и развитие целых народов в течение времени, во много раз превышающего срок человеческой жизни. Задача государства – сохранение страны и народа²³.

В разных типах общества набор функций государства несколько различен. Либеральное государство западного общества сокращает свои функции, стремится стать “маленьким”, как можно меньше участвовать в экономической жизни и решении социальных проблем. Патерналистское государство традиционных обществ берет на себя многие из этих функций. Но существует минимум задач, которые должно выполнять всякое государство.

Первая задача государства – защита народа и его территории от тех опасностей, от которых люди не могут защититься самостоятельно или мелкими группами²⁴. Это защита и от внешнего врага, и от межгруппового насилия в социальных, межнациональных и религиозных конфликтах, от преступников, от стихийных бедствий и эпидемий. Без своего государства и правительства народ беззащитен.

Для выполнения функций обеспечения безопасности государство организует “силовые структуры”. Защита от внешнего врага осуществляется армиями, защита от преступного насилия и принуждение к выполнению законов – правоохранными органами. Без легитимного государственного насилия не может существовать никакая страна и никакой народ. Утрата, даже в небольшой степени, монополии государства на легитимное насилие является первым признаком краха государственности. Даже до совершения актов такого насилия (например, казней по приговору “народного” суда) само возникновение незаконных вооруженных и даже невооруженных, но организованных по военному типу формирований есть признак развала государства.

Понятно, что силовые структуры выполняют свою задачу лишь в том случае, если они независимы от всех сил, создающих угрозу государству и народу – иностранных государств, преступных сообществ, радикальных политических борцов против государства. Армия и полиция, попадающие под теньевую контроль этих сил (неважно, по каким причинам – из-за коррупции, страха или из идейных соображений), сами становятся одним из главных источников опасности для государства.

Важной составляющей государственной системы являются общественные организации, прямо не включенные в аппарат государственной власти. Это политические партии и средства массовой информации, профессиональные, культурные, религиозные, благотворительные организации. Через них государство и конкурирующие с ним силы насаждают свое мировоззрение и свою идеологию, укрепляют свое влияние, добиваются поддержки своей политики со стороны союзников и ослабляют влияние противостоящих социальных групп. Право – это система норм, запрещающих силой закона определенные действия, а идеология – это система идей и представлений о добре и зле, о правильных и запрещенных действиях.

Государство и все общественные силы исходят из более или менее устойчивых представлений о грозящих им опасностях и угрозах. В момент единения власти и общества эти представления в основном совпадают, в условиях раскола общества и разброда во власти эти “карты опасностей” сильно различаются. В предельном состоянии *Смуты* в умах царит хаос – государство и общество становятся беззащитными, т.к. перестают видеть реальные угрозы и не могут соединиться для их отражения.

“Карта опасностей”, которую обязана составлять и регулярно обновлять власть, в идеале должна совпадать с реальной системой опасностей. Представление об угрозах, которое

складывается в массовом сознании (“карта страхов”) гораздо более подвижно и целенаправленно деформируется с помощью идеологического воздействия – и самой властью, и подрывными силами. Иногда власть, чтобы избежать дестабилизации и панических настроений, преуменьшает реальные угрозы, а иногда, наоборот, преувеличивает их, чтобы мобилизовать и сплотить общество. Воздействие на чувство страха как особый срез духовной сферы – вещь очень сложная. В этих действиях нередко совершаются тяжелые ошибки, в них легче вклиниться враждебным государству силам и внедрить в сознание “ложные программы”²⁵.

Для темы данной книги непосредственно важны те опасности для государства, которые возникают в ходе подготовки *революции*. Это, прежде всего, опасность свержения самой власти и глубокого изменения типа государственности. Как правило, в стабильном государстве смена и первых лиц, и властной команды происходит регулярно в соответствии с принятыми правовыми процедурами. При наличии противоречий в самой правящей верхушке возникают нештатные ситуации (как например, при снятии Н.С.Хрущева в СССР в 1964 г.), но они практически не затрагивают общества и носят характер “дворцового переворота”.

Проблема возникает, когда правящие силы решают заменить властную команду на другую, более подходящую в новых, изменившихся условиях²⁶. Когда смена этой команды (включая президента или премьер-министра) мало затрагивает интересы конфликтующих сил, она проходит гладко и никто не сопротивляется. Особенно легко это происходит в президентских республиках, ибо с отдельным политиком можно договориться, ему можно пригрозить или в крайнем случае “ликвидировать”. Для его замены не требуется дорогостоящих операций типа “революции”.

Другое дело, когда правителей заменяют, чтобы изменить направление деятельности власти, поставить перед ней принципиально новые цели. Это вызывает сопротивление влиятельных общественных сил. Даже если верховный правитель и сам был бы рад, получив хорошие отступные, удалиться от власти, уступив место более подходящему “менеджеру”, ему этого не позволяет его окружение (“хунта”). Ведь оно тоже имеет средства воздействия на “первое лицо” – хотя бы с помощью шантажа. В этих случаях и приходится устраивать перевороты. Лучше “бархатные”, без большого насилия. Это обходится дешевле и не создает риска породить реальное сопротивление части народных масс.

Типичным примером такой смены властной бригады была замена Горбачева на Ельцина в 1991 г. Команда Горбачева сделала для демонтажа советской политической и экономической системы все, что позволяли доктрина, риторика, сам образ этой команды. Соблазнив людей знаменем, на котором написано “Больше социализма! Больше социальной справедливости!”, нельзя было проводить обвальную приватизацию. Такое грубое нарушение приличий как раз и снимает наваждение, чего никак нельзя допускать. Поэтому была разработана программа “свержения” команды Горбачева – программа стандартная и классическая. Граждане смотрели большой политический спектакль – и верили в него настолько, что и спустя 15 лет Горбачев может появляться на публичной сцене и рассказывать, как он страдал оттого, что ему никак не удавалось устроить “социализм с человеческим лицом”.

Если бы изменения в целях и способе действий властной верхушки, которые вызывают смену ее персонального состава, касались только интересов конкурирующих группировок в правящем слое, то это нас мало бы касалось. Дворцовые перевороты всегда были и будут. Но если приходится проводить революцию, хотя бы и “бархатную”, то это значит, что будут затронуты жизненные интересы большей части народа. В этих случаях быть безучастным наблюдателем глупо. Тут надо смотреть в оба и постараться воздействовать на ход событий. Как правило, соотношение *потенциальных* сил позволяет это сделать, но обществу не удается превратить свои потенциальные возможности в *активные* – его сознание подавлено манипуляторами. Действует гипноз – мозг затуманен, руки не двигаются. Под звуки волшебной дудочки колонны людей бредут голосовать – за Ельцина, Кучму, Ющенко, Шеварднадзе, Саакашвили...

Возможность государства нейтрализовать эти опасности на этапе их созревания, а также преодолеть их в самый момент революции во многом зависит от способности власти выстроить “карту опасностей”, в достаточной мере приближенную к реальности. “Бархатные” революции происходят лишь в тех странах, государственная власть которых потеряла эту способность и в

своих действиях ориентируется по слишком недостоверной “карте”, а то и вообще “пользуется картой другого района”.

Причины этого многообразны. К фундаментальным причинам надо отнести *мировоззренческую* неадекватность власти. Она выражается, прежде всего, в унаследованном от философии модерна *механицизме*. Более трех веков в культуре Запада господствовало навеянное ньютоновской картиной мироздания представление об обществе и государстве как *машинах*. Происходящие в них процессы виделись как движение *масс* под действием *сил*. Соответственно, и угрозы государству власть видела как существование *массы* противников, накапливающих *силу*, которую они и собираются обрушить на защитные *силовые* структуры государства.

Средства преодоления этой угрозы виделись в укреплении этих силовых структур. Всякие рассуждения о “силе идей” воспринимались властью как лирическая метафора, указывающая на второстепенный фактор. Механистическое мировоззрение просто не позволяло власти увидеть иные угрозы или найти на них адекватный ответ²⁷. Такая власть, как показал опыт, оказывается не готовой к действиям против революции, *не применяющей “механическую” силу* (хотя бы на решающем первом этапе).

Политолог и депутат Госдумы Р.Шайхутдинов пишет: “Среди угроз власти, которые способна “различить” и выявить сегодняшняя власть, есть только материальные угрозы: нарушение территориальной целостности, диверсии и саботажи, угроза военного нападения или пограничных конфликтов, экономические угрозы и т.п... Огромное количество “нематериальных угроз”, связанных с политическими институтами, с населением и его сознанием и ментальностью, с символическими и коммуникативными формами, с интерпретациями и чужим экспертированием, остаются вне зоны внимания власти, прессы, политтехнологов.

Та власть, к которой мы привыкли, умеет видеть, как у неё пытаются захватить территорию, украсть деньги, но в Украине совершенно незаметно для всех у государства украли репутацию, авторитет и часть граждан, “перевербовав” их в свой народ. А, например, в США сформулировано такое понятие, как “угроза демократии”. Или “приверженность идеалам свободы”. Одно это позволяет американцам объявлять зоной своих жизненных интересов любую точку планеты, где, по их понятию, нарушается демократия или откуда исходит угроза свободе”²⁸.

Как говорилось выше, типичная государственная власть *современного* типа до сих пор мыслит революцию в категориях *марксизма* (даже если кадры этой власти о Марксе не слышали). Это внедрено в сознание системой образования, которое построено на постулатах и логических нормах Просвещения. “Бархатные” революции не могут быть описаны и поняты в понятиях теорий революции Маркса и Ленина. Даже Грамши задал лишь методологическую канву для их понимания. В социокультурном плане это революции *постмодерна*, генетически связанные с революцией 1968 г. во Франции.

Главное заключается не в каких-то отдельных аспектах этого явления, а в том, что оно представляет собой совершенно новую, незнакомую власти систему. М.Ремизов отметил уже очевидную, но почти еще непонятую вещь: “Сам феномен бархатных революций имеет абсолютно неклассическую, постсовременную природу. Он принадлежит неоимперскому миру, а не старому доброму миру суверенных наций”.

Итак, первое принципиальное качество “бархатных” революций, которое использует мировоззренческую слабость (механицизм мышления) государственной бюрократии – их *ненасильственный* характер или, по меньшей мере, создание полной иллюзии безопасного ненасильственного развития событий. Он нейтрализует главную силу, которую государство готовит для отражения революции – его силовые структуры.

Конечно, все революции и вообще все попытки борьбы с властью, в том числе в их насильственной фазе, всегда содержали и “бархатную” составляющую, использовали методы *ненасильственного* давления на власть. Популярное американское руководство по проведению “бархатных” революций (Дж.Шарп) гласит: “Случаи ненасильственного сопротивления известны еще примерно с 494 г. д.н.э., когда плебеи лишили своей поддержки своих римских хозяев-патрициев. Ненасильственная борьба применялась в различные эпохи народами не

только Европы, но и Азии, Африки, обеих Америк, Австралии и островов Тихого океана”²⁹. Во Франции знаменитый поход женщин на Версаль, возглавленный проституткой Теруань де Мерикур, привел к фактическому падению французской монархии за три года до ее юридического упразднения. Этот опыт изучался, арсенал методов постоянно расширялся.

Дж.Шарп пишет: “Подобно вооруженным силам, политическое неповиновение может быть использовано в различных целях, от оказания влияния на противников с целью вызвать определенные действия или создания условий для мирного разрешения конфликта до разрушения ненавистного режима... Ненасильственная борьба намного более сложное и разнообразное средство борьбы, чем насилие. Вместо насилия, борьба ведется психологическим, социальным, экономическим и политическим оружием, применяемым населением и общественными институтами... Любое правительство может править постольку, поскольку оно способно пополнять необходимые источники силы путем сотрудничества, подчинения и послушания со стороны населения и общественных институтов. В отличие от насилия, политическое неповиновение обладает уникальной способностью перекрывать такие источники власти”.

Пожалуй, самое крупное применение методов неповиновения в XX веке – успешная стратегия партии Индийский национальный конгресс по ненасильственному освобождению Индии от колониальной зависимости. Множеством “малых дел и слов” партия завоевала прочную культурную гегемонию в массе населения. Колониальная администрация и проанглийская элита были бессильны что-либо противопоставить – они утратили необходимый минимум согласия масс на поддержание прежнего порядка.

Вот более близкий для нас пример – начало революции 1905 г. Одним из важных принципов государственного устройства царской России был запрет на подачу петиций. Только дворянство имело право ходатайствовать перед царем о сословных и государственных нуждах, но и это право было ликвидировано в 1865 г. Участие в составлении прошений, в которых можно было усмотреть постановку общественно значимых вопросов, по закону строго каралось, особенно если прошение предназначалось к подаче самому царю.

В 1904 г. обострился конфликт царского правительства с земским движением. Земцы пытались склонить царскую власть на путь реформ, предоставляя ей инициативу, чтобы реформы не выглядели результатом давления снизу. Но это не было принято царем, он отвечал, что реформ “хотят только интеллигенты, а народ не хочет”. Царь запретил проводить земский съезд, но его по обоюдному согласию провели как частное совещание.

Вслед за земским съездом 1904 г. либеральная оппозиция прибегла к новой форме легальной борьбы – она начала “банкетную кампанию”. В губернских городах собирались многолюдные банкеты с участием радикальной интеллигенции, произносились речи, выдвигались конституционные требования и принимались резолюции. Хотя над этими банкетами подшучивали (конституционные требования “за осетриной с хреном”), они ставили режим в трудное положение. Репрессии против участников банкета выглядели бы глупо и были неэффективны, так что оппозиционные выступления оказались легализованы явочным порядком и стали привычными. Директор Департамента полиции А.А.Лопухин считал банкеты более вредными, чем студенческие демонстрации.

Резолюции банкетов оформлялись как *петиции*, которые были запрещены законом. Таким образом, и петиции были де-факто легализованы. Дошло до того, что петицию с требованием участия выборных представителей в законодательстве написали собравшиеся в Москве 23 губернских предводителя дворянства. Затем московская городская дума единогласно постановила направить правительству требования, аналогичные решениям земского съезда.

Власть почувствовала себя в ловушке, а в этих условиях принятие любого решения сопряжено с большой неустранимой неопределенностью – трудно оценить последствия. В таком состоянии нередко предпринимаются действия, которые и современникам, и будущим историкам кажутся необъяснимыми, неадекватными или даже абсурдными. Обычно в массовом сознании возникает даже идея, что эти действия являются результатом заговора каких-то дьявольски хитрых теневых сил³⁰.

Так царским правительством было принято решение о расстреле мирной демонстрации рабочих 9 января 1905 г. (“Кровавое воскресенье”). Трудно восстановить логику рассуждений,

которые привели к этому беспрецедентному для российского государства решению, имевшему катастрофические последствия. С точки зрения формально действующего права намерение рабочих прийти с хоругвями к Зимнему дворцу и подать царю петицию было преступлением. Исходя из этих формальных норм права власти и решили не допустить демонстрантов с петицией в центр Петербурга.

Но эта логика была несостоятельной, поскольку на деле право петиций уже было введено в России явочным порядком во время широкой “банкетной кампании” либералов в 1904 г. Право подать царю прошение быстро укоренилось в массовом сознании и уже воспринималось как естественное право. Таким образом, возникло резкое противоречие между представлением о праве у государственной верхушки и у рабочей массы, и после расстрела власть стала в глазах рабочих нелегитимной³¹. Так ненасильственные акции либеральных кадетов, которые власть не решилась и не сумела пресечь, создали условия для тоже ненасильственной акции рабочих, на которую власти ответили массированным насилием – и был запущен маховик революции³².

Ненасильственный характер действий со стороны оппозиции (особенно если их совершает “приличная” публика, как на банкетах либеральной профессуры) притупляет саму способность власти видеть угрозы, служит как “обезболивание” государства на первом этапе революций и мятежей. Государство перестает реагировать на сигналы, которые в нормальной ситуации повлекли бы самые решительные действия. Например, если оппозиция получает финансирование от иностранных государств для подготовки свержения существующей власти, то в случае привычных “силовых” действий оппозиции вроде устройства баррикад еще можно было бы ожидать активных действий по пресечению этих финансовых потоков. А при всех “бархатных” революциях финансирование оппозиции из-за рубежа ведется совершенно открыто, и власть стесняется этому воспрепятствовать.

Технология “бархатных” революций использует слабость устройства большинства современных государств, исповедующих уважение свободы слова и собраний. В этих государствах в массы и особенно в умы работников правоохранительных органов внедрена идея о недопустимости насилия по отношению к тем, кто не совершает насильственной агрессии – даже если формально допускает “мягкие” правонарушения. Эта *неполноценность государственности* была заложена, как программа-вирус, в механизм власти всех стран переходного типа, в которых правящий слой отказался от продолжения большого проекта, альтернативного “либерально-демократическому проекту Запада”, впад в соблазн быть принятым в глобальную элиту “мирового сообщества”.

Во всех таких странах была проведена *перестройка* – отказ от греха “тоталитаризма” в политической сфере и отказ от греха “огосударствления” в сфере экономики. В этот период производятся революции из серии “бархатных”. На втором витке этого перехода производится, там где надо, замена “посттоталитарной” власти (например, постсоветской) на властную команду из уже специально выращенного элитарного круга – как это произошло при смене Шеварднадзе на Саакашвили или Кучмы на Ющенко. Этот второй круг замены власти организован по схеме “оранжевых” революций. В них и активизируется та программа-вирус, которая была заложена на первом круге.

Р.Шайхутдинов пишет об “оранжевой” революции в Киеве: “Украинская ситуация показывает, что фактически навязанный Западом Украине (и России) в начале 1990-х гг. правовой механизм легитимизации власти, закреплённый в конституции, само правовое государство, оказались ловушкой. Стратегию Запада можно представить как двухходовку³³. Первый ход: дать власти в руки новую, модную, “демократическую” игрушку – выборы, научить с нею обращаться, вырастить слой политтехнологов и политконсультантов, сделать её привычным инструментом (вместе с вытекающими из культурных и менталитетных особенностей народа характерными нарушениями) смены или продолжения власти. Второй ход: проанализировать использование этого инструмента и создать противодействующий сценарий, основанный на работе поверх выборного демократического механизма – на использовании современных властных инстанций: “биовласти” и «власти интерпретаций”.

Понятно, что уязвимыми в отношении “бархатных” и “оранжевых” революция являются государства с *ущербным суверенитетом*. Это те режимы, которые по разным причинам вынуждены сверять свои действия с тем, “что скажут в Вашингтоне”. Напротив, реально

независимые государства нечувствительны к таким технологиям. Скажем, “оранжевая революция” невозможна в США, поскольку там полиция разгоняет незаконные митинги и шествия вне зависимости и от поведения их участников, и от реакции “мировой общественности”. Если государство способно противостоять “ненасилию” (как в Белоруссии), то спектакль попросту закрывается. К демонстрантам применяют более или менее вежливое насилие за факт выхода за пределы очерченного им пространства и за превышение отведенного им времени.

В 1995 г., в трудный для Кубы момент, США попытались организовать там “народные волнения” и послали самолеты разбрасывать над Гаваной листовки. Эти самолеты после всех предусмотренных церемоний с приглашением приземлиться были сбиты кубинскими истребителями. А когда в Майами была организована целая флотилия яхт и катеров “возлагать венки” в море, Куба предупредила, что вся эта флотилия будет потоплена. Все это было в рамках международного права – и Мадлен Олбрайт в ООН дала задний ход. Эту возможность и Белоруссия, и Куба имеют потому, что их властная верхушка действует исходя из обязанностей государства перед своим народом, а не исходя из теневых договоренностей о вращении этой самой “верхушки” в глобальную элиту.

Неумение противостоять невооруженной толпе парализует государственных служащих. Совершенно второстепенные вопросы о *форме* обращения с оппозицией для них становятся более важными, чем выполнение главных задач государства. Толпа блокирует здание правительства, а само правительство убеждено, что никаких насильственных действий предпринимать против толпы нельзя, потому что это недемократично. Происходит добровольный отказ государства не просто от *права* на легитимное насилие, но даже от *обязанности* применить насилие ради сохранения элементарного порядка и безопасности.

Дело доходит до полной утраты рациональности в заявлениях политиков. Глава правительства РФ М.Фрадков 24 марта, во время событий в Бишкеке (Киргизия) заявил, находясь в столице Казахстана Астане: “Россия выступает против силового варианта разрешения конфликта... Конфликт необходимо решать, оставаясь в правовом поле, соблюдая Конституцию и действующее законодательство”.

Конечно, политиков нельзя понимать буквально, но все же... Как может власть, “оставаясь в правовом поле”, не применить силу, когда толпа громит здание правительства и магазины? Это же абсурд! Разве “Конституция и действующее законодательство” не обязывают воспрепятствовать свержению президента и правительства насильственными методами? Разве имеет право полиция безучастно наблюдать за погромами и грабежом? Фрадков сказал вещь несусветную с точки зрения государственного права. А ведь он сказал это в непосредственной близости от места событий, причем от имени России! Чего же нам, выходит, надо ждать от российской власти, если и в Москве Сорос устроит подобную демократию?

Даже в тех странах, где почитание гражданских прав и демократии не приобрело статуса высших ценностей, для ведения ненасильственных действий против власти удается найти средства парализовать ее силовые структуры. Так, в 1986 г. на Филиппинах оппозиция не признала результаты президентских выборов, на которых, согласно официальному подсчету голосов, победил диктатор Маркос (на выборах 1981 г. он якобы получил 86% голосов). Власть располагала мощными репрессивными силами. Однако при проведении массовых демонстраций и митингов в Маниле был использован такой прием: как только машины с вооруженными солдатами выходили из ворот казарм, навстречу им устремлялась толпа женщин в самых нарядных платьях, с цветами в волосах. Они кидали солдатам цветы, приветливо улыбались и пели – и Маркос не смог заставить солдат стрелять в эту толпу. За несколько дней армия была деморализована и присоединилась к оппозиции³⁴.

Ненасильственный характер действий противника не только обессиливает государственный аппарат, но и раскалывает общество. Если власть отвечает насилием, то слишком большая часть общества начинает сочувствовать противнику, и этот опасный для государства процесс приходится тормозить, неся большие издержки. Примером может служить Интифада – ненасильственная революция нового типа, продукт конца XX века. Способ действий в ней разрабатывала группа европейских и арабских ученых – психологов, социологов и культурологов. Предложенную ими программу можно считать достижением современного

обществоведения. Главный принцип Интифады – непрерывность и *полный отказ от насилия*. Действующие лица – *дети и подростки*.

Когда по телевидению нам показывают сцены, в которых мальчишки швыряют камни в израильских солдат, надо понять смысл этого действия. Психологи предвидели, что когда детям и подросткам придется открыто выйти против вооруженных солдат, они испытают невыносимый стресс. Именно для того, чтобы разрядить его, снять напряжение, им разрешили кидать камни – но стараясь не нанести травмы солдатам. На практике так и было, физического вреда израильские солдаты практически не понесли. Но оказалось, что их моральное состояние от сопротивления детей страдало очень сильно. Известный военный историк Израиля заметил, что “одна из лучших боевых армий мира быстро дегенерирует в полицейскую силу четвертого сорта”. По его оценкам, после Интифады армия Израиля показала бы себя в серьезной войне не лучше, чем аргентинцы на Мальвинских островах.

Как же ответили сионисты на революцию детей? Поначалу позорно. Обозреватель газеты “Нью-Йорк Таймс” по Палестине Т.Фридман, любящий афоризмы, предупредил палестинских подростков: “если один из наших попадет в госпиталь, 200 ваших попадут на кладбище”. Интифада началась в декабре 1987 г., к декабрю 1989 г. по официальным данным ООН на оккупированных Израилем территориях погибло 2 тысячи детей и подростков.

Садизм, с которым избивались дети, поразил израильтян. Философ Авишай Маргалит собрал возможные объяснения этого садизма. Главный смысл сводился к тому, чтобы разжечь ненависть арабов и заставить их перейти к *насилию*, к терроризму. Это был “жесткий” вариант консолидации деморализованного израильского общества и укрепления легитимности власти в его глазах. Таким образом, Интифада была успешной, она расколола израильское общество и потребовала от власти Израиля очень больших затрат, к тому же создавших новые тяжелые угрозы.

Показательна история перестройки в СССР, которая в Москве и столицах прибалтийских республик велась по канонам “бархатных” революций. Здесь прилагались специальные усилия к тому, чтобы спровоцировать армию и милицию на насильственные действия против “революционеров”. Провоцировать не удавалось, т.к. дисциплина в силовых структурах была еще очень строгой. Насильственные действия “военщины” пришлось организовать самой власти.

Вот как был устроен “путч” в Вильнюсе в январе 1991 г. Тогдашний председатель Литовской республики В.Ландсбергис вызывает взрыв возмущения рабочих Вильнюса (в большинстве своем русских) бессмысленным повышением цен, к тому же объявленным в день православного Рождества. Кем-то подогретая толпа идет громить здание Верховного Совета ЛССР, подходы к которому в этот день, вопреки обыкновению, не охраняются. Толпу дополнительно провоцируют из здания – из дверей ее поливают горячей водой из системы отопления. Большого вреда нет, но страсти накаляются до предела. Люди с заранее припасенными камнями бьют стекла.

Повышение цен немедленно отменяется, но беспорядки начались, радио сзывает литовцев со всей страны на защиту парламента. А когда прибывают толпы людей и расставляются по нужным местам, подразделения войск КГБ начинают, казалось бы, абсурдные действия – с шумом и громом, с холостыми выстрелами танков и сплющиванием легковых машин штурмуют... телебашню Вильнюса. Этот штурм не имеет смысла, потому что рядом, в Каунасе, продолжает действовать мощный телецентр, а ту же телебашню в Вильнюсе накануне мог занять патруль из трех человек. В самом Вильнюсе занявшие телебашню “оккупанты” отказываются отключить автоматические радиопередатчики, призывающие народ на баррикады – хотя адреса этих радиопередатчиков известны.

В результате “штурма” – 14 погибших (убитых “неизвестными снайперами”, но никак не военными), ритуальные похороны, практическая ликвидация компартии Литвы и всех “консервативных сил”, которых в общественном мнении можно было связать с путчистами, получение Ландсбергисом тотальной власти, активное контрнаступление радикальных демократов в Москве. Таким образом, положение литовских “перестройщиков” было укреплено благодаря “насилию власти” в Вильнюсе, во время которого были совершены демонстративно грубые действия и принесены объединяющие литовцев жертвы.

По такому же сценарию, хотя даже без холостых выстрелов и с гибелью от несчастных случаев всего троих юношей (а также министра внутренних дел СССР Пуго с женой в результате “самоубийства”), был проведен “путч ГКЧП” в Москве в августе 1991 г. В первые дни эйфории после “ликвидации путча” видный публицист А.Бовин сказал, перефразируя Вольтера: “Если бы этого путча не было, его следовало бы выдумать!”. Горбачев также выразил удовлетворение: “Все завалы с нашего пути сметены!”³⁵

Когда процесс свержения власти посредством “бархатной” революции вступает в решающую стадию, удержать толпу в рамках ненасильственных действий оказывается важной и очень непростой задачей. В “учебном пособии” Дж.Шарпа сказано: “Поскольку ненасильственная борьба и насилие осуществляются принципиально различными способами, даже ограниченное насильственное сопротивление в ходе кампании политического неповиновения будет вредным, так как сдвинет борьбу в область, в которой диктаторы имеют подавляющее преимущество (вооружения). Дисциплина ненасильственных действий является ключом к успеху и должна поддерживаться, несмотря на провокации и жестокости диктаторов и их агентов”.

Чем более фундаментальные и непримиримые общественные противоречия становятся мотивами недовольства граждан, вовлеченных в “бархатную революцию”, тем больше в этой революции элементов самоорганизации, не вполне контролируемых извне. Иными словами, тем менее “бархатной” становится такая революция. Иногда этот “небархатный” характер проявляется очень быстро и становится главенствующим. Это проявилось, например, в венгерских событиях 1956 г. и в образовании польской “Солидарности”.

В других случаях “бархатная” технология оказывается столь эффективной и соответствующей культуре общества, что его революционная часть сама стремится не выходить за рамки ненасильственных действий и сдерживает своих радикалов – это мы наблюдали и в палестинской Интифаде, и при ликвидации режима апартеида в Южно-Африканской республике. В этих случаях как раз силы, *противодействующие* революции, стараются радикализовать конфликт и организуют провокации, стимулируя или даже создавая вооруженные группы, которые совершают акты насилия (в том числе террористические). Это раскалывает общество, отталкивает его умеренную часть от революции. В случае Интифады эту роль играют террористические движения, выступающие под флагом ислама, в ЮАР – племенные террористические отряды.

В очень редких случаях, наоборот, контролируемые насильственные действия служат лишь запалом, пусковым двигателем для возбуждения чисто “оранжевой” толпы, осуществляющей манипулируемый государственный переворот, как это было в свержении Чаушеску в Румынии в 1989 г., а затем и в ликвидации советской государственности в 1991 г. (“путч августа 1991 г.”).

Ниже мы рассмотрим другие наиболее характерные и общие признаки “бархатных” революций, не вдаваясь в причины каждой из них и не оценивая их с точки зрения справедливости и оправданности в свете тех или иных моральных ценностей. Всем тем, кто стремится определить свою позицию при назревании подобных катастроф, полезно для начала иметь беспристрастное знание о том, как они организуются и проводятся.

В 80-е годы и организация и технология «бархатных» революций стала объектом изучения и разработки в крупных государственных и полугосударственных учреждениях Запада. Выше уже цитировалось известное руководство Дж. Шарпа – научного руководителя Института Альберта Эйнштейна (ИАЭ). Об этом Институте известно следующее.

ИАЭ основан в 1983 г. в США. В официальной декларации его целями названы «исследования и образование с целью использования ненасильственной борьбы против диктатур, войны, геноцида и репрессий». Возглавляют его бывший офицер DIA (Разведуправления Министерства обороны США) полковник Роберт Хелви и профессор Гарвардского университета Джин Шарп. Его сочинения, посвященные использованию ненасилия в свержении государственной власти, переведены на 27 языков. ИАЭ существует на деньги «благотворительных фондов» Сороса и правительства США. Шарп с помощниками с момента основания ИАЭ постоянно ездит в намеченные для переворотов регионы для «поддержки революций».

Шарп – главный теоретик и «лицо» ИАЭ, в то время как практической работой занимается его председатель полковник Роберт Хелви, начавший эту работу даже раньше, чем он официально уволился из армии США. Проработав 30 лет в DIA, он накопил богатый опыт подрывной деятельности в Юго-Восточной Азии. По многочисленным сообщениям Хелви также был оперативным сотрудником резидентуры во время организованного США переворота в Сербии, и по крайней мере одно сообщение касается его пребывания на Украине во время «оранжевой» революции.

Согласно отчету ИАЭ с 2000 по 2004 год, его целью было «продвижение всемирного изучения и использования ненасильственного действия во время конфликтов». Многочисленные группы, заинтересованные в таком «передовом опыте», обращались в ИАЭ за последние годы: из Албании, Косово, Молдавии, Сербии, Словакии, Кипра, Грузии, Украины, Белоруссии, Азербайджана, Ирана, Афганистана, ОАЭ, Ирака, Ливана и оккупированных территорий Палестины, Вьетнама, Китая, Тибета, Шри Ланки, Малайзии, Кашмира, Гаити, Венесуэлы, Колумбии, Боливии, Кубы, Мексики, Анголы, Эфиопии, Эритреи, Того, Кении и Зимбабве.

Другое учреждение, активно действующее в том же направлении – Международный Центр Ненасильственных Конфликтов (МЦНК), руководимый доктором Петером Аккерманом и бывшим военным Джеком Дювалем. Согласно сообщению на сайте МЦНК, он «развивает и поощряет использование гражданской ненасильственной стратегии с целью установления и защиты демократии и прав человека во всем мире,.. предоставляет помощь в подготовке и присылке полевых инструкторов, для углубления теоретических знаний и практических навыков применения ненасильственных методов в конфликтах по всему миру, где возможно продвижение к демократии и правам человека».

Основатель и председатель МЦНК Аккерман одновременно является одним из членов наблюдательного совета факультета права и дипломатии в университете Тафта, который активно готовит кадры для американских разведслужб, а также членом исполнительного совета Международного Института Стратегических исследований в Лондоне. Аккерман был также директором-основателем ИАЭ. Аккерман был продюсером документального фильма «Свержение диктатора» о свержении Слободана Милошевича, переведенного на арабский, фарси, французский, китайский, русский и испанский языки. Он также редактор и советник телевизионного сериала «Самая мощная сила» о ненасильственной борьбе как средстве смены режима (переведен на арабский, фарси, китайский, русский и испанский). Аккерман также автор двух книг на ту же тему и регулярно читает лекции об использовании ненасилия для свержения намеченных правительств, в том числе в государственном департаменте США³⁶.

Глава 3. «Бархатные» революции как спектакль постмодерна

Принято говорить, что «бархатные» революции – продукт эпохи постмодерна. Что это значит?

Революции эпохи модерна – как буржуазные, так и антибуржуазные – вызревали и предъявляли свои цели и свою доктрину на основе рациональности Просвещения. Язык и проблематика Просвещения задавали ту матрицу, на которой вырастали представления о мире и обществе, о правах и справедливости, о власти и способах ее свержения, о компромиссах и войне групп и классов. Под доктринами революций был тот или иной *центральный текст*, корнями уходящий в ту или иную мировую религию. Революционные силы могли объединяться или раскалываться в связи с трактовкой этого текста (например, «Капитала» Маркса), но все это происходило в определенной системе координат, установки и вектор устремлений партий и фракций можно было соотнести с достаточно жесткими утверждениями почти научного типа.

Постмодерн разрушил эти матрицы и главные центральные тексты, произвел, как говорят, их *деконструкцию*. Проблема истины или правильности понимания аксиом и формул исчезла, исчезли и сами аксиомы, они не складываются в системы. Цели и аргументы могут полностью игнорировать причинно-следственные связи и даже быть совершенно абсурдными. Этот переход был на индивидуальном уровне ознаменован всплеском немотивированных преступлений, так что категории юриспруденции, возникшей как продукт Просвещения,

зачастую просто неадекватны природе социальных патологий. На коллективном уровне мы наблюдаем всплеск рационально не мотивированных конфликтов, вспышек насилия, бессмысленных бунтов и «выращенных в лаборатории» революций.

Произошедшие недавно на наших глазах «цветные» революции просто не могут быть истолкованы в привычной логике *разрешения социальных противоречий*. Политологи с удивлением пишут: «Ни одна из победивших революций не дала ответа на вопрос о коренных объективных причинах случившегося. А главное, о смысле и содержании озаменованной этими революциями новой эпохи. После революций-то что? Ни от свергнутых и воцарившихся властей, ни со стороны уличных мятежников, которые явно заявили о себе как об активной оппозиционной политической силе, до сих пор ничего вразумительного на этот счет не прозвучало»³⁷. Эти революции и являются интересующим нас предметом.

Двадцатый век был переломным в деле манипуляции общественным сознанием. Сложилась наука, которая занималась этой проблемой, – *социальная психология*, один из краеугольных камней которой заложил Гюстав Лебон в своем учении о *толпе*. Возникли и теоретические концепции – учение о культурной гегемонии, учение о подсознательном. Параллельно развивалась новаторская и жесткая практика «*толпообразования*», превращения больших масс людей в толпу и манипуляции ею.

Возникли новые технологические средства, позволяющие охватить интенсивной пропагандой миллионы людей одновременно. Возникли и организации, способные ставить невероятные ранее по масштабам политические спектакли – и в виде массовых действий и зрелищ, и в виде кровавых провокаций. Появились странные виды искусства, сильно действующие на психику (например, *перформанс*, превращение куска обыденной реальности в спектакль).

Особенностью политической жизни конца XX века стало освоение политиками и даже учеными *уголовного мышления* в его крайнем выражении «беспредела» – мышления с полным нарушением и смешением всех норм. Всего за несколько последних лет мы видели в разных частях мира заговоры и интриги немыслимой конфигурации, многослойные и «отрицающие» друг друга. Мы видим резкое ослабление национального государства, одного из важнейших творений эпохи Просвещения. Едва ли не главным признаком этого ослабления является *приватизация насилия* – использование и морального, и физического насилия негосударственными структурами и коллективами (политическими и преступными). Зачастую уже государство втягивается как один из актеров в политические спектакли с применением насилия, поставленные теневыми режиссерами (как в случае терроризма).

Все это вместе означало переход в новую эру – *постмодерн*, с совершенно новыми, непривычными этическими и эстетическими нормами. Один из философов постмодернизма сказал: «Эпоха постмодерна представляет собой время, которое остается людям, чтобы стать достойными гибели». Это само по себе – постмодернистская метафора. Здесь для нас важно отметить, что постмодернизм – это радикальный отказ от норм Просвещения, от классической логики, от рационализма и понятия рациональности вообще. Это стиль, в котором «все дозволено», «апофеоз беспочвенности». Здесь нет понятия истины, а есть лишь суждения, конструирующие любое множество реальностей.

Этот переход накладывается на более широкий фон *антимодерна* – отрицания норм рационального сознания, норм Просвещения. Что это означает в политической тактике? Прежде всего, постоянные разрывы непрерывности. Действия с огромным «перебором», которых никак не ожидаешь. Человек не может воспринимать их как реальность и потому не может на них действительно реагировать – он парализован. Можно вспомнить танковый расстрел Дома Советов в 1993 г. – тогда и подумать не могли, что устроят такое в Москве.

Это – пример большого спектакля, сильно бьющего по чувствам. Вот случаи поменьше и поспокойнее. Например, Гаити, где неожиданно устроили показательное избиение генералов, отличников боевой и политической подготовки академий США, которые всю жизнь точно выполняли то, что им приказывали начальники. Вдруг и к ним пришла перестройка – морская пехота США приехала устанавливать демократию и послала ту же уголовную толпу, что раньше забивала палками либеральных демократов, теми же палками забивать родню генералов.

Но буквально с трагической нотой это проявилось в ЮАР. В начале 90-х годов мировой мозговой центр решил, что ЮАР нужно передать, хотя бы номинально, чернокожей элите, т.к. с нею будет можно договориться, а белые у власти все равно не удержатся. Поскольку вести идеологическую подготовку времени не было, «своих» подвергли психологическому шоку, который устранил всякую возможность не только сопротивления, но даже дебатов. Вот маленький инцидент. Перед выборами белые расисты съехались на митинг в пригороде столицы. Митинг был вялый, ничего противозаконного в нем не было. Полиция приказала разъехаться, и законопослушные бюргеры подчинились. Неожиданно и без всякого повода полицейские обстреляли одну из машин. Когда из нее выползли потрясенные раненые пассажиры – уважаемые буржуа, – белый офицер подошел и хладнокровно расстрелял их в упор, хотя они умоляли не убивать их. И почему-то тут же была масса репортеров. Снимки публиковались в газетах и все было показано по западному ТВ. Всему миру был представлен великолепный спектакль.

Расстрел белых расистов в ЮАР и избиение, по указке консула США, членов военной хунты на Гаити открыли новую страницу в истории политических технологий. Новые методы манипуляции сознанием обеспечивают столь надежный контроль за поведением масс, что с помощью толпы можно провести революцию, а через короткое время с помощью той же самой толпы – контрреволюцию.

В известном смысле постмодерн стирает саму грань между *революцией* и *реакцией*. Постмодернистский характер политических технологий, применяемых при «демократизации» государств переходного типа, проявляется в разных признаках архаизации общественных процессов. Одним из таких проявлений стал *политический луддизм*, который был применен в ходе «оранжевой» революции на Украине и, видимо, немало удивил наблюдателей. «В ходе событий в Тбилиси, Киеве и Бишкеке появились первые признаки того, что на политической повестке дня оказались уже не вопросы борьбы за власть, а борьбы с властью»³⁸. Ранее он был присущ «слаборазвитым» странам, и трудно было ожидать, что он так органично впишется в политические технологии страны с все еще высокообразованным населением.

Речь идет о том, что политическая сила, которая представляет себя как оппозицию существующей власти, демонстративно препятствует работе власти вообще – борется не против конкретной политики власти, а отвергает ее как институт, образно говоря, разрушает машину государства. По свидетельству наблюдателей, для выборов в Южной Азии (Шри Ланка, Индия, Бангладеш) характерно, «что протестующие толпы людей нападают на правительственные здания и уничтожают их и государственное имущество, парализуя общественные учреждения и службы, то есть тот самый общественный капитал и инфраструктуру, которые созданы якобы для их обслуживания»³⁹.

Как ни странно, именно эта сторона «оранжевой» революции вдохновила некоторых российских политтехнологов-постмодернистов. Они увидели в этом многообещающую форму политического действия. Суть ее в «организационном оформлении широкого народного движения нового типа, которое будет видеть смысл и цель своего существования не в борьбе за власть, а в борьбе с властью. Отсюда, от этого полюса, будет постоянно исходить импульс атаки на любую власть, какой бы она ни была по персонально-качественному составу или идейно-политической ориентации. В случае возникновения и организационного оформления этого полюса в России может возникнуть инструмент эффективного, не отягощенного конформизмом посредников воздействия на власть»⁴⁰.

Западные философы, изучающие современность, говорят о возникновении *общества спектакля*. Мы, простые люди, стали как бы зрителями, затаив дыхание наблюдающими за сложными поворотами захватывающего спектакля. А сцена – весь мир, и невидимый режиссер и нас втягивает в массовки, а артисты спускаются со сцены в зал. И мы уже теряем ощущение реальности, перестаем понимать, где игра актеров, а где реальная жизнь. Здесь возникает диалектическое взаимодействие с процессом превращения людей в толпу. Лебон сказал о толпе, что «нереальное действует на нее почти так же, как и реальное, и она имеет явную склонность не отличать их друг от друга».

Речь идет о важном сдвиге в культуре, о сознательном стирании грани между жизнью и спектаклем, о придании самой жизни черт карнавала, условности и зыбкости. Это происходило,

как показал М. Бахтин, при ломке традиционного общества в средневековой Европе. Сегодня эти культурологические открытия делают политической технологией.

Использование технологий *политического спектакля* стало общим приемом перехвата власти. В каждом случае проводится предварительное исследование культуры того общества, в котором организуется свержение власти. На основании этого подбираются «художественные средства», пишется сценарий и готовится режиссура спектакля. Если перехват власти проводится в момент выборов, эффективным приемом является создание обстановки максимально «грязных» выборов – с тем, чтобы возникло общее ощущение их фальсификации. При этом возникает обширная зона неопределенности, что дает повод для большого спектакля «на площади». Последнее время дало нам два классических примера – «революцию роз» и «оранжевую революцию».

Разработка и применение этих технологий стали предметом профессиональной деятельности больших междисциплинарных групп специалистов, которые выполняют заказы государственных служб и политических партий. Эти разработки ведутся на высоком творческом уровне, сопровождаются оригинальными находками и в настоящее время стали важным проявлением высокого научно-технического потенциала Запада. В самые последние годы для постановки кровавых спектаклей привлекаются (неважно, прямо или косвенно) организации террористов.

А. Чадаев так пишет об «оранжевой революции» на Украине: «Виктор Ющенко не вёл себя как настоящий революционер. Скорее, он был похож на средневекового карнавального „майского короля“, сидящего в бумажной короне на пивной бочке посреди главной площади, и горланящего свои „указы“ на потеху весёлым согражданам. Но именно эта „несерьёзность“ – или, точнее, полусерьёзность происходящего – и стала специфическим оружием „оранжевой революции“ (как до этого и „революции роз“, и всех прочих), у власти не нашлось средств для отпора этому оружию.

Какой момент является ключевым для революции? Тот, когда правила, навязанные и отстаиваемые властью (легальная процедура, её силовое обеспечение, система норм и ограничений), подменяются логикой игры. Тогда реальность карнавала торжествует над обыденностью, и происходит переворот – короли меняются местами: «майский» оказывается реальным правителем, а «настоящий» самодержец – шутом с базарной площади. Приняв навязанные ему правила игры, он в логике симметричных действий пытается делать то же самое, что делал только что его оппонент (сторонники Януковича тоже надевали ленточки, ставили палатки и мобилизовали актив) – и этот последний акт фиксирует его окончательное поражение. Занавес»⁴¹.

Структурный анализ использования воображения в целях превращения людей в толпу (вообще господства) дал французский философ Ги Дебор в известной книге «Общество спектакля» (1967)⁴². Он показал, что современные технологии манипуляции сознанием способны разрушить в человеке знание, полученное от реального исторического опыта, заменить его знанием, искусственно сконструированным «режиссерами». В человеке складывается убеждение, что главное в жизни – видимость, да и сама его общественная жизнь – видимость, спектакль. И оторваться от него нельзя, так как перед глазами человека проходят образы, гораздо более яркие, чем он видит в своей обычной реальной жизни в обычное историческое время. «Конкретная жизнь деградирует до спекулятивного пространства» (как видно из самого слова, спектакль и есть нечто спекулятивное).

Человек, погруженный в спектакль, утрачивает способность к критическому анализу и выходит из режима *диалога*, он оказывается в социальной изоляции. Такое состояние поддерживается искусственно, возник даже особый жанр и особая способность – *непрерывное говорение*. Человек, слушая его, просто не имеет возможности даже мысленно вступить с получаемыми сообщениями в диалог. На радио и телевидении, на митингах и массовых собраниях появились настоящие виртуозы этого жанра.

Ги Дебор уделяет особое внимание тому особому ощущению «псевдоциклического» времени, которое возникает у человека, наблюдающего политический спектакль. Время спектакля, в отличие от исторического времени, становится не общей ценностью, благодаря которой человек вместе с другими людьми осваивает мир, а разновидностью товара, который

потребляется индивидуально в стандартных упаковках. Один «пакет» спектакля «стирает» другой. Как неоднократно повторяет теоретик современного западного общества К. Поппер в книге «Открытое общество и его враги», «история смысла не имеет»!

Общество спектакля – это «вечное настоящее». В реальной жизни время, как важнейшая координата бытия, ощущается в движении «прошлое – настоящее – будущее». Настоящее понимается в неразрывной связи с прошлым и с ответственностью за будущее. Спектакль способен как бы «остановить» настоящее. При этом не остается места для проявления воли человека, будущее запрограммировано режиссером. Как пишет Ги Дебор, это вечное настоящее «достигается посредством нескончаемой череды сообщений, которая идет по кругу от одной банальности к другой, но представленных с такой страстью, будто речь идет о важнейшем событии». Режиссеры спектакля становятся абсолютными хозяевами воспоминаний человека, его устремлений и проектов. Актерами «спектакля» являются политики.

М.Эдельман в книге «Конструирование политического спектакля» пишет об этом превращении политиков в символические маски актеров: «Политические лидеры стали символами компетентности, зла, национализма, обещания будущего и других добродетелей и пороков и таким образом помогают придавать смысл беспорядочному миру политики. Наделяя образы лидеров смыслом, зрители определяют собственные политические позиции. В то же время, вера в лидерство является катализатором конформизма и повиновения. Термин, который возбуждает воображение большого числа людей и в то же время помогает организовать и дисциплинировать их, является эффективным политическим инструментом, хотя и неопределенным в последствиях его применения».

Ги Дебор отмечает и другое важное качество «общества спектакля» – «Обман без ответа; результатом его повторения становится исчезновение общественного мнения. Сначала оно оказывается неспособным заставить себя услышать, а затем, очень скоро, оказывается неспособным сформироваться». Из кого же состоит общество, не способное выработать своего мнения? Сегодня это общество из людей «мозаичной» культуры, людей *постмодерна*. Когда истины нет в принципе, а есть только интерпретации разных кусочков мозаики – как же можно выработать общее мнение?

В обществе спектакля особым видом театрализованного ритуала являются *выборы*. Антропологи видят в спектакле выборов перенесенный в современность ритуал древнего театрализованного государства, отражающий космический порядок, участниками которого становятся подданные. С.Тамбиа пишет: «Идея театрализованного государства, перенесенная и адаптированная к условиям современного демократического государства, нашла бы в политических выборах поучительный пример того, как мобилизуются их участники и как их преднамеренно подталкивают к активным действиям, которые в результате нарастающей аффектации выливаются во взрывы насилия, спектакли и танцы смерти до, во время и после выборов. Выборы – это спектакли и соревнования за власть. Выборы обеспечивают политическим действиям толпы помпезность, страх, драму и кульминацию. По существу, выборы служат квинтэссенцией политического театра»⁴³.

Автор описывает сценические приемы спектакля выборов, применяемые в тех странах Южной Азии, где архаизация и «этнизация» этого спектакля заметнее всего. Поразительно, с какой точностью эти приемы были повторены во время «оранжевой» революции на Майдане Незалежности в Киеве. Автор пишет: «Процессии как публичные зрелища проходят в окружении „медленных толп“ зрителей. Эксгибиционизм, с одной стороны, и восхищающаяся аудитория зрителей – с другой, являются взаимосвязанными компонентами спектакля. Митинги, завершающиеся публичными речами на открытых пространствах. Центральным элементом массового ораторства является энергичная декламация стереотипных высказываний с готовыми формулировками, сдобренными мифически-историческими ссылками, напыщенным хвастовством, групповой диффамацией, грубыми оскорблениями и измышлениями против оппонентов. Эти речи передаются и усиливаются до рвущего барабанные перепонки звука с помощью средств массовой информации – микрофонов, громкоговорителей, современных теле- и видеоаппаратуры. Этот тип шумной пропаганды эффективно содействовал „демонизации“ врага и появлению чувства всемогущества и правоты у участников как представителей этнической группы или расы»⁴⁴.

Выборы как политический спектакль представляют для нас особый интерес потому, что в этот переходный момент смены властной верхушки происходит временное ослабление государства, что и используется, как правило, для проведения постмодернистских революций (это наблюдалось в Сербии, Грузии, на Украине и в Киргизии). Моральное или прямое насилие и «политический луддизм» стали важной технологией таких выборов. Эта проблема изучена на материале бывших колониальных стран, но она актуальна и для постсоветских государств. С. Тамбиа пишет: «В ходе подробного исследования, которое я в настоящее время веду по теме недавних этнических беспорядков в Южной Азии, я все более утверждался во мнении, что то, как организуются политические выборы и события, происходящие до, во время и после выборов, можно в известной степени обозначить через понятие рутинизации и ритуализации коллективного насилия».

Автор изложил репертуар «ритуала» коллективного насилия как перечень «организованных, ожидаемых, запрограммированных и повторяющихся черт и фаз внешне спонтанных, хаотических и необузданных действий толпы как агрессора и преследователя».

Государства «переходного типа», такие как недавно освободившиеся от колониальной зависимости или перенесшие катастрофический слом прежней государственности (постсоветские), имеют систему институтов и норм в крайне неравновесном состоянии. По структуре эта система напоминает постмодернистский текст, в котором смешаны архаика и современность с их несовместимыми стилями. В качестве примера один автор приводит для РФ «феноменальную госсимволику (в частности, систему государственных наград, в которой орден Красной Звезды существует вместе с орденом Андрея Первозванного), отсутствие общих воззрений на собственное прошлое. Яркий пример – недавнее открытие в Иркутске памятника Колчаку под звуки советского гимна. Вместо государства в России возник комплекс случайных политических институтов, лишенных фундамента и собранных всухую, без раствора».

В таких государствах ряд черт, присущих демократической системе, проявляется не в форме выработанных на Западе условных театрализованных ритуалов, а в жесткой, иногда абсурдной форме. К числу таких черт относится предусмотренное сценарием демократических выборов открытое выражение взаимной враждебности кандидатов и партий⁴⁵. В государствах «переходного типа» сцены этой враждебности играют с применением реального или очень жесткого условного (как это было на Украине) насилия.

С. Тамбиа пишет: «Демократические» политические выборы в недавно получивших независимость странах представляют собой один из основных компонентов саги о коллективном насилии. Более того, поскольку в рассматриваемых нами обществах ставки на выборах и их результаты представляются очень высокими и важными, и поскольку выборы позволяют и, фактически, поощряют преднамеренное выражение и осуществление поляризующей враждебности, постольку они вполне могут затмить все ранее имевшиеся случаи периодических всплесков рутинного насилия»⁴⁶.

«Бархатных» революций, уничтожающих стабильное жизнеустройство с большим потенциалом развития, не могло бы произойти, если бы образованный слой стран «реального социализма» не воспринял бы мыслительных норм постмодерна. Вот культурологические описания и общества, и человека восточноевропейских стран времени «бархатных» революций: «В молодой восточноевропейской интеллигенции реализовалась специфика „неэкономического“ типа цивилизационного развития. Восточноевропейское общество первым дало миру образец „человека постмодерна“, опередив Запад, который двигался к той же цели иным путем... Оппозицию коммунистическому режиму в Польше, как впоследствии и в других странах региона, составляли не конкретные социальные силы и не интересы отдельных групп общества, а эмоционально окрашенные идеалы и ценности. Приоритет ценностей над интересами отличает человека традиционного общества, как до известной степени и общества постмодерна, от материалистически и рационалистически ориентированного человека эпохи модерна»⁴⁷.

В Польше «Солидарность», втянув большую часть общества в большой и длительный спектакль, превратила массы людей в зрителей, которые оторвались от почвы социальной реальности и были очарованы зрелищем войны призраков. Вот к каким выводам, согласно Н.Коровицыной, приходят теперь социологи, изучавшие ту революцию: «Мало кто, наверное, в

то время серьезно задумывался о реальных экономических последствиях происходившего. Вся общественная жизнь была пронизана мифологизмом, а массовые протесты имели характер преимущественно символический. Причем изначально существовало явное противоречие между декларативным принятием идеи общественной трансформации и отсутствием реальной, деятельной поддержки ее реализации. Преобладало мнение, что рано или поздно ситуация исправится автоматически как „естественное вознаграждение за принесенные народом жертвы“. Сам протест выражался языком „морального сюрреализма“. Для общественных конфликтов в Восточной Европе в целом характерна театральная, ритуальная атмосфера. Особенно это относится к Польше, где наиболее сильны традиции политического символизма».

Более того, «Солидарность» превратила страну не просто в общество спектакля, но в *театр абсурда*. Рабочие своими руками уничтожали какой-никакой, а все же социализм, открывали путь самому тупому и лишенному перспектив капитализму, будучи фундаменталистски привержены именно ценностям солидарного общества, ценностям социализма. Вот анализ Н.Коровицыной, напоминающий протокол вскрытия: «Ценности революции „Солидарности“ характеризуются польскими авторами как фундаменталистские. Я.Станицис назвала сам феномен этой революции „красивым, но политически опасным“. „Красивая болезнь“ 1980-1981 г., связанная с появлением и крахом „Солидарности“ обернулась „польской драмой“... Радикальные оппоненты режима одновременно принадлежали к числу приверженцев его фундаментальных черт. Период „нормализации“, начавшийся в Польше с введения военного положения, характеризуется как ситуация интеллектуального, когнитивного хаоса. Большинство людей в те годы подтверждало существование социального конфликта, но лишь немногие могли определить свое место в нем, понять по какую сторону баррикад они находятся».

Особое внимание философов привлекла совершенно невероятным сценарием Тимишоара – спектакль, поставленный для свержения и убийства Чаушеску в ходе «полубархатной» революции в Румынии в 1989 г. 48 Изучающий «общество спектакля» итальянский культуролог Дж. Агамбен так пишет о глобализации спектакля, т.е. объединении политических элит Запада и бывшего соцлагеря в серии «бархатных» революций того времени: «Тимишоара представляет кульминацию этого процесса, до такой степени, что ее имя следовало бы присвоить всему новому курсу мировой политики. Потому что там секретная полиция, организовавшая заговор против себя самой, чтобы свергнуть старый режим, и телевидение, показавшее без ложного стыда и фиговых листков реальную политическую функцию СМИ, смогли осуществить то, что нацизм даже не осмеливался вообразить: совместить в одной акции чудовищный Аушвиц и поджог рейхстага».

Впервые в истории человечества похороненные недавно трупы были спешно выкопаны, а другие собраны по моргам, а затем изуродованы, чтобы имитировать перед телекамерами геноцид, который должен был бы легитимировать новый режим. То, что весь мир видел в прямом эфире на телеэкранах как истинную правду, было абсолютной неправдой. И, несмотря на то, что временами фальсификация была очевидной, это было узаконено мировой системой СМИ как истина – чтобы всем стало ясно, что истинное отныне есть не более чем один из моментов в необходимом движении ложного. Таким образом, правда и ложь становятся неразличимыми, и спектакль легитимируется исключительно через спектакль. В этом смысле Тимишоара есть Аушвиц эпохи спектакля, и так же, как после Аушвица стало невозможно писать и думать, как раньше, после Тимишоары стало невозможно смотреть на телеэкран так же, как раньше».

В телерепортажах из Тимишоары было видно, что перед камерами выкапывают не тела «расстрелянных секуритате» людей, а трупы, привезенные из моргов – со швами, наложенными после вскрытия. Люди видели эти швы, но верили комментариям дикторов. Этот опыт показал, что при бьющей на эмоции картинке ложь можно не скрывать, люди все равно поверят манипулятору⁴⁹. В самые последние годы для постановки кровавых спектаклей привлекаются (неважно, прямо или косвенно) организации террористов. Сам современный терроризм остается плохо изученным, и контролировать его наличными средствами государственные службы пока не могут.

Тимишоара – крайний случай, в последних версиях «бархатных» революций –

«оранжевых» – режиссеры ставят спектакли радостные, толпу соединяют чувством восторга. В одной редакционной статье о событиях на Майдане в Киеве сказано: «Апельсиновые гуманитарные технологии показали, как можно эффективно использовать революционную романтику, столь милую сердцам интеллектуалов и молодёжи».

Московский культуролог В.Осипов очарован режиссурой «оранжевой революции» на Украине: «Оранжевая революция» осуществлялась мотивированным и хорошо тренированным активом, в подготовку которого были инвестированы немалые средства. Кроме того, она имела постоянное музыкальное сопровождение. Практически все популярные украинские рок-команды непрерывно выступали на Майдане, задавая всему происходящему возбуждающую, восторженную атмосферу, поддерживая дух праздника... Меня поразило, что организаторам удалось несколько недель сохранять в людях состояние энтузиазма и восторга. С активом палаточного городка всё было проще – они жили на Майдане постоянно, получали деньги; но держать в заведённом состоянии толпы киевлян и приезжих, ежедневно приходивших на площадь – сложная и важная гуманитарно-технологическая задача. «Оранжевые» решили её на «хорошо». Им удалось мобилизовать массовое народное движение. В том числе – у тысяч людей, ставших инструментом производства этой иллюзии».

Вот – свойство хорошо поставленного спектакля эпохи постмодерна – сами зрители становятся «инструментом производства иллюзии». Достаточно сравнительно небольших начальных инвестиций, чтобы запустить двигатель спектакля, а затем он работает на энергии эмоций, самовоспроизводящихся в собранную на площади толпу. Объект манипуляции сам становится топливом, горючим материалом – идет цепная реакция в искусно созданном человеческом «реакторе».

Квалификация режиссеров видна и в том, что в правильной дозировке стимулировались сильные эмоции, вступавшие в резонанс и дающие кооперативный эффект подавления рационального сознания – эмоции восторга и страха. В.Осипов делает такое наблюдение: «Поддерживалась особая атмосфера приподнятости, сдобренной страхом. Лидерам оппозиции нужно было удерживать актив в напряжении известиями о промежуточных победах и всё новых угрозах. И они делали это очень искусно»⁵⁰.

Важным результатом этих революций-спектаклей становится не только изменение власти (а затем также и других важных в цивилизационном отношении институтов общества), но и порождение, пусть на короткий срок, *нового народа*. Возникает масса людей, в сознании которых как будто стерты исторически сложившиеся ценности культуры их общества, и в них закладывается, как дискета в компьютер, пластинка с иными ценностями, записанными где-то вне данной культуры.

Р.Шайхутдинов пишет о том, что происходило на Майдане и на что с остолбенением смотрела и старая власть, и здравомыслящая (не подпавшая под очарование спектакля) масса украинцев: «Этот новый народ (народ новой власти) ориентирован на иной тип ценностей и стиль жизни. Он наделён образом будущего, который действующей власти отнюдь не присущ. Но действующая власть не видит, что она имеет дело уже с другим – не признающим её – народом!»

Создание «нового народа» (или даже новой нации) в ходе подобных революций – один из ключевых постулатов их доктрины. Так при разрушении государственности всего СССР в массовое сознание было запущено понятие-символ «новые русские». Вот как объясняли появление этого «нового народа» идеологи, которые готовили большую «бархатную» революцию 1991 г. в Москве. В газете «Утро России» (органе Демократического союза) в марте того года Вадим Кушнир пишет в статье «Война объявлена, претензий больше нет»: «Вот почему я за войну. Война лучше худого лживого мира. После взрыва, находясь в эпицентре сверхситуации, ведя войну всех со всеми, мы сумеем стать людьми. Страна должна пройти через испытания... Война очищает воздух ото лжи и трусости».

Нынешняя «гражданка» скорее будет напоминать американскую, между Севером и Югом... Сражаться будут две нации: *новые* русские и *старые* русские. Те, кто смогут прижиться к новой эпохе и те, кому это не дано. И хотя говорим мы на одном языке, фактически мы две нации, как в свое время американцы Северных и Южных штатов... Скоро, очень скоро у нас у всех появится свобода выбора. Поверьте, это очень увлекательное занятие».

Таким образом, «оранжевые» революции, как революции эпохи постмодерна, отличаются от революций эпохи модерна очень важным и трудно осознаваемым свойством. Они «включают» и в максимально возможной степени используют сплачивающий и разрушительный ресурс *этничности*. Революции индустриальной эпохи, даже будучи мотивированы задачами национального освобождения, сплачивали своих сторонников рациональными идеалами *социальной справедливости*. Они шли под лозунгами классовой борьбы, под знаменем интернационализма людей труда и, можно сказать, маскировали этничность социальной риторикой.

Постмодерн отверг эту рациональность, уходящую корнями в Просвещение и представленную в данном случае прежде всего марксизмом и близкими к нему идеологиями. Отвергая ясные и устойчивые структуры общества и общественных противоречий, постмодерн заменяет класс этносом, что и позволяет ставить насыщенные эмоциями политические спектакли, из которых исключается сама проблема истины. Здесь открывается пространство для ничем не ограниченной мифологии, ценность которой определяется только ее эффективностью.

Опыт показал, что политизированная этничность может быть создана буквально «на голом месте» в кратчайшие сроки, причем одновременно с образом врага, которому разбуженный этнос обязан отомстить или от которого должен освободиться. Достижимая таким образом сплоченность и готовность к самопожертвованию по своей интенсивности не идут ни в какое сравнение с тем, что обеспечивают мотивы социальной справедливости или повышения благосостояния. При этом большие массы образованных людей могут прямо на глазах сбросить оболочку цивилизованности и рациональности и превратиться в архаичную фанатичную толпу. Власть, действующая в рамках рациональности Просвещения, с такой толпой в принципе не способна конструктивно взаимодействовать (что и показали, например, события конца 80-х и 90-х годов в Средней Азии, на Кавказе и в Югославии).

В ряде случаев сдвиг к рациональности постмодерна провоцирует нежелательную этнизацию и архаизацию обществ, как это происходит, например, в развивающихся странах, переживающих новый всплеск трайбализма, усиления родо-племенного сознания и организации. Не менее сложные проблемы обещает неожиданный возврат казалось бы навсегда ушедшего в прошлое этнического сознания в странах Запада. Но чаще всего агрессивное этническое сознание разжигается в государствах переходного типа в политических или преступных целях.

На эту способность духовной матрицы постмодерна провоцировать и искусственно интенсифицировать этногенез, указывают и антропологи. Дж. Комарофф задается вопросом, не используется ли эта способность как средство утопить борьбу за разрешение социальных противоречий в хаосе межэтнических столкновений. Он пишет: «О нашем времени часто говорят как о периоде множественности форм субъектности, расплывчатости чувства индивидуальности, как о времени антитоталитарных сил, благодаря которым многое в нашей жизни оказывается непредсказуемым, непоследовательным и полифоничным. Однако неомодернистская политика самоосознания обнаруживает прямо противоположную направленность на такое устройство мира, при котором от Узбекистана до Юкатана, от Анкориджа до Карфагена и от Порт-Морсби до Порт-Элизабет этничность и национальный статус используются как основы для складывания тоталитарных, сплоченных и высоко централизованных субъектов как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях. Возможно ли считать, что постмодернистское увлечение полиморфизмом является всего лишь извращением, то есть что оно – некий результат этноцентричного евро-американского буржуазного сознания, отражающего собственную политику безразличия по отношению к требованиям и защите прав обездоленных?»⁵¹

Не будем здесь углубляться в этот вопрос, но отметим лишь, что антисоветские революции в СССР и в Европе, сходная по типу операция против Югославии в огромной степени и с большой эффективностью опирались на искусственное разжигание агрессивной этничности. Технологии, испытанные в этой большой программе, в настоящее время столь же эффективно применяются против постсоветских государств и всяких попыток постсоветской интеграции. Видимо, в недалеком будущем с крупномасштабным применением этого оружия придется столкнуться и Российской Федерации.

Отсюда видно, что эффективно проведенная «оранжевая революция» означает фундаментальное событие в судьбе общества – разрыв непрерывности. Часть населения, подчинившись гипнозу спектакля, выпадает из традиций и привычных норм рациональности предыдущего общества – «перепрыгивает в постмодерн». Но при этом она разрывает и свою связь с реальностью страны, ее новые ценности и «стиль жизни» не опираются на прочную материальную и социальную базу. Будет ли эта реальность меняться так, чтобы прийти в соответствие с новыми ценностями – или всей этой «оранжевой» молодежи придется пройти через период тяжелой фрустрации и вернуться на грешную землю в потрепанном виде? Проблема в том, что сама «рациональность постмодерна» исключает сами эти вопросы и возможность предвидения – один спектакль сменяется другим, и человек не замечает, как становится зрителем-«бомжем», без традиций и без почвы.

Глава 4. «Бархатные революции» как программа манипуляции сознанием

«Бархатные» революции в качестве одного из главных своих этапов имеют *уличное* действие невооруженной толпы, как правило в столице государства. Это – большой политический спектакль, поставленный с применением специальных технических и художественных средств. Он оказывает сильнейшее воздействие на сознание как вовлеченных в толпу людей, так и на зрителей – жителей города и значительной части населения страны, наблюдающих спектакль по телевидению. Практически всегда эти революции становятся общемировым спектаклем, к трансляции которого привлекаются мировые СМИ.

Из этого видно, что главной задачей постановщиков спектакля «бархатной» революции является создание соответствующей их задачам *толпы*. Это означает, во-первых, привлечение к действию достаточной массы людей, их концентрация в нужных точках городского пространства, удержание их в нужных местах в течение необходимого времени и такая обработка их сознания, чтобы толпа по сигналам режиссеров точно выполняла именно те действия, которые требуются по сценарию. Это достигается посредством манипуляции сознанием исходя из богатого опыта по изучению толпы как особого типа человеческих коллективов. Сначала практические политики и философы систематизировали эмпирический опыт, позже к этой работе подключилась наука – социальная психология.

Социальная психология имеет в качестве объекта не отдельную личность, а *группы* людей. С точки зрения возможности манипулировать поведением человеческих масс большое значение для возникновения целого большого направления социальной психологии имели книги Гюстава Лебона («Макиавелли массового общества», как назвали его недавно) «Психология масс» и «Душа толпы» (1895). Идеи, высказанные Лебоном, дополняли и развивали многие психологи и философы (например, З.Фрейд в книге «Массовая психология и анализ человеческого Я»). На прошедшей в середине 1990-х годов в США дискуссии о месте социальной психологии ее прикладная роль был определена инициатором дискуссии четко – «разработка систематизированных техник формирования образа мыслей и поведения людей в отношении друг друга, то есть разработка поведенческих технологий»⁵². Начиная с 60-х годов XX века социальная психология перешла к массивным экспериментальным исследованиям, на базе которых и вырабатывались «поведенческие технологии».

Давно было подмечено, что у человека, который находится в тесном и прямом контакте с большой массой людей, резко меняется сознание. Ницше писал: «Когда сто человек стоят друг возле друга, каждый теряет свой рассудок и получает какой-то другой». Лебон в своей книге «Психология масс» перечисляет подмеченные им особенности толпы как короткоживущего человеческого коллектива. Приведем его тезисы из раздела «Душа толпы».

В толпе «сознательная личность исчезает, причем чувства и идеи всех отдельных единиц, образующих целое, принимают одно и то же направление. Образуется коллективная душа, имеющая, конечно, временный характер, но и очень определенные черты... Индивид, пробыв несколько времени среди действующей толпы, под влиянием ли токов, исходящих от этой толпы, или каких-либо других причин – неизвестно, приходит скоро в такое состояние, которое

очень напоминает состояние загипнотизированного субъекта».

Толпа – качественно новая *система*, а не конгломерат несвязанных единиц. В ней «нет ни суммы, ни среднего входящих в ее состав элементов, но существует комбинация этих элементов и образование новых свойств». Лебон пишет: «Индивид в толпе приобретает сознание непреодолимой силы, и это сознание позволяет ему поддаваться таким инстинктам, которым он никогда не дает волю, когда бывает один. В толпе же он менее склонен обуздывать эти инстинкты, потому что толпа анонимна и не несет на себе ответственности. Чувство ответственности, сдерживающее всегда отдельных индивидов, совершенно исчезает в толпе».

Сознание толпы приобретает черты специфической рациональности постмодерна – из этого сознания выпадает проблематика *истины*. Главным критерием, определяющим восприятие толпы, становится привлекательность сообщений. Лебон пишет: «Толпа никогда не стремилась к правде; она отворачивается от очевидности, не нравящейся ей, и предпочитает поклоняться заблуждению, если только заблуждение это прельщает ее. Кто умеет вводить толпу в заблуждение, тот легко становится ее повелителем; кто же стремится образумить ее, тот всегда бывает ее жертвой».

Свойством сознания толпы является нетерпимость, отказ от рационального, диалогического типа рассуждений. Лебон пишет: «Толпе знакомы только простые и крайние чувства; всякое мнение, идею или верование, внушенные ей, толпа принимает или отвергает целиком и относится к ним или как к абсолютным истинам, или же как к столь же абсолютным заблуждениям. Так всегда бывает с верованиями, которые установились путем внушения, а не путем рассуждения... Каковы бы ни были чувства толпы, хорошие или дурные, характерными их чертами являются односторонность и преувеличение... Сила чувств в толпе еще более увеличивается отсутствием ответственности, особенно в толпе разнокалиберной».

Человек в толпе обладает удивительно высокой *восприимчивостью к внушению*. Лебон пишет: «В толпе всякое чувство, всякое действие заразительно, и притом в такой степени, что индивид очень легко приносит в жертву свои личные интересы интересу коллективному. Подобное поведение, однако, противоречит человеческой природе, и потому человек способен на него лишь тогда, когда он составляет частицу толпы... Прежде чем он потеряет всякую независимость, в его идеях и чувствах должно произойти изменение, и притом настолько глубокое, что оно может превратить скупого в расточительного, скептика – в верующего, честного человека – в преступника, труса – в героя. Отречение от всех своих привилегий, вотированное аристократией под влиянием энтузиазма в знаменитую ночь 4 августа 1789 года, никогда не было бы принято ни одним из ее членов в отдельности».

Лебон много места уделяет *изменчивости* толпы – ее удивительной способности моментально, «все разом» реагировать на импульсы, получаемые от вожаков. Это показывает, что человек в толпе действительно обладает новым качеством, становится элементом новой системы. Он не обдумывает свои действия, а мгновенно подчиняется полученному каким-то образом сигналу.

Наконец, Лебон выдвигает одно важное положение, которое, видимо, опережало его время и, наверное, вызывало у современников удивление. Но сегодня, с развитием радио и телевидения, оно стало очень актуальным. Суть его в том, что для образования толпы не является необходимым физический контакт между ее частицами. Лебон пишет: «Тысячи индивидов, отделенных друг от друга, могут в известные моменты подпадать одновременно под влияние некоторых сильных эмоций или какого-нибудь великого национального события и приобретать, таким образом, все черты одухотворенной толпы... Целый народ под действием известных влияний иногда становится толпой, не представляя при этом собрания в собственном смысле этого слова».

Именно это мы и наблюдаем в последние десятилетия: население, подверженное постоянному воздействию масс-культуры и телевидения, превращается в огромную виртуальную толпу. Эта толпа находится не на площади, а в уютных квартирах у телевизоров, но вся она не структурирована и слушает одних и тех же лидеров и пророков, не вступая с ними в диалог.

Все перечисленные свойства толпы оказываются присущи тем толпам, которые организуются для совершения «бархатных» революций. О событиях на Украине А.Чадаев

пишет: «О прочих условиях, вроде международного давления, массового выражения вдруг появившейся „гражданской позиции“ звёздами искусства и спорта, возникновения субкультуры народно-революционного творчества, ритуального шельмования тех немногочисленных заметных одиночек, которые посмели выступить против „восставшего народа“ в поддержку „Страшного Кровавого Режима“, не стоит и говорить – это следствия [главного] условия: ситуации разгоревшегося пожара, на который сбегаются все, кому не лень».

В обращении к толпе в ходе таких революций политики применяют все главные средства манипуляции сознанием. Первым таким средством можно считать постоянное повторение *магических слов-заклинаний*. Воздействуя на духовную сферу человека, слово порождает многоплановый цепной процесс, обладающий кооперативным эффектом. Пробужденное словом чувство усиливает ход мысли, вызванной этим словом, а в воображении возникают и начинают жить своей жизнью *образы*. Лебон писал: «Могущество слов находится в тесной связи с вызываемыми ими образами и совершенно не зависит от их реального смысла. Очень часто слова, имеющие самый неопределенный смысл, оказывают самое большое влияние на толпу. Таковы, например, термины: демократия, социализм, равенство, свобода и т.д., до такой степени неопределенные, что даже в толстых томах не удается с точностью разъяснить их смысл».

Культуролог из Москвы В.Осипов высоко оценивает владение этой техникой вождей «оранжевой» революции: «Слово *свобода* вообще звучало повсюду. Как и тема сознательного, ответственного народа... Это было как бы ответом на якобы фальсификацию выборов – то есть на попытку лишить народ возможности что-то решать... Ющенко сыграл хорошо – объявил людям: вас хотели обмануть. Вас считают за быдло. Но вы – не быдло, вы – народ, и скажете своё слово, от которого зависит всё».

Все эти слова, которые Ющенко бросал в толпу, не имеют жесткого конкретного содержания. Их функция – сплотить людей в толпу общей идентификацией («мы – не быдло»), наэлектризовать привлекательным магическим словом *свобода*. В столкновении с запрограммированным сознанием этой толпы проиграла типичная русско-советская рациональность – и элиты, и массы шахтеров и рабочих. И Янукович, и его избиратели говорили о тех ценностях, которые были для них очевидными и самыми важными и, как им казалось, должны были быть самыми важными для всех. Эти ценности – восстановление украинского хозяйства, рост производства угля и стали, повышение пенсий и зарплаты, политическая стабильность и порядок.

Язык Майдана был совсем другим, с точки зрения шахтеров Донбасса или металлургов Кривого Рога *иррациональным*. Там говорили и думали о свободе, Европе и рок-музыке. В.Осипов пишет: «Ющенко говорил удивительные вещи (ничего подобного украинцы не слышали никогда): вы навсегда запомните эти дни! Они пересекут вашу жизнь чертой! Вы никогда уже не будете прежними! Здесь и сейчас вы стали народом, решающим судьбу страны! Вы будете рассказывать внукам, что были с нами на Крещатике. Не дайте поставить себя на колени!»

В этих речах отсутствовала логика, но они оказывали сильное воздействие на чувства. Но в большой манипуляции сознанием игра на чувствах – обязательный этап. Лебон писал: «Массы никогда не впечатляются логикой речи, но их впечатляют чувственные образы, которые рождают определенные слова и ассоциации слов». Он особо подчеркивал, что «в своей вечной борьбе против разума чувство никогда не бывало побежденным».

Умелый руководитель толпы должен постоянно поддерживать ее состояние радостного возбуждения и веру в победу. В.Осипов пишет о том, как выполнялось это правило в Киеве: «Тимошенко кричала, что уже и депутаты Европарламента надели оранжевые галстуки, и в Москве на машинах оранжевые ленточки висят. В её речах это звучало рефреном (который хором подхватывали): Сегодня Киев – завтра Москва».

Американский социолог Г. Блумер в работе «Коллективное поведение» пишет: «Функционирование пропаганды в первую очередь выражается в игре на эмоциях и предрассудках, которыми люди уже обладают». Кроме того, в области чувств легче создать «цепную реакцию» – *заражение*, эпидемию чувств. Здесь издавна известны явления, которых нет в индивидуальной психике, – *подражание*, стихийное распространение массового чувства.

Наблюдатель событий в Киеве пишет: «Множество людей повязывают себе оранжевые повязки – символы принадлежности к оппозиции – на все части тела: руки, ноги, голову. Автовладельцы привязывают оранжевые ленточки на антенны, на зеркала, на колеса, ставят флажки внутри салона, ночами носятся по городу и сигналият в поддержку Ющенко (три сигнала – по количеству слогов в фамилии Ющенко). Безусловно, эта массовая истерия явно не оплачена»⁵³. Украинское телевидение передавало даже репортажи о киевлянах, выводящих на улицу своих кошек и собак с повязанными оранжевыми ленточками.

Едва ли не главным чувством, которое шире всего эксплуатируется в манипуляции сознанием, является *страх*. Есть даже такая формула: «общество, подверженное влиянию неадекватного страха, утрачивает общий разум». Поскольку страх – фундаментальный фактор, определяющий поведение человека, он всегда используется как инструмент управления. Причем используется не страх, отвечающий на реальную опасность, а страх иллюзорный, «невротический», который создается в воображении, в мире символов, в «виртуальной реальности».

Мы видели проявления такого иррационального страха в большой «бархатной» революции в Москве в августе 1991 г. М. Леонтьев писал тогда в «Независимой газете»: «Никогда ни в одном государстве мира военный переворот не означал такой физически ощутимой угрозы жизни для десятков тысяч предпринимателей. И никогда демократия не получала столь единодушной поддержки от бизнеса». Представьте только – ожидать, что ГКЧП поставит к стенке «десятки тысяч предпринимателей»!

«Щепотку страха» добавляли к своим вызывающим эйфорию лозунгам и вожди «оранжевой» революции на Майдане. В.Осипов пишет: «Речи лидеров оппозиции – Ющенко, Тимошенко, других – были очень хорошо построены. Их смысл сводился к тому, что любой новый ход оппозиции объявлялся очередной победой, но при этом всегда подчеркивалось, что нельзя расслабляться, нельзя уходить с Майдана! В каждом выступлении звучало: власть уже кому-то раздаёт дубинки, прибыли толпы люмпенов из Донецка, где-то прячется московский спецназ... Утверждалось: мороз приходит из Кремля!»

Толпа верила этому. Прочитированный выше наблюдатель (А.Вальцев) пишет о настроениях на Майдане: «Их (в том числе состоятельных людей и существенную часть интеллигенции, студентов и старшекласников) легко запутать, обмануть... По отношению к украинскому избирателю применялись отточенные до деталей западными политтехнологами методы оболванивания больших масс людей. Избирательная кампания Ющенко – это сплошной черный пиар, цель которого разжечь антирусские настроения и заставить поверить, что украинцы живут плохо из-за России. Абсолютное большинство ющенковцев верит в то, что в Украину приехал русский спецназ, готовый убивать беззащитных украинцев. Все видели этот эфемерный спецназ, а отличили его по говору. Люди верили не только в ахию про русский спецназ, но и про российские войска на границе, про тайные планы вторжения российских войск, про то, что русские обворовывают бедных украинцев и т.д.»⁵⁴.

Трудно поверить, что образованные люди в Киеве верили в страшный русский спецназ, но это так. Уже с конца XIX века ряд европейских ученых (особенно Гюстав Лебон) акцентировали внимание на значении *внушения* в общественных процессах. Лебон много писал о податливости внушению как общем свойстве толпы: «Первое формулированное внушение тотчас же передается вследствие заразительности всем умам, и немедленно возникает соответствующее настроение». Была даже выдвинута гипотеза о наличии у человека «инстинкта подчинения». В 1903 г. русский психофизиолог В.М.Бехтерев издал книгу «Внушение и его роль в общественной жизни». Он описал явление массового внушения под влиянием «психического заражения», то есть при передаче информации с помощью разных знаковых систем.

Лебон неоднократно возвращается к роли образов в программировании поведения: «Толпа мыслит образами, и вызванный в ее воображении образ в свою очередь вызывает другие, не имеющие никакой логической связи с первым... Толпа, способная мыслить только образами, восприимчива только к образам. Только образы могут увлечь ее или породить в ней ужас и сделаться двигателями ее поступков».

Поэтому помимо чувств важнейшим объектом манипуляции сознанием является

воображение – превращение какой-то частички реальности в образ, создаваемый сознанием (фантазией) человека. Лебон писал в книге «Душа толпы»: «Могущество победителей и сила государств именно-то и основываются на народном воображении. Толпу увлекают за собой, действуя главным образом на ее воображение... Не факты сами по себе поражают народное воображение, а то, каким образом они распределяются и представляются толпе. Необходимо, чтобы, сгущаясь, если мне будет позволено так выразиться, эти факты представили бы такой поразительный образ, что он мог бы овладеть всецело умом толпы и наполнить всю область ее понятий. Кто владеет искусством производить впечатление на воображение толпы, тот и обладает искусством ею управлять».

Когда читаем речи ораторов «бархатных» и «оранжевых» революций, можно видеть, что они строятся не из рациональных понятий и категорий, а именно из образов. Они заполняют пространство, как призраки – народ и быдло, «донецкие урки», русский спецназ... Максимальной подвижностью и уязвимостью перед манипуляцией обладает сочетание двух «гибких» миров – воображения и *чувств*. Говорят, что эмоции – основные деятели в психическом мире, а образы – строительный материал для эмоций. Карл Густав Юнг пишет: «Образы, созданные воображением, существуют, они могут быть столь же реальными – и в равной степени столь же вредоносными и опасными, – как физические обстоятельства. Я даже думаю, что психические опасности куда страшней эпидемий и землетрясений».

Исключительно сильная комбинация воображения и чувств возникает при воздействии на сознание образа *крови* и гибели людей, особенно гибели невинных. При этом образ крови воздействует на сознание по-разному в зависимости от того, как он *интерпретируется* теми источниками информации, которые захватили внимание массы. Во время «путча ГКЧП» в Москве в августе 1991 г. гибель трех юношей (причем в результате несчастного случая) стала важной вехой в процессе ликвидации советского государства, – а расстрел из танков здания Верховного Совета, наполненного безоружными людьми, в октябре 1993 г. прямого активизирующего эффекта на массовое сознание не произвел – «интерпретаторы» сумели это воздействие нейтрализовать.

От того, в какой мере удастся революционерам захватить те центры, из которых ведется интерпретация текущих событий, во многом зависит успех всей «бархатной» революции. На Украине оппозиция эту схватку выиграла, она завоевала «символическую власть». Р.Шайхутдинов пишет: «Символическая власть, или власть интерпретаций – контроль того, как люди понимают и воспринимают события и ситуации с использованием механизмов коммуникации. Власть направляет и подсказывает: что важно, а что нет, на что обратить внимание, а на что не надо, что существует, а чего нет совсем. Действующая в этой плоскости власть не дала бы транслировать клятву Ющенко на Библии в верности украинскому народу на всю страну».

Выше говорилось, что «бархатные» революции действуют в пространстве *общества спектакля*, их условием является предварительное превращение граждан в толпу зрителей. Но в манипуляции сознанием театрализация имеет и буквальное значение, как использование специальных театральных эффектов и технических средств. Лебон уделял большое внимание воздействию театра на толпу. Он писал: «Театральные представления, где образы представляются толпе в самой явственной форме, всегда имеют на нее огромное влияние... Ничто так не действует на воображение толпы всех категорий, как театральные представления».

Присущий театру кооперативный эффект комбинации текста и образа связан с тем, что соединяются два разных типа восприятия, которые входят в резонанс и взаимно «раскачивают» друг друга – восприятие *семантическое* и *эстетическое*. Самые эффективные средства информации всегда основаны на контрапункте, гармоничном многоголосии, соединении смысла и эстетики. Они одновременно захватывают и мысль, и художественное чувство (говорят, что «семантика убеждает, эстетика обольщает»).

На этом основана сила воздействия *театра* (текст, звук голосов, цвет, пластика движений) и особенно оперы. Воздействуя через разные каналы восприятия, сообщение, «упакованное» в разные типы знаков, способно длительное время поддерживать интерес и внимание человека. Поэтому эффективность его проникновения в сознание и подсознание

несравненно выше, чем у «одноцветного» сообщения. Соединение многих знаковых систем в театре создает совершенно новое качество, благодаря чему *зрительный зал* образует специфическую «очарованную» толпу.

Лебон отметил важную вещь: «Часто совсем невозможно объяснить себе при чтении успех некоторых театральных пьес. Директора театров, когда им приносят такую пьесу, зачастую сами бывают не уверены в ее успехе, так как для того, чтобы судить о ней, они должны были бы превратиться в толпу».

Это в полной мере учли организаторы «оранжевой» революции. В.Осипов пишет: «Сцены стояли во всех стратегических пунктах: у здания правительства, у Рады, на площадях. Шоу, песни, музыканты использовались „оранжевыми“ как оружие революции. То есть именно так, как мы планировали в 2002 году, работая с группой „Скрябин“ – концерты прошли тогда в Киеве. Конечно же, менеджеры проекта „Оранжевая революция“ были в курсе наших начинаний и использовали опыт кампании Озимого Поколения»⁵⁵.

Все наблюдатели, изучавшие ход «оранжевой» революции на Украине, отмечали умелое сочетание множества каналов воздействия на массовое сознание – текста и образов, музыки и пластики, света и цвета. Для этого применялись и самые современные специальные эффекты. В.Осипов пишет: «Тут важно подчеркнуть интересные технические аспекты. Представьте себе: Ющенко, выступая на Майдане, выкрикивает лозунг. И тут же он высвечивается лазером на стенах домов. Толпа скандирует речёвку, и снова – лазерная графика. Технически революционеры были оснащены великолепно. То есть для подключения масс к изменённому состоянию сознания задействовались все каналы восприятия – слух, зрение...»

В «бархатных» революциях мы видим применение особого языка – коротких (иногда из одного слова) лозунгов, которые непрерывно повторяются – и в виде графических образов, и в речи вождей революции с трибун, и в скандировании толпы. Человеку всегда кажется убедительным то, что он запомнил, даже если запоминание произошло в ходе чисто механического повторения, как назойливой песенки. Внедренное в сознание сообщение действует уже независимо от его истинности или ложности. А. Моль подчеркивает: «На этом принципе и основана вся пропагандистская деятельность и обработка общественного мнения прессой». Еще раньше ту же мысль выразил Геббельс: «Постоянное повторение является основным принципом всей пропаганды».

Упрощение позволяет высказывать главную мысль, которую требуется внушить аудитории, в «краткой, энергичной и впечатляющей форме» – в форме *утверждения* (как приказ гипнотизера – приказ без возражения). Как пишет С.Московичи, «утверждение в любой речи означает отказ от обсуждения, поскольку власть человека или идеи, которая может подвергаться обсуждению, теряет всякое правдоподобие. Это означает также просьбу к аудитории, к толпе принять идею без обсуждения такой, какой она есть, без взвешивания всех „за“ и „против“ и отвечать „да“ не раздумывая».

За последние десятилетия СМИ стали важным фактором укрепления этого типа мышления. Они приучали человека мыслить стереотипами и постепенно снижали интеллектуальный уровень сообщений так, что превратились в инструмент оглушения. Этому послужил главный метод закрепления нужных стереотипов в сознании – *повторение*. С.Московичи писал в «Учении о массах»: «Грамматика убеждения основывается на утверждении и повторении, на этих двух главенствующих правилах». Он приводит слова Лебона: «Повторение внедряется в конце концов в глубины подсознания, туда, где зарождаются мотивы наших действий».

Повторение – один из тех «психологических трюков», которые притупляют рассудок и воздействуют на бессознательные механизмы. При интенсивном употреблении этого приема стереотипы усиливаются до устойчивых предрассудков, человек тупеет. С.Московичи пишет: «Повторение придает утверждениям вес дополнительного убеждения и превращает их в навязчивые идеи. Слыша их вновь и вновь, в различных версиях и по самому разному поводу, в конце концов начинаешь проникаться ими... Будучи навязчивой идеей, повторение становится барьером против отличающихся или противоположных мнений. Таким образом, оно сводит к минимуму рассуждения и быстро превращает мысль в действие, на которое у массы уже сформировался условный рефлекс, как у знаменитых собак Павлова... С помощью повторения

мысль отделяется от своего автора. Она превращается в очевидность, не зависящую от времени, места, личности. Она не является более выражением человека, который говорит, но становится выражением предмета, о котором он говорит... Повторение имеет также функцию связи мыслей. Ассоциируя зачастую разрозненные утверждения и идеи, оно создает видимость логической цепочки».

Как только появляется эта видимость, облегчается захват аудитории из интеллигенции. Теперь интеллигент может с легким сердцем верить любому абсурду, потому что в его сознании не протестует логика – «полиция нравов интеллигенции».

Важнейшим средством (и признаком) манипуляции сознанием в политике является *замалчивание проекта*. Проект заменяется *политическим мифом*. Поэтому общее правило манипуляции при обращении к толпе – уклончивость в изложении позиции, использование туманных слов и метафор. Ясное обнаружение намерений и интересов, которые отстаивает «отправитель сообщения», сразу включает психологическую защиту тех, кто не разделяет этой позиции, а главное, побуждает к мысленному диалогу, а он резко затрудняет манипуляцию.

Иными словами, политик, собирающий под свои знамена граждан, тщательно избегает говорить о цели своего «проекта», о том, что ждет граждан и страну в том случае, если он с помощью их голосов (или действий) придет к власти. Вся его явная пропаганда сводится к обличению противника, причем к обличению главным образом его «общечеловеческих» дефектов: попирает свободу, поощряет несправедливость, врет народу, служит вражеским силам и т.д. Из всех этих обличений вытекает, что при новом режиме всех этих гадостей не будет, а воцарится свобода, справедливость, нравственность, трезвость и т.д.

Первыми признанными мастерами такой пропаганды были якобинцы во время Великой французской революции. Большое историческое исследование ее проделал в год ее столетнего юбилея П.Кропоткин. Он взглянул на нее по-новому, и она потрясла цинизмом нового типа пропаганды. Из всей совокупности речей и текстов, возбуждающих ненависть к старому режиму, абсолютно невозможно было «вычислить» тот проект будущего жизнеустройства, который стоял за отрицанием. И дело было не в том, что революция всегда заводит не совсем туда, куда обещали революционеры. Якобинцы сознательно умалчивали о своих намерениях.

Все «бархатные» революции, включая ядро этой системы переворотов, – перестройку Горбачева – отличаются тем, что временное сплочение общества для разрушения прежней государственности достигалось исключительно путем *мифологизации прошлого*. Не допускалось никакого диалога относительно будущего жизнеустройства, единственной и главной целью было разрушение прошлого, ибо *так жить нельзя*! Пресекались всякие попытки даже задать вопрос о проекте. Горбачеву даже пришлось прямо высказаться по этому поводу: «Нередко приходится сталкиваться с вопросом: а чего же мы хотим достигнуть в результате перестройки, к чему прийти? На этот вопрос вряд ли можно дать детальный, педантичный ответ».

Это обман, никто и не просил педантичного ответа, спрашивали об общей цели. Когда писатель Ю.Бондарев задал предельно общий вопрос («Вы подняли самолет в воздух, куда садиться будете?»), его представили чуть ли не фашистом. Риторика этих революций была несовместима с нормами рациональности и просто со здравым смыслом, в заявлениях политиков не было ни логики, ни разумной меры.

После ликвидации СССР в декабре 1991 г. М.С.Горбачев заявил: «Мои действия отражали рассчитанный план, нацеленный на обязательное достижение победы... Несмотря ни на что, историческую задачу мы решили: тоталитарный монстр рухнул!» Мыслимо ли слышать такие слова от верховного правителя о своем государстве, которому он присягал на верность?

Вот рассуждения М.С.Горбачева о роли государства в экономике, построенные, как и все остальные рассуждения, в манипулятивном ключе. Он пишет: «Отличительной особенностью советской тоталитарной системы было то, что в СССР... человек был поставлен в полную материальную зависимость от государства, которое превратилось в монопольного экономического монстра».

Это не вяжется со здравым смыслом и логикой. Почему государство, обладая собственностью, становится «монстром»? А почему не монстр частная корпорация «Дженерал электрик», собственность которой побольше, чем у многих государств? Почему, если

собственность государственная, человек «поставлен в полную материальную зависимость от государства» – а, например, не от своего труда? В чем реально выражалась «полнота» этой зависимости? Чем в этом смысле государственное предприятие хуже частного? Почти во всех отношениях оно для работников как раз лучше, это подтверждается и логикой, и практикой. А об интересах будущих «капиталистов» Горбачев ни слова не говорил.

Горбачев вытаскивает из нафталина троцкистский тезис об «отчуждении» работника в СССР: «Массы народа, отчужденные от собственности, от власти, от самостоятельности и творчества, превращались в пассивных исполнителей приказов сверху. Эти приказы могли носить разный характер: план, решение совета, указание райкома и так далее – это не меняет сути дела. Все определялось сверху, а человеку отводилась роль пассивного винтика в этой страшной машине».

Это – примитивная схоластика манипулятора, имеющая целью подавить разум человека потоком слов. Почему же люди, имевшие надежное рабочее место на предприятии и широкий доступ к культуре (в том числе к изобретательской деятельности), становились «отчужденными от самостоятельности и творчества»? Все это пустые слова, нечего тут ломать себе голову в поисках смысла.

Вот, Горбачев рисует страшный образ «приказов сверху». А как же иначе может жить человек – не в джунглях, а в цивилизованном обществе? Люди обязаны ценить организацию общества, а иначе оно превратится в джунгли. И как понять, что хотя «приказы могли носить разный характер», это не меняет сути дела? Как такое может быть? «План, решение совета, указание райкома, сигналы светофора и так далее» – все это разные способы координации и согласования наших усилий и условий нашей жизни. Почему же им не надо подчиняться? Почему, если ты следуешь обдуманному плану действий, ты становишься «винтиком в этой страшной машине»? Как могли миллионы образованных людей этому аплодировать!

А вот способ обращения с понятиями и мерой. В разговоре на телевидении с В.Познером (в марте 2005 г.) Горбачев походя выдает такую сентенцию: «То есть, вообще говоря, надо было менять структуру. Ведь всего 8-10 процентов фондов работало на обеспечение жизненных условий людей. Все остальное работало или само на себя или на оборону».

Это миф, доведенный до абсурда. Только ЖКХ (жилье, теплоснабжение, водопровод и пр.), то есть жизнеобеспечение в самом прямом смысле слова, составляло около трети фондов страны. Еще треть фондов – сельское хозяйство и транспорт. Что значит, например, что фонды свинофермы или московского метро «работали сами на себя»? И разве оборона не «работает на обеспечение жизненных условий людей»? Да задумывался ли когда-нибудь этот Главнокомандующий Вооруженными силами СССР, зачем вообще нужна оборона?

Столь же абсурдна и мифологична трактовка прошлого у предводителя «бархатной» революции, ставшего президентом Чехословакии, В.Гавела: «Нашим воздухом нельзя дышать, нашу воду нельзя пить. Рождаются больные дети, так как родители вместо кислорода дышат серой, вместо воды пьют нефть с хлором. Мы разрушили или запустили прекрасные города и села. Покрыли страну крольчатниками, в которых нельзя жить, можно только спать и смотреть телевизор. Умирают наши леса. Десятки тысяч людей работают ради того, чтобы жить все хуже. Крупнейшие машиностроительные заводы зарабатывают не деньги, а долги. Через несколько десятков лет наша земля перестанет родить. Наша экономика во главе таблицы тех, кто зря расходует энергию. Наши деньги – не деньги, за них ничего не купить в двух километрах за Шумавой. Большинство больниц не выполняют своей миссии, а тысячи врачей заполняют бумаги, которые после них никто не читает. Миллионы людей делают бессмысленную работу. Наши студенты не ездят летом по Европе, не знают языков, не узнали, кто такой Шекспир, потому что должны были изучать, что коммунизм является вершиной истории мира»⁵⁶.

Представьте: до «бархатной» революции жители ЧССР «вместо кислорода дышали серой, вместо воды пили нефть с хлором!» Это уже не метафоры и не гиперболы, это заклинания шамана. «Наши деньги – не деньги, за них ничего не купить в двух километрах за Шумавой». Почему же они не деньги, если перед Шумавой за них можно было купить практически то же самое, что иностранцы за Шумавой покупают на тамошние деньги? «Наши студенты не ездят летом по Европе, не узнали, кто такой Шекспир!» До какого состояния надо было довести

массовое сознание, чтобы люди проглатывали такие вещи. Действительно, «поминки по Просвещению», постмодернизм логики не признает. Никак не устоит эта цивилизация перед Китаем и Индией.

Почему же так эффективен миф в манипуляции сознанием? Политический миф деформирует и «упорядочивает» хаос политической реальности, что становится острой потребностью людей в момент кризиса. Миф *интерпретирует* реальность и создает иллюзию порядка. Миф фабрикуется в лаборатории политтехнологов. Ведущий специалист США по пропаганде Г. Лассуэлл дает такое определение: «Политический миф – это комплекс идей, которые массы готовы рассматривать в качестве истинных независимо от того, истинны они или ложны в действительности».

Конструируя политический миф, политтехнологи создают как образ «сил Добра», так и их противника, «империи зла». Так, Советский Союз в пропаганде США времен Рейгана был представлен не просто как геополитический и идеологический противник, а как воплощение Зла, как враг человечества, которому должна быть объявлена священная война. В глазах американского обывателя это упорядочило мир, сняло стресс неопределенности. Потом на уровень американского обывателя стали ударными темпами переводить и мышление европейцев.

Техника подмены проекта мифом была эффективно применена и в «оранжевых» революциях последних лет. Например, из всех речей Ющенко и Тимошенко нельзя составить никакого связного образа того жизнеустройства, которое они предлагают для Украины в противовес обыденному, но связному проекту их оппонентов. Вместо проекта был предложен миф о *борьбе оппозиции с коррумпированной властью*. Ющенко был представлен как *сила Добра* («борец с режимом»), а Янукович – как *сила Зла* («ставленник режима Кучмы и Москвы»).

Не будем сейчас анализировать всю эту конструкцию, возьмем только миф «борец с режимом». Украинский обозреватель пишет: «Политическая программа и риторика Ющенко эклектичны. Ющенко, как и Кучма, и Янукович, и Саакашвили, и Путин, и Лукашенко – не правый и не левый, не либерал и не консерватор, не фашист и не социал-демократ. Избирателям он предложил „микс“ из разваренных до полного безвкусица кусочков либеральных и социалистических идей, провинциального украинского национализма и провинциального же западничества. Но главным компонентом все же был *протест*. Протест против непопулярной «влады», раздробленной, нерешительной, а потому не опасной, т.е. чрезвычайно удобной в качестве мишени...»

К несомненным успехам его самого и команды надо отнести навязывание сопернику собственной повестки кампании «*власть против оппозиции*». Кстати, при любой другой повестке Ющенко бы неизбежно проиграл борьбу за симпатии украинцев. Это и «пророссийский кандидат против прозападного», и «кандидат Востока против кандидата Запада [Украины]», и «кандидат от промышленников против кандидата от спекулянтов» и пр. Себя бывший председатель правления Нацбанка и бывший премьер подавал как оппозицию.

Все наиболее узнаваемые лица оранжевых – из «бывших»: Ющенко и Кинах – бывшие премьеры, Тимошенко и Пинзеник – бывшие вице-премьеры, Тарасюк, Головатый – бывшие министры (из пришедших на память, вообще-то их больше), Червоненко – бывший глава Госрезерва, и это не считая целого сонма бывших начальников всевозможных департаментов, ведомств и администраций. Все они – назначенцы если не Кучмы, то Кравчука»⁵⁷.

«Антиноменклатурная» установка так долго нагнеталась в сознание советских людей (и либералами XIX века, и троцкистами 20-30-х годов, и «шестидесятниками», и «архитекторами перестройки»), что ушла в подсознание и чуть ли не стала одним из архетипов коллективного бессознательного. Обращение к подсознанию, самая сильная сторона манипуляции сознанием. Это и было учтено. Р.Шайхутдинов пишет: «Люди уже подсознательно верят: политик Ющенко, в отличие от партбюрократа Януковича, не может не вести честную игру».

Действительно, представление Ющенко в плане борьбы противоположностей *оппозиция-власть* было единственной возможностью не дать возникнуть в сознании толпы размышлениям и хотя бы внутреннему диалогу относительно реальных последствий избрания Ющенко президентом для Украины – и в экономическом, и в геополитическом плане. Для

такой ситуации был выбран хорошо изученный и надежный миф.

Классической операцией, завершившей разработку технологии «раскрутки» с помощью такого мифа была кампания по выборам в сенат США в 1966 г. совершенно непроходного кандидата, «самодельного миллионера» М.Шаппа. Его продвигал видный специалист по политической рекламе президент американской ассоциации политических консультантов Дж.Нейполитен. Он взялся за эту работу не столько ради денег, сколько для отработки технологии. Изучив обстановку, он выбрал главный лозунг кампании – «*Человек против Машины* ». Была разработана легенда о противоборстве Шаппа с «номенклатурным аппаратом».

За мишень для манипуляции было взято «общечеловеческое» чувство недоверия и недоброжелательства к власти и бюрократии. Фактически о Шаппе в рекламном ролике вообще не было речи, ролик просто эффективно разжигал антиноменклатурный психоз. Шапп лишь представлял *Человеком* , бросившим вызов *Машине* . Полученные в ходе этого эксперимента данные расширили возможности манипуляции. Оказалось, что на антиноменклатурной волне можно продвинуть абсолютно непригодного по всем показателям человека.

Эта техника была повторена во время перестройки в СССР. Для Ельцина был выбран и создан имидж «борца с номенклатурой». Для этого не существовало никакого «реального» материала – ни в биографии, ни в личных взглядах Ельцина. Он сам был едва ли не самым типичным продуктом «номенклатурной культуры». Тем не менее, за весьма короткий срок и с небольшим набором примитивных приемов (поездка на метро, визит в районную поликлинику, «Москвич» в качестве персонального автомобиля) имидж был создан и достаточно прочно вошел в массовое сознание.

Наконец, как будто для того, чтобы сделать «оранжевую» революцию на Украине хрестоматийным примером манипуляции сознанием, массовое сознание было возбуждено *сенсацией* – отравлением Ющенко.

Сенсация – это сообщение о событиях, которым придается столь высокая важность, что на них концентрируется и нужное время удерживается почти все внимание публики. Под прикрытием сенсации можно или умолчать о важных событиях, которых публика не должна заметить, или прекратить скандал или психоз, который уже пора прекратить – но так, чтобы о нем не вспомнили. Сенсационность – это технология. Выработаны даже количественные критерии подбора тех событий, которые можно превратить в сенсацию. Для создания образа Ющенко как «борца с системой» была использована даже его болезнь, которая, казалось бы, должна была бы ухудшить эстетические качества его образа.

Манипулятивный характер раскрученной в СМИ сенсации виден уже из того, что у технологов даже не было необходимости выработать и предлагать правдоподобные версии. Объяснения были зачастую нелепыми, но это совершенно не имело значения – сенсация действует не по законам рациональности.

В СМИ была запущена версия «отравления диоксинами». Но состояние здоровья Ющенко никак не укладывалось в хорошо изученную картину такого отравления. Свои отравляющие свойства диоксин проявляет при длительном и медленном поступлении в организм малых доз; большую дозу, подмешанную в пищу или питье, можно легко определить по характерному вкусу и запаху. Наконец, сама идея использовать столь труднодоступное, но легко обнаруживаемое вещество при наличии сотен высокоэффективных и трудно определяемых в организме ядов кажется совершенно неправдоподобной.

Тем не менее, было добыто «свидетельство венских врачей», согласно которому Ющенко был отравлен диоксином, «дозой в несколько миллиграммов или в количествах около одного грамма» (!). Как писала западная пресса, «если это соответствует действительности, то речь идет о присутствии в организме самого большого количества отравляющего вещества, которое когда-либо регистрировалось при обследовании пострадавших: прежний рекорд 1998 года, тоже зарегистрированный в Вене, был побит почти в 1000 раз. Тогда, странным образом, 30-летний человек был отравлен с помощью примерно 1,6 миллиграмма диоксина. Во время катастрофы в Севесо в 1976 году самые большие дозы отравления были намного меньше одного миллиграмма»⁵⁸.

Пресса была заполнена гремучей смесью ключевых слов и фраз: «яды», «КГБ»,

«отравление борца за свободу и демократию Ющенко», «Ющенко при смерти»... Чего стоит одно заглавие статьи в «Нью-Йорк Таймс» (20 декабря 2004 г.): «Убийство за столом. Тарелка супа из рук дьявола». Замечательно, что московские демократы сразу увидели «руку КГБ». Их товарищей, оказывается, тоже травил диоксином. Пресса писала: «Названные симптомы, внутренние и наружные, по свидетельству очевидцев, напоминают те, что наблюдались перед смертью у нашего коллеги, депутата Юрия Щекочихина. Версию его отравления поддерживают его товарищи по партии „Яблоко“»⁵⁹.

Когда отпала необходимость, вся эта «сенсация» была тихо свернута, и о ней практически больше никто не вспоминает. Она – всего лишь расходный материал в технологии манипуляции сознанием.

Глава 5. Предвестники «бархатных» революций.

Мятеж 1956 г. в Венгрии

События в Венгрии в 1956 г. представляют интерес в рамках нашей темы по ряду причин. Это один из ярких примеров попытки «бархатной революции», направленной на свержение политического режима притом, что у населения не только не было для этого веских социальных причин, но объективно даже противоречило интересам подавляющего большинства.

Кроме того, эти события наглядно показали, что за ширмой ненасильственных действий всегда скрывается готовое к активному *силовому* давлению организованное ядро, так что при невозможности сговора со свергаемой властью и при ее колебаниях «„бархатная революция“ может быстро преобразоваться в вооруженный государственный переворот.

Наконец, эти события показали, насколько важны характеристики социокультурного состояния общества, создающие благоприятные условия для манипуляции сознанием, организации массовых толп и уличных беспорядков. В дальнейшем мы увидим, что «бархатные революции» организуются именно в обществах *переходного* типа, а Венгрия является для этого вывода исключительно красноречивой иллюстрацией.

Венгрия типологически относится к особой категории стран – *восточноевропейских*. После Второй мировой войны эти страны, войдя в «советский блок», прошли путь ускоренного превращения преимущественно аграрного сельского общества в индустриальное, городское и высокообразованное. Индустриализация 1950-х годов («Великая трансформация») была модернизацией по «советскому образцу». Она сопровождалась массовой мобильностью населения, изменением места жительства, образования, профессии, положения в общественной иерархии. Для страны, принадлежавшей до войны к социально-экономической периферии Западной Европы, эта модернизация означала глубокий цивилизационный сдвиг.

В середине 50-х годов Венгрия была *переходным* обществом. За 1948-1952 гг. свой профессиональный статус сменили около 40% мужского населения (западные социологи называют социальную мобильность того периода «беспрецедентной»). Именно в этот период «форсированного эгалитаризма» социальные группы, которые традиционно относились к «низшим», получили доступ к высшему образованию, квалифицированному труду и высоким заработкам. Это породило огромные – и в большой мере оправдавшиеся – социальные ожидания. Преобразования эгалитарного типа в тот период встречали в восточноевропейских странах практически всеобщее одобрение.

Однако в культурном плане столь быстрая социальная перестройка порождала сложные проблемы и кризисы, связанные со сменой среды, образа жизни, стереотипов поведения. Так, в Венгрии в 1962 г. две трети рабочих были выходцами из семей крестьян. Кроме того, возник массивный слой людей с двойным социальным статусом – рабочие-крестьяне (т.н. коворольники). Бывшие крестьяне сохраняли прежнее место жительства, но работали в городе и имели маргинализированные нравы и обычаи. Коворольник периода первых пятилеток чувствовал себя крестьянином в заводской среде и рабочим в селе.

Переходный, неопределенный социальный статус порождал мировоззренческий вакуум, лишал человека привычных жизненных устоев. Высокий уровень стресса вызывался также

очень интенсивной маятниковой мобильностью – половина сельских жителей работала в городах⁶⁰. Таким образом, характерной чертой населения Венгрии 50-х годов была ярко выраженная переходность, или маргинальность – социального положения и способа существования, рода деятельности и интересов, состояния сознания и системы ценностей. В этот же период происходил массовый прием молодежи в высшие учебные заведения, что также стало новым широким каналом социальной мобильности⁶¹.

Из этого видно, что в Венгрии в середине 50-х годов не было причин и мотивов для *социального* недовольства и тем более *социальной* революции. Геополитические противники СССР в «холодной войне» в своей подрывной деятельности против советского блока использовали иные мотивы. Венгры (как и жители других восточноевропейских стран) в цивилизационном плане считали себя принадлежащими к Западу и тяготели к нему – независимо от идеологических установок. Включение Венгрии в «советский блок» было пунктом уговоренного послевоенного порядка, результатом победы СССР в войне. Образование «стран народной демократии» было своего рода геополитическим трофеем СССР (а для Венгрии и наказанием за участие в войне против СССР на стороне Германии). И хотя в составе советского блока и с помощью СССР Венгрия становилась одной из развитых промышленных стран мира, западная пропаганда имела благоприятную возможность играть на струнах уязвленного «европейского» самолюбия.

История этих событий такова. Согласно Ялтинским соглашениям, в ноябре 1945 года в Венгерской народной республике прошли свободные выборы. Партия мелких землевладельцев получила в парламенте 245 мандатов из 409, однако советское командование настояло на создании коалиционного правительства, в котором ключевые министерства – обороны и МВД – заняли коммунисты. В 1948 году генеральный секретарь Венгерской Партии Труда (ВПТ, коммунисты⁶²) Матиаш Ракоши, установил полный контроль над государственными структурами. Не обошлось без репрессий – в 1949 году был казнен Ласло Райк, министр внутренних, а позже министр иностранных дел.

После смерти Сталина в июне 1953 г. в Москве состоялись переговоры советской и венгерской партийно-правительственных делегаций. Советское руководство критиковало авторитарного секретаря ЦК Венгерской партии трудящихся Матиаса Ракоши за установление монополии на власть, требовало более полного учета национальных особенностей страны, прекращения репрессий. 4 июля 1953 г. премьер-министром Венгрии был назначен Имре Надь. Он объявил об экономических реформах и реабилитации ряда жертв политических репрессий. Реформа предусматривала отмену мер против кулаков, предоставление земельных наделов и замедление коллективизации, либерализацию духовной жизни и религиозную терпимость. В 1954 г. из тюрьмы был освобожден Янош Кадар, бывший заместитель Генерального секретаря ВПТ и министр внутренних дел, приговоренный в 1951 г. к пожизненному заключению.

В январе 1955 г. Ракоши на встрече в Москве обвинил Надя в правом уклоне и нашел поддержку у Хрущева. Надь был снят с поста премьер-министра и исключен из партии. «Десталинизация» в СССР вызвала дестабилизацию обстановки в странах Восточной Европы. Микоян, прибывший в Будапешт 13 июля 1956 г., выразил серьезную обеспокоенность тем положением, которое складывалось в Венгрии, и предложил Ракоши добровольно оставить пост первого секретаря ЦК ВПТ. Ракоши был смещен и уехал в Советский Союз, однако И.Надь не был реабилитирован.

6 октября власти разрешили торжественное перезахоронение главных жертв репрессий 1949 года. Процессия собрала двести тысяч человек. Активизировалась антиправительственная пропаганда, и в середине октября начались волнения студентов по всей стране. Они требовали отказаться от сталинских методов управления страной, прекратить преподавание марксизма-ленинизма. 14 октября 1956 года был реабилитирован Имре Надь. Кадар стал заместителем премьер-министра.

22 октября собрание в Будапештском политехническом институте выдвинуло требования: созыв съезда ВПТ, удаление сталинистов из руководства, расширение социалистической демократии, возвращение И. Надя на пост премьер-министра, уменьшение налогов на крестьян. К ним добавились призывы к установлению многопартийности, проведению свободных выборов, возврату старой государственной символики, выводу советских войск из Венгрии.

23 октября в Будапеште под этими лозунгами прошла демонстрация. Имре Надь находился в толпе и превратился в популярного политика. Часть демонстрантов направилась к памятнику Сталину и попыталась его демонтировать, в ответ с крыши парламента был открыт огонь. Противостояние превращалось в вооруженную борьбу.

Поздно вечером 23 октября в Москве на заседании политбюро ЦК КПСС была заслушана информация маршала Жукова о событиях в Венгрии. Было решено направить в Будапешт Сулова и Микояна для изучения ситуации на месте. В Будапеште же при попустительстве властей марш превратился в буйство толпы – была подожжена радиостанция, в провинции совершены нападения на местные организации ВПТ и органы МВД. Первый секретарь ЦК ВПТ позвал на помощь советские войска. Стрелковый корпус уже ранним утром 24 октября вступил в Будапешт. Вместе с советскими войсками действовали войска венгерской госбезопасности.

24 октября 1956 г. Надь стал премьер-министром Венгрии, вошел в состав высшего партийного руководства. Он заявил в своем радиовыступлении 25 октября, что советские войска будут выведены «незамедлительно после восстановления мира и порядка». Первым секретарем ВПТ был избран Я. Кадар. По всей Венгрии стали образовываться «рабочие советы», которые замещали органы государства.

27 октября было сформировано новое правительство Венгрии, куда вошли представители некоммунистических партий. Надь назвал уличные выступления демократическим народным движением, и распустил органы госбезопасности. В радиопередаче Имре Надь, Янош Кадар, руководители партии Мелких землевладельцев и Национальной крестьянской партии пообещали, что Венгрия станет нейтральной плюралистической демократией, состоятся свободные выборы, что советские войска должны покинуть Венгрию.

В Москве в ЦК КПСС шли интенсивные дискуссии, мнения в руководстве разделились. 30 октября Хрущев внес предложение, согласованное с партийной делегацией КПК во главе с Лю Шаоци, о выводе советских войск из стран народной демократии. Была принята Декларация правительства СССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими странами». Начался отвод советских войск из Будапешта.

В ночь на 30 октября вооруженные силы Израиля вторглись в Египет, затем английское и французское правительства предъявили Египту ультиматум, требуя, чтобы в течение 12 часов он прекратил все действия военного характера на суше, море и в воздухе, отвел войска на 10 миль от Суэцкого канала и согласился на оккупацию английскими и французскими войсками ключевых позиций в Порт-Саиде, Исмаилии и Суэце. 31 октября английские и французские войска начали боевые действия против Египта.

Резкое нарушение равновесия в мире заставило ужесточить советскую позицию в Венгрии и придало этому конфликту срочный и чрезвычайный характер. Хрущев заявил на заседании Президиума ЦК КПСС 31 октября (цитируем рабочую запись): «Пересмотреть оценку. Войска не выводить из Венгрии и Будапешта и проявить инициативу в наведении порядка в Венгрии. Если мы уйдем из Венгрии, это подбодрит американцев, англичан и французов, империалистов. Они поймут как нашу слабость и будут наступать... К Египту им тогда прибавим Венгрию. Выбора у нас другого нет... Создать временное революционное правительство во главе с Кадаром... Это правительство – пригласить... на переговоры о выводе войск, и решить вопрос. Если Надь согласится – ввести его заместителем премьера. Мюнних обращается к нам с просьбой о помощи, мы оказываем помощь и наводим порядок. Переговорить с Тито, проинформировать китайских товарищей, чехов, румын, болгар. Большой войны не будет».

После этого началась интенсивная подготовка к подавлению восстания в Венгрии силами советских войск. Вместо скомпрометировавшей себя ВПТ Янош Кадар основал новую компартию. 1 ноября он выступил по радио с обращением. Он, в частности, сказал: «В славном восстании наш народ сбросил режим Ракоши. Он добился свободы и независимости для страны... Коммунисты, борющиеся против деспотизма Ракоши, решили... основать новую Венгерскую социалистическую рабочую партию. Новая партия раз и навсегда покончит с преступлениями прошлого. Она будет защищать независимость нашей страны от всех посягательств... Наш народ своей кровью доказал стремление без раздумий поддерживать усилия правительства, направленные на полный вывод советских войск... Я обращаюсь ко всем

венгерским патриотам. Давайте объединим наши силы во имя победы независимости и свободы Венгрии!»

Кадар перехватил лозунги восстания и связал их с позицией большинства населения Венгрии, не желавшего погружения страны в хаос и тем более вооруженных столкновений с Советской армией. 4 ноября 1956 г. началась операция «Вихрь» по «восстановлению порядка в Венгрии». Формальным основанием для нее стало приглашение Временного правительства Я. Кадара, учрежденного 3 ноября в противовес правительству Имре Надя. В течение двух дней были подавлены все очаги вооруженного сопротивления. Руководители ГДР, Болгарии, Чехословакии, Китая и Югославии поддержали ввод советских войск. Запад был занят в Египте и ничего серьезного предпринять не смог (кроме неофициальной помощи повстанцам деньгами и оружием). В боях погибло 2502 венгра, 19226 было ранено. С советской стороны погибло в боях, умерло от ран и пропало без вести 720 человек, было ранено 1540 человек.

Какие выводы для нашей темы можно сделать из венгерских событий?

1. Смена высшего руководства резко дестабилизирует ситуацию, что может быть использовано оппозицией для свержения власти. Приход на смену авторитарному лидеру слабого правительства деморализует госаппарат, так что часть служащих не подчиняется приказам официальной власти. Это создает ситуацию двоевластия и раскалывает силовые структуры.

2. В качестве движущей силы беспорядков легче всего использовать студенчество, которое в ходе мирного марша может быть превращено в возбужденную толпу. Толпа возникает вокруг хорошо организованного ядра – его члены имели списки сотрудников госбезопасности, а подручные вешали их на столбах в Будапеште. Такие действия служат важным фактором давления на всех госслужащих, парализуют госаппарат и правоохранные органы.

3. Деньги являются очень важным фактором для организации управляемой толпы (денежные потоки шли в Венгрию через Австрию). Важной силой являются СМИ, особенно западные корреспонденты, которые разжигали антисоветизм и одновременно создавали иллюзию поддержки «революции» со стороны западных держав.

Но главным общим уроком служит тот факт, что при решительных действиях по подавлению мятежа при одновременном оздоровлении власти удается быстро восстановить порядок и мир – даже если мятеж зашел очень далеко и охватил всю страну. Несмотря на крупномасштабные для мирного времени столкновения и большие жертвы, подавление мятежа советскими войсками обеспечило Венгрии длительный период спокойного развития, постепенных эффективных реформ и последующего благополучного дрейфа в лоно Европейского союза. Так это и было принято населением Венгрии, о чем говорит и общее состояние страны после 1956 г., и чрезвычайно высокий авторитет Я.Кадара.

«Пражская весна» 1968 года

Следующей после Венгрии мишенью технологов “бархатных” революций в странах Организации Варшавского договора стала Чехословакия. В 1968 г. почти восемь месяцев Чехословацкая Социалистическая Республика (ЧССР) переживала период глубокого кризиса политической системы.

Период 60-х годов был временем ожиданий в социалистическом лагере, порожденных решениями XX съезда КПСС и хрущевской «оттепелью» в Советском Союзе. В компартии Чехословакии, в среде творческой интеллигенции и в студенческих организациях также возникали острые дискуссии по вопросам политики компартии, либерализации общественной жизни, отмены цензуры и т.д. Будучи наиболее развитой промышленной страной среди восточноевропейских стран, Чехословакия ориентировалась на западные стандарты образа жизни.

Особую роль в Чехословакии, как и в других странах Восточной Европы, стала в 60-е годы играть интеллигенция. Как отмечали социологи, «восточноевропейская интеллигенция, преимущественно „новая“, создала тип культуры, тесно связанный со „старой дворянской

культурой“ и, сохраняя преемственность с ней, воспринимала себя как национальную элиту»⁶³. К концу 60-х годов интеллигенция Чехословакии из элитарного слоя превратилась в массовый, но попытка создать «интеллигенцию с рабоче-крестьянским сознанием» не удалась. Интеллигенция ощущала себя особым харизматическим слоем общества, ответственным за судьбы национального развития и передачу национальных ценностей последующим поколениям. Своеобразием этого положения было, по словам социологов, то, что интеллигенция «фактически заняла социальные позиции буржуазии, сохранив ментальность аристократии». Эти установки поразительно быстро усваивало и молодое пополнение интеллигенции из семей рабочих и крестьян.

Особенно большой вклад в подъем национального самосознания и общественной активности чехословацкого общества в конце 60-х годов внесла политизированная гуманитарная интеллигенция. Историки активно поддерживали позиции литераторов, выраженные на IV съезде Союза чехословацких писателей (июнь 1967 г.), который стал предвестником назревавших в обществе перемен. Выступавшие на съезде поднимали проблемы борьбы за демократию и прогресс, за свободу слова и отмену цензуры, за реализацию гуманистических целей социализма. Гуманитарная интеллигенция участвовала в подготовке «Программы действий КПЧ» (апрель 1968 г.), в пропаганде идей «пражской весны».

Эти сдвиги вызвали внутри КПЧ в конце 1967 г. политический конфликт, который привел к смене руководства. Президент А.Новотный был снят с поста первого секретаря ЦК КПЧ. Первым секретарем ЦК КПЧ стал А.Дубчек, выпускник Высшей партийной школы при ЦК КПСС, выступавший за обновление политики партии. В Москве к этому выбору отнеслись спокойно. На годовщину февральских событий 1948 г., когда коммунисты пришли к власти, в Прагу прибыли все лидеры европейских соцстран, включая Н.Чаушеску. В конце марта А.Новотный подал в отставку с поста президента ЧССР. Вместо него был избран Людвик Свобода. Олдржих Черник сменил на посту премьер-министра Йозефа Ленарта.

Затяжной характер политического кризиса, упорное противодействие Новотного и его сторонников Дубчеку, ряд скандальных происшествий 1968 г. (например, побег в США генерала Яна Чейны, сопровождаемый слухами о неудавшейся попытке военного переворота с целью возвращения к власти Новотного), ослабление цензуры – все это дестабилизировало ситуацию в обществе. Реформаторское крыло в руководстве КПЧ радикализовало свои шаги, выдвинув концепцию «социализма с человеческим лицом» и включив ее в «Программу действий», принятую в апреле 1968 г. в качестве т.н. «великой хартии вольностей» нового руководства. Кроме того, Дубчек разрешил создание ряда политических клубов и отменил цензуру. Это был ранний вариант того, что через 20 лет мы наблюдали в СССР под названием «перестройка и гласность».

Манящее чувство свободы и независимости обретало новых и новых поклонников. Что же касается руководства КПЧ и правительства, то помимо общих слов о демократии и либерализации, новых идей и концепций по существу не высказывалось. Вот как пишет об этом один из идеологов «пражской весны», бывший секретарь ЦК КПЧ З.Млынарж (кстати, однокашник и сосед Горбачева по комнате в общежитии МГУ): «На протяжении целых трех месяцев партийное руководство решало вопросы, связанные с распределением кресел в верхушке партийного и государственного аппарата, и именно поэтому невозможно было приступить к осуществлению продуманной политики реформ. Общественность же не могла ждать окончания борьбы за кресла министров и секретарей ЦК. Накопившиеся, но не решенные за многие годы проблемы стали обсуждать открыто».

Компартия как инициатор перемен теряла время и уступала политическое пространство другим силам. В конце марта 1968 г. ЦК КПСС разослал партактиву закрытое письмо о положении в Чехословакии. В нем выражалось беспокойство советского руководства: «В Чехословакии ширятся выступления безответственных элементов, требующих создать „официальную оппозицию“, проявлять „терпимость“ к различным антисоциалистическим взглядам и теориям... Делаются попытки бросить тень на внешнеполитический курс Чехословакии и подчеркивается необходимость проведения „самостоятельной“ внешней политики. Раздаются призывы к созданию частных предприятий, отказу от плановой системы, расширению связей с Западом. Более того, в ряде газет, по радио и телевидению

пропагандируются призывы „к полному отделению партии от государства“, к возврату ЧССР к буржуазной республике Масарика и Бенеша, превращению ЧССР в „открытое общество“ и другие... Следует отметить, что безответственные выступления в прессе, по радио и телевидению под лозунгом „полной свободы“ выражения мнений, дезориентирующие массы, сбивающие их с правильного пути, не получают отпора со стороны руководства КПЧ... Происходящие события в Чехословакии стремятся использовать империалистические круги для расшатывания союза Чехословакии с СССР и другими братскими социалистическими странами».

«Казалось, – вспоминал Андрей Сахаров, – что в Чехословакии происходит наконец то, о чем мечтали столь многие в социалистических странах, – социалистическая демократизация (отмена цензуры, свобода слова), оздоровление экономической и социальной систем, ликвидация всевластия органов безопасности внутри страны с оставлением им только внешнеполитических функций, безоговорочное и полное раскрытие преступлений и ужасов сталинистского периода („готвальдовского“ в Чехословакии). Даже на расстоянии чувствовалась атмосфера возбуждения, надежды, энтузиазма, нашедшая свое выражение в броских, эмоционально-активных выражениях – „Пражская весна“, „социализм с человеческим лицом“.

Происходило то, что А.Грамши называл *подрывом культурной гегемонии* политического строя. Этот подрыв осуществлялся посредством «молекулярной агрессии» в сознание людей – в виде потока множества сообщений самой разной формы и по самым разным вопросам общественной жизни. В русский язык это явление вошло под названием *ползучий переворот*.

В июне 1968 г. 300 историков новейшего времени, собравшиеся на философском факультете Карлова Университета, выступили с требованием свободы научной работы и беспрепятственного распространения ее результатов, высказались за свободную конкуренцию марксистских и немарксистских школ, потребовали освобождения исторической науки от политической и идеологической опеки, отказа от административных методов управления научной работой и создания автономных демократических организаций самих историков. В программных принципах первоначально намеченного на лето 1968 г. XIV съезда КПЧ, эти требования получили довольно полное отражение.

Советское руководство сочло Программу КПЧ ревизионистской, «ведущей к мирному перевороту в стране и к отрыву союзника от Варшавского Договора». По мнению Брежнева, чехословацкое руководство «разложило армию» и подорвало основы внешней политики ЧССР. 4 мая 1968 года состоялась встреча руководителей КПСС и КПЧ в Москве, но общего языка стороны не нашли. Реформы, особенно связанные с устранением цензуры в печати, встретили резкую критику в СССР, Польше, Венгрии, Болгарии и ГДР. Дубчек, однако, имел поддержку со стороны коммунистов Западной Европы, а также Румынии и Югославии.

ЧССР шаг за шагом шла к выходу из «советского блока». В СМИ и на непрерывных собраниях велись шумные кампании с требованием независимости во внешней политике, проводился сбор подписей за выход Чехословакии из Варшавского Договора и т.п. Резко усилились сепаратистские настроения с идеей раздела страны на три части – Чехию, Моравию и Словакию, нестабильным стало положение в районах с компактным проживанием венгерского населения.

Чехословацкое общество было расколото, рабочий класс дезориентирован. Командный состав армии и других силовых структур, прошедший подготовку в Советском Союзе, был в основном привержен идеям социализма и дружбы с СССР. Но пропаганда антисоциалистических организаций и клубов, получавших обильную материальную помощь с Запада, была очень интенсивной и квалифицированной. На Чехословакию вещали радиостанции «Радио Свобода» и «Свободная Европа», расположенные на территории ФРГ и находившиеся на содержании ЦРУ. Высока была активность американских спецслужб с территорий ФРГ и Австрии. КГБ были выявлены кадровые сотрудники ЦРУ и других спецслужб, приезжавших в 1967 году в ЧССР для вербовки спецгрупп и подготовки оппозиции. Были известны источники и каналы поступления финансовой помощи по линии спецслужб и идеологических подрывных центров.

С геополитической точки зрения для СССР возникла опасная ситуация в одной из

ключевых стран Восточной Европы. Перспектива выхода ЧССР из Варшавского Договора, в результате которого произошел бы неизбежный подрыв восточноевропейской системы военной безопасности, была для СССР неприемлема. Это было в то время гораздо серьезнее, чем разговоры про «социализм с человеческим лицом» (для таких разговоров СССР стал уязвим гораздо позже).

На Западе «Пражскую весну» трактовали как процесс иного рода, нежели события в Венгрии в 1956 году. Здесь делали упор именно на стремлении Дубчека к обновлению социализма, в поддержке этого курса активную роль играла на Западе левая интеллигенция и особенно еврокоммунисты. Руководство КПЧ не бросало вызова интересам безопасности СССР, не выступало с предложением ревизии внешнеполитической ориентации Чехословакии, не подвергало сомнению членство Чехословакии в Варшавском договоре и СЭВ. Процесс шел «под знаменем Ленина». Но советское руководство не верило в идеализм и оценивало опасность прагматически.

Однако в Москве долго отклоняли мысль о проведении военной акции и вели интенсивные поиски мирного решения проблемы. Состоялся целый ряд многосторонних и двусторонних встреч и переговоров (последняя – переговоры на высшем уровне между Политбюро ЦК КПСС и Президиумом ЦК КПЧ в Братиславе в августе 1968 года). Чехословацкое руководство категорически отказалось принять предложения о размещении советского воинского контингента на территории ЧССР. Вариант военного вмешательства обсуждался в военном руководстве СССР в течение всего этого периода, но применение силы рассматривалось в качестве последней альтернативы.

Решение о вводе войск было принято на расширенном заседании Политбюро ЦК КПСС 16 августа и одобрено на совещании руководителей стран Варшавского Договора в Москве 18 августа. Формальным поводом послужило письмо-обращение группы партийных и государственных деятелей ЧССР к правительствам СССР и других стран Варшавского Договора с просьбой об оказании интернациональной помощи. К 20 августа была готова группировка войск, первый эшелон которой насчитывал до 250 тыс., а общее количество – до 500 тыс. чел.

В ночь на 21 августа 1968 г. армейские соединения СССР, а также войска ГДР, Венгрии, Польши и Болгарии общей численностью 650 тыс. человек вошли на территорию Чехословакии и заняли страну. Акция была осуществлена на основе коллективного решения государств – участников Организации Варшавского Договора. Накануне Маршал Советского Союза А.А. Гречко проинформировал министра обороны ЧССР М. Дзура о готовящейся акции и предостерег от оказания сопротивления со стороны чехословацких вооруженных сил. Соединения и части союзных войск размещались во всех крупных городах, особое внимание уделялось охране западных границ ЧССР. Стремительный и согласованный ввод войск в ЧССР привел к тому, что в течение 36 часов армии стран Варшавского Договора установили полный контроль над чехословацкой территорией.

200-тысячная чехословацкая армия не оказала никакого сопротивления, она пребывала в казармах и до конца событий оставалась нейтральной. Население, главным образом в Праге, Братиславе и других крупных городах, проявляло недовольство, но реальных попыток активного сопротивления не было. Протест выражался в сооружении символических баррикад на пути продвижения танковых колонн, работе подпольных радиостанций, распространении листовок и обращений к чехословацкому населению и военнослужащим стран-союзниц. По неофициальным данным, около 25 чехословацких граждан были убиты во время демонстраций.

21 августа группа стран (США, Англия, Франция, Канада, Дания и Парагвай) выступила в Совете Безопасности ООН с требованием вынести «чехословацкий вопрос» на заседание Генеральной Ассамблеи ООН, добиваясь решения о немедленном выводе войск стран Варшавского Договора. Представители Венгрии и СССР проголосовали против. Позже и представитель ЧССР потребовал снять этот вопрос с рассмотрения ООН. Ситуация в Чехословакии обсуждалась также в Постоянном совете НАТО. С осуждением военного вмешательства пяти государств выступили правительства Югославии, Албании, Румынии и Китая.

С ЧССР был подписан договор об условиях временного пребывания советских войск на

территории Чехословакии. Была восстановлена цензура печати, расформированы антикоммунистические организации; к концу 1969 большинство либеральных начинаний было ликвидировано – ЧССР осталась в составе «советского блока» еще на 20 лет, пока «„бархатная революция“ не произошла в самой Москве.

Военное вторжение в Чехословакию и подавление «пражской весны» сильно ухудшило положение СССР. Теперь на сторону его противника в холодной войне перешла левая интеллигенция Запада, включая руководство его главных компартий («еврокоммунизм»). Для СССР начался новый этап холодной войны – не только без союзников, но и с западными компартиями в роли скрытых, а то и явных противников. Поскольку советская интеллигенция, включая часть номенклатуры КПСС, была в общем западнической, она совершила, с некоторым отставанием, тот же поворот – к еврокоммунизму, а затем либерализму. Вторжение в ЧССР сплотило «шестидесятников» как открыто антисоветскую силу.

«Пражская весна» стала экспериментом над советской интеллигенцией, как кислота, которой проверяют фальшивую монету. Конечно, вторжение не было реальной причиной антисоветского поворота, а лишь удобным поводом, моральным прикрытием. Не в «социализме с человеческим лицом» было дело. Ведь в 90-е годы, когда деятели «пражской весны» выявили свою суть, никто из их российских почитателей не признал, что тогда, в 1968 г., он ошибался, а Брежнев, Гречко и другие старики были по сути правы.

Дубчек вовсе не был «коммунистом-романтиком». После 1989 г. он сидел во главе парламента и штамповал все антисоциалистические законы. Какой же это идеализм? Это обычное, виденное позже в Москве поведение номенклатурного отпрыска, который легко переходит на службу к новым хозяевам. То же самое они бы делали и тогда, не будь советского «кованого сапога».

Из-за чего же хлопотала тогда советская элитная интеллигенция и пошла в 1968 г. на первый открытый конфликт с властью? Ей было противно, что Россия борется за свои жизненные интересы как держава – теми же средствами, которые Запад применял и применяет без зазрения совести. У США вообще никаких моральных проблем при этом не возникает, но наши демократические интеллектуалы за это даже больше их уважают. США открыто объявляют большие части мира зоной своих интересов и запросто вводят туда войска, предварительно уничтожив с воздуха множество людей – российским интеллигентам-демократам это даже нравится.

В 1968 г., пойдя ради спасения всего блока и Варшавского договора на вторжение в ЧССР, советское руководство, конечно, предвидело, какой тяжелый урон это нанесет СССР. Это было, прямо скажем, плохое решение. Но все попытки даже сегодня, после того, что мы повидали за последние 30 лет, заново «проиграть» ту ситуацию, не позволяют надежно определить, какое решение было бы лучшим. Лучшим в интересах СССР, а не его противников.

Август 1968 г. – бой в холодной войне при отступлении. Наверх уже шло поколение горбачевых и шеварднадзе.

Глава 6. «Красный май»: студенческий мятеж 1968 г. во Франции

После прихода в 1958 году к власти во Франции де Голль (ему к этому времени уже было 68 лет) установил авторитарный режим. Он проводил конституционные реформы, все более ослабляющие значение парламента и все более усиливающие власть президента. Его программой было совершение Францией «мобилизационного рывка» в рамках общей концепции *догоняющего развития*. Исторический опыт многих стран показывает, что успешные программы такого типа осуществляются только в условиях достаточно авторитарной власти.

Вместе с тем де Голль проводил самостоятельную внешнюю политику, которая укрепляла независимость Франции от союзников по НАТО и способствовала повышению авторитета страны на международной арене. Франция официально признала Китайскую Народную Республику, вывела французские войска из подчинения НАТО и потребовала вывода штаба НАТО из Франции. В стране было ускорено развитие программ ядерного вооружения, и поэтому Франция отказалась подписать договоры о прекращении ядерных испытаний и о

нераспространении ядерного оружия. Де Голль открыто критиковал войну США во Вьетнаме, осудил позицию Израиля в арабо-израильской войне 1967, налаживал более тесные связи с СССР и другими странами Восточной Европы и препятствовал вступлению Великобритании в Общий рынок.

Послевоенный период был отмечен стабильным ростом экономики, и, как следствие, низким уровнем безработицы и даже нехваткой квалифицированной рабочей силы. Однако рост требовал инвестиций в производство и технологию, притом что социальная сфера (вложения в здравоохранение и соцобеспечение) отставала. Три миллиона парижан жили в домах без удобств, половина жилья не была оснащена канализацией, 6 миллионов французов жили за чертой бедности. На заводах практиковались сверхурочные, часто при сохранении низкой зарплаты. В 1936 г. правительством Народного Фронта была введена 40-часовая рабочая неделя, но к середине 1960-х она выросла до 45 часов. Условия жизни иммигрантов были лишь чуть лучше, чем в «третьем мире», заводские общежития были переполнены, люди жили в антисанитарных условиях.

Относительно ухудшились условия жизни и учебы студентов. Хотя расходы государства на образование росли, из-за резкого демографического взрыва послевоенных лет выходцам из малообеспеченных семей становилось сложнее получить высшее образование. В университетах действовали жесткие внутренние уставы. Молодежь бурлила, постоянно проходили студенческие манифестации, быстро возрастало число левацких и анархистских организаций. Де Голль, человек военный и консервативных взглядов, недооценил роль идеологии и не налажил диалог с обществом, считая, что укрепление Франции говорит само за себя.

Все это привело к потере доверия части французских избирателей – в 1965 г. де Голлю не удалось набрать большинство голосов в первом туре президентских выборов, а во втором туре он прошел с незначительным перевесом. В 1967 г. голлисты потеряли большинство мест в парламенте. Возникла разновидность двоевластия, фактор дестабилизации обстановки.

Начало волнений

В начале учебного 1967/68 года проявилось давно копившееся недовольство студентов – недовольство жестким дисциплинарным уставом в студенческих городках, переполненностью аудиторий, бесправием студентов перед администрацией и профессорами, отказом властей допустить студентов до участия в управлении делами в высшей школе. Надо, правда, предупредить, что дошедшие до нас мнения участников протестов о жёстком дисциплинарном уставе в студгородках и полном бесправии студентов нельзя понимать буквально. Так, один из мини-бунтов – репетиций майского мятежа – был вызван тем, что постояльцы мужских студенческих общежитий имели право приводить к себе на ночь знакомых девушек, а постояльцам женских общежитий аналогичного права не предоставлялось (по крайней мере, формально). По Франции прокатилась серия студенческих митингов с требованиями выделения дополнительных финансовых средств, введения студенческого самоуправления, смены приоритетов в системе высшего образования.

Студентам казалось, что им навязывают ненужные предметы, используют устаревшие методики, что преподают им слишком старые («выжившие из ума») профессора. В то же время высшая школа закрыта от важнейших проблем современности – начиная от равноправия полов и кончая войной во Вьетнаме. «Мы долбим бездарные труды всяких лефоров, мюненов и таво, единственное „научное достижение“ которых – то, что они стали к 60 годам профессорами, но нам не разрешают изучать Маркса, Сартра и Мерло-Понти, титанов мировой философии!» – с возмущением писали в резолюции митинга студенты из Орсэ.

9 ноября 1967 года несколько тысяч студентов провели бурный митинг в Париже, требуя отставки министров образования и культуры и изменения правительственного курса в сфере образования. Акция протеста переросла в митинг памяти недавно убитого в Боливии Эрнесто Че Гевары. Студенты скандировали: «Че – герой, буржуазия – дерьмо! Смерть капиталу, да здравствует революция!» Многие при этом плакали.

21 ноября студенты в Нантере, городе-спутнике Парижа, осадили здание ректората и

вынудили администрацию допустить студентов до участия в работе органов самоуправления университета. В декабре во Франции прошла Неделя действий студентов, в которой участвовали студенты Парижа, Меца, Дижона, Лилля, Реймса и Клермон-Феррана. Власти постарались замолчать эти выступления, стараясь «не пропагандировать дурные примеры».

С февраля по апрель 1968 года во Франции произошло 49 крупных студенческих выступлений, а 14 марта был даже проведен Национальный день действий студентов. Возникли новые формы студенческой борьбы. Студенты в Нантере 21 марта отказались сдавать экзамены по психологии в знак протеста против «чудовищной примитивности» читавшегося им курса. Такая форма борьбы – бойкот экзаменов или лекций под предлогом требований повышения качества образования – стала быстро распространяться по стране.

Эти протесты перерастали в открытые столкновения с полицией на улицах университетских городков. Арест шести активистов Комитета защиты Вьетнама, послужил причиной проведения 22 марта в Нантере митинга, в ходе которого студенты захватили административный корпус университета. По инициативе студентов было создано «Движение 22 марта», руководителем которого стал Даниэль Кон-Бендит – «Красный Дани».

Кон-Бендит родился в 1945 году. Немец из ФРГ, он изучал социологию в Сорбонне. Он завоевал популярность среди студентов своими выступлениями, в которых говорил о необходимости разрушить буржуазное общество, совершить революцию «здесь и сейчас». Он отвергал какой-либо конкретный общественный идеал и ратовал за перманентную революцию. Кон-Бендит и его сторонники заявили, что их главная цель в данный момент – *опрокинуть режим*. Они строили баррикады, ввязывались в драки с полицией, разбрасывали листовки, в которых призывали к немедленным выступлениям против существующей системы⁶⁴.

Идеологическая основа

«Движение 22 марта» ориентировалось на идеи т.н. Ситуационистского Интернационала и его вождя Ги Дебора, автора хрестоматийной книги «Общество спектакля» (1967). Ситуационисты считали, что Запад уже достиг товарного изобилия, достаточного для коммунизма, – и пора устраивать революцию, в первую очередь «революцию повседневной жизни». Это означало отказываться от работы, подчинения государству, уплаты налогов, выполнения требований законов и общественной морали. Все должны заняться свободным творчеством – тогда произойдет революция и наступит «царство свободы».

Как сказано в послесловии к книге Дебора, «движение ситуационистов возникло из практик леттристов, во многом наследовавших техникам дадаистов⁶⁵ ... Наиболее известная акция леттристов имела место на воскресной пасхальной службе в парижском соборе Нотр-Дам 9 апреля 1950 г. Один из участников акции, Мишель Мурре, переодевшись в рясу доминиканца, пробрался к амвону и, улучив паузу в течении службы, обратился к молящимся с прозрачным сообщением» (далее приводится его стихотворное «сообщение», которое было бы правильно назвать не прозрачным, а богохульственным: «Я обвиняю католическую церковь, / заразившую мир своей кладбищенской моралью, / раковую опухоль павшего Запада. / Воистину, говорю я вам: Бог умер!»).

В статье-манифесте в журнале леттристов «Потлач» Дебор утверждал: «Дела людей должны иметь своим основанием если не террор, то страсть. Все средства годятся для того, чтобы забыться: самоубийство, тяжелые увечья, наркотики, алкоголизм, безумие...». В послесловии к книге дается пояснение: «Радикальный потлач, „праздник, не имеющий конца“, – вот критерий и образец грядущей революции»⁶⁶.

В 1966 г. несколько студентов, сторонников ситуационистов, оказались на ответственных постах студенческого комитета Страсбургского университета. Они решили «устроить большую бучу» и обратились за советом к вождям движения. Те предложили им издать брошюру ситуациониста Мустафы Хайати. Студенты, злоупотребив своим положением, издали ее за общественные деньги тиражом 10 тыс. экземпляров. Суд оценил брошюру как «грязную и антиобщественную», вследствие чего она была сразу переведена почти на все европейские языки.

Хайати пишет о революционном потенциале разных молодежных движений – от американских рокеров до советских хулиганов. Программные установки его брошюры таковы: «Вся власть рабочим советам... Задача рабочих советов – конкретное снятие товарного производства... что значит упразднение работы и ее замена новым типом свободной деятельности... устранение разделения между „свободным“ и „рабочим“ временем как взаимодополняющими частями отчужденной жизни... Пролетарские революции станут праздниками либо не свершатся вовсе... Игра – последнее основание этого праздника: жизнь без мертвого времени и наслаждение без пределов – ее единственные признанные правила»⁶⁷.

События в Страсбурге стали пробой сил, и в Нантере действовала уже радикальная группа ситуационистов – «бешеные». Их образ мысли можно видеть из той телеграммы, которую оккупационный комитет Сорбонны послал в Политбюро ЦК КПСС: «Трепещите, бюрократы! Скоро международная власть рабочих Советов выметет вас из-за столов! Человечество обретет счастье лишь тогда, когда последний бюрократ будет повешен на кишках последнего капиталиста! Да здравствует борьба кронштадтских матросов против Троцкого и Ленина! Да здравствует восстание Советов Будапешта 1956 года! Долой государство! Да здравствует революционный марксизм! Оккупационный комитет автономной народной Сорбонны»⁶⁸.

Ход событий

Итак, 22 марта в Нантере несколько студенческих групп захватили здание административного корпуса, требуя освобождения 6 своих товарищей, членов Национального комитета в защиту Вьетнама, которые, протестуя против Вьетнамской войны, напали 20 марта на парижское представительство «Америкэн Экспресс» и были за это арестованы. Заняв кресла высоких университетских чинов в зале заседаний совета университета, собравшиеся студенты стали обсуждать общемировые проблемы. Надо сказать, что сам день 22 марта был самым обычным для более чем 12 тысяч студентов Нантера: башню административного корпуса захватывали группы левых радикалов, которые конфликтовали между собой по вопросам теории, но теперь объединились в акции «прямого действия». Сформированное ими анархистское «Движение 22 марта» быстро радикализовало обстановку в Нантере и вовлекло в революционную деятельность огромную массу студентов.

Власти наводнили Нантер полицейскими агентами, но студенты ухитрились их сфотографировать и устроили в университете выставку фотографий. Полиция попыталась закрыть выставку, начались столкновения, в ходе которых студенты вытеснили полицейских из университета. 30 апреля администрация обвинила восьмерых лидеров студенческих беспорядков в «подстрекательстве к насилию» и прекратила занятия в университете. 2 мая было объявлено о прекращении занятий «на неопределенное время».

Это стало искрой, начавшей пожар «Красного Мая». Национальный студенческий Союз Франции (ЮНЕФ) совместно с Национальным Профсоюзом работников высшего Образования призвали студентов к забастовке. Начались столкновения с полицией, в знак протеста митинги и демонстрации прошли практически во всех университетских городах Франции.

1 мая сто тысяч человек вышли на улицы Парижа, чтобы отметить праздник солидарности трудящихся. Молодежь скандировала: «Работу молодежи!» Провозглашались требования 40-часовой рабочей недели, профсоюзных прав и отмены последнего постановления о резком сокращении программы социального обеспечения. После этого демонстрации не прекращались.

3 мая студенты Сорбонны провели демонстрацию в поддержку своих нантерских товарищей. Ее организовало «Движение университетских действий» (МАЮ) – группа, возникшая 29 марта после захвата студентами одного из залов в самой Сорбонне и проведения в нем митинга с участием членов «Движения 22 марта», а также представителей бунтующих студентов из Италии, ФРГ, Бельгии, Западного Берлина и Испании⁶⁹. В этот же день с угрозой забастовки выступили типографские рабочие, провели забастовку против увеличения рабочего дня водители парижских автобусов.

Ректор Сорбонны объявил об отмене занятий и вызвал полицию, которая атаковала студентов, применив дубинки и гранаты со слезоточивым газом. Студенты взялись за

бульжники. Столкновения распространились практически на весь Латинский квартал. В них участвовали 2 тысячи полицейских и 2 тысячи студентов, несколько сот человек было ранено, 596 студентов арестовано.

4 мая Сорбонна – впервые со времен фашистской оккупации – была закрыта. 5 мая 13 студентов были осуждены парижским судом. В ответ студенты создали «комитет защиты против репрессий». Младшие преподаватели, многие из которых сочувствовали студентам, призвали ко всеобщей забастовке в университетах. Небольшие стихийные демонстрации в Латинском квартале разгонялись полицией. МАЮ призвало студентов создавать «комитеты действия» – низовые (на уровне групп и курсов) структуры самоуправления и сопротивления. ЮНЕФ призвал студентов и лицеистов всей страны к бессрочной забастовке.

6 мая 20 тысяч человек вышли на демонстрацию протеста, требуя освобождения осужденных, открытия университета, отставки министра образования и ректора Сорбонны, прекращения полицейского насилия. Студенты беспрепятственно прошли по Парижу, население встречало их аплодисментами. В голове колонны несли плакат «Мы – маленькая кучка экстремистов» (так власти накануне называли участников студенческих волнений). Когда колонна вернулась в Латинский квартал, ее внезапно атаковали 6 тысяч полицейских. В рядах демонстрантов были не только студенты, но и преподаватели, лицеисты, школьники. Латинский квартал начал покрываться баррикадами. Первая баррикада возникла на площади Сен-Жермен-де-Пре. Студенты расковыряли мостовую, сняли ограду с соседней церкви. Скоро весь Левый берег Сены превратился в арену ожесточенных столкновений. Со всего Парижа на подмогу студентам подходила молодежь, и к ночи число уличных бойцов достигло 30 тысяч. Лишь к 2 часам ночи полиция рассеяла студентов. 600 человек (с обеих сторон) было ранено, 421 – арестован.

Забастовки и демонстрации студентов, рабочих и служащих самых разных отраслей и профессий вспыхнули по всей стране. 7 мая бастовали уже все высшие учебные заведения и большинство лицеев Парижа. В Париже на демонстрацию вышли 50 тысяч студентов, требовавших освобождения своих товарищей, вывода полиции с территории Сорбонны и демократизации высшей школы. В ответ власти объявили об отчислении из Сорбонны всех участников беспорядков. Поздно вечером у Латинского квартала студенческую колонну вновь атаковали силы полиции.

Вечер 7 мая был началом перелома в общественном мнении. Студентов поддержали почти все профсоюзы преподавателей, учителей и научных работников и даже глубоко буржуазная Французская лига прав человека. Профсоюз работников телевидения выступил с заявлением протеста в связи с полным отсутствием объективности при освещении студенческих волнений в СМИ. На следующий день профсоюзы полицейских (!) обсуждают требования и предлагают провести акцию 1 июня. Грозят забастовкой авиадиспетчеры. Бастующие уже месяц металлурги Гортени блокируют в течение часа одну из общенациональных автомагистралей.

8 мая президент де Голль заявил: «Я не уступлю насилию», а в ответ группа известнейших французских журналистов создала «Комитет против репрессий». Крупнейшие представители французской интеллигенции – Жан-Поль Сартр, Симона де Бовуар, Натали Саррот, Франсуаза Саган, Андре Горц, Франсуа Мориак и другие – выступили в поддержку студентов. Французы – лауреаты Нобелевской премии выступили с аналогичным заявлением. Студентов поддержали крупнейшие профцентры Франции, а затем и партии коммунистов, социалистов и левых радикалов.

В этот день большие демонстрации опять прошли в целом ряде городов, а в Париже на улицу вышло столько народа, что полиция вынуждена была стоять в сторонке. Появился лозунг: «Студенты, рабочие и учителя – объединяйтесь!» Повсюду были видны красные флаги и раздавалось пение Интернационала.

10 мая 20-тысячная демонстрация студентов, пытавшаяся пройти на Правый берег Сены к зданиям Управления телевидения и Министерства юстиции, была остановлена на мостах полицией. Демонстранты повернули назад, но на бульваре Сен-Мишель они вновь столкнулись с силами порядка. Студенты соорудили 60 баррикад, некоторые из них достигали 2 метров в высоту. Бульвар Сен-Мишель (а он не маленький!) полностью лишился брусчатки, которую студенты использовали в качестве оружия против полицейских. До 6 часов утра студентам,

окруженным в Латинском квартале, удавалось сопротивляться полиции. Итог: 367 человек ранено (в том числе 32 тяжело), 460 арестовано. Разгон демонстрации привел к общеполитическому кризису.

В ночь с 10 на 11 мая 1968 года никто в Париже не спал – заснуть было просто невозможно. По улицам, оглашая ночь сиренами, носились машины «скорой помощи», пожарные, полиция. Со стороны Латинского квартала слышались разрывы гранат со слезоточивым газом. Целыми семьями парижане сидели у радиоприемников: корреспонденты передавали репортажи с места событий прямо в эфир. К 3 часам ночи над Латинским кварталом занялось зарево: отступавшие под натиском спецподразделений по борьбе с беспорядками (аналог российского ОМОНа) студенты поджигали автомашины, из которых были сооружены баррикады... Весь город знал, что с начала мая в Сорбонне происходят студенческие беспорядки, но мало кто ожидал, что дело примет столь серьезный оборот. Утром 11 мая газеты вышли с аршинными заголовками: «Ночь баррикад».

11 мая оппозиционные партии потребовали срочного созыва Национального Собрания, а премьер Жорж Помпиду выступил по телевидению и радио и пообещал, что Сорбонна откроется 13 мая, локаут будет отменен, а дела осужденных студентов пересмотрены. Но было уже поздно, политический кризис набирал силу.

13 мая профсоюзы призвали рабочих поддержать студентов, и Франция была парализована всеобщей 24-часовой забастовкой, в которой участвовало практически все трудоспособное население – 10 миллионов человек. В Париже прошла грандиозная 800-тысячная демонстрация, в первом ряду которой шли руководитель Всеобщей конфедерации труда (ВКТ) коммунист Жорж Сеги и анархист Кон-Бендит.

Сразу после демонстрации студенты захватили Сорбонну. Они создали «Генеральные ассамблеи» – одновременно дискуссионные клубы, законодательные и исполнительные органы. Генеральная ассамблея Сорбонны объявила Парижский университет «автономным народным университетом, постоянно и круглосуточно открытым для всех трудящихся». Одновременно студенты захватили Страсбургский университет. В крупных провинциальных городах прошли многотысячные демонстрации солидарности (например, в Марселе – 50 тысяч, Тулузе – 40 тысяч, Бордо – 50 тысяч, Лионе – 60 тысяч).

14 мая рабочие компании «Сюд-Авиасьон» в Нанте начали забастовку и по примеру студентов захватили предприятие. С этого момента захваты предприятий рабочими стали распространяться по всей Франции. Стаечная волна охватила металлургическую и машиностроительную промышленность, а затем распространилась на другие отрасли. Над воротами многих заводов и фабрик были надписи «Занято персоналом», над крышами красные флаги.

15 мая студенты захватили парижский театр «Одеон» и превратили его в открытый дискуссионный клуб, подняв над ним два флага: красный и черный. Основным лозунгом было: «Фабрики – рабочим, университеты – студентам!» Группа литераторов захватила штаб-квартиру Общества писателей. Общее собрание новорожденного профсоюза писателей поставило на повестку дня вопрос «о статусе писателя в социалистическом обществе». Кинематографисты выработали программу обновления кинопромышленности в русле плановой социалистической экономики. Художники наполняли свои работы социальным смыслом и выставляли их в огромных галереях – цехах авто- и авиазаводов. В этот день забастовки и занятия рабочими предприятий охватили автозаводы «Рено», судоверфи, больницы. Повсюду висели красные флаги. Соблюдалась строжайшая дисциплина.

16 мая Сорбонна, «Одеон» и половина Латинского квартала оказались заклеены плакатами и листовками, расписаны лозунгами самого фантастического содержания. Иностранцы журналисты, раскрыв рты, табунами ходили и записывали эти лозунги: «Запрещается запрещать!», «Будьте реалистами – требуйте невозможного! (Че Гевара)», «Секс – это прекрасно! (Мао Цзэ-дун)», «Воображение у власти!», «Всё – и немедленно!», «Забудь всё, чему тебя учили – начни мечтать!», «Анархия – это я», «Реформизм – это современный мазохизм», «Распахните окна ваших сердец!», «Нельзя влюбиться в прирост промышленного производства!», «Границы – это репрессии», «Освобождение человека должно быть тотальным, либо его не будет совсем», «Нет экзаменам!», «Всё хорошо: дважды два уже не четыре»,

«Революция должна произойти до того, как она станет реальностью», «Вы устарели, профессора!», «Революцию не делают в галстуках», «Старый крот истории наконец вылез – в Сорбонне (телеграмма от доктора Маркса)», «Структуры для людей, а не люди для структур!», «Оргазм – здесь и сейчас!», «Университеты – студентам, заводы – рабочим, радио – журналистам, власть – всем!»

Сорбонной стал управлять оккупационный комитет из 15 человек. По требованию анархистов, боровшихся с «угрозой бюрократического перерождения», состав комитета каждый день полностью обновлялся, и потому он ничего всерьез сделать не успевал. Тем временем студенты захватывали один университет за другим. Число захваченных рабочими крупных предприятий достигло к 17 мая полусотни. Забастовали телеграф, телефон, почта, общественный транспорт. «Франция остановилась».

Очевидец тех событий, известный советский дипломат Юрий Дубинин вспоминает: "В бурном потоке заполнившей телеэкраны, радиоволны и газетные полосы информации было трудно выделить то, что помогло бы понять природу происходящего, а тем более спрогнозировать, что произойдет дальше. Весь район вокруг напоминал восставший город. Во многих местах мостовая была разворочена... Повсюду были перевернутые или сожженные машины, поваленные деревья, разбитые витрины магазинов...

В зрительном зале [«Одеона»] идет бесконечный митинг. На сцене табуретка и некто, пытающийся играть роль председателя, с минимальной претензией: он всего лишь хочет, чтобы говорили не все сразу. Партер переполнен молодежью, все в постоянном движении. Выступления – скорее набор выкриков: все прогнило, все надо смести, потом разберемся, что делать дальше»⁷⁰.

К 16 мая закрылись порты Марсея и Гавра, прервал свой маршрут Трансьевропейский экспресс. Газеты все еще выходили, но печатники осуществляли частичный контроль над тем, что печатается. Многие общественные службы функционировали только с разрешения бастующих. В центре департамента – Нанте, Центральный забастовочный комитет взял на себя осуществление контроля за движением транспорта на въездах и выездах из города. На блок-постах, сооруженных транспортными рабочими, дежурили школьники. Желание людей самим установить порядок было столь сильным, что городским властям и полиции пришлось отступить. Работницы заводов и фабрик взяли под контроль снабжение местных магазинов продовольствием и организацию торговых точек в школах. Рабочие и студенты организовали выезд на фермы с целью помочь крестьянам сажать картофель.

Изгнав из сферы сбыта посредников (комиссионеров), революционные власти снизили розничные цены: литр молока стоил теперь 50 сантимов вместо 80, а килограмм картофеля – 12 вместо 70. Чтобы поддержать нуждающиеся семьи, профсоюзы распределили среди них продовольственные купоны. Учителя организовывали детские сады и ясли для детей бастующих. Энергетики взялись обеспечить бесперебойное снабжение молочных ферм электроэнергией, организовали регулярную доставку кормов и горючего в крестьянские хозяйства. Крестьяне, в свою очередь, приезжали в города для участия в демонстрациях. Больницы переходили на самоуправление, в них избирались и действовали комитеты врачей, пациентов, практикантов, медсестер и санитаров.

Де Голль в это время не делал никаких заявлений. Более того, он отправился в запланированный официальный визит в Румынию, как будто ничего не случилось, но 18 мая прервал его и вернулся в страну. 20 мая число бастующих достигло 10 миллионов, на заводах возникли «комитеты самоуправления» и «комитеты действия», неконтролируемые профсоюзами, в провинции рабочие комитеты начали бесплатное распределение товаров и продуктов нуждающимся. В стране сложилось двоевластие – с одной стороны деморализованная государственная машина, с другой стороны самостоятельные органы рабочего, крестьянского и студенческого самоуправления.

21–22 мая в Национальном Собрании обсуждался вопрос о недоверии правительству. Для вотума недоверия не хватило 1 голоса! 22 мая власти пытаются выслать из страны Даниэля Кон-Бендита как иностранца. В ответ студенты устраивают в Латинском квартале «ночь гнева», устраивая баррикады. Кто-то поджигает здание Парижской биржи.

Наконец, 24 мая де Голль выступил по радио с речью, в которой «признал», что доля

участия французского народа в управлении обществом ничтожна. Он предложил провести референдум о «формах участия» простых людей в управлении предприятиями (позже он от этого обещания откажется). На настроение общества это выступление влияния не оказало.

25 мая начались трехсторонние переговоры между правительством, профсоюзами и Национальным советом французских предпринимателей. Выработанные ими соглашения предусматривали существенное увеличение зарплаты, однако ВКТ была не удовлетворена этими уступками и призвала к продолжению забастовки. Социалисты во главе с Франсуа Миттераном собирают на стадионе грандиозный митинг, где осуждают профсоюзы и де Голля и требуют создания Временного правительства. В ответ на это власти во многих городах применяют силу, и ночь 25 мая получила название «кровавая пятница».

29 числа, в день чрезвычайного заседания кабинета министров, стало известно, что бесследно исчез президент де Голль. Страна в шоке. Лидеры «Красного Мая» призывают к захвату власти, поскольку она «валяется на улице».

30 мая де Голль появляется и выступает с крайне жесткой речью. Он отказывается от референдума, объявляет о роспуске Национального Собрания и проведении досрочных парламентских выборов⁷¹. В тот же день голлисты проводят 500-тысячную демонстрацию на Елисейских полях. Они скандируют «Верните наши заводы!» и «Де Голль, ты не один!». Происходит перелом в ходе событий. Многие предприятия еще будут бастовать недели две. В начале июня профсоюзы проведут новые переговоры и добьются новых экономических уступок, после чего волна забастовок спадет. Предприятия, захваченные рабочими, начинают «очищаться» силами полиции (например, заводы «Рено»).

Ю. Дубинин пишет об этом моменте: «30 мая де Голль выступил с речью, демонстрируя твердость и решимость навести порядок. Он объявил о роспуске Национального собрания. За этим последовала внушительная демонстрация сторонников де Голля... Де Голль провел глубокую реорганизацию правительства Помпиду, заменив девять министров. Правительство, профсоюзы и предприниматели провели упорные переговоры и к 6 июня сумели достигнуть нелегкого согласия, которым, однако, были удовлетворены все. Жизнь во Франции начала входить в нормальную колею».

12 июня власть перешла в наступление. Были запрещены основные левацкие группировки, Кон-Бендит был выслан в ФРГ. 14 июня полиция очистила от студентов «Одеон», 16-го – захватила Сорбонну, 17 июня возобновили работу конвейеры «Рено».

23 и 30 июня прошли (в два тура) парламентские выборы. Организовав кампанию шантажа угрозой коммунистического заговора, голлисты получили большинство мест – испуганный призраком революции средний класс дружно проголосовал за де Голля.

7 июля в телевизионном обращении де Голль дал разумную, хотя и поверхностную квалификацию произошедшим событиям: «Этот взрыв был вызван определенными группами лиц, бунтующими против современного общества, общества потребления, механического общества – как восточного, так и западного – капиталистического типа. Людями, не знающими, чем бы они хотели заменить прежние общества, и обожающими негативность, разрушение, насилие, анархию; выступающими под черными знаменами».

Одним из итогов «красного мая» было удовлетворение ряда социальных требований трудящихся (увеличение пособий по безработице и т.д.). Студенческие протесты побудили к демократизации высшей и средней школы, была улучшена координация высшей школы с потребностями народного хозяйства в специалистах. Но майские события на прошли бесследно для французской экономики. Инфляция, вызванная увеличением заработной платы и ростом цен, привела к сильному сокращению золотого запаса страны. Финансовый кризис, разразившийся в ноябре 1968, угрожал подорвать экономику. Чтобы спасти финансовую систему, де Голль пошел на крайне непопулярные меры стабилизации, включая строгий контроль над заработной платой и ценами, контроль за денежным обращением и повышение налогов. 28 апреля 1969 де Голль ушел в отставку после того, как были отклонены его предложения по конституционной реформе.

То, что мятежный импульс, захвативший очень значительную часть населения Франции, иссяк всего за один месяц, во многом определяется и отсутствием поддержки извне. Революционные события мая 1968 г. во Франции не поддержали и не пожелали использовать обе сверхдержавы – СССР и США. Более того, власти Франции имели и время и поле для маневра потому, что в критический момент, даже если бы произошел раскол в их государственном аппарате и силовых структурах, они могли рассчитывать на вооруженную помощь НАТО.

Ю.Дубинин пишет: «28 мая мой хороший знакомый – член руководства правящей деголлевской партии Лео Амон (позже он войдет в состав правительства) срочно пригласил меня на завтрак. До 27 мая, сказал он, обстановка была сложной, тяжелой для правительства, однако не угрожавшей самому деголлевскому режиму и де Голлю лично. На волне широкого забастовочного движения ВКТ (за которой, по убеждению Амона, стояла компартия) предъявила правительству очень высокие требования, но в то же время ВКТ вступила в переговоры с правительством и вела их жестко, но конструктивно. Это давало основания считать, что ВКТ и ФКП стремятся к достижению своих целей без свержения де Голля. Однако после 27 мая положение радикально изменилось. Бастующие рабочие отвергли договоренность, достигнутую между профсоюзами и правительством. Каков может быть поворот дел? Далее собеседник говорит, чеканя слова:

– Нынешняя ситуация в какой-то степени напоминает ту, которая существовала в России в предоктябрьский период 1917 года. Однако сейчас международная обстановка иная: существует НАТО».

Ю.Дубинин продолжает: «В договоре о создании Североатлантического пакта действительно имеется статья, предусматривающая вмешательство альянса в случае дестабилизации внутривнутриполитического положения в одном из государств-участников... Слова Амона – показатель серьезности обстановки в стране, того, как ее оценивает руководство Франции».

Это, кстати, объясняет, почему применение через три месяца после этих событий вооруженных сил СССР и Варшавского договора для наведения порядка в Чехословакии не вызвало серьезных демаршей со стороны *государств* Запада. Им пришлось мобилизовать для скандала свои же левые силы и советских диссидентов.

Что же касается СССР и французской компартии, то их позиция была разумной и ответственной. С самого начала массовых выступлений Французская коммунистическая партия (ФКП) осудила «бунтарей», заявив о том, что «леваки, анархисты и псевдореволюционеры» мешают студентам сдавать экзамены! И только 11 мая ФКП призвала рабочих к однодневной забастовке солидарности со студентами, стараясь в то же время не допустить выхода протеста за рамки традиционной забастовки. Генеральный секретарь ВКТ Жорж Сеги предупредил рабочих «Рено»: «Любой призыв к восстанию может изменить характер вашей забастовки!»

Разрешению кризиса во многом помогла деятельность советского посольства, через которое происходил обмен информацией между коммунистами и властью. По словам Ю.Дубинина, генеральный секретарь Французской компартии Вальдек Роше сказал ему: «Мы прошли через очень трудные дни. Был момент, когда казалось, власть испарилась. Можно было беспрепятственно войти и в Елисейский дворец, и в телецентр. Но мы хорошо понимали, что это было бы авантюрой, и никто из руководства ФКП даже не помышлял о таком шаге».

Уроки студенческой революции

Какие же выводы можно сделать из событий Красного мая?

Май 1968 года – исключительно важное явление, плохо изученное и объясненное. Социальные психологи и культурологи как будто боятся его тронуть. Это симптом глубокого кризиса современного промышленного общества, основанного на принципах Просвещения – первая массированная атака постмодерна. Рациональное сознание, высокое достижение европейской культуры, дало сбой. Николай Заболоцкий, как будто предвидя май 1968 г., писал:

*Европа сознания
в пожаре восстания.
Невзирая на пушки врагов,
стреляющие разбитыми буквами,
боевые Слоны Подсознания
вылезают и топчутся...*

Историки тех событий, следуя логике исторического материализма, говорят о каких-то «предпосылках», объективных основаниях для бунта парижских студентов. Эти объяснения беспомощны, поводы для недовольства студентов смехотворны, **несоизмеримы** с теми разрушениями, которые они готовы были нанести всей конструкции общественного бытия. Ведь если говорить попросту, то в благополучной сытой стране, в условиях быстрого экономического подъема и научно-технического развития **элитарная** социальная группа (студенты университета Сорбонны!) начинает мятеж, не ставящий перед собой никакой цели и никакого предела. Речь идет именно о **беспределе** разрушения, об иррациональности оснований для бунта. «Запрещается запрещать!», «Дважды два уже не четыре!»

Действия, которые предпринимали бунтующие студенты – учреждение каких-то ассамблей, чтение самодетельных лекций, регулирование уличного движения или раздача бесплатных продуктов бедным – все это было отчаянной попыткой схватиться за какие-то соломинки воображаемого порядка, за что-то разумное. В этом не было и следов связного проекта, это были жесты-заклинания, бессознательная защита от хаоса. Если бы советские люди смогли тогда внимательно изучить этот опыт, они бы устояли против перестройки Горбачева.

Но в этой книге мы не можем углубляться в общую проблему кризиса Просвещения и наступления того иррационализма, который уже обосновался и оформился в узаконенных рамках в так называемых «развитых странах». Джинн 68-го года загнан Западом в бутылку и верно служит своему хозяину прямо из этой бутылки. Здесь наша тема ограничена технической стороной «Красного мая». Уже эта сторона очень обширна и дает много пищи для размышлений.

Прежде всего, фундаментальное значение имеет сам факт, что в студенческой среде при некоторых условиях может без веских причин возникнуть такое состояние коллективного сознания, при котором возникает самоубийственно целеустремленная и тоталитарно мыслящая толпа, способная разрушить жизнеустройство всей страны. Это новое явление культуры большого города, в котором возникает высокая концентрация молодежи, отделенной от мира физического труда и традиционных межпоколенческих и социальных связей.

Студенчество конца XX века оказалось новым, ранее неизвестным социальным типом – элитарным и в то же время маргинальным, со своими особыми типом мышления, шкалой ценностей, системой коммуникаций. Постепенно этот тип приобретал вненациональные космополитические черты и становился влиятельной, хотя и манипулируемой политической силой. В 1968 г. в Париже политическая радикализация студенчества произошла внезапно и стихийно. Но внимательное изучение этого случая давало возможность и искусственно создавать нужные для такой радикализации условия, чтобы затем «канализировать» энергию возбужденных студентов на нужные объекты. Так уже в 80-е годы студенчество стало одним из главных контингентов, привлекаемых для выполнения «бархатных революций».

Второй факт, который наглядно выявили события 1968 г. во Франции, состоит в том, что при современной системе связи (даже без Интернета и мобильных телефонов) самоорганизация возбужденного студенчества может исключительно быстро распространиться в национальном и даже международном масштабе. При этом свойства студенчества как социальной системы таковы, что она мобилизует очень большой творческий потенциал – и в создании новых организационных форм, и в применении интеллектуальных и художественных средств.

Эти черты студенческого бунта очаровывают общество и быстро мобилизуют в его поддержку близкие по духу влиятельные социальные слои, прежде всего интеллигенцию и молодежь. В совокупности эти силы способны очень быстро подорвать культурную гегемонию

правляющего режима в городском обществе, что резко затрудняет для власти использование традиционных (например, полицейских) средств подавления волнений. Это создает неопределенность: отказ от применения силы при уличных беспорядках ускоряет самоорганизацию мятежной оппозиции, но в то же время насилие полиции чревато риском быстрой радикализации конфликта.

Третий урок «революции 68-го» состоит в том, что энергия городского бунта, который не опирается на связный проект (выработанный самими «революционерами» или навязанный им извне), иссякает достаточно быстро. Для властей важно не подпитывать эту энергию неосторожными действиями, перебором в применении «как кнута, так и пряника». Власти Парижа проявили выдержку, не создав необратимости в действиях студентов, не спровоцировав их на то, чтобы выйти за рамки в общем *ненасильственных* действий. Де Голль дал «выгореть» энергии студентов.

Опыт майских событий показал, что комбинация переговоров с применением умеренного насилия истощает силы мятежной оппозиции, если она не выдвигает социального проекта, на базе которого нарастает массовая поддержка. Поняв это, правительство де Голля сосредоточило усилия на том, чтобы отсечь от студентов рабочих – ту втянутую в волнения часть общества, которая имела ясно осознаваемые социальные цели и, вследствие этого, обладала потенциалом для эскалации противостояния (с ней, впрочем, было и гораздо легче вести рациональные переговоры). Ведущую роль в майском мятеже 1968 г. играли студенты и школьники. Рабочие лишь поддержали их бунтарский порыв, не помышляя о смене общественного строя. С ними компромисс был вполне возможен.

Наконец, май 1968 г. показал удивительную способность студенческого протеста к *мимикрии* (вероятно, это общее свойство интеллигентского мышления, не связанного традиционными догмами и запретами). Формулируя основания для своих действий против государства и общества (в данном случае против буржуазного государства и общества, но это было несущественно уже тогда), революционеры 1968 г. выбирали объекты отрицания *ситуативно*. Это отрицание не было диалектически связано с позитивными идеалами. Такая особенность сознания открывает неограниченные возможности для манипуляции – если ценностью становится сам протест и отрицание не связано с реальными сущностями, то устраняется сама проблема истинности или ложности твоих установок. Коллектив становится толпой, которую при известной интеллектуальной ловкости можно натравить на любой образ *зла*.

События 1968 г. в Париже начались с протестов против войны во Вьетнаме. Но было ли сочувствие Вьетнаму фундаментальным, был ли важен вообще Вьетнам для этого протеста? Вот французский философ Андре Глюксманн. В 1968 г. он был ультралевым вождем того студенческого движения, а в Москве в конце 1999 г., очарованный перестройкой и последовавшей за нею «демократизацией» мира, заявил, что теперь не смог бы подписаться под лозунгами протеста против войны США во Вьетнаме. Ничего он за эти тридцать лет не узнал нового ни о Вьетнаме, ни о США, ни о нападке. Ситуация другая, в моде ненависть к СССР – и никакого протеста образ войны США против Вьетнама у него в душе не возникает. Проблемы истины для него нет!

В тот момент последнее поколение старых французских коммунистов понимало эту особенность вышедшей на политическую арену интеллигенции и ее молодежной базы, студентов. Их не очаровали лозунги бунтарей из Сорбонны, им было не по пути с Глюксманном. Коммунисты не дали себя вовлечь в разрушительную авантюру, хотя она, казалось, овладевает Францией. И эта позиция была вызвана вовсе не соглашательством, не иллюзиями родства с генералом де Голлем и не предательством Вьетнама. Разница еще была мировоззренческой. Потом она стерлась во Франции, а потом стала исчезать в Москве и Киеве.

Глава 7. Революция «Солидарности» в Польше

Общественный строй, который принято называть социализмом, был установлен в Польше вследствие поражения гитлеровской Германии в 1945 г. Пользуясь присутствием Советской Армии, левые партии взяли власть и стали вводить принципы социалистической экономики и

политической системы советского типа.

Историк этого периода Н.Коровицына пишет: «Восточноевропейский путь развития больше соответствовал экономическим и культурным реалиям именно Польши. Общество крестьянского типа являлось своеобразным исходным пунктом трансформационных процессов второй половины прошлого века в нынешних посткоммунистических странах. Крестьянским трудом занимались от 40 до 48% дедов нынешних польских горожан. И в самом конце XX в. крестьянское происхождение в этой стране, как в других странах бывшей социалистической системы, оставалось доминирующим для всех социальных групп – от высших госслужащих до неквалифицированных рабочих»⁷².

Плановая экономика в Польше быстро показала осязаемые результаты. В 1951–1972 гг. ежегодный рост национального дохода составлял в среднем 7%. Быстро складывалась новая интеллигенция из трудящихся – в Польше начала 1950-х годов свыше 70% всей интеллигенции составляли выходцы из крестьян и рабочих. Но именно эта страна первой осуществила «бегство из социализма». Польский опыт этого «бегства» раскрывает общую логику, модель изменений в восточноевропейских странах, которые привел к «бархатным» революциям.

Главную роль в политической системе играла Польская объединенная рабочая партия. ПОРП возникла в 1948 в результате слияния Польской рабочей партии (образована в 1942 вместо Коммунистической партии Польши, распущенной в 1938 Коминтерном) и Польской социалистической партии. Ее партнерами являлись Демократическая партия и Объединенная крестьянская партия (последняя играла реальную роль в защите интересов польских крестьян, большинство которых не подвергалось коллективизации).

Владислав Гомулка, возглавлявший Польскую рабочую партию до ее объединения с Польской социалистической партией, в 1948 подвергся гонениям за «национальный уклон», председателем ПОРП и премьер-министром в декабре 1948 г. стал Болеслав Берут. После смерти Сталина режим в ПНР стал либеральнее, в прессе в 1955 г. были опубликованы многочисленные статьи с критикой в адрес власти. Ситуация в стране радикализовалась.

«Десталинизация» оказала ошеломляющий эффект на страны Восточной Европы. В ПОРП ситуация усугубилась в связи со смертью ее руководителя Берута и обострением конфликта «в верхах». 15 марта 1956 г. в Польшу прибыла советская делегация во главе с Хрущевым. Хрущеву предстояло участвовать в обсуждении кандидатуры нового первого секретаря ПОРП. Он занял осторожную позицию и заверял участников пленума, что не намерен вмешиваться в кадровые решения ПОРП. На Пленуме был найден временный компромисс, и руководителем партии избран Э.Охав – сторонник центристской линии.

Было также принято решение ознакомить парторганизации Польши с «секретным докладом» Хрущева на XX съезде. Доклад вызвал шок, отдаленные последствия которого оказались даже более тяжелыми, чем первоначальное действие. Реакция на него была очень острой. В ПОРП стали обсуждать вопросы о пересмотре оценки Варшавского восстания, о расстреле польских офицеров в Катыни, о правомерности пребывания советских войск в Польше, о цене польско-советских отношений, о Сталине и сталинистах. Началось брожение в других партиях Польши – в Объединенной крестьянской и в Демократической. Напряженность в стране нарастала.

28 июня 1956 г. в Познани начались беспорядки. Поводом было повышение производственных норм и сокращение зарплаты на 3,5%. Рабочие начали забастовку и прошли маршем к ратуше. Поначалу процессия протекала мирно, но при подходе к центру города к ней присоединилось большое количество молодежи (согласно советским источникам – студентов). Они кричали: «Свободу, хлеб и справедливость! Долой Советский Союз! Долой советскую оккупацию! Свободу кардиналу Вышинскому! Отдайте нам нашу религию!» Они пели патриотические, религиозные и *социалистические* песни. Одна группа штурмовала здание полиции и захватила оружие, другие захватили радиостанцию и здание суда, открыли тюрьмы. В полдень появились армейские танки, подразделения госбезопасности и полиции. К вечеру восстание было подавлено, погибло 54 человека, 300 было ранено. Вероятно, быстрое подавление восстания предотвратило более тяжелую катастрофу.

Демонстрации привели к политической реабилитации Гомулки, он был восстановлен в ПОРП, его поддержка населением непрерывно росла. 12 октября он стал членом политбюро ЦК

ПОРП, а затем и первым секретарем ПОРП. 19 октября в Варшаву прибыли Хрущев, Молотов, Микоян и Каганович. В результате острых переговоров советское руководство получило заверения В. Гомулки о том, что Польша не намерена выходить из Варшавского договора. К концу 1950-х годов этот цикл либерализации сошел на нет⁷³.

В 1968 г. под влиянием событий во Франции произошли студенческие манифестации под лозунгом “больше социализма”. Беспорядки были подавлены, а в университетах проведены чистки. В конце 1970 г. в Польше возник экономический и политический кризис, рабочие Балтийского побережья выступили против повышения цен на продукты питания, требуя права создавать независимые профсоюзы. Забастовки были подавлены – Гомулка приказал полиции в Щецине стрелять в рабочих.

Ответственность за эти события возложили на Гомулку, и он был снят с поста первого секретаря ЦК ПОРП. Его сменил Эдвард Герек, который стал ориентироваться на западные кредиты и импорт. Некоторый подъем жизненного уровня в 1971–1973 на основе резкого увеличения импорта лишь оттягивал развязку. В момент мирового спада 1974 г. экспорт Польши резко упал, а долг вырос. В середине 70-х годов 60% доходов от экспорта шли на оплату процентов по долгу, а в середине 80-х Польша уже тратила на это 10 млрд. долларов в год. Рост внешнего долга привел к резкому снижению поступления иностранных финансовых средств в экономику страны. Правительство безуспешно пыталось использовать идеи «рабочего самоуправления», чтобы стимулировать производство.

Среди внешних факторов, ускоривших начало политического кризиса, было избрание в 1978 г. на папский престол поляка и в 1979 г. его визит в Польшу. Это укрепило стремление «католических масс» к самоорганизации вне легальных общественно-политических структур. К тому же сильно изменились социокультурные характеристики польского общества. Н.Коровицына пишет: «В 1970-е годы рабочий класс испытал мощный прилив образованной, нонконформистски настроенной, воспитанной в духе идей равенства и справедливости, молодежи... Он как правило не ограничивался материальными интересами и потребностями. Ему были близки идеалы демократии, свободы, индивидуального успеха, в которых он не усматривал противоречия с принципами эгалитаризма и коллективизма. Во многих отношениях (по способу мышления, жизненным проблемам, даже внешнему виду) молодой квалифицированный рабочий и молодой интеллигент 1970-х годов очень близки друг к другу».

Выйти из экономического кризиса власть пыталась, подняв цены на продовольствие. Повышение цен 1 июля 1980 г. вызвало лавину забастовок, самые серьезные из которых начались в Варшаве на тракторном и металлургическом заводе, а также на верфи им. Ленина в Гданьске. Правительство отступило, подняв зарплату рабочим, но волна недовольства стала быстро распространяться. 14 августа остановилась судоверфь в Гданьске, на другой день забастовка охватила все предприятия Гданьска и Гдыни. Межзаводской забастовочный комитет, который объединил 304 предприятия, издал документ под названием «21 пункт», в котором, помимо завышенных экономических требований увеличения зарплат и социальной поддержки, были и политические требования: создания независимых профсоюзов, права на забастовки, свободы слова, печати и публикаций, освобождения политических заключенных и др.

В этой политической борьбе широко применялись ненасильственные методы. Дж.Шарп пишет: «Польша 1970-х и 1980-х годов являет собой яркий пример перехода функций общества и институтов под контроль участников сопротивления. Католическая церковь подвергалась преследованиям, но никогда не была полностью подчинена коммунистическому контролю. В 1976 г. представители интеллигенции и рабочих образовали небольшие группы, такие как КОР (комитет защиты рабочих), для продвижения своих политических идей».

Экономика Польши уже несколько лет находилась в состоянии застоя, но спад производства и продовольственный кризис пришлось именно на 1980-1981 гг. В конце 1981 г. эти процессы приняли обвальный характер, коснувшись буквально всех. Дефицит товаров первой необходимости дестабилизировал общество, повлек значительные изменения в массовом сознании. Социологи отмечают и усугубивший этот кризис важный момент – смену поколений с наличием мировоззренческого разрыва между ними: «Снижение жизненного уровня еще могло бы быть принято старшим поколением, которое в Восточной Европе

составляли преимущественно выходцы из малообеспеченных слоев крестьянства, или „эмигранты из бедности“, потенциально готовые к лишениям. Однако падение благосостояния было неприемлемо для второго поколения образованных горожан, ориентированного на западные стандарты потребления. Они уже не ощущали „поступательности развития“ и жизненной перспективы, которую в свое время давало „отцам“ участие в восходящих социальных перемещениях. К 1980 г. в Польше количество людей неудовлетворенных втрое превосходило средний западноевропейский уровень»⁷⁴.

Надо отметить, что до этого момента в сознании поляков не наблюдалось отхода от принципов того социализма, на котором основывалось послевоенное жизнеустройство страны. Одним из главных его мировоззренческих принципов был *эгалитаризм* – ценность равенства людей, которая в социальном плане проявлялась в уравнительности доходов. Социологи регулярно вели «измерение» этого показателя в польском обществе. Выводы их таковы: «До середины 1970-х годов преобладало мнение, что социальные различия слишком велики, и многие (58% рабочих и 38% интеллигенции) даже заявляли о необходимости их полного „стирания“. Неудивительно поэтому, что сама идея национализированной экономики и централизованного планирования оставалась глубоко укорененной в сознании населения.

В 1977-1979 гг. 70% опрошенных заявили, что «социальные различия в Польше велики и их необходимо сократить»... Существовало мнение, что шкала оценки труда нуждается в изменении и что высшие заработки должны быть сокращены и даже ликвидированы. Максимальные оклады, выплачиваемые в исключительных случаях, особенно возмущали людей. Эгалитарная идеология господствовала в Польше в 1950-1960-е годы. В революционном 1980 г. она вновь неожиданно пережила кратковременный, но интенсивный подъем, который вскоре сменился спадом, продолжавшимся до конца десятилетия»⁷⁵.

«21 требование» были записаны на кассеты и разосланы по другим фабрикам по всей Польше. В конце августа был достигнут компромисс с правительством, которое уступило всем требованиям рабочих, явно превышавшим реальные возможности экономики. Все оппозиционные группировки поддержали эти забастовки единым фронтом. Регистрация Верховным судом в ноябре 1980 г. независимого самоуправляемого профсоюза «Солидарность», который возглавил Лех Валенса, стала первой брешью в политической системе ПНР. «Солидарность» объединяла в своих рядах всех, кто выступал за смену системы. Количество членов ее быстро достигло 9-10 млн. После выхода «Солидарности» на политическую арену Демократическая партия и Объединенная крестьянская партия отказались от своего подчинения ПОРП и объединились с «Солидарностью».

В стране наступила эйфория свободы, растущих надежд на дальнейшие перемены. Этому всплеску утопического сознания и тяготению к революции постмодерна способствовали культурные особенности тех социальных групп, который составляли ядро польского общества. Н.Коровицына так резюмирует выводы польских социологов 90-х годов: «Образованную восточноевропейскую молодежь 1970-х годов, выросшую в условиях государственного и семейного патернализма, отличало и от всех предшествующих, и от последующего поколения ощущение финансово-экономической и физической безопасности, близкое к абсолютному... Одновременный подъем уровня образования и уровня жизни, характерный для позднесоветского периода, окончательно подрывал основы ортодоксальной идеологии, формируя систему ценностей, обращенную внутрь человеческой личности... Марксизм-ленинизм и построенный на его основе *соцреализм* превратились в социалистический гуманизм и базирующийся на нем «*социдеализм*»... Причем жители крупных польских городов, «передовая» часть общества, обладали наиболее нематериалистическим складом мировоззрения... Господствовало ощущение преддверия новых грандиозных перемен, атмосфера нарастающего праздника».

Одновременно с этим росло и напряжение. Как писал впоследствии В.Ярузельский, «взаимная подозрительность была характерной чертой того времени... Экстремизм и с одной, и с другой стороны терроризировал уже всех, затруднял возможность компромиссных решений».

Центром польского рабочего движения стал, таким образом, профсоюз «Солидарность». Фактически «Солидарность» стала массовой оппозиционной партией, оспаривавшей главенствующую роль ПОРП в политической жизни Польши. КОС-КОР и «Солидарность»

теоретически могли бы считаться левыми движениями, однако большинство их участников считали себя противниками левых⁷⁶. В то же время присвоение «Солидарности» квалификации в плане «левые-правые» было бы неверным в принципе. Это движение – продукт специфической польской культуры. Вот что говорит социолог: «Этос романтического героизма и мессианства, сочетание религиозных мотивов и патриотических целей составляют политическую традицию Польши. Программа „Солидарности“ производна от нее, как и от национальных и христианских ценностей, которые польское общество воспроизвело в современных условиях, в основном подсознательно». Это никак не вписывается в систему координат гражданского общества, в которой только и имеет смысл различение правых и левых.

Если говорить о «правых и левых», о «капитализме и социализме», то мы заведомо исказим реальную картину развития противоречий польского общества, которое и привело к «бархатной» революции. Все эти понятия приходится применять условно, в качестве метафор. Если же толковать их буквально, то получится, что католики были левыми, а члены ПОРП – правыми. Применим к ним надежный критерий – приверженность к эгалитаризму, к социалистическому уравнительному принципу. Н.Коровицына приводит данные польских социологов: «Самое любопытное, что принципов эгалитаризма чаще придерживались верующие (78,4%), чем неверующие (50,4%) и, напротив, реже члены ПОРП, чем беспартийные или члены других партий. В рядах „руководящей силы общества“, официально провозглашавшей необходимость роста эффективности производства, в среднем ниже была и ориентация на политику полной занятости. Кроме того, более высокопоставленные группы населения, к которым принадлежали многие члены ПОРП, вообще имели меньшую склонность ориентироваться на ценности равенства и справедливости, близкие людям с низким социально-образовательным статусом».

Польский католицизм исторически был одним из центров сопротивления и в Российской империи, и во время нацистской оккупации. Значит, это был важный центр консолидации общества. Режим вынужден был искать соглашения с церковью. В критические дни Церковь использовалась как посредник в отношениях с «Солидарностью». В целом же Церковь, усилившая свое влияние после избрания Войтылы папой римским, поддерживала «Солидарность».

В январе 1981 года напряженность в польском обществе усилилась. Быстро росли цены, с прилавков магазинов исчезли товары. Началась новая волна забастовочного движения. Поскольку «Солидарность» возникла как движение за повышение зарплаты, ее победа повлекла за собой резкое нарушение сбалансированности рынка. Это положило начало углубляющемуся расколу польского общества. Первым его признаком стали нарастающие «антикрестьянские» настроения. Социологи пишут: «Большинство крестьян – не только польских – считало 1970-е годы лучшим периодом своей жизни. 1980-е годы в корне изменили эту ситуацию, что выразилось в появлении и широком распространении в обществе „синдрома антикрестьянского мышления“. Еще в исследовании „Поляки-80“ социологи констатировали существование „рабоче-крестьянского союза“. Но уже в 1981 г. ситуация радикально изменилась. В 1980 г. 36,8% горожан и 52,2% жителей села считало, что первые находятся в лучшем положении, а в 1981 г. – соответственно уже всего 4,1 и 14,9%».

В начале 1981 г. «Солидарность» стала по сути параллельной властью в стране и взяла курс на конфронтацию с властью официальной. Она вела и подпольную деятельность по бойкоту всех организаций и институтов, которые поддерживали существовавший строй. Это ускорило деградацию системы, и Л.Валенса назвал это «одной из крупных заслуг движения». Существенную роль играла также независимая издательская и культурная деятельность, проводившаяся вне официальных структур. Эта деятельность стала работать не только на противостояние с властью, но и на раскол общества по многим линиям раздела.

Н.Коровицына пишет: «В 1980 г. все группы общества обладали схожими взглядами и представлениями. А уже в 1981 г. началось расхождение. Первой его жертвой пал базисный для социалистического строя „союз рабочих и крестьян“. Духовное единство общества, существовавшее в 1980 г. на волне политизации массового сознания, исчезло с переходом к следующему этапу развития в условиях включения людей на „индивидуальной основе“ в

формирующиеся рыночные отношения. Менялись не только ценностные ориентации населения, но и социальная структура общества, характеристики, интересы, положение отдельных его групп: культурная дезинтеграция влекла дезинтеграцию социальную. Группы, наиболее преданные общественной системе на начальном этапе ее существования, переходили в категорию ее главных противников. Это относится в первую очередь к „народной“ интеллигенции».

Ситуация еще больше осложнялась отсутствием единства в ПОРП, а также расхождением во взглядах представителей самой «Солидарности». По словам М.Раковского, «ядро программы „Солидарности“ – отрицание почти всего, что связано с существующим положением вещей». Говорилось, что «Солидарность» превращается в «мегапартию с отрицательным идейно-политическим знаком».

В своем отношении к общественно-политической системе массовая социальная база «Солидарности» делилась так: «По степени несогласия с официальной политикой к студентам примыкали молодые рабочие. Следующие за ними в этом ряду – рабочие старшего поколения с крупных промышленных предприятий – новостроек первых пятилеток. Рабочие старшего возраста с небольших предприятий, напротив, демонстрировали наиболее высокий уровень поддержки власти. Таким образом, противостояние системе определялось степенью интегрированности в нее или зависимости от нее: чем они были выше (а квалифицированное рабочее место требует высокоразвитой государственной системы), тем – вопреки здравому рассудку – большее недовольство она вызывала». Из этого видно, что в Польше назревала именно *революция постмодерна* – радикальными противниками общественного строя становились как раз социальные группы, занимавшие при этом строе привилегированное положение. Как сказал польский социолог, «парадокс заключался лишь в том, что речь шла о генерации „питомцев“ социалистической системы, превратившихся в генерацию „бунтарей“ против ее порядков».

В течение всего 1981 г. власть предпринимала попытки организовать «круглый стол» для переговоров с профсоюзами, но каждый раз «Солидарность» отклоняла эту инициативу из опасения, что трудящиеся будут настаивать на компромиссе. В августе обострилась ситуация на потребительском рынке из-за резкого спада промышленного производства и усиления общего хаоса.

Осложнилось и международное положение – нарастание хаоса в Польше все больше беспокоило советское руководство. Первым секретарем ЦК ПОРП, сохранив за собой посты премьер-министра и министра национальной обороны, стал генерал Войцех Ярузельский. По его словам, «поздней осенью 1981 г. уровень предубежденности и недоверия достиг апогея. Трезвый рассудок отходил на второй план. Верх брали эмоции».

Оппозиция становилась все более жесткой и получала все более ощутимую поддержку извне. Социологические опросы свидетельствовали, что в начале 80-х годов к оппозиции примыкало 20-25% взрослого населения Польши. По своим политическим установкам это была антисоветская, ориентированная на Запад оппозиция. С Запада она получала и поддержку – финансовую и техническую. В 1982-1985 гг. в подполье издавалось 1,7 тыс. газет и журналов (часть из них – короткоживущие); было опубликовано 1,8 тыс. наименований книг и брошюр, тиражи некоторых из них составляли 5-6 тыс. экземпляров. По данным МВД, в некоторые моменты производственные мощности подпольной полиграфии составляли 1 млн. страниц формата А-4 в день⁷⁷.

Но самое главное было в том, что у оппозиции не было конструктивного проекта, она консолидировалась *отрицанием*. Н.Коровицына приводит такую оценку: «В 1980-е годы созидательный потенциал образованного класса был канализирован в „разрушительное русло“ – на борьбу с утратившим былую мощь коммунистическим режимом». Далее она дает более развернутую трактовку этой оценки, связывая движение «Солидарность» с традицией старого польского национализма: «Борьба за национальное самоопределение одновременно с коллективной оппозицией компартии послужила мощным мобилизирующим фактором. Как и в „классических“ национальных движениях XIX в., дух самопожертвования во имя патриотических и гражданских символов объединил общество, независимо от различия интересов составляющих его групп. Требование „Солидарности“ „мы хотим, чтобы Польша

стала Польшей“, оказывало большое эмоциональное воздействие. Но непонятным оставался ответ на вопрос: о какой именно Польше идет речь? Легко было заявить в 1981 г., что коммунистический режим „чужд устремлениям и ценностям польского народа“, и гораздо трудней было по завершении революционных перемен в 1989 г. определить реальное содержание этих устремлений и ценностей».

Осознав невозможность остановить сползание к катастрофе политическими средствами и опасность вооруженного вмешательства в рамках Варшавского договора, В.Ярузельский и его окружение признали оптимальным выходом из ситуации введение в стране военного положения. Позже Ярузельский отмечал, что военное положение, хотя это и звучит парадоксально, расчистило путь к *диалогу*. «В определенном смысле, – подчеркивал Ярузельский, – оно заморозило общественно-политический уклад, сформировавшийся на рубеже 1980-81 гг., перенесло его в другое историческое время и геополитическое положение, в условия, в которых идея национального согласия стала единственной дорогой решения польских дел». А 1981 г., по его словам, была *другая эпоха*, когда общество еще не созрело до исторического компромисса. Надо сказать, что опасность эскалации кризиса осознавала и Церковь, почему и произошло ее сближение с позицией власти осенью 1981 г. Церковь стала оказывать влияние на решения властей без формального вовлечения в политику, выступая в роли посредника в кризисные моменты.

События развивались так. 28 ноября началась всеобщая забастовка. Ярузельский как глава Совета министров, поддержанный «Военным Советом национального спасения», в ночь с 12 на 13 декабря 1981 года ввел военное положение. Были взяты под контроль телевидение и радио. Внутренние войска и полиция получили приказ разгонять любое неразрешенное собрание людей. Была запрещена деятельность «Солидарности» и арестовано 6647 ее активных участников. Военные трибуналы приговорили тысячи участников профсоюзного движения к различным срокам заключения. Лидеры оппозиции были или интернированы или выдворены из страны⁷⁸.

Население не оказывало сопротивления введению военного положения. Несмотря на арест тысяч лидеров «Солидарности», включая самых популярных из них, рабочие только кое-где вышли на демонстрации и начали забастовки. В Гданьске, Варшаве и Лодзи демонстрации были разогнаны полицией. На фабриках сидячие забастовки продолжались 2 дня, пока полиция не применила репрессии. На шахтах забастовки под землей кое-где продолжались до трех недель (по некоторым данным, при наведении порядка были убиты 9 шахтеров). Поднявшись на поверхность, шахтеры узнали, что никто не поддержал их, до всеобщей забастовки дело не дошло.

В 90-е годы Конституционная комиссия Сейма в течение пяти лет изучала вопрос об ответственности лиц, введших военное положение. Наконец, по предложению комиссии 24 октября 1996 г. Сейм прекратил дело и признал, что введение военного положения имело основания. Знаменательно, что, несмотря на непрерывную пропаганду правых, большинство польского общества придерживается этой же точки зрения⁷⁹.

В 1983 военное положение в Польше было отменено. Леху Валенсе Запад оказал важную моральную поддержку – он стал лауреатом Нобелевской премии мира 1983 г. В 1985 году начались быстрые перемены в СССР, и было ясно, что они повлияют на ситуацию в Польше. 17 сентября 1986 были освобождены все политические заключенные (вышли на свободу 225 человек), а 29 ноября начал легально действовать Временный совет «Солидарности». Была начата экономическая реформа по либерализации системы. Возник переходный, гибридный хозяйственный механизм, в котором сосуществовали структуры и процедуры, нередко противоречившие друг другу. В целом, однако, доминировали механизмы, типичные для централизованной нерыночной экономики.

Именно в Польше после отмены военного положения 22 июля 1983 г. впервые стали культивироваться элементы «гласности». Правительство и ПОРП оповещали население через СМИ о своих программах и планах работы, о ходе их реализации. Стенограммы пленумов ЦК ПОРП и заседаний сейма начали печататься в доступных широкому читателю изданиях. Пресс-секретарь правительства еженедельно организовывал брифинги для иностранных и польских журналистов. В Польше были созданы новые для социалистических стран институты

– Главный административный суд, Государственный и Конституционный суды, институт общественного представителя по гражданским правам. Возросла роль союзнических партий – Объединенной крестьянской и Демократической. Эти изменения получили название *коалиционного* способа осуществления власти.

Военное положение «заморозило» кризис, а после его отмены раскол общества резко ускорился, и вектор общественного сознания изменился. Н.Коровицына дает такой обзор этого процесса: «Экономический кризис и спад уровня жизни остановили распространение антиэгалитарных взглядов среди квалифицированных рабочих, сблизив их с малоквалифицированной частью этого класса и, напротив, отдалив от интеллигенции. За „потолок“ зарплат выступало в 1981 г. почти одинаковое количество специалистов (68,8%) и квалифицированных рабочих (71,6%), а уже в 1984 г. – соответственно 41,1 и 57,4%, в 1988 г. – 37,0 и 63,0%. В 1990 г. сторонников эгалитарных взглядов среди квалифицированных (60,0%) и неквалифицированных (59,0%) рабочих уже почти вдвое больше, чем среди специалистов (33,0%)... Распался альянс квалифицированных рабочих и интеллигенции – движущая сила революции „Солидарности“. Основу их единства составляли тогда общие эгалитарные устремления. Однако с 1984 г. – польская социология может датировать этот перелом с точностью до года – взгляды и интересы интеллигенции и рабочего класса эволюционировали в противоположном направлении. Динамика их материального и социального положения уже тогда значительно различалась... Расхождение позиций двух „социальных столпов“ восточноевропейского общества, происходившее на протяжении всех 1980-х годов, подготовило бархатную революцию. Специалисты пришли к ней с выраженными либеральными взглядами, основанными на радикальном антикоммунизме. В 1988–1990 гг. доля сторонников безграничной приватизации среди польской интеллигенции удвоилась... Совершался отказ от предпринятой „Солидарностью“ попытки создания гражданского общества чисто политическими методами, не связанными с введением института частного предпринимательства. Итогом этого отказа было сближение интеллигенции с нарождающимся слоем предпринимателей. Другой его итог – прогрессирующая деградация социального и морального статуса рабочего, повлекшая падение его политической активности».

Кроме политической апатии, в среде молодежи стал нарастать *пессимизм*. Сами ценности сопротивления политическому режиму потеряли мобилизующую силу. Об этом состоянии сказано так: «Уже в середине 1980-х годов (!) наиболее молодая часть польского общества не отождествляла себя с целями коренных преобразований политической и экономической систем, с демократическими переменами. Недоверие к ним нередко проявлялось в агрессивной форме... Для молодежи преобладающим стало желание покинуть страну».

В 1986 г. социально-экономическая ситуация в стране стала ухудшаться. Партийные реформаторы заговорили о «новом этапе социалистического обновления», «втором этапе экономической реформы». Элита ПОРП сама сдвигалась к экономическому либерализму. Вывод наблюдателей таков: «Вплоть до конца 1980-х годов, как свидетельствуют результаты социологических исследований, эгалитаризм терял свои позиции. В ответ на вопрос, нужно ли устанавливать максимальный предел заработной платы, в 1980 г. 90% ответили позитивно, в 1981 г. – 78%, в 1984 г. – 56%... Принадлежность к партии не означала предпочтения той или иной хозяйственной системы. Как установили польские социологи, члены ПОРП – наравне с наиболее „продвинутыми“ высокообразованными контингентами – ждали неэгалитарных последствий реформ, предвидя в результате их дифференциацию доходов. На рыночные механизмы, которые должны сделать распределение материальных благ более справедливым, коммунисты-реформаторы возлагали большие надежды».

Весь 1987 г. прошел под знаком подготовки этого «второго этапа реформы». Риторика его мало чем отличается от горбачевской риторики 1988-1990 гг. Чтобы сбалансировать внутренний рынок и госбюджет, правительство предложило повысить цены: на потребительские товары и услуги на 40%, на продовольствие – на 110%, квартплату и тарифы на коммунальные услуги – на 140-200%. В обществе нарастала апатия. По словам Н.Коровицыной, «само участие в политической деятельности шло у поляков после революции „Солидарности“ 1980 г. на спад. По данным 1985 г., всего около 15-17% взрослых граждан Польши вообще интересовались политикой, причем около половины их составляли члены

ПОРП. Рост интереса к политической сфере не отмечался польскими социологами даже в решающий исторический период – 1988–1989 гг.».

Чтобы предотвратить резкое усиление социальной напряженности, было решено вынести вопрос о ценах на референдум. Было задано два вопроса: «1. Выступаешь ли ты за полную реализацию внесенной сеймом программы радикального оздоровления экономики с трудным двух-трехлетним периодом быстрых перемен? 2. Поддерживаешь ли ты польскую модель глубокой демократизации политической жизни, целью которой является укрепление самоуправления, расширение прав граждан и увеличение их участия в управлении страной?» Несмотря на призывы Л. Валенсы к бойкоту референдума, явка составила 67,3%. Позитивно на первый вопрос ответили 66% проголосовавших, на второй – 69%. Другими словами, более половины населения Польши еще не хотели слома социальной системы.

Вслед за Горбачевым и номенклатура ПОРП начала стимулировать появление новых и новых оппозиционных структур. В течение 1987 г. легализовались и создавались различные клубы, организации, журналы и др. Это поощрялось из Москвы: Горбачев заявил, что «новое руководство СССР не будет вмешиваться во внутренние дела других социалистических стран».

В начале 1988 г. правительство повысило розничные цены в среднем на 36%. В ответ, в условиях резкого ослабления планового контроля, предприятия увеличивали зарплату вне зависимости от эффективности их работы. В результате доходы существенно превысили динамику роста цен и поставок на рынок. Потребительский рынок был подорван, начались забастовки, а в ответ – действия полиции. Летом прошла очередная встреча за «круглым столом», ПОРП согласилась на создание коалиционного правительства с участием оппозиции. После августовских стачек, охвативших 14 шахт, Щецин, Гданьск и Гуту, состоялась первая встреча Л. Валенсы и министра внутренних дел. Валенса обязался прекратить забастовки, и это ему удалось (хотя и с трудом).

В самой ПОРП назревал раскол. Перед властью стоял выбор: либо отвергнуть политические требования оппозиции с риском дойти до применения насилия; либо отступить с неопределенным исходом. В 1981 г. руководство ПОРП решилось на первый вариант, теперь ему ничего не оставалось, как пойти по второму пути. Причина в том, что хотя силовые структуры Польши еще вполне подчинялись руководству ПОРП, принципиально вопрос о демонтаже социалистического лагеря уже был решен между Москвой и Вашингтоном. Обострять противостояние в Польше не имело смысла.

Правительство М.Раковского, ставшего премьер-министром в сентябре 1988 г., предприняло следующую попытку либерализации экономики. Предполагались стандартные меры «программы стабилизации» МВФ (приватизация, отказ от центрального планирования, либерализация цен, свобода для частного предпринимательства и иностранного капитала, легализация хождения иностранной валюты). При этом ликвидировались основные стабилизационные механизмы прежней системы.

Только теперь в сознании поляков произошел сдвиг – они «отказались от социализма». Вот какова динамика этого сдвига в зеркале социологов: «Дестабилизация системы ценностей социалистического общества произошла в Польше в конце 1970-х годов, но отказ от идеи социализма – только десятилетие спустя, в 1989 г. Даже среди молодежи в 1987 г. 58% в целом одобрительно относилось к социалистической модели развития. Противоположного мнения придерживалось 28,9%. И лишь два года спустя взгляды зеркально трансформировались; соотношение сторонников и противников социализма составило 28,8% и 60,4%».

На сотнях предприятий уже открыто действовали комиссии «Солидарности», 17 апреля 1989 г. она была полностью легализована. 5 апреля были подписаны соглашения «круглого стола», 7 апреля согласованные положения об изменении политической системы принимаются Сеймом. Согласно договоренностям, 65% мест (т.е. 299 мандатов) в Сейме гарантировались для членов ПОРП, ОКП, ДП и еще трех проправительственных христианских организаций. Борьбу за эти мандаты могли вести только кандидаты, назначенные руководством этих партий. Оставшиеся 35% мандатов подлежали прямым свободным выборам. Верхняя палата парламента, Сенат из 100 человек, избиралась прямым голосованием. Был учрежден пост президента, избираемого Сеймом и Сенатом. На выборах в июне 35% мест в Сейме и 99% мест в Сенате завоевала «Солидарность», что было воспринято как поражение правящей коалиции.

19 июня 1989 г. президентом Польши был избран В.Ярузельский, а место премьер-министра отдано кандидату «Солидарности» Т.Мазовецкому. Но политическая система стала рассыпаться. Соглашение «ваш президент, наш премьер» продержалось только до декабря 1990 г., когда состоялись всеобщие президентские выборы, на которых победил Л. Валенса. ПОРП начала рассыпаться и в 1990 г. была распущена. Из ее остатков было образовано несколько партий левой ориентации. Руководители «Солидарности», выполнив свою задачу, перестали «бороться за интересы рабочего класса» и интегрировались в новую систему.

Такова фактология польской «бархатной» революции, которая, в отличие от других стран советского блока, растянулась более чем на 30 лет. Из этой истории можно сделать следующие краткие выводы.

В 1989 г. произошла смена общественной системы. Вместе с ней, по словам польского социолога Т.Бодио, «завершилась драматическая и красивая глава польской романтической психо-истории борьбы за независимость». Польша включается в Евросоюз и НАТО, в ней проводится форсированная деиндустриализация и демонтаж важных структур – носителей цивилизационных черт (например, науки). Проблема национальной идентичности отпадает сама собой.

Что произошло непосредственно после победы этой самой крупномасштабной «бархатной» революции? Выберем некоторые краткие выводы, сформулированные Н.Коровицыной на основе изучения выводов польских социологов, историков и культурологов, сделанных в ходе интенсивных дискуссий в течение всех 90-х годов.

Уже в 1989 г. был начат первый этап «шоковой терапии». Как и культурный, или культурно-политический шок (прообраз советской перестройки), вызванный революцией «Солидарности», экономический шок, который повлекла реализация программы Бальцеровича, первыми среди народов региона испытали поляки. 1992-1993 гг. в Польше называют «долиной слез», а сам переход к свободному рынку «терапией потрясения», сравнимой с «холодным душем на горячие головы» сторонников этого перехода (Т.Бодио).

В иерархии условий жизненного благополучия «материальная ситуация» передвинулась в Польше в 1995 г. на первое место по частоте упоминания. Лидировавшая прежде «семья» сдвинулась соответственно на третье место. В 1982 г. «материальная ситуация» вообще не входила в число 6 важнейших целей и жизненных устремлений поляков.

Ожидания рабочего класса оказались несбывшимися. Для него вопрос «а есть ли жизнь после перехода?» стоял в буквальном смысле. Капитализм, конечно, не мог дать ему желанной социальной справедливости, но принес реальную угрозу безработицы. *Менее половины* польских рабочих по состоянию на 1988 г. сохранили свой социально-профессиональный статус в 1993 г. Наиболее распространенной формой дезинтеграции рабочего класса служил переход его представителей в категорию незанятых, т.е. прекращение экономической активности.

В ином свете видится теперь прежнее жизнеустройство. Так, оказалось, что привязанность польского крестьянина самой идее и реальности социализма, которым он решительно противопоставлял себя в период его становления, после краха этой системы «не имеет себе равных в обществе». Однако если социальное положение и самочувствие крестьянства или рабочего класса в результате либерализации, особенно на начальных ее этапах, действительно серьезно ухудшилось, то традиционная интеллигенция фактически прекратила свое существование в прежнем виде, характерном не только для периода социализма, но и для досоциалистического периода.

На этапе радикального развития «бархатной» революции (вторая половина 80-х годов) в сознании людей смешались все понятия и представления об обществе, о капитализме и социализме. С капитализмом отождествлялось все позитивное, с социализмом – только негативное. Они воспринимались как аналоги рая земного и ада. Неравенство считалось характерным только для социализма, а забота о благе людей – только для капитализма. Уже к середине следующего десятилетия картина действительности стала реалистичной. Если в 1991 г. неравенство ассоциировалось в Польше с экономикой капиталистического типа всего для 28,3% опрошенных, то в 1994 г. – уже для 83,9%. Справедливость связывали с

социалистической экономикой в 1994 г. уже не 9,7%, а 42,2%, также как заботу о благе людей – соответственно 11,6 и 66,7%. По этим двум позициям преимущества социализма перед капитализмом, отрицавшиеся поляками в 1991 г., были признаны ими, как и немцами, в 1994 г.

Исчезло утопическое представление о капитализме как обществе равных возможностей. Условием жизненного успеха считали «связи и фаворитизм» в 1997 г. 74%, а в 1999 г. уже 90% поляков, «хитрость и ловкость» – соответственно 53 и 71%. Иссякла и романтическая иллюзия западной демократии. Почти половина опрошенных в Польше считали теперь демократию полезной только если она ведет к росту благосостояния, материальному изобилию, и всего 18% – если она предоставляет гражданам свободу.

Потерпел поражение весь мессианский проект польской интеллигенции, которая видела в себе носителя национальных ценностей, духовную наследницу польской аристократии. «Рынок» затоптал этот цветок. Взаимосвязанные процессы вестернизации и перехода к капитализму наиболее сильно отозвались в судьбах интеллигенции. Как пишет М.Жюлковский, значительная часть польской интеллигенции *впервые за свою полуторазековую историю*, начала ориентироваться прежде всего на индивидуальный финансовый успех. Она отказалась от традиционно выполняемой роли носителя национальной культуры, ее образца и духовного лидера нации. Интеллигенция утрачивала не только свои позиции в обществе, но и своеобразие своего стиля жизни, функцию создателя «высокой» культуры, что особенно важно, – чувство общности, возникавшее в процессе выполнения этой функции.

Отступить перед рынком пришлось и католической церкви. В новой политической системе Церковь открыто вышла на общественную сцену и внешне заняла на ней важное место, но реальное влияние ее на общественное сознание в Польше – стране с самым высоким в регионе уровнем религиозности, где религиозная традиция не прерывалась в период социализма – сократилось. Отношение человека к труду, к семье теперь стало все больше регулироваться не религиозными нормами, а соображениями экономической выгоды. Более того, разрушилась всякая нематериалистическая мотивация жизнедеятельности.

Кто же духовно уцелел? Те, кто обитал в социальных нишах, менее подверженных воздействию нового уклада. Социологи сообщают, что в 1990-е годы в Польше верили, что они *счастливы*, люди старше 40 лет, состоящие в браке, специалисты или служащие, но живущие за пределами крупных городов – в сельской местности или малых городах. Они довольствовались своим материальным положением, состоянием своего жилища. «Успех» в их представлении – это счастливая семейная жизнь, эмоциональная общность с близкими. Волна меркантильных ожиданий, догоняющего Запад потребления, монетаризации сознания, прокатившаяся по посткоммунистическому обществу, не задела их. По возрасту, месту жительства и профессии они остались в стороне от шоковых преобразований, продолжая жить органичными их духовному миру ценностями, усвоенными в молодости – времени расцвета неотрадиционализма.

На первом этапе реформ в Польше возник конфликт ценностей между большей частью общества и новой господствующей элитой. Как он будет решаться в ходе интеграции Польши в европейское сообщество – другой вопрос. Для нас важно, что результаты «бархатной» революции оказались настолько несовместимы с глубинными установками массового сознания, что вызвали пересмотр уже, казалось бы, устоявшихся взглядов. Вот резюме, данное Н.Коровицыной:

Экспансия рыночных структур так и не дала ожидаемого роста индивидуализма в Восточной Европе. Склонность полагаться на себя оставалась, по подсчетам польских социологов, на одном уровне и в 1984 г., и в 1998 г. В период рыночных преобразований первой половины 1990-х годов наблюдался, как ни странно, даже некоторый спад индивидуалистических наклонностей. Их «золотой век» пришелся на завершающий этап существования коммунистического режима. Желание работать в частном секторе начало снижаться в Польше уже с 1991 г., в других странах – на 1-2 года позже. «Увлечение» капитализмом оказалось в Восточной Европе непродолжительным, а предпринимательская активность прочно ассоциируется теперь с необходимостью нарушения закона и моральных норм.

Уже вторая половина 1990-х годов вернула привычное для восточноевропейца отношение

к государству, его роли в общественной и экономической жизни, как и к проблемам социального равенства. Протатистский, антилиберальный сдвиг массового сознания, зафиксированный польскими социологами, сопровождался сдвигом проэгалитарным. Эгалитаризм, чрезвычайно сильный в начальный период революционных преобразований в Польше в 1980-1981 гг., понижался вплоть до 1990 г., чтобы еще через десятилетие вновь вернуться к исходному высокому уровню. В период всплеска либерализма рубежа 1980-1990-х годов было трудно поверить, что труд наемного работника в госсекторе опять станет более предпочтительным по сравнению с аналогичной деятельностью в частном секторе.

Признаком наличия фундаментальной исторической ошибки, положенной в основу всей доктрины польской «бархатной» революции, стал сдвиг в сознании самой *революционной элиты*. Сразу после крушения коммунистического режима «предмет общественного противостояния был исчерпан», и обнаружилась близость позиций двух совсем недавно непримиримых «антагонистов» – «Солидарности» и ПОРП, как и самих национально ориентированных демократов и коммунистов-реформаторов в Польше. «Отцы» бархатной революции из категории «мы» перешли в категорию «они», но «победители» вместе с «побежденными» оказались, по выражению З.Баумана, «бездомными». О двух персонифицированных символах революции он написал так: «Прошлые битвы сплотили Михника и Ярузельского между собой теснее, чем победа Михника связала его с теми, кто пришел позже разделить плоды этой победы». Путь, приведший к разрушению социалистической системы, оказался бесперспективным с точки зрения «новой реальности».

Социальные силы, участвовавшие в разрушении коммунистического режима, совершенно не были заинтересованы в такого рода развитии событий. Ни рабочие крупных предприятий, составлявшие костяк польской «Солидарности», ни находившиеся под опекой государства крестьяне, ни обладавшая в прошлой общественной системе высоким социальным статусом интеллигенция не ожидали столь радикальных перемен. Все они стремились лишь к улучшению существовавшего строя, превращению его в более справедливый, более материально благополучный, но такой же близкий и узнаваемый, с теми же правилами поведения, нормами жизни, нравственными принципами... В 1993 г. социологи регистрировали наибольшее (75%) количество людей, считающих, что ситуация в стране развивается в неверном направлении.

По сути, можно говорить о национальной трагедии, которая смягчается и маскируется только тем, что Запад спешно раскрыл свои двери для Польши. Речь идет о чрезвычайной сложности всего проекта форсированной модернизации обществ, исторически находившихся на периферии Запада. Ведь «бархатная» революция, которая велась под знаменем либерализма, оказалась взрывом коллективного бессознательного людей традиционного общества, испытывающих стресс модернизации. То, что Польша первой в восточном блоке отказалась от системы советского типа, М.Жюлковский связывает не столько с приверженностью ее граждан так называемым современным ценностям, сколько, напротив, со всплеском ценностей традиционных.

Обществоведение, вся методология которого была настроена на изучение равновесных или «процессирующих» социальных систем, не могло предвидеть и понять подобных срывов: группы общества, наиболее преданные системе на начальных этапах ее существования, перешли в категорию наиболее выраженных ее оппонентов. При этом, как подчеркивают польские социологи, *социокультурные истоки* радикальных преобразований рубежа 1980-1990-х годов относятся к событию, произошедшему за 20 лет до этого. Ими стала образовательная революция рубежа 1960-1970-х годов, к которой восточноевропейское общество пришло в свою очередь в результате цепи перемен, начатых на рубеже 1940-1950-х годов.

История революции «Солидарности» – важнейший урок для российского общества, которое втягивается в «оранжевую» революцию без малейшего шанса быть после нее, в отличие от Польши, принятым в лоно «общего европейского дома».

Глава 8. «Бархатные» революции в странах Восточной Европы в 1989

Г.

В 1989 году во многих странах социалистического лагеря свершились революции, приведшие к изменению общественного строя и политической системы, к ликвидации Варшавского договора, СЭВа и вообще «социалистического лагеря». Динамика событий такова.

6 февраля. В рамках «круглого стола» в Польше начались переговоры между представителями правительства, официальным объединением профсоюзов, профсоюзом «Солидарность» и другими общественными группами.

4 июня. Парламентские выборы в Польше, к которым допущены оппозиционные партии. Выборы в нижнюю палату проводились в соответствии с договоренностями «круглого стола», правящие партии получили 299 мест из 460. В Сенате, выборы в который проводились свободно, 99 мест из 100 получила оппозиция и 1 место – независимый кандидат.

24 августа. Правительство Польши возглавил представитель оппозиции Тадеуш Мазовецкий.

9 сентября. Правительство Венгрии открыло границу с Австрией.

18 сентября. В ходе переговоров в рамках «круглого стола» между Венгерской социалистической рабочей партией и оппозицией принято решение о введении в Венгрии многопартийной системы.

18 октября. Глава ГДР и Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) Э.Хонеккер подал в отставку. Новым генеральным секретарем СЕПГ, председателем Народной палаты ГДР и председателем Национального совета обороны страны стал Эгон Кренц.

18 октября. Парламент Венгрии принял около 100 конституционных поправок, регулирующих переход к парламентской демократии.

23 октября. В Будапеште вместо Венгерской Народной Республики провозглашена Венгерская Республика, определившая себя как свободное, демократическое, независимое, правовое государство.

9 ноября. Совет министров ГДР принял решение об открытии границы с ФРГ и Западным Берлином.

10 ноября. Глава Народной Республики Болгария и Болгарской компартии Тодор Живков подал в отставку с поста генерального секретаря и члена политбюро. Новым генеральным секретарем БКП избран Петр Младенов.

17 ноября. Парламент Болгарии избрал Младенова главой Госсовета страны.

24 ноября. Под давлением оппозиции и массовых демонстраций в отставку ушло руководство Коммунистической партии Чехословакии. Новым генеральным секретарем партии избран Карел Урбанек.

28 ноября. В Чехословакии по итогам встречи делегации правительства и правящего Народного Фронта с представителями оппозиционного «Гражданского форума» принято решение о создании нового правительства, отмене закрепленного в конституции положения о руководящей роли коммунистической партии.

10 декабря. Уход в отставку президента Чехословакии Г. Гусака. Сформировано новое правительство с некоммунистическим большинством. 29 декабря Президентом Чехословакии избран Вацлав Гавел.

15 декабря. Начало массовых выступлений протеста в румынском городе Тимишоара.

22 декабря. В Румынии свергнут глава государства и Румынской компартии Н. Чаушеску. Расстрелян вместе с супругой 25 декабря. Президентом Румынии стал лидер Фронта национального спасения И. Илиеску.

Характер «бархатных» революций

«Бархатные» революции – это особый класс революций, руководящую роль в которых играют группы элиты, конкурирующие с той частью элиты, которая примыкает к власти. Обсуждая характер произошедшей на Украине «оранжевой» революции, А. Чадаев утверждает наличие общего признака революции подобного типа: «Бесполезно искать её формулу в

анналах марксизма-ленинизма. Угнетаемые классы не обучены тяготиться своей угнетённостью и не порождают революций в процессе обострения классовой борьбы. Внутренний источник современной революции – это контрэлита: активная, голодная до власти прослойка тех, кто остался за бортом в результате клановой борьбы».

«Бархатные» революции во всех восточноевропейских странах прошли практически одновременно, несмотря на разный уровень развития стран, разный уровень общественных противоречий и, самое главное, разную силу их лидеров. Они были проведены по сходному сценарию в тот год, когда в ходе активных переговоров Горбачева и США была в принципе решена судьба СССР. Поскольку страны Восточной Европы экономически и политически были взаимосвязаны и составляли единый блок с СССР, то отказ СССР от роли геополитического лидера автоматически означал для этих стран переход под эгиду другого геополитического центра. Страны Восточной Европы были «сданы» советским руководством.

До самого начала революционных событий в ноябре 1989 г. отношение Москвы к своим союзникам по Варшавскому договору не претерпело видимых изменений. Это отношение было, по мнению помощника Горбачева Г.Х. Шахназарова, несколько пренебрежительным: «Они при нас, никуда не денутся, объясним – поймут»⁸⁰. Однако на 39-м съезде Болгарской соцпартии (наследницы БКП) в сентябре 1990 г. было выражено негативное отношение к попыткам перенесения в Болгарию сценариев «бархатной» или «нежной» революции. Отмечалось, что в болгарском («балканском») варианте «нежная революция» вызвала бы хаос, насилие, могла бы привести к гражданской войне.

Правящей верхушке восточноевропейских стран не было никакого смысла оказывать сопротивление «бархатным революциям», поскольку исход их был решен заранее. Однако даже с учетом этого очевидного факта по настоянию советского руководства была проведена замена первых лиц в политической системе этих стран. Попытка отвергнуть предложение такого компромисса, которую оказал Чаушеску, была строго наказана.

Гораздо меньшая политическая зависимость Кубы, Северной Кореи, Вьетнама и Китая от СССР не позволила аналогичным образом поставить эти страны под контроль США. Особняком стоит Албания, которая была втянута в сферу геополитических интересов Запада после смерти сильного национального лидера. Для ликвидации независимого от СССР югославского государства, хотя и ориентированного на Россию, Западу пришлось разжечь там гражданскую войну и прибегнуть к агрессии, в ходе которых и были созданы условия для проведения «бархатной» революции 2000 года.

Важнейшим общим для стран Восточной Европы цивилизационным условием «бархатных» революций был тот факт, что жители этих стран *тянулись* к Западу. Одним из проявлений завышенных ожиданий, связанных со сменой системы власти в регионе, следует рассматривать веру восточноевропейцев в свою идентичность с Западной Европой. Причем, как замечают многие наблюдатели, эта вера встречалась в горах Албании даже чаще, чем на улицах Праги⁸¹. По оценке американских социологов, в годы революционных перемен восточноевропейцы в целом относились к капитализму как общественной системе более благоприятно, чем респонденты *в странах Запада*⁸².

Особенностью «бархатных» революций является тот факт, что в них смыкаются сторонники разных социально-философских принципов – и приверженцы уравниловки (большинство желает ликвидации привилегий элиты и более уравнительной оплаты), и сторонники большей социальной дифференциации (элитарные слои управленцев и интеллигенции). Их объединяла общая неприязнь к государственной власти и политическому режиму, «державшим» их в составе антизападного «советского блока».

Новые власти восточноевропейских стран после «бархатных» революций сразу заявили об отношениях с СССР как равноправных, т.е. поставили вопрос о выводе советских войск со своих территорий, осудили советское вмешательство (тем более вооруженное) в их внутренние дела в прошлом, отвергли какие-либо претензии на советское (российское) политическое лидерство в Восточной Европе и т.д.

Как это и следует из принципов манипуляции сознанием, все стереотипы массового сознания, которые возбуждались для превращения массы граждан в толпу, осуществлявшую спектакль «бархатных» революций, были подготовлены самой господствующей идеологией,

сформировались на ее основе и, как представлялось толпе, требовали своего очищения, обновления и развития, но никак не отмены. Элита (в союзе с внешними силами) на первом этапе начинала свои «бархатные революции» как движения, направленные на искоренение *недостатков* существующего в стране строя. Это мы видели в СССР, когда перестройка, направленная на ликвидацию социалистического порядка, велась под лозунгом «Больше социализма!» Иначе и быть не могло – массовое сознание не приняло бы антисоциалистических целей.

Например, движение «Солидарность» в Польше в 1980 г. имело ярко выраженный социалистический и патриотический характер. Рабочие требовали воплощения в жизнь фундаментальных уравнилельных принципов социализма, крайне чувствительно относясь к любым отклонениям от его доктрины. В их требованиях не содержалось каких-либо принципиальных идей и ценностей, идущих вразрез с существующей стратегией общественного развития.

Во время всех «бархатных» революций 1989 года советские войска, дислоцированные в Венгрии, ГДР, Польше и ЧССР, находились на своих базах и не участвовали в событиях. М.С.Горбачев, отмечая в своих мемуарах, что «у пришедших к руководству в СЕПГ [после ухода Э.Хонеккера. – *авт.*] людей хватило разума и мужества не пытаться потопить в крови народное недовольство», вполне резонно добавляет: «Думаю, определенную роль в этом сыграла и наша позиция. Тогдашним руководителям ГДР было ясно, что советские войска при всех обстоятельствах останутся в казармах»⁸³.

Общие условия и культурные предпосылки «бархатных» революций

Как говорилось в гл. 1, в общественном сознании постсоветских стран до сих пор господствуют категории и понятия марксизма. Поэтому и завершающая фаза перестройки в СССР, и «бархатные» революции в европейских социалистических странах трактуются как революции *антисоциалистические*. В более широком смысле, как революции *формационные*, направленные на изменение социально-экономической формации. Поскольку в результате этих революций были разрушены «государства трудящихся», а общественная собственность на средства производства была заменена частной собственностью, то, рассуждая в рамках логики марксизма, пришлось бы признать эти революции как *буржуазные*. Часто даже приходится слышать упреки за само употребление применительно к ним слова *революция*. Это, мол, самая настоящая *контрреволюция*, направленная на реставрацию капитализма.

Анализ движущих сил «бархатных» революций, их социальной базы и мотивов, которые спланивали их участники, не позволяют принять эту трактовку. Все эти вопросы изучены, с привлечением большого материала исследований, проведенных в восточноевропейских странах как отечественными, так и зарубежными учеными, и изложены в книге Н.Коровицыной. На основании этой книги и сделаем следующие утверждения.

Прежде всего, важно подчеркнуть, что все эти страны, за исключением ГДР и Чехии, к началу Второй мировой войны представляли собой особый в цивилизационном отношении тип. Н.Коровицына пишет: «Восточная часть европейского континента и в середине XX в. оставалась экономической периферией ее западной части. За исключением Чешских земель страны, вступившие на путь форсированной индустриализации по советскому образцу, составляли регион сельского типа с высоким аграрным перенаселением и низкими показателями грамотности.

На этом фоне осуществление программы социалистической индустриализации как основы «перехода к современности»... приобрело для стран региона историческое значение. Рост промышленного производства привел к ликвидации аграрной перенаселенности села, как и городской безработицы... Период строительства «основ социализма» вошел в историю прежде всего как время массовой восходящей социальной мобильности. Ее определяют как «исключительную», «беспрецедентную». Эта ситуация отчетливо контрастировала с межвоенной».

Из этого видно, что никаких объективных «классовых» причин ненавидеть свой

общественный строй и поддерживать революцию, предназначенную для его свержения, у населения стран СЭВ не было. В интересах населения было как раз сохранять базис своего общества. Невозможно представить себе, что почти 100 млн. человек могли не понимать своих *классовых* интересов.

В том и проблема, что свои классовые интересы люди понимали, но, во-первых, они обладали очень низким «уровнем классовости», а во-вторых, у человека есть не только классовые интересы. Исходя из своих социальных интересов, население этих стран и не собиралось до завершения определенного исторического этапа менять общественный строй: «В целом к моменту завершения формирования общества, которое называется восточноевропейским, жизнью в нем были довольны почти 70% опрошенных. Система ценностей поляков оставалась относительно стабильной в течение четверти века, по оценке социологов, до 1978 г., даже до начала 1980 г... Ст.Новак назвал столь длительное постоянство поразительным... Так, идеологический портрет варшавского студента 1978 г. почти повторяет его портрет 1958 г.»

Более того, революция и созревала исходя из стремления приблизить реальность к *социалистическому* идеалу. И речь вовсе не идет о манипуляции сознанием, к которой прибегала номенклатура КПСС, выдвигая лозунг «Больше социализма!» Этот лозунг выражал чаяния масс. Капитализма не желало население даже самой близкой к Западу по уровню экономического развития Чехословакии. «Бархатные» революции были направлены на изменение надстройки, а не базиса.

Н.Коровицына пишет: «Именно в среде чешской интеллигенции впервые возникло стремление к гуманистическому обновлению общественной системы советского типа. Оно вылилось в события Пражской весны. Но даже на пике реформаторских устремлений в июле 1968 г., по социологическим данным, только 5% отвечало положительно на вопрос о том „хотели бы вы возвращения капитализма?“. Самое любопытное, когда в следующий раз решалась судьба страны в ноябре-декабре 1989 г., опросы продемонстрировали завидную стабильность взглядов чешского человека: те же 5% хотели бы установления капиталистического порядка. А 90% разделились на две примерно равных части. Одна предпочитала „социализм с человеческим лицом“, другая – „экономику смешанного типа“.

Почему же население Восточной Европы обладало низким «уровнем классовости», почему оно в момент исторического выбора не смогло рационально взвесить свои интересы и изменить вектор своего революционного порыва? Причины имеют тот же характер, что и в СССР, только выражены они были еще острее, чем в СССР. Они заключаются в том мировоззренческом кризисе, который претерпевает традиционное аграрное общество в процессе форсированной модернизации и перехода к городскому образу жизни.

Вот культурологическая характеристика этого общества: «Урбанизация и образовательная революция 1970-х годов завершили переход к „современности“ в странах региона. Восточноевропейское общество стало не только индустриальным, но и городским: программа соцмодернизации была выполнена... В восточноевропейском человеке переплетаются сейчас черты самых различных исторических эпох, образуя специфический, характерный только для него, сплав архаики и постмодерна, социального и либерального начал, села и города, национального и глобального».

«Сплав архаики и постмодерна» – легковоспламеняющаяся субстанция. Это – аномальное состояние общества, краткий исторический миг, когда утрачена способность и желание прагматического расчета интересов. Этого мига наши общества не пережили, сорвались в революции, фундаментально противоречащие интересам большинства. Сорвались, потому что нашлись прагматически мыслящие силы, которые подтолкнули в пропасть. Разве не трагичен запоздалый вывод польских социологов о том, что «коллапс „реального социализма“ произошел не в результате отказа от ценностей современного гуманизма, а, напротив, благодаря „радикальному и последовательному следованию им“?»

На этапе созревания «бархатных» революций на общественную арену вышло поколение, обладающее утопическим типом мышления. Оно считало, что социальные структуры, обеспечивающие стабильное благополучное жизнеустройство, не могут быть уничтожены или повреждены вследствие неосторожных политических действий. Любое изменение системы – к

лучшему! С этой мыслью и ломали общественный строй.

Н.Коровицына пишет: «Амбициозные планы „догоняющего Запад потребления“ рождали у молодого восточноевропейца убеждение, что жизнь становится – или должна становиться – все лучше, и вскоре произойдет перелом к качественно новому состоянию... В опыте этой генерации воплотилось и доиндустриальное прошлое, и наступающее постсовременное будущее, дав ослепительный, но короткий всплеск духовной энергии в виде специфического историко-культурного феномена человечества – „социалистического постмодерна“.

Историческая ловушка социалистической модернизации, которой, видимо, нельзя было избежать, заключалась в том, что социализм, вырастающей из недр традиционного сословного общества, порождает своего могильщика в лице интеллигенции с ее высокой духовностью мессианского типа. И порождает этого могильщика гораздо более неуклонно, нежели буржуазия порождает своего могильщика в лице пролетариата.

Вот как это объясняет Н.Коровицына: «Городская интеллигенция, формировавшаяся в регионе, считала себя продолжательницей исторической миссии дворянства, хранительницей национальной идентичности, культуры, языка, традиции. Она брала на себя роль общественного лидера, ответственного за судьбы национального развития, передачу характерной системы ценностей из поколения в поколение. Интеллигенция воспринимала себя как особый, харизматический слой общества. Она фактически заняла социальные позиции буржуазии, сохранив ментальность аристократии.

Восточноевропейская интеллигенция – преимущественно «новая» – создала тип культуры, тесно связанный со «старой дворянской культурой» и, сохраняя преемственность с ней, воспринимала себя как национальную элиту. Госсосоциализм, как принято называть этот период в Восточной Европе, даже получил определение «ортодоксальной и деформированной версии проекта Просвещения»... Именно высокообразованные слои населения выступали наиболее последовательными сторонниками свободного рынка. Это совершенно не было характерно для других регионов мира и составляло специфику посткоммунистической Восточной Европы, объяснение которой можно найти в интенсивных процессах «психотрансформации», интенсивно шедших в среде интеллигенции.

Массовая носительница идеалов романтизма и символизма, двухвековой дворянско-аристократической традиции восточноевропейская, особенно польская, как и русская, интеллигенция пережила уже в ходе «перестройки» беспрецедентный сдвиг в ментальности, жизненных ориентациях, ценностях... Не что иное, как традиционные ценности, исповедовавшиеся восточноевропейской интеллигенцией, были движущей силой бархатной революции».

Мысля в терминах исторического материализма, мы не могли понять, как *традиционные* ценности могли подвигнуть человека, воспитанного в солидарном обществе, поддержать революции, которые вели к господству ценностей либеральных, кардинально *анти*традиционных. А ведь и мы в СССР наблюдали мировоззренческий кризис, вызванный быстрой урбанизацией. Он проявился в сдвиге к оккультизму и суевериям, в иррационализме и мистицизме множества образованных городских людей – во всем том, что сделало советского горожанина 80-х годов беззащитным перед самой грубой манипуляцией сознанием.

Н.Коровицына пишет об этом воздействии урбанизации на сознание в странах восточной Европы: «В период социализма изменился тип веры: традиционный сельский тип религиозности уступал место новому – городскому – с его мировоззренческой неопределенностью, размытостью идейных и нравственных ориентаций. Городской тип веры был одним из проявлений „городского нематериализма“ как некоторого „мировоззренческого синтеза“. Он возник в то десятилетие [1970-е годы] в среде новых горожан из числа массовой интеллигенции и служащих, став плодородной почвой для процессов „перестройки“, для всевозможных духовных превращений общества позднесоветского типа. „Городской нематериализм“ возникал на месте утраченной веры в Бога. Лишенные веры бывшие носители традиционного типа культуры и социальности представляли собой легко управляемую и манипулируемую „массу“. Она и явилась основой бархатной революции. Сама эта революция – не что иное, как феномен массового сознания восточноевропейского общества».

Рассмотрим некоторые конкретные случаи.

Замена политического режима в ГДР84

ГДР являлась ключевым объектом «бархатной» революции, поскольку именно здесь проходила западная граница советского геополитического блока. Здесь с особой остротой ощущался «демонстрационный эффект» западного образа жизни и западных потребительских стандартов, поскольку по обе стороны границы жили люди одного и того же народа. В условиях наступления общества массового потребления вся Восточная Европа проиграла соревнование с Западом в сфере «престижных» материальных условий жизни, что сыграло решающую роль в успехе революций 1989 г. В ГДР это проявилось крайне резко.

До конца 1980-х годов никаких массовых выступлений немцев не было. Приход к власти в СССР М.С.Горбачева и его политика перестройки кардинально изменили ситуацию – началась активная дестабилизация государственности ГДР. Передачи западногерманского телевидения, всегда свободно доступные в ГДР, широко освещали ход реформ в Восточной Европе. Все большее число людей решались написать заявление о выезде в ФРГ – только в первом полугодии 1989 года таких было 125 тысяч. Многие представители интеллигенции и церковные деятели стали открыто критиковать режим за отсутствие политических и культурных свобод.

Правительство ответило изгнанием из страны некоторых видных диссидентов. Однако диссиденты ГДР все чаще ссылались на требования гласности и перестройки по примеру СССР. Влияла и ситуация у соседей – 17 апреля в Польше снова была разрешена «Солидарность», 2 мая Будапешт открыл границы для венгерских граждан, 4 июня в Польше оппозиция приняла участие в парламентских выборах.

Еще более сильным сигналом в середине июня послужил визит Горбачева в ФРГ, во время которого было подписано совместное заявление, в котором Горбачев провозгласил право каждого государства свободно выбирать собственную политическую и социальную систему. К этому времени в ГДР с той же целью уже регулярно совершались попытки организовать митинги, так как коммунальные выборы 7 мая, которые оппозиция объявила фальсифицированными, дали к этому повод. Внимательно следя за подаваемыми и советским руководством, и Западом сигналами, оппозиция все меньше боялась бросить режиму открытый вызов. В это же время в ГДР уже возникли первые независимые партии («Демократию – сейчас», «Новый форум», «Демократический выезд» и Социал-демократическая партия ГДР).

Непосредственной причиной дестабилизации стала проблема беженцев, вызванная открытием для последних венгерской границы. Решение об этом Венгрия приняла уже 24 августа 1989 г. в результате контактов между Г. Кодем, премьер-министром и министром иностранных дел ВНР. 9 сентября 1989 г. Венгрия полностью открыла свои границы для граждан ГДР. До конца сентября около 25 тысяч немцев прошли через эту «брешь» в Австрию, а через нее в ФРГ. В Праге и Варшаве тысячи граждан ГДР выжидали на территории посольств ФРГ, пока Бонн не добился для них права на выезд. 4 октября поезда с опечатанными вагонами привезли на Запад более семи тысяч беглецов⁸⁵.

6 октября в Восточном Берлине состоялось официальное факельное шествие около ста тысяч членов организации социалистической молодежи, а двумя днями позже в Лейпциге на улицу вышли 70 тысяч противников режима под лозунгом «Мы – один народ». Все происходило дисциплинированно и мирно. Красноречива динамика: 25 сентября в Лейпциге на демонстрацию вышло пять тысяч человек, всего неделей позже уже 20 тысяч, а еще через неделю – 70 тысяч.

В начале октября на празднование 40-летия ГДР прибыл М.С. Горбачев, который дал понять, что Советский Союз не станет вмешиваться в дела ГДР. 7 октября 1989 г. Горбачев выступил в берлинском Дворце Республики со своей знаменитой речью, где он предупредил руководство ГДР, что «жизнь его накажет, если оно будет опаздывать». Был пущен слух, будто Горбачев заявил руководству ГДР, что советские войска в ГДР выступают не на его стороне. Руководство ГДР, предоставленное само себе, разделилось. Хонеккер, только что оправившийся от серьезной операции, выступил за применение силовых методов. Большинство

членов политбюро ЦК СЕПГ не согласилось, и в середине октября Хонеккер и его союзники были вынуждены уйти в отставку. Во главе партии стал Эгон Кренц. Перед общественностью он ни разу не появился.

В научных кругах уже обсуждались модели «чистки», которую могли бы возглавить умеренные кадры СЕПГ и представители правозащитных движений. 23 октября в Лейпциге на улицу вышло 300 тысяч человек, а 4 ноября на Александерплатц в Восточном Берлине – около миллиона⁸⁶. Одновременно росло число тех, кто бежал на Запад через другие страны восточного блока. В течение пяти дней почти 50 тысяч восточных немцев покинуло ГДР через ЧССР. Это уже не имело практического смысла и было частью спектакля «бархатной» революции. Как позже писали социологи, «демократические ориентации восточных немцев не в последнюю очередь объяснялись желанием жителей бывшей ГДР присоединиться к богатому западному собрату».

Совет министров во главе с премьер-министром Штофом ушел в отставку 7 ноября. Правительство возглавил Х. Модров, секретарь Дрезденского окружного комитета СЕПГ. Новое руководство попыталось стабилизировать ситуацию, пойдя навстречу некоторым требованиям демонстрантов: было предоставлено право на свободный выезд из страны и провозглашены свободные выборы.

Вечером 9 ноября к прессе в Восточном Берлине вышел член политбюро Г. Швабовски и зачитал: «Гражданам ГДР будет разрешено выезжать за границу без каких-либо условий и через любые контрольно-пропускные пункты ГДР и ФРГ». На вопрос, когда эти правила вступят в силу, он добавил: «Прямо сейчас, немедленно».

После того, как 9 ноября манифестанты разобрали стену, разделявшую Восточный и Западный Берлин, в массовое сознание стали внедрять идею *объединения двух Германий*. Эта, с геополитической точки зрения едва ли не главная проблема в тот момент, стала предметом крупномасштабных закулисных переговоров и махинаций. Начать с того, что когда переговоры по этому вопросу уже шли вовсю, внутри СССР Горбачев во всеуслышание категорически отрицал возможность ликвидации ГДР.

Эту установку официально поддерживала и ФРГ. 11 октября 1989 г. в телефонном разговоре с М.С. Горбачевым тогдашний канцлер Германии Г. Коль заявил: «Хотел бы заверить Вас, что ФРГ ни в коей мере не заинтересована в дестабилизации ГДР, не желает ей плохого. Мы надеемся, что развитие там не выйдет из-под контроля, что эмоции последнего времени улягутся. Единственное, чего нам хочется – это то, чтобы ГДР присоединилась к вашему курсу, курсу прогрессивных реформ и преобразований. События последнего времени подтверждают, что ГДР уже созрела для этого. Что касается ее населения, то мы за то, чтобы жители ГДР оставались у себя дома. Мы не собираемся их будоражить, склонять к каким-то действиям, за которые нас потом стали бы упрекать».

Однако 28 ноября 1989 г. в Бундестаге канцлер Коль заявил о курсе на воссоединение Германии. Тремя неделями позже, когда он прибыл в Дрезден на консультации с Модровым и вышел из самолета, его встретила ликующая толпа, над которой развевался флаг ФРГ.

Интенсивные переговоры по этому вопросу велись между Горбачевым, администрацией США и правительством Великобритании. Позиция Великобритании была изложена на встрече Горбачева с послом Р. Брейтуэйтом 17 ноября 1989 г. Эта позиция была очень осторожной, посол особо подчеркнул, что «со стороны всех – и моего правительства, и наших союзников – присутствует очень хорошее понимание, что нельзя вмешиваться в дела ГДР, даже не давать поводов, которые могли бы быть расценены как вмешательство или как посягательство на безопасность ГДР, вообще стран Варшавского Договора, на вашу безопасность. Это главное – чтобы не было вмешательства ни с чьей стороны». Фактически, Горбачева предупреждали, чтобы он не вздумал подталкивать ГДР к ее слиянию с ФРГ, не оказывал давления на руководство ГДР, «не посягал на ее безопасность».

Считается, что США тем более не хотели усиления Германии. 3 декабря, на переговорах, проходивших в расширенном составе, Буш, после консультаций со своими советниками, вернулся к германской проблеме. «Вчера в беседе с глазу на глаз, – сказал он, – мы обсудили, хотя и не вдаваясь в детали, проблему воссоединения Германии. Я надеюсь, вы понимаете, что от нас нельзя требовать, чтобы мы не одобряли германского воссоединения. В то же время мы

отдаем себе отчет в том, насколько это деликатная, чувствительная проблема. Сформулирую эту мысль несколько по-другому: ни я, ни представители моей администрации не хотим оказаться в позиции, которая выглядела бы как провокационная. Подчеркиваю этот момент... Мы хорошо понимаем значение раздела Хельсинкского Акта о государственных границах в Европе».

11 декабря 1989 г. американская позиция по «германскому вопросу» была уточнена Л. Горовицем в его беседе с В.В. Загладиным. По словам Горовица, Буш «ни в коем случае не хочет допустить воссоединения Германии, но, с одной стороны, не считает для себя возможным открыто выступать с этой позицией, а, с другой – не знает, что реально можно предпринять». Собеседники в итоге констатировали, что руководители и СССР, и США едины в намерениях «сдерживать немцев». На деле Горбачев делал все, чтобы объединение произошло как можно быстрее.

В декабре 1989 г. Кренц, пробыв на посту главы партии 46 дней, ушел в отставку. На съезде в январе 1990 г. СЕПГ была переименована в Партию демократического социализма (ПДС). Председателем партии стал Грегор Гизи, юрист, защищавший при Хонеккере восточногерманских диссидентов. На выборах в марте 1990 г. победу одержал блок партий, выступавших в союзе с западногерманским Христианским демократическим союзом (ХДС). Лотар де Мезьер, лидер восточногерманского ХДС, был избран премьер-министром ГДР. Под его руководством был осуществлен быстрый демонтаж прежнего аппарата управления. 3 октября 1990 ГДР перестала существовать, будучи присоединена к ФРГ. Достигнутые ранее договоренности об «объединении» двух Германий были просто отброшены⁸⁷.

«Бархатная» революция в ГДР произошла в кратчайшие сроки, буквально за один год. Восточные немцы смогли «влиться в Запад» моментально, скачкообразно – просто переступив через обломки стены. Они раньше других соседей по СЭВ испытали и потрясение от близкого знакомства с вождленным Западом. Н.Коровицына пишет: «В 1990-1991 гг. во всех странах региона господствовало явное предпочтение общественной и экономической системы капитализма. Исключение составляла только Восточная Германия, где новый строй ассоциировался с коррупцией, эгоизмом, прибылью и лишь в перспективе – со справедливостью и благополучием. Отличие этой страны от остальных не в последнюю очередь объяснялось разочарованием восточных немцев в социальных последствиях разрушения Берлинской стены. Идеализированный образ капитализма, существовавший прежде у них, как и у остальных народов региона, сильно поколебало столкновение с реальной действительностью. Здесь это произошло раньше, чем в других странах».

Как считают немецкие социологи, либеральная модернизация Восточной Германии представляла собой особый на общерегиональном фоне путь наиболее стремительных и глубоких перемен – «трансформации через объединение». Это единственный в постсоциалистическом сообществе случай наиболее благоприятного развития при активном финансово-экономическом участии со стороны Западной Германии. Тем не менее, восточные немцы пережили свою шоковую терапию, включающую, как и везде, деиндустриализацию, скачкообразный рост безработицы (в 1990-1992 гг. треть занятых лишилась рабочих мест), небывалый демографический кризис. Несмотря на наступивший вскоре реальный рост благосостояния, сокращение различий в уровне жизни населения западной и восточной частей страны, динамика массовой адаптации к переменам во второй половине 1990-х годов замедлилась. «Внутреннего единства» Германии к концу десятилетия реформ так и не было достигнуто⁸⁸.

В самое последнее время 76% восточных немцев считает социализм «положительной идеей, которая была плохо воплощена в жизнь» – и лишь 1/3 удовлетворена тем, как работает «демократия»⁸⁹.

Изменение режима власти в Болгарии

Мягче всего замена власти произошла в Болгарии, хотя она одной из последних среди бывших социалистических стран вступила на путь перемен. Среди других европейских стран

СЭВ Болгария и политически, и экономически была наиболее тесно связана с СССР. В период с 1973 по 1985 гг. страна ежегодно получала от СССР помощь в размере 400 млн. рублей для поддержания сельского хозяйства. Болгарские товары находили надежный сбыт на советском рынке. Советские поставки сырья и энергоносителей в Болгарию далеко превышали ее потребности и нередко даже без разгрузки вагонов, переправлялись на Запад.

Т.Живков вполне обоснованно заявил в 1982 г., что в Болгарии нет политических конфликтов и столкновений, нет «организованных политических сил, которые были бы против социалистического развития... Враги социализма в Болгарии не имеют классовой базы, не имеют социальных позиций. Они составляют единицы, они изолированы и в одиночестве дождутся своего конца».

«Советские образцы» развития были особенно близки Болгарии в силу особенностей национальной истории и культуры. Болгария не переживала конфликтов с СССР, подобных венгерским, чехословацким, польским. В стране не получили сколько-нибудь заметного распространения русофобия и антисоветизм. Не пользовалась влиянием и Церковь, которая не могла претендовать на роль кристаллизующего ядра альтернативной политической субкультуры, как в Польше. Реальная антикоммунистическая оппозиция в Болгарии была создана позже, чем в СССР – лишь в конце 1989 г., уже после отстранения Т.Живкова от власти.

Найти для нее подходящее знамя было непросто – пришлось взять на вооружение нелепые по сравнению с масштабом предстоящей ломки социального порядка *экологические* лозунги. Среди первых диссидентских объединений наиболее заметными были Комитет по экологической защите «Русе», клуб «Экогласность». В ноябре 1989 г. «Экогласность» провела перед зданием Народного собрания демонстрацию – 4 тыс. человек требовали *обратить внимание на состояние окружающей среды*. Это и послужило началом болгарской «бархатной революции». Было возбуждено и национальное движение, мобилизованы этнические турки. В 1989 правительство открыло границу с Турцией, и в течение двух месяцев около 300 тыс. турок покинули Болгарию, причем существенная часть их против своей воли.

При этом по всем советским каналам – дипломатическим, разведывательным, через прямые связи между представителями интеллигенции двух стран – текла негативная информация как об обстановке в Болгарии, так и о Т.Живкове. Он отмечал в своих мемуарах, что в 1988-1989 гг. в Болгарии «группировались люди, непосредственно руководимые советской дипломатической миссией. Известные болгарские деятели были „обработаны“ и во время своих посещений Советского Союза».

Под давлением руководства КПСС была сменена верхушка партии и правительства Болгарии, новая команда начала форсированную «перестройку» по типу горбачевской, а затем быстро была и сама отправлена в отставку. Ход событий изложил (в серии из шести публикаций под общим заглавием «Переворот») 12 – 17 ноября 1989 г. в болгарской газете «Труд» известный журналист Т. Томов, который опирался на воспоминания работавшего в Софии советского дипломата В. Терехова.

По свидетельству последнего, в заговоре против Живкова участвовали, помимо автора воспоминаний, посол СССР в Болгарии В. Шарапов, полковник КГБ А. Одинцов, а с болгарской стороны – кандидаты в члены Политбюро А. Луканов и П. Младенов. Москва одобрительно отнеслась к кандидатурам А. Луканова и П. Младенова в качестве преемников Т. Живкова, но конкретный выбор был оставлен за болгарской стороной. Кроме того, до Т. Живкова была твердо доведена точка зрения советского руководства, положительно отнесшегося к идее его отставки. Недвусмысленная позиция Москвы побудила Т. Живкова не «цепляться» за власть.

В апреле 1990 г. БКП была переименована в Болгарскую социалистическую партию (БСП). На выборах в Великое народное собрание в июне 1990 г., которое должно было выполнять функции парламента и конституционного собрания. БСП получила 211 из 400 мест, а оппозиционный Союз демократических сил (СДС) – 144 места. 1 августа 1990 г. парламент избрал президентом страны председателя СДС. В декабре 1990 г. правительство социалистов ушло в отставку, и был сформирован новый, коалиционный кабинет министров, приступивший к проведению рыночных реформ.

Наследие периода социализма дольше сохраняло в Болгарии доминирующее положение, чем у соседей по «советскому блоку». Здесь в начале 1990-х годов выше, чем в других странах региона, ценились блага, присущие прежнему общественному строю, например, возможность проявлять трудовую инициативу, воспитывать в детях решительность и воображение, творческую фантазию. Лишь к середине 90-х годов эти ценности стали уходить в «подполье».

Свержение режима Чаушеску в Румынии

Единственным нарушением *ненасильственного* стиля революций в странах СЭВ стала замена власти в Румынии⁹⁰. Генеральный секретарь Компартии Румынии Николае Чаушеску проводил независимую от СССР политику и во многих случаях осуждал действия советского руководства. Румыния в 1968 г. отказалась присоединиться к вводу войск Варшавского Договора в Чехословакию, а в 1979 г. не поддержала ввод советских войск в Афганистан.

Эти разногласия негативно влияли и на развитие торгово-экономических отношений между Румынией и странами, входившими в Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ). Поскольку на долю стран СЭВ приходилось свыше 60% общего объема внешней торговли Румынии, то по оценкам румынских источников и МВФ, потери Румынии от осложнения отношений со странами СЭВ составили за 1980-1985 годы свыше 3 млрд. долларов. Румыния была активным участником Движения неприсоединения, хотя и не вышла из Варшавского Договора и СЭВ.

Особая позиция Румынии внутри «советского блока» вполне устраивала Запад, поэтому политика Н. Чаушеску пользовалась его поддержкой. Румыния получала льготные займы и кредиты, ее товарам был открыт доступ на рынки Запада, в торговле со всеми странами «большой семерки» она имела режим «наибольшего благоприятствования». Подобных привилегий не имела ни одна другая страна, являвшаяся членом Варшавского Договора и СЭВ.

С 1975 по 1987 г. Румынии было предоставлено около 22 млрд. долларов западных кредитов и займов, в том числе 10 млрд. долларов – от США. Срок их погашения приходился на 1990-96 годы. Но, как отмечалось в прессе США и Западной Европы, финансовые магнаты и официальные деятели Запада предлагали Бухаресту выплачивать долги «политически» – намекалось на желательность выхода Румынии из Варшавского Договора и СЭВ, т.е. открытой конфронтации Румынии с СССР и его союзниками. Однако Н. Чаушеску отверг эти «идеи» и заявил, что Румыния погасит свои долги раньше положенного срока.

Долги погашались за счет сокращения импорта и форсирования экспорта товаров, в том числе продовольствия и предметов потребления. Стремясь обрести экономическую независимость, режим Чаушеску приступил к ускоренному выплачиванию внешнего долга за счет «жесткой экономии» и «затягивания поясов». Румынии пришлось напрячь все силы, чтобы, во-первых, быстро расплатиться с Западом и, во-вторых, ослабить зависимость от торговли со странами СЭВ. Эти цели были достигнуты за 1987-89 годы, но ценой лишений для населения. В те годы по вечерам рано гасили свет на улицах и в домах, только 2 – 3 часа в день работало телевидение, горячая вода практически не подавалась. Обострилась продовольственная проблема.

В 1975–1989 гг. Румыния выплатила с процентами долги общей суммой 22 млрд. долларов. Это резко ухудшило отношения с Западом. Он перешел фактически к политике блокады в отношении Румынии, к Западу присоединился и «горбачевский» СССР. В 1988 году впервые за послевоенные годы экспорт Румынии на 5 млрд. долларов превзошел ее импорт. Это позволило преодолеть многие экономические трудности. В июне 1989 г. Бухарест заявил об отказе от внешних заимствований.

Однако терпение масс стало истощаться. Осенью 1987 года произошли серьезные волнения среди рабочих в Брашове. Дошло до того, что рабочие штурмом овладели зданиями уездного комитета партии и мэрии. В ходе подавления волнений службами госбезопасности были убиты семь и арестовано более двухсот человек.

В СССР и в западной прессе, а затем и в выступлениях официальных деятелей стран «большой семерки» Чаушеску все чаще стали называть «диктатором» и «сталинистом». В 1987

г. западные правительства перестали приглашать Чаушеску с визитами в страны Запада. В 1988 г. Румынию лишили режима «наибольшего благоприятствования» в торговле со странами «большой семерки» и ЕЭС. Причина в том, что Чаушеску отказался поддержать горбачевскую перестройку, он утверждал, что перестройка ведет к крушению социализма и развалу компартии. Более того, Румыния после 1985 г. активизировала связи с Кубой, КНДР, Албанией и Китаем, а также с Ираном и Ираком, Ливией и Никарагуа, Вьетнамом и другими ненавистными Западу странами. 18 декабря 1989 г. состоялся визит Чаушеску в Иран, в ходе которого Тегеран и Бухарест договорились о военно-политическом и экономическом взаимодействии.

В те же годы Чаушеску прилагал усилия для сплочения мирового коммунистического движения. Активизировались связи Румынии с ГДР и Чехословакией. Согласно данным югославской и западноевропейской прессы, в Бухаресте был разработан проект создания экономического сообщества соцстран в составе Румынии, Чехословакии, ГДР, Кубы, Китая, Албании, Северной Кореи и Вьетнама: ввиду начинавшегося распада СЭВ создание такого блока позволило бы укрепить сплоченность стран, противостоящих перестройке. На праздновании 45-летия со дня освобождения Румынии от фашизма (август 1989 г.) Чаушеску заявил, что «скорее Дунай потечет вспять, чем состоится „перестройка“ в Румынии». С осени 1988 г. «румынская тема» стала занимать важное место в переговорах Горбачева, Шеварднадзе и Яковлева с деятелями стран Запада.

В ноябре 1989 г. состоялся XIV съезд румынской компартии, на котором Чаушеску объявил перестройку «вредительством делу социализма» и «пособничеством империализму». Съезд предложил созвать международное совещание коммунистических и рабочих партий, которое не собиралось с 1969 года. Причем это предложение предусматривало участие в совещании и тех компартий, которые после 1956 года разорвали связи с КПСС. Провести совещание Чаушеску предлагал в Бухаресте или Москве. 15 декабря ЦК КПСС направил короткую телеграмму в Бухарест, выразив согласие «с идеей проведения совещания».

В прессе США и Англии в 1988-89-х годах подчеркивалось, что Чаушеску становится «проблемой для Запада и Горбачева», что Румыния может сплотить все социалистические страны, противостоящие «перестройке», что «с Чаушеску нужно что-то решать». Осенью 1989 г. были начаты практические действия. Существенную роль в развитии событий в Румынии сыграла Венгрия.

Напряженность возникла из-за притеснений в Румынии трансильванских венгров и перешла на государственный уровень. Ответом стали 200-тысячная демонстрация в Будапеште, свободное функционирование в Венгрии румынского «самиздата», официальное признание проблемы румынских беженцев и сооружение лагерей беженцев, присоединение к Конвенции ООН о беженцах и официальная просьба венгерских властей об оказании им финансовой помощи для содержания румынских эмигрантов через Комитет по делам беженцев при ООН.

17 ноября 1989 г. верующие города Тимишоара, расположенного в зоне компактного проживания венгров в Румынии, собрались возле дома священника-протестанта Ласло Текеша, который вел активную антикоммунистическую пропаганду и выступал с резкой критикой режима. Он был подвергнут домашнему аресту, а затем власти попытались выслать его из города. 15 декабря в Тимишоаре прошла демонстрация протеста против депортации Текеша и с требованием отставки Чаушеску, ее разогнали водометами. На следующий день были вызваны войска и произведены репрессии. Их образ раздувался в массовом сознании – ходили слухи, будто разбегавшихся демонстрантов расстреливали с вертолетов.

За границей у румынских посольств прошли демонстрации протеста против “жестокостей Чаушеску”. 17 декабря Чаушеску созвал Политбюро в связи с волнениями в Тимишоаре – справиться с ними не удалось за целый месяц. Тем не менее он не отменил визита в Иран и отбыл туда 18 декабря, однако 20-го прервал визит и вернулся в Бухарест, где в тот же день выступил по радио и телевидению. Он заявил, что «действия хулиганствующих элементов в Тимишоаре были организованы и начаты при поддержке империалистических кругов и шпионских служб различных зарубежных государств с целью дестабилизации ситуации в стране, уничтожения независимости и суверенитета Румынии».

21 декабря по указанию Чаушеску в Бухаресте был созван митинг. С балкона здания ЦК

партии он начал свою речь, но прямо в толпе раздался взрыв, что вызвало панику среди манифестантов. На несколько минут телетрансляция была прервана, а когда возобновилась, обстановка на площади уже изменилась. Отовсюду слышались крики «Долой тирана!», «Долой коммунизм!» К вечеру на Дворцовой площади появились танки, послышалась стрельба.

В массовых демонстрациях в Бухаресте участвовала главным образом молодёжь. Официальное радио объявило о самоубийстве министра обороны Василя Милю, но в дальнейшем стали поговаривать о том, что его казнили за отказ стрелять в народ. Это послужило поводом для перехода армии на сторону восставших. Был образован Фронт национального спасения, который возглавил Ион Илиеску, один из опальных лидеров румынской компартии. Фронт объявил о взятии власти в свои руки. Днём 22 декабря супруги Чаушеску бежали из Бухареста.

Известия о том, что реально происходило в Бухаресте, противоречивы. В прессе утверждалось, что засевшие на крышах и балконах снайперы убивали всех, кто попадал в прицел. Они якобы появлялись в местах дислокации сил оппозиции и армейских частей, открывали огонь, провоцировали перестрелки. Эти действия приписали агентам Секуритате (госбезопасности), будто бы сражавшихся за свергнутого диктатора. Уже тогда эти сообщения казались неправдоподобными. Вероятнее, хаос создавался преднамеренно, в соответствии с намеченным планом передачи власти (все события разворачивались в Бухаресте, в остальной Румынии все было спокойно).

В те дни, когда происходили бои в Бухаресте, настоящую «психологическую диверсию» осуществляли СМИ, уже контролируемые новой властью. Непрерывно поступали сообщения о том, что «террористы» атакуют тот или иной объект, что отравлена вода в столичном водопроводе, что взорван атомный реактор в Питешти и т.п. Все было рассчитано на то, чтобы посеять панику.

После бегства из Бухареста чета Чаушеску добралась до города Тырговиште, где их задержали и доставили в казарму местного гарнизона. Сюда 25 декабря прибыли организаторы суда, который быстро приговорил Чаушеску и его жену к расстрелу, смертный приговор исполнили немедленно⁹¹. Через несколько дней Бухарест посетил Шеварнадзе, поздравивший убийц с «избавлением Румынии от тирании Чаушеску». 26 декабря по телевидению показали суд над Чаушеску и его расстрел. В кадре были видны только обвиняемые, состав военного трибунала и главный обвинитель ни разу не были показаны.

Уже вскоре после поспешной казни четы Чаушеску выяснилось, что названная на суде цифра в «шестьдесят тысяч погибших» была надуманной, на самом деле в ходе событий в Румынии погибло около тысячи трехсот человек. К маю 1990 г. в стране сложилась новая политическая система, которую закрепила конституция, принятая в декабре 1991 г. Румыния уже не называлась социалистическим государством.

С самого начала новая власть активно настаивала на версии о стихийности революции. Заместитель председателя Совета ФНС Казимир Ионеску в интервью газете «Известия» говорил: «Наше движение было совершенно стихийным, оно не было организовано», – но тут же опроверг свои слова, рассказывая о том, как специальная команда готовилась сорвать выступление Чаушеску 21 декабря.

Существует версия, что действия по свержению власти развивались двумя параллельными потоками. Одна оппозиционная группировка включала в себя отставных генералов и бывших высокопоставленных чиновников, «обиженных» Чаушеску. Это – основа будущего ФНС (впрочем, имеются сведения что ко времени событий ФНС негласно существовал уже 6 месяцев). Вторая группировка – действующие генералы армии и госбезопасности. Противоречия между этими двумя группировками, возможно, и являются причиной вооруженных столкновений 23 – 28 декабря 1989 года. Как известно, ни один из «террористов» ни живым ни мертвым так и не был предъявлен общественности и журналистам.

В течение некоторого времени телевидение продолжало поддерживать в обществе психологический стресс. Люди приходили в ужас, когда по телевидению показывали страшные кадры, на которых были видны почерневшие трупы истерзанных людей, лежащие на краю разрытых ям. А голос за кадром говорил, что это – «братские могилы, куда Секуритате зарыла мучеников революции». Правда, вскоре после этого жуткого показа один из врачей в

Тимишоаре объяснил, что трупы, которые демонстрировали по телевидению, это вовсе не жертвы секуристов, все эти люди умерли еще до декабрьских событий. Но это уже не имело значения.

28 декабря 2004 г. сразу после полуночи, когда обыватель уже лег спать, телекомпания НТВ показала в РФ немецкий документальный фильм «Революция по заказу. Шах и мат семье Чаушеску» (режиссер С. Брандштеттер, 2004). Фильм рассказывает о «революции» в Румынии и убийстве Чаушеску. Сотрудники спецслужб Франции, ФРГ и США рассказали с экрана о технологии организации ими всех «бархатных» революций в Восточной Европе и СССР.

Начинается фильм с рассказа о «стихийной» революции в Румынии в декабре 1989 г. Авторы поэтапно разбирают совместную операцию ЦРУ и КГБ во всех ее деталях, включая спектакль Тимишоары. А в финале дается такой титр на русском языке: «Фильм посвящается героическому народу Румынии, стихийно вышедшему на улицы в 1989». Прозвучавшие в фильме признания сотрудников ЦРУ и свидетельства некоторых участников тех событий не оставляют сомнений в том, что свержение режима Чаушеску проходило по детально проработанному сценарию. Но самым, пожалуй, шокирующим пунктом стало то, что в план организаторов восстания входило хладнокровное кровопролитие. Оно требовалось для мобилизации массовых протестов населения. Кровавая провокация становится узаконенной политической технологией по переходу к демократии!

По прошествии многих лет восстанавливается реальная картина. Объективные авторы уже признают, что диктатура Чаушеску никогда не была кровавой. Согласно опросу общественного мнения, в 1999 году 64% румын считали, что «жизнь при Чаушеску была лучше, чем сегодня»⁹². Заговорили, хотя и весьма глухо, что Чаушеску удалось «совершить невозможное» и выплатить все внешние долги, что сразу же представляло фигуру Чаушеску в ином свете и частично объясняло экономические трудности и жесткую экономию в 80-е годы.

Из года в год жизнь для большинства становится труднее, на улицах городов множество нищих, зимой даже в Бухаресте большая часть квартир не отапливается. Зато в роскоши живут «новые богатые», многие из них – партийно-государственные функционеры времен Чаушеску. Полковник Ион Мареш, участник задержания Чаушеску в декабре 1989 г., жалуется, что его называют «убийцей» и отказываются обслуживать в магазине. Участники суда над Чаушеску, который теперь все чаще именуют «позорным», получают письма с угрозами.

«Бархатная» революция в Чехословакии

Экономика Чехословакии в середине 80-х годов развивалась вполне нормально (это особенно хорошо видится через 16 лет после смены экономической системы). Уровень благосостояния и социальной защиты населения был по центральноевропейским меркам весьма высок, социальное расслоение по доходам – минимальное в регионе. В стране велось интенсивное строительство жилья, объектов инфраструктуры и культурной сферы. Поэтому движение протеста против политического режима в Чехословакии разворачивалось под лозунгами демократии, независимости и сближения с Европой.

Развал советского государства, инициированный перестройкой, подтолкнул контрэлиты в Чехословакии к более решительным действиям. В качестве главного метода была выбрана кампания уличных демонстраций с провоцированием власти на применение насилия. Одновременно по советскому сценарию была начата программа непрерывных «партсобраний», на которых остро критиковалась политика КПЧ и выдвигались требования самых решительных кадровых изменений.

28 октября 1989 г. массовое выступление молодежи на Вацлавской площади в Праге было разогнано полицией. События повторились 17 ноября. Обстановка в государстве грозила выйти из-под контроля, и власть сделала шаг навстречу оппозиции. 19 ноября возникли массовые организации – в Праге «Гражданский форум», а в Братиславе – «Общественность против насилия». Они объявили своей целью «мирный переход от коммунистического режима к демократии».

Начало той революции, что и получила название «бархатной», положило подавление

студенческой демонстрации в центре Праги, на Народной улице 17 ноября 1989 г.⁹³ Но детонатором, так сказать, антиправительственных выступлений стали распространившиеся днем позже слухи об убийстве одного из студентов (как оказалось впоследствии, это была дезинформация). «Жертвой» стал студент М. Шмид, который якобы погиб в результате применения силы полицией при разгоне демонстрации.

Это ключевое событие «бархатной революции» оказалось спектаклем, устроенным спецслужбами самого правящего режима ЧССР. Роль раненого студента, которого под объективами множества телекамер укладывали в карету «скорой помощи», сыграл лейтенант госбезопасности⁹⁴.

20 ноября студенты столицы объявили о забастовке, которую сразу же, в течение первого дня, поддержали практически все высшие учебные заведения страны (что очень напоминает события мая 1968 года во Франции). Одновременно в центре Праги и в других городах начались массовые демонстрации (в столице ежедневное количество их участников достигало четверти миллиона человек).

21 ноября 1989 г. глава правительства Ладислав Адамец встретился с лидерами оппозиции. 24 ноября на внеочередном Пленуме ЦК КПЧ подал в отставку не только первый секретарь, но и другие руководители КПЧ⁹⁵. На последующем съезде, который провозгласил приверженность идеям и лозунгам «социализма с человеческим лицом», их исключили из партии как «проповедников брежневизма».

На пятый день демонстраций протеста ушло в отставку политбюро ЦК КПЧ, пало правительство. Оппозиции предложили четвертую часть мест в новом правительстве, но это предложение не было принято. Поскольку новое правительство отказалось безоговорочно передать власть оппозиции, она перешла к следующему акту «революции». 26 ноября в центре Праги состоялся грандиозный митинг, через день началась всеобщая забастовка. На следующей неделе все же было сформировано федеральное правительство, в котором коммунисты и оппозиция получили одинаковое количество мест.

29 ноября парламент отменил статью конституции о руководящей роли коммунистической партии, 29 декабря 1989 г. реорганизованный парламент избрал своим председателем Александра Дубчека, а президентом ЧССР – главу Гражданского форума Вацлава Гавела. 1 июля 1991 г. главы государств Варшавского договора подписали в Праге протокол о роспуске ОВД, а 1 января 1993 г. Чехословакия престала существовать, и на ее месте возникли 2 новых государства. Через несколько лет Чехия, Польша и Венгрия вступили в НАТО.

Смена политической системы повлекла за собой стремительное вхождение новых лиц в состав государственной элиты. Одним из основных источников формирования новой политической элиты в Чехословакии была «революционная улица», а более точно – те лица из оппозиции, объединяющим принципом которых являлось отрицание прежнего режима. Ядро этой новой политической элиты составили диссиденты, существовавшие в Чехословакии в 70-80-х годах.

Революцию в Чехословакии называли «бархатной» т.к. за время митингов и демонстраций не произошло ни единого вооруженного столкновения. Сами студенты, которые 20 ноября начинали забастовку, не могли даже представить, что они одержат «победу». Но уже тогда многим казалось странным такое быстрое падение режима, прочность которого считалась само собой разумеющейся. Одной из наиболее распространенных в то время версий объяснения произошедшего была версия о «новой Ялте». Считалось, что Джордж Буш и Горбачев просто-напросто поделили Европу: СССР отказался от своих восточноевропейских сателлитов в обмен на экономическую помощь, в которой якобы отчаянно нуждался.

Вторую, также весьма распространенную версию можно назвать «неудачной горбачевизацией Варшавского Договора». Суть ее в том, что новое советское руководство стремилось произвести в странах СЭВ замену старых брежневских «вождей» новыми лидерами, которые могли бы поддержать перестройку, но не справилось со стихийным ходом событий. Эта версия не слишком правдоподобна, поскольку в системе контроля со стороны руководства СССР за положением в ЧССР во второй половине 80-х годов не произошло никаких существенных изменений. «Не справиться» с ходом событий можно было лишь в том случае,

если именно этот ход событий соответствовал замыслам советского руководства.

Официальное советское влияние в ноябре 1989 г. проявилось именно в *пассивности*. И для ЦК КПЧ, и для Гражданского форума, руководившего «бархатной революцией», жизненно важным был вопрос, останутся ли советские войска нейтральными. Как только стало ясно, что именно так и будет, к советскому посольству в Праге утратили интерес. Всем стало ясно, что Горбачев сдал Восточную Европу своему геополитическому противнику.

Ликвидация плановой системы и переход к либеральной рыночной экономике привели к быстрому распаду федеративной Чехословакии. Как страна с высоким уровнем экономического развития, Чехия сравнительно безболезненно пережила «шоковый» этап реформ и относительно быстро восстанавливает дореформенный уровень производства. Это, однако, не значит, что интеграция чехов в «западную» систему проходит легко. Скорее наоборот, именно в Чехии этот процесс идет очень неоднозначно.

Н.Коровицына пишет в 2002 г.: «Величайшим парадоксом трансформации в Чехии называют обществоведы этой страны существующее здесь „явное отвращение к западноевропейской модели капитализма“. Чешская республика идентифицирует себя как средневропейское государство, своеобразный мост между Востоком и Западом. Ей намного ближе смешанная модель экономики, чем „чистый“ либерализм. Критическое отношение к нему увеличивалось, особенно во второй половине 1990-х годов, по мере нарастания кризисных явлений в экономической и политической жизни страны. К тому же, как считают чешские социологи, за либеральные ориентации, выражавшиеся в лозунгах „каждый должен позаботиться о себе сам“, часто принимали характерное для этого народа отрицание всего чужого, иностранного...»

Именно чешскому менталитету социальная ориентация особенно близка. Поэтому ностальгия по временам стабильности, безопасности и сплоченности очень близка чешскому человеку. Несмотря на предназначавшийся на экспорт образ Чехии как «оазиса реформ», недовольство абсолютизацией принципа свободы и вседозволенности существовало здесь на протяжении всего прошлого десятилетия и особенно в его конце. На пороге нового тысячелетия 65% чехов соглашались одновременно и с тем, что «каждый должен сам заботиться о своем обеспечении и росте уровня жизни», но и с тем, что «государство должно обеспечить каждому приемлемый уровень жизни».

Неадекватность западной капиталистической модели их собственной историко-культурной традиции, как и необходимость принципиальной корректировки стратегии второй великой трансформации к концу 1990-х годов стала очевидной. «Правые по высказываниям, но левые по делам» чехи отчетливо осознали эту неадекватность и сформулировали ее в тезисе: «Пора возвращаться из наших странствий домой».

Сравнительный анализ процесса развития «бархатных» революций в восточноевропейских социалистических странах позволяет сформулировать ряд выводов общего характера. Их можно сделать на основании проведенной Н.Коровицкой в своей книге систематизации результатов исследований и дискуссий, которые велись в 90-е годы обществоведами этих стран. Прежде всего, культурным фоном этих революций был отход массового сознания от норм рационального мышления и рассуждений – в обществе господствовал религиозно-мифологический тип сознания, изменились лишь «священные символы». Главные из этих символов – «рынок» и «запад» – приобрели эмоционально-мистический характер.

Ключевым фактором массовой поддержки революционных перемен стала потенциальная (скорее даже *иллюзорная*) материальная выгода. Сравнительное исследование стран Западной и Восточной Европы начала 1990 г. показало позитивное отношение к понятию «капитализм». В целом восточноевропейцы оценивали его преимущества *выше*, чем жители самих капиталистических стран. Это была «кульминация» формирования рыночно-демократической ориентации, начавшегося в 1980 г. Самое начало процессов либерализации, сопровождавшееся резким падением уровня жизни, оказалось прямо противоположным ожидавшемуся.

Доклад ООН говорит об этом: «Переход от центральной плановой экономики к рыночной сопровождался огромными изменениями в распределении национального богатства и

благополучия. Данные показывают, что это были наиболее быстрые по темпам из когда-либо осуществленных перемен... В переходных экономиках эти тенденции были драматическими и за них было заплачено огромной человеческой ценой»⁹⁶.

Специальный доклад ООН о положении в этих странах дает такую оценку: «До начала 90-х годов социальное обеспечение в странах Центральной и Восточной Европы и СНГ было на редкость высокого уровня. Была гарантирована полная и всеобщая занятость. Хотя в денежном выражении доходы были невелики, они были стабильными и гарантированными. Многие продукты потребления и услуги субсидировались и были доступны всем и регулярно. Было достаточно для всех продуктов питания, одежды и крыши над головой. Пенсия была гарантирована, и люди могли пользоваться многими другими формами социальной защиты... Сегодня достойное образование, здоровая жизнь и достаточное количество продуктов питания больше не являются гарантированными. Растущая смертность и новые, потенциально смертоносные эпидемии представляют собой постоянно растущую угрозу для жизни»⁹⁷.

Таким образом, десяток европейских народов с очень большой прослойкой высокообразованных людей кардинальным образом *ошибся* в своих расчетах. Массы людей поддержали революцию в расчете на быстрое и существенное повышение материального благополучия, а произошло его резкое падение. Следовательно, сама исходная посылка «бархатных» революций была фундаментально ложной, но люди этого не могли увидеть. Это свойство данного класса революций нетривиально.

Ошибочные, не вытекающие ни из анализа реальности, ни из исторического опыта или логических построений ожидания касались не только сферы материального потребления. Разрушая «авторитарную бюрократическую систему», население восточноевропейских стран надеялось на резкое расширение возможностей для социальной мобильности, на свободный доступ к престижным профессиям. Вышло наоборот. Вывод социологов такой. Ожидавшегося восточноевропейцами открытия каналов социальной мобильности не случилось. Напротив, общество стало более экономически стратифицированным, социальное происхождение сильнее, чем прежде, влияло на образовательное достижение. В противоположность периоду социализма возросло неравенство в доступе к высшему образованию, приток в интеллигенцию из низших страт не возрастал, а наоборот, уменьшался. У малообеспеченных слоев населения сокращались возможности инвестирования средств в повышение уровня образования потомства, что обрекало «детей» на наследование низкого социального статуса «отцов», его воспроизводство. Не произошло и выравнивания возможностей экономического достижения – «краеугольного камня западного либерализма».

К этому можно сделать одну поправку: открылся широкий канал социальной мобильности – в преступный мир. Число преступлений в Болгарии с 1989 по 1997 г. возросло в четыре раза, в Венгрии и Чехии – в три раза. Тяжелейший удар нанесен по женщинам и детям. В докладе ООН сказано: «Огромное количество женщин в отчаянных поисках работы и лучшей жизни, оказываются принужденными к проституции, организуемой криминальными бандами... Ежегодно около 500 тысяч женщин из этого региона в буквальном смысле продаются в Западную Европу». Согласно недавнему исследованию Unisef, 1 из 3 детей в бывших странах Восточного Блока сегодня живет в нищете. Речь идет о 14 миллионах детей из 44 миллионов в 9 странах, о которых имеются данные. Более 100 тысяч детей в странах Восточной Европы вовлечены в проституцию (по данным на 2002 г.). В регионе фактически ликвидирована система детских садов. Вот что по этому поводу пишет доклад Unisef: «Страны Центральной и Восточной Европы и Центральной Азии познали фактический крах всей системы организованного дошкольного воспитания»⁹⁸. В целом, по подсчетам UNECE, экономической комиссии ООН для Европы, население бывших стран Восточного Блока к 2050 г. снизится с 307 миллионов до 250 миллионов человек. В Венгрии население уменьшится на 25%, в Болгарии и Латвии – на 31%, в Эстонии – на 34%⁹⁹.

Образ жизни населения, «победившего систему», стал приземленнее, придавленное, притязания людей сузились до сохранения минимальных условий существования: в бывших соцстранах ценности выживания сейчас [в конце 90-х годов] распространены даже больше, чем в самых слаборазвитых странах мира. По некоторым показателям, в частности, по субъективному благополучию, восточноевропейские страны пережили инволюционный тип

развития *относительно собственных индикаторов 1981 г.*

Более того, вопреки внешним признакам «бархатные» революции обратили вспять процесс социокультурного сближения с Западной Европой, которое наблюдалось в процессе социалистической модернизации. Разрушение пресловутого «железного занавеса» означало *откат от Европы*. В большинстве посткоммунистических стран (несмотря на проникновение туда западных стандартов потребления и культурных образцов, несмотря на включение их в мировую информационную сеть и влияние процессов глобализации) базисные ценности населения в 90-е годы переживали динамику, *противоположную странам Запада*. Вектор культурной эволюции капиталистических и бывших социалистических стран теперь действительно кардинально различался. Решающее значение в формировании этого вектора, по оценке американского социолога Р.Инглехарта, играла утеря восточноевропейцами ощущения *экзистенциальной безопасности* – ключевого, по его мнению, фактора ценностных сдвигов. Трудно сказать, как бы вообще переживался этот культурный кризис, если бы Запад затянул процесс включения этих стран в европейские структуры.

Такое развитие экономического, социального и культурного кризиса восточноевропейских стран, революционным способом «отказавшихся» от совместного развития в рамках советского блока, стало одной из важных причин их ускоренного принятия в Евросоюз. Таким образом было остановлено их сползание к катастрофе, которая могла бы иметь тяжелые последствия не только для народов этого региона, но и для Западной Европы. Бельгийский премьер Г.Верхофстадт писал по этому поводу: «Если объединение Европы не состоится, то существует серьезный риск дальнейшей фрагментации Центральной и Восточной Европы, нестабильности на наших внешних границах, возрастающего давления миграции, конфликтов и войн»¹⁰⁰.

Важным фактором культурного кризиса стал крах либеральных иллюзий. В середине 90-х годов большинство (от 71 до 83% в разных странах) восточноевропейцев считало, что богатство возникает *нечестным* путем. С богатством связывали наличие связей, неравенство возможностей, несовершенство экономической системы. Количество сторонников утверждения, что за богатством стоят связи, в Венгрии даже возросло в 1991-1996 гг. на 14% (до 88% всех опрошенных), а сторонников тезиса о неравенстве шансов на достижение богатства – на 10% (до 79% респондентов), в Чехии – на 12% (соответственно до 58%).

Социальная трансформация означала не просто вынужденную адаптацию к новым условиям жизни, а смену *культурного типа*. В начале 1990-х годов люди ощутили утерю ценностного фундамента существования. Общество оказалось дезориентированным, в большой мере лишилось способности к рациональному стилю мышления и поведения. Почти 90% венгров (в 1990 и 1994 гг.) соглашались с положением: «все меняется так быстро, что не знаешь, во что верить», более 60% сомневались, что смогут найти свой путь в жизни.

Вот красноречивые выражения восточноевропейских социологов, отражающие нарастание беспокойства посткоммунистического человека, «разбуженного и испуганного капитализмом»: «Изменения, произошедшие в странах региона в результате второй великой трансформации, были столь значительны, что у восточноевропейского человека естественно возникал вопрос: „а есть ли жизнь после перехода?“ Утеревший гарантии безопасности и ищущий себя в новой действительности, „простой“ человек, по выражению Б.Маха, не только увидел, но и понял, наконец, что есть чего бояться, лишившись „щита и меча“ авторитаризма.

Особо тяжелые последствия «бархатной» революции испытала на себе интеллигенция, духовная движущая сила этого поворота. Н.Коровицына пишет: «Трагизм этой революции, как и судеб ее участников, заключается в том, что ценности и идеалы ноября 1989 г. оказались несовместимы с „посленоябрьской“ реальностью... Реальным результатом системной трансформации было не только значительное обеднение духовной жизни и ослабление творческого потенциала общества. Вместе с интеллигенцией из восточноевропейской действительности ушло ее своеобразие – основа всякого развития».

Приложение. Попытка «бархатной» революции в Китае¹⁰¹

Технология «бархатных революций» была испытана Западом и против Китая. В конце

80-х годов в КНР была предпринята попытка провести «перестройку» по советскому образцу, однако власти Китая сумели ее заблокировать и преодолеть. Именно этим прежде всего и поучительна история этой попытки. Речь идет о событиях на главной площади Пекина в июне 1989 г.

К тому времени шел уже десятый год проводимой в Китае модернизации. Опираясь на промышленную базу, созданную в течение первого этапа индустриализации, китайское руководство осторожно, но непрерывно проводило реформу, позволившую включить рыночные механизмы, привлечь большие иностранные капиталовложения (прежде всего капиталы китайских эмигрантов) и достичь очень высоких темпов экономического роста. Это сказалось и на уровне потребления населения и на общем благосостоянии народа. К 1989 г. было покончено с голодом и массовым недоеданием.

Параллельно велась и реформа политической системы – так же постепенно и под тщательным контролем. Это оказалось сопряжено с большими трудностями. Так, одним из ключевых пунктов перемен стала «гласность». Она, в общем, выразилась примерно так же, как и в СССР, валом разоблачительных публикаций о коррупции, разложении, и злоупотреблении властью имущих. К примеру, в 1985 г. прогремело знаменитое «хайнаньское дело» в котором было замешано порядка двух тысяч высших чиновников. Оно длилось три года и могло сравниться с «узбекским» делом в СССР.

Во второй половине 80-х годов на окраинах КНР прокатилась волна массовых беспорядков на национальной почве – аналогично тому, что наблюдалось в СССР в Средней Азии и на Кавказе. 1 октября 1987 г. (за четыре месяца до карабахской трагедии) в Лхасе вспыхнул настоящий бунт.

Наконец, в 1989 г. группа китайских интеллигентов выдвинула программу радикализации политических реформ. Предлагалось пересмотреть конституцию, исключив из нее упоминания о КПК, передать реальную власть парламенту, провозгласить разделение властей, снять все ограничения на создание политических партий, и «привести законодательство в соответствие со Всеобщей декларацией прав человека».

Уже в 1986 г. в стране прошли студенческие волнения. На митингах и шествиях слышались требования свободы, демократии, политической реформы. Молодой астрофизик Фан Личжи (ныне один из лидеров антипекинской эмиграции), опубликовал в центральной газете КПК «Жэньминь Жибао» ряд статей, где доказывал необходимость для КНР демократизации западного образца. Из-за этих публикаций второй человек в КПК, Ху Яобан, самый популярный член команды Дэн Сяопина, лишился должности генерального секретаря, хотя остался в числе высших руководителей государства.

В 1987 г. почти три четверти опрошенных отметили «недостаточность демократических свобод в стране». С 1988 г. начало разворачиваться движение гражданского протеста. Только в первой половине года было подано около 1000 заявок на проведение манифестаций. Летом того же 1988 г. по Центральному телевидению Китая был показан шестисерийный документальный фильм «Элегия о Желтой реке» (это как если бы советское центральное телевидение в том же году показало многосерийный фильм по «Архипелагу ГУЛАГ»). Чтобы добиться хоть какого-то прогресса, страна, по мнению авторов фильма, должна отбросить свое тысячелетнее наследие, «неуместное в современном мире», и срочно ввести у себя свободомыслие, многопартийность и свободу слова по западному образцу – разумеется, отстранив КПК от власти. Показ этого фильма повторили еще несколько раз.

Поводом к резкой радикализации событий послужила внезапная смерть Ху Яобана 15 апреля 1989 г. Уже 18 апреля на площади Тяньаньмэнь появилась первая студенческая манифестация, пока всего около тысячи человек. Одним из главных требований было... отменить «несправедливое» постановление о снятии покойного с должности генсека КПК и провести достойные похороны. Впрочем, первоначальные требования были быстро забыты, по мере роста числа демонстрантов.

20 апреля на площади собрались больше ста тысяч человек, и у властей осталось два выхода. Правительство проявило нерешительность, и ситуация осложнялась с каждым днем. Через неделю на площади Тяньаньмэнь собралось, как писали, уже более полумиллиона человек (это скорее всего является преувеличением). В толпе преобладали случайные прохожие –

рабочие, служащие, даже крестьяне из пригородов. Но главное, к тому моменту в столице скопилось около миллиона молодых безработных. Как признают иностранные обозреватели, на площади присутствовали агенты ЦРУ и тайваньской разведки, но их роль будто бы «ограничивалась лишь передачей денег».

Таким образом, демонстрация переросла в оккупацию толпой огромной площади Тяньаньмэнь в центре Пекина. В других городах, включая Шанхай, прошли массовые демонстрации. Пятнадцатого мая студенты-демонстранты провалили визит Горбачева в Пекин, который должен был стать первой советско-китайской встречей на высшем уровне за последние тридцать лет. Тридцатого мая на площади была поставлена 10-метровая копия Статуи Свободы из стеклопластика.

30 мая власть попыталась мирно вытеснить людей с площади, но массы людей просто остановили колонны бронетехники своими телами. Вечером 4 июня для очистки площади Тяньаньмэнь были применены танки и пехотные части. Достоверных сведений о том, как происходило столкновение вооруженных сил с демонстрантами, нет, рассказы об этих событиях очень противоречивы. На Западе по телевидению в октябре 1989 г. неоднократно показывался фильм, снятый западными дипломатами, очевидцами событий, и якобы с трудом переправленный в посольство вопреки попытке сотрудников госбезопасности конфисковать его. Этот фильм не подтверждает рассказов о том, как «танки и бронемшины атаковали толпу на максимальной скорости, и прошли сквозь нее, даже не заметив, а баррикады были расстреляны с дальних дистанций».

Так или иначе, произошло крупномасштабное применение вооруженных сил с большим числом погибших и раненых. Площадь была очищена, палаточный городок ликвидирован, часть демонстрантов арестована. Генеральный секретарь ЦК КПК Чжао Цзыян, который до этого отказался применить силу против студентов и даже лично вышел к митингующим, был лишен всех партийных и государственных постов и отправлен под домашний арест¹⁰². В Пекине было объявлено чрезвычайное положение, продлившееся семь месяцев.

Руководство КНР приняло трудное решение – против воли первого лица в государстве! Время подтвердило правильность этого решения. Легко представить, зная, что случилось с СССР, какая судьба ждала Китай, если бы власти тогда капитулировали перед толпой, в которой собралось 0,01% населения страны.

Глава 9. Сербия-2000: свержение Милошевича

До конца 1980-х годов СФРЮ – страна из шести отдельных республик и двух автономных провинций, в которой проживало 25 этнических групп, исповедующих много религий – была примером стабильного устройства межнационального общежития.

Её экономика, – система, которая стала известна под названием «само-менеджмента», – достигла своей наиболее развитой формы в Законе о Труде 1976 года, согласно которому средства производства и другие главные ресурсы не считались государственной собственностью (как в СССР), но собственностью общественной.

Среди её достижений были уровень грамотности, поднявшийся с 55% в 1953 г. до 90% в 1986 г., снижение детской смертности, упавшей за тот же период с 116,5 до 27,1 на 1000 рождений, бесплатное медицинское обслуживание и образование.

До середины 80-х годов Югославия, как «страна-диссидент» в социалистическом лагере, пользовалась в отношениях с Западом целым рядом привилегий. Поворот верхушки советской номенклатуры, вошедший в открытую стадию с приходом Горбачева, изменил это положение. Югославия сама становилась для Запада «страной-изгоем» и объектом войны¹⁰³.

Уже в 1984 г. администрация Рейгана выработала секретный документ «Политика США в отношении Югославии» (NSDD 133), в котором предусматривалась «тихая революция», а затем интеграция Югославии в неолиберальную экономику «свободного рынка». К 1989 г. Югославия накопила большой долг перед МВФ и Всемирным Банком, и МВФ потребовал проведения «структурной реформы» югославской экономики с резким сокращением расходов на социальную сферу, насильственной приватизацией и замораживанием заработной платы. В течение 1 года (1989-1990) в промышленности было уволено около 600 тыс. югославских

рабочих.

После характерного для 1960-1970 гг. среднегодового роста ВВП на 6,1%, с 1990 г. началось его ежегодное сокращение на 7,5%. Падение промышленного производства в 1991 г. составило 21%. По требованию Всемирного Банка были уволены еще 1,3 миллиона работников – половина рабочего населения страны. Вызванный МВФ кризис создал экономическую ситуацию, которая на практике расчистила путь к отделению от Югославии Хорватии и Словении в июне 1991 г. (словенские авторы пишут, что «поддержка радикального отделения от Югославии была обусловлена прежде всего прагматическими, а не „идеологическими“ факторами»). Вслед за ними последовали Босния и Македония. Оставшиеся в единой федерации Сербия и Черногория отвергли ультиматум МВФ, принцип «кнута и пряника» здесь не сработал, провести «тихую революцию» не удалось, и 27 июня 1991 г. в Югославии началась гражданская война.

После развала Югославии (СФРЮ) только Сербия стояла на пути западного плана включения Балкан в экономическую модель, запланированную для них в Новом мировом порядке. Экономика Сербии оставалась в значительной части социалистической, с общественной собственностью на крупные и средние предприятия. Сербия с Черногорией имели и важные запасы минеральных ресурсов, которые привлекали западные корпорации. Шахты Трепча на Балканах обладают запасами золота, серебра, цинка и угля общей стоимостью более 5 млрд. долларов¹⁰⁴.

Для подчинения Сербии был использован широкий арсенал экономических, подрывных и военных средств: жестокие санкции, поддержка вооруженных сепаратистов, интенсивная бомбардировка вооруженными силами НАТО с последующей оккупацией Косово.

Большой и даже новаторской программой по подготовке к слову Сербии стало целенаправленное воздействие на массовое сознание как в самой Югославии, так и во всем мире. Эта программа вошла в историю как *сатанизация сербов* ¹⁰⁵.

Важную роль в убеждении западной публики в жестокостях сербов сыграли сфабрикованные «по методу доктора Геббельса» фотографии «сербского лагеря» в Трнополи (Босния), сделанные из видеозаписи 5 августа 1992 г. журналистами британской телевизионной компании ITN (Independent Television Network – аналог российского НТВ) под руководством Пенни Маршалла.

Фотографии сопровождалась точными данными: изможденное лицо за колючей проволокой принадлежало боснийскому мусульманину Фикрету Аличу, он беседовал с журналистами, протягивал им руки через колючую проволоку. Эта фотография «сербского лагеря смерти» обошла в 1992 г. всю западную прессу. Этот «фотодокумент» обсуждался в Конгрессе США и стал формальным поводом и оправданием для США, чтобы занять открытую антисербскую позицию во время войны в Боснии.

В феврале 1997 г. в одном левом журнале в Англии вышла статья, в которой изложены обстоятельства получения этого кадра. По случайному совпадению, другая группа журналистов вела там съемки, и имела видеозаписи действий группы Маршалла.

Изображен на нем был не «лагерь смерти», а пункт сбора беженцев, расположенный в здании школы. Забор из колючей проволоки отделял школьный двор от шоссе и был установлен еще до войны, чтобы дети не выбегали на дорогу.

Журналисты снимали «узников-мусульман» через проволоку – а могли обойти ее и снимать просто как отдыхающих на свежем воздухе. Вход и выход за проволоку были свободными, и даже на других кадрах из видеозаписи ITN, не пошедших в эфир, видно, как «заключенные» перелезают через забор или обходят его. Эти кадры были добыты сотрудниками левого журнала и помещены в Интернет. Автор статьи обвинил телекомпанию в манипуляции. А та подала в суд на журнал «за клевету»¹⁰⁶.

В дальнейшем «сатанизация» сербов была поставлена на широкую коммерческую основу. Власти Хорватии, Боснии и Герцеговины, а также албанская оппозиция Косова вскладчину наняли вашингтонскую пиаровскую фирму «Ruder-Finn Global Public Affairs» для ведения антисербской пропаганды с целью дестабилизации Югославии. В апреле 1993 г. директор этой фирмы Джеймс Харфф дал интервью Жаку Мерлино с французского телеканала TV-2. Он хвастался тем, как его фирме удалось создать антисербские настроения в еврейском

общественном мнении, возложив на сербов вину за гибель евреев. Он сказал: «В хорватских лагерях исчезли десятки тысяч евреев, так что у еврейских интеллектуалов и организаций есть все причины для неприязни к хорватам и боснийским мусульманам. Наша задача состояла в том, чтобы изменить это отношение, и нам это замечательно удалось». Вина за гибель евреев была переложена на сербскую сторону. Сфабрикованные и опубликованные фирмой ложные фотографии сербских «лагерей смерти» были растиражированы западными СМИ.

Позднее силы ООН не смогли найти никаких доказательств существования таких «лагерей смерти». Репортажи о «лагерях изнасилований», которые якобы содержали сербы, также оказались сфабрикованными. После оккупации Боснии войсками ООН никто не заявил о каких бы то ни было признаках существования таких лагерей или медицинских документов о «волне беременных жертв», о которых сообщали западные СМИ.

Кампания 1993-95 гг. по сатанизации сербов была большим экспериментом по манипуляции сознанием западного обывателя. Была даже опубликована серия важных статей, посвященных «сатанизации» сербов как *технологии*. Главный вывод их был таков: если непрерывно и долго помещать слово «серб» в отрицательный контекст (просто включать в описание страшных событий и в окружение неприятных эпитетов), то у читателей и телезрителей, независимо от их позиции, возникает устойчивая неприязнь к сербам. Кроме того, надо, разумеется, не давать доступа к телекамере никому из сербов – любая разумная человеческая речь, произнесенная сербом (даже на постороннюю тему), снимает наваждение.

Как показатель того, что неприязнь к сербам действительно была искусственно создана, приводились два события и реакция на них общественного мнения (хотя подобных событий было немало). Первое – обнаружение войсками ООН на территории Сербской Краины, занятой хорватами, массовых захоронений мирных сербских жителей, убитых хорватскими боевиками в ходе операции «Гроза». Расследование велось двумя независимыми комиссиями – Миссией наблюдателей Европейского сообщества и группой экспертов ООН по правам человека. Как заявил корреспонденту газеты «Гардиан» видный дипломат (пожелавший остаться неизвестным), «доклады этих миссий не будут опубликованы, поскольку хорваты – союзники Запада». Этот дипломат, имя которого газеты не назвали, пояснил: «Существует нечто вроде пакта с Хорватией не открывать этот ящик Пандоры».

Похожие и даже гораздо меньшие преступления сербов вызывали в то время на Западе бурную реакцию, а часто и срочные бомбардировки с воздуха. В данном случае реакции западных политиков и прессы не было никакой. На основании этого социологи зафиксировали замечательный факт наличия в *общественном мнении* устойчивого двойного стандарта.

Второе событие, на которое обратили внимание социологи, – обнародование в начале 1996 г. того факта, что США переправили боснийским мусульманам оружия на 300 млн. долларов, которые ассигновала Саудовская Аравия. Переправили в нарушение эмбарго ООН, которое *именно США* обязаны были охранять и контролировать. Эти тайные поставки оружия начались уже при Дж.Буше (старшем) – для подготовки войны в Боснии, но в полной мере развернулись при Клинтоне.

Поставки велись через Хорватию, которая в уплату за соучастие в этой операции получила половину оружия. Иногда, при необходимости, совершались секретные ночные авиарейсы с оружием непосредственно в Тузлу, к Изетбеговичу. Если бы вскрылся факт нарушения эмбарго в пользу сербов, это повлекло бы огромный международный скандал и репрессии против сербов – с одобрения всей западной публики. В данном же случае не было никакой реакции.

«Поворотным пунктом» в решении НАТО начать войну против Югославии в 1999 г. стало т.н. «массовое убийство» в Рачаке (Косово). Согласно газете «New York Times», американский дипломат Уильям Уокер привез с собой операторскую группу агентства «Ассошиэйтед пресс» на место, где, по его словам, произошло массовое убийство 45 албанцев сербскими силами безопасности.

Французские газеты «Монд» и «Фигаро» поставили под сомнение его рассказ. Европейские эксперты позднее не смогли найти доказательств массового убийства в Рачаке. Французский военный корреспондент Рено Жирар писал: «Что больше всего поражает, – так это то, что материал, снятый операторами AP, радикальным образом противоречит

обвинениям Уокера». В январе 2004 г. финский патологоанатом Хелена Ранта, которая вела расследование этого дела, заявила, что в Рачаке погибли и албанцы, и сербские сотрудники сил безопасности. Эксперты-криминологи считали, что тела, найденные в Рачаке, принадлежали тем, кто погиб с обеих сторон во время боя между сербской полицией и косовской Армией освобождения. Х.Ранта заявила, что работа Гаагского трибунала (процесс против Слободана Милошевича) в отношении Рачака изобилует столь грубыми нарушениями, что не поддается никакому описанию.

В июне 2000 г. международная группа юристов собралась в Нью-Йорке и признала военных и политических лидеров США и НАТО виновными в совершении военных преступлений против Югославии за период с 24 марта по 10 июня 1999 г. Главным обвинителем на этом процессе был бывший Генеральный прокурор США Рамсей Кларк. Были представлены материалы, доказывающие преднамеренный выбор гражданских целей при бомбардировках белградского телевидения, колонн беженцев и китайского посольства. В то время, как западные СМИ много внимания уделяли процессу над Милошевичем, в них не было упоминаний о нарушении Клинтоном американского законодательства при ведении войны в Югославии.

Война НАТО против Югославии в 1999 г. по своему значению как части программы установления Нового мирового порядка выходит далеко за рамки других региональных войн. Во-первых, США открыто заявили, что речь идет о войне, направленной на переустройство мира – *войне цивилизаций*. Н.Хомский приводит заголовок обзорной статьи в “New York Times” (4 апреля 1999 г.): “Новое столкновение Востока и Запада”. В этой программной статье сказано: “Демократический Запад, его гуманистические инстинкты коробит варварская жестокость православных сербов”¹⁰⁷. Здесь нет привычных идеологических прикрытий модерна XX века, произошел откат к раннему расизму – гуманизм и демократичность представлены как *инстинкты*, как природное качество западного человека, который и является “правильным” человеком. Православные сербы, напротив, этими инстинктами не обладают, их инстинктом является “варварская жестокость”.

Агрессия в Югославию должна была стать прецедентом для того, чтобы узаконить отход США от главной нормы современного международного права – принципа суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств. Взамен была выдвинута доктрина «гуманитарной интервенции», дающая НАТО право на военные действия против любой страны, где «нарушаются права человека». Юридическое признание этой доктрины затянулось, и пока что она реализуется по «праву сильного».

При этом агрессия НАТО не была оправдана никакими пусть даже ложными, но внешне рациональными доводами, поскольку с самого начала и эксперты, и официальные лица ООН предупреждали, что именно эта агрессия и приведет к настоящей *гуманитарной катастрофе*. В своем обращении по телевидению Клинтон заявил, что, начиная бомбардировку Югославии, «мы отстаиваем наши интересы, защищаем наши ценности и способствуем утверждению дела мира». Бомбардировки привели к исходу из Косово 350 тысяч беженцев, и, согласно заявлению Управления ООН по делам беженцев, подвергли опасности жизнь десятков тысяч из них.

Н.Хомский, который скрупулезно собирает подобные случаи отхода от рациональности в политике США, пишет о том, какое давалось объяснение бомбежкам Югославии в 1999 г.: “Расхожий тезис утверждает, что США нужно было что-то делать: они не могли просто оставаться безучастными наблюдателями в то время, как в Косово продолжались злодеяния. Этот аргумент настолько абсурден, что даже как-то странно его слышать. Предположим, что вы видите, как на улице совершается преступление, и понимаете, что не можете молча стоять в стороне – поэтому вы берете автоматическую винтовку и убиваете всех участников данного события: преступника, жертву, свидетелей. Должны ли мы воспринимать это как разумную и морально оправданную реакцию?”¹⁰⁸.

Помимо прямых военных действий, важным оружием в арсенале Запада для разрушения Югославии были и политические покушения. 8 июля 1999 г. США и Великобритания объявили, что их спецкоманды уже тренировались для операций по захвату так называемых военных преступников и президента Милошевича – Госдепартамент США даже объявил награду в 5 млн. долларов за его захват. Были убиты несколько членов югославского правительства

(включая министра обороны Павле Булатовича) и известных политиков, занимавших антизападную позицию. Первый ставший известным западный план покушения на президента Милошевича был составлен в 1992 году. Этот план позднее обнаружил Ричард Томлинсон, бывший сотрудник британской разведки «Ми-6».

Большие усилия для развала федерации делались и по отрыву Черногории от Сербии. Ее президент Джуканович вел курс на выход из Югославии, дав понять, что он будет форсировать отделение, если президент Милошевич будет переизбран на новый срок. Он даже заявил, что считает «первостепенно важным» для Черногории вступить в НАТО – которое бомбило его страну всего год назад.

Однако больше половины населения Черногории было против отделения, и любой шаг в этом направлении был рискованным. Готовясь к разрыву, Джуканович набрал более чем двадцатитысячную «специальную полицию» с противотанковым вооружением и артиллерией. Ее обучал западный спецназ. Конфликт в Черногории дал бы НАТО предлог для вторжения. План интервенции был готов уже в октябре 1999 г. Официальные лица США заявили, что другие члены НАТО также составили планы вторжения.

Устраивались и провокации. Например, 31 мая 2000 г. был убит Горан Зугич, советник президента Черногории Джукановича по вопросам безопасности. Западные политики обвинили в этом Милошевича, хотя это убийство за неделю до выборов в Черногории было ему крайне невыгодно. Запись телефонных разговоров между главой американской миссии в Дубровнике, чиновниками Госдепартамента США, американской экономической группы в Черногории и Агентства международного развития прямо указывает на соучастие ЦРУ в этом убийстве. Пресс-конференция в Белграде, на которой демонстрировалась эта запись, была полностью проигнорирована западными СМИ.

Но окончательный удар по Сербии был нанесен с помощью методов «бархатной революции». Переворот в Югославии был проведен в момент выборов и стал типичной операцией по свержению главы иностранного государства не через открытые силовые действия, а с помощью современных избирательных технологий.

План свержения правительства Югославии начал осуществляться администрацией президента Клинтона в ноябре 1998 г. – в форме поддержки сепаратистов в Черногории и правой оппозиции в Сербии. Через несколько месяцев, уже во время бомбардировки Югославии, Клинтон подписал секретную инструкцию для ЦРУ, в которой была поставлена цель в кратчайшие сроки свергнуть правительство Милошевича. ЦРУ должно было скрытно финансировать оппозиционные группы и вербовку изменников в югославском правительстве, армии и полиции.

Важной задачей было объединение раздробленных сил правой оппозиции в Сербии. В 1999 г. американские официальные лица подстрекали их на массовые демонстрации против правительства, но они быстро выдохлись. Теперь госсекретарь США Мадлен Олбрайт прямо требовала от оппозиции уличных демонстраций для свержения правительства, если результаты выборов будут «неудовлетворительными». На встрече в Бая-Луке весной 2000 г. Олбрайт выразила разочарование провалом прошлых попыток свергнуть югославское правительство – она надеялась, что «санкции вынудят людей обвинять Милошевича в их страданиях». Но тогда люди до этого еще не «дозрели». Теперь ставка была сделана на предстоящие выборы, назначенные на 24 сентября 2000 г.

Когда 24 июля были объявлены федеральные и местные выборы, американские и западноевропейские чиновники встретились с лидерами сербских оппозиционных партий, побуждая их к объединению вокруг одного кандидата в президенты. Коштуница был отобран не сербами, а американцами, когда проведенные ими социологические опросы показали, что он способен получить достаточно голосов. В начале августа 2000 г. США открыли в Будапеште специальное бюро для помощи оппозиционным партиям Югославии. Среди его сотрудников были по крайней мере 30 специалистов по психологической войне, многие из них участвовали ранее в такого рода операциях во время войны НАТО против Югославии и против Ирака.

В Болгарии финансируемая Западом Политическая Академия Центральной и Юго-Восточной Европы учредила программу для подготовки сербской оппозиции. Еще одна финансируемая Западом болгарская организация – Балканская Академия старших репортеров,

предоставляла «финансовую, техническую и экспертную помощь» югославским оппозиционным СМИ перед выборами.

С помощью британских спецслужб была создана организация «Новый Сербский Форум». Через него устраивались регулярные поездки сербских специалистов и ученых в Венгрию для бесед с западными экспертами. Целью этих встреч было разработать план «общества после-Милошевича». Форум выпускал отчеты по подготовке «плана действий» будущего прозападного правительства – прежде всего, «реинтеграции Югославии в европейскую семью» и приватизации.

Американские и западноевропейские деньги направлялись в правые оппозиционные партии и СМИ через такие организации, как Институт открытого общества Дж. Сороса и Национальный фонд поддержки демократии (США). Деньги из США поступали сербской оппозиции и через SEED (Support for East European Democracy – «Поддержка Демократии в Восточной Европе»). Расходы SEED – часть бюджета Госдепартамента США. Всего в Сербию поступило через SEED 15,3 млн. долларов в 1998 г., 24,3 млн. в 1999 г. и, наконец, 55 млн. долларов в 2000 г. Для их распределения использовались, в частности, каналы организации Балканская Инициатива при Американском Институте Мира.

Национальная демократическая организация (NDI) – еще одна из множества участвующих организаций, которые ведут активную деятельность в Восточной Европе. NDI открыла отделение в Белграде в 1997 г. и к 1999 г. уже обучила свыше 900 лидеров и активистов правых партий «предвыборной стратегии и умению привлекать широкое внимание». К подготовке переворота также была привлечена другая «общественная» организация – Международный республиканский институт (IRI). Если NDI делала ставку на работу с оппозиционными партиями, то IRI был занят студенческим движением «Отпор», которое поставило «пушечное мясо» для акций в Белграде. На нем остановимся подробнее, т.к. «Отпор» сыграл решающую роль в сербской «бархатной революции», послужив тараном для слома государственных структур.

Движение «Отпор» было создано в октябре 1998 г. группой активистов, руководивших студенческими акциями 1991-1992 и 1996–1997 гг. Следующим шагом стало продумывание техники и методов борьбы. Символ движения – **кулак** – был придуман так, чтобы простейшим способом, с помощью баллончика краски, его можно было нарисовать в общественных местах и при этом чтобы он был хорошо виден и узнаваем. Название организации Студенческое движение «Отпор» давало понять, что речь идет о молодых, решительных и прогрессивных людях. Цель его – свержение режима Милошевича, метод борьбы – ненасильственный.

Уже в начале ноября 1998 г. была начата серия уличных акций и представлений, следующая заранее продуманной стратегии ненасильственных методов борьбы. Концепция ее была основана на юморе, осмеянии и критике режима и отдельных его представителей, с тем чтобы в шуточной форме объяснять ситуацию в стране и привлекать симпатии граждан. Оппозиционные газеты изображали кулак и девиз: «Грызи систему, да здравствует Отпор». Комитеты «Отпора» были организованы в Белградском университете, где добились смещения декана филологического факультета, назначенного, по действующему тогда регламенту, ректором. Однако после 24 марта 1999 г. «Отпор» оказался на грани провала из-за начала натовских бомбардировок Сербии, ему на время пришлось уйти в тень.

«Отпор» возобновил свою работу в августе 1999 г., по окончании бомбардировок. Получив финансирование из-за рубежа, организация стала снимать помещения для своих офисов. Обильное финансирование привело к расширению движения. Если до 2000 г. «Отпор» действовал в четырех университетских и нескольких крупных городах, то в феврале 2000 г. в Сербии было уже 160 его общин. Его преобразовали из «студенческого» в «народное» движение.

«Отпор» стал узловой структурой, через которую западные спецслужбы вели работу с правыми организациями. Под влиянием американских инструкторов, действующих через «Отпор», лидеры оппозиции подписали соглашение о сотрудничестве и в январе 2000 года сформировали Демократическую оппозицию Сербии (ДОС). В тот момент коалиция ДОС насчитывала 19 партий и вышла на выборы с единым кандидатом, Коштуницей.

«Отпор» начал активную кампанию по привлечению граждан к участию в выборах для того, чтобы сказать «нет» правлению Милошевича. «Отпор» придумал призыв «С ним покончено» («Готов је»), который стал популярным политическим мотивом по всей Сербии. Вместе с тем, совместно с 42 неправительственными организациями «Отпор» инициировал и провел кампанию «Пора!» на территории всей Сербии, в которой целый ряд известных людей призывал граждан пойти на выборы.

Члены «Отпора» были приглашены на десятидневные курсы с 28 августа, и еще раз с 11 сентября в американских посольствах в Болгарии и Румынии. Эти курсы, проведенные работниками ЦРУ и специалистами по пропаганде, были посвящены политическим технологиям.

Две организации Национального фонда поддержки демократии (США), упомянутые выше NDI и IRI, выделили 4 млн. долларов для программ «от двери к двери» и «добудь голос». Сразу после выборов конгресс США открытым голосованием утвердил дополнительные 105 млн. долларов для югославских правых партий и СМИ.

«Отпор» тщательно готовился к перевороту. Лозунги, настенные стенды и другие материалы оппозиции редактировались специалистами рекламных компаний. Пропаганда велась на высоком профессиональном уровне, «Отпору» бесплатно помогали ведущие рекламные агентства Сербии (деньги им шли напрямую из-за рубежа). Настроения людей в Сербии сначала тщательно изучались, а затем манипулировались с помощью «Отпора». Студенты просто озвучивали то, что думали люди.

Последняя фаза операции проходила так. За неделю до выборов Евросоюз выпустил «Послание к сербскому народу», в котором пообещал, что только победа оппозиционного кандидата Коштуницы приведет к снятию санкций. «Даже если Милошевич вернется к власти демократическим путем, – заявил чиновник Евросоюза, – санкции останутся в силе». Это был мощный фактор психологического давления на обнищавших жителей Югославии, разоренных войной и годами экономических санкций.

Еще до выборов официальные лица Запада обвиняли югославское правительство в фальсификации выборов. Уже в день выборов, до всякого подсчета голосов, Демократическая оппозиция Сербии (ДОС) объявила о победе своего кандидата. Никаких оснований для этого не было. Оппозиция и не собиралась признавать выборы, какими бы ни были их результаты.

Свыше 200 международных наблюдателей проверяли ход выборов, включая подсчет голосов и уточнение результатов. Один из наблюдателей, греческий министр иностранных дел Карлос Папоулис, сделал заключение: «Заявления о повсеместном мошенничестве, такие как Хавьера Соланы [комиссар по иностранным делам Евросоюза], оказались ложными». По его словам, выборы были проведены «безупречно».

Официальные итоги выборов были опубликованы. Коштуница набрал 48% голосов, Милошевич 38,6%. Второй тур был назначен на 8 октября. Однако Коштуница отказался участвовать во втором туре, в действие был введен план свержения югославского правительства посредством массовых выступлений. Руководитель избирательной кампании Коштуницы, Зоран Джинджич, призвал «всех выйти на улицы» и начать всеобщую забастовку: «Мы должны стараться парализовать все учреждения, школы, театры, кинотеатры, конторы». Начался заключительный этап «бархатной революции».

Причины, по которым Коштуница не захотел прийти к власти законным путем, были очевидны. На федеральных выборах левая коалиция получила 74 из 137 мест в Палате Граждан и 26 из 40 мест в Палате Республик. Левая коалиция имела большинство и в сербском парламенте, что делало невозможным для ДОС осуществление ее программы, так как полномочия президента в Югославии были довольно ограничены. Только государственный переворот позволил бы ДОС обойти закон и сместить правительство.

События развивались так. 1 октября объявили забастовку с требованием отставки Милошевича шахтеры крупнейшей угольной шахты, 2 октября началась всеобщая забастовка (точных данных о ее масштабах нет). Большую активность проявляли студенты. Активист университетской организации анархистов рассказывает: «Факультет философии – эпицентр всех выступлений против государства и власти. Студенты решили заблокировать Университет. Мы построили баррикады и установили круглосуточное дежурство, чтобы помешать декану

проникнуть в университетский городок».

Милошевич аннулировал результаты выборов, но это уже не повлияло на ход событий. 5 октября, до даты второго тура голосования, «Отпор» начал митинг в Белграде с подвозом людей из регионов. Оппозиция предъявила ультиматум Милошевичу с требованием добровольной отставки, но он его не принял. Попытки правительства организовать силы полиции и спецподразделения для разгона митинга не удались – силовые структуры вышли из-под контроля Милошевича. Студенты и собравшаяся толпа силой ворвались сначала в здание Союзной Скупщины (парламента) в Белграде и устроили там пожар, а затем на Радио и Телевидение Сербии. После захвата телецентра в эфире государственного канала начала вещать независимая телекомпания В-92. Однако вскоре из-за возникшего на телецентре пожара все три государственных телеканала прекратили вещание.

Нападением на Федеральный парламент и сербское Радиотелевидение руководили специально подготовленные отряды из бывших солдат. Возглавлял нападение Велимир Илич, мэр г. Чачака. «Наши действия были спланированы заранее, – объяснил он позднее. – Наша цель была вполне ясна – захватить контроль над главными учреждениями режима, включая парламент и телевидение». После того, как вооруженные отряды вторглись в парламент, за ними последовала толпа сторонников ДОС, которые ломали мебель и компьютеры и подожгли парламент. На улицах избивали полицейских и хулиганствующие толпы заполнили улицы. Машины скорой помощи, везшие раненых полицейских, были остановлены активистами ДОС, которые требовали выдачи раненых.

Избирательная комиссия заявила, что допустила ошибку при подсчете голосов и признала победу Коштуницы. Он прибыл на митинг как новый президент Югославии и сказал, что «Сербия отныне снова является частью Европы». В полночь Коштуница выступил по захваченному телевидению, сообщив, что санкции будут отменены в понедельник: это твердо обещала Франция. 6 октября Милошевич признал поражение на выборах, что и явилось завершением операции. Его последующий арест был уже делом техники.

По всей Сербии громили местные комитеты Сербской социалистической партии и Югославских Объединенных Левых. Вооруженные группы ДОС силой выгоняли руководителей государственных предприятий, университетов, банков и больниц по всей Сербии. Представители ДОС открыто угрожали эскалацией уличного насилия, чтобы вынудить сербский парламент согласиться на досрочные выборы. В то время как толпы переворачивали и поджигали полицейские машины, разрушали здания и избивали людей, Коштуница провозгласил: «В Сербии победила демократия».

Официально жертвами «бархатной» революции в Белграде стали два человека и около 30 человек были ранены. Таким образом, ее можно считать типичным государственным переворотом, совершенным с помощью технологии ненасильственных действий.

После падения Милошевича функционеры движения «Отпор» занялись активным распространением своего опыта по всему миру. Вот, что писал один из его идеологов. «В современном мире есть немало авторитарных режимов, которые не соблюдают интересы своих граждан и нарушают основные права и свободы человека, что неминуемо приводит к протесту. В случае выбора ненасильственных методов борьбы активисты «Отпора» готовы поделиться своим опытом».

В одиночку и в изоляции Югославия противостояла имперскому давлению Запада, выдерживая прозападный сепаратизм, санкции, войну и секретные операции. Она оставалась независимой и сохраняла экономику с ведущей ролью общественной собственности. Мощнейшие государства планеты выступали против нее, и все-таки она продержалась более десяти лет. Ее уничтожила «бархатная революция», организованная и поддержанная США и НАТО.

Глава 10. Грузия-2003: «Революция роз»

Технология «бархатных революций» была использована США в 2003 г. в Грузии. «Революция роз» – организованный и манипулируемый извне протест населения Грузии, имевший поводом подтасовку результатов парламентских выборов. Эта «революция» заставила

президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе уйти в отставку 23 ноября 2003 г.

Считается, что причина радикального вмешательства США в грузинские дела состояла в том, что, несмотря на очевидно антироссийскую направленность политики Шеварднадзе, Грузия стала довольно быстро восстанавливать экономические связи с Россией. К этому ее толкала объективная необходимость, и режим Шеварднадзе оказался неспособен этому помешать.

Всего за полтора года силы правой и деидеологизированной оппозиции в Грузии создали единую массовую организацию «Национальное движение», численность которой достигла примерно 20 000 членов. Михаил Саакашвили (тогда лидер этой организации) и Зураб Жвания (спикер парламента) договорились с руководством сербской «бархатной революции» об организации тренингов по политическим технологиям для 1500 членов своего движения. В апреле 2003 года была создана молодежная группа которая осваивала и адаптировала к грузинским условиям подходы и приемы, испытанные в кампании сербского «Отпора»¹⁰⁹. За три недели в ноябре 2003 г. ненасильственная «революция роз» в Грузии одержала победу.

Это представлялось так: молодые люди, взявшись за руки, устанавливали блокаду государственных учреждений, врываются в здание парламента и требовали перемен, а за ними благожелательно наблюдал Запад («весь мир»). Грузинская «революция роз», когда тысячи людей держали в руках не автоматы и арматурные прутья, а букеты роз, внесла кое-что новое в технологию «бархатных революций».

Предыдущая близкая по символике «революция гвоздик» в Португалии все же была пусть бескровным, но военным переворотом. «Бархатная революция» в Чехословакии произошла без человеческих жертв, но расколола страну на две части – и Чехословакии больше не стало. Были схожие события в Белграде, но они все же сопровождались насилием, передвижением войск, пожарами. В Тбилиси все произошло более «чисто».

Напомним краткую хронику событий. 2 ноября 2003 г. в Грузии прошли парламентские выборы. Неправительственные организации, наблюдавшие за выборами, заявили о многочисленных нарушениях, но ЦИК признал выборы состоявшимися. Телекомпания «Рустави-2» сообщила, что по данным «опросов на выходе» (*exit polls*) победил блок Саакашвили «Национальное движение». ЦИК сообщил о победе проправительственного блока «За новую Грузию». Той же ночью в Тбилиси прошли первые митинги оппозиции.

На следующий день 3 ноября лидеры оппозиционных партий провели встречу, после которой обратились к гражданам с призывом не признавать официальные итоги голосования. На митинге в Тбилиси был выдвинут ультиматум властям с требованием признать поражение. Митинги оппозиции по всей стране продолжались несколько дней. 9 ноября Шеварднадзе встретился с лидерами оппозиции, но к соглашению не пришли.

12 ноября, на 10-й день после выборов, блок «За новую Грузию» заявил о готовности уступить победу оппозиции, но переговоры между конфликтующими сторонами были сорваны. 18 ноября в Тбилиси прошла акция сторонников Шеварднадзе. 20 ноября ЦИК вновь объявил итоги выборов: проправительственные силы значительно опередили оппозицию. Последняя назвала это «издевательством» и отказалась от мест в парламенте.

21 ноября Госдепартамент США официально объявил результаты выборов в Грузии сфальсифицированными, а российский МИД призвал граждан Грузии проявить выдержку и не допустить насилия.

22 ноября на митинг оппозиции в Тбилиси вышло около 50 тыс. человек. Митингующие, руководимые Саакашвили с букетом роз в руках, ворвались на первое заседание нового парламента во время выступления Шеварднадзе. Крики «Уйди в отставку!» заставили его сначала покинуть трибуну, а затем уехать из парламента и укрыться в своей резиденции. Бывший спикер парламента Нино Бурджанадзе объявила себя и. о. президента, Шеварднадзе ответил введением чрезвычайного положения.

В ночь на 23 ноября сторонники оппозиции захватили правительственные здания. При посредничестве главы МИД России Игоря Иванова прошли переговоры Шеварднадзе с лидерами оппозиции, после которых президент объявил о своей отставке¹¹⁰.

В январе 2004 г. на президентских выборах Саакашвили получил 96% голосов.

Здесь ярко проявилась особенность массового сознания населения в обществе, которое

переживает глубокий и длительный кризис идеологии – оно становится *толпой*, даже не выходя из своих квартир. Оно атомизируется и теряет способность сохранять устойчивую позицию. Уже при небольшой угрозе поражения власти такое население быстро и внешне немотивированно переходит на сторону той стороны, «чья берет». Как только Госдепартамент США объявил, что не признает официально объявленные результаты выборов в Грузии, обыватели, как стая рыб по неявному сигналу, метнулись в стан «революционеров».

Этот сигнал, к которому жадно прислушивается ухо толпы, является предупреждением, что обыватели обязаны определиться – либо они «с нашими», то есть «с народом», либо с «врагами». И то самое пассивное большинство, которое только что голосовало за сохранение СССР (в 1991 г.) или за партию Шеварднадзе (в 2003 г.), вдруг распадается на миллионы одиночек, стыдящихся самих себя, чувствующих себя изгоями, ничтожными и слабыми, у которых есть единственный способ спастись от позора и обструкции – примкнуть к «народу». Более того, сделать как-нибудь так, чтобы и все вокруг, и ты сам были уверены, что ты всегда был с ними заодно! И массы людей без всяких рациональных оснований голосуют за Ельцина или Саакашвили, одобряют «независимость» Украины.

В обзоре хода парламентских выборов в Грузии осенью 2003 г. Д.Юрьев пишет, что, судя по всему, на них с небольшим перевесом победили пропрезидентские силы, возглавляемые Шеварднадзе. Оппозиционные партии набрали почти столько же голосов, что и победители. Если бы действительно удалось обнаружить подтасовку (хотя никакого следствия и судебного процесса по этому поводу так и не состоялось), то исправление фальсификации вряд ли позволило бы дотянуть число голосов оппозиции до 50%.

Но после «революции роз», обрушившей на «фальсификаторов» гнев народа, после отречения Шеварднадзе от власти на внеочередных президентских выборах демократ Михаил Саакашвили («Миша! Миша!») получил 96% голосов! После переголосования на парламентских выборах (суд аннулировал результаты выборов по партийным спискам) барьер преодолело только объединение бывших оппозиционеров во главе с Саакашвили, Зурабом Жванией и Нино Бурджанадзе. Здесь и кроется социально-психологическое объяснение успехов «бархатных революций».

При этом уже никого, включая самых пылких грузинских патриотов, не волнуют факты финансирования этого «народного протеста» из-за рубежа. После свержения Шеварднадзе прямо обвинял Запад, в частности, Джорджа Сороса, в финансировании государственного переворота в Грузии. «Московский комсомолец» опубликовал документ, проливающий свет на это дело. Он представляет собой черновик заявки на грант и озаглавлен «Кмара-03, Кампания за свободные и справедливые выборы». Через гранты международные неправительственные организации получают деньги на конкретные проекты, в том числе «правозащитные». Обычно международные организации в своих уставах оговаривают, что не вмешиваются во внутривнутриполитическую жизнь страны, на территории которой работают. Но в данном случае речь шла о финансировании организации, чья деятельность сыграла решающую роль в организации «стихийных» уличных протестов, которые и привели к смене власти. Имеется в виду организация «Кмара».

В заявке говорится, что OSGF (Open Society – Georgia Foundation), то есть грузинский фонд Сороса, в преддверии парламентских выборов 2003 г. планирует оказать финансовую поддержку «Кмаре» и Международному обществу справедливых выборов (ISFED). В задачи «Кмары» входит мобилизовать избирателей (программа «Иди на выборы»). Задача второй организации – наблюдение за выборами. Проект предусматривал и выделение 300 тысяч долларов на создание компьютерных списков избирателей.

Черновик – не окончательный вариант, поэтому бюджет некоторых программ не расписан. Под готовые проекты запрашивалось около 700 тысяч долларов. Сколько проект стоил в окончательном варианте, неизвестно. В частности, проект уличных акций («проведение шумных акций, мобилизацию активистов и населения для участия в этих скандалах») стоил 31310 долларов. Подробно перечислены и методы гражданского неповиновения. Специально оговаривается, что все это – ненасильственные методы¹¹. Среди них есть и такие: «насмешки над выборами», «снятие одежды догола в знак протеста», «грубые жесты», «насмешки над должностными лицами», «демонстративные похороны», «политический траур», «люстрация

секретных агентов” и даже “ненасильственное преследование”.

Одна только разрисовка городских скверов стоит 3300 долларов (вот тебе и стихийная самодеятельность демократически настроенной молодежи). Печатание и распространение брошюр, постеров с лозунгами “Кмары”, символы, флаги, майки, кепки “Кмары”, теле- и радиореклама с призывами к населению принять участие в акциях – это еще 173 тысячи долларов.

В общем, судя по перечню методов, речь идет об организации кампании неповиновения действующей власти и давления на нее на всех уровнях. Здесь и забастовки всех видов, голодовки, “оккупация ненасильственными методами”, “представление поддельных документов”, “блокирование информационных линий”, “снятие указателей”, “бойкот выборов”, “отказ от уплаты налогов”, “отказ от должности и работы с правительством”. В списке есть и такой метод, как “восстание”¹¹².

Придя к власти, Саакашвили использовал метод, опробованный в Тбилиси, для смены власти в Абхазии. Тбилиси попытался разыграть в Батуми сценарий, по которому был смещен Шеварднадзе – сначала демонстрации на улицах, а потом свержение правительства небольшой группой лиц. Движения «Наша Абхазия», «Демократическая Абхазия» и «Кмара» поставили своей целью добиться отстранения от власти «авторитарного» Абашидзе. Власти Абхазии в свою очередь ввели на территории республики чрезвычайное положение, запретив все предвыборные акции сторонников Саакашвили, в преддверии парламентских выборов, намеченных на 28 марта 2004 г.¹¹³

Надо напомнить, что статус Абхазии как полноправного субъекта международного права был определен Московским и Карским договорами. В составе Грузии Абхазия действительно имела широкие права. С 1999 года она не делала налоговых отчислений в Тбилиси (Абашидзе объяснял это тем, что Министерство финансов Грузии задолжало автономной республике в виде трансферов 22 млн. лари). Таможня Сарли на границе с Турцией также не подчинялась Тбилиси, являясь одним из важнейших источников абхазских доходов. При этом абхазские пограничники контролировали границу не только с Турцией, но и сообщение с Грузией¹¹⁴.

«Революция роз» замечательна тем, что в ней и речи не было о решении социальных проблем. «Новое» руководство Грузии ускорило приватизацию оставшихся объектов всенародной собственности, включая морские порты Батуми и Поти, железную дорогу, электровагоностроительный завод, помещение государственной филармонии. С приходом «новой» власти произошло дальнейшее ухудшение экономического положения Грузии: резко возросло число безработных¹¹⁵, на 20-30 % выросли цены на потребительские товары. Например, 1 кг мяса стоил в январе 2005 г. 3-3,5 доллара, сыр – 3-4,2 доллара – при средней зарплате 38,8 доллара. По официальной статистике за год прожиточный минимум одного работающего возрос с 65 и 80,5 долл. США.

«Розовая революция» не снизила темпов исхода грузинского населения из страны в поисках средств выживания. Более того, количество желающих покинуть страну возросло. Рождаемость сократилась в три раза по сравнению с 1990 годом, а смертность возросла в 3,2 раза. Численность населения Грузии сократилась с 5,40 млн. в 1989 г. до 3,09 млн. в 2003 г.¹¹⁶

Нынешняя грузинская власть пошла на радикальное ухудшение исторических добрососедских связей с Арменией, Азербайджаном и Россией. Русофобия в Грузии давно возведена на уровень государственной политики, но «розовые» революционеры доходят в ней до крайности. Грузинские СМИ соревнуются между собой в том, кто больше выльет грязи на грузино-российские взаимоотношения¹¹⁷.

Пантелеймон Георгадзе, первый секретарь ЦК Единой Компартии Грузии, советует братским народам бывшего СССР: «Избегайте всяких розовых, оранжевых, виноградных, льяных, черемуховых... революций, ибо все они являются подобием грузинского „розового“ цунами».

Глава 11. Президентские выборы на Украине – подмостки «оранжевой» революции

Осенью 2004 г. на Украине должны были пройти выборы президента. Главными кандидатами были В.Янукович (действующий премьер-министр) и В.Ющенко (бывший премьер-министр), который считался «кандидатом от оппозиции». В ходе этих выборов и была проведена «оранжевая» революция.

Задолго до этого она готовилась как большая спецоперация США и в целом Запада. Эта подготовка не скрывалась, о ней было довольно много сообщений в западной прессе, и сам этот факт предметом спора не является. Его надо изучать уже как урок истории.

Выборы как спецоперация США

После того, как успешно прошла «революция роз» в Грузии, газета «Wall Street Journal» в своей редакционной статье 11 февраля 2004 г. написала: «Можно надеяться, что теперь наступил черед „каштанового“ варианта в Киеве. Украина имеет замечательный шанс повторить грузинский успех народной демократии, но при условии, что Запад и демократическая украинская оппозиция правильно разыграют свои карты».

Ш. Мамаев отмечает, что «это было первое, еще в сослагательном наклонении, упоминание в прессе об „оранжевой“ революции. В этой статье нет ни слова про вмешательство России в украинские дела – единственная обозначенная газетой вина Владимира Путина заключается в том, что он подает дурной пример Леониду Кучме. Тем не менее это не помешало респектабельнейшей американской газете уже тогда порекомендовать Вашингтону выделить деньги на поддержку Виктора Ющенко, чтобы привести его к власти с помощью „каштановой“ революции».

Она даже описала, как это сделать: «Наиболее вероятный сценарий состоит в том, что лагерь Кучмы будет пытаться запугать противников и сфальсифицировать итоги голосования. Украинская оппозиция, США и ЕС должны оказать на него необходимое давление. В свою очередь, оппозиция может продемонстрировать ему, что она способна вывести народ на улицы. В этом случае Ющенко мог бы договориться с Кучмой. Вашингтон потратил более 2 млрд. долл., чтобы поддержать свободную и независимую Украину. США могли бы с большей пользой посвятить значительную часть этих средств для поддержки демократических соперников Кучмы, которые делают то же, что делала оппозиция Сербии и Грузии. В ближайшие месяцы диктаторы Белоруссии, Кавказа и Центральной Азии будут внимательно наблюдать за событиями в Киеве»¹¹⁸.

Таким образом, в феврале 2004 г. уже была принята доктрина, выбран момент и определен сценарий акции. Вплоть до самого ее осуществления она имела условное название «каштановая» революция. Как пишет Ш. Мамаев, деньги вскорости были выделены – 28 марта 2004 г. в украинском Интернете появился сайт молодежного движения «Пора». В учредительной декларации движения говорилось: «Стратегия и план кампании структурированы по аналогии с успешно сработавшими добровольческими сетями в Словацкой республике (1998), Сербии („Отпор“, 2000) и Грузии („Кхмара“, 2002). Из лидеров и технологов этих проектов будет сформирована Международная группа экспертов-консультантов».

Отсюда совершенно ясно происхождение и установки этого движения – к тому времени операция по свержению Милошевича в Сербии и роль в ней организаций США были хорошо изучены. Нисколько не скрывались и общая политическая ориентация «Поры», и ее отношение к России. В декларации говорится о «тоталитарных режимах в России и Белоруссии» и о том, что «Пора» намерена всячески активизировать кампанию по привлечению «нейтральных или плохо информированных граждан» к поддержке идей евроатлантической солидарности с помощью национально-демократических лозунгов.

Главным открыто действующим американским институтом, который занимался организацией «оранжевой» революции, был «Freedom House» («Дом свободы»). Вот короткая справка о нем: «Freedom House» возглавляется бывшим главой ЦРУ при Билле Клинтоне Джеймсом Вулси, а финансируется известным американским миллионером, филантропом и политиком Джорджем Соросом, финансировавшим также смену режимов в Сербии и Грузии.

Демократы отдают предпочтение «бархатным» революциям, в то время как

республиканцы не стесняются и открытых военных интервенций. В руководстве «Freedom House» представлены обе эти стратегии, и их олицетворяют соответственно Джордж Сорос и Джеймс Вулси. Первый является сторонником «бархатных» революций. Поссорившийся с Биллом Клинтон и тесно сблизившийся с неоконями Джеймс Вулси является ведущим пропагандистом другой концепции – конфликта цивилизаций. Год назад Вулси даже выступил с предложением немедленного нанесения воздушных ударов для уничтожения северокорейских ядерных реакторов. Он также является членом Американского комитета за мир в Чечне, считающего, что только международное вмешательство может стабилизировать там обстановку»¹¹⁹. Кстати, 20 декабря 2004 г. «Freedom House» впервые объявил Россию «несвободным государством», поместив ее в один ряд со среднеазиатскими странами и Азербайджаном¹²⁰.

Позже нью-йоркская газета “Сан” опубликовала репортаж о работе одного сотрудника “Фридом-хаус”, который занимался организацией митингов в Киеве. Это А. Каратницкий, сын украинских эмигрантов, он много лет работает во “Фридом-хаус” который, по его словам, и является повивальной бабкой “оранжевой” революции.

Как только на Украине началась избирательная кампания, Каратницкий регулярно посещал Украину для встреч с украинской элитой и получателями стипендий “Фридом-хаус”. Он сопровождал Ющенко в Нью-Йорк, где организовал ему встречи с американскими политиками. “Фридом-хаус” подготовил 1023 инструктора по выборам, которые контролировали избирательный процесс на Украине. Каратницкий также участвовал в организации лагерей для украинских активистов, которые начали свою работу еще в августе. “Хорваты и сербы, лидеры групп, которые возглавляли гражданскую оппозицию Милошевичу, учили украинских парней, как “контролировать температуру” протестующей толпы”, – рассказывает Каратницкий.

Уже в феврале в Киев зачастили высокопоставленные чиновники США с изложением планов большого поворота в политике относительно Украины. Специалист по Балканам И.Замятина вспоминает: «В период, когда разыгрывалась украинская карта, я прочла статью заместителя помощника госсекретаря США по европейским делам в 1997–2000 гг. Роналда Асмуса. Это тот самый период уничтожения Югославии. Выступая на конференции в Киеве в феврале 2004 г., он отметил, что НАТО и Евросоюз могут добиваться присоединения Украины, „создавая быстро и без лишнего шума новые реалии, с которыми России придется свыкнуться. Такой подход может быть назван „стратегия Nike“, так как он основан на девизе этой компании – „Just do it“ („Просто сделай это“)¹²¹.

Судя по косвенным данным, операции было обеспечено щедрое финансирование. А. Головков пишет: «Ющенковских благодетелей можно понять. Украинский революционный проект – самый масштабный и затратный из запущенных в реализацию (затраты – на сотни миллионов долларов как минимум). Конечно, не один Сорос тратится. Кое-что подкинули, надо думать, по линии Госдепартамента США и смежных ведомств, нашлись и местные коспонсоры (прежде всего из так называемого „киевского“ олигархического клана, поднявшегося при Кравчуке, удержавшегося при Кучме и, видимо, сделавшего ставку на „нашистов“ [движение „Наша Украина“], несмотря на антиолигархическую и националистическую лексику последних). Затраченные деньги надо отбить с наваром и так, чтобы на всех хватило – тут одной „Криворожстали“ мало будет»¹²².

Образование для проведения таких спецопераций «комплексных» бригад из политиков, финансистов и специалистов спецслужб стало обычной практикой. Как отмечает Д.Юрьев, во всех трех случаях – Грузии, Сербии и Украины – имеет место сочетание политической воли руководства США и евробюрократии, с одной стороны, и финансово-политических спекулянтов (будь то Борис Березовский, Джордж Сорос или Милан Панич), заинтересованных в свержении власти в той или иной стране по причинам экономического и психологического характера. В зародыше кристаллизации «оранжевой революции» всегда находится «политтехнологическая группировка», организуемая и финансируемая из внешнего центра. Она подбирается теми, кто ставит задачи¹²³.

Вся эта подготовительная работа ни для кого не была секретом. Британская газета «Guardian» писала о том, что за “каштановой революцией” на Украине ясно видна рука

Вашингтона. Кампания оппозиции, возглавляемой Виктором Ющенко, организована блестящим и изощренным умом американских политтехнологов, дипломатов и прочих консультантов, писала «Guardian», отмечая, что заказчиком “каштановой революции” стало, несомненно, правительство США.

Газета анализировала события в Сербии и Грузии, где Вашингтону удалось сменить политической режим. Накопленный в этих странах опыт, по мнению издания, американские политтехнологи решили применить и в Киеве. В заключение «Guardian» отмечала, что в случае успеха США продолжат свои действия и в других бывших советских республиках. Вероятнее всего, события повторятся в Молдавии и авторитарных странах Центральной Азии¹²⁴.

Эта работа длилась до самого момента выборов 23 октября 2004 г. 5 октября в Вашингтоне начался круглый стол «Путь Украины к зрелой национальной державности», в работе которого приняли участие Кондолиза Райс, Дж. Хербст (посол на Украине), Стивен Пайфер, несколько десятков украинских народных депутатов. 21-22 октября на Украине «с частным визитом» находился бывший советник президента США по вопросам национальной безопасности, бывший Государственный секретарь США Генри Киссинджер. Все это персоны высшего ранга.

И на самой Украине, и среди российских политологов выборы 2004 г. так и воспринимались – по выражению А.Бузгалина, как «столкновение проамериканского Запада Украины, поддерживаемого деньгами и специалистами Европейского Союза и США, и пророссийского Востока, традиционно связанного с нашей страной экономическими и культурными узами и до, и во время СССР»¹²⁵.

Выборы на Украине: общий фон

Украина состоит из двух частей, культурные традиции и этнический состав которых существенно различаются. Север и Центр Украины составляют территорию собственно Малороссии – земель, постепенно отходивших от Польши к России с 1654 г., со времён Богдана Хмельницкого. В основном аграрная западная часть (Галиция, Волынь, Буковина и Закарпатье) – веками жила на землях, в которых правили Польша и Австрия (кроме Волыни, отошедшей к России в конце XVIII века; Буковиной же в определённые периоды владели и Венгрия с Турцией). Это земли, не входившие в СССР до 1939 г. На западе Украины, прежде всего, в Галиции и Волыни, – центр украинского национализма. Индустриальные восточная и южная части Украины – земли, никогда не находившиеся под властью Польши. Это либо Слобожанщина (до Богдана Хмельницкого – приграничная лесостепная территория русского государства, на которой селились украинские беженцы от польских притеснений), либо территория Запорожской Сечи, либо Донбасс и Новороссия – южная часть нынешней Украины, отвоёванная Россией у Турции и Крымского ханства. В городах Востока и Юга Украины, заселённых в один и тот же исторический период выходцами из Великороссии и Малороссии, говорят на русском языке, а в сёлах встречается и русская, и украинская речь.

Поскольку этот фактор сыграл важную роль в «оранжевой» революции, полезно сделать небольшой экскурс в историю украинского национализма. В столетнем холодно-горячем геополитическом противостоянии Запада с Россией важную роль играло и играет политизированное этническое самосознание части населения Украины. В его формировании и «боевом» использовании можно выделить две больших программы – начала и конца XX века. «Оранжевая» революция во многом опиралась на результаты обеих этих программ.

О программе начала XX века пишет в книге «Происхождение украинского сепаратизма» (Нью-Йорк, 1966) русский историк-эмигрант Н.И. Ульянов. Книга эта посвящена той роли, которую сыграли в формировании этого сепаратизма правящие круги Польши и Австро-Венгрии, а также либерально-демократическая столичная интеллигенция России, видевшая в украинском сепаратизме орудие борьбы с монархическим строем. Вкратце ее главные положения сводятся к следующему¹²⁶.

В конце XIX века Галицию, которая была провинцией Австро-Венгрии, стали называть украинским Пьемонтом, намекая на роль Сардинского королевства в

национально-освободительной борьбе в Италии. В Галиции народность русинов (или рутенов, как их называли австрийцы) насчитывала около двух миллионов человек, которые жили вперемешку с поляками. Национальное самосознание русинов было неразвито, и от полонизации их спасал церковнославянский язык, на котором служила униатская церковь и который постоянно напоминал о едином русском культурном корне.

В самой Галиции «ни народ, ни власти слыхом не слыхивали про Украину. Именованье ее так начала кучка интеллигентов в конце XIX века». Впервые термин «украинский» был употреблен в письме императора Франца-Иосифа 5 июня 1912 г. В 1915 г. австрийскому правительству был вручен «Меморандум о необходимости исключительного употребления названия „украинец“». Правительство, однако, энтузиазма в этом не проявило.

Национальное пробуждение русинов произошло, вопреки всем ожиданиям, на русской культурной почве, местная интеллигенция даже отказалась от разработки местного наречия и в реальном выборе между польским и русским языком обратилась к русскому литературному языку, на котором и стали издаваться газеты. Вокруг них образовался кружок *москвофилов*, во Львове возникло литературное общество им. Пушкина, началась пропаганда объединения Галиции с Россией (русофилов называли «объединителями»). По словам лидера украинских «самостийников» и предводителя украинского масонства Грушевского, москвофильство «охватило почти всю тогдашнюю интеллигенцию Галиции, Буковины и Закарпатской Украины». Перелом произошел в ходе Первой мировой войны, когда москвофилы были разгромлены и верх стало брать антирусское меньшинство.

Как пишет Ульянов, за этим стоял польский план, позволявший не только прервать опасный для Польши процесс сближения Галиции с Россией, но и использовать ее как орудие отторжения Украины от России. Венское правительство этот план поддержало, а после 1918 г. Галиция перешла под власть Польши. Пропаганда галицийских панукраинцев были очень интенсивной, после включения Западной Украины в состав Украинской ССР она переместилась в эмиграцию. Публикации их изданий, которые цитирует Ульянов, наполнены крайней, из ряда вон выходящей русофобией¹²⁷.

Однако, по мнению Ульянова, не менее важную роль сыграла поддержка антирусского движения в Галиции со стороны российской интеллигенции, начиная с Н.Г.Чернышевского. Сам факт издания русинских газет на русском языке они считали «реакционным» – они требовали, чтобы эти газеты выходили на малороссийском языке. «Либералы, такие как Мордовцев в „СПБургских ведомостях“, Пыпин в Вестнике Европы, защищали этот язык и все самостийничество больше, чем сами сепаратисты. „Вестник Европы“ выглядел украинофильским журналом», – пишет Ульянов. Грушевский печатал в Петербурге свои политические этнические мифы, нередко совершенно фантастические, но виднейшие историки из Императорской Академии наук делали вид, что не замечают их.

Ульянов пишет: «Допустить, чтобы ученые не замечали их лжи, невозможно. Существовал неписанный закон, по которому за самостийниками признавалось право на ложь. Разоблачать их считалось признаком плохого тона, делом „реакционным“, за которое человек рисковал получить звание „ученого-жандарма“ или „генерала от истории“. Как заметил Ульянов, тесными были и личные связи: „В эмиграции до сих пор живут москвичи, тепло вспоминающие „Симона Васильевича“ (Петлюру), издававшего в Москве перед Первой мировой войной самостийническую газету. Главными ее читателями и почитателями были русские интеллигенты“.

Общий вывод Ульянова сводится к тому, что в начале XX века украинский национализм был авантюрой: «Не имея за собой и одного процента населения и интеллигенции страны, он выдвинул программу отмежевания от русской культуры вразрез со всеобщим желанием... Русская радикальная интеллигенция никогда не замечала его реакционности. Она автоматически подводила его под категорию „прогрессивных“ явлений, позволив красоваться в числе „национально-освободительных“ движений. Сейчас он держится исключительно благодаря утопической политике большевиков и тех стран, которые видят в нем средство для расчленения России».

Видимо, критику в адрес советской власти в этом надо признать справедливой, хотя предложить эффективное противодействие «политике тех стран, которые видели в

национализме средство для расчленения России», вовсе не просто. Советское руководство в 60-80-е годы было не на высоте таких задач.

Во время перестройки сотворение новой украинской нации, отколовшейся от России и даже враждебной ей, продолжилось с повышенной интенсивностью. «Оранжевая» революция стала и промежуточным результатом, и этапом в выполнении этой программы. И цели, и политические требования этой программы были хорошо известны. Выполняя эти требования, Л.Кучма еще в бытность президентом выпустил книгу «Украина не Россия» (2003). В ней он признает: «Процессы консолидации украинской нации пока еще далеки от завершения». На какой же основе и в каком направлении ведутся эти процессы?

По классификации антропологов, строительство украинской нации ведется согласно т.н. *примордиалистской* концепции этногенеза. Эта концепция представляет этничность как нечто изначально (примордиально) данное и естественное, порожденное «почвой и кровью». Этому взгляду противостоит «конструктивистский» (или «реалистический») подход, в котором этничность рассматривается не как данность и «фиксированная суть», а как исторически возникающее и изменяющееся явление, результат творческого созидания. Примордиализм возник при изучении этнических конфликтов, эмоциональный заряд и иррациональная ярость которых не находили удовлетворительного объяснения в европейской социологии и представлялись чем-то инстинктивным, «природным», предписанным генетическими структурами народов, многие тысячелетия пребывавших в доисторическом состоянии¹²⁸. Рассуждения на этнические темы в категориях примордиализма легко идеологизируются и скатываются к расизму, так что в обзорных работах антропологи стараются отмежеваться от «экстремальных форм, в которых примордиализм забредает в зоопарк социобиологии» (К. Янг).

В пространственно-временных координатах нынешняя программа нациестроительства на Украине относится к самой современной вариации, которая лишь недавно стала предметом изучения и пока условно называется «*гетеронационализмом*». Ранее различали два вида национализмов. Первый – классический *евронационализм*, возникший в период становления национальных западных государств и колониальных захватов. В ходе национально-освободительной борьбы как противоположная еврационализму идеологическая конструкция возник *этнонационализм*. Это два онтологически несовместимых представления о мире, народе и нации, разделенные философской пропастью. Но в последнее время из борьбы этих двух идеологических построений рождается то, что и получило название гетеронационализма. Его определяют как «попытку вместить этнонациональную политику самоосознания в рамки еврациональной концепции политической общности»¹²⁹.

Этот гетерогенный характер постсоветского украинского национализма хорошо иллюстрируется риторикой самого Л. Кучмы: он по-европейски говорит о нации и национальном государстве, но в качестве главного довода для легитимации этого государства использует типичный прием этнонационализма – память о преступлениях «колонизаторов» против освободившегося украинского народа. Вот формула из его речи на Вечере памяти жертв «голодомора» 22 ноября 2003 г.: «Миллионы невинно убиенных взывают к нам, напоминая о ценности нашей свободы и независимости, о том, что только украинская государственность может гарантировать свободное развитие украинского народа».

Этот прием этнонационализма был выбран как средство консолидации «нового» украинского народа вполне сознательно, потому что он закладывает мину под попытки интеграции Украины и РФ. В качестве главного преступления «москалей» взят голод 1932–1933 г. Л.Кучма уже назвал эту трагедию «украинским холокостом», пойдя в строительстве нации по пути Израиля, доктрина которого считается в антропологии проявлением жесткого этнонационализма. К этому украинские политиков подталкивали и США, где в 1986 г. Конгресс США даже учредил специальную комиссию по изучению этого «холокоста». МИД Украины пытается (пока без особых успехов) добиться от ООН признания «украинского холокоста» актом геноцида и «преступлением против человечества», активную поддержку в этом оказывает Польша¹³⁰.

Таким образом, украинские власти направили ускорившийся в условиях кризиса этногенез по рельсам жесткого этнонационализма, стремясь скрепить «новый» народ на основе национальной вражды и отрицания. Глава Украинской греко-католической (униатской) церкви

кардинал Любомир Гузар сказал об этом: «Память о голодоморе – это нациотворческий элемент... [Это] фундаментальная ценность, объединяющая общество, связывающая нас с прошлым, без которого не может сформироваться единый государственный организм ни сейчас, ни в будущем»¹³¹. Опыт стран, пошедших по этому пути, показывает, однако, что он чреват риском спровоцировать тяжелые расколы и конфликты внутри общества, а также испортить отношения с ближайшими соседями. Для нашей темы надо лишь подчеркнуть, что выбор политической технологии этнонационализма задал и определенный конфронтационный настрой для всего хода выборной кампании 2004-2005 гг. «Оранжевая» революция перенесла этнонациональный конфликт внутрь Украины.

Культурные традиции, историческая память, религиозные различия (и конфликты), а также особая заинтересованность Запада сыграли свою роль в разделении украинцев во время выборов. Я. Батаков так комментирует географическое распределение голосов во время выборов: «Сравнив административное деление советской и нынешней Украины с таковым Российской империи, мы увидим, что за Януковича голосовали бывшие Харьковская, Екатеринославская, Херсонская и Таврическая губернии, то есть та колонизованная русскими и украинцами в XVIII-XIX вв. территория, которая носит историческое имя Новороссии. Эта территория в годы революции была произвольно включена в состав Украинской республики, сначала буржуазной, а потом и советской. За Ющенко же голосовали бывшие австро-венгерские области и запад Малороссии в собственном смысле слова»¹³². (Мы поправим автора: за Ющенко проголосовала и левобережная часть Малороссии, присоединённая к России после 1654 г.)

На этот счет Бугалин дает такое объяснение. Запад обещает Украине путь в НАТО и Европейский Союз со всеми вытекающими отсюда возможностями “приобщения к цивилизации”, а также обещаниями экономической помощи. Западная Украина, украиноязычная интеллигенция и значительная часть мелкого и среднего бизнеса вкупе с некоторыми (но не самыми сильными) кланами явно поддерживает эту ориентацию... У части украинцев сохраняются подогреваемые оппозицией и Западом опасения российской экспансии и потери Украиной самостоятельности в случае победы прорусской линии. Гарантом от этих опасностей и лидером сближения с Западом видится Ющенко.

Россия обеспечивает Украине поставки дешевых нефти и газа, а также заказы для значительной части промышленности юго-восточного региона Украина. К этому следует добавить и то, что подавляющее большинство населения восточных регионов и Юга (около половина граждан Украины) является русскоязычным и устало от подчиненного положения русского языка и культуры на Украине. Янукович в избирательной кампании оказался сторонником сближения с Россией и защиты прав русскоязычного населения, которое не верит в обещания Ющенко сохранить права русскоязычного населения и опасается, что их постигнет судьба русскоязычных меньшинств Прибалтики, чьи гражданские права сильно ущемлены¹³³.

В этом состоят видимые причины противостояния, которые несколько по-разному трактуются наблюдателями в соответствии с их идеологическими позициями. Известный американский советолог Ричард Пайпс излагает конфликт в такой фразеологии: “Виктора Януковича поддерживала как Москва, так и украинская бюрократия, русское меньшинство и промышленные магнаты, сделавшие состояния на сотрудничестве с московским истеблишментом, в то время как его соперник Ющенко представляет демократические и проевропейские устремления украинского большинства”¹³⁴.

Украинские наблюдатели объясняют эти «проевропейские устремления» более прагматическими соображениями. В программе Ющенко были заинтересованы и чиновничество, и простые люди центральных и западных регионов. Поскольку это регионы дотационные, их власти выигрывали от перераспределения национального дохода, а также от валютных поступлений в рамках международных программ. Но и простые люди западной Украины поддерживали программу Ющенко, потому что важным источником дохода у них является отхожий промысел и они надеялись, что с победой Ющенко им будет легче выезжать в Европу, подрабатывать там и посылать деньги домой.

Студенты, у которых мечта жизни – устроиться работать на Западе или во властных структурах, также видели в победе Ющенко свой интерес. На другом полюсе – Донбасс. У его

жителей источник материального обеспечения – то, что там же и находится. В том числе и у элиты (предпринимателей и чиновников), которые, в случае победы Ющенко, могли потерять многое. Отсюда и их уменьшенная склонность к “сговору и торгу”. В качестве основной организующей (и финансирующей) силы этой стороны выступали директора союзных предприятий. Националистическая сторона опиралась на местную и центральную бюрократию и интеллигенцию, сельское население и студенчество и вела борьбу под националистическими знаменами и под лозунги о демократии и борьбе с антинародным режимом.

Однако правы, видимо, те наблюдатели, которые считают, что «геополитические» соображения избирателей являются, скорее, продуктом идеологического воздействия, внушенными стереотипами, скрывающими иные, неосознаваемые установки. В действительности геополитическая обстановка в данный момент очень неопределенна и не позволяет выработать разумную установку на уровне обыденного сознания. М.Хазин пишет: «Для части населения, проголосовавшей за Ющенко, никакой геополитической игры нет. Но и та часть, которая принимала в расчет геополитические соображения, на самом деле не отдает себе отчета в том, какие реальные геополитические проблемы стояли за их выбором. Например, теперь, после победы Буша, нет однозначно единого «Запада». А выбор Ющенко часто делался именно из приоритетов «западного» выбора... Действительно, к какому же Западу собирался двигаться Ющенко: к «западу» Буша или к «западу» Шредера, «западу» Блэра или «западу» Ширака? Вопрос не в том, в какую сторону решат двигаться украинские элиты: на Запад или на Восток. Они сначала должны понять, что нет сегодня ни единой России (в которой абсолютно аналогичный раскол), ни единого Запада, а также различать, с кем конкретно они хотят дружить у нас или на Западе»¹³⁵.

Конъюнктурные расчеты более определены. Так, позиции большинства жителей восточных областей противоречат установки значительной доли крупных собственников. Ведущие бизнесмены Донецкой области скупили советские металлургические заводы. Одни осуществляют вертикальную интеграцию, объединяя с ними мощности по добыче угля и железной руды, другие приобретают сталелитейные заводы в странах “новой Европы”. Они экспортируют сталь в Китай и на Ближний Восток, однако нацелены на поставки в Европу, которая сейчас защищается протекционистскими барьерами. Чтобы преодолеть их, они приобретают производственные мощности в Европе, оказывают давление на правительство, чтобы Украина вступила в ВТО и заключила с Евросоюзом соглашение о свободной торговле¹³⁶. Поэтому, хотя эти бизнесмены и поддержали Януковича, они слишком зависели от Запада и в решающий момент оказались не готовы идти до конца.

А. Бузгалин особо отмечает роль интеллигенции в регионах, проголосовавших за Ющенко. Слой интеллигенции Украины, пишет он, очень сильно дифференцирован. Масса “рядовой” (учителя, врачи, инженеры и т.п.) интеллигенции, преимущественно очень бедной, находилась в оппозиции к действующей власти. Наряду с этой массой существует и прослойка “элитной” интеллигенции, в значительной степени сращенная с властью, но готовая в любой момент ее предать, перевернувшись к новому “кормильцу”. Кроме того, на Украине постепенно сложилось прозападное интеллигентское течение, выросшее частью вследствие искренних симпатий к «демократической Европе», частью на базе официальной пропаганды последних 15 лет, частью на базе относительно благополучной жизни за счет американских и западноевропейских грантов, стажировок и т.п. Эта часть интеллигенции в большинстве своем подчеркнута украиноязычна.

Вероятно, с какой-то мере правы и те наблюдатели, которые видят в выборе интеллигенции и студенчества утопическое стремление уйти через «западный» выбор от пугающей необходимости принять участие в тяжелом восстановительном проекте и модернизации Украины через новый виток индустриализации. Над сознанием многих господствует иллюзия Запада как «постиндустриального рая», которая уже сыграла фатальную роль в столичных городах СССР в начале 90-х годов.

П. Малиновский пишет : “Собирать страну можно на разных основаниях и различными способами. И ключевой вопрос: какая технология позволяет управлять этими процессами? В ходе выборной кампании поверх традиционной индустриальной инфраструктуры была запущена “оранжевая волна” сетевой инфраструктуры, ориентированной на

постиндустриальные стандарты, с новой системой ценностей, формирующихся в Европейском макрорегионе»¹³⁷. Культивировать утопии и заражать ими юные умы – во все времена было прекрасной и разрушительной миссией интеллигенции.

Роль организованного сообщества, которое направляло конкретный повседневный ход событий, выполняла «оппозиционная интеллигенция», сплоченная неформальными связями и обслуживаемыми ее СМИ, а также примыкающее к ней студенчество. К интеллигенции в этом смысле надо причислить и религиозных деятелей, поскольку они включаются в политическую борьбу, выходя за рамки отправления религиозного культа. Надо подчеркнуть важное обстоятельство: «оранжевая» революция произошла в тот момент, когда экономика Украины была на подъеме и доходы населения быстро увеличивались. Практика не подтверждает механистического представления о наличии прямой связи между уровнем жизни и политическими установками населения.

После развала СССР в результате рыночной реформы народное хозяйство Украины претерпело катастрофу. Произошло сокращение валового внутреннего продукта более чем на 50%, еще более сократилось промышленное производство. В 2000 г. средняя реальная зарплата на Украине составила 27% от уровня 1990 г.¹³⁸, при значительном сокращении общественных фондов потребления. На Украине образовался массовый слой бедняков и люмпенов.

Около четверти населения Украины жило в начале этого десятилетия ниже уровня абсолютной нищеты, составляющем около 33 долл. в месяц. В беднейших областях вокруг Карпатских гор ниже этого уровня находится почти 50% населения, уровень безработицы во многих населенных пунктах здесь превышает 80%. Большинство взрослых из карпатских сёл подрабатывают нелегальной работой в Центральной и Западной Европе. Европейские аналитики оценивают число украинцев, работающих за рубежом, в 7 миллионов человек¹³⁹.

В последние годы украинская экономика начала выходить из глубочайшего спада. Экономический подъем начался прежде всего за счет тех отраслей промышленности, которые оказались прямо связаны с экономикой РФ. Здесь наблюдается экспансия более крупного и сильного российского капитала. По темпам роста Украина в самые последние годы обгоняет все страны СНГ и считается самой быстроразвивающейся экономикой Европы. В 2000-2003 годах рост ВВП Украины в среднем составлял 7,3% в год, реальный ежегодный прирост инвестиций тоже превышал 7%. Инфляция измерялась однозначными цифрами, а обменный курс гривны оставался стабильным. Эти успехи позволили ощутимо повысить реальную заработную плату и доходы населения (за 5 месяцев 2004 г. реальные доходы населения выросли на 15,0%). С 2000 г. наблюдается сокращение задолженности по выплате зарплат и пенсий.

В региональном отношении большая часть растущего промышленного потенциала пришла на Юг и Восток Украины с их металлургией, добывающей промышленностью и машиностроением. Главной отраслью украинской экономики, безусловно, является ориентированная на экспорт металлургия. Однако в последнее время укрепляется и положение отраслей, ориентированных на внутренний рынок. В определенной мере этот подъем связан с действиями правительства в бытность премьер-министром Януковича. За 6 месяцев 2004 г. ВВП вырос по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 12,7%, промышленное производство на 15,9%. Доля машиностроения в экспорте возросла за год с 13,6 до 19,5%. С 2001 г. прекращены заимствования у МВФ и Всемирного банка.

23 августа 2004 г. президент Л.Кучма сказал: «В Украине реализована основная позиция социально ориентированной экономики – опережающий рост, в сравнении с ВВП, реальных доходов населения, прежде всего заработной платы. Только в нынешнем году эти доходы выросли на 15%, а реальная заработная плата – на 26%. На сегодня среднемесячная зарплата составляет свыше 600 гривен (в сравнении с 181 гривной в 2000 г.), что в полтора раза больше прожиточного минимума для трудоспособных особ. Если в 2000 г. средний размер пенсии составлял 66 гривен, то сегодня – свыше 220 гривен».

Примечательно и такое заявление В.Януковича: «Мы рассматриваем в качестве идеала не какой-то там “капитализм”, а эффективную европейскую социальную рыночную модель»¹⁴⁰.

Ход выборов

Уже с середины октября 2004 г. обстановка на Украине стала накаляться. В предвыборную борьбу вступила даже Церковь. Вот, например, некоторые сообщения прессы тех дней:

«Православная общественность Украины обратилась к народу с просьбой „защитить веру законным и правовым путем“. 21 октября Союз Православных братств и Союз Православных граждан Украины проводят Всеукраинский Крестный ход... против прихода к власти антиправославных сил во главе с Ющенко. Участники крестного хода требуют также от правительства и его главы более четкой поддержки канонического Православия... Организаторы Всеукраинского Крестного хода считают, что Украина, Россия и Белоруссия – это страны общей Церкви, общей веры и общей судьбы. Крестный ход начнется в 9 часов утра у Успенского Собора Киево-Печерской Лавры».

25 октября: «Гражданская инициатива „Лента“ предлагает украинцам продемонстрировать свою гражданскую позицию и на протяжении последней недели перед выборами добавить оранжевый цвет, доминирующий в символике Ющенко, в одежду или любые окружающие предметы... „Сегодня власть всеми путями хочет запугать нас, готовых голосовать за Виктора Ющенко. Власть, используя монопольный доступ к СМИ, говорит, что нас мало; что сторонники Ющенко – это террористы, разнузданные молодчики и престарелые националисты. Давайте покажем власти, друг другу, что это не так!“ – сказано в заявлении инициативы.

Для этого инициаторы акции «Оранжевая неделя» предлагают сторонникам Виктора Ющенко на протяжении недели, которая осталась до 31 октября, а также непосредственно в день выборов носить одежду с элементами оранжевого цвета либо прикрепить оранжевую ленту к одежде, сумке, антенне автомобиля. Можно также повесить ленту на ветку дерева во дворе дома, возле офиса, в парке или прикрепить ее к ручке двери в квартиру, подъезд, офис. Кроме того, предлагается вывесить на балконе любой оранжевый предмет либо приклеить оранжевый кусочек бумаги к внутренней стороне окна».

25 октября: «31 октября в 22.00 ч. Центральный штаб Виктора Ющенко уже будет иметь результаты президентских выборов», – сообщил сегодня на пресс-конференции руководитель Львовского областного избирательного штаба Виктора Ющенко Петр Олейник. «Результаты выборов будут известны в Киеве, когда еще будут заполняться протоколы», – сказал он. По его словам, Украина в лице Ющенко покажет беспрецедентный вариант параллельного подсчета голосов. «Мы отработали колоссальную систему параллельного подсчета голосов», – указал Олейник. При этом он сказал, что не может рассказать технологию такого подсчета и добавил: «Мы также отработаем системы оригинальных протоколов. Их будет абсолютно достаточно для того, чтобы полностью вести юридическую работу в случае потребности».

Вот краткая сводка событий. Незадолго до дня выборов оппозиция приступила к организации в Киеве несанкционированных митингов, часть которых кончалась «ненасильственными силовыми действиями, в том числе с вторжением в здание ЦИК и драками с милицией. В первом туре, который состоялся 31 октября, ни один из кандидатов не набрал 50% голосов. По уточненным данным, первым был Ющенко с крайне незначительным отрывом от Януковича.

21 ноября состоялся второй тур выборов. Центризбирком объявляет победителем Януковича. Ющенко просит Европу и США не признавать итоги украинских выборов. 23 ноября, в отсутствие кворума, он выходит на трибуну Верховной Рады и (уже после того, как спикер, увидев такое развитие событий, объявил заседание закрытым) присягает на Библии в качестве президента страны. Оппозиция призывает жителей страны прекратить работу и учебу, выйти на улицу и начать бессрочный митинг. 24 ноября, в день официального объявления результатов голосования, в крупных городах по всей Украине одновременно проходят многочисленные оппозиционные митинги с активным участием студенчества. Вечером того же дня журналисты центральных телеканалов объявляют о неподчинении «цензуре», сменяют акцент своих репортажей в пользу Ющенко и заполняют эфир теледебатами с равным участием нескольких представителей обеих сторон. В западных

областях областные и городские советы и ряд подразделений МВД один за другим объявляют о неподчинении официальной власти и признании Ющенко избранным президентом, власть сторонников Ющенко на Западе становится полной.

Демонстранты блокируют либо пикетируют здания Верховной Рады, правительства, ЦИК и Верховного суда. 27 ноября Верховная Рада, окружённая митингующей толпой, принимает постановление, в котором признаёт результаты выборов не отражающими волю избирателей¹⁴¹. Несмотря на явный выход ситуации в столице из-под контроля в этот день, власти не решаются применить силу и не объявляют чрезвычайного положения. Не последнюю роль сыграл фактический переход Службы безопасности Украины (СБУ) на сторону Ющенко.

С 25-26 ноября, уже после массового перехода киевских СМИ и других структур на сторону Ющенко, начали активизироваться сторонники Януковича (до того они только проводили короткие митинги и собрания по окончании рабочего дня). Луганский областной совет принимает решение об образовании Юго-Восточной Автономной республики, Донецкий областной совет решает провести 5 декабря референдум об образовании автономии в Донбассе. Харьковский областной совет избирает губернатора председателем облсовета, поручает ему возглавить облисполком, сосредотачивающий исполнительную власть в области, и постановляет приостановить отчисления в центральный бюджет (это решение тут же опротестовывает областной прокурор). 28 ноября в Северодонцке Луганской области проводится съезд местных советов Украины (на который, в основном, прибыли депутаты юго-восточных регионов и меньшее количество центральных). Его участники признают президентом Януковича и не исключают возможности референдума по изменению территориального устройства страны, предусматривающей либо федерализацию, либо образование юго-восточной автономии. На неофициальном уровне высказываются угрозы запустить процедуру отделения от Украины в случае успеха переворота. На Юго-востоке проводятся массовые митинги в поддержку Януковича.

Сторонники Ющенко обвиняют оппонентов в сепаратизме и требуют от Прокуратуры и МВД немедленно остановить «изменников». СБУ возбуждает уголовные дела «по факту посягательства на территориальную целостность» и, совместно с органами Прокуратуры, вновь и вновь допрашивают руководителей восточных областей «как свидетелей» о решениях местных органов власти и съезда в Северодонцке. После этого Юго-восток только шёл на попятную: Харьковский облсовет отменяет опротестованные пункты своего постановления, Донецкий облсовет переносит референдум об автономии на 9 января, а новый съезд местных советов в Харькове 5 декабря отличается исключительно умеренными речами, в которых переворот признаётся фактически состоявшимся. Затем решение о референдуме 9 января и вовсе отменяется под предлогом необходимости юридической проработки предложений об автономии.

На второй неделе кризиса наступление революции в Центральных регионах продолжалось. Блокируются областные администрации, не подчиняющиеся революционерам, множатся заявления различных организаций и известных лиц о непризнании выборов. 1 декабря Верховная Рада голосует о недоверии правительству, 3 декабря Верховный суд Украины, здание которого тоже окружено толпой, признает невозможность точно установить результаты голосования и решает провести повторное голосование второго тура выборов не позднее 26 декабря.

Верховная Рада голосует за повторные выборы. Согласно сделке, заключённой фракциями, сторонники Януковича соглашались на смену состава ЦИКа (в итоге потеряли посты два активных противника революционеров) и принятие специального закона о порядке переголосования, а сторонники Ющенко соглашались на внесение изменений в Конституцию, перераспределявшей часть полномочий президента в пользу правительства, которое, после новых парламентских выборов, должно было формироваться парламентским большинством. Закон о порядке переголосования лишал возможности проголосовать многих сторонников Януковича. Так, голосовать на дому могли теперь только инвалиды первой группы, представившие в участковую избирательную комиссию нотариально заверенную просьбу о возможности проголосовать на дому (подавляющее большинство пожилых и немощных людей поддерживало Януковича). Накануне голосования Конституционный суд смягчил

формулировку, но ЦИК фактически заблокировала выполнение его решений: разъяснения по выполнению решений Конституционного Суда поступило в участковые комиссии восточных регионов только около 6 вечера, так что мало кто смог обратиться в участковую комиссию с просьбой о голосовании на дому до 8 часов вечера, как того требовала инструкция. Мало того, ЦИК решила вернуться к совершенно неадекватным избирательным спискам первого тура выборов, однако процедура внесения в список дополнительных избирателей была невозможной. Многие жители Юго-востока, приходя на участок, не находили себя в списке, а внесение в список было возможно только по решению суда. В суды выстраивались огромные очереди, но рассмотреть все просьбы они не смогли. Наконец, на многих участках Юго-востока почему-то не хватило бюллетеней для избирателей, приписанных к данному участку.

В отличие от второго тура, 26 декабря представители Ющенко блокировали подписание протоколов на многих участках восточных областей, пока результаты подсчетов по протоколам западных и центральных областей не показали перевес Ющенко. Иными словами, если бы переголосование дало другой результат, то и его бы объявили сфальсифицированным.

Несмотря на многочисленные жалобы о массовых нарушениях, допущенных в ходе переголосования 26 декабря, Верховный суд отклонил иск Януковича о признании выборов недействительными. Интересна позиция украинской прокуратуры. Когда в ЦИК из самых разных регионов стали приходить многочисленные телеграммы от избирателей о том, что они не смогли реализовать своё право на участие в голосовании, Прокуратура оперативно организовала расследование обстоятельств посылки этих телеграмм, опрашивая тех людей, чьи подписи стояли под телеграммами. По ее словам, многие из них отрицали свою причастность к посылке телеграмм.

Действия судебных органов

Один из авторов книги все время «оранжевой» революции находился на Украине и наблюдал за судебным процессом, который транслировался в прямом эфире. Поразила неготовность стороны Ющенко представить существенные доказательства фальсификации (значительную часть «доказательств» вообще составляли распечатки из Интернета сообщений СМИ). С другой стороны, бросалась в глаза полная незаинтересованность Верховного суда докопаться до сути обстоятельств дела: рассмотрение шло по формальным признакам, без разбирательства по существу. Во время заседания действительно было предъявлено довольно много документов и фактов, но ни по одному из них нельзя было сделать однозначный вывод в чью-то пользу без вызова многочисленных свидетелей и экспертов. Например, был предъявлен один недозаполненный протокол с участковой комиссии, но подписанный и с печатями, и два экземпляра протокола другой участковой комиссии с несовпадающими данными. По словам представителей Ющенко, это был способ массовой корректировки результатов голосования. Для того чтобы доказать массовость этой практики, двух участков явно недостаточно (притом что сторонники Ющенко входили в каждую комиссию и каждый из них получал по экземпляру протокола). Но даже чтобы сделать выводы о причинах несоответствия на двух конкретных участках, требовалось вызвать *всех* членов участковой комиссии, включая представителей *обеих сторон*, подписавших протоколы. Однако суд по данному случаю не вызвал ни одного свидетеля.

Далее были предъявлены по 15 открепительных удостоверений, выписанных на имя двух человек. По словам представителей Ющенко, это доказывало массовую практику многократного голосования сторонников Януковича по открепительным удостоверениям на разных участках. Очевидно, что и в этом случае нельзя было сделать вывод ни о массовости подобной практики, ни о том, как она повлияла на результат голосования. Но суд не пожелал разобраться даже с конкретными 15 открепительными удостоверениями. Следовало вызвать обоих человек, на которых были выписаны удостоверения (их паспортные данные были зарегистрированы), а также членов участковых комиссий, якобы выписавших эти удостоверения, произвести экспертизу подлинности удостоверений и печати, вызвать представителей Ющенко, якобы изымавших эти удостоверения, установить, в какие регионы

были направлены эти удостоверения, настоящие ли они и т.д.

Была предъявлена пачка из 300 открепительных удостоверений без указания имени, якобы изъятых наблюдателями от Ющенко у автобуса молодчиков, которым помогали правоохранительные органы. Само объяснение из числа курьезов постмодерна: как могли несколько интеллигентных наблюдателей от Ющенко забрать эти бумаги у молодчиков, которыми был битком набит автобус и которым помогала милиция? Явно требовалось расследование того, как эта пачка на самом деле оказалась в руках истца, настоящие ли это удостоверения, на какой регион выписаны и кем выданы, если они настоящие, или где напечатаны, если фальшивые. Представители Януковича предлагали вызвать в качестве свидетелей представителей территориальных комиссий Донецкой и Луганской области, которые обвинялись в фальсификациях – суд отказал. Они просили объявить перерыв на один день, чтобы иметь возможность ознакомиться с материалами, представленными истцом – и тоже получили отказ. Сторона Януковича документально опровергла показание одного из свидетелей стороны истца, но суд не счел нужным прореагировать на вскрывшийся факт лжесвидетельства. Суд был скорый, на улице гудела толпа, а накануне вынесения решения Кучма намекнул, что выборы будут судом отменены, что и произошло.

Январское же разбирательство в Верховном суде жалоб на нарушения, совершенные в пользу Ющенко при переголосовании второго тура 26 декабря, было уже откровенным фарсом. Суд даже не принял к рассмотрению сотни видеозаписей, на которых были зарегистрированы нарушения в ходе голосования. Суд умудрился рассмотреть по существу дело с более чем 600 томами доказательств меньше, чем за один день. Не соблюдались минимальные процедурные рамки – на целые стадии процесса отводилось по два-три часа времени. Председатель даже позволял себе публичные комментарии по ходатайствам стороны Януковича, прямо в зале суда заявляя коллегам, что ходатайство удовлетворять нельзя. Решение было уже принято, и разбирательство было всего лишь ритуалом, почти уже ненужным. Характерно, что выпуск газеты «Голос Украины» с официальным объявлением победы Ющенко принесли в зал суда ещё до объявления решения.

Все наблюдатели сходятся в том, что и предвыборная кампания, и сами выборы были исключительно «грязными». В каком-то смысле, это стало своеобразным политтехнологическим открытием: после достижения некоторой «критической» величины «грязи» или видимости её, которую может спровоцировать любая из сторон, исход выборов не поддается надежному выяснению, и разрешение конфликта выносится на улицу. Это лишает любого из избранных кандидатов «легитимности от выборов», функция легитимизации возлагается на какую-то постороннюю инстанцию. Например, на тех международных наблюдателей, авторитет которых, опять же, подтверждается не на Украине, а какой-то еще более высокой инстанцией (скажем, «мировым сообществом»).

Так и получилось на Украине. Центральный избирательный штаб Виктора Януковича во время 2-го тура зафиксировал более 7 тыс. нарушений и подал в территориальные избирательные комиссии и суды 6094 жалобы, многочисленные международные наблюдатели тоже указывали на эти нарушения. Их суд посчитал несущественными. Зато когда наблюдатели ПАСЕ и ОБСЕ указывали на нарушения со стороны сторонников Януковича – и эти нарушения были признаны тяжкими. Мнения других наблюдателей авторитетными не считались.

Уже после выборов было обнародовано открытое письмо директора Американского Центра Демократии, доктора Рэйчела Эхренфелда, бывшего директора Целевой группы по вопросам терроризма и нетрадиционной войны Палаты представителей Конгресса США Йозефа Бодански и видного историка Джона В. Свэйлса к членам Верховного Суда Украины. В письме, в частности, говорится:

“Мы ошеломлены описанием ситуации на Украине как западными политическими деятелями, так и СМИ. Президентские выборы, будучи несовершенными, как и все выборы – были свободными, справедливыми и законными, и должны быть признаны таковыми. Мы чувствуем себя уверенными в нашем утверждении, потому что принимали участие в выборах в качестве официальных наблюдателей (двое в обоих турах выборов и один только во втором туре).

Мы посетили и осмотрели несколько городских и сельских избирательных участков в

Киевской области. Мы можем засвидетельствовать, что украинские официальные лица, участники избирательной кампании, приложили все усилия, чтобы убедить в справедливости и легитимности выборов. Нами не были отмечены какие-либо нарушения избирательного закона и инструкций кем-либо, сопряженным с украинским правительством. И при этом не было никакого вмешательства властей в процесс свободного волеизъявления населения.

С другой стороны, наблюдатели от оппозиции на некоторых избирательных участках, крикливо одетые в оранжевую одежду и шарфики, неоднократно вмешивались в организованное проведение голосования и регулярно запугивали избирателей. Кроме того, мы не наблюдали проведение никакого независимого экзит-пола...

Мы были больше всего удивлены первоначальными, прошедшими сразу после выборов, протестами, которые мы увидели в Киеве утром после выборов – была сооружена большая сцена с огромными телевизионными экранами, оранжевые флаги, оранжевые плакаты были всюду – все свидетельствовало в пользу хорошо финансируемой предварительной подготовки к “спонтанному” проявлению ярости лидерами оппозиции и их сторонниками. Действия, которые мы наблюдали, наряду со следующим гражданским неповиновением, кажутся нам заранее запланированным стремлением захвата власти недемократическим путем...

Проведение третьего тура выборов, не говоря уже о том, чтобы провести их до решения украинскими судами этого вопроса (авторы письма имеют в виду рассмотрение по существу в местных судах конкретных и подтвержденных случаев нарушений – Авт.), является незаконным, и будет всего лишь наградой за широко распространенное запугивание избирателей и гражданские беспорядки, совершенные активистами партии оппозиции».

Аналогичное заявление прислала Британская Хельсинская Группа по правам человека, которая послала своих наблюдателей на второй тур и проводила мониторинг в г. Киеве и Киевской области, в Чернигове и Закарпатье. Заявление заканчивается такими словами: «Открытая предвзятость правительств Запада и назначенных ими наблюдателей в делегации ОБСЕ не позволяет полагаться на ее отчет о выборах... Иностранцы не должны поощрять гражданский конфликт из-за проигрыша кандидата, поддержка которого им обошлась так дорого»¹⁴².

Все это уже не имело значения. Выборы были грязными, а сила была на стороне Ющенко. Один из российских наблюдателей писал в конце ноября: «Неослабевающий психологический террор „оранжевых“ вынудил некоторых чиновников сознаться в использовании административного ресурса в пользу Януковича. Однако до сих пор никто не принуждал к подобным признаниям чиновников, использовавших административный ресурс в пользу Ющенко. Возможно, мы дождемся признательных показаний и от них»¹⁴³.

«Конструктивные переговоры» и «международные посредники»

Важной технологией «оранжевой» революции стало использование переговоров для связывания рук государства. Целью переговоров было создать впечатление, что революционеры готовы пойти на диалог и компромисс. Для контроля за «правильным ходом» переговорного процесса в Киев зачастили «международные посредники» – верховный комиссар Евросоюза по вопросам внешней политики и безопасности Хавьер Солана, генсек ОБСЕ Ян Кубиш, президенты Польши и Литвы Квасневский и Адамкус. В заседаниях круглого стола, с участием Кучмы и обоих кандидатов в Президенты всякий раз подтверждалось обязательство о неприменении насилия, оппозиция же обязывалась разблокировать работу правительственных учреждений (так ни разу и не выполнив обещания). После одного из таких заседаний Солана и Квасневский, выйдя к журналистам, пожали руки Кучме и Януковичу и обнялись с Ющенко. Митингующим на Майдане было очень важно знать, что их поддерживает «весь цивилизованный мир»: выступлений на Майдане депутатов Европарламента, Немцова и Леха Валенсы, приветственных заявлений Горбачева и Гавела было недостаточно – нужны были очевидные жесты со стороны высокопоставленных чиновников Запада, и они постоянно поступали.

Ненасильственная революция по-украински: палаточные городки

Ненасильственная оккупация территории в невралгических пунктах страны (особенно столицы), например, около правительственных зданий или символических мест, является одной из важных технологий, описанных в руководстве Дж.Шарпа. Эта технология была с большим размахом использована во время «оранжевой» революции на Украине. Опыт этот очень поучительный, через призму практической работы видны важные вещи. Здесь мы кратко приведем сведения, опубликованные в декабре 2004 г. в российском Интернете в большом материале под названием «Организация и экономика „оранжевой революции“»¹⁴⁴, а также в материалах на украинском сайте¹⁴⁵.

Немногочисленный митинг на Майдане (площади Независимости в центре Киева) начался сразу после голосования, но с 24 ноября 2004 г., со дня объявления окончательных результатов второго тура голосования, лидеры оппозиции призвали прийти на бессрочный митинг всех своих сторонников. Начал функционировать палаточный городок. Одновременно в нем находилось 2-3 тысячи человек. В первый день появилось около 200 палаток, за три последующих еще около 300. Так как организатором лагеря являлась «Пора», она и осуществляла общий надзор. Из «Поры» назначались коменданты лагерей и их заместители. Кроме того, «Пора» руководила финансовыми и материальными потоками.

Другие городки были расположены также у здания Верховной Рады и возле Прорезной улицы. Они были развернуты в первый же день организацией «Пора», для чего через избирательный штаб заранее были заказаны несколько сотен оранжевых четырехместных палаток Wenzel Yellowstone (стоимостью около 170 долларов каждая, производство США). Выбор именно этой модели объясняется тем, что ее не требуется закреплять вбитыми в землю кольшками. Кроме таких палаток были также большие армейские палатки на 20 человек, часть которых покупали у производителей (примерно по 250 долл.).

УНА-УНСО, военно-патриотическая организация «Тризуб», которые имеют отделения по всей Украине, совместно со студенческой «Порой» в первый же день развернули Нижний палаточный лагерь. Они же, используя давно налаженные связи с армией, получили для палаточных городков новенькие армейские полевые кухни и дизель-генераторы «Ильичевец» – тоже новые, несмотря на 1967 год выпуска – видимо, из армейских запасов. «Тризубовцы» не скрывают, что происхождение их камуфляжных бушлатов и берцев на прорезиненной подошве – также со складов расквартированных в Киеве воинских частей. Благодаря отопительным устройствам, в палатках было тепло.

По словам самих «западенцев», во Львове и Тернополе в те дни не работали рынки и другие предприятия и организации, на улицах стало гораздо меньше людей – все были в Киеве. По городу разъезжали автомобили, украшенные оранжевыми флагами, с которых призывали всех ехать на киевский Майдан. Кстати, необходимость «поселения» на Крещатике сначала стала для приехавших неожиданностью: откликнувшись на призыв лидеров, люди поехали на один, максимум два дня, готовясь к штурму Рады и столкновениям с милицией. Вместо этого их ждали палатки.

Кроме палаточных городков, остановиться можно было и в других местах: Украинском народном доме, Доме профсоюзов, зданиях Филармонии и Киевской рады, Международном центре культуры и искусств (Октябрьском дворце), железнодорожном вокзале, нескольких городских кинотеатрах. Там работали штабы, первый из которых появился в Украинском доме. В штабах были расположены пункты расселения (многие киевляне оставляют там свои координаты, а затем к ним на постой направляют прибывающие группы), туалеты, медицинские центры. Там же можно было переночевать, для чего пол был устлан пенополипропиленовыми матами. Кроме того, в «опорных пунктах» находились склады поступающей митингующим еды, теплых вещей и прочего.

Главный палаточный лагерь был разбит на несколько секторов по территориальному признаку. Самая большая часть принадлежала львовянам. Регистрация в лагере была закончена, и новые палатки не появлялись здесь с 29 ноября. Снабжение лагеря, хотя и осуществлялось по-прежнему бесперебойно, но уже не так обильно, как в первые дни – из рациона «защитников

демократии”, например, фактически исчезло мясо.

Бензин для генераторов покупали на городских АЗС, на дрова для костров шли поддоны с пивзаводов, их закупали по 5 гривен за штуку, часть дров закупалась прямо в супермаркетах. Одноразовую посуду брали на рынках. Кстати, организацией питания параллельно занималась и евангелистская церковь. Эта организация решила воспользоваться моментом для вербовки сторонников. Евангелисты не только поставили в лагере палатку – “Центр молитвы”, – но и активно занимались распространением своей литературы среди митингующих. В плане питания и теплых вещей помогают и киевляне, хотя, конечно, того, что они приносили, заведомо не хватило бы без спонсоров.

Доставка людей была продумана заранее. Так, для первого рейса были использованы автобусы, следовавшие через Львов из Польши – их пассажиров просто высадили. В западноукраинских городах активно шел сбор средств “на нужды митингующих” – даже учителя г. Луцка, например, собрали на эти цели 3500 гривен. Сами поездки организовывали, в основном, предприятия из числа своих сотрудников (и часто используя свои автобусы), но были и те, кто приехал самостоятельно.

Проезд обеспечивали также частные автопредприятия, руководство которых поддерживало Ющенко, чьи областные штабы платили водителям лишь за бензин. Зачастую шоферы сами активно участвовали в митингах и демонстрациях. Дополнительной платы они не получали, но, так же, как и у митингующих, у них сохранялась зарплата за дни, проведенные в Киеве. Помогали и областные администрации, выделяя для поездок школьные автобусы. Жители городов, лежащих в радиусе 100 км от Киева, ездили на митинги ежедневно – кто самостоятельно, а кто пользуясь такими же организованными автобусами.

Характерная черта – небывалая организованность “мятежников”, их полное подчинение приказам, доносимым сверху через отлаженную структуру агитаторов. В “оранжевой революции” нет и намек на стихийность, которая, как известно, сопровождает любой народный бунт. Огромные настенные экраны, биотуалеты, сменная одежда и обувь, а также еда и лекарства для бунтовщиков не очень-то вписываются в понятие революции.

В мини-городке из пятисот палаток все работы – от централизованного вывоза мусора до оперативного информирования митингующих – организованы по армейскому принципу. Есть отделы спецопераций и силовых структур. Здесь железная дисциплина: не видно пьяных, никто не ругается матом. Есть своя церковь, аптеки, больницы, пункты ремонта и подзарядки мобильных телефонов. Для посещения лагеря нужен специальный пропуск или аккредитация. Как в армии, на каждую ночь – новый пароль.

Внутренний распорядок лагеря строг: посторонних туда пускали только по поручительству кого-то из проживающих. Внутренней охраной занимались “тризубовцы”, которые следили за тем, чтобы обитатели не находились в пьяном виде. На территории городка – сухой закон. Правда, в последние дни он нарушался все чаще, а в конце концов был зарегистрирован первый случай употребления наркотиков. Замеченных под градусом или кайфом без вопросов вышвыривали из городка.

Между собой патрули “тризубовцев” общались через рации, но не милицейские, а те, что продаются в магазинах сотовой связи. Охрану периметра лагеря несли поочередно сами же его обитатели. Кому идти в дежурство, определяли все те же люди из “Поры” – на охрану периметра мог встать любой желающий. Впрочем, им в этом помогали координационные штабы регионов. Люди из УНСО выполняли функцию службы внутренней безопасности: периодически они устраивали обыск по палаткам. Говорят, иногда после этого пропадали вещи, хотя с воровством и другими нарушениями в лагере было более или менее благополучно.

В самой “Поре” также имелась четкая организация и иерархия. Отдельные люди руководили различными направлениями и отделами, например, “спецоперациями” (это, в частности, отправка специально сформированных отрядов в районы Киева с целью проведения ночью агитации – расклеивания листовок и повязывания оранжевых ленточек на машины).

Неплохо было организовано здравоохранение митингующих. Стараниями все того же Омельченко [мэр Киева] медпункты были организованы в Украинском доме, Октябрьском дворце, здании столичной администрации, Главкиевархитектуры, в Доме профсоюзов, гостинице “Крещатик”, здании кинотеатра “Орбита”, двух амбулаториях. Ежедневно в каждом

медпункте оказывалась помощь примерно 800-2000 пострадавших, в основном с ОРВИ. В основном в них выдавали противогриппозные и жаропонижающие препараты. Медицинские палатки в городке организовывали студенты медицинских институтов из разных городов. На Майдане постоянно дежурила скорая помощь, в усиленном режиме работали городские больницы.

Вероятные последствия выборов

Подавляющее большинство аналитиков сходится на том, что «оранжевая» революция, решив поставленную перед ней конкретную задачу – привести к рычагам власти ставленника правящей верхушки Запада – открыла новый этап в жизни Украины. Этот этап чреват значительным углублением того кризиса, который переживает страна. Вспомним, что после аналогичных «революций» в восточноевропейских странах через короткое время пред людьми встал вопрос: «А есть ли жизнь после перехода?».

В тех странах этот вопрос был в большой мере снят путем срочного принятия их в члены Евросоюза. На Украине, где половина населения неразрывно связана с Россией и культурой, и исторической памятью, этот вопрос не будет снят даже путем включения Украины в ЕС. Впрочем, такого включения в ближайшей перспективе не предвидится.

Риск ухудшения отношений с РФ, очевидно необходимых для жизни и развития Украины, неизбежен. Это вызвано слишком большими обязательствами Ющенко перед его спонсорами. Иначе невозможно разумно объяснить его поспешные обещания помочь в установлении демократии в Белоруссии и на Кубе. Все время стараются подлить масла в огонь и США. В цитированном выше американско-израильском стратегическом прогнозе «Обсуждая судьбу России» сказано: «Клинтон и Буш-младший старались систематически увеличить влияние США в регионе, называемом Россией „ближним зарубежьем“, в то же время позволяя течь естественному процессу экономической дисфункции. Точнее, они позволяли, чтобы слабость России создавала вакуум, который может быть успешно занят американской мощью. Водораздел был обеспечен на Украине. Вашингтон добился там преимущества прозападных сил, которые, несмотря на влиятельное соседство с Россией, активизировали дискуссию относительно вступления в НАТО. Украина расположена на южных рубежах России и, если она станет членом НАТО, Россия станет незащищенной».

США с самого начала вели себя провокационно. После того, как Путин лично приезжал на Украину во время выборов, заместитель госсекретаря США Э. Джоунз вызвала посла РФ Ю. Ушакова и передала ему «озабоченность американской администрации» действиями президента России. Как выразился один из видных российских дипломатов, вызов посла в стране пребывания «с целью выражения критики в адрес главы государства – случай беспрецедентный. Такое практикуется американцами только со странами третьего мира»¹⁴⁶.

Допустив завоевание власти толпой, которая опирается на внешнюю поддержку, страна попадает в ловушку. Ведь толпа, в отличие от реально созданной в ходе революции элиты, рассеивается, и власть оказывается напрямую связана с оказавшим поддержку «гегемоном». М.Ремизов пишет: «Именно внешний центр власти – не столько по дипломатическим каналам, сколько по каналам мировых СМИ, – гарантирует статус митингующих в качестве авангарда народа, вышедшего на сцену истории, чтобы сменить режим. Внешнее признание важно для любого революционного режима, но в одном случае оно только следует за фактом взятия власти, а в другом – логически предшествует ему. В этом смысле совершенно не важно, была или нет “оранжевая” толпа тайно “сфабрикована” манипуляциями глобального гегемона, важно, что она была открыто “коронована” его рукой».

Как будет далее действовать этот гегемон в отношении Украины?

А. Головков писал еще перед вторым туром: «После победы „бархатной“ революции соросовского типа ее формальные лидеры получают власть как бы на условиях подотчетности перед своими реальными руководителями. Формат соответствующих отношений определяется совокупной конкретикой политических обстоятельств. Сербам в известной мере повезло: теньевые ниспровергатели Милошевича, добившись полной победы, затем совершенно забыли о

стране, не слишком интересной в плане извлечения постреволюционных дивидендов...

У постреволюционной Грузии право на осуществление собственной политики изъято вовсе. Зато все высшее руководство солнечной страны поставлено на твердую зарплату в соответствующем фонде, созданном соросовскими политменеджерами... Украинский сценарий постреволюционного развития может оказаться значительно сложнее и острее сербского и грузинского. Вероятнее всего, никакой консервации существующего status quo не будет при любом исходе происходящего электорального двоеборства. За избранием «оранжевого» президента наверняка последуют меры по обеспечению полного господства «нашистов» в киевских структурах общеукраинской власти. Затем начнется разборка с «сепаратистами» в восточных и южных регионах, вплоть до полного вытеснения «сине-белых» из политического пространства.

«Оранжевый» режим на Украине наверняка станет одним из вариантов управляемой демократии постсоветского типа. Но весьма значительные механизмы управления «демократизированной» страной окажутся в руках ее иностранных благодетелей. Именно так можно понять некоторые странности развертываемого украинского сюжета. Невозможно, например, представить, чтобы «киевский клан» сдал украинскую столицу «оранжевым» без некоторых неформальных договоренностей, гарантом которых никак не может стать непредсказуемый пан Ющенко. Необходимые гарантии были наверняка предоставлены от имени и по поручению ющенковских зарубежных патронов, чьими младшими партнерами отныне становятся киевские «новоукраинцы»¹⁴⁷.

Д. Якушев пишет об этой ситуации: «Перевыборы совершенно не отменяют уже состоявшийся раскол Украины, который прошел гораздо глубже отдельных “сепаратистских” выступлений восточных политиков. Народ, живущий на юго-востоке страны, уже никогда не забудет, как Галиция и Киев отказали ему в языковом равноправии, как вытолкали избранного ими президента, как, не спросив их согласия, решили лепить из них “единую нацию”, героями которой являются Бандера и Донцов, как наплевали на их желание сближения с Россией, которую здесь на юго-востоке Украины многие с полным основанием считают своей родиной. Все это очень глубоко и действительно серьезно»¹⁴⁸. Экономическая политика новой власти как будто специально направлена на месть промышленным регионам Юго-востока. Снижены импортные пошлины, позволившие подняться машиностроению и пищевой промышленности, искусственно поддерживается завышенный курс гривны, облегчающий отток капитала и способствующий удушению промышленности Юго-востока через усиление конкуренции с импортом.

И все же преувеличивать значение «оранжевой» революции как фактора развала страны и окончательного раскола с Россией не стоит. Такая страна, как Украина, и такая развитая и гибкая культура, как украинская, тесно связанная с русской культурой – большие сложные системы. Они обладают исключительной живучестью и способностью к адаптации. «Молекулярные» повседневные процессы, идущие помимо и вопреки давлению Ющенко и стоящего за ним «гегемона», обволакивают и подтачивают самые мощные, но жесткие инструменты власти. После таких выборов, которые повидала Украина, эти «молекулярные» процессы приобретут гораздо более сознательный характер. Такие уроки очень полезны.

Глава 12. Технологическая схема «оранжевой» революции

Из опыта Украины можно вывести такую абстрактную схему. Детали и наполнение ее могут меняться, но «скелет», видимо, применим в разных конкретных ситуациях.

Прежде всего, можно составить перечень *необходимых* элементов технологии. Они могут не быть *достаточными* и дополняются до действующей системы конкретными специфическими условиями или искусственно создаваемыми факторами, но иметь как можно более полный перечень необходимых элементов обязательно.

Если речь идет о перехвате власти, то есть о замене действующей власти или блокировании ее кандидата на выборах, то необходимым элементом подготовки является подбор подходящей *кандидатуры* нового правителя. Понятно, что создать образ (имидж) личности гораздо легче и дешевле, чем создать образ политической партии – поэтому Запад во

всех подконтрольных ему зонах мира категорически требует перехода от парламентских форм государственности к президентским. Даже при сверхцентрализованной номенклатурной системе советского государства Горбачев не смог бы привести его к катастрофе, если бы предварительно не добился учреждения поста президента.

Технологии манипуляции сознанием очень эффективны, они могут за несколько месяцев создать очаровательный образ будущего президента *почти из ничего*. Но они не могут создать этот образ из реальных черт совершенно незнакомого людям человека. Отсюда первое требование к «материалу» – отбор ведется из списка достаточно известных людей.

А. Чадаев выражается на этот счет категорично: “Сегодня не может быть никакого другого успешного революционера, кроме яркого отставника с высокого поста. Как не может быть и никакой коалиции вокруг него, кроме союза таких же отставников калибром поменьше. Только возникнув, будучи состоявшейся, такая коалиция мобилизует (т.е. фактически вызывает к жизни) и превращает в свой массовый актив тот или иной революционный класс”¹⁴⁹.

Р. Шайхутдинов указывает на особенно ценные черты, которые учитываются при отборе кандидата: «Для начала выбирается оппозиционная фигура, так или иначе близкая по образу мыслей американцам и внутренне чуждая обыкновениям власти, практикуемым на некоей территории. Этот человек должен быть “привержен демократическим ценностям и идеалам свободы”. Но чтобы эта приверженность не оказалась просто предвыборным трюком (ведь известно: все кандидаты говорят примерно одно и то же), важно, чтобы этот человек был материально “прикреплён” к западным ценностям, например – имел жену американку (Коштуница, Саакашвили, Ющенко) либо учился или долго жил в США или Европе (Саакашвили). “Цивилизованность” должна быть на нём закреплена столь сильно, чтоб он не мог от неё отказаться”¹⁵⁰.

Подбор такой кандидатуры ведется и в РФ. Называются разные имена (Касьянов, Rogozin, Илларионов, Ходорковский и др.), но не исключено, что это делается для маскировки. Однако каким-то боком изучаемые персоны в спектакль втянуты будут, у Сороса деньги зря не тратят, всякая овчинка, подвергнутая малейшей выделке, идет в дело. Б. Березовский, в общем, положительно оценивает потенциал Касьянова, хотя и считает, что экс-премьер слишком нерешительный политик и у него нет собственной стратегии прихода к власти. Он отзывается о нем так: «Я считаю, что Касьянов – идеальная фигура для консолидации самых разных сил, оппозиционных путинскому режиму. И правых, и левых, и русских, и нерусских, а самое главное – как человек, бывший во власти, он хорошо знаком с ситуацией в регионах и со многими губернаторами лично»¹⁵¹.

Так или иначе, работа по подбору кандидатуры идет и, скорее всего, будет выполнена квалифицированно. А дальше постараются работники по созданию имиджей и телевидение.

Второй элемент технологии – создание территориального анклава, где местные власти и влиятельные слои населения обеспечивают «оранжевому» кандидату (или вообще революционерам, если перехват власти происходит не в момент выборов главы государства, как это и было в Грузии и Киргизии)¹⁵². Р. Шайхутдинов формулирует эту задачу так: “Внутри страны формируется территория, где оппозиционный кандидат получает безусловную поддержку; она становится плацдармом для объявления и расширения власти оппозицией. В Украине такими территориями стали Западные области и Киев, в Грузии – прежде всего Тбилиси. Здесь власть избранного президента заранее не признаётся”.

Третья задача – внедрение в массовое сознание и закрепление там нескольких простых стереотипов, отвечающих формуле незыблемой истины: “враги против наших”. Это общее правило всех революций. Вот известные примеры таких стереотипов, «патриоты против аристократов» (Франция, 1793); «правовверные против американских дьяволов» (Иран, 1979); „демократия против тоталитаризма“ (СССР, 1991); “народ против преступной власти” (Украина, 2004).

В этой работе технологи опираются на хорошо изученную закономерность манипуляции сознанием: многократное повторение какой-то формулы загоняет ее в подсознание. Оттуда она воздействует на поведение человека независимо от того, в какую сторону его толкает *сознание*. Твое сознание формулу отвергает, а подсознание блокирует разум.

Пока что в РФ разрабатывается формула «народ против преступной власти» в ее

относительно мягких вариантах (например, «народ против коррумпированной бюрократии»). Внедрение мысли о том, что именно «коррумпированная бюрократия» («чиновничество») является сейчас главным коллективным врагом народа и причиной всех бед России, ведется с такой интенсивностью, что даже сам В.В.Путин вынужден включать в свои выступления эту ложную формулу.

Для ее обоснования привлечена тяжелая артиллерия. Недавно на работу вызвали даже престарелого архитектора перестройки А.Н.Яковлева. Он дал интервью, в котором ключевая мысль была такой: “Меня беспокоит больше всего наше чиновничество. Оно жадное, ленивое и лживое, не хочет ничего знать, кроме служения собственным интересам. Ненавидящее людей. Оно, как ненасытный крокодил, проглатывает любые законы, любые инициативы людей, оно ненавидит свободу человека... Поэтому я уверен: если у нас и произойдет поворот к тоталитаризму, произволу, то локомотивом будет чиновничество. Распустившееся донельзя, жадное, наглое, некомпетентное, безграмотное сборище хамов, ненавидящих людей”.

Казалось бы, это параноидальное заявление имеет слишком общий характер. Где же тут конкретный враг народа? Ведь нельзя же совсем без чиновников. Поэтому чуть ниже, вскользь, даются более определенные ориентиры цели: “Единая Россия” – это некая секта, искусственно созданная чиновничья организация. Я не знаю, сколько у них там рядовых членов, но знаю, что на 90% она состоит из чиновников”¹⁵³. “Единая Россия”, разумеется, сама по себе никого не интересуется, она не может быть никому ни врагом, ни другом. Суть в том, что это *партия президента В.В.Путина*. Это партия той власти, которую предполагается сбрасывать.

После того как образ коллективного врага народа создан, в течение некоторого времени производится “первичный нагрев ситуации”. Подбирается “доказательная база”, которая благодаря СМИ возбуждает эмоции (массы расстрелянных в Тимишоаре, организованный русскими «голодомор» на Украине, убитый и обезглавленный по приказу Кучмы журналист Гонгадзе, зверски убитые советской военщиной трое юношей в туннеле напротив Посольства США в Москве).

На этом этапе решается важная задача – установление *интерпретационной диктатуры*. Должен быть слышен только голос «народного гнева», голос обвинителя. Любой диалог или попытка воззвать к рассудительности пресекается «ненасильственными действиями снизу», например, бойкотом. В такой ситуации сама попытка власти объясниться оборачивается против нее самой. Прекрасным примером служит попытка генерала Родионова в 1989 г. объяснить Съезду народных депутатов СССР причины и обстоятельства гибели людей на митинге в Тбилиси. Ему не дали говорить, причем самую активную роль в этом играл А.Собчак, который, будучи председателем комиссии по расследованию этих событий знал о непричастности военных к этой трагедии, но скрыл это от депутатов.

Для укрепления «власти слов» людей приучают к новоязу, на котором могут быть сформулированы только те мысли, которые соответствуют заданной формуле “истины”. И вот уже слова “провластный кандидат Янукович” и “народный кандидат Ющенко”, при всей их нелепости, включаются в язык нейтральных комментаторов – и даже сторонников Януковича. Схватка за интерпретационную власть – важный этап «оранжевой» революции, и она регулярно проигрывается постсоветской властью, как проигрывалась советской.

Если интерпретационная диктатура установлена, то «оранжевые» получают возможность вообще выйти из диалога с оппонентом. Его уже можно опорочить настолько, что дальше он автоматически рассматривается как враг народа, как препятствие, подлежащее устранению. “Каждый голос за Ющенко – это еще одно “нет” бандитам” (телереклама Ющенко). “Янукович – выбор обманутых рабов” (лозунг на митинге возле украинского посольства в Москве).

В отношении врага снимаются культурные нормы. Очень скоро он почти перестает быть человеком. Враг становится объектом биологически чуждого вида – американским дьяволом, аристократом, донецким бандитом – и его можно только “Геть!” (так в 1992 г. в «Московском комсомольце» писали, что участники митинга антиельцинской оппозиции – и не люди, и не звери, а что-то вроде инопланетян). Тем самым снимаются всякие – и моральные, и инстинктивные – ограничения на методы борьбы. Шельмование противника становится безответным, третьей стороны в виде общественного мнения уже нет, объяснений никто не слушает¹⁵⁴. В случае, если враг – это действующая власть, невозможной становится и любая

форма самоотожествления с властью, что является психологической основой внутренней легитимности любого политического режима.

Следующий этап – создание и энергичное внедрение внешнего признака “наших” (розы и флаг с крестами – в Грузии, “оранжевое” – на Украине, броские художественные символы). Если процесс идет по нарастающей, то ускоряется самоотожествление обывателей с “нашими”. “Нашими” становится быть модно и престижно. Красные гвоздики и оранжевые ленточки вешают на себя люди всех слоев общества – и бомжи, и миллионеры (в феврале 1917 г. красный бант нацепил себе на грудь великий князь, брат отрекшегося императора). Более того, обывателю навязывается *страх* оказаться “не нашим” (для этого выработан большой перечень средств психологического террора – см. руководство Дж. Шарпа). Количество “наших” растет, как снежный ком. Кучка людей, недавно бывшая маргинальной оппозиционной сектой, стремительно обрастает массой последователей и сторонников.

Для сплочения «наших» в сознание внедряется образ “неминуемой победы”. Он может быть вообще не мотивирован (сайт Ющенко был украшен бегущей строкой: “до победы Ющенко осталось... 40... 30... 5 дней”). Нагнетается ожидание освобождения, неминуемого и радостного перерождения всего общества “сразу же после победы”. Все это вместе переводит толпу в режим управляемого коллективного возбуждения. Заявления лидеров становятся гипертрофированными, почти безумными, но это лишь прибавляет энтузиазма их сторонникам. Юлия Тимошенко провозглашала: “Оранжевая революция станет эпидемией свободы по всему миру!” – и это радовало толпу, большую долю которой составляли люди с высшим образованием.

Д. Юрьев объясняет, как эта растущая толпа приобретает самосознание большинства, даже *народа*. Этот момент предусмотрен в драматизме спектакля. Он пишет: «Заранее провозглашенная победа обязательно наткнется на серьезное препятствие... И в этот момент происходит запланированный взрыв! Отсрочка заранее провозглашенной победы, чем бы она ни была вызвана (согласительной процедурой, попыткой компромисса со стороны власти, наконец, победой кандидата “партии власти” на выборах – не говоря уже о таком подарке, как *сомнительная* победа этого кандидата) – объявляется последним чудовищным преступлением врагов народа, кражей этой самой вожаемой победы».

Следует мгновенный и массовый взрыв негодования, перерастающий в массовое же воодушевление, во всеобщую эйфорию людей, которых пока не большинство, но – оказывается – очень много! Колоссальный аффект внезапного массового взаимопознания превращает пока еще меньшинство в победительную, агрессивную и властную толпу»¹⁵⁵.

Важное условие для достижения этой пороговой точки – заблаговременное создание общего, как будто естественного убеждения, что власть не имеет права пресечь этот «праздник угнетенных» насильственным восстановлением порядка. И в массовое сознание, и в сознание работников правоохранительных органов постоянно внедряется мысль, что «против народа» нельзя применять насилие и что “народ победить нельзя”. Таким образом, “народу” предоставляют возможность эскалации давления на власть вплоть до захвата зданий, представляющих собой символические объекты государства и власти – резиденции главы государства, парламента и т.д.

Примечательно уже цитированное выше недавнее интервью А.Н. Яковлева. Его спрашивают: «Ожидаете ли вы повторения социального кризиса – например, в ходе реализации реформ ЖКХ, медицины и образования? Как поведет себя власть? Отступит – или прибегнет к силе?» Главное здесь, конечно, последний вопрос. И Яковлев, на правах высшего авторитета РФ в области демократии, отвечает: «Выступления возможны. И власть, бесспорно, отступит, будет маневрировать. Вообще в таких случаях в демократическом обществе государственным деятелям надо подавать в отставку. Надо было подавать в отставку после “Курска”, после Беслана». Яковлев делает два предупреждения. Первое: когда начнутся «выступления», власть *обязана* отступить. Это *бесспорно*! Второе: *эта* власть уже давно обязана была подать в отставку.

Какова повторяющаяся динамика действий «оранжевых» революционеров? Начинается все с “мирного протеста” против нарушений закона о выборах, фальсификаций при подсчете голосов, использования «административного ресурса» и т.д. Собираются митинги – на вполне

законных основаниях. Однако по ходу митингов возбужденную и сплоченную толпу призывают к нарушению “во имя свободы” второстепенных положений закона – к объявлению митинга бессрочным, началу голодовки, устройству палаточного лагеря и т.д.

Здесь – разрыв непрерывности, момент выбора для властей. Следуя закону, они должны вытеснить митингующих с площади и разогнать митинг, вне зависимости от его лозунгов. Если власть этого не делает, то теряет основания для применения силы при последующей, шаг за шагом, эскалации беззакония. Толпа сразу разрастается и создает новые и новые «рубежи обороны», прорыв которых становится все труднее и труднее – устанавливаются палатки, подтягиваются полевые кухни, налаживаются передвижные киноустановки и т.д. «Оранжевая» толпа закрепляется на каждом уровне «гражданского неповиновения»: в палаточном городке царит порядок, пикеты ведут себя корректно. Напасть полиции на мирный палаточный городок, волочить в грузовики студенток, которые протягивают солдатам цветы? Под объективами видеокамер парижского телевидения?

Следующим шагом становится создание невыносимых условий для работы государственных органов. Это изображается как борьба за демократию (точнее, как выразилась Юлия Тимошенко, “за нашу демократию”). Дело доходит до предъявления *ультиматума* президенту Кучме. Создаются “специальные” условия для работы Верховного суда, что принять решение, не удовлетворяющее “оранжевых”, становится невозможно – речь идет уже не о судебном, а о чисто политическом решении.

На фоне этого поэтапного развития событий так же поэтапно разыгрывается спектакль с «непризнанием итогов голосования». Это – новая выборная технология, при которой внутренний вопрос народного волеизъявления превращается в вопрос *внешнего* признания результатов выборов, во «всемирное» голосование за то, кому быть президентом Украины, Сербии, Грузии. Мировой «центр силы», на который ориентированы и революционеры, и власть, заранее объявляет о том, какой результат будет признан законным.

Как пишет Р.Шайхутдинов, достигается это так: “Действующая власть объявляется *участником* выборов (а не их организатором) через одного из кандидатов (“административный ресурс”). Предполагается, что этот ресурс она просто не может не использовать... Отсюда проистекают многочисленные следствия, самое важное из которых то, что выборы и вообще действия властей всегда трактуются как неправовые, и таким образом не доказанный факт нарушений превращается в очевидный. Не случайно все требования к властям концентрируются вокруг того, чтобы они либо “вернулись в правовое поле”, либо не выходили бы из него. При этом действия оппозиции могут быть какими угодно!”

Таким образом, итоги выборов и институты, их удостоверяющие, перестали считаться чем-то уважаемым. Итоги становятся предметом закулисного политического торга или результатом противодействия двух групп «агентов влияния». Таким образом, граждан практически лишают права выбора, но этот факт пока еще скрывают декорациями демократических процедур. Если же возникает непредвиденное противодействие (например, со стороны крупных социальных групп, как это и произошло на Украине), то непризнание итогов голосования представляют как борьбу с “государственным переворотом”, осуществленным “бандой Кучмы-Януковича, Милошевича, Шеварднадзе...”.

Для этого и требуется поддержка мощных «агентов влияния», и их привлекают из-за рубежа, прежде всего, со стороны тех сил, которые и уполномочены легитимировать смену власти. Р.Шайхутдинов пишет: “Не просто широко, а в массовом масштабе используются международные миссии, наблюдатели и общественные организации, имеющие возможность интерпретировать события в нужном для оппозиции ключе, а также участвовать в альтернативных подсчетах голосов и формировании общественного мнения. Одна из важнейших функций этой массовости – физическое заполнение каналов коммуникации и СМИ, такое, чтоб другие интерпретации не пробивались к слушателям и читателям... Используются ведущие мировые информагентства для формирования нужной оппозиции трактовки происходящего и для выражения – причем заранее, до объявления любых результатов – уверенного сомнения в демократичности и честности процедуры”.

Если страна является достаточно крупной и сильной, то приговор международных миссий дополняют ритуальным подтверждением национальных органов – парламента, Верховного суда

и пр., что, в принципе, является нарушением выборного законодательства. На основе опыта Украины Р.Шайхутдинов делает сильный вывод: “Парламент и депутаты используются оппозицией для вмешательства в выборный процесс. Во-первых, неприкосновенность депутатов позволяет им служить живым щитом для различных действий, граничащих с силовыми (на Украине оппозиционные депутаты 23 октября ворвались в здание ЦИК Украины, что привело к непринятию решения ЦИК об открытии 400 избирательных участков в России)... Нет законного способа обуздания депутатов, когда они начинают “хулиганить”, как нет способа ограничить парламент, применяемый для захвата власти оппозицией”.

Все перечисленные этапы являются необходимыми структурными элементами технологии «оранжевых» революций, проводимых в момент выборов. Опыт показывает, что дело не обходится и без использования «силовых приемов», иногда и выходящих из-под контроля вождей революции. Интенсивность применения силы варьирует в широких пределах и, теоретически, может быть сведена почти к нулю. Классическая чистая модель «оранжевой» революции действительно в пределе является ненасильственной.

Глава 13. Уроки «оранжевой революции» на Украине: слабость государства

Подведены первые итоги анализа «оранжевой» революции на Украине. Этот анализ приводит к фундаментальным выводам (хотя на ряд частных вопросов ответа пока нет).

Прежде всего, речь идет именно о *революции* – краткосрочной массовой мобилизации большей части населения ради достижения конкретной цели фундаментального характера. Принципиальной ошибкой, свойственной российским (да и многим украинским) политикам и политологам, является представление украинских событий как столкновения различных олигархических кланов или региональных элит, как конфликта интересов конкурирующих группировок криминального капитала – в целом, как *переворота*, но никак не революции.

А. Чадаев пишет: «Была ли украинская революция настоящей? Многих обманывает балаган. И напрасно: сегодня иначе нельзя – это стиль эпохи. Таков один из канонів „общества спектакля“: зритель до самого конца не должен понимать – с ним что, шутят или всё всерьез?»¹⁵⁶

Доводом для трактовки смены власти на Украине как переворота служит тот факт, что существовавшая в постсоветских республиках властная верхушка (Шеварднадзе, Кучма, Акаев) была уже настолько зависима от ее отношений с Западом, что с точки зрения конкретных интересов США не было никакого смысла производить замену одной команды на другую, тем более с помощью таких дорогостоящих операций, как революции. Ни Шеварднадзе, ни Кучма ни в чем бы и так не отказали американской администрации (РФ, в силу наличия у нее ядерного оружия, является особым случаем).

Этот на первый взгляд убедительный довод несостоятелен. Новизна этих событий, которые заставляют видеть в них революцию, заключается не только в использовании новых технологий политического действия, но и в характере ее целей и в движущих силах. Р.Шайхутдинов так определяет это событие: «Выборы в Украине, и сопутствующая им политическая и гуманитарно-технологическая операция, названная „Оранжевой революцией“ – наглядный пример использования технологий, которыми владеет глобализованная часть человечества – Европа и США – при расширении границ формируемой ими империи»¹⁵⁷.

Таким образом, в организационном и технологическом плане смена власти на Украине – революция *эпохи глобализации*, а ее цель – формирование *глобальной империи*.

Смысл «оранжевой революции» в контексте построения Нового мирового порядка

При проведении оранжевых революций, речь идет не о конкретных частных целях администрации США, а о том, что в нынешнем состоянии постсоветские республики не вписываются в новый имперский мировой порядок из-за того, что обладают пусть и ущербной,

но собственной легитимностью, кусок которой они получили путем дележа легитимности Советского Союза при его расчленении. Они – именно *постсоветские*, продукт советской системы, они символически еще в ней – одни надеются ее вернуть «в обновленном виде», другие проклинают.

Власть на этих территориях тоже постсоветская. На Украине Первого секретаря КПУ Щербицкого сменил секретарь КПУ по идеологии Кравчук, который и стал президентом. Его сменил Кучма, продолжив процесс постепенной модификации советской власти в постсоветскую. Точно так же, Ельцин не «спущен» нам из США, мы вырастили его в своем коллективе. Он передал свое кресло В.В.Путину, и В.В.Путин принял народ РФ. Как бы Кучма или В.В.Путин ни старались угодить США, они «наши», их приняло по своей воле либо большинство населения, либо большинство существовавшего до того госаппарата (при непротивлении населения). И народы «наши». И украинцы, и киргизы, и таджики – пока что все они представляют собой части разделенного советского народа, и эта принадлежность ощущается ими как нечто наднациональное.

Новый мировой порядок предполагает, что на территориях СССР, не принятых в «Запад», должна быть установлена власть, получившая легитимность из рук Запада – именно Запад должен стать действительным сувереном над этими территориями. Тогда и постсоветские народы получают от Запада статус «наций».

М.Ремизов пишет: «Бархатная революция» – это неокOLONиальная революция, вшивающая в саму структуру революционного субъекта и, следовательно, государствообразующего субъекта, ген зависимости. Оранжевая толпа стала «украинским народом» (т.е. субъектом революции) по мановению мировых СМИ и по мандату мирового гегемона. Отныне «украинская нация» (т.е. субъект государства) является таковой только относительно имперского центра и внутри имперского поля. Это значит, в частности, что «бархатные революции» следует рассматривать не в логике отстаивания интересов США, а в логике сложного процесса производства легитимности мирового имперского порядка».

С этой точки зрения понятно, насколько близоруким является взгляд на «оранжевую» революцию как частную операцию, исходящую из прямого и частного политического интереса. Вот типичные аргументы в пользу этого подхода. И. Герасимов пишет о тех, кто прогнозирует повторение подобной операции в РФ: «И те, и другие исходят из постулата, будто бы «оранжевую революцию» в России непременно поможет осуществить Запад. Эта «истина» является как бы само собой разумеющейся и не подлежащей обсуждению – только одни выступают за необходимость повторения украинских событий в России, а другие против. Но так ли очевидно стремление Запада, и прежде всего США, к поддержке процедуры свержения режима Путина под общедемократическими лозунгами? Не получится ли так, что, оказавшись в плену стереотипов, мы перенесем особенности Украины на совершенно непохожую российскую почву? Режим Путина крайне выгоден мировой элите: именно Путин активизировал ликвидацию остатков советской системы в социальной сфере, именно Путин дал согласие на размещение войск США на территории СНГ. Фактически Россия при Путине безвозмездно отдает свои природные богатства США, вкладывая выручку от продажи нефти в американские ценные бумаги, которые могут в одночасье потерять свою ликвидность»¹⁵⁸.

На самом деле, как поясняет Ремизов, в контексте строительства нового мироустройства для Запада совершенно неважно, кто более эффективно радеет о его интересах – Шеварднадзе или Саакашвили, Кучма или Ющенко: «С точки зрения геополитики влияния и вообще политики интересов, режимы Кучмы и Шеварнадзе для Соединенных Штатов практически ничем не хуже и не лучше новых „революционных“ режимов. От постсоветской бюрократии США могли получить все, что хотели. Но суть империи в том, чтобы разрешать кризисы легитимности, подтверждая свое качество гаранта миропорядка, „метасуверена“. В зонах вакуума легитимности империя не строится на „прагматической“ логике рассуждений о том, кто наш, а кто не наш „сукин сын“. А мы, повторяю, все еще в зоне вакуума – „в условиях, сложившихся после распада огромного великого государства“, как и сказал президент».

На то, что результатом «оранжевой революции» должно стать возникновение власти с совершенно новым источником легитимности и даже возникновение «нового народа», настойчиво обращают внимание западные СМИ, что говорит о наличии продуманной

политико-философской доктрины. В множестве сообщений о событиях на Украине прямо писалось, что украинцы стали *«политической нацией»* и перестали быть *«постсоветским народом»*. Можно предположить, что именно ощущение такого поворота, угроза утраты символической связи с тысячелетней страной привели к такому моментальному расколу населения Украины на две части.

Р.Шайхутдинов говорит об этом разрыве прежней (тоже прозападной!) власти Украины с теми, кто надел «оранжевые» шарфы: «Для нового народа у оппозиции существует внестрановая легитимизация: США, например, заранее объявляют, что выборы нелегитимны, и признают они только победу оппозиционного кандидата. Так другой народ приобретает легитимность извне».

Разумеется, что «революция как спектакль», приводящая к свержению власти толпой, подпавшей под интенсивное воздействие эффективных культурных средств, представляет собой лишь первый этап глубокого преобразования всей государственности, хотя и этап исключительно важный. Поэтому вовсе нет гарантии, что созданный с помощью технологических манипуляций «народ-гомункул» обретет собственную жизнь, которая будет продолжаться и после завершения «оранжевой революции». Для этого требуется изменение многих социальных, экономических и культурных условий, которые складываются *исторически* в ходе «молекулярной» деятельности населения и данной территории, и сопредельных стран, и Запада¹⁵⁹.

М.Ремизов пишет о технологии интеграции постсоветских стран в Новый мировой порядок: «Исходя из этого и следует, на мой взгляд, прочитывать исторический смысл „бархатных революций“. Режимы, выходящие из их горнила, по структуре своей легитимности уже не являются „постсоветскими“: их утверждение связано со сломом инерции и выходом на сцену мобилизованного массового субъекта. Или выкатыванием на сцену его муляжа.

В случае политического успеха массовой мобилизации, независимо от того, насколько она «постановочна», конструкт становится реальностью, и «революция» может быть признана состоявшейся. Это вполне относится и к украинскому сценарию смены власти: революция имела место, обозначено определенное событие в области легитимности. Вопрос, однако, в том, какова природа новой легитимности. Было бы большой ошибкой отвечать на этот вопрос по шаблону классического, современного понимания революции – и поспешно говорить, например, о появлении «гражданской нации» как субъекта украинского государства».

Действительно, пока нет оснований считать, что «оранжевые» станут «субъектом украинского государства». Майдан подмели, студенты разошлись по аудиториям, селяне западных областей вернулись к своему разбитому корыту. Но и утверждение, что в случае политического успеха «оранжевого» спектакля «конструкт становится реальностью» (даже если это муляж), требует проверки временем. Очень может быть, что ощущение всемогущества новых политических технологий есть лишь психологический эффект от успеха ряда однотипных «блиц-революций» – ведь столь же непобедимой казалась армия фашистской Германии в ее блиц-войне в Европе и летом 1941 г. в СССР.

Урок Украины: беззащитность постсоветского государства перед «оранжевыми» политическими технологиями

Здесь мы подходим к самому актуальному для нас практическому вопросу. Р.Шайхутдинов фиксирует то, что давно уже стало очевидным, но что не осмеливаются открыто признать российские политики: «Схемы, по которым действовала и действует оппозиция в Сербии, Грузии, а теперь на Украине, настолько близки, что можно уверенно сказать: мы имеем дело с новым, осознанно применяемым механизмом реализации внешней политики США и Европы; с новым механизмом захвата власти в посткоммунистических странах».

«Оранжевая революция» на Украине обнаружила крайнюю уязвимость традиционного для XX века «цивилизованного» национального государства против действий, инспирируемых и поддерживаемых из метрополии сил глобализации (Запада). Государства советского и

постсоветского типа, идущие на сближение («конвергенцию») с Западом, структурно и функционально *беззащитны* против таких революций. За длительный срок (3-4 года), прошедший после предыдущей совершенно аналогичной революции в Сербии, они не могли понять ее уроки и мобилизовать собственные ресурсы для предотвращения назревающей революции у себя дома. Даже после того, как стереотипная революция произошла в Грузии, сторонники Януковича были уверены, что ничего подобного на Украине произойти не может (потому что «Украина – не Грузия»).

Р.Шайхутдинов пишет: «Эти проявления иного типа власти просто невидимы, как для политтехнологов, так и для представителей правительства. США и Европа достигают своей цели по присоединению к новому имперскому порядку всё новых областей и стран непостижимым для российских (украинских, сербских...) властей способом. Они понимают и вычисляют наши действия, а мы их вычислить – не можем».

Опыт 2004-2005 гг. показал, что структура и культура общества Украины (как части бывшего СССР) за 20 лет перестройки и реформы изменились настолько, что критическую массу граждан можно организовать и активировать для революции («убийства государства»), направленной на «виртуальную» цель.

Иными словами, стало возможно на короткий срок создавать высокоорганизованную политическую силу, готовую свергнуть *государственную власть* – без какой-либо осознанной социальной цели, без большого проекта и без связной идеологии. Даже без ясного образа иной государственности, приходящей на смену «убиваемой».

А. Бузгалин, наблюдавший события на Майдане, пишет: «Разные люди, разные мнения. У большинства никаких четких политических и социально-экономических позиций. Большинство хочет одновременно и честный частный бизнес, и определенные социальные гарантии. Четко сформулировать свои взгляды на то, каким хотели бы видеть будущее Украины, как правило, не могут, но совершенно четко и однозначно хотят честной и подконтрольной народу власти. При этом в большинстве верят в Ющенко. Некоторые понимают, что за Ющенко тоже стоят олигархи („А как же без них?“ – довольно типичное мнение), но считают это не главным. И практически все равнодушно к тому, что происходит на их Родине»¹⁶⁰.

Постсоветские политики Украины, чье мышление сформировано историческим материализмом, не ожидали никакой революции, потому что «не было революционной ситуации» – не созрели субъективные предпосылки для классовой борьбы. Они не понимали смысла *символических* действий, которые подрывали их власть и авторитет.

Р.Шайхутдинов пишет: «Что делал Лех Валенса в Киеве? Вёл переговоры с Кучмой, Януковичем и Ющенко. Но кто такой был Ющенко? Формально – никто... Власть не отказалась встречаться с Квасневским после его встречи с Ющенко. Тем самым Украина признала авторитет ЕС, а Кучма и Янукович – существование Ющенко... Власть *не понимала механизмов порождения легитимности* [выделено нами – Авт.]. А они таковы: если десять международных деятелей едут и проводят переговоры с Ющенко, то он становится фигурой, равноправной всем остальным, имеющей статус «третьей силы». А власть, давая внешним деятелям встречаться с Ющенко, признаёт факт спорности выборов и наличия у оппозиции оснований для притязаний и т.п. Так власть фактически отказывает самой себе во власти»¹⁶¹.

Помимо присущего истмату механицизма, над сознанием политиков и политологов довлела инерция «демократического мышления», ложная программа которого была внедрена в их головы во время перестройки. Скорее даже, этот вирус поразил их подсознание – ведь не могли же умные люди сознательно и всерьез верить в то, что орудующие на Украине агенты ЦРУ и Сороса больше всего заботятся о честных демократических выборах.

Э.Михневский пишет об этой удивительной глупости: «Глеб Павловский – человек, долго изучавший революции и возможности их сокрушения – недоволен собой. Он считает, что, чрезмерно сфокусировав внимание на процессе украинских выборов, слишком поздно оценил реальный потенциал тамошней ситуации. В ту же ловушку попали и другие российские политтехнологи, искавшие себе применения на тех выборах – и Марат Гельман, и Сергей Доренко, и всё тот же Стас Белковский. „Сколько их, куда их гонят?“ – скорбно интересуется руководитель Фонда эффективной политики. Короче: проглядели конкурирующий проект.

В нескольких интервью (в частности – «Независимой газете» и журналу «Эксперт»), говоря о победе «оранжевых» и перспективах потрясений в России, г-н Павловский на разные лады повторяет следующее: тем, кто хочет, чтобы развитие обеспечивалось политической стабильностью, важно понять: ошибка – думать, что оппозиционные круги готовятся к выборам. Революционеры осуществляют другой проект – проект взятия власти, приуроченный к выборам»¹⁶².

Результатом поражения сознания во время перестройки стал и нелепый *легализм* мышления политиков и политологов. Нелепым он является потому, что сами они, легко нарушая нормы права, в то же время наивно верят, что политическая клика, руководимая Западом, будет действовать в правовом поле. А значит и сами они не имеют права огорчить западных надзирателей и нарушить букву закона.

Р.Шайхутдинов констатирует с удивлением: «Характерными являются слова Кучмы на пресс-конференции вечером 24 ноября: власть не принимает участия в работе избиркомов, на Украине действует самый демократический избирательный закон. Это означает, что власть не видит необходимости покинуть правовое поле, несмотря на то, что её противники действуют всё более беспардонно. А в это время Ющенко приносит присягу, создаётся Комитет национального спасения, объявлена политическая забастовка, планируется перекрывать дороги и нарушать работу госучреждений. Что как не изначальное, навязанное бессилие руководит бездействием власти? Руки связаны у государства, но развязаны у оппозиции.

Заметим: каждое из действий оппозиции, которые были описаны вначале, законно. Только все вместе они образуют неправовую конструкцию, с которой государственные службы пытаются справиться в рамках права, фиксируя лишь отдельные её проявления. Ведь правовым образом практически невозможно доказать взаимосвязь отдельных проявлений идущей «спецоперации», поскольку тот, кто удерживает схему целиком, находится за пределами страны».

Поправляя Р. Шайхутдинова, заметим, что и самопровозглашение Ющенко Президентом, и декреты «Комитета национального спасения», и перекрытие подходов к госучреждениям, и самовольный обыск автомобилей, показавшихся манифестантам «подозрительными», – каждое из этих действий «оранжевых» очевидно нарушали закон. Силовое пресечение этих действий было бы вполне законным, более того, закон *требует* от правоохранительных органов пресечения подобных беспорядков. Проблема в том, что закон не сформулировал однозначно, какие именно меры власть должна предпринять в подобном случае и какое наказание должностных лиц влечет непринятие этих мер. Получив формальный повод выбирать между активным противодействием беззаконию и выжиданием, должностные лица предпочли более безопасный для себя вариант. Выражение «оставаться в правовом поле» стало во время оранжевой революции эвфемизмом, обозначающим непринятие властью силовых мер против манифестантов, если только они не начнут прямой штурм административных зданий с использованием огнестрельного оружия.

Культурные причины уязвимости европейских («христианских») постсоветских государств

Главным фактором консолидации общества и легитимизации его государства является *мировоззрение* (картина мира) и неосознаваемое людьми *мироощущение*. На их основе складывается представление о *благой жизни* («образ истинности») – система координат, позволяющая человеку различать *добро* и *зло*. Когда эта духовная основа переживает кризис, культурное ядро общества разрыхляется или даже разваливается, и в любой ситуации выбора люди чувствуют себя неуверенно, они затрудняются в различении добра и зла. Общество становится беззащитным против манипуляции сознанием.

В таком положении победителем в политическом столкновении становится тот, кто владеет лучшими средствами манипуляции (техническими, технологическими и интеллектуальными). Известно, что манипуляция опирается на реально имеющиеся в обществе противоречия и стереотипы. Но ее цель заключается в том, чтобы посредством духовного

воздействия на граждан нужным образом *изменить* представления людей о реальности и об их собственных интересах – гипертрофировать одни элементы, приглушить другие, нарушить способность «взвешивать» явления и угрозы, отключить память и навыки рефлексии. Образ человека, которого надо «создать» посредством манипуляции, вырабатывается технологами для каждой конкретной программы, а затем в «лаборатории» подбираются технические и идеологические средства для превращения людей-мишеней в существа, соответствующие шаблону.

Как показал опыт, в таких революциях при наличии даже весьма слабых предпосылок (которых было бы совершенно недостаточно для революции по Ленину или Грамши) манипуляторы могут быстро сплотить большую массу людей очень сильной солидарностью. На ее основе удается на короткий срок организовать толпу иной природы, чем описанная Лебоном, – толпу целеустремленную, сложно структурированную, обладающую коллективным разумом и ответственностью. Ее отличие от классических революционных масс в том, что и цели, и разум, и структура, и действия этой «оранжевой» толпы задаются извне, манипуляторами.

Все эти атрибуты революционной массы имеют встроенный механизм саморазрушения, так что после выполнения поставленной задачи у массы не остается ни целей, ни организации – в ходе революции не возникает политической воли и проекта (в отличие, например, от русской революции 1905-1907 гг.). Анализируя опыт Украины, А. Головков пишет: «При должной постановке дела ограбленные массы идут за своим ограбителем против других ограбителей, ничуть не более виновных в бедствиях народа. Масс-психологические особенности организованной толпы позволяют ситуативно объединять усилия самых разномастных деятелей, неустребованных официальной политической средой. Так произошло в Грузии, где под карточными крестовыми знаменами Саакашвили соединились правые и левые, демократы и „авторитеты“. Соединились, чтобы разойтись сразу же после „пира победителей“. Так происходит и на Украине, где в нынешней тусовке Ющенко сошлись элементы, идейно несовместимые в обычных условиях: рафинированные киевские интеллигенты и шпана из винницких и уманских подворотен, идейные последователи украинского „Яблука“ и откровенные нацисты из УНА-УНСО, политические выдвиженцы киевских олигархов и как бы левые социалисты из партии Мороза. По российским меркам, это как будто смесь из явлинцев и баркашовцев с жириновцами в одном флаконе»¹⁶³.

«Оранжевые» революции не порождают революционной элиты, которая могла бы выработать свой проект и развивать революцию вопреки целям манипуляторов. «Оранжевые» революции *безопасны* для их организаторов, из бутылки выпускают джинна-однодневку. Более того, после завершения такой революции и роспуска толпы власть может отобрать по своему усмотрению и интегрировать в систему ценные кадры активистов революции – *россыпью*, на индивидуальной основе, без всякой опасности для системы¹⁶⁴.

Политические технологи Запада вынесли эти уроки уже из событий 1968 г. во Франции – стихийно вспыхнувшей революции этого нового типа. Советские и постсоветские обществоведы и политики этих уроков не вынесли и не поняли. Ни элита, ни власть советского общества не освоили уроков Красного мая, поскольку они были еще полностью погружены в рациональность Просвещения, находящуюся в СССР в сложном взаимодействии с рациональностью традиционного общества. Столкновение с рациональностью (или иррациональностью) постмодерна казалось тогда неактуальным. Эта культурная ситуация не изменилась в постсоветских европейских республиках до сих пор.

Р.Шайхутдинов пишет: «Этот новый народ (народ новой власти) ориентирован на иной тип ценностей и стиль жизни. Он наделён образом будущего, который действующей власти отнюдь не присущ. Но действующая власть не видит, что она имеет дело уже с другим – не признающим её – народом!..

Мы стали свидетелями и участниками столкновения двух принципиально разных способов строительства и оформления власти – и при этом продемонстрировали себе и миру полное бессилие, проиграв в ситуации украинских выборов по всем статьям. Тот способ власти, то её понимание, которое реализуется сегодня в России, а до недавнего времени реализовалось на территории Украины, Грузии, Аджарии, а ранее Сербии, оказался неспособен противостоять

иному – современному и эффективному»¹⁶⁵.

Красноречива растерянность избирательного штаба и политтехнологов Януковича на Украине. Они не понимали, что происходит – настолько, что даже попытались имитировать приемы своих оппонентов (тоже надели цветные шарфы), что было признаком полной беспомощности. Речь действительно идет об искусственно созданной на сравнительно короткое время *культурной катастрофе*. В нее была втянута почти половина политически активного населения, имевшая для этого некоторые объективные предпосылки в сфере рациональных интересов. Но столь глубокое расхождение со второй половиной было достигнуто средствами воздействия на духовную сферу. И друг друга обе половины понять не могли – люди из обеих частей общества казались друг другу помешанными или злонамеренными.

Пресса писала, что в те короткие два месяца стало модным красить волосы и бороды в оранжевый цвет – из магазинов даже исчезла хна. В лавках на видных местах висят оранжевые женские трусики и такого же цвета презервативы. По официальным данным, с начала «оранжевой» революции на Украине подано около 40 тыс. заявлений о разводе по политическим разногласиям. И причина только одна: жена – «бело-голубая», а муж – «оранжевый». В одном из киевских загсов мужчина рассказывал, едва не плача: «Тридцать лет прожили! А недавно жена словно с ума сошла – проголосовала за Януковича. Не могу я в одной постели с врагом спать!»

«Оранжевые» на Украине говорили на новом, непривычном для людей «прежней эпохи» языке. Этот язык был необычным и привлекательным для половины населения, идиотским и бессодержательным – для другой половины. Коммунисты Украины, которые пытались разглядеть в этом столкновении классовые интересы, не смогли определить свою позицию в непривычных понятиях – и просто вышли из боя, представив дело как «схватку двух олигархических кланов». Неадекватность рациональности КПУ выявилась с полной очевидностью: при глубоком общенародном конфликте коммунистическая партия даже не нашла слов для определения его природы. Мало того, в критический день 27 ноября фракция КПУ в парламенте подлила воду на мельницу «оранжевых»: в условиях, когда ситуация организованного из-за рубежа переворота была очевидной, лидер партии Симоненко вдруг заговорил о массовых фальсификациях в обоих турах голосования, а фракция проголосовала за постановление, выгодное «оранжевым».

Слова, которые Ющенко бросал в толпу, не имели жесткого конкретного содержания. Их функция была – сплотить людей в толпу общей идентификацией («мы – не быдло»), наэлектризовать привлекательным магическим словом *свобода*. В столкновении с запрограммированным сознанием этой толпы проиграла типичная русско-советская рациональность – и элиты, и массы шахтеров и рабочих. И Янукович, и его избиратели говорили о тех ценностях, которые были для них очевидными и самыми важными и, как им казалось, должны были быть самыми важными для всех. Эти ценности – восстановление украинского хозяйства, рост производства угля и стали, повышение пенсий и зарплаты, политическая стабильность и порядок.

Та «постсоветская» часть населения Украины, которая не присоединилась к революции, была парализована непривычным типом поведения своих оппонентов. Это было «поведение постмодерна», лишенное и закона, и «понятий». Дело не в разной степени аморальности, а в несоизмеримости стилей двух сообществ, принадлежащих к двум разным культурным эпохам (неважно, что эта «принадлежность к постмодерну» у толпы на Майдане была краткосрочной, наведенной режиссерами спектакля).

Что могли ответить постсоветские люди на непрерывно повторяемый «оранжевыми» лозунг: «Все нормальные люди с нами, всё быдло уркаганное – с ними»? Они просто остолбенели. Огульное поливание грязью Януковича и его сторонников, обвинение их во всех грехах тоже вызвали замешательство. Янукович – сепаратист, хочет отделиться (хотя именно «оранжевые» первыми отказались повиноваться властям, приведя страну к расколу)! 96% голосов за Януковича в Донецке – подтасовка (а 93% во Львове за Ющенко – выбор народа), Люди Януковича насильно гонят студентов на митинги, нанимают спецпоезда для перевозки пьяных шахтеров из Донецка в Киев (хотя все знали, что на западе Украины на митинги насильно гонят всех, вплоть до младших школьников, и все в Киеве видели, что улицы и

переулки рядом с площадью Независимости забиты автобусами с западноукраинскими номерами). Спорить было глупо – пространства для диалога не существовало. Господствовал *постмодернистский спектакль*, и зрителям слова в нем не давалось.

Беззащитно оказалось постсоветское сознание и против манипуляции – причем с использованием методов, которые уже применялись во время перестройки. Не вызвали они иммунитета в сознании, катастрофа 90-х годов оказалась недостаточна, чтобы произвести катарсис, заставить людей «починить» сознание. Выше уже говорилось, что на Украине был применен тот же миф, что и в РСФСР при избрании Ельцина – *«оппозиция против номенклатуры»*.

Вообще, антигосударственный синдром перестройки оказался на удивление живучим – у очень большой части населения Украины вызывала ненависть сама власть, те хозяйственные структуры и даже трудящиеся, которые эту власть поддерживали. Вот что писал в редакционной статье журнал, целиком посвященный «оранжевой» революции: «Удивительны свойства постсоветского образованного класса – нетерпение и пугливость. Едва только развернется хоть вполсилы государственная конструкция, как вступает хор: авторитаризм наступает! Геть! Долой! Довольно! Едва консолидируется массовое политическое представительство неких значимых экономических интересов, как звучат испуганные охи: коли дадим им победить, так всё, конец, эти – ни с кем не делятся, они всех слопают! Разве не так твердили украинцам „оранжевые“ агитаторы о „донецких“, развернув неслыханную по беспардонности антивосточную кампанию»¹⁶⁶.

Опыт Украины показал, что постсоветская власть почти полностью утратила инструменты рационализации конфликта, то есть возможность обратиться к обществу с изложением сути выбора, который надо сделать населению, наблюдающему за столкновением власти и оппозиции. Методы рационализации, то есть представления противоречий в разумных терминах с применением разумной меры, вырабатываются соответственно типу и культуре данного общества. В культуре с православными или мусульманскими корнями власть ведет с обществом разумный и реалистичный разговор на ином языке, нежели в культуре «свободных индивидов». Переход к языку, не соответствующему типу общества, ведет к пресечению диалога и взаимопонимания. Происходит отчуждение населения от власти, растет недоверие к ней. С другой стороны, и власть (шире – весь правящий слой) перестает понимать процессы, происходящие в массовом сознании. Одной из главных причин резкого ослабления власти в СССР и стало то состояние, которое Ю.В.Андропов определил так: «Мы не знаем общества, в котором живем».

В СССР расхождение между языком власти и языком населения увеличивалось начиная с середины 50-х годов. К 80-м годам образовался разрыв, накопившиеся социальные противоречия, которые вовсе не были антагонистическими, не находя выхода, превратились в призраки, которые бродили по Союзу. Горбачев эксплуатировал эти призраки и привел к катастрофе советской государственности, оставшись в коллективной памяти как изменник Родины.

Представителем власти, потерявшей общий язык с обществом, на Украине оказался В.Янукович. Он, будучи премьер-министром правительства Кучмы, утратил возможность говорить на близком обществу языке земных понятий, а вынужден был, защищаясь от нападков Ющенко, обращаться к категориям «прав человека» и «демократической законности», которые давно утратили всякий смысл и авторитет, да и попросту надоели людям. Он не имел возможности и навыков для того, чтобы изложить людям суть исторического выбора, представленного двумя кандидатами, личные достоинства и недостатки которых *несущественны* по сравнению со значением этого выбора. В.Янукович проиграл, имея разумные основания для победы.

«Постсоветская» часть украинского общества, на которую и опирался Янукович, ждала от него разумного реалистичного *проекта*. Но он, в принципе имея возможность ответить на этот запрос, вел себя как «западный» политик, пытаясь переиграть Ющенко на его поле и вторя оппоненту о «европейском выборе» Украины. Ю.Громыко пишет: «Янукович не заявил проекта национального масштаба, в котором каждому украинцу есть место. Выступив прорусским политиком, он опёрся на... “пустоту” В.В.Путина, который тоже не выступил с проектом

цивилизационного масштаба, определяя роль и функции Украины в этом проекте... Но никакого содержательного проекта у Януковича в процессе избирательной кампании не оказалось. В этих условиях Янукович был обречён».

В. Осипов пишет о состоянии избирателей на востоке Украины: «Там люди в большинстве своём поддерживали Януковича, но без энтузиазма, так, спокойненько. Ходили и голосовали. В обычной ситуации этого оказалось бы достаточно. Но в революционной – нет... Таксист из Энергодара рассказал, что у них в городе почти все были за Януковича. А хозяин автопарка – за Ющенко. И вот, угрожая шофёрам увольнением, он потребовал, чтобы они надели на машины оранжевые ленточки. Они надели. Работать стало невозможно – никто не хотел ехать. Как-то ночью наш герой подъехал к ресторану, откуда вышли три здоровенных мужика в сине-белых шарфах, заставили бесплатно возить их по городу, а потом чуть не разнесли машину. И всё за оранжевые ленточки. Он – к шефу: пиши бумагу, что если машину разобьют, то мне ничего не будет. Шеф – в отказ. Тогда ребята ленточки сняли. Вот такой накал страстей».

Беззащитным оказалось и сознание значительной части населения Украины и против другого мощного средства манипуляции – активизации и раскручивания *национализма* (в данном случае антироссийского). Этот фактор требуется рассмотреть особо.

Объективные предпосылки слабости постсоветского государства

В первых главах мы говорили о тех причинах слабости государства при воздействии на него технологии «оранжевых» революций, которые коренятся в сфере сознания и культуры. Однако все революции, какими бы «оранжевыми» они ни были, используют для замены власти *реальные социальные противоречия*. В гл. 1 уже говорилось о том, что опыт XX века заставил отказаться от свойственного историческому материализму представления о том, что революция, которая опирается на реальное социальное противоречие, неизбежно носит прогрессивный характер, то есть направлена на такое разрешение этого противоречия, которое открывает путь для прогрессивного развития общества. «Оранжевые» революции организуются так, чтобы *использовать* накопившееся недовольство масс и едва народившуюся революционную энергию для достижения политических целей, никак не связанных с разрешением социальных противоречий в интересах этих самых масс.

А.Бузгалин, развивая афоризм Ленина («Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти»), дает трактовку «оранжевой» революции как эпизода классовой борьбы. Трактовка, на наш взгляд, совершенно неадекватная, но расхождение целей «массовки» и режиссеров отражено верно: «Наиболее активными, энтузиастичными и постоянно работающими на победу Майдана стали “рядовая” интеллигенция, молодежь (прежде всего студенчество) и рабочие. На их плечах, на их поте и энергии приходят к власти буржуа и “оппозиционные” олигархи Украины, потеснив (но не победив до конца) старую олигархо-бюрократическую власть»¹⁶⁷.

Конкретно «оранжевые» революции в Югославии, Грузии и на Украине были эффективным «перехватом» энергии массового недовольства и применением его как тарана для смены типа государственности этих стран в интересах строительства Нового мирового порядка. А. Головков пишет: «Технология построения хорошо организованной толпы – ключевой элемент всей соросовской революционной механики. Толпа – механизм одноразового использования, поэтому требует больших, но одноразовых затрат. Большинству из „протестующих против антинародного режима“ не надо даже платить – они делают это вполне добровольно. Им необходимо прежде всего выплеснуть свой гнев против окружающей скверной действительности. И они получают такую возможность. Недовольные жизнью граждане составляют весьма значительную часть населения любой страны. Поэтому „армию протеста“ всегда можно наберечь, если имеются необходимые на то деньги»¹⁶⁸.

При этом устанавливалась новая власть, лишённая остатков государственного суверенитета и превращающая эти «бывшие» страны в периферийное пространство нового порядка. Разрешение или простое подавление прежних противоречий, использованных в такой революции, в дальнейшем будет происходить по планам и исходя из критериев той

метрополии, которая и была заказчиком и теневым руководителем переворота. В каких-то случаях это может соответствовать желаниям и надеждам «революционных масс», а в каких-то будет противоречить, но это уже не будет играть существенной роли в ходе дальнейших событий¹⁶⁹.

Здесь мы фиксируем этот первый урок «оранжевой» революции на Украине: если в стране накопились реальные социальные противоречия, не находящие разрешения при данной конфигурации власти, в этой стране *может быть* проведена революция этого типа. Будет или не будет предпринята эта попытка, решается уже вне страны.

Этот вывод настолько надежен, что ряд политологов считает его главным уроком для РФ, который нам преподали события на Украине. Е.Холмогоров пишет: «Мы должны прекратить реформаторское издевательство над страной, подрывающее основы ее цивилизации и социальной жизни. И мы должны при этом не дать повторить над Россией операцию, которая успешно уже была проведена над Грузией и Украиной – когда реальное недовольство народа уровнем жизни и реальная утрата властью социальной базы были использованы для фактического сворачивания независимого существования этих стран, для превращения их в политические марионетки»¹⁷⁰.

В другом месте он подчеркивает, что именно на этот фактор следует прежде всего обращать главное внимание, а не технологическую сторону дела: «Оранжевый» контекст напрочь заслоняет социальный смысл происходящего. И это очень зря, поскольку и в Грузии, и на Украине для запуска революционного маховика были использованы реальные социальные проблемы и линии напряжения»¹⁷¹.

Таким образом, *объективные предпосылки* для недовольства населения являются важным фактором слабости власти при угрозе «оранжевой» революции. Эти предпосылки превращаются в открытое недовольство, если в данной политической системе они не находят адекватного механизма их выражения через общественный диалог с властью.

В любом обществе и любом государстве имеют место неразрешенные общественные противоречия. Если политическая система способна *рационализировать* эти противоречия (открыто выложить их на стол переговоров), то их сложно превратить в объект манипуляции и превратить в *идолов* массового сознания. Они становятся предметом или конструктивного разрешения, или временного компромисса, или, в крайнем случае, подавления – с объяснением причин невозможности их разрешения или компромисса.

Если же говорить о технологической стороне, то «бархатные» и «оранжевые» революции показали эффективность современных методов *каналирования* массового недовольства, то есть внушения людям различных, в том числе взаимоисключающих представлений о способах разрешения противоречий. Благодаря этому и удается во время выборов так расколоть общество, что два кандидата с альтернативными программами получают почти одинаковые количества голосов.

Политическим и экономическим порядком, который установился во время президентства Кучмы, были недовольны жители всей Украины. Людей возмущало и беспрецедентное массовое обеднение населения вчера еще высокоразвитой страны, и бесстыдная коррупция власти. За последние три года наметились признаки возрождения промышленности, загрузки простаивающих производственных мощностей, рост занятости и доходов работников. На эти признаки население промышленных регионов (дающих, кстати, свыше 80% чистого ВВП Украины) ответило тем, что проголосовало за Януковича, в бытность которого премьер-министром эти признаки и проявились. Мотивация была ясной – поддержка восстановления хозяйства и экономического роста. Язык и логика его предвыборных выступлений соответствовали именно этой мотивации его избирателей. Для них возвращение к власти команды Ющенко означало повторение разрушительной политики 90-х годов.

Напротив, недовольному Кучмой населению запада Украины была внушена противоположная мотивация – ориентироваться не на восстановление своего народного хозяйства, а на интеграцию с богатыми западными соседями. Очень многие поддержали Ющенко исходя из утопической надежды, что «Украину еще могут принять в ЕС и НАТО, но Россию никогда». Этой части населения подсказали, что для благоприятного решения о скорейшем принятии Украины в «Запад» нужно всеми силами развивать в себе и

демонстрировать *особенное украинское* и подавлять все *общее русское*. Надо доказать Европе и США, что украинцы – не русские, что они навсегда порвали со своим предосудительным прошлым.

Отсюда и антирусский психоз, и гипертрофированный антисоветизм электората Ющенко. В ответ в резолюциях конференций и собраний избирателей в восточных областях Украины присутствовало такое красноречивое требование: «Требуем не вступать в ЕС и НАТО, а плодотворнее сотрудничать со странами СНГ и другими партнерами». В результате столь резких расхождений – идейный хаос и раскол украинского общества, в конце столкновения победа проамериканских сил. Острое недовольство властью резко сокращает возможности диалога и выяснения сути исторического выбора.

Свидетельством общего культурного кризиса явилось на Украине не только резкое размежевание граждан в их отношении к векторам альтернативных программ кандидатов, но и трудность в определении самой сути происходящих в стране столкновений. Эта трудность обнаружилась даже в среде близкой по своим идейно-политическим установкам интеллигенции.

А. Бузгалин пишет о дискуссии на круглом столе в Киеве, в которой он принял участие в январе 2005 г. На собрании присутствовало более пятидесяти человек – политологов и лидеров левых партий, молодых активистов «оранжевых». Аудитория разделилась на группы, предлагающие совершенно разные версии, объясняющие природу декабрьских событий. Одни считали, что эти события представляют собой «выступление граждан против бюрократически-криминальной власти, демократическую народную революцию – пусть не социально-экономическую, но политическую» (молодые активисты социалистической партии, постоянно работавшие и жившие на Майдане). Другие считали происходящее «переделом власти между олигархическими кланами, при котором оппозиционные олигархи использовали недовольство народа в своих целях, применив для этого современные политические технологии (профессора-политологи и активисты Коммунистической партии Украины). Таким образом, обе группы, кардинально расходясь в оценке целей и последствий „оранжевой“ революции, соглашались в том, что ее движущей силой было *недовольство народа*.

“Оранжевая” революция – соучастие власти

Вторая причина успеха “оранжевых” революций менее фундаментальна, чем наличие тяжелых и неразрешенных социальных проблем и вызванный этим разрыв власти с обществом. Причина эта – в тайном сговоре власти с революционерами. Она с большим трудом поддается сознательному воздействию со стороны той части общества, которая отвергает “оранжевую” революцию.

Как мы видели, все “бархатные” и “оранжевые” революции происходят по команде и под контролем внешних сил, по отношению к которым сама власть обладает ограниченным суверенитетом. Например, партийно-государственное руководство восточноевропейских стран социалистического лагеря подчинялось командам из Москвы. Оттуда им и было сообщено решение о сдаче власти “бархатным” революционерам (попытка Чаушеску послушаться этой команды стоила ему жизни). Окружение Милошевича в Сербии после интенсивных бомбардировок НАТО и, видимо, закулисных переговоров, решило прекратить сопротивление и подчинилось диктату Запада. Шеварднадзе и Кучма увязли в коррупции и потеряли самостоятельность по отношению к администрации США. Получив уведомление о том, что начинается спектакль по их “свержению”, они не имели ни сил, ни мотивов для того, чтобы бросить вызов США и попытаться оказать реальное сопротивление (на манер Сальвадора Альянде).

То, что правящая верхушка Украины способствовала победе “оранжевых”, мало у кого вызывает сомнение. Украинский коллега, далекий от политики, но наблюдавший события “оранжевой” революции с самого начала до конца, написал: “Почему власть, обладавшая несоизмеримым силовым превосходством перед митингующими, не разогнала их даже тогда, когда они начали осуществлять акции прямого саботажа против государственных учреждений?”

Ответ очевиден: такое развитие событий входило в план самой власти и тех, кто за ней стоит”.

Е.Холмогоров обращает внимание именно на необычность и сложность для общества ситуации, в которой стоит задача не позволить власти совершить политическое самоубийство. Он пишет: “Возможность такого политического самоубийства ни для кого сегодня не секрет. В течение прошедшей пятилетки нечто подобное произошло с режимом Милошевича в Сербии – отказавшимся от противостояния уличной революции, режимом Саддама Хусейна в Ираке, фактически самораспустившимся на третью неделю американской интервенции, с режимом Шеварднадзе в Грузии, опрокинутым “революцией роз”. Наиболее масштабное политическое самоубийство мы наблюдали в конце прошедшего года на Украине – и тревожно примеряли происходившее на Майдане к ситуации в России.

Во всех случаях речь шла о самоликвидации политических режимов, по тем или иным причинам не угодивших США. Во всех случаях на смену “самоубийцам” приходили политические режимы настолько марионеточные по своему характеру, что говорить о самоопределяющейся суверенной государственности в этих странах не представлялось более возможным”.

Само предположение о том, что власть ведет закулисные переговоры, чтобы капитулировать перед противником, парализует общество и не позволяет ему организовать поддержку такой власти. В западном обществе измена верховной власти является очень неблагоприятным фактором, ухудшающим положение государства в конфликте, но этот фактор не вызывает ступора структур гражданского общества. Ведь государство – всего лишь «ночной сторож»! Ну, изменил этот сторож, но общество должно организовать для защиты своих осознанных интересов. В картине мира традиционного общества «самоубийство» верховной власти – катастрофа, которая вызывает моментальное обрушение государственности. Как защищать такую власть?

Холмогоров продолжает: “В то время как прежние технологии экспортирования переворотов и революций предполагали раскол в политической элите, ставку на переворот одной властной группировки против другой, современные технологии переворота предполагают именно соучастие “власти” и “оппозиции” в разрушении политической системы. Причем роль тех, кто играет за “власть”, в каком-то смысле важнее и труднее. Им приходится изображать из себя не народных героев, а, напротив, опереточных злодеев, которых ненавидит весь народ и которые, в отличие от злодеев реальных, умеют только злить публику, но никак не навязать свою злодейскую волю хитростью и оружием. Подлинно новая черта новейших “революционных технологий” именно в том, что заказанная извне революция разыгрывается “в четыре руки”, и представители “власти” способствуют своему свержению едва ли не с большим энтузиазмом, чем представители оппозиции.

Украинский случай был в этом смысле предельно показателен. Старая власть делала все для того, чтобы выставить себя в предельно невыгодном свете перед лицом украинского общества. Цинизм, продажность, беспринципность были настолько же демонстративными, насколько демонстративным было и бессилие политического режима в организации собственной самозащиты... А когда обнаружилось, что виртуальная украинская “революция” неожиданно спровоцировала вполне реальное сопротивление восточных регионов оранжевому перевороту, были приложены огромные усилия, чтобы нейтрализовать этот встречный поток и не дать ему разрушить целостный сценарий “народной революции против коррумпированного режима Кучмы”. Хотя “постановочность” революционного действия и вовлеченность в него всех мнимых антагонистов была настолько очевидной, что даже кое-где в западной прессе прозвучали (правда, довольно робко) голоса протеста против попытки подать государственный переворот как “народную революцию”.

Требования массовых собраний и конференций избирателей восточных областей Украины были принципиальными, и власть, если бы действительно желала реального волеизъявления, а тем более победы «своего» кандидата, вполне могла на них опереться и заставить «оранжевых» уйти с Майдана и включиться в диалог.

Вот некоторые из большого перечня требований (из резолюции конференции в Донецке):

3. Требуем не дать Ющенко совершить государственный переворот с помощью Америки.

4. Президент! Мы за применение силы, если Ющенко угрожает штурмом. Он не

остановится, если его не остановите Вы.

9. Требуем прекратить вмешательство западных стран в политические процессы в Украине.

13. Требуем снять статус депутатской неприкосновенности с Ющенко и Тимошенко и призвать их к уголовной ответственности:

за попытку самозахвата власти (самовольная попытка инаугурации Ющенко);

за массовые беспорядки, блокирование работы правительства и, как следствие, развал экономики, инфляцию, расшатывание банковской системы, рост цен, панику среди населения;

за блокирование работы Верховной Рады, угрозы физической расправы над депутатами-оппонентами, протаскивание своих решений в их отсутствие;

за разжигание межнациональной розни;

за публичные оскорбления русскоязычного населения юго-востока (не “титульной” нации);

за погромы, избиения прихожан, захваты православных церквей на западе Украины;

Власть сделала вид, что просто не слышала этих требований. Все последующее было уже делом техники: и судебное решение о том, что многочисленные нарушения в ходе второго тура не позволяют определить истинное волеизъявление народа; и незаконный “третий тур”, по итогам которого Ющенко, на фоне “подъема революционного движения” одержал “сокрушительную победу” над “обанкротившимся” Януковичем; и последующее игнорирование судом жалоб со стороны Януковича, полностью аналогичных тем жалобам, на основании которых были отменены итоги второго тура но, в отличие от жалоб Ющенко, подкреплённых многочисленными документальными доказательствами, в том числе, видеозаписями нарушений, которые Верховный суд просто отказался рассматривать... Так власть организовала опереточное “восстание” против самой себя.

А. Чадаев подчеркивает, что это – общее свойство ряда постсоветских государств (из этого ряда явно выпадают Белоруссия, Азербайджан и, вероятно, еще четыре азиатских республики). Он пишет: «Такая стратегия “революции понарошку” может быть успешной лишь при наличии у действующей власти ряда обязательных свойств (ими, впрочем, обладают практически все постсоветские режимы). Картонному герою в пару нужен картонный злодей – и такой злодей в лице власти всегда находится, и всегда оказывается именно картонным.

Такую власть можно демонизировать бесконечно – в своих ответных действиях она никогда не пойдёт до конца. Её можно обвинять во всех грехах, в любом человекоубийстве и людоедстве, заранее зная, что дойди дело до необходимости взять ответственность за реальное людоедство и человекоубийство, она всегда дрогнет и отступит”¹⁷². Показательны в этом плане последние теледебаты Ющенко и Януковича перед «третьим туром». Ющенко в прямом эфире без конца обвинял оппонента в краже трёх миллионов голосов, вбрасывании полумиллиона бюллетеней после окончания голосования в одной только Донецкой области – и Янукович ни разу не ответил прямо и чётко, что это ложь, а только бормотал что-то невнятное.

И дело не только в том, что «злодей картонный» и никакого вреда «оранжевой» толпе причинить не может. Власть активно выставляет себя в дурном свете даже эстетически, сознательно окружает себя такими защитниками, которые не вызывают симпатий у обывателя. Д. Юрьев пишет: «Важно подчеркнуть, что на этом этапе участие “преступной власти” в разжигании революционного энтузиазма неопределимо: все более непопулярная элита становится все менее адекватной, все более одиозной, на первый план выходят самые малосимпатичные, самые отталкивающие персонажи (на самом деле на этом этапе те представители элиты, которые еще способны к нормальному взаимодействию с народом, к тому, чтобы слушать и слышать людей, попадают под ударное воздействие массовых настроений; на стороне власти остаются только самые одиозные отморожки, что вызывает еще большее раздражение и агрессивность общества)»¹⁷³.

В такой ситуации власть, имея достаточно средств для оплаты хороших консультантов и экспертов, вдруг начинает вести себя необъяснимо глупо, якобы «некомпетентно», делая ошибки грубейшие, последствия которых очевидны. Так она вела, например, предвыборную агитацию против Ющенко, просто возмущив массу аполитичных людей и оттолкнув их от «своего» кандидата.

Анализируя ход событий в Киеве, наблюдатели указывают, что даже с технической точки зрения «оранжевая» революция была бы невозможна без сознательного соучастия в ней высшей власти страны. Вот одно из таких заключений: «Следует учесть в анализе и тот факт, что провести мероприятие такого масштаба без существенного содействия Кучмы и его администрации оппозиция никак бы не смогла, несмотря на все американские деньги и материалы. Для разгона подобной манифестации в зимнее время не нужно танков или российского спецназа, который Тимошенко изыскала в рядах киевской милиции. Достаточно было бы пять-шесть пожарных машин. С мокрой задницей в палатке не отогреешься, так что местный молодняк разбежался бы по домам, а где отогревать заезжий – стало бы головной болью оппозиции. Не справься она с этим – потеряла бы авторитет окончательно. Да и справилась бы – а митинг-то тью-тью... За это время площадь разгородили стройзаборчиками, побили американские экранчики и лазерные установки... Кина не будет, кинщик спился»¹⁷⁴.

Для нас здесь, в общем, не слишком важны мотивы властной верхушки, совершающей политическое «самоубийство», которое, в принципе, следовало бы трактовать как государственную измену. Скорее всего, действует комплекс мотивов – страха, корысти и часто неприязни к своей «прежней» стране (то есть, идейное сочувствие революционерам).

Ш.Мамаев, изучающий сходные случаи свержения власти, делает такой общий вывод: «Невольно возникает вопрос – почему все они, Акаев, Кучма, Шеварднадзе, зная, что против них готовится революция, тем не менее фактически ей не сопротивлялись? Ведь во всех классических теориях революций подобное явление не было ни предусмотрено, ни описано. “В моем распоряжении имелись достаточные силы, которые были в состоянии это сделать”, – говорил, в частности, Акаев в своем обращении к нации после бегства за границу. “Но когда бесчинствующая, неуправляемая волна стала накатываться на Белый дом, я дал жесткое указание в силовые акции не вступать и оружие не применять”.

Поскольку в высокие моральные качества этих “бывших” верится с трудом – не далее как три года тому назад силовики того же Акаева вполне безнаказанно расстреляли мирную демонстрацию на юге страны, – приходится констатировать, что все дело заключается в позиции Вашингтона. Поскольку применение силы против “младенца”, выношенного американскими правозащитными группами, грозит виртуальному “диктатору” изгнанием из финансового рая. Не говоря уже о том, что построенная на “купленных” выборах демократия не подразумевает никакого долга правителя перед своим электоратом»¹⁷⁵.

Таким образом, мы наблюдаем у близких соседей и скоро наверняка столкнемся сами с явлением, которое «не было ни предусмотрено, ни описано в классических теориях революций». Это значит, что классические теории устарели, и мы обязаны следовать не им, а выводам из эмпирических наблюдений, логического анализа и творческого поиска эффективных решений.

«Оранжевая» революция: роль спецслужб

Среди институтов власти особую роль в проведении «бархатных» революций играют *органы государственной безопасности*.

В цитированном ранее руководстве Дж.Шарпа сказано: «Стратеги неповиновения должны помнить, что разрушить диктатуру будет чрезвычайно трудно или невозможно, если полиция, бюрократический аппарат и вооруженные силы останутся целиком на стороне диктатуры и послушными ее приказам. Поэтому стратеги демократического движения обязаны считать стратегией подрыва лояльности силовых структур диктаторов высоко приоритетной.

Демократическим силам не следует призывать солдат и офицеров к немедленному мятежу. Вместо этого, если имеются связи с ними, необходимо четко разъяснить, что существует множество сравнительно безопасных форм “скрытого неподчинения”, которые можно применять на начальной стадии. Например, полиция и военные могут выполнять приказы неэффективно, не находить людей, находящихся в розыске, предупреждать участников сопротивления о планируемых репрессиях, арестах или высылках, а также не представлять важную информацию вышестоящим начальникам. Недовольные офицеры могут по очереди

игнорировать передачу команд по инстанции на проведение репрессий. Точно так же государственные служащие могут терять папки с делами и инструкциями, работать медленно, “заболевать” и сидеть дома до выздоровления»¹⁷⁶.

Американский обозреватель К.Д. Чиверс пишет в «Нью-Йорк Таймс»: «Главную роль в победе оранжевой революции-путча на Украине сыграли офицеры госбезопасности, которые предпочли согласовывать свои действия с США»¹⁷⁷. Приведем кратко главные факты и выводы, данные в этом обзоре, оставляя за скобками допущения и слухи.

Факты эти вполне согласуются с сообщениями российских и украинских наблюдателей. Как заявил корреспондент газеты «Коммерсант» С. Строкань, «Решающая роль украинских секретных служб в недавних событиях в Киеве подтверждена десятками документальных свидетельств – появившихся по горячим следам и изобилующих откровенными признаниями. В числе интервьюируемых, помимо самих сотрудников спецслужб, – парламентарии, лидеры оппозиции, высокопоставленные сотрудники президентской администрации, западные дипломаты. Эти свидетельства появились в украинской и американской прессе. Их подтверждают наши собственные источники в Киеве».

Решающие события с участием спецслужб произошли в Киеве с 21 по 28 ноября 2004 г. Но подготовлены они были заранее. Чиверс пишет, что в 2003 г. Кучма назначил председателем Службы безопасности Украины (СБУ) генерала Смешко, известного прозападными взглядами. Ранее генерал работал в Вашингтоне и Цюрихе. Многие силовики, действовавшие против Януковича, входили в окружение генерала Смешко и работали в странах Запада или осуществляли связь с западными правительствами. Юлия Тимошенко заявила, что многие сотрудники СБУ, включая Смешко, просто сделали свои ставки. «Это была очень сложная игра», – сказала она.

21 ноября, после второго тура президентских выборов, Центризбирком сообщил о победе Януковича с перевесом в 2,9%. В тот же день начались демонстрации протеста, причем у оппозиции были деньги и организационные структуры, необходимые для длительного гражданского неповиновения. 22 ноября Генеральная прокуратура выступила с заявлением, что власти готовы «решительно положить конец любому беззаконию». СБУ ответила на это контрзаявлением, в котором говорилось, что она не согласна с прокурором, что граждане имеют право на политические свободы, а политические проблемы должны решать исключительно мирными способами. Это был явный раскол в правоохранительных структурах Украины.

Затем в «Украинской правде» были опубликованы данные «прослушки» СБУ разговоров в штабе Януковича, из которых следовало, что при подсчете голосов были фальсификации. В ночь с воскресенья на понедельник, 22 ноября, один сотрудник штаба якобы сказал другому: “У нас негативные результаты, 48,37% у оппозиции и 47,64% у нас”. По словам начальника избирательного штаба Ющенко (ныне вице-премьера) О. Рыбачука, эти данные ему предоставило СБУ¹⁷⁸.

25 ноября на Майдане рядом с Ющенко появились пять офицеров СБУ. Они обнародовали заявление, излагающее позицию СБУ и его обращение к коллегам из силовых структур – милиции и военным. «Не забывайте, что вы призваны служить народу. СБУ считает своей главной задачей защиту народа вне зависимости от того, откуда исходит угроза. Будьте с нами!» На следующее утро к толпе «оранжевой» оппозиции присоединились курсанты Академии МВД – они строем пришли на баррикады.

27 ноября состоялось совещание Кучмы, Смешко, Януковича и главы МВД М. Белоконя. Янукович потребовал назначить дату инаугурации, объявить чрезвычайное положение и разблокировать правительственные здания. Смешко изложил позицию СБУ и предупредил премьера, что мало кто из военных, если будет такой приказ, станет воевать с народом. Он сказал, что даже если солдаты выполняют приказ, разгрома не получится, так как демонстранты окажут сопротивление. Решением правительства было: военного положения не объявлять и силовых мер не принимать. О нем официально объявили на следующий день, 28 ноября, когда Совет по национальной безопасности и обороне проголосовал за урегулирование кризиса мирным путем.

Однако вечером 28 ноября на загородных базах под Киевом был по тревоге поднят и

приведен в полную боевую готовность спецназ. Приказ выдвигаться в Киев отдал командующий внутренними войсками МВД в ранге замминистра генерал-лейтенант С. Попков. Сообщения о тревоге были переданы командованию СБУ, которое проинформировало оппозицию, своих офицеров на Площади Независимости и американское посольство. Представители оппозиции позвонили американскому послу Джону Хербсту. Вскоре госсекретарь Колин Пауэлл позвонил Кучме (который не взял трубку).

Одновременно с этим руководители СБУ предупредили офицеров спецназа, что применение силы против мирных демонстраций незаконно, и если войска МВД войдут в Киев, спецслужбы будут защищать демонстрантов. Их предупредили также, что подразделения СБУ ведут наблюдение за Киевом и все действия будут сниматься на видео, а затем будут представлены в виде доказательств. Среди звонивших в тот вечер Попкову были глава ГУР А. Галака и начальник отдела военной контрразведки СБУ В. Романченко, который действовал по приказу главы СБУ Смешко. Спецназ вернулся на базу, и исход «оранжевой» революции был решен.

Глава 14. Уроки «оранжевой революции» на Украине: технология и участники

Продукт демократической утопии – «выборы»

Историк А.Тойнби писал, что целые цивилизации погружались в тяжелый кризис оттого, что господствующее меньшинство вдруг начинало верить в мифы, которые оно само внедряло в сознание масс, чтобы ими манипулировать. Это и произошло в постсоветских государствах. Сначала властная элита внедрила в массовое сознание предельно примитивный миф о западной демократии с ее якобы честными и равноправными выборами – чтобы добиться пассивного согласия на ликвидацию советской государственности. Потом та же самая властная верхушка нагло манипулировала выборами, зачастую этого даже не скрывая, так что большинство граждан просто плюнуло на этот «демократический институт». И вдруг, когда эту верхушку стали свергать, используя выборы всего лишь как *момент дестабилизации власти*, эта самая верхушка почему-то решила, что выборы всерьез.

Никаких логических оснований для такого странного выверта не было, это надо считать болезненным приступом аутистического сознания. Вместо того, чтобы готовиться к реальной борьбе с конкурирующей политической силой, власть и ее кандидаты создают себе иллюзорную защиту в виде избирательного права и обслуживающих его органов. То есть начинают видеть в этих выборах действительный механизм конкуренции на «политическом рынке», который функционирует в рамках права.

Политологи прекрасно знали, что механизм «классических» выборов, как и «классический» суверенитет национального государства демонтированы в восточноевропейских странах, втянутых в орбиту Запада. Какое правительство является законным, а какое незаконным, решают в метрополии, причем для этого не требуется никаких формальных оснований (например, А.Лукашенко считается «незаконным», и Кондолиза Райс открыто совещается с белорусской оппозицией, обсуждая планы его свержения). Выборы становятся фикцией, спектаклем с заранее известным исходом.

Д. Юрьев пишет: «Единственным принципом признания законности власти – в том числе под угрозой прямого применения военной силы со стороны „мирового сообщества“ – признается сегодня принцип поддержки народного большинства, выраженной путем “свободного” голосования на выборах. Единственное, что официально признает „Запад“ – это общественное мнение, выражаемое через „свободные демократические выборы“. А значит, необходимо обеспечить захват контроля за общественным мнением. Технологии узурпации выбора сводятся к тому, что с помощью ряда манипуляционных приемов воля определенной группы лиц сначала объявляется волей большинства населения, а потом с помощью других манипуляционных приемов в головы большинства населения внедряется необходимость

отождествлять эту волю со своей»¹⁷⁹.

Ясно, что необходимость обязательной легитимации результата выборов Западом вынуждает все группы населения, непосредственно зависящие от отношений с ЕС или США (например, собственники предприятий, работающих на западный рынок), вынуждены поддерживать на выборах того кандидата, которого признает Запад. В «Независимой газете» опубликовано интервью вице-президента консорциума «Индустриальная группа» (базирующегося в Донецке) А.Пилипенко. Он объясняет, почему эта группа бизнесменов не может взять сторону Януковича: «Если бы западные страны закрылись для нас, объявили эмбарго, это очень сильно ударило бы по нашей компании. Мы этого не скрываем. Поэтому нам важно не кто победит на выборах, а то, чтобы Запад признал их легитимность». А Запад предупредил, что признает только Ющенко¹⁸⁰.

Поскольку это явление наблюдалось с 2000 г. уже четыре раза, его надо считать присущей нашим государствам «переходного периода» родовой чертой. На Украине это проявилось драматическим образом. Р.Шайхутдинов пишет: «Пока власти Украины проводили выборы, Европа и США осуществляли на её территории „спецоперацию“, в которую выборы входили в качестве лишь одного из элементов. Это не заговор: с ним можно было бы справиться; это нечто иное – такое, чему ни мы в России, ни власть и официально выигравшая второй тур украинских выборов сторона ничего противопоставить не могли и уже не смогут. Это – стратегическая схема с отлаженным тактическим воплощением. Если технология и схема действия созданы, они будут распространяться»¹⁸¹.

Что выборы являются лишь подмостками для спектакля, а овладевать ситуацией политические конкуренты будут с помощью совсем других технологий, было совершенно ясно из опыта подобных революций в Сербии и Грузии. Да и невозможно было скрыть этих планов, свержение «команды Кучмы-Януковича» открыто готовилось и обсуждалось с лета 2004 г. В начале октября, как писала пресса, Юлия Тимошенко заявляла: «Системно и последовательно готовимся к тому, что когда победителем на выборах объявят представителя власти, мы возглавим настоящее восстание». Один из лидеров «Нашей Украины» Давид Жвания в интервью тоже заявлял, что «в Украине будет точь-в-точь так, как произошло в Грузии».

Команда Ющенко готовилась прийти к власти независимо от реальных итогов голосования. Она сразу предупредила: мы признаем выборы только в том случае, если победит наш кандидат. То есть, о выборах уже не было речи, их превратили в плебисцит, на котором ставится вопрос: кто «наш», а кто «обманутый раб» (так именовались избиратели Януковича на плакатах оппозиции). Причем численность голосов, поданных за безальтернативного кандидата, не имела значения. Готовились совсем иные методы, чтобы рано или поздно заставить большинство населения поддержать нужного кандидата. Кому-то промыли мозги, кого-то испугали перспективой политико-экономического кризиса, кто-то решил стать «нашим», чтобы не остаться изгоем.

На первой стадии велась интенсивная обработка сознания – избирателям постоянно внушалась мысль, что Ющенко проиграть не может, а если официальный подсчет голосов покажет, что он проиграл – значит, власти фальсифицировали результаты выборов и всем надо выходить на улицу протестовать против «беспредела». Но в штабе Януковича даже в конце октября не верили, что Ющенко выставит на улицы дружины штурмовиков, а тем более выведет многие тысячи сторонников.

Более того, ни слова, ни дела власти и сил, поддерживающих Януковича, не изменились и тогда, когда соратники Ющенко приступили к открыто силовым действиям, учинив беспорядки в помещении Центральной избирательной комиссии. Вот как звучит заявление избирательного штаба Януковича: «В ночь с 23 на 24 октября в Киеве произошли события, которые нельзя рассматривать иначе, как беспрецедентный акт силового давления на Центральную избирательную комиссию. Группа депутатов во главе с Виктором Ющенко при поддержке своих сторонников, вызывая злоупотребляя неприкосновенностью, ворвалась в помещение ЦИК и сорвала ее заседание».

Казалось бы, все ясно, сомнений в характере будущих действий Ющенко не остается. Каков же ответ? Он абсолютно неадекватен. Штаб Януковича заявляет: «Избирательная кампания Ющенко строится не на соревновании новых идей и конструктивной работе, а на

грубой, вне цивилизованных норм, критике власти, бесосновательных обвинениях и сознательном обмане людей. Обществу настойчиво навязывается мысль, что любой другой вариант, кроме его победы, будет сфальсифицированным... Мы убеждены, что только безусловное соблюдение норм закона – от народного депутата до избирателя – сохранит стабильность и общественное спокойствие в стране, предоставит возможность каждому сделать 31 октября взвешенный и сознательный выбор».

Разве в действиях Ющенко можно увидеть «критику власти, бесосновательные обвинения»? Нет, события развиваются совсем в другой плоскости – а в ответ предлагается «соревнование новых идей», «безусловное соблюдение норм закона», «взвешенный и сознательный выбор».

А в заявлении проправительственной коалиции парламентского большинства (27 октября) сказано, что усилиями Ющенко «непрестанно разрушается плюрализм как стержень демократических соревнований». Какой ужас – разрушают плюрализм как стержень! И это при том, что «плюрализм мнений является главным достоянием украинской демократии, потерю которого нельзя оправдать любыми рассуждениями политической целесообразности».

И далее следует апелляция к христианским ценностям Ющенко: «Виктор Андреевич! На словах Вы декларируете принципы христианской толерантности к ближнему своему. Вместе с тем, в действительности именно Вы провоцируете украинский народ на опасные противостояния. Вы, не извинившись за свои голословные обвинения относительно причин собственной болезни, опять делите украинскую нацию на „белое“ и „черное“, а наших граждан – на „чистых украинцев“ и на „бандитов“. И список последних, по Вашим субъективным критериям, с каждой минутой становится длиннее и больше числом. Он становится списком политической инквизиции XXI века. В результате ежесекундно мы рискуем открыть ящик Пандоры, из которого вылетит дьявол раздора и противостояний, что уже столько веков является смертельным врагом украинской нации».

Все это – после погромов в парламентах Сербии и Грузии, которые проводились по той же самой схеме, без малейших отклонений. И это видение ситуации не изменилось до самого конца революции, причем даже у самых квалифицированных кремлевских политологов, посланных для поддержки Януковича.

Р.Шайхутдинов пишет: «Комментарий Павловского, сделанный им по каналу „Россия“ в ночь с 24 на 25 ноября, звучал так: „Оппозиция лишила себя манёвра. Она завела людей в тупик. Им нужно обострение ситуации для оправдания самозванчества“. И это говорится в тот момент, когда сторонники Ющенко фактически – если не будут предприняты решительные действия – выиграли ситуацию в мировых СМИ и в отношении правительств влиятельнейших стран, когда на Украине создаются внутренние анклавные непокорства, когда половина населения не подчиняется решениям власти и не верит ей, когда у власти украдена половина народа! Это свидетельствует о том, что Павловский работает исключительно в рамках выборов, повышая рейтинги и явку, консолидируя сторонников Януковича и доводя процент до максимальной цифры, в то время как оппозиция совершенно безразлична к этим усилиям и действует в других пространствах. Пока политтехнологи работали внутри России, их способы были относительно эффективны, но как только они столкнулись с внешними технологиями, их никчемность стала видна воочию»¹⁸².

В том же ключе работали и другие российские политологи. 28 октября у приехавшего в Киев В.Милитарева спросили, как же можно противостоять «бархатной» революции. Он ответил: «Мне кажется самым разумным тот подход, который предложил Белковский, то есть связать двух кандидатов, которые сегодня поделили Украину пополам, некоторым пактом. Который сводится к тому, что при победе одного из кандидатов он взял бы другого премьер-министром... Чтобы не допустить „бархатной революции“, а я уверен, что трезвая часть сторонников Ющенко ее так же не хочет, как и трезвая часть сторонников Януковича, Ющенко требуется сделать шаг назад и снизить тон своей пропаганды».

Откуда было видно, что сторонники Ющенко не хотят «бархатной революции» (причем *так же*, как сторонники Януковича)? Совсем наоборот, они ее готовили и к ней давно готовились – обучали кадры, получали и тратили деньги, консультировались с деятелями США высокого ранга. Посланного Кремлем эксперта спрашивают, как предотвратить свержение

власти, а он советует Януковичу пойти к Ющенко премьер-министром. Это разумно? К тому же всем было ясно, что не Ющенко решает – делать или не делать революцию. Разве он просил у Москвы совета о том, кого назначать премьер-министром?

Истратив все силы и средства на проведение собственно выборов, не освоив и не применив никаких способов нейтрализации «вневыборных» действий политического противника, команда Януковича обрекла себя на поражение.

Р.Шайхутдинов резюмирует ситуацию так: «Сколько бы ни набрал голосов Янукович, сторонники Ющенко заранее объявили свою победу, во всяком случае – моральную, заявляя как факт неспособность и нежелание властей провести честные выборы без использования административного ресурса. Если бы Ющенко получил хоть 30% голосов, оппозиция бы действовала точно так же. Это ставило её в беспроигрышную ситуацию... Оппозиция действовала поверх выборов, используя их в качестве пускового механизма для начала революционных действий. Была применена антивыборная схема, которая никак не блокировалась».

Эмоциональный ресурс национализма

Все «оранжевые» революции опираются на реально существующие противоречия, разделяющие общество, а такие противоречия есть всегда. Новизна ситуации в том, что за последние десятилетия были разработаны эффективные технологии для того, чтобы средствами воздействия на сознание так углубить разделяющие людей трещины, чтобы превратить противоречия в раскол. И этот раскол должен хотя бы на время затронуть массивные социальные группы, так чтобы оппозиция и власть имели сравнимые по численности и активности группы населения, готовые их поддерживать – как в виде активной «массовки», так пассивно, в качестве избирателей или доброжелательно настроенной толпы обывателей.

Необходимый для «оранжевой» революции раскол должен быть гипертрофирован, преувеличен в сознании так, чтобы приобрести иррациональные черты. У собравших в толпу людей не должно быть связных раздумий о причинах и последствиях раскола – отрицание должно быть полным, не допускающим диалога с противниками (здесь речь идет о «духовной толпе», которая может существовать и без прямого физического контакта людей, особенно если она связана через телевидение).

На Украине такой иррациональный раскол был создан путем разжигания в сознании части населения антироссийского психоза. Это совсем не проявления тех националистических чувств, которые издавна существовали в среде украинцев, то затихая, то обостряясь. Такой национализм присутствует в разной степени у любого народа как выражение необходимого для его идентификации этноцентризма. Он не препятствует диалогу, нахождению компромиссов и созданию приемлемых условий для общежития. Антироссийский психоз был разожжен теперь, через почти 15 лет после ликвидации союзного государства и при явной выгоде экономических отношений с РФ, исключительно как инструмент сплочения революционной толпы на иррациональной основе.

С.Вальцев, работавший на Украине в середине декабря 2004 г. и принимавший участие в массовом опросе, так излагает свои впечатления. Тезисы программ, личности кандидатов – все это занимает в умах избирателей второстепенное место. Если отвлечься от деталей, то надо признать, что украинское общество расколото на две части: на тех, кто за добрые соседские отношения с Россией (они поддерживают Януковича), и на тех, кто ненавидит Россию (сторонники Ющенко). Сторонников Ющенко спланирует даже не национализм, а именно иррациональная ненависть к России – они готовы «прогибаться» перед кем угодно: поляками, немцами, литовцами, американцами, только бы против России. Именно этот факт объясняет то, что многие известные украинские патриоты, которых часто обвиняли в национализме, оказались именно в лагере Януковича, например, Кравчук, Чорновол, Корчинский, Скорик и т.д.

Раскол, противопоставивший большинство населения западной Украины ее Востоку и Югу, углублялся преднамеренно, с помощью сильнодействующих символических акций. Так,

движение Ющенко «Наша Украина» внесло в Верховную Раду проект закона, признающего бандеровцев ОУН-УПА воюющей стороной и приравнивающего их к ветеранам советской армии. Во Львове местные власти ещё в 90-х переименовали улицу Лермонтова в улицу Дудаева, а ул. Мира – в улицу Степана Бандеры. А в Тернополе появилась даже улица имени дивизии «СС-Галичина».

Этнокультурное разделение Украины использовалось в политических целях и в ходе кампании по демонтажу СССР во время перестройки, но в настоящее время с помощью этой технологии страну просто взорвали. В преддверии последних выборов один российский обозреватель писал: «Десятилетие назад во время президентских выборов на Украине не было оснований говорить о возможной балканизации соседней страны, несмотря на то, что отмеченные различия чувствовались и тогда. Ныне напряженность политической ситуации на Украине на порядок выше, что дает почву опасениям по поводу вероятного гражданского конфликта. Имеется серьезная опасность непризнания одною из частей Украины легитимности выборов и создания альтернативных структур власти»¹⁸³.

Именно таким образом политтехнологам удалось превратить выборы в плебисцит по разделению народа на две противостоящие группы по принципу «мы» и «они». Никакого «соревнования идей» и подсчета выгод, в котором Януковичу пытались помочь московские эксперты, в этой обстановке просто не могло иметь места. Политолог из Москвы П.Малиновский пишет: «Есть сведения, что из сидевших на Майдане 30% вроде бы за Ющенко, а 70% присоединились заодно, против Януковича. Кандидатура Януковича – отдельная песня. Вопрос: это была ошибка или сознательный ход? Если мы не понимаем казуальности этой фигуры, то непонятно, что произошло. Как вся Украина может отнестись к человеку из донецкого клана в качестве президента? Янукович – человек из того самого поколения сороковых годов рождения, настоящих советских людей, да ещё с подмоченной репутацией. Для ребят с Майдана это третьесортный товар, который им пытаются подсунуть. Публичное оскорбление всему украинскому народу. Я беседовал с этими ребятами, которые не считают себя сторонниками Ющенко: „Януковича в президенты? Да ни при какой погоде!“¹⁸⁴

П.Малиновский преувеличивает роль личности Януковича, ибо на этих выборах вообще голосовали не за людей, а за определенные *имиджи*. А имиджи создаются. Имидж Януковича был вполне разумным и отвечал установкам половины (а скорее всего и большинства) населения Украины. Вот заголовки газетных сообщений в ходе предвыборной кампании в октябре. 1 октября: «Янукович говорит о новой долгосрочной модели экономического развития». 4 октября: «Виктор Янукович выступает против вступления Украины в НАТО», а в ответ: «Украину необходимо принять в НАТО. Такое заявление сделал первый заместитель министра обороны Соединенных Штатов Пол Вулфовиц во время выступления в Варшавском университете» (6 октября). «Премьер-министр Украины Виктор Янукович выступает против распродажи земли в стране, считая, что земля должна оставаться в собственности украинцев» (19 октября).

Смысл этих заголовков ясен, и половина украинцев этот смысл поддерживала. Но на время с помощью методов манипуляции сознанием у другой половины была создана иррациональная ненависть к «настоящим советским людям», то есть к главным чертам этого имиджа (а значит, и к установкам первой половины украинцев). А какого конкретно человека сделали бы носителем того имиджа, который был предложен кандидату «партии власти», не слишком существенно (хотя накопление неблагоприятных деталей и могло сыграть роль при равновесии сил, но в данном случае равновесия не было – на «Украинском фронте» США накопили подавляющее превосходство в живой силе и технике).

Размежевание избирателей произошло уже по языку, что само по себе указывает на символический, а не рациональный характер противостояния. Как пишут, «на Майдане совсем не было выступлений на русском языке, за исключением нескольких приезжих, включая Немцова и боксера Кличко... А вот на митинге сторонников Януковича, проходившем на вокзальной площади, как и на съезде в Северодонецке, звучал только русский язык. И это в свою очередь тоже очень символично, так как Янукович, хотел он того или нет, стал кандидатом Украины, настроенной на союз с Россией».

При этом противостояние достигло такого напряжения, что «оранжевые» привлекли к

себе и значительную долю русскоязычного населения. Д.Якушев пишет: «об истинном отношении оранжевых к русскому языку, на котором большинство из них, во всяком случае в Киеве, само разговаривает: мы имеем странный феномен русскоязычного украинского национализма, агрессивно настроенного по отношению к русскому языку».

Вот как он описывает свои впечатления о характере национализма на Украине во время выборов: «Отправляясь на Украину, я, конечно, знал, что националисты поддерживают Ющенко, но я наивно считал, что националисты – это только часть его команды, что большинство людей выходят на улицы протестовать против режима Кучмы и вовсе не являются идейными националистами. Увы, я сильно ошибся. Оранжевые буквально пропитаны национализмом. Я общался с десятками людей на Майдане на предмет их отношения к бандеровцам и не нашел ни одного, кто бы осудил их и назвал фашистами. Русскоязычные киевляне, не говоря уже о «западенцах», упорно доказывали мне, что бандеровцы – это украинские национальные герои. Сотысячный Майдан на ура принял исполнение группой «Плач Иеремии» известной бандеровской песни. Для собравшихся здесь это оказалось вполне в порядке вещей. При этом эти люди вовсе не были миролюбивы и дружелюбны, как об этом говорят во многих СМИ. Здесь, на Майдане от киевской интеллигенции и передового студенчества я услышал весь стандартный набор русофобии, мол, у москалей в генах шовинизм и рабство, а они, украинцы, свободолюбивая, спокойная европейская нация»¹⁸⁵.

Этому национализму интеллектуальные команды Януковича и других умеренных кандидатов ничего не смогли противопоставить ни в рациональной, ни в символической сфере. И дело здесь не в каких-то упущениях или частных ошибках. Переломить психоз можно было только предложив проект национального и цивилизационного масштаба, который вызвал бы столь же сильную эмоциональную реакцию, как и гипноз постмодернистского спектакля «оранжевых». Это должен был быть проект, излагающий суть исторического выбора для Украины на эпическом, доходящем до сердца языке.

Такого проекта и такого языка не было.

Потенциал насилия в «оранжевых» революциях

Опыт всех уже совершенных «оранжевых» революций показал, что их ненасильственный характер является условностью. Ненасильственные действия создают общий фон и на первой стадии вызывают симпатии населения и привлекают массовых участников. Но уже на предварительном этапе подготовки революции в ней создается «жесткая» военизированная группа, которая в решающий момент должна совершать *насильственные* действия (с оружием или без оружия в зависимости от обстоятельств).

Такой «взрыв народного гнева» не просто предусмотрен в сценарии спектакля, он в нем необходим как ритуал, как кульминация «праздника угнетенных». Уход Шеварднадзе был предрешен и оговорен заранее, но он должен был произойти как акт прямого *свержения* (тирана, прогнившей власти, коррумпированного правителя и т.п.). Группа беззаветных и отважных молодых людей должна была ворваться в здание парламента Грузии, разбросать бумаги, разбить графин, а окруженный охраной испуганный Шеварднадзе должен был бежать через черный ход. Вот тогда революция *свершилась*.

Сопrotивляется ли в этот момент охрана (Бастилии, парламента или Центральной избирательной комиссии), или она стреляет в воздух и разбегается, позволив революционерам даже слегка помять пару сержантов или младших офицеров, – определяется на предварительных переговорах или обменах знаками. Ни в Сербии, ни на Украине, ни даже в Киргизии пока что сбоев не было, и спектакль «штурм Бастилии» обошелся без жертв¹⁸⁶.

Военизированные группировки в составе «бархатной» толпы, размахивающей розами, тюльпанами или оранжевыми ленточками, совершенно необходимы и для того, чтобы организовать эту толпу, строго направлять ее лишь на предусмотренные (и чаще всего оговоренные с властью) действия, поддерживать дисциплину, блокировать спонтанные попытки противодействия от разрозненных представителей правоохранительных органов. Кроме того, именно эти организованные боевики обычно берут на себя эскалацию

ненасильственных действий и «заражают» ими толпу. Сами по себе граждане, симпатизирующие революционерам, на первых порах морально не готовы к тому, чтобы общее недовольство властью превращать в действия против конкретных людей, эту власть представляющих.

Дж. Шарп в своем руководстве рекомендует в числе ненасильственных действий и такие, которые явно являются противозаконными. Они, как правило, претят массовым участникам протестов, еще не перешедшим некоторые культурные барьеры. Для совершения таких действий нужны группы «активистов», в том числе организованные по военному типу. Вот примеры таких действий (в нумерации Шарпа):

27. Установка новых уличных знаков и названий
30. Грубые жесты
31. «Преследование по пятам» официальных лиц
32. Насмешки над официальными лицами
52. Молчание
54. Разворачивание спиной
55. Социальный бойкот
56. Выборочный социальный бойкот
57. Отказ от исполнения супружеских обязанностей («по Лисистрате»)
58. Отказ от общения
93. «Черные списки» торговцев
130. Снятие знаков собственности и уличной разметки
140. Укрывание, побеги и изготовление фальшивых документов
148. Мятеж
158. Самоотдача во власть стихии (самосожжение, утопление и т.п.)
161. Ненасильственное психологическое изнурение оппонента
169. Ненасильственные воздушные полеты в зону, контролируемую оппонентом
170. Ненасильственное вхождение в запретную зону (пересечение черты)
173. Ненасильственная оккупация
176. Блокирование дорог
185. Политически мотивированное изготовление фальшивых денег
187. Захват ценностей

Р.Шайхутдинов пишет, обобщая опыт таких революций: «Сознательное использование принципов ненасилия, начиная от названия («бархатная», «каштановая» революция, «революция роз») и заканчивая символикой, имиджем и т.д. И тот, кто первым применит насилие, окажется по определению и тотально не прав. Но кто сказал, что в этой схеме на самом деле нет насилия? Напротив, оно есть! Это скрытое насилие! Просто смещённое с физического в иной план... Мощь такого способа действий основана на генетических страхах народа: страха перед смутами и восстаниями, гражданскими войнами и репрессиями»¹⁸⁷. Вновь поправляя Р. Шайхутдинова, заметим, что самому понятию «насилие» (так же как и понятию «правовое поле») во время «ненасильственных» революций придаётся смещённый смысл, выгодный манипуляторам.

«Пятый канал», который вел пропаганду Ющенко, сообщил, что «оранжевые» манифестанты перехватили машину, вывозившую мусор из здания Администрации Президента и якобы нашли там под снегом важные документы о выборной кампании, которые будут использованы в Верховном суде для доказательства факта фальсификаций. Чуть позже, прямо на заседании Верховного суда, представитель Ющенко Ключковский размахивал пачкой из трёхсот открепительных удостоверений, якобы «изъятых» в Днепропетровской области наблюдателями от Ющенко у сторонников Януковича, ездивших от участка к участку и голосовавших за Януковича. По словам Ключковского, открепительные удостоверения пришлось изымать самим наблюдателям от Ющенко, потому что милиция повсюду потворствовала фальсификаторам. Мы здесь не рассматриваем вопрос о правдоподобности этих историй – дело в другом. Очевидно, что ни «перехватить» грузовой автомобиль, ни «изъять» у прохожего пачку документов, ни заблокировать доступ работников в здание правительства или областной администрации невозможно без применения насилия или угрозы насилия. Но слову

«насилие» телевидением уже придан смещённый смысл, подразумевающий по меньшей мере нанесение телесных увечий, а термин «ненасильственный» становится новым эвфемизмом, который используется, чтобы навязать публике представление, будто «ненасильственные» действия совершенно безобидны, так что их пресечение – явная диктатура.

На Украине в ходе выборной кампании точечные силовые действия применялись систематически и, благодаря СМИ, их образ многократно преувеличивался. Вот довольно типичный газетный заголовок того времени: «Львов, 23 сентября: Ночью совершено нападение на Русский культурный центр им. А. Пушкина». Телевидение донесло до всех сцену нападения на Януковича, в которого было брошено яйцо (по другим сообщениям, стальной шарик).

Нападению подверглась и Центральная избирательная комиссия. Вот газетное сообщение: «По информации пресс-центра, в 16:20 23 октября после окончания митинга группа неизвестных прорвалась к правой стороне фасада здания Киевской областной государственной администрации, где сейчас размещается ЦИК, и бросили в окна первого и второго этажей камни и 4 дымовые шашки. В результате были разбиты 12 окон на первом этаже и 2 – на втором».

На втором этапе силовые действия вошли в систему (блокада правительственных зданий и Верховного суда, организация шумовых действий, оказывающих эмоциональное воздействие и на органы власти, и на горожан, и пр.). Законную власть пока не свергают и не захватывают – ее провоцируют на применение силы или вынуждают идти на уступки. Для того, чтобы такие действия были массовыми и строго синхронизированными согласно сценарию спектакля, требовалось наличие компактной военизированной группы, которая служила бы «пусковым двигателем» каждой из таких акций.

Таким образом, «ненасильственно» силовые действия являются важным актом в спектакле «оранжевой» революции. Все эти действия совершаются при минимальном уровне «насилия», то есть драк, стрельбы и т.д. Напротив, постоянно говорится о необходимости «не поддаваться на провокации». По сути это типичное насилие, только вместо огнестрельного оружия используется толпа – масса невооруженных людей, – которая, если против нее не применяется оружие, сама по себе обладает большой пробивной силой.

Организовавшись толпа может перейти к последнему и решительному акту разрушения власти – «штурму», то есть открытому насилию, совершаемому толпой. К тому моменту право толпы на насильственное насилие уже стало законным вследствие предшествующих «ненасильственных» действий, не получивших отпора. Не сопротивлявшиеся, потому что «еще рано», власти теперь обнаруживают бессмысленность сопротивления, «потому что уже поздно». Власть, законность, порядок уже утрачены пассивностью на предшествующем этапе.

Газета «Известия» публикует такой комментарий из Киева: «Бескровные версии цветочных революций – сербская и грузинская – заключали в себе довольно явственный силовой потенциал, который выходил наружу в критический момент. Памятны кадры штурмов парламентов в Белграде и в Тбилиси.

В Тбилиси, как и в Белграде толпа явила свою силу. В Киеве оранжевый Майдан был своего рода бронепоездом на запасном пути. Или, если быть более точным: дамкловым мечом. Группы по команде исходящей из «штаба революции» бросались на блокирование того или иного правительственного учреждения, подвергали осаде парламент, Верховный суд, Центризбирком. Ненасильственный, несиловой характер оранжевой революции – фикция.

Был момент – телевидение его четко зафиксировало – когда голосование в Раде едва не поломало сценарий переворота. Тогда комиссар оранжевых Юлия Тимошенко бросилась на улицу, пригласив ее к штурму и срыву парламентского заседания. «Улица» мгновенно среагировала. Перед угрозой быть смятой Рада прервала свое заседание. Ну, а затем ни президент, ни парламентарии, ни судьи уже не посмели перечить тем, кто оказался во главе толпы, и все пошло как по маслу»¹⁸⁸.

В описании газеты «Известия» есть неточность. Приведем детали, которые характеризуют обстановку. Парламент действительно *принял за основу* проект постановления, не устраивавший сторонников Ющенко. Но организовать штурм за несколько минут, за которые постановление могло бы быть принято в целом, было невозможно. Тогда «оранжевые» фракции стали активно срывать голосование и добиваться перерыва. Когда Верховная Рада отклонила

предложение объявить, вопреки регламенту, получасовой перерыв, депутат Кириленко заявил: «Сейчас на улицах сотни тысяч киевлян и гостей столицы, которые хотели бы рассмотрения вопроса про отставку этого преступного правительства, которое допустило массовые фальсификации на выборах. И в этом проблема, а не в регламентах или каких-то других вопросах. Поэтому я бы хотел, чтобы Председатель Верховной Рады и члены Коммунистической фракции и фракции правительства поняли, что надо искать понимание, а не способ дестабилизировать ситуацию. Если вы будете сейчас не давать нам возможности рассмотреть этот вопрос, то мы уже сейчас призовём людей всех возвращаться на Площадь Независимости [Майдан], собраться там и высказать своё слово. Потому что сейчас позиция в парламенте абсолютно не отвечает тем настроениям, которые сложились в обществе. Общество хочет перемен».

В этой обстановке уже не был услышан робкий вопрос проправительственного депутата В.Зайца «Неужели это правильно, когда коллеги из соседней фракции „Наша Украина“ угрожают нам, что „если вы не будете голосовать так, как нам надо, вы не выйдете из этого зала, а если будете делать такую попытку, вас порвут“? Неужели это демократия, уважаемый коллеги?» Председатель Верховной Рады Литвин поставил на голосование вопрос об объявлении перерыва более чем на час для проведения заседания согласительного совета. За время перерыва состоялся штурм, во время которого депутаты фракций большинства бежали из здания через задние выходы. После перерыва, как отмечено в стенограмме, Литвин сообщил о единогласном решении Согласительного Совета отложить заседание до следующего дня, чтобы провести консультации «для выработки согласованного решения».

Один наблюдатель пишет: «Мне пришлось быть свидетелем того, как у депутатов, проходивших по узкому коридору в толпе митингующих у парламента „оранжевых“, „сичевики“ силой отбирали удостоверения. Пропускали только тех, кто выступал за блок Ющенко–Тимошенко. А руководители „оранжевой“ молодежной организации „Пора“ уже объявили, что „накажут всех, кто их мучил эти недели на Крещатике и площади Незалежности“189.

Из описания повседневного существования палаточных городков в Киеве характер военизированных групп виден вполне отчетливо. Вот что сообщали информационные агентства: «Палаточный лагерь (около 3 тысяч) живет в постоянной боевой готовности. Особые меры были приняты, когда прошел слух, что власти готовы снести мятежный городок с Крещатика с помощью танков и водометов. Только вряд ли здесь пройдет пехота. Армейские и туристские палатки прикреплены к асфальту Крещатика металлическими штырями и огорожены баррикадами из тяжелых бульварных скамеек, которые скреплены между собой проволокой и цепями. Рядом десятки автобусов и грузовиков, готовых по первому приказу окружить весь лагерь мощной стеной. А возле каждой дыры в баррикадах – охрана как минимум из двух человек. На “вражескую” бронетехнику здесь тоже найдется оружие. Штаб Ющенко завез сюда генераторы для освещения и обогрева палаток. Так что для “коктейля Молотова” всегда есть бензин и бутылки.

В палаточном городке действует своя спецразведка, а информация об оперативной обстановке и действиях украинских силовиков круглосуточно идет в штаб Ющенко. И если надо, за подозрительными лицами или объектами выставляется наружное наблюдение. Так называемые полевые командиры – сотники – четко контролируют ситуацию в “горячих точках” Киева: Верховном суде, Верховной Раде, администрации президента, Кабинете министров. И эти сотни всегда готовы выслать туда “оранжевые” отряды быстрого реагирования. Особенно бдительны стражи порядка в ночное время. Патрули и специальные дозоры наглухо перекрывают соседние улицы, ведущие к Крещатику».

А вот конкретно о составе этих организованных «сотен»: «Внешнюю охрану, а также охрану складов осуществляли так называемые “Сыны вольной Украины” (СВУ). Эта организация состоит из бывших военных и сотрудников силовых ведомств и спортсменов, а командовал ею майор запаса воздушно-десантных войск Украины Иван Косинский. Это объясняет и наличие у них единообразной формы армейского образца. Появилась организация сразу после начала “революции”. Их численность – около 500 человек, 150-200 из которых ежедневно несли дежурство в центре города, а остальные пребывали в режиме готовности.

СВУ руководили и возникшими коллективами самообороны на предприятиях. У них есть и группа разведки из бывших сотрудников спецслужб. Профессионалы постоянно следили за ведущими в город дорогами на случай вторжения из восточных областей. Оповещение вообще было поставлено у «оранжевых» отлично: у каждой важной точки (к примеру, у правительственных зданий) постоянно находились наблюдатели (из «Поры»), которые в случае возникновения нештатной ситуации либо при иной необходимости собрать в том или ином месте людей тут же сообщали по телефону в лагерь. Немедленно кто-либо из активистов «Поры» бежал вдоль палаток с мегафоном, объявляя мобилизацию, невзирая на время суток. Через пять минут к требуемому месту уже бежал авангард из десятка-другого человек, а еще через пять подтягивается пара сотен основных сил. Иногда таким образом устраивали «учебные тревоги»¹⁹⁰.

Важнейшим условием для того, чтобы в ходе «оранжевых» революций можно было применять действия, находящиеся на грани или за гранью ненасильственных, всегда является их внешняя поддержка со стороны «заказчиков» этих революций. Членов властной команды, замену которой и должна осуществить «оранжевая» революция, строго предупреждают о том, какие репрессии их ожидают в том случае, если они осмелятся «нарушить права человека», то есть применить против революционеров силовые действия, предусмотренные в таких случаях общепринятыми правовыми нормами.

Например, власти Украины накануне выборов были строго предупреждены из США. Вот сообщение от 1 октября 2004 г.: «Палата представителей обращается к президенту США с требованием “использовать все доступные дипломатические и прочие средства”, чтобы власть Украины соблюдала законы... Кроме запрета на въезд в Соединенные Штаты авторы законопроекта предлагают применять к лицам, причастным к нарушениям прав и свобод в Украине, следующие меры: конфискацию имущества в Соединенных Штатах; закрытие счетов и арест находящихся на них средств; запрет на получение займов, кредитов и других видов финансовой помощи». Для коррумпированных чиновников эти меры являются исключительно болезненными (а для некоррумпированных существует Гаагский трибунал с его неопределенными процессуальными нормами – С.Милошевич четыре года находится в заключении при том, что суд не может сформулировать и доказать ни одного серьезного обвинения).

Таким образом, сценарий и «оранжевых» революций, и действий власти против оппозиции в странах с ограниченным суверенитетом разрабатывается на Западе и контролируется оттуда. Почему во время югославской, грузинской и украинской «бархатных революций» власти не использовали силу для разгона незаконных демонстраций? Потому, что отдавший приказ о применении силы государственный чиновник и выполнивший этот приказ руководитель правоохранительных органов будет «мировым сообществом» объявлен «военным преступником» с последующей выдачей Гаагскому трибуналу. А если «мировое сообщество» даёт разрешение на расстрел парламента и безоружных людей, неугодных для западной демократии (как в Москве 3-4 октября 1993 г.), то никакого возмущения на Западе это не вызывает, а Гаагский трибунал на это смотрит совершенно равнодушно.

Создание военизированных групп является необходимой частью «оранжевых» революций и потому, что новая властная верхушка далеко не всегда может быть уверена в полной лояльности силовых структур прежней власти. Поэтому на первый момент после свержения «коррумпированной диктатуры» новой власти нужен хотя бы небольшой контингент организованных «дружинников».

Р.Шайхутдинов пишет: «Заранее создаются и после выборов используются экстремистские (силовые) организации активистов оппозиции: в Югославии „Отпор“, в Грузии „Кмара“, на Украине „Пора“. Их члены знают друг друга, обмениваются опытом, а в моменты смены власти участвуют в активных действиях. Эти организации являются зачатками будущей „гвардии“ – структуры, обеспечивающей охрану демонстраций и штабов, возможность противостояния силовым структурам, организацию транспорта, связи, мобилизации и т.п... Так формируются зародыши будущей оппозиционной полицейско-административной структуры. Эти силы хорошо финансируются, их тренируют и организуют – именно они будут управлять затем организацией массовых манифестаций. Пример: за месяц до выборов почти все

пансионаты под Киевом были сняты для размещения и тренировок активистов подобных структур».

Целый ряд «ненасильственных силовых» действий, которые рекомендованы в учебном пособии Шарпа, оказывают на граждан и должностных лиц столь сильное воздействие, что подпадают под понятие «приватизации властных полномочий». Это – лишение власти монополии на некоторые действия, эффективный способ подрыва государственности. При таких действиях чиновники теряются и просто не знают, как на них реагировать. Работники заблокированного Кабинета Министров Украины не нашли ничего лучшего, как обратиться к уполномоченному по правам человека с жалобой на то, что нарушают их *конституционное право на труд*. При чем здесь право на труд, при чем конституция? Достал томик Уголовного кодекса и зачитал статью. Не обсуждались фундаментальные вопросы, например, обязанность власти применять насилие к мятежникам. На само такое обсуждение было наложено табу во время спектакля на тему “права человека”. В последние годы этот вид политических технологий приобретает все большее значение, поскольку к этой же категории относится *терроризм*. Сходство «оранжевых» революций и терроризма как двух типов политических спектаклей сразу привлекло внимание политологов.

Р.Шайхутдинов пишет об «оранжевой» революции: «С точки зрения технологии существует отчетливая параллель между действием этой схемы захвата власти и современным терроризмом... Точно так же они могут понести наказание за не основное своё деяние: террористы – всего лишь за убийство, а захватчики власти, действующие по описываемой нами схеме – за беспорядки, препятствование деятельности органов власти и т.п. Наказания за „убийство государства“ нет. И убить его можно просто и практически безнаказанно».

В некоторых действиях, например, в использовании «живого щита», сходство имеет даже внешний характер – с той лишь разницей, что террористы для этой цели используют гражданских лиц под угрозой насилия. В «оранжевых» революциях для психологического давления на сотрудников правоохранительных органов используется *добровольный* живой щит – толпа женщин, детей, «молодежи», выступающая «за свободу», парализует силовые структуры власти. Это методы классического терроризма – только вместо взятия в заложники речь идет, по выражению Е.Холмогорова, о *самозахвате*.

Широко применяется в «оранжевых» революциях и *моральный террор* – организованное давление на тех, кто не согласен с новой, еще не получившей ни легальности, ни легитимности властью. Методы давления могут быть разные, в том числе и физическое насилие. Обстановка мягкого террора создается уже на ранних стадиях процесса. Например, с какого-то момента во время событий в Киеве ходить без оранжевой ленточки стало очень «неуютно»¹⁹¹.

Впрочем, как показывает опыт всех подобных революций, все они сопровождаются и целым рядом смертей, в том числе высокопоставленных лиц, обстоятельства и причины которых остаются нераскрытыми.

Молодежь в «оранжевой» революции

Давно сказано: «революция – праздник угнетенных». В гл. 1 было предложено рассматривать как революции не только радикальные способы разрешения фундаментальных социальных («классовых») противоречий, но и вообще все виды свержения власти, ведущие к глубоким изменениям общественного строя и судьбы страны. О характере революции многое можно сказать исходя из того, какие *угнетенные* воспринимают ее как праздник. Они и являются движущей силой революции.

«Оранжевая» революция на Украине (как раньше в Сербии и Грузии) явно была *праздником молодежи*. Молодежь была и основным источником кадров революционного актива, и основным контингентом активных уличных действий. Она заполняла площади Киева, стояла в пикетах и населяла палаточные городки. Именно она своим настроением придавала «оранжевой» революции облик праздничного карнавала. А.Чадаев пишет о «революционном классе или, говоря более современным языком, социальной страте», сыгравшей роль массовой силы событий на Украине: «Самое важное здесь – свойства этой страты, „собираемый образ“

её представителя. В первую очередь – более высокий уровень солидарности, чем в среднем по обществу... В „оранжевой революции“ эту роль сыграли студенчество, городские клерки (местный „средний класс“) и селяне Западной Украины»¹⁹².

Этот потенциал молодежи хорошо понимали и использовали западные политтехнологи и следующие их советам сотрудники Ющенко, но плохо понимали сотрудники Януковича и их московские советники. В то время как толпы молодежи «праздновали» на площадях Киева, собрания в Донецке принимали резолюции, требующие привлечь Ющенко и Тимошенко к уголовной ответственности «за подготовку и использование в уличных беспорядках агрессивных националистических молодежных формирований типа „Пора“; за наем и использование в уличных беспорядках несформированных в качестве личностей школьников и студентов».

Спектакль «оранжевой» революции изначально ставился режиссерами как молодежный карнавал. Одна газета писала: «Мюзикл революции со всеми обязательными для него ингредиентами – героями-протагонистами, злодеями-антагонистами, с концертными номерами, с сольными партиями, с впечатляющей массовой, с лирикой и романтикой единения – это действительно самое эффективное средство новейшей выборной политтехнологии». Нельзя только согласиться с последней фразой – речь идет вовсе не о выборной политтехнологии, а о большой целостной операции, в которой выборы играют очень частную и скорее маскирующую роль.

Газета «Известия» выделяет важные признаки «оранжевой» молодежной толпы: «Для молодежи деньги не главное, хотя многие студенты не стеснялись подрабатывать на Майдане. Для нее главное романтика. Поэтому для молодых нужен красивый лозунг. Такой как – борьба с коррупцией, все равны, национальное возрождение... и другие. Лозунги должны быть короткие и понятные. Если есть деньги и хороший лозунг, то можно рассчитывать на успех. Важной особенностью нынешней оранжевой революции на Украине является широкое использование карнавальных технологий. Все, буквально все элементы и моменты карнавала нашли свое место в киевских событиях. Вплоть до имитации сражения Света с Тьмой, во всех возможных для украинской сцены вариантах. На площади Независимости в Киеве широко применялась технология аниматоров или массовиков–затейников. Аниматоры – это такие люди, которые должны поддерживать на территории дома отдыха или курорта чувство праздника. Заводить публику на дискотеке, общаться с отдыхающими во время ужина, доставлять все радости жизни, кроме интима.

Вот стоит молодой парень, увешенный «морковками», который подхватывает льющийся из динамиков гимн предвыборной кампании Ющенко: «Разом нас багато! Нас не подолати!» Типичный аниматор. Вон, через сто метров еще один такой же. У аниматора всегда деловой взгляд. А если он чему-то радуется, то в этой радости – оттенок иронии над собой. Они грамотно расставлены по площади и работают по всем законам профессии: например, каждый день именно эти ребята привносят в оранжевую моду какой-то новый элемент. Сначала это были просто оранжевые ленточки на рукаве, потом апельсины в руках. Каждый день должно быть ощущение обновления обстановки – это главный принцип аниматорского искусства»¹⁹³.

Московский наблюдатель С.Вальцев отмечает высокую способность молодежи к консолидации на аполитичной («культурной») основе: «Политтехнологами из штаба Ющенко умело используется потребность молодежи принадлежать к определенной группе. Место на площади Независимости в Киеве превратилось в молодежную тусовку, а оранжевая повязка – пропуск на нее. Молодежь особо не волнуют Ющенко и его программа, им интересно „тусоваться“ и слушать „халявную“ музыку. Показателен в этом отношении тот факт, что более 90% из тех, кто страстно доказывает правоту Ющенко, не могут даже назвать его отчество, не говоря уже о чем другом. Управляемый протест, разбавленный дискотекой и подогретый выпивкой, очень хорошо направляется в определенное русло и служит для выполнения задач, о которых молодежь даже не догадывается»¹⁹⁴.

Революция, ударной силой которой является молодежная толпа, неминуемо несет в себе сильный привкус «революции гунна». С.Вальцев пишет: «Молодежи дали почувствовать собственную значимость: можно жечь костры на Крещатике, не боясь милиционеров, спокойно пить водку в центре Киева. Характерный эпизод – парень лет 17-ти, абсолютно пьяный, в

оранжевой шапке с наушниками управлял движением на Крещатике. Вся комичность эпизода заключается в том, что „управлял“ движением он на обычном повороте около киевского ЦУМа и в чем суть его размахивания руками – непонятно, так как двигаться автомобили могут только в одном направлении. Это продолжалось до тех пор, пока его чуть не задавил джип. А сколько это могло бы продолжаться, будь в Киеве другая ситуация? Его просто отвезли бы в отделение милиции... Естественно, Ющенко бессовестно эксплуатировал эти настроения и всем обещал, что никто из тех, кто жил в палаточном городке, забыт не будет»¹⁹⁵.

Что мог бы противопоставить этому избирательный штаб Януковича? Очевидно, что конкурировать с Ющенко и стоящими за его спиной западными политтехнологами в постановке постмодернистского спектакля-карнавала он не мог. Дело даже не в деньгах, организации и технике, а в совершенно разных культурных основаниях самих программ этих двух кандидатов. Значит, Янукович должен был действовать совсем в иной плоскости, нежели Ющенко. Янукович мог победить в «битве за молодежь» только в том случае, если бы ему удалось втянуть ее в диалог, затрагивающий фундаментальные проблемы жизни Украины и ее молодежи, но в диалог, ведущийся на понятном молодежи языке. Для этого он должен был бы располагать «своим» молодежным активом, способным говорить о фундаментальных проблемах на новом языке. Решить такую задачу штаб Януковича, видимо, был не готов.

Финансирование «оранжевых» революций

Если на последних стадиях «оранжевой» революции возникает бескорыстное массовое движение толпы, очарованной спектаклем «праздника угнетенных», то вся подготовительная работа и техническое обслуживание спектакля, а также подкуп части властной верхушки требуют стабильного и значительного финансирования. Деньги поступают и из внешних источников, и от внутренних сил, решивших поддержать революцию.

Каналы внешнего финансирования хорошо отработаны при подготовке свержения Милошевича в Югославии, и эта схема применялась в Грузии и на Украине практически без изменений. Некоторые изменения были внесены лишь при организации «революции тюльпанов» – там была меньше роль Сороса и больше – «Фридом Хаус». При этом США даже не скрывали своего участия в киргизских событиях. В отчете Госдепартамента сказано, что в 2004 г. США предоставили 53 финансовых гранта неправительственным организациям в Киргизии «для поддержки независимых СМИ, распространения информации, обучения журналистов, обеспечения прав человека, а также для получения правового образования». Как заметил директор гарвардского «Центра Дэвиса по изучению евроазиатских проблем» М. Гольдман, «потянув за конец киргизской нитки, можно размотать весь клубок бывших советских республик. И сама Россия может быть опрокинута»¹⁹⁶.

Реальные суммы, которые затрачивали западные спонсоры на каждую из этих революций, неизвестны. Некоторая часть этих сумм легализуется, иногда даже провоцируются скандалы – для того, чтобы показать «общественному мнению», насколько невелики эти суммы.

Так, представители Госдепартамента США в декабре 2004 г. сообщили, что украинская оппозиция за последние два года получила из Вашингтона около 65 миллионов долларов¹⁹⁷. На сайте Госдепартамента США можно было узнать, что в 2003 и в 2004 гг. на Украину поступило 13,9 и 13,8 млн. долларов по статье 121-0213 “Увеличение вовлечения граждан”. Там указано, сколько часов телевещания, «обучающего демократии», оплатит USAID (Американское агентство по международному развитию), сколько людей пройдут специальные тренировки и т.д.

Средства из госбюджета США поступали на Украину и через неправительственные структуры – в рамках «Программы поддержки демократии», на которую Госдепартамент ежегодно выделяет миллиард долларов. В списке неправительственных организаций, через которые переводились средства на Украину, числится Международный республиканский институт. Лони Кранер, глава этой организации и бывший высокопоставленный сотрудник Госдепартамента США, заявила, что США перечисляли средства на счета украинских оппозиционных партий преимущественно через международные благотворительные институты,

такие как центр Карнеги, Фонд «Евразия» и другие¹⁹⁸.

Именно Международный республиканский институт взял на себя расходы по организации поездки Ющенко в Вашингтон в феврале 2003 г. и организовал его встречу с вице-президентом Чейни, первым заместителем госсекретаря Армитиджем и конгрессменами. “Экзит-полы” на выходе с избирательных участков также проводились на деньги США и ряда других западных стран. На встрече активистов “Поры” и оппозиционеров из целого ряда стран СНГ были названы и некоторые суммы, которые могут быть потрачены на продолжение “революционной волны”. В частности, говорилось, что на Украине по линии NDI израсходовано 2 миллиона долларов “черного нала”, не облагаемого налогами.

Член Палаты представителей конгресса США Рон Пол заявил, что предвыборная кампания Виктора Ющенко частично финансируется на деньги американского правительства. По словам Пола, финансирование кампании Ющенко осуществляется не напрямую, а через различные неправительственные организации – как американские, так и украинские. “Мы не знаем точно, сколько именно миллионов долларов правительство США потратило на президентские выборы на Украине, может быть, десятки миллионов, – заявил конгрессмен, выступая в комитете по международным отношениям палаты представителей. – Однако мы знаем, что значительная часть этих денег предназначалась для оказания содействия одному конкретному кандидату – Виктору Ющенко”.

Схема, согласно Полу, такова: правительство США выделяет деньги «на развитие демократии и свободного рынка» через Американское агентство по международному развитию. Это агентство предоставляет на миллионы долларов грантов “Польско-американско-украинской инициативе для сотрудничества” – организации, которая управляется американским “Фридом Хаус”. Затем эти деньги передают неправительственным организациям на Украине, которые и расходуют их по согласованному плану.

В качестве примера Рон Пол приводит Международный Центр политических исследований, основанный Институтом Открытого общества Джорджа Сороса (на сайте этого центра – оранжевая ленточка и фото Ющенко). Родственные сайты международных организаций также разместили оранжевую ленту и фотографию Ющенко. “Финансирование иностранцами американских выборов по праву считается противозаконным деянием, – сказал Рон Пол. – Однако именно этим мы сейчас сами занимаемся за рубежом”¹⁹⁹.

Вероятно, однако, иностранная финансовая поддержка играет прежде всего системообразующую роль и служит гарантией того, что намерения западных покровителей революции серьезны и отечественные инвесторы обязаны раскошелиться. В номере журнала «Со-Общение», целиком посвященном «оранжевой» революции на Украине, в редакционной статье сказано об участии бизнеса в подобных революциях: «Только полуслепые политики и администраторы не хотели разуть глаза и увидеть, что революция выгодна значимым секторам бизнеса! Их представителям было желательно провести в Белый дом своего кандидата.

Кто сказал, что бунт молодёжи против истеблишмента не поддерживался и не направлялся политическими и бизнес-элитами, на время отделёнными от власти? Поддерживался. Направлялся. И демократ Джимми Картер, если угодно, стал президентом во многом вследствие митингов на вашингтонских, чикагских и нью-йоркских майданах. Просто не так быстро, как Виктор Ющенко.

Эти примеры говорят о том, что революции нужны не только и не столько буйным носителям значков, знамён, транспарантов, плакатов, шарфиков и ленточек. Активисты “недискуссионных смен режима” – лишь горячее переворотов. Их моторы, не говоря уже о конструкторах и машинистах, находятся в других местах.

Там выбирают цвета знамён и заказывают музыку. А потом выходят большие площадные оркестры. И мало – не кажется»²⁰⁰.

Можно вспомнить и «бархатную» революцию в августе 1991 г. в Москве. Весь спектакль “народного сопротивления ГКЧП” финансировался не только государственными организациями, но и предпринимателями. Только Инкомбанк “вложил” в оборону Белого дома 10 миллионов рублей (рублей того времени – примерно 200 тысяч минимальных месячных зарплат 1999 г.!). Как пишет газета “Коммерсант”, “Деньги на баррикады подвозились мешками – благо, было что в эти мешки положить... В помощь защитникам Белого дома ряд

коммерческих банков выделил около 15 млн. наличных денег – для закупки продовольствия и экипировки. Борцам за свободу дали попробовать знаменитые гамбургеры McDonald`s и пиццу из Pizza-Hut”. Состоялось даже трогательное единение предпринимателей и их мучителей – рэкетиров (как сказал в передаче “Взгляд” 23 августа А.Любимов, “рэкетеры принесли кучу “бабок”, взяли листовки, поехали по воинским частям”).

Украинские бизнесмены в разной форме финансировали «оранжевую» революцию. Например, с едой помогали несколько ресторанных сетей Киева. Вообще среди киевских бизнесменов считалось хорошим тоном поддерживать митингующих, надеясь на льготы в случае победы Ющенко. Впрочем, как и во время любых потрясений, желающих погреть руки более чем достаточно: по словам жителей палаточного городка, регулярно не доходили до адресатов партии одежды, обуви, продуктов – вместо палаток они попадали на городские рынки²⁰¹.

Как сообщает агентство «Regnum», материальную поддержку митингующим оказывала и городская администрация: «Мэр Киева А. Омельченко дал добро на размещение “гостей города” в ряде городских зданий и даже предоставил для ночлега и питания первые два этажа здания мэрии (в котором по совместительству расположен и городской парламент). Охраной мэрии занимались милиционеры, которые следили за тем, чтобы внутрь не проходили киевляне. Это связано с тем, что в дни революции в Киев на бесплатную пищу и ночлег съехались бомжи со всей Украины. Киевлян (кроме волонтеров) не пускали и в другие здания и лагеря. По указанию Омельченко вскоре после появления палаточного городка рядом с ним были установлены биотуалеты. Их вывозом, а также уборкой мусора занимались “Киевспецтранс”, и муниципальные районные службы. Грубо говоря, горадминистрация взяла на себя оплату всех услуг городского ЖКХ для митингующих, включая разрешение на подключение лагеря к городской электросети (которое сама же и выполнила). Администрация также занялась поставкой в лагерь основных продуктов (хлеба, колбасы, сахара), которые закупала у производителей, и медикаментов»²⁰².

Скорее всего, затраты на хлеб и колбасу для митингующих составляют в смете расходов на «оранжевую» революцию лишь незначительную часть. Действительно крупные расходы требуются для обеспечения режима наибольшего благоприятствования революционерам со стороны правительственных чиновников и особенно правоохранительных органов.

Е.Холмогоров пишет, обобщая опыт «оранжевых» революций: «Эффективность технологии смены режимов была настолько велика, что эксперты заговорили даже о существовании “политической атомной бомбы”, технологии, которая обеспечивает Америке гарантированный успех в осуществлении политического переворота. Хотя никакой особенной новой “технологии” предполагать не приходится – речь идет о старинном правиле: “Осел, нагруженный золотом, способен взять любую крепость”. С этой стороны речь идет о тотальном коррумпировании политической системы, о подкупе целого ряда ключевых должностных лиц внешней силой. Спокойное и относительно стабильное существование, а то и сохранение власти при новом режиме, многие чиновники предпочитают перипетиям политической борьбы, риску вооруженного сопротивления и положению “извергов преступного режима”, руководящих “государством-изгоем”.

В финансировании «оранжевой» революции на Украине участвовал и российский капитал – нечто среднее между иностранным и отечественным. Вернувшийся из Киева московский политолог С.Е. Кургиян рассказал, что во время его выступления в Украинском клубе сторонники Ющенко кричали, что от Сороса они получили только треть денег, а две трети им из Франции перевели промышленно-финансовые группы РФ, близкие к Кремлю. Впрочем, сторонники Ющенко могли и обмануть российского политолога.

В общем, при обсуждении сценариев новых «оранжевых» революций следует исходить из предположения, что механизм их финансирования налажен и смазан. Сама попытка заблокировать или разрушить его будет воспринята и администрацией США, и влиятельными отечественными силами как недопустимый наглый вызов демократии и правовым нормам Нового мирового порядка.

СМИ и Интернет

Важным фактором в победе «оранжевой» революции на Украине сыграло более эффективное, чем у сторонников Януковича, использование современных возможностей СМИ и Интернета. Эта эффективность определялась всеми тремя составляющими системы – социальной, содержательной и технической.

Как и в Москве в 1991 г., сообщество журналистов в основном встало под «демократические знамена», на сторону радикальных западников. А. Чадаев пишет: «Официозный агитпроп оказывается столь же бессилён, сколь и полицейщина: каждый журналист провластных СМИ к этому моменту уже носит под подкладкой оранжевую ленточку, и чем больше давит на него начальство, требуя нужного освещения событий, тем сильнее у него желание начать носить эту ленточку открыто. А потом самый смелый даёт информацию в эфир помимо воли руководства, становится народным героем – и всё, после этого контроль над медиа утерян. Хитрость тут в том, что журналисты – это часть того же самого революционного класса, и на них точно так же распространяются законы солидарности – это и их война»²⁰³.

Важным компонентом «оранжевого восстания» явился бунт ведущих украинских журналистов. Самым известным эпизодом был протест женщины-диктора, которая переводила на язык глухонемых сообщения государственного телевидения. Перед зрителями она предстала в оранжевом одеянии, а переводя сообщение о результатах второго тура президентских выборов, она внезапно языком жестов сказала: «Результаты выборов были сфальсифицированы... Мне жаль, что приходится переводить ложь».

Опыт Украины показал, что исход политической борьбы в сфере СМИ определяется не количественным соотношением объема вещания за власть и за оппозицию, а качеством вещания, умением *захватить* аудиторию. В. Осипов, изучавший роль культурных средств во время «оранжевой» революции, пишет: «Телевидение, за исключением одного единственного канала, оставалось в руках власти. Но именно этот канал работал во всех кафе, ресторанах, аэропортах – везде, где были телевизоры, доступные публике. Стандартный ресторанный репертуар сменил пятый канал – речи Тимошенко, репортажи из Рады, и т.д. Помните, как в 1989 году ТВ стало передавать прямые репортажи с сессий Верховного Совета СССР, как это всех интересовало, как широко и страстно обсуждались эти передачи?»

Организаторы «оранжевых» сразу же наладили информационное обслуживание массы людей, привлеченных для поддержки в Киев. В палаточном городке было свое радио и телевидение. Прокрутку песен и объявлений осуществляла будочка «Гала-радио». В центре лагеря стоял МАЗ с телеэкраном огромной диагонали, вмонтированным в кузов, по которому бесперебойно крутили новости, а по вечерам – фильмы. Телегрузовик, появившийся в первый же день – вклад телевизионного «5-го канала», возглавляющего оппозиционные СМИ. Ежедневно информационные листки со своими новостями раздавало агентство УНИАН, так что о действиях оппозиции митингующие были прекрасно осведомлены²⁰⁴.

Учитывая, что последние 15 лет значительная часть населения, особенно молодежь, погружена в мозаичную культуру рекламы, художественные средства ее воздействия были сразу привлечены для поддержки «оранжевой» революции.

Многие полиграфические фирмы начали использовать «революционную» тематику для собственной рекламы, печатая календарики с портретами лидеров оппозиции и своим логотипом. Небольшие предприятия также не упускали выгоды – в городке нередко можно было встретить красивый плакат типа «город такой-то – за Ющенко!», украшенный названием автосервиса или магазина. Большие же плакаты делали в Киеве на заказ сами делегаты.

Что касается пропагандистско-агитационной работы, то здесь все было налажено прекрасно. Запущенный одним толчком, маховик «оранжевого настроения» заработал сам по себе. Оранжевые шарфы, значки, косынки, дождевики и прочее смели за первые 2-3 дня. В дальнейшем атрибутику можно разве что купить. Предприимчивые торговцы наладили продажу шарфов и шапочек по 20-30 гривен. Можно было купить и флажки, и воздушные шарики, заказы на которые коммерсанты размещают там же, где они и обычно это делают – на киевских и турецких трикотажных фабриках. Уходили влет. Единственное, что можно получить

бесплатно – это оранжевые полиэтиленовые ленточки. На получение нескольких флагов с надписью «Так!», также полиэтиленовых, могли претендовать только организованные группы. Наклейки, которые штамповали сотнями тысяч экземпляров в киевских типографиях, заказывала, оплачивала и размещала «Пора». А с организацией размещения проблем не было – так, за одну ночь во всех лифтах домов целого района появились наклейки с надписью «Не мочись в лифте – ты же не донецкий», сделанные тиражом 500.000 экз.205.

Соединение эстетического приема с политическим символическим смыслом оказывает на сознание и еще более на эмоции магическое действие. Обозреватель из Москвы пишет: «Молодые девушки вплетают в волосы оранжевые ленты, бизнес-вумен украшают двухсотдолларовые сумочки кокетливыми оранжевыми бантиками, бабушки носят оранжевые платки, а парни, мужественно расстегивают зимние куртки, чтобы были видны оранжевые футболки. Бизнес достаточно быстро отреагировал на повышенный спрос. На нескольких сайтах можно не только ознакомиться с образцами „революционного товара“, но и приобрести понравившуюся вещь. Оранжевый ежедневник с надписью „Да, Ющенко“ стоит 45 гривен (чуть больше 8 долларов). Оранжевая футболка с надписью „Свободу не остановить“ облегчит ваши карманы на 14 долл., а точно такая же футболка с надписью „Преступникам Хрен“ обойдется на доллар дешевле. Руководители фирм настроены весьма оптимистично, ведь только объемы продажи футболок превысили полторы тысячи штук в неделю.

В витринах магазинов одежды манекены одеты исключительно в оранжевую одежду. Это правило касается как демократичных магазинов спортивной одежды (шапочки, шарфы, свитера), так и бутиков. Но, если вы решили сэкономить и самостоятельно связать шарф или шапку, то вас постигнет жестокое разочарование – в продаже давно нет оранжевых ниток»206.

Команда Януковича находилась в другом *культурном измерении*. Она говорила на другом языке, обращалась к другим струнам в душе. Она и не могла конкурировать с оппонентами на их поле – но не противопоставила им своих сильных слов и образов. «Независимая газета» пишет: «Власти не поняли роли эстетики. Малочисленные, одинаково подстриженные и одетые в одинаковый камуфляж сторонники Виктора Януковича вели себя так неактивно, будто отбывают номер. Образ жителя восточной Украины как „недо-...“ ярк и активно насаждается даже на ее же землях. В нынешней предвыборной (и перевыборной) кампании он прекрасно воплощен в образе „человека, голосующего за Януковича“: это небритое угрюмое лицо, грязная темная одежда, каска шахтера, или же это криминальная „шестерка“ с одной извилиной, и общее у них то, что слушают они блатняк на радио „Шансон“207.

Пропагандисты «оранжевых» действовали творчески и, главное, обращались к новым, даже нарождающимся эстетическим потребностям и предпочтениям городских жителей, тянущихся к культуре космополитического мегаполиса. Эти пропагандисты уже включены в большую интернациональную сеть, по которой новые слова и образы циркулируют независимо от политических задач. Технологи пропагандистской команды Ющенко были подключены к этой сети – так же, как технологи из их «племени» в РФ подключены к команде Ющенко. Например, в Калининграде на обычных десятирублевках уже появился штамп «Россия без Путина». Эта купюра – листовка, которую прочитают все. Любопытно! С точки зрения пропаганды это дешевле и гораздо эффективней, чем листовка. Таких технологий протеста существует множество208.

Заметную роль сыграл и Интернет. Несмотря на то, что Интернет-аудитория зоны UA не так уж и велика (примерно 10% всего совершеннолетнего населения Украины), сетевому сообществу удалось внести существенный вклад в дело «оранжевой» революции – прежде всего, благодаря оперативности освещения событий. Даже при наличии оппозиционных телеканалов телевидение неспособно так полно освещать события, как это делают независимые Интернет-сайты, а бумажные издания в этом определенно проигрывали сетевым, не успевая реагировать на события.

Интернет позволил планировать акции протеста в режиме онлайн, то есть в прямом разговоре всех участников. Шел обмен сообщениями, члены сетевого сообщества договаривались о совместных действиях, таких, как, например, пикетирование Кабинета министров.

В целом в Интернете украинской зоны (UA) преобладала поддержка «оранжевой»

революции. Ее поддержали и некоторые компании-провайдеры, представители телекоммуникационного бизнеса. Операторы связи «Сильверком» и «Визор» предложили своим клиентам *бесплатный* канал доступа в Интернет, в том числе и к оппозиционным информационно-аналитическим сайтам «Украинская правда» и «Майдан».

К подготовке обеспечения поддержки «оранжевой» революции средствами Интернета привлекались и иностранные специалисты. Полной картины этой стороны дела нет, но базирующаяся в пригороде Вашингтона известная американская пиар-компания «Rock Creek Creative» подтвердила, что оказала содействие украинской оппозиции в «разработке информационной стратегии, бренда и политики для Интернет-сайта „оранжевой революции“». Информационный Интернет-портал „оранжевой революции“ был размещен на нескольких серверах в неназванных странах Европы, а все программное обеспечение для портала было зарегистрировано в Чехии.

На основе информации из Интернета был организован и самиздат, материалы которого распространялись на майдане и по регионам. Этот «Народный самиздат» стал серьезной акцией информационно-политических ресурсов украинского Интернета. На оппозиционных сайтах размещались листовки, новости, а люди, у которых есть доступ в Интернет, распечатывали эту информацию и раздавали на улице. В качестве эффективного противодействия цензуре сетевые журналисты организовали круглосуточное вещание с украинских улиц и площадей: с майдана, Крещатика, из регионов, трансляции из Верховной рады.

Оппозиция более значимо присутствовала в Интернете благодаря финансовой поддержке ее сайтов и в силу приверженности целям «оранжевой» революции тех журналистов (большая часть столичных), которые делают независимые сайты. Ющенко проводил очень активную Интернет-кампанию. У него и его штаба были великолепные, часто обновляемые сайты. Региональные штабы самостоятельно распространяли информацию через свои рассылки. Штаб Януковича и его сторонники были чрезвычайно слабы в этом плане – сайт самого кандидата обновлялся всего пару раз в день²⁰⁹.

Власть пыталась «фильтровать» Интернет. Например, сайт с анекдотами про Януковича был «закрыт» для Украины. Однако сетевые СМИ к такому повороту событий оказались готовы и без проблем зарегистрировались в зарубежных сетевых зонах: com, net, org. Владельцы Интернет-ресурсов, сменив свои адреса на международные, организовали «зеркальные» серверы-копии за пределами Украины.

Часть 2

Введение. Зачем Соединенным Штатам «оранжевая» революция в РФ?

Есть ли у «мирового правительства» мотивы для того, чтобы в доктрине установления Нового мирового порядка перейти к прямым военным действиям против нынешнего режима РФ? Почему перестала удовлетворять принятая в 90-е годы тактика подкупа правящей элиты РФ и одновременно давления на нее? Чужая душа потемки, а с прагматической точки зрения можно предположить такие побуждения.

1. Тактика подкупа и давления правящей верхушки РФ в принципе была рассчитана на краткосрочную перспективу. «Мировое правительство» и не могло всерьез принимать предположение, что Россия утратит свое устойчивое цивилизационное ядро и сможет принять уготованную ей в новом мировом порядке роль периферийного придатка Запада. Тот факт, что какое-то время часть правящей элиты РФ сама верила в такую возможность (или имитировала эту веру), не мог ввести в заблуждение интеллектуальную службу правящей мировой верхушки. Збигнев Бжезинский непрерывно предупреждает, что Россия обязательно начнет подниматься и возрождаться как империя. Поэтому такие усилия были потрачены на «оранжевую» революцию на Украине. О необходимости именно из этих соображений присоединить Украину к Западу он говорил так: «Если России удастся помешать

присоединению Украины, она вновь может стать империей, командующей своим окружением. И неизбежно Россия превратится в угрозу для своих соседей».

В данный момент, после успешной операции на Украине, геополитические стратеги в США считают возможным нанести непоправимый ущерб государственности РФ. В недавнем докладе американо-израильского аналитического центра стратегического прогнозирования «Stratfor» сказано: Спад России и использование этой ситуации со стороны США привели нас к водоразделу. В случае если Украина потеряна Москвой, Грузия становится доминирующей страной на Кавказе, а события в Киргизии перекинутся на всю Центральную Азию (все это очень легко представить), под очевидный вопрос станет выживание самой Российской Федерации. Мы будем очевидцами второй деволуции (devolution), когда часть Российской Федерации отсоединится от нее. Россия, которую мы знаем сегодня, больше не будет существовать»²¹⁰.

2. Продолжительность «мирного» периода контролируемого истощения РФ определялась балансом между парами противостоящих факторов – величиной военного потенциала РФ, унаследованного от СССР, и скоростью его ослабления; способностью политического режима РФ надежно контролировать социальную ситуацию, в то же время не допуская восстановления РФ как державы, и способностью России к реставрации своего цивилизационного ядра и консолидации вокруг него осколков бывшего СССР.

С точки зрения стратегических интересов США (в рамках доктрины Нового мирового порядка) комбинация всех этих факторов в ближайшее время проходит положение *оптимума*. Вслед за этим с высокой вероятностью может последовать ослабление возможности контроля над РФ как со стороны США, так и со стороны прозападных сил внутри РФ. Следовательно, будет расти риск, что РФ начнет выскальзывать из той исторической ловушки, в которую она была загнана во время перестройки и реформы 90-х годов – понемногу начнут восстанавливаться и ее ядерный щит, и ее хозяйство.

В цитированном выше американо-израильском докладе говорится: «Россия может восстановиться, если ей дать время. США не планируют видеть Россию восстановленной и, следовательно, не дадут ей времени. Вашингтон намерен видеть Россию в неблагоприятном состоянии и довести это состояние в необратимый процесс. Россия сегодня очень близка к этой ситуации, но, по нашему мнению, окно, которое вскоре закроется, пока открыто. Вопрос прост – ухватится ли Россия за шанс, который может быть последним, или русские уже слишком устали, чтобы заботиться об этом?»

3. К 2000 г. стало очевидно, что стал иссякать эффект от того манипулятивного воздействия на массовое сознание граждан РФ, которое было предпринято в конце 80-х и в 90-е годы. Его оказалось недостаточно для того, чтобы изменить фундаментальную систему ценностей большинства населения. Разрушение ряда блоков идеологии и нравственных устоев не привело к подавлению мироощущения русского народа и других народов России в такой степени, чтобы они приняли перспективу превратиться в зону периферийного капитализма с утратой культурной и политической независимости.

Более того, реформа, проведенная прозападными силами, породила в массовом сознании интенсивные и устойчивые антизападные настроения, каких не было и в советское время. В январе 1995 г. 59% опрошенных (в «общем» опросе) согласились с тем, что «западные государства хотят превратить Россию в колонию» и 55% – что «Запад пытается привести Россию к обнищанию и распаду». Но ведь уже и 48% молодых людей с высшим образованием высказали это недоверие Западу.

Средств повернуть этот процесс вспять больше не имеется, утопия «возвращения в цивилизацию» себя исчерпала, иссяк и антисоветский импульс пропаганды 90-х годов. В этих условиях возрожденная Россия могла бы представить для США гораздо более устойчивого и опасного идеологического противника, нежели советское общество, массовое сознание в котором было подавлено и примитивизировано официальным истматом («марксизмом»).

4. Для прозападных сил становится все труднее надежно контролировать процесс истощения РФ и демонтажа ее культурного ядра. На выборах 2000 и 2004 гг. власти уже пришлось использовать патриотическую риторику, так что разрушительные реформы вынужденно ведутся в вопиющем противоречии с их идеологическим прикрытием. Возник

порочный круг: ускорение этих реформ с целью быстрее пройти «точку возврата» усиливает пассивное сопротивление и населения, и госаппарата.

Преодолевается идейный раскол общества, укрепилось ядро, составляющее примерно половину населения, в общих чертах согласное с «образом будущего» возрожденной России. По последним данным, «46,5% видят будущее России как великой державы, сильного социального государства, основанного на возвращении к традициям и моральным ценностям. То есть некий синтез советской и досоветской традиций, как некоторые говорят, „советская власть без коммунистов“. Все остальные варианты „будущего России“ носят скорее периферийный характер. Эта „идеальная“ цель не описывается, по мнению большинства россиян, в терминах „капитализм“ или „социализм“²¹¹.

При такой динамике процессов для США нет смысла затягивать эволюционную фазу подавления России как мировой державы. Становится неприемлемо высоким риск, что прозападная власть РФ в ее нынешней конфигурации может не справиться с назревающей *реставрационной революцией*. В.В.Путин как президент не смог (или не захотел) удовлетворительно заблокировать тенденцию к восстановлению России как державы.

В то же время В.В.Путин не захотел (или не смог) поддержать средствами государства и тенденцию к реставрации России как державы. В данный момент возникло состояние крайне неустойчивого равновесия. В этом состоянии любая из противостоящих политических сил может даже с небольшими ресурсами толкнуть ход событий в нужный ей коридор. Почти наверняка США постараются не упустить этот момент.

5. Мотивом для интенсивного воздействия на политические процессы в Евразии является для США усиление Китая и Индии. В недалеком будущем будет достигнут критический уровень, после которого будет подорвана гегемония США, станет невозможным осуществление глобализации «по-американски», а на мировом рынке стратегического сырья США столкнутся с сильной конкуренцией. Особую опасность для США представляет тенденция к образованию центра экономической и военной силы при сближении РФ с Китаем и Индией. Установив прямой контроль над властной элитой РФ, США смогли бы пресечь эту тенденцию и даже превратить РФ в фактор сдерживания Китая в Евразии. Возник бы также шанс реализовать планы американских геополитиков по сраливанию РФ с исламским миром.

Таким образом, правящие круги США имеют и достаточные мотивы, и объективно наиболее удобный момент, чтобы радикализовать кризис в РФ и попытаться «провести пересборку» системы власти, сразу взяв новую властную бригаду под более жесткий и более непосредственный контроль.

Приближается и благоприятный конъюнктурный момент для проведения такой кампании. В ближайшие годы РФ будет переживать момент «естественной» нестабильности – выборы 2008 г. При отсутствии гражданского общества и автократическом характере постсоветской государственности в РФ смена президента в рамках действующей конституции («выборы») или изменение конституции с целью продления полномочий В.В.Путина на время создадут большую неопределенность. В условиях РФ это будет означать временное резкое ослабление государственности и острую нестабильность. Причиной этого являются: почти полное отчуждение населения от власти и враждебное отношение к проводимой ею социально-экономической политике, деградация зачатков многопартийной политической системы и парламентаризма, раскол господствующего меньшинства (в том числе и в правящей элите).

В такой момент можно со сравнительно небольшими ресурсами «добавить нестабильности», доведя ее до того критического уровня, при котором становится возможным осуществить *перехват власти*. Технология такого использования момента выборов доведена в настоящее время, как было показано в предыдущих главах, до высокого уровня. На наших глазах с помощью такой технологии была проведена смена властной верхушки в Сербии, Грузии и на Украине. Во всех случаях для ослабления власти имелись объективные предпосылки, но они были целенаправленно использованы с помощью быстрого и организованного воздействия извне.

Если в качестве момента для нанесения главного удара будут определены выборы 2008 г., то интенсивная кампания начнется, видимо, сразу после решения о формуле продолжения

полномочий «бригады В.В.Путина» – или через конституционное разрешение на «третий срок», или через сдвиг к парламентской республике, или через образование нового государства – Союза РФ и Белоруссии. Вероятно, однако, что подготовительные дестабилизирующие действия будут предприняты заранее. Некоторые обозреватели полагают, что со стороны США В.В.Путину будут предъявлены ультимативные требования, например, принять предложение США о «совместных мерах по защите ядерных объектов от международных террористов». Подобные требования при любом ответе ухудшат положение В.В.Путина внутри РФ. Отказ выполнить их приведет к углублению конфликта с Западом и к раскручиванию антипутинской кампании в СМИ (в том числе в прозападных СМИ в РФ). Выполнение этих требований будет означать еще большую раскрытость РФ в отношении влияния Запада, что будет представлено теми же СМИ как предательство национальных интересов России. На деле это требование США было бы ультиматумом о согласии на размещение на территории РФ военного контингента США или НАТО для контроля над российским ядерным оружием и объектами атомной энергетики. Утрата РФ полного суверенитета над ядерным оружием в нынешней реальной обстановке означала бы начало быстрого демонтажа всей системы ее государственности как независимой страны. И принять подобный ультиматум, и отвергнуть его означало бы для В.В.Путина дестабилизацию положения внутри РФ и резкое обострение всех существующих в обществе конфликтов.

В ходе реформы власть РФ загнала себя в ловушку, сходную с той, в которой оказалась российская монархия после 1905 г. – *любой* шаг царского правительства истолковывался в обществе так, что положение режима ухудшалось.

Глава 15. Факторы слабости власти РФ при угрозе «оранжевой» революции

1. Главным фактором слабости власти в «оранжевой революции» является то, что противоречия между властью и обществом более глубоки и остры, чем между нею и свергающими ее силами. Нынешней власти РФ «друг Джордж» и «друг Герхард» ближе по духу и по интересам, чем большинство населения РФ, которое отвергает реформу. Поэтому когда надо принимать необратимые решения о борьбе с «оранжевыми революционерами», власть мучают сомнения – «а не слишком ли сильно мы сопротивляемся?» Не слишком ли мы обидим друга Джорджа?

Некоторые политологи считают важным условием победы будущей «оранжевой» революции в РФ «более чем дружеские отношения руководства страны с лидерами США». Это условие лишь на первый взгляд кажется парадоксальным: «Даже для граждан, далеких от политики, не являлась большим секретом проамериканская и фактически антироссийская политика прежнего президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе. Ни Украину, ни Киргизию руководство США также не отнесло к так называемой оси зла, а президенты Аскар Акаев и Леонид Кучма не были замечены в антиамериканской деятельности. Каковы же в этом контексте отношения президента России Владимира Путина и президента США Джорджа Буша? По мнению большинства экспертов, отношения президентов двух стран находятся на высоком уровне взаимного доверия, что позволяет считать ситуацию в России по данному признаку предреволюционной»²¹². Действительно, прямые доверительные отношения резко облегчают возможность сговора правителей и согласование порядка передачи власти, для приличия прикрытое «оранжевым» спектаклем.

Власть, которая действительно сопротивляется «оранжевой революции», заведомо может ее подавить, так что для свержения такой власти требуются совсем иные технологии.

Это прекрасно знают и западные эксперты. Один из них, Р. Денбер, пишет: «Президентские выборы в Азербайджане в 2003 г. вызвали политическое насилие, в результате которого были арестованы многие лидеры оппозиции. Публичные демонстрации протеста в Азербайджане стали практически невозможными. В Казахстане на парламентских выборах всего один член оппозиционной партии получил место в нижней палате. На парламентских выборах в Белоруссии не был избран ни один кандидат от оппозиционной партии. Прочность

постсоветского режима против “оранжевой” угрозы проверил Узбекистан. 28 декабря 2004 г. здесь прошли выборы в парламент. Победа проправительственной партии была предрешена, потому что кандидатов от оппозиции не было»²¹³.

2. Перестройка подорвала рациональное сознание и породила новые призраки и идолов, которых эксплуатировал Б.Н.Ельцин. Россияне, привыкшие жить в состоянии катастрофы, отнеслись к нему добрее, чем к Горбачеву. В.В.Путин в первые годы своего президентства породил в массовом сознании надежды на то, что власть вернется к здравому смыслу и заговорит на понятном народу языке. Сейчас эти надежды быстро тают.

Язык, на котором власть излагает замысел последних реформ (пенсионной, ЖКХ, административной, образования и др.), воспринимается как лживый, злонамеренный и даже глумливый. При проведении таких «непопулярных» реформ приводятся доводы странные, со здравым смыслом не вяжущиеся, но никаких вопросов «посторонние» задать не могут, а политики из числа посвященных молчат с многозначительным видом, как будто обладают тайным знанием. Нормальные, понятные для всех речи вообще исключены из обихода. Коммуникации между верховной властью и населением подорваны настолько, что положение следует считать катастрофическим. В случае большой операции информационно-психологической войны против РФ бригада В.В.Путина в ее нынешнем состоянии не сможет объясниться с обществом и обратиться к нему за поддержкой с разумными доводами.

В. Никитаев пишет: «Практически всегда „народные волнения“ начинаются с того, что население перестает слушать представителей власти. Коммуникативный разрыв между инстанцией власти и населением происходит, конечно, не вдруг – и, как правило, в этом виновна сама власть... Так или иначе, но наступает такой момент, когда население „отказывается понимать“ и „перестает слушать“ власти предрержащие, а те уже не могут заставить слушать и слушаться... Коммуникативный переворот есть первый признак или провозвестник переворота социального. Так начинались все революции»²¹⁴.

Коммуникативный разрыв власти с населением вызван объективной причиной – *принципиальной невозможностью* для власти рационально говорить на языке земных понятий. Это имеет место, когда стратегическая линия власти реально противоречит фундаментальным интересам народа – даже если силы, готовящие свержение данной власти, являются еще более «антинародными».

В конце 80-х годов в СССР стратегическая линия верхушки КПСС вошла в противоречие с интересами страны и народа. Власть не могла вести с обществом откровенный разговор и делать свою программу предметом честных дебатов. Она стала манипулировать сознанием и говорить на языке ложных понятий («общечеловеческие ценности», «возвращение в лоно цивилизации» и пр.). Когда клика Ельцина стала готовить перехват власти, этот переворот был не в интересах подавляющего большинства населения. Однако клика Горбачева уже не могла обратиться за поддержкой к обществу, поскольку в свете тех понятий, которыми власть излагала свою программу, различия между Горбачевым и Ельциным не были видны. Важнее для людей уже был тот факт, что Горбачев вызывал отвращение, а Ельцин шел его свергать.

Такой же была ситуация у Шеварднадзе в Грузии и у Кучмы на Украине. Напротив, А.Г. Лукашенко имеет возможность говорить с обществом на понятном и разумном языке, люди понимают суть выбора, перед которым они стоят, понимают свои интересы – и за Лукашенко голосует даже большинство оппозиционно настроенной интеллигенции. Его свержение методами «оранжевой революции» невозможно.

В социальном и духовном срезе политика режима В.В.Путина в РФ такова, что защищать его для населения не имеет *видимого* смысла – никаких различий между ним и любым другим известным умеренным политиком нет (или различия даже не в пользу В.В.Путина). И потенциальные «оранжевые» непрерывно это демонстрируют.

В последнее время В.В.Путин произвел в социальной сфере ряд важных изменений в пользу крупного капитала (Земельный и Лесной кодексы, отмена прогрессивного подоходного налога, упрощение вывоза денег за границу, сокращение срока давности при пересмотре приватизационных дел, отмена налога на крупное наследство и др.). Это не только противоречит интересам подавляющего большинства, но и оскорбляет его. Ведь идеологи

крупного капитала глумятся над чувством справедливости людей.

Вот философские рассуждения С. Фигнера: «Глупо отрицать, что олигархические капиталы в России выросли на общенародной собственности (была у нас когда-то такая). Наши ротшильды взяли то, что плохо лежало, а некоторые и вовсе залезли в карман государству. Но давайте зададимся вопросом: так ли уж это несправедливо? И вообще уместно ли в данной ситуации ставить вопрос о справедливости?.. Судить об олигархах с точки зрения морали – все равно что ругать львов за то, что они поедают антилоп... Они – элита общества и потому руководствуются иными, нежели обычные люди, принципами.

Да, российские олигархи лишены нравственных предрассудков. Но только благодаря этому они и выжили в прямом смысле этого слова и выдвинулись на первые роли в жесточайшей конкурентной борьбе, на деле доказав свое право владеть лучшими кусками российской экономики. Нас же не удивляет, почему самый сильный и опытный лев не охотится, но тем не менее первым поедает добычу, которую ему приносят члены прайда. Таков закон природы: сильнейшему достается все. Человеческое общество по своей природе мало чем отличается от прайда. На вершине социальной пирамиды и оказываются самые оборотистые и проворные.

Олигархов обвиняют в том, что они выводят свои активы в офшорные зоны и покупают дорогую недвижимость за границей. Но положи руку на сердце ответьте: вы бы стали вкладывать миллионы долларов в нынешнюю Россию?

Президент должен определить, кто поведет экономику России вперед, сделав ставку на таких прагматиков, как Вексельберг, сумевших сколотить огромную финансово-промышленную империю, охватывающую не только отдельные города, но и целые регионы. Неужели такой организатор, как Виктор Вексельберг, не в состоянии управлять какой-нибудь из уральских или Иркутской областью, экономическое и социальное развитие которых уже сегодня во многом зависит от него? Именно сейчас, когда Владимир Путин сам назначает политический и промышленный топ-менеджмент государства, у нас появился шанс вырваться вперед за счет привлечения наиболее авторитетных и крупных предпринимателей к управлению страной»²¹⁵.

Как должны люди относиться к В.В.Путину, который не только благосклонно принимает эту расистскую галиматью, но и на практике делает именно так, как ему советует С.Фигнер!

Различия между В.В.Путиным и его «оранжевым» преемником могут обнаружиться лишь при анализе геополитических и долговременных последствий такого перехвата власти, но и тут откровенного разговора власть вести не может, поскольку уже пять лет она сдает одну геополитическую позицию за другой. Чтобы высказаться откровенно, власти пришлось бы назвать вещи своими именами и пойти на прямой разрыв с правящей верхушкой США, а В.В.Путину – получить ордер на арест от Гаагского трибунала. А он крест власти не подряжался нести, он – менеджер.

3. Следующим фактором слабости власти при ее целенаправленной дестабилизации является неспособность общества к самоорганизации и структурированию в соответствии с идеалами и интересами разных социальных групп и слоев. Само общество не может («не умеет») защитить власть, даже если свержение этой власти ему невыгодно.

Такая самоорганизация – свойство, присущее западному гражданскому обществу. В его структурных элементах складываются свои системы коммуникации, в ходе общественного диалога осознаются интересы и вырабатываются позиции и программы действий. Какая бы внешняя или внутренняя сила ни попыталась изменить политический порядок, каждая социальная группа в гражданском обществе быстро оценит соответствие возможных изменений своим интересам или опасность для своих интересов. Она сделает это быстро и независимо от способности самой власти к диалогу. Осознав опасность для своих фундаментальных интересов, социальная группа займет активную позицию в политической борьбе и защитит власть – даже если по множеству второстепенных проблем к этой власти имеются серьезные претензии.

В СССР и нынешней РФ общество имеет иную природу, нежели на Западе, оно до сих пор относится к категории «традиционных» обществ, которые структурируются и организуются самим государством. Как только государство в РФ отошло от идеологии и практики

патернализма, общество оказалось малоподвижным и «беззащитным». Это проявилось, например, в том, что при высочайшем уровне социальной несправедливости реформ трудящиеся массы не организовались для защиты своих прав и даже очевидных шкурных интересов. Те рыхлые структуры гражданского общества, которые стали возникать в ходе реформы в виде оппозиционных партий и общественных организаций, в последние два года были подавлены или разрушены усилиями администрации президента и «партией власти». Политическое пространство, и до этого вырожденное, превращено в пустыню.

Эти действия резко ухудшили обороноспособность власти. Перехват власти «пятой колонной» геополитического противника России противоречит фундаментальным интересам подавляющего большинства трудящихся. Поэтому в случае такой попытки организованная левая оппозиция выступила бы на защиту власти, несмотря на противоречия с ней по социальным вопросам (так же, как в августе 1917 г. большевики организовали защиту Временного правительства от мятежа Корнилова). Действия администрации президента по разрушению структур организованной оппозиции являются кардинально ошибочными с точки зрения интересов государственности РФ (или говорят о сходстве фундаментальных интересов этой администрации и «пятой колонны»).

Важной предпосылкой кризиса становится «техническая» слабость власти, деградация системы принятия решений и связей управления. Произошел сдвиг от президентской республики к системе правления типа «хунты». Хунта – особый тип структуры власти, к которому часто скатываются страны, имитирующие западную демократию в отсутствие развитого гражданского общества. Эту систему власти приводит к жизни необходимость управлять расколотым, резко поляризованным по уровню жизни обществом – управлять, не разрешая главного социального противоречия. Власть хунты адекватна олигархическому и криминальному капиталу, даже если она вынуждена вступать с ним в локальные конфликты. Последние действия администрации по реформированию системы власти говорят о сдвиге именно к такой системе усеченной государственности. Отброшены попытки выработать целостный проект восстановления и развития, обоснованный связной идеологией.

Объективные причины этого сдвига были усилены самой историей создания режима В.В.Путина. Слабая легитимность передачи власти «преемнику» привела к тому, что В.В.Путин стал формировать властную бригаду не на гражданской основе, которая возникает при наличии общей программы, а на основе корпоративной и местнической солидарности. При этом возникает круговая порука, которая и превращает правящую верхушку в хунту. Руководитель становится заложником своих соратников, как и они – его заложниками. Единство группы становится условием продолжения власти и даже личного благополучия ее членов. Первый признак возникновения такой круговой поруки – сохранение в «обойме» даже тех членов когорты, которые откровенно «не тянут», а то и с треском проваливают порученное им дело. Таких примеров много, и они все у нас перед глазами.

Но и при этом структура хунты обычно недолговечна, что предопределено отсутствием программы и связной идеологии. Их заменяют импровизации вроде «борьбы» с каким-то наспех слепленным образом зла, а также смесь демократических, рыночных и популистских лозунгов. И мы видим, как на глазах слабеет власть, как она «растаскивается» неизвестно кем из властной верхушки. То и дело возникают неизвестно по какому принципу собранные «группы» с каким-то исключительным, неизвестно на чем основанным влиянием. От них исходят проекты, чреватые катастрофическими последствиями, но остаются неизвестными ни реальные авторы этих проектов, ни их цели, ни аргументы²¹⁶. Около власти вьется целый рой темных личностей, которые уполномочены толковать скрытый смысл дел и заявлений Кремля.

Вопиющей стала безнаказанность должностных лиц, допускающих громкие провалы или даже злоупотребления в своей работе. Происходят невероятные по масштабам и сходные по своей структуре террористические акты, каждый раз выявляется халатность или прямое пособничество должностных лиц – и никакой реакции верховной власти. Это возможно только при действии круговой поруки во властной верхушке, парализующей нормальные действия руководства.

Начатая административная реформа, видимо, ослабит защитные возможности власти. Резко ухудшила управляемость ликвидация сложившейся в России за три века министерской

системы. В том же направлении повлияет и придание большей жесткости вертикали власти. В условиях неустойчивого равновесия гибкость и адаптивность политической системы не менее важна, чем прочность ее каркаса.

Вертикали власти советской системы придавала устойчивость не ее жесткость, а наличие системы горизонтальных связей, осуществляемых партией. Большая часть конфликтов разрешалась или гасилась именно в этой системе, без сотрясения вертикалей. Как только властные сигналы перестали поступать через партийные каналы, казавшаяся жесткой вертикаль власти стала недееспособной. Сейчас администрация президента пытается полностью лишить гибкости систему административной власти, не имея ни эффективных каналов партийной власти, ни общей идеологии, ни общепризнанной программы. Это ослабит власть в условиях острой нестабильности – назначенные сверху эмиссары Москвы потерпят поражение в борьбе с местными кланами.

Слабая связность страны с усилением власти местных элитных кланов придает всей системе власти «феодалный» характер. Ослабление при этом центральной власти наглядно обнаружилось в ходе «оранжевой» революции на Украине. Российский наблюдатель пишет: «Феодалное устройство страны как фактической федерации областей определило политику Кучмы – лавирование между феодалными кланами. Выстраивая между ними равновесие за счет раздачи ключевых постов в центре, Кучма таким образом избегал попадания в зависимость от какого-то одного феодалного клана. Но в этой ситуации ему все больше и больше приходилось считаться с экономическими реалиями, и равновесие нарушалось в пользу «Донов». В конце концов Кучма понял, что в случае прихода к власти Януковича он и днепропетровский клан теряют все в обозримой перспективе»²¹⁷.

Все это – очевидные угрозы. Ответом на них должны были бы быть действия по расширению социальной базы власти, создание разнообразных каналов для диалога с обществом, для выявления разногласий и поиска компромиссов, повышение гибкости связей с регионами. Мы же видим противоположный выбор – курс на снижение гибкости и разнообразия системы власти и управления. Вместо диалога и поиска компромиссов – неоправданно быстрое продавливание реформ, вызывающих протест и возмущение общества. Продавливание через послушную Госдуму с демонстративным отказом от всяких объяснений, от ответа на самые простые, неизбежные вопросы. При этом и Госдума, и региональные власти исчезают как инструмент согласования интересов. Президент и его правительство остаются в политическом вакууме. Властная группа уже не может допустить открытости, она «окостенела». Она идет напролом, углубляя противоречия. Вот это и является причиной разлитых в воздухе предчувствий срыва.

4. Фактором слабости власти является ее *историческая вина*. Нынешний политический режим зачат в акте государственной измены, совершенной Горбачевым, а затем Ельциным. Преемники клики Ельцина у власти частично уже свободны от этого исторического груза, но в недостаточной степени. Они остаются «слугой двух господ»: народа РФ (в той мере, в которой они приняли крест власти, а не функции «менеджера по контракту») – и правящей верхушки Запада, которая поддержала Горбачева и Ельцина в их революции против государства и народа СССР и РСФСР.

Эта раздвоенность регулярно проявляется в том, что власть, ради подтверждения своей лояльности Западу, оскорбляет историческую память и совесть большинства собственного народа. Например, российскому телевидению, которое перешло под полный контроль радикальной западной части крупного капитала и гуманитарной интеллигенции, дана полная свобода вести передачи, исполненные *культурного садизма* по отношению к населению. Принятая в РФ «Доктрина информационной безопасности» отброшена и даже не вспоминается.

Даже проведенная с большим размахом под внешне патриотическими лозунгами кампания празднования 60-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне подрывала этот едва ли уже не главный соединяющий граждан символ национального сознания. Проблематика войны и победы была деформирована и представлена как дань благодарности небольшой горстке стариков-ветеранов. Вместо размышлений о природе этой особой войны и тех формах социальной организации и государственности, в которых советский народ смог

мобилизоваться для победы, эфир заполнили огромным числом манипулируемых выступлений ветеранов, в которых эти главные вопросы были обойдены и подменены бытовыми воспоминаниями. В большинстве их акцент делался на тяготах войны с общим рефреном «будь ты проклята, война». Какая же война «будь проклята»? Отечественная, *священная*.

И разве может согласиться историческая память и совесть с тем, что за все время праздничной кампании ни разу не было вслух сказано имя Сталина и такие слова, как «коммунистическая партия» или «советская система организации», «советская школа» и другие подобные понятия, которые наполнены большим содержательным смыслом. То, что в момент тяжелого кризиса всему обществу требуется как материал для самопознания и раздумий, было выхолощено из пространства праздника, которое все было заполнено этим материалом. Более того, идеологическим деятелям типа А.Н.Яковлева и Г.Х. Попова было позволено в сам момент праздника вести гнусную и поразительную по своей лживости и тупости пропаганду, пачкающую образ Победы.

Власть демонстративно нарушает волю большинства граждан, выраженную пусть на убогих и несвободных, но все же выборах – как прежде издевалась над волей, выраженной на референдумах. Академик Н.Петраков пишет, почти с изумлением: «Ситуация складывается парадоксальная. В декабре 2003 года при выборах в Госдуму народ высказался против проводимой правыми экономической политики. По принятым во всем мире правилам люди, которые проводили экономический курс, отвергнутый избирателями, из правительства уходят. А у нас они все остались на своих местах. Все чиновничье ядро экономического блока в правительстве осталось правым. И именно они создают погоду в экономической политике»²¹⁸.

Потому-то трудно надеяться на то, что сама власть организует реальное сопротивление «оранжевой» революции. Смена властной верхушки в нынешней РФ для США означает смену слуги. «Оранжевая революция» в этом акте является, в известном смысле, даже данью уважения к государству и народу РФ – у них не спрашивают согласия, но устраивают ритуальный спектакль по смене власти. Ведь проиграть войну почетнее, чем не быть даже уведомленным о смене слуги, которого ты частично считал своим. То, что сопротивляться может и сам слуга, в этом деле несущественно.

Более того, как правило, само это сопротивление в подобных случаях обычно тоже принимает характер ритуального спектакля. Прежде чем уйти, слуга должен поломаться, этого требуют приличия. Сальвадор Альенде, принявший правила игры западной демократии, не мог обратиться прямо к народу, но он хотя бы мог достойно вести себя лично. Он пытался быть слугой своего народа в непригодной для этого политической системе – и был обречен. Но если бы так же пытались вести себя Горбачев, Шеварднадзе или Акаев в момент их свержения, это было бы глупо и смешно.

Если сопротивляться «оранжевой революции», заказанной и оплаченной из США, попытается В.В.Путин, то этот его бунт будет на Западе воспринят как абсолютно неприемлемый прецедент, который не может кончиться полюбовно. Решившись на реальное (а не фиктивное) сопротивление, такая властная верхушка сжигает за собой мосты. Сделать этот личный выбор очень трудно и, скорее всего, члены такой властной верхушки, не имеющие принципиальных оснований для самоубийственного разрыва с Западом, предпримут сопротивление фиктивное, ритуальное, уговоренное с «главным хозяином». Поведение Кучмы вполне показательное.

5. Государственность РФ резко ослаблена *коррупцией*. Коррупция, которая во времена Ельцина считалась временным явлением революционного хаоса, теперь буквально «введена в рамки закона», стала, как теперь принято говорить, системной и даже *системообразующей* ²¹⁹. Теневые потоки денег идут к коррумпированным чиновникам по установленным каналам автоматически.

Коррупция подрывает легитимность власти, потому что вызывает не только недовольство и населения, и предпринимателей поборами, но и *презрение*. Оно разрушает авторитет власти. Особенно губительны для легитимности власти разоблачения коррупции в ее высших эшелонах. Эта тема используется практически во всех «виртуальных революциях». В РФ возможности ее эксплуатации очень благоприятны.

В результате коррупции по власти бьет не только недовольство и презрение собственного

населения, но и презрение западного общественного мнения, к которому очень чувствительны влиятельные социальные группы в РФ (интеллигенция). Эта тема непрерывно звучит на престижных международных форумах, что также ослабляет позиции власти РФ.

Как сказано в докладе американо-израильского аналитического центра «Stratfor», «эта риторика запланирована для того, чтобы поставить Россию в оборонительную позицию, так же, как это было сделано геополитически».

По утверждению немецкой газеты «Die Welt» уровень коррупции в России делает ее непривлекательной для германских компаний. Газета пишет: «Россия по подверженности коррупции занимает в мировой таблице о рангах место посреди африканских государств. Российская бюрократия – корень всех зол – достигла невиданного масштаба во время правления Владимира Путина»²²⁰.

Наконец, коррупция делает очень ненадежным государственный аппарат, особенно в критические моменты. Коррупцированная власть – слабая власть.

Другой интенсивно используемой темой является преступность и особенно преступное насилие в правоохранительных органах. Здесь также идет накопление материала для его вброса в массовое сознание.

6. Особым следствием предыдущего положения является неизбежная разношерстность группировок, составляющих властную элиту РФ. Изначально находясь в зависимости от США, режим РФ был вынужден согласовывать с ними распределение сфер влияния и даже конкретных постов в своей политической системе. Под контролем правящей верхушки США в систему власти РФ встраивались «сдержки и противовесы» – в виде влиятельных групп, являющихся заведомыми агентами влияния США. Всем известны такие «непотопляемые авианосцы», обладающие неприкосновенностью даже в условиях «авторитарного режима В.В.Путина». Эта явная «пятая колонна» обладает значительными возможностями в финансовой, информационной и административной сфере, и в случае «оранжевой революции» сразу реализует эти возможности.

Не менее важна внешне лояльная В.В.Путину часть властного аппарата, которая при резкой дестабилизации обстановки будет вынуждена примкнуть к «оранжевым революционерам» из шкурных соображений. Это – та часть, которая слишком коррумпирована, чтобы устоять против шантажа. Поскольку добытые преступным путем состояния таких чиновников хранятся в основном на Западе и находятся под контролем спецслужб США, этим людям действительно трудно решиться занять твердую позицию в борьбе против «оранжевой революции». Нет у них для этого ни идейной, ни материальной основы.

Глава 16. Государство переходного периода: исчезновение народа

Источником принципиальной слабости постсоветских государств против «оранжевых» революций является неспособность власти и политической элиты понять суть того перехода в философии власти, который они сами совершили, разрушая государство *советское*. Власть постсоветских государств – за исключением Азербайджана и республик Средней Азии (не считая Киргизии) – бездумно назвала эти государства *демократическими* и даже стала следовать некоторым внешним нормам западной демократии, не определив источников легитимности, а значит и силы власти в этой новой системе.

Антисоветская власть, выросшая из перестройки, являлась продуктом советского общества и советского государства. Политическая, в том числе интеллектуальная, элита, из которой отбирались властные команды в постсоветских государствах, представляла себе источник силы и легитимности власти в категориях и понятиях старого, традиционного, общества (царского и советского). Тот факт, что европейское образование и марксизм «прикрыли» эти категории и понятия «тонкой пленкой европейских слов», лишь затруднил для постсоветской власти возможность увидеть, в какую ловушку она лезла со своей «демократизацией» – она сама создавала для себя *вакуум легитимности*.

Сейчас кажется даже странным, что в «правлящем слое» – от Горбачева до Путина – вообще не встал вопрос: над кем он властвует? Странно это потому, что те, кто шел к реальной власти уже в конце 80-х годов, а теперь готовится к второму раунду битвы за свою

власть уже в форме «оранжевых» революций, эту проблему довольно ясно представляли себе уже при Горбачеве. Сейчас это видно по многим вскользь сделанным замечаниям в текстах тех лет. Тогда антисоветская элита видела в этих замечаниях лишь поддержку в своем проекте разрушения советского государства, а «просоветская» часть общества этими замечаниями возмущалась как абсурдными и аморальными. На деле речь шла о создании идеологической базы уже для «оранжевых» революций.

Суть проблемы сводилась к тому, что же такое *демос*, который теперь и должен получить всю власть. Ведь *демократия* – это власть *демоса*! Да, по-русски «демос» означает *народ*. А правильно ли нам перевели это слово, не скрыли от нас какую-то важную деталь? Да, скрыли, и даже ввели в заблуждение. Само слово *народ* имеет совершенно разный смысл в традиционном и в гражданском западном обществах.

В царской и советской России существовало устойчивое понятие народа. Оно вытекало из священных понятий *Родина-мать* и *Отечество*. Народ – надличностная и «вечная» общность всех тех, кто считал себя детьми Родины-матери и Отца-государства (власть персонифицировалась в лице «царя-батюшки» или другого «отца народа», в том числе коллективного «царя» – Советов). Как в христианстве «все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии» (и к тому же «Мы – дети Божии... а если дети, то и наследники»), так и на земле все, «водимые духом Отечества», суть его дети и наследники. **Все** они и есть народ – суверен и источник власти. Небольшая кучка отщепенцев, отвергающих «дух Отечества», из народа выпадает, а те, кто отвергает этот дух активно, становятся «врагами народа». Дело власти – за ними следить, их увещевать, а то и наказывать.

Таков был русский миф о народе, многое взявший из Православия и из космологии крестьянской общины. Мы никогда не соотносили его с иными представлениями. А ведь уже даже на ближнем от нас феодальном Западе их государственность строилась на совсем других толкованиях. Например, в Польше и Венгрии вплоть до XIX века сохранялась *аристократическая* концепция нации. Так, «венгерскую нацию» составляли все благородные жители Венгрии, даже те, кто венграми не был и по-венгерски не говорил – но из нации исключались все крепостные и даже свободные крестьяне, говорившие на диалектах венгерского языка. Представления венгров о своем народе быстро изменялись в ходе сдвига, всего за столетие с небольшим, от *аристократического* к *пролетарскому* национализму²²¹.

Аристократическое понимание народа было кардинально отвергнуто в ходе великих буржуазных революций, из которых и вышло *гражданское общество*. Было сказано, что приверженцы Старого порядка – всего лишь *подданные* государства («монарха»). Народом, демосом, становятся лишь те, кто стали гражданами и совершили революцию, обезглавив монарха. Именно этот, новый народ и получает *власть*, а также становится наследником *собственности*. И этот народ должен вести непрерывную войну против всех тех, кто не вошел в его состав («быдла»).

В фундаментальной многотомной «Истории идеологии», по которой учатся в западных университетах, читаем: «Демократическое государство – исчерпывающая формула для народа собственников, постоянно охваченного страхом перед экспроприацией... Гражданская война является условием существования либеральной демократии. Через войну утверждается власть государства так же, как „народ“ утверждается через революцию, а политическое право – собственностью... Таким образом, эта демократия есть ничто иное как холодная гражданская война, ведущаяся государством».

В понятиях политической философии Запада индивиды соединяются в народ через гражданское общество. Те, кто вне его – не народ. С точки зрения западных исследователей России, в ней даже в середине XIX века не существовало народа, так как не было гражданского общества. Путешественник маркиз де Кюстин писал в своей известной книге о России (1839 г.): «Повторяю вам постоянно – здесь следовало бы все разрушить для того, чтобы создать народ». Это требование почти буквально и стало выполняться полтора века спустя российскими демократами. Они, впрочем, преуспели пока что только в разрушении, а выращиваемый в пробирке реформ новый народ не прибавляет в весе.

Символическое значение самой декларации, в которой небольшая часть населения, выступающая против власти, объявляет себя народом, красноречиво проявилось в ноябре 1989

г. в ГДР. Тогда митинг молодежи в Дрездене стал скандировать: «Мы – народ!» Это стало возможным и уговоренным потому, что на это было получено разрешение от правящей верхушки двух великих держав – США и СССР. Этот новый народ получил внешнюю легитимацию от беспрекословных в ГДР авторитетов. Раньше этот митинг не мог бы состояться и не имел бы смысла, потому что этому молодому авангарду резонно ответили бы: почему это вы – 1% населения ГДР – народ? Народ – это все 14 миллионов восточных немцев, и воля их выражена ими несколькими способами.

В использовании символа «народ» в ГДР был совершен очень важный поворот (возможно, неожиданный для Горбачева, но наверняка согласованный с Западом). Вначале митингующие кричали: «Wir sind das Volk!», что буквально означало «**Мы** – народ!» Затем вдруг определенный артикль был заменен на неопределенный: «Wir sind ein Volk!» И возникла неопределенность, которая могла трактоваться и трактовалась как «Мы – **один** народ!» Так митинг декларировал не только свое право как народа решать свою судьбу, но и объявлял о своем решении объединиться с ФРГ в один народ. Массы населения поняли, что вопрос решен – и приветствовали нового суверена.

В СССР этот процесс происходил исподволь. Мысль, что население СССР (а затем РФ) вовсе не является народом, а народом является лишь скрытое до поры до времени в этом населении особое меньшинство, развивалась нашими демократами уже начиная с середины 80-х годов. Тогда эти рассуждения поражали своей *недемократичностью*, но подавляющее большинство просто не понимало их смысла. Не поняло оно и смысла созданного и распространенного в конце 80-х годов понятия «новые русские». Оно было воспринято как обозначение обогатившегося меньшинства, хотя уже первоначально разрабатывалось как обозначение тех, кто отверг именно «дух Отечества» (как было сказано при первом введении самого термина «новые русские», отверг «русский Космос, который пострашнее Хаоса»).

Ненависть возникающего в революции-перестройке нового народа к подданным, к *традиционному народу*, была вполне осознанной. В журнале «Век XX и мир» (1991, № 7), один такой «новый» гражданин писал в статье «Я – русофоб»: «Не было у нас никакого коммунизма – была Россия. Коммунизм – только следующий псевдоним для России... И так, я – русофоб. Не нравится мне русский народ. Не нравится мне само понятие „народ“ в том виде, в котором оно у нас утвердилось. В других странах „народ“ – конкретные люди, личности. У нас „народ“ – какое-то безликое однообразное существо».

В 1991 г. самосознание «новых русских» как народа, *рожденного революцией*, вполне созрело. Их лозунги, которые большинству казались абсурдно антидемократическими, на деле были именно демократическими – но в понимании западного гражданского общества. Потому что только причастные к этому меньшинству были *демосом*, народом, а остальные остались быдлом, «совками». Г.Павловский с некоторой иронией писал в июле 1991 г.: «То, что называют „народом России“ – то же самое, что прежде носило гордое имя „актива“ – публика, на которую возлагают расчет. Политические „свои“...».

Это самосознание нового «народа России» пришло так быстро, что удивило многих из их собственного стана – им было странно, что это меньшинство, боровшееся против лозунга «Вся власть – Советам!» исходя из идеалов демократии, теперь «беззастенчиво начертало на своих знаменах: „Вся власть – нам!“». Ничего удивительного, вся власть – им, потому что только они и есть народ. Отношение к тем, кто их власть признавать не желал, было крайне агрессивным²²².

О составе этого нового народа, вызревшего в советском «народе подданных», поначалу говорилось глухо, смысл можно было понять, только изучая классические труды западных идеологов гражданского общества, но мы их не изучали. Картину можно было составить из отдельных мазков – коротких статей, выступлений, оброненных туманных намеков, – но этим анализом не занимались. Систематически заниматься этим нет времени и сегодня, но примеры привести можно.

Так, в «перестроечной» среде получила второе дыхание идея о том, что интеллигенция представляет собой особый народ, не знающий границ и «своей» государственности. Идея эта идет от времен Научной революции и просвещенного масонства XVIII века, когда в ходу была метафора «Республика ученых» как влиятельного экстерриториального международного сообщества, образующего особое невидимое государство – со своими законами, епископами и

судами. Их власть была организована как «невидимые коллегии», по аналогии с коллегиями советников как органов государственной власти немецких княжеств²²³. Во время перестройки, когда интеллектуалы-демократы искали опору в «республике ученых» (западных), стали раздаваться голоса, буквально придающие интеллигенции статус особой *национальности*.

Румынка С. Иначе, получившая известность как борец за права меньшинств, писала (в 1991 г.): «По моему мнению, существует еще одна национальность, называемая интеллигенцией, и я хотела бы думать, что принадлежу также и к ней». А вот развернутое рассуждение Г.Павловского о «его народе», интеллигенции: «Русская интеллигенция вся – инакомыслящая: инженеры, поэты, жида. Её не обольстишь идеей национального (великорусского) государства... Она не вошла в новую историческую общность советских людей. И в сверхновую общность „республиканских великоруссов“ едва ли поместится... Поколение-два, и мы развалим любое государство на этой земле, которое попытается вновь наступить сапогом на лицо человека.

Русский интеллигент является носителем суверенитета, который не ужился ни с одной из моделей российской государственности, разрушив их одну за другой... Великий немецкий философ Карл Ясперс прямо писал о праве меньшинства на гражданскую войну, когда власть вступает в нечестивый союз с другой частью народа – даже большинством его – пытаясь навязать самой конструкции государства неприемлемый либеральному меньшинству и направленный против него религиозный или политический образ...

Что касается моего народа – русской интеллигенции, а она такой же точно народ, как шахтеры, – ей следует избежать главной ошибки прошлой гражданской войны – блока с побеждающей силой. Не являясь самостоятельной политической силой, русская либеральная интеллигенция есть сила суверенная – ей некому передоверить свою судьбу суверенного народа»²²⁴.

Сейчас Павловский поет другие, антилиберальные песни, но это неважно, он личность сложная. Он высказал в 1991 г. стратегические идеи, в них и надо вникать. Правда, тогда он был еще покладист – нелиберальное большинство тоже называл народом. Более того, *точно таким же*, как интеллигенция, народом он называл даже шахтеров – тех, кого во время «оранжевой» революции в Киеве прямо обозначили как *быдло*, противостоящее *народу*.

Замечательно, что эйфория нового народа от его грядущей победы вовсе не обманула его проникательных идеологов. Они видели, что власть этого демоса эфемерна, слишком уж он невелик. Поэтому публикации тех лет были наполнены жалобами на то, что нет у нас социальной базы для демократии – вокруг один *охлос*, люмпены. Весной 1991 г. в типичной антисоветской статье «Рынок и государственная идея» дается типичная формула: «Демократия требует наличия демоса – просвещенного, зажиточного, достаточно широкого „среднего слоя“, способного при волеизъявлении руководствоваться не инстинктами, а взвешенными интересами. Если же такого слоя нет, а есть масса, где впритирку колышутся люди на грани нищеты и люди с большими... накоплениями, масса, одурманенная смесью советских идеологием с инстинктивными страхами и вспышками агрессивности, – говорить надо не о демосе, а о толпе, охлосе... Надо сдерживать охлос, не позволять ему раздавить тонкий слой демоса, и вместе с тем и охлоса посредством разумной экономической и культурной политики воспитывать демос»²²⁵.

Уже в самом начале реформы была поставлена задача изменить тип государства – так, чтобы оно изжило свой *патерналистский* характер и перестало считать *все* население народом (и потому собственником и наследником достояния страны). Теперь утверждалось, что *настоящей* властью может быть только такая, которая защищает *настоящий* народ, то есть «республику собственников».

Д.Драгунский объясняет: «Мы веками проникались уникальной философией **единой отеческой власти**. Эта философия тем более жизнеспособна, что она является не только официальной государственной доктриной, но и внутренним состоянием большинства. Эта философия отвечает наиболее простым, ясным, безо всякой интеллектуальной натуги воспринимаемым представлениям – семейным. Наше государственно-правовое сознание пронизано семейными метафорами – от «царя-батюшки» до «братской семьи советских народов»... Только появление суверенного, **власть имущего** класса свободных собственников

устранит противоречие между «законной» и «настоящей» властью. Законная власть будет наконец реализована, а реальная – узаконена. Впоследствии на этой основе выработается новая философия власти, которая изживет традицию отеческого управления»226.

Говоря об этом разделении идеологи перестройки в разных выражениях давали характеристику того большинства (охлоса), которое не включалось в народ и должно было быть отодвинуто от власти и собственности. Это те, кто жил и хотел жить в «русском Космосе». Г.Померанц пишет: «Добрая половина россиян – вчера из деревни, привыкла жить по-соседски, как люди живут... Найти новые формы полноценной человеческой жизни они не умеют. Их тянет назад... Слаборазвитость личности – часть общей слаборазвитости страны. Несложившаяся личность не держится на собственных ногах, ей непременно нужно чувство локтя... Только приоритет личности делает главным не место, где проведена граница, а легкость пересечения границы – свободу передвижения»227.

Здесь – отказ уже не только от культурного Космоса, но и от *места*, от Родины-матери, тяготение этого нового народа к тому, чтобы включиться в глобальную расу «новых кочевников». Здесь же и прообраз будущей «оранжевой» антироссийской риторики – Померанц уже в 1991 г. утверждает, что под давлением «слаборазвитости» охлоса «Москва сеет в Евразии зубы дракона».

В требованиях срочно изменить тип государственности идеологи *народа собственников* особое внимание обращали на армию – задача создать наемную армию карательного типа была поставлена сразу же. Д.Драгунский пишет: «Поначалу в реформированном мире, в оазисе рыночной экономики будет жить явное меньшинство наших сограждан [„может быть, только одна десятая населения“]... Надо отметить, что у жителей этого светлого круга будет намного больше даже конкретных юридических прав, чем у жителей кромешной (то есть внешней, окольной) тьмы: плацдарм победивших реформ окажется не только экономическим или социальным – он будет еще и правовым... Но для того, чтобы реформы были осуществлены хотя бы в этом, весьма жестоком виде, особую роль призвана сыграть армия... Армия в эпоху реформ должна сменить свои ценностные ориентации. До сих пор в ней силен дух РККА, рабоче-крестьянской армии, защитницы сырых и обездоленных от эксплуататоров, толстосумов и прочих международных и внутренних буржуинов... Армия в эпоху реформы должна обеспечивать порядок. Что означает реально охранять границы первых оазисов рыночной экономики. Грубо говоря, защищать предпринимателей от бунтующих люмпенов. Еще грубее – защищать богатых от бедных, а не наоборот, как у нас принято уже семьдесят четыре года. Грубо? Жестоко? А что поделаешь...»228.

Здесь изложена доктрина реформ 90-х годов в интересующем нас аспекте. На первом этапе реформ будут созданы лишь «оазисы» рыночной экономики, в которых и будет жить *демос* (10% населения). В *демократическом* (в понятиях данной доктрины) государстве именно этому демосу и будет принадлежать власть и богатство. Защищать это просвещенное зажиточное меньшинство от бедных (от *бунтующих люмпенов*) станет реформированная армия с новыми ценностными ориентациями. Коляшущаяся на грани нищеты масса (90% населения) – *охлос*, лишенный и собственности, и участия во власти. Его надо «сдерживать» и, по мере возможности, рекрутировать из него и воспитывать пополнение демоса (по своей фразеологии это – типичная программа ассимиляции национального меньшинства).

Каков же результат осуществления этой программы за пятнадцать лет? Все это время в стране шла холодная гражданская война нового народа (демоса) со старым (советским) народом. Новый народ был все это время или непосредственно у рычагов власти, или около них. Против большинства населения (старого народа) применялись прежде всего средства *информационно-психологической* и *экономической* войны, а также и прямые репрессии с помощью реформированных силовых структур229.

Экономическая война против советского народа внешне выразилась в лишении его общественной собственности («приватизация» земли и промышленности), а также личных сбережений в результате гиперинфляции. Это привело к глубокому кризису народного хозяйства и утрате социального статуса огромными массами рабочих, технического персонала и квалифицированных работников сельского хозяйства. Резкое обеднение большинства населения привело к кардинальному изменению всего *образа жизни* (типа потребления,

профиля потребностей, доступа к образованию и здравоохранению, характеру жизненных планов).

Изменение образа жизни при соответствующем идеологическом воздействии означает глубокое изменение в материальной культуре народа и разрушает мировоззренческое ядро цивилизации. Изменения в жизнеустройстве такого масштаба уже не подпадают под категорию *реформ*, речь идет именно о революции, когда по выражению Шекспира, «развал в стране и всё в разъединенье». По словам П.А.Сорокина, реформа «не может попираť человеческую природу и противоречить ее базовым инстинктам». Человеческая природа каждого народа – это укорененные в подсознании фундаментальные ценности, которые уже не требуется осознавать, поскольку они стали «естественными». Изменения в жизнеустройстве советского народа в РФ именно попирали эту «природу» и противоречили «базовым инстинктам» подавляющего большинства населения.

Крайне жесткое, во многих отношениях преступное, воздействие на массовое сознание (информационно-психологическая война) имело целью непосредственное разрушение культурного ядра советского народа. В частности, был произведен демонтаж исторической памяти, причем на очень большую глубину. Историческая память – одна из важнейших духовных сфер личности, скрепляющая людей в народ. По своим масштабам программа разрушения исторической памяти, проводимая со второй половины 80-х годов XX века, намного превзошла аналогичную кампанию, которая велась с 1925 г. – также в условиях холодной гражданской войны между «космополитическим» и «почвенническим» течениями в большевизме. Та кампания была травмирующим образом прекращена в 1934 г., когда произошел перелом в соотношении сил в пользу сталинизма.

Анализируя с этой точки зрения СМИ 1996 г., А.Иголкин пишет: «Количество традиционных исторических символов с сегодняшним средним номере газеты меньше, чем даже в начале 1950-х годов. Тогда за небольшой, скажем, трехмесячный период в обычной газете можно было обнаружить ссылки на все без исключения века русской истории, сотни исторических имен, причем сама отечественная история была представлена как связное единое целое. История не знала огромных „черных дыр“: ни в смысле исторических „провалов“, ни в смысле сплошного очернения... Общая плотность исторической символики, идущих из глубины веков духовно-исторических полей и энергий в СМИ была достаточно высокой. Историко-символические ресурсы служили национальным интересам»²³⁰.

В другом месте А.Иголкин пишет, что «для современной российской газеты характерна потеря практически всех исторических имен, всей архаики», и приводит замечание Ю.Лотмана: «Каждая культура нуждается в пласте символов, выполняющих функцию архаики. Сгущение символов здесь особенно заметно». При этом Ю.Лотман подчеркивает, что самые простые, архаические символы образуют символическое ядро культуры, и именно насыщенность ими позволяет судить об ориентации каналов коммуникации²³¹.

Сдвиги и в общественном сознании, и в образе жизни были инструментами для демонтажа того *народа*, который и составлял советское общество, был тем демосом, на согласии которого и держалась легитимность советской государственности, и сила советского государства. К 1991 г. советский народ был в большой степени «рассыпан» – осталась масса людей, не обладающих надличностным сознанием и коллективной волей. Эту массу демократы и называют охлосом.

В результате экономической и информационно-психологической войны была размонтирована «центральная матрица» мировоззрения населения России, оно утратило систему ценностей координат. Медики даже говорят о разрушении *динамического стереотипа*, вырабатываемой в культуре способности ориентироваться в социальном пространстве и времени. Именно этим они объясняют аномально высокую смертность населения трудовых возрастов²³². Этим же во многом объясняется и всплеск преступности, особенно с применением насилия.

Кризис мировоззрения в советском обществе начался задолго до реформы 90-х годов, он явился ее предпосылкой. Его проявлением стало зарождение *социалистического постмодернизма*, о котором говорилось в гл.8. Суть его, как и вообще постмодернизма, была в релятивизации, разрыхлении ядра системы ценностей, в ослаблении ее иммунитета против ценностей *социальных патологий* (признаком этого было, например, бурное развитие

уголовной лирики, широкая популярность диссидентских воззрений в широком смысле слова). Перестройка нанесла по ослабленному культурному основанию народа мощный удар и в большой мере разрушила его (точнее, в достаточной мере, чтобы парализовать волю). Используя введенный в 70-х годах термин, можно сказать, что в 90-е годы мировоззренческая матрица народа Российской Федерации представляла собой ризому – размонтированную среду без матричной иерархии, среду «тотальной равнозначности», лишенную «образа истинности»²³³. Это утрата связной картины мира и способности к логическому мышлению, выявлению причинно-следственных связей.

В этом состоянии большинство населения РФ действительно утратило некоторые важнейшие качества народа, необходимые для выработки программы и для организации действий в защиту хотя бы своего права на жизнь. Можно говорить, что народ болен и лишен дееспособности, как бывает ее лишен больной человек, который еще вчера был зорким, сильным и энергичным. Но и в этом болезненном состоянии он продолжает подвергаться тяжелым ударам, направленным на разрушение его самосознания²³⁴.

В начале реформ господствующее меньшинство утверждало, что речь будет идти о «пересборке» народа, о консолидации атомизированных индивидов, «освобожденных» от уз советского тоталитаризма, в классы и ассоциации, образующие *гражданское общество*. Этому должны были служить новые отношения собственности и создание системы политических партий, представляющих интересы классов и социальных групп. На первом этапе эти партии должны были принять активное участие в демонтаже старого народа.

В соответствии с этим планом должны были быть реформированы и механизмы, «воспроизводящие» общество – школа, СМИ, культура и т.д. При этом, как утверждалось, должен был возникнуть новый «средний класс» и таким образом образоваться достаточно многочисленный демос. Для выжившей при таком переходе части обедневшего населения, остающейся в статусе охлоса, предполагалось создание систем благотворительности и право на социальные протесты. Как известно, эти планы оказались утопическими (для тех, кто в них искренне верил) и выполнены не были. Гражданского общества и обширного «среднего класса» не возникло. Возникла патологическая, резко поляризованная социальная система.

В этой системе большинство населения РФ в его нынешнем обессилённом состоянии «съеживается» и низводится до положения бесправного *меньшинства*. В рамках демократических процедур (например, выборов) это «меньшинство» и не может отстоять и защитить свои права и обречено на вымирание. Тот факт, что в численном отношении этот «бывший» народ находится в РФ в большинстве, при установленной демократии западного образца не имеет никакого значения – как для англо-саксонских колонизаторов Северной Америки не имела значения численность индейцев при распределении собственности и политических прав.

Этот момент даже закреплён в праве. Специалист по правам человека разъясняет смысл ярлыка «меньшинство»: «В некоторых обстоятельствах и с определенной целью в качестве меньшинств рассматриваются... и люди, составляющие численное большинство в государстве, но лишенные при этом на уровне законодательства или на практике возможности в полной мере пользоваться своими гражданскими правами»²³⁵. Другой антрополог специально отмечает: «Я заключаю слово „меньшинства“ в кавычки, поскольку во многих случаях подобные группы обладают фактическим численным большинством, но при этом относительно безвластны»²³⁶.

Именно так и обстоит дело в РФ – *на практике* численное большинство в государстве лишено возможности в полной мере пользоваться своими гражданскими правами. Практика эта определена тем, что и собственность, и реальная власть целиком принадлежит представителям *другого народа* – того самого демоса, о котором говорилось выше. Именно эти представители диктуют экономическую, социальную и культурную политику. Большинство населения против монетизации льгот или смены типа пенсионного обеспечения, но власть не обращает на это внимания. Большинство страдает от программной политики телевидения, выступает против смены типа российской школы или ликвидации государственной науки – на это не обращают внимания. Большинство не желает переделки календаря праздников, не желает праздновать День независимости, на это не обращают внимания. И все это вполне законно, потому что в созданной победителями политической системе это численное большинство – охлос,

пораженный в правах.

Конечно, ярлык «меньшинство» – не более чем символ, но это символ, который отражает реальность. Ведь в социальных процессах важна не численность общественной группы, а ее «мощность», аналогично тому, как в химических процессах важна не концентрация агента, а *активность* 237. Этот ярлык узаконивает политическую практику в глазах демоса. Иначе господствующее в РФ меньшинство не могло бы считать себя демократами и получать подтверждение этого титула на Западе. Чувствуя, что неравенство в распределении прав и богатства носит в РФ вовсе не классовый, а постмодернистский квазиэтнический характер, часть русских, пытаясь нащупать понятное обозначение этого состояния государства, выражает его в простой, но неверной формуле: «к власти пришли евреи».

Неверна эта формула потому, что хотя евреи и слишком «видимы» в верхушке господствующего меньшинства, они присутствуют там вовсе не в качестве представителей *еврейского народа*, а как организованная и энергичная часть особого *нового сборного народа*, созданного в ходе перестройки и реформы. И на любое проникновение во властную элиту людей и групп, которые по своей мировоззренческой матрице *не вполне* принадлежат к этому новому народу, весь он, независимо от исходной национальности Ясина или Яковлева, реагирует на это чрезвычайно болезненно. В.В.Путин привел в эту властную команду группу т.н. «силовики». Ее отторжение господствующим меньшинством является категоричным и непримиримым, но его никак нельзя представить как столкновение мировоззренческих матриц еврейского и русского народов.

Социальные инженеры и политтехнологи, которые конструировали постсоветское пространство и его жизнеустройство, мыслили уже в категориях постмодерна, а не Просвещения. Они представляли общество не как равновесную систему классов и социальных групп, а как крайне неравновесную, на грани срыва, систему конфликтующих *этносов* (народов). По отношению к их программам Р.Шайхутдинов применил даже термин *демотехника* (от слова демос) – быстрое искусственное создание или демонтаж народов. Действительно, все эти программы и политическая практика никак не вписываются в категории классового подхода, но зато хорошо отвечают понятиям и логике учения об этничности (вплоть до того, что на разных стадиях конструирования и в разных обстоятельствах политтехнологи явно используют альтернативные концепции этничности). Эта смена методологического оснащения проведена негласно, но она и не слишком замаскирована.

Если же и нам в целях анализа перейти на этот язык, то нынешняя РФ предстает как жесткое *этнократическое* государство. Здесь к власти пришел и господствует этнос (племя или народ), который экспроприрует и подавляет численное большинство населения, разрушает его культуру и лишает его элиту возможности выполнять ее функции в восстановлении самосознания населения как народа. Причем дело не только в том, что господствующая общность пользуется властью и привилегиями (это первый признак этнократии), но и присваивает себе государство в целом. Она выдает себя за единственную «настоящую» нацию и навязывает всему населению ту модель, к которой остальные обязаны приспособляться. Этот второй признак этнократии еще более важен, чем первый.

Однако и спектр этнократических государств широк. Этнократию РФ следует считать жесткой, что отражается прежде всего в аномально высокой смертности и резком разделении доминирующей общности и численного большинства по доходам. Близкой к нам по результатам (хотя и не по методам) аналогией можно считать Бурунди, которую и приводят как пример жесткой этнократии: «В Бурунди элитарная группа тутси, которую вскармливали немецкие колонисты до I-ой мировой войны, а затем бельгийцы вплоть до независимости в 1960-х гг., начали в 1972 г. активные действия против большинства хуту с ярко выраженной целью если не полного их уничтожения, то резкого уменьшения численности и убийства всех реальных и потенциальных лидеров. Результатом стал геноцид... Следующая резня, имевшая место в 1988 г., и еще одна в прошлом [1992] году нанесли большой урон хуту-язычным народам»²³⁸. Стоит добавить, что расследование актов геноцида хуту 1992 г. экспертами ООН привело к выводу, что они были организованы спецслужбами западных держав (по этой причине сообщение об этом промелькнуло по западной прессе почти незаметно). Это был, видимо, постмодернистский эксперимент по искусственной организации этнического

конфликта с массовыми убийствами.

На первый взгляд, вышедший на арену и созревший в годы перестройки малый народ за 90-е годы добился успеха. Ему удалось в значительной мере ослабить патерналистский характер государства и произвести экспроприацию собственности у большинства населения, перераспределив соответственно и доходы. Но окончательной победы добиться не удалось – в частности, и по причине слишком устойчивого культурного генотипа российской армии. А главное, большинство населения так и не поняло истинного смысла слова «демократия» и не считало, что оно – не *народ*. Как не считало особым народом ни «новых русских», ни интеллигенцию. Прежние представления в сознании большинства не были поколеблены, оно продолжало считать, что «можно договориться». Так и возникла необходимость во втором раунде революции, чтобы привести и охлос, и государственный аппарат в чувство.

Суть задачи теперь излагается нашему непонятливому охлосу открытым текстом. Известный американский политолог Фрэнсис Фукуяма в интервью газете «Suddeutsche Zeitung» (05.10.2004) говорит: «Большинство россиян проголосовали за Путина и его партию. Создается впечатление, будто российское общество решило, что оно сыто свободами девяностых годов и теперь хотело бы вернуться к более авторитарной системе. Но ведь мы хотим не просто демократии большинства, а либеральной демократии. Именно поэтому Запад должен поддержать демократические группы в России».

Нам указали на ошибку. Мы считали себя народом, а демократию – властью *большинства народа*. Поэтому кое-кто даже удивлялся тому, что Запад явно поддерживает ничтожное меньшинство – какие-то «демократические группы в России». Да не нужна ему никакая «демократия большинства». Революцию приходится продолжать в более жесткой «оранжевой» форме именно потому, что и российскому демосу, и его западным покровителям нужна демократия меньшинства – «либеральная демократия». Чтобы не производить дорогостоящей замены всех институтов, служащих декорациями такой демократии, проще возбудить на время новую революционную толпу, придать ей звание «народа» – и волею этой толпы (независимо от реальных итогов выборов) вручить власть специально подобранной команде.

Поскольку пересмотра культурных оснований у большинства жителей России не произошло (они были лишь дезактивированы и «рассыпаны»), осознать свою ошибку и извлечь уроки оно не смогло. И в открытом столкновении с демосом в момент «оранжевой» революции большинство этому демосу проигрывает, что и показал очень красноречиво опыт Украины и Киргизии. Большинство считает, что обе вступившие в политический конфликт части населения являются частями одного народа и имеют право на одинаковый доступ к демократическому волеизъявлению. А демос и те, кого в него приняли на Майдане, считает, что голоса охлоса ничего не стоят, незачем их считать и о них спорить, а надо совершать революцию и отодвигать охлос от власти, которую он пытается узурпировать, размахивая своими избирательными бюллетенями. И сила этого демоса, даже если он невелик, заключается в его поддержке «мировым сообществом» и в слабости власти, которая обязалась не выходить за рамки «демократических» норм.

Р. Шайхутдинов пишет, анализируя опыт Киргизии в сравнении с «оранжевой» революцией: «Здесь снова, как и на Украине, сработала *демотехника* – техника работы с народом, создания народа и «увода» народа, из-за чего любая власть теряет опору и рушится. Какие условия для этого должны выполняться? Прежде всего, государство должно признать, что оно *демократическое*. Значит, оно не может противостоять народу. Оно должно выполнять волю народа, не может ни быть антинародным, ни тем более стрелять в народ, когда он стремится заявить свою волю».

В чем же слабость такого государства, помимо того, что оно обязуется «не стрелять в народ»? В том, что созданы эффективные технологии создания и демонтажа «народа», а ни население, ни власти постсоветских государств этого не понимают и борются с этими технологиями не могут.

Р. Шайхутдинов продолжает: «Дело в том, что сегодня, в условиях, когда любые идентичности могут достаточно легко формироваться и „обыгрываться“, народ не существует естественно (как это было сто или двести лет назад) – народ можно быстро создать. Фактически любую группу граждан можно объявить народом и сформировать такую ситуацию, что право

так называться за этой группой будет признано. В этом и состоит демотехника. И тогда эта группа автоматически становится неприкасаемой – ведь власть же объявила, что она не может противостоять народу!

Следовательно, даже небольшая группа людей, вошедшая в роль народа, практически смещает власть. В Киеве было побольше народу, в Бишкеке – поменьше (писали о 700-1000 человек). И если власть объявляет о верховенстве закона, о том, что она не может в принципе стрелять в народ и разгонять его без введения особого положения по прописанной в конституции процедуре – то против этого «народа» она бессильна... В этих условиях мы получаем простой, эффективный и жестокий способ свержения всякой власти, которая объявляет себя демократической и действующей в рамках закона²³⁹.

Получается, что на постсоветском пространстве власть так устроена, что тот, кто объявил себя представителем народа, создал этот народ и повел за собою достаточное количество людей, может ее «сковырнуть». Достаточно некоторого упорства, обозначенности в публичном пространстве и принадлежности к чужой легитимности – той, которую власть уже утратила или никогда не имела... Сегодня можно назвать народом любую наперед заданную часть населения – и получить в руки фомку, против которой у власти, пыжащейся быть демократической, нет приема».

Надо подчеркнуть, что речь идет о слабости всей системы постсоветской государственности – и власти, и общества. Тот народ, который в здоровом советском обществе был *вместе с Отечеством*, что и придавало легитимность и силу государству, просто исчез, когда государство объявило себя не Отечеством, а либеральным «ночным сторожем». Приняв западные демократические институты, это государство и не имеет права быть Отечеством – это сразу объявят тоталитаризмом и рецидивом имперского мышления. Оно уже не может и обратиться за помощью к старому народу, у него уже нет для этого соответствующего языка. В 1991 г. советский народ еще был дееспособен, но он не понимал, что власть потеряла дееспособность, и ее надо спасать.

В августе 1991 г. против советской власти выступил весь наличный состав нового народа, демоса – менее 1% населения Москвы. Остальные, узнав о том, что ГКЧП отстранил Горбачева от власти, успокоились и посчитали, что ГКЧП выполнит свою функцию и восстановит порядок (для чего тогда не требовалось даже минимального кровопролития). Затем люди с удивлением выслушали пресс-конференцию, на которой члены ГКЧП клялись в своей верности Горбачеву и перестройке, а еще через два дня с изумлением наблюдали, как из Москвы выводили войска, просто сдав страну Ельцину – без боя и даже без переговоров.

Гипотетически мы можем себе представить, что ГКЧП обратился к населению: «Поддержите! Горбачев предатель, но мы бессильны, мы уже не можем действовать, как власть! Ваша поддержка спасет государство!» Можно с уверенностью сказать, что по меньшей мере миллион человек вышел бы на улицы Москвы, и демос просто разошелся бы по домам. И этот же миллион, обретя сам состояние народа, отвечающего за судьбу заболевшего государства, своим появлением заставил бы ГКЧП взять бразды и нести крест власти.

Точно так же, как минимум половина украинцев ожидала, что президент Кучма, Верховная Рада, МВД, их кандидат Янукович выполнят свои функции власти, обяжут «оранжевых» разойтись по домам и ожидать решения уполномоченных инстанций.

Р. Шайхутдинов пишет: «Если бы восток Украины объединился, объявил себя народом, занял бы площади – то власть бы удержалась: она бы занялась разделением, организацией коммуникации, введением общих для них принципов жизни. И это была бы подлинная власть. Но Л.Кучма заявил: „Разве это народ?“ В каком-то смысле он был прав, потому что на Майдане Незалежности стоял не весь украинский народ, – но оказалось, что другого-то народа нет! Пытались противостоять ему „донецкие шахтеры“, то есть не народ же, а профессиональная и территориальная группа. Так же случилось в Киргизии, так же может случиться в России: власть в один непрекрасный момент обнаружит, что народа у нее нет».

О том, как создавался новый народ на Украине, как он требовал власти и как эта его власть легитимировалась Западом, было сказано в предыдущих главах. Р. Шайхутдинов прогнозирует, что «оранжевая» революция в России пойдет по пути создания целого ряда новых народов, в разных плоскостях расчленения общества – так, что легитимность

государства РФ будет просто разорвана. Он мельком упомянул, что лидеры «прозападного» народа потребуют от российской власти: «Отпусти народ мой» (так обращались евреи к фараону). Куда отпустить? В Европу.

Р. Шайхутдинов, вероятно, не помнит, что на завершающей стадии перестройки идея *исхода* вовсе не была ветхозаветной метафорой. Она уже была «активирована» и стала действенным политическим лозунгом, так что СССР вполне серьезно уподоблялся Египту (главный раввин Москвы Рав Пинхас Гольдшмидт даже доказывал, обращаясь к Гематрии, разделу Каббалы, что «сумма значений слова „Мицраим“ – „Египет“ и „СССР“ одинакова»). Да и В.В.Путин, выступая перед студентами, соблазнился и уподобил себя (впрочем, застенчиво) Моисею, водящему по пустыне свой народ, покуда не вымрут все, воспитанные в египетском рабстве.

Почему же идея *создания* народа нам кажется странной, а то и дикой? Только потому, что исторический материализм, в силу присущего ему *натурализма*, приучил нас, что общество развивается по таким же объективным законам, как и природа. Зарождаются в дикой природе *виды* растений и животных, так же зарождаются и развиваются *народы* у людей. Другое дело – *классы*. Для их возникновения нужны не только объективные основания в виде отношений собственности, но и сознательная деятельность небольших групп людей, которые вырабатывают *идеологию*. Эти люди, сами обычно из другого класса (как буржуа Маркс и Энгельс или дворянин Ленин), вносят эту идеологию в «сырой материал» для строительства нового класса и «будят» его. Тогда класс обретает самосознание, выходит из инкубационного состояния и претерпевает трансформацию из «класса в себе» в «класс для себя» – класс, способный для политического действия.

В действительности, все сообщества людей складываются в ходе их сознательной деятельности, они *проектируются* и *конструируются*. Чтобы семьи соединились в роды, а роды в племя, требовалось сформулировать жесткие культурные нормы (вроде табу на инцест) и выработать механизмы по надзору за их соблюдением. Это – явления культуры, а не природы. Чтобы возник и воспроизводился народ, требуется уже государственная власть, с ее жрецами, религиозными культами, границами и войском. Когда на раннем этапе Нового времени складывались национальные государства в Западной Европе, строительство нации считалось *священной обязанностью* государства. У антропологов в ходу поговорка: «не нации порождают национализм, а национализм нации». Только тогда понятие «человек без национальности» стало почти невообразимым²⁴⁰.

Народы большинства нынешних великих держав созданы совсем недавно, хотя некоторые из них и носят древние имена и унаследовали многое из своих древних культур (унаследовали то, что для них отобрали из этих культур «строители»). Современные японцы созданы в ходе большой сознательно выработанной программы модернизации – Реставрации Мэйдзи – во второй половине XIX века. Для собирания раздробленных феодальных кланов и общин был создан и политическими средствами утверждён миф об императоре и его божественном происхождении, внедрена государственная религия синтоизм, возбуждено чувство национализма, в который была заложена идея форсированного промышленного и технического развития.

Процесс строительства народа резко ускоряется в переломные моменты истории. Так, американский народ США был «собран» в ходе войны на независимость, и его «сборка» производилась отцами нации вполне сознательно, проект вырабатывался на совещаниях, как в КБ. Приходилось решать ряд новых задач – кого из пестрого этнического состава населения колоний и в каком статусе включать в число граждан «сверкающего города на холме» (например, немногочисленным выжившим индейцам права гражданства были предоставлены только в 1924 г., а негры долгое время выдерживались в статусе рабов). Государство США регулярно занималось «ремонтom и модернизацией» своего народа, устраняя те опасности, которые вызывали волны иммиграции (например, массовый наплыв ирландских и немецких католиков в 1840-1850-х гг., который угрожал размыть протестантское ядро государственной идеологии). Сейчас в США интенсивно разрабатывается новый проект нацистроительства ввиду быстрого изменения этнического состава населения²⁴¹.

В ходе мексиканской революции в первой трети XX века было проведено

конструирование и строительство современного народа Мексики. В это же время небольшая группа китайских интеллигентов-республиканцев выработала и стала осуществлять проект создания современного народа Китая. Старый народ, слабо скрепленный империей, был полностью «рассыпан» под ударами европейских держав, и в рассыпанном («как куча песка») виде китайцы оказались не только политически недееспособны, но даже *нежизнеспособны*.

Это замечательно объяснил в своем исключительно важном сегодня для России труде «Три народных принципа» первый президент Китая Сунь Ятсен. Тогда европейски образованные националисты переосмыслили даже само слово «китаец» (хань), придав ему значение *национальности*, в то время как раньше оно означало *цивизованность* – в противовес *варварству* тех, кто за Великой Стеной. Сунь Ятсен опирался на концепцию строительства советского народа, а мы почти ничего о ней не знаем и поддакиваем тем знающим, кто умело производил и производит *демонтаж* великого советского народа.

В XIX веке мы видим целенаправленное создание народов, у которых даже названия не было. Возникает даже особый тип духовных лидеров, которые этим занимались (в Чехии, а потом и у южных славян их называли «будители»). В лабораториях вырабатываются литературные языки и пишется история и мифология. В 1809 г. один филолог изобрел слово «словенцы» и сотворил национальное самосознание жителей одной местности. В XX веке она стала «суверенной страной», а сейчас вступила в этом статусе в Европейский союз. Другая довольно большая диалектная группа славян, лужицкие сербы (сорбы) не получила такого будителя и в современной Европе никак не ощущается (хотя большинство деревень в южной Саксонии имеет сербские названия и немцы говорят, что «в них жили сорбы»).

Известный чешский будитель Ян Коллар сам был словаком, но отстаивал идею единого чехословацкого языка и работал над созданием современного литературного чешского языка, хотя сам до конца жизни писал по-немецки. В Европе в 1800 г. было 16 письменных языков, а в 1990 г. их число возросло до 30, а в 1937 г. до 53. За каждым языком стоял созданный за короткое время народ.

Создание народов – плод целенаправленной деятельности государства, идеологов и деятелей культуры. За сто лет, с середины XIX века, была создана «новая историческая общность» – советский народ. Он имел все признаки большого народа и ряд признаков нации, гораздо более четко выраженные и устойчивые, чем, например, у индийской нации. Создание и демонтаж советского народа связан с такими острыми политическими конфликтами, что этот процесс совершенно мифологизирован и в советской, и в антисоветской истории. Поэтому более наглядным является следующий частный случай.

На наших глазах за 20-е годы XX века был создан таджикский народ, с развитым национальным самосознанием и культурой. Но ведь отцы нынешних таджиков даже не знали, что они *таджики* – о себе они говорили «я – мусульманин, персоязычный». В 1924 г. стал издаваться журнал «Голос таджикского бедняка», орган обкома ВКП(б) и исполкома Самарканда. «Голос бедняка» стал создавать историографию таджиков, печатать переводы выдержек из трудов русского востоковеда В.Бартольда. Статьи в журнале начинались с таких разъяснений: «Вот кто мы, вот где мы географически расположены, в каких районах проживаем, в каком районе что выращивается». Потом стали выпускать газету на таджикском языке. О ней «Голос бедняка» писал в 1924 г.: «Газета – это язык народа, волшебный шар, в котором отражается мир, подруга в уединении, защитница угнетенных. Газета – источник бдительности, пробуждения народа. Да здравствует образование, да здравствует печать». Газета помогла становлению таджикской светской школы.

За вторую половину XX века проблема создания народа стала предметом исследований и технологических разработок, основанных на развитой науке. Быстрому продвижению в этой области помог опыт фашизма, который за десять лет создал из рассудительных немцев совершенно новый самоотверженный и фанатичный народ, обладавший качествами, каких не было у того «материала», из которого он был создан. Поучительным был и опыт «демонтажа» этого нового народа после его поражения в войне. Таким образом, дважды всего за тридцать лет была произведена «пересборка» большого европейского народа с великой культурой и огромной историей (к тому же этот большой эксперимент этнической и социальной инженерии дополнен важным опытом параллельного строительства из части немцев особого народа ГДР,

который вот уже более пятнадцати лет после ее ликвидации не может ассимилироваться с основной частью нации).

Подобные случаи «пересборки» больших народов мы наблюдаем в разных частях мира. В Иране, государственность которого строилась с опорой на *персидские* исторические корни, кризис привел к революции, которая свергла древнюю персидскую монархию и учредила теократическую республику, внедрившую в массовое сознание идеологический миф об исламских корнях иранского государства.

Мы можем переживать крушение духовных бастионов Просвещения с его идеалами разума и универсальных ценностей, с его рациональностью и логикой устройства общества и государства. Мы даже обязаны противостоять хаосу постмодернизма и искать способы укрепить и развить в новых условиях идеалы и нормы рациональности Просвещения. Но мы не имеем права игнорировать эти новые, ставшие реальностью условия. Чтобы овладеть хаосом, надо его *знать*. Если свержение государств и уничтожение народов происходит сегодня не в ходе классовых революций и межгосударственных войн, а посредством искусственного создания и стравливания *этносов* и *народов*, то бесполезно защититься от этих новых типов революции и войны марксистскими или либеральными заклинаниями. Мы должны понять доктрины и оружие этих революций и войн, многому научиться – и противопоставить им свою доктрину и свое оружие.

Глава 17. Симптомы назревающей «оранжевой» революции: сигналы с Запада

Если ответственно относиться к угрозе организации «оранжевой» революции в РФ, то надо регулярно изучать сигналы, исходящие из центра принятия решений о проведении подобных революций – США. Эти сигналы могут непосредственно исходить от американских политиков и СМИ или от политиков и СМИ, следующих в фарватере США (в том числе российских). Много в заявлениях и публикациях является дымовой завесой для маскировки действительных замыслов «хозяев мира», и делать из них слишком далеко идущие выводы нельзя. Однако если возникает определенный устойчивый вектор в большом числе высказываний и публикаций, то к нему надо отнести серьезно.

Политики и отдельные газеты США не получают четких указаний у какой-то идеологической инстанции, они действуют как стая – рыщут из стороны в сторону, но выдерживают общее направление, которое улавливают особым нюхом. Это общее направление в СМИ искусственно задать трудно (или слишком дорого). Раз за разом мы убеждались, что если американские политики и СМИ начинают назойливо повторять один и тот же тезис, то речь идет о реальных планах, которые часто выполняются – несмотря на то, что поначалу сам этот тезис казался вначале абсурдным.

Для трактовки выступлений западных политиков и СМИ относительно угрозы «оранжевой» революции в РФ полезно вычленив две совокупности сообщений. Первая совокупность – критические высказывания в адрес нынешней власти РФ и лично В.В.Путина. Здесь важно даже не содержание сообщений, а их семантика, термины, выбранные для квалификации объекта. Вторая совокупность – сообщения о тех «мерах», которые предлагается принять для «исправления недостатков» власти РФ.

Ю.Крупнов выбрал красноречивые заголовки из сотни статей, переведенных и помещенных на сайтах ИНОСМИ.ру или ИНОПРЕССА.ру. Вот эти заголовки: “Паранойя Владимира Путина изолирует Россию (США), “Поражение Путина, надежда для России” (Франция), “Никогда не доверяй бывшему агенту КГБ” (Великобритания), “Сказать “нет” фашизму и Владимиру Путину” (США), “Когда Путин крадет, надо бить тревогу” (США), “Россия: Преступная логика берет свое” (США), “Путин и приливная волна паранойи” (США), “Путин ведет Россию к фашизму” (США), “Владимир Путин хочет померяться силами с демократией, Западом и всеми желающими” (Великобритания), “Скоро путинскому режиму конец” (США)²⁴².

Крупнов приводит и пару цитат из западной прессы. «The International Herald Tribune»:

“Подобное упоминание о заговоре Запада с целью изоляции России звучит как красноречивое свидетельство об охватившей Путина паранойе. Оно говорит о его страхе, что Запад “переманит” на свою сторону бывшие советские республики, которые ветераны КГБ и армии, окружающие Путина, хотели бы намертво привязать к российской сфере влияния...”. «The Wall Street Journal»: “Европа потеряла надежду на Путина. Уже нет надежды на то, что в России установится социальная демократия европейского типа или даже диктатура в стиле Пиночета, направленная на стимулирование экономических реформ”. Вывод газеты: “Между Путиным и Хусейном много схожего”.

Из анализа большого числа сообщений можно сделать вывод, что пропагандистская кампания в западных СМИ перешла рубеж между попытками “образумить” В.В.Путина и “стрельбой на поражение”. В птичьем языке западных политиков есть слова-знаки. Они имеют символический смысл, а вовсе не преследуют цель дать адекватное определение какому-то явлению или человеку. Одним из таких условных знаков является ярлык «фашиста». Приклеить его какому-то политику – все равно что вручить ему «черную метку». Это – последнее предупреждение, и вернуть эту метку очень трудно.

Когда в западной прессе Саддама Хусейна стали называть фашистом (хотя в содержательном смысле это абсурд), стало ясно, что ему объявлена война на *уничтожение*. Пресса США уже сравнивает Путина с Хусейном. Еще более прозрачным было утверждение Збигнева Бжезинского, что все шаги режима Путина «идут лишь в одном направлении: в сторону от демократии по пути к авторитарному порядку, в котором уже видны черты фашизма Муссолини». Наконец, западная пресса с благосклонными комментариями печатает заявления Г.Каспарова, где он прямо объявляет режим Путина «фашистским».

Внедряя в массовое сознание мысль, что тоталитаризм Сталина и Гитлера как минимум равноценны (со сдвигом к утверждению, что «Сталин хуже»), западная пресса начинает акцентировать внимание на том факте, что В.В.Путин – выходец из КГБ. Это – новый вариант «черной метки» («ГУЛАГ-Освенцим»). Влиятельная «Вашингтон пост» пишет 2 мая, перед самым праздником Победы, статью с красноречивым заглавием: «Режим Путина: за репрессии придется платить». Лично о В.В.Путине здесь сказано: «На прошлой неделе Путин назвал развал Советского Союза „величайшей геополитической катастрофой века“ и добавил про „разрушение старых идеалов“. То, что ветеран КГБ будет жалеть о разрушении идеалов государства-гулага, еще как-то можно понять. Но... если при нынешнем „решительном и беспощадном“ Путине произойдет хотя бы половина всех несчастий, ожидающих Россию в случае неблагоприятного сценария, это даст нешуточный повод для беспокойства прежде всего Соединенным Штатам – например, по поводу безопасности огромных российских ядерных арсеналов или надежности тысяч ракет, которые еще могут уничтожить и нашу страну, и весь остальной мир.

Ностальгия по империи, которую сегодня Путин выражает сам и поощряет в своем народе, приводит к тому, что Россия вламывается в дела Грузии и Украины, где унижительно проигрывает. Народ начинает раздражать такая власть. Она это видит, но осознание народного раздражения толкает ее еще дальше по этому самоубийственному пути»²⁴³.

Итак, сказаны слова-знаки. В.В.Путин – ветеран КГБ., он привержен идеалам государства-гулага., он создает нешуточный повод для беспокойства США и всего остального мира., он идет по самоубийственному пути.

Каково главное обвинение В.В.Путину? Признаки поддержки «имперского мышления» («национализма») и импульса к восстановлению России как державы. Объективно эти признаки очень слабы, но идеологи стратегии США, видимо, усматривают в них важный символический смысл и считают его достаточным для того, чтобы породить цепную реакцию в сознании населения постсоветского пространства, которая поведет к консолидации общего проекта возрождения.

Упомянутая выше статья в «Вашингтон пост» – это изложение интервью с Е.Гайдаром. Он человек понятливый и говорит именно то, что надо подобной газете. И газета его одобряет: «Российский экономист Егор Гайдар – бывший премьер-министр и один из самых трезвомыслящих людей в мире. Политику Путина он иногда осторожно поддерживает, иногда умеренно критикует. Однако во время своего последнего визита в Вашингтон он был особенно

мрачен – не только из-за поражений, которые в его стране терпит демократия, но и исходя из того, что эти поражения чреватые вполне практическими последствиями... В России поднимается национализм, считает Гайдар, который стал „серьезнейшей опасностью для России и всего мира“²⁴⁴.

Каковы же представления западных СМИ о том, каким образом будут «исправляться» эти дефекты нынешней государственности РФ и устраняться «повод для беспокойства США»? Здесь больше всего говорится именно о революции по типу «оранжевой». Политики США просто восхищены ее успехом.

Ш.Мамаев пишет: «Последним пискom моды в области экспорта демократии стали сейчас “революции цветов” – то, что успехи оппозиционера Джорджа Сороса на постсоветском пространстве внезапно оказались куда более впечатляющими, чем успехи администрации Джорджа Буша на Ближнем Востоке, признают даже его идеологические противники из неоконсерваторов-республиканцев»²⁴⁵.

Он приводит цитату из американской газеты «The New York Sun» (24 марта 2005 г.), которая в своем редакционном комментарии под заголовком “Подбросьте дров в костер революции” пишет о странах, где никак не укореняется демократия: “Вот когда на помощь должна прийти Америка. “Оранжевая революция” ведь не произошла сама по себе – ее, как младенца, вынашивали и выкармливали американские правозащитные группы. Благодаря им организаторы народных выступлений могут теперь избежать автоматных очередей и изучить науку управления народными массами”.

А вот высказывание одного из видных политиков-неоконсерваторов. “Одно из наиболее вдохновляющих событий 2004 года – выборы Виктора Ющенко. Украина ни по одному критерию не соответствует роли многообещающей демократии, и единственным менее перспективным в этом смысле является лишь Афганистан. Но эти революции продемонстрировали несостоятельность клише о том, что демократические преобразования не могут быть навязаны внешними силами. Теперь уроки Украины мы должны использовать в других местах” – так определил главное внешнеполитическое достижение Америки в прошлом году Макс Бут, один из руководителей американского Совета по внешней политике (CFR) и автор редакционных статей в неоконсервативном «Weekly Standart»²⁴⁶.

Стоят ли за этими высказываниями какие-то практические политические шаги? Обозреватели считают, что именно на широкое применение оправдавшей себя технологии «бархатных» революций направлены проекты масштабной реорганизации спецслужб США и институциональной инфраструктуры (в том числе Всемирного банка и ООН), которая должна быть использована для «постреволюционного» восстановления «неудавшихся государств» (failed states).

Под это подводится и законодательная база. В марте 2005 г. конгрессмены Том Лантос и Фрэнк Вулф внесли в палату представителей проект «Закона о поддержке демократии», а сенаторы Джон Маккейн и Джозеф Либерман внесли этот же законопроект (под названием “О продвижении демократических ценностей”) в сенат. Это инициатива двухпартийная, то есть она согласована с реальной правящей верхушкой США. Закон предполагает назначение специальных уполномоченных советников и помощников в штат администрации президента, в Госдепартамент, Совет национальной безопасности и все посольства США в странах, где «демократия находится под гнетом диктатуры». Ассигнования на эту работу предлагаются в сумме 180 млн. долл. в 2006 г. и 230 млн. в 2007 г. Как сказано в комментариях, «принятие такого закона, вероятно, обернется дальнейшим ростом американской критики России по правозащитной проблематике».

Законопроектом предусмотрены меры преследования «диктаторов». В частности, спецслужбам США предписываются функции: “(А) отслеживания и фиксирования финансовых активов лидеров стран, характеризующихся как недемократические; (В) выявления приближенных к лидерам этих стран; (С) выявления и фиксирования финансовых активов, контролируемых этими приближенными лицами, как на территории Соединенных Штатов, так и за их пределами”²⁴⁷.

Этот законопроект имеет прямое отношение к РФ, лично В.В.Путину и даже «лицам, приближенным к лидеру этой страны». Ибо в отношении РФ и В.В.Путина в США уже

применяются формулировки, использованные в этом законопроекте. Тот факт, что в ежегодном докладе Госдепартамента США о соблюдении прав человека и гражданских свобод в мире в 2005 г. РФ впервые включена в перечень государств, где «положение с правами человека вызывает наибольшие претензии», вместе с Белоруссией и Саудовской Аравией.

Директор российских программ Центра оборонной информации США Н.Злобин пишет так: «Никогда еще после распада СССР отношение политического истеблишмента США к России не менялось так резко, как в 2004 году... 2004-й стал годом, когда, согласно законам диалектики, количество негатива и откладываемых проблем перешло в новое качество оценок. Главных изменений три.

Во-первых, Россия не рассматривается Америкой как демократическая страна. Во-вторых, ее президент Владимир Путин больше не воспринимается здесь как демократ в западном смысле слова. Наконец, подавляющее большинство элиты США убеждено сегодня в имперских амбициях Москвы, проявляемых, по крайней мере, в зоне бывшего СССР...

Переставая смотреть на Россию как на демократическую страну, Америка, естественно, не может не изменить своего отношения к ее внешней политике... Самоуправство Москвы, например, в Молдавии или Чечне Вашингтон может игнорировать, но Украина – другое дело... Свой второй срок Буш начинает с негативного впечатления от России, а вашингтонский истеблишмент планирует в новом году проведение международной конференции под условным названием «Провал модернизации в России».

Директор одной из программ Фонда Карнеги А.Аслунд, которого любят цитировать российские демократические издания, пишет прямо: «Нынешний режим [В.В.Путина] нежизнеспособен сам по себе. Анализ слабых мест путинского режима может существенно повлиять на политику США в отношении России. Во-первых, режим имеет все шансы скоро смениться... Снова Соединенным Штатам придется целенаправленно содействовать разрушению мягко-авторитарного режима, вооруженного ядерными ракетами»²⁴⁸.

Что значит «целенаправленно содействовать разрушению режима, вооруженного ядерными ракетами»? Ясно, что речь не идет о войне, подобной войне в Ираке. Имеются в виду именно мягкие, «бархатные» технологии. О прямой аналогии с «бархатными» революциями говорят известные специалисты по СССР и России. Как заметил американский эксперт, бывший советник президента Ричард Пайпс, «нынешняя ситуация напоминает 1989 год в Восточной Европе. Один народ видит, как другой завоевывает свободу и демократию, и спрашивает себя: а почему мы – нет?» Сказано очень ясно, потому что в США уже утверждено как догма, что свободу и демократию завоевал народ Украины, но пока не завоевал народ РФ. На сенатских слушаниях в США о демократии в РФ конгрессмены в один голос заявляли, что выборы 2003-2004 гг. в РФ прошли с нарушениями. Было прямо сказано, что если то же самое произойдет в 2007-2008 гг., то США могут не признать результаты выборов, и борьба за демократию переместится в плоскость «оранжевых» революций. Как пишет «Московский комсомолец», «на тех же сенатских слушаниях выступающие в открытую говорили о том, что желающих финансировать подобное развитие событий предостаточно»²⁴⁹.

При этом заверения В.В.Путина о том, что в РФ установлена самая настоящая демократия (правда, соответствующая ценностям национальной культуры), западными политиками не принимаются. Главная газета США «The New York Times» заявляет: «Реальная проверка для марша свободы в бывшем Советском Союзе произойдет в России, президент которой настаивает на своем необратимо демократическом курсе, несмотря даже на то, что он сосредоточил в своих руках едва ли не абсолютный политический контроль»²⁵⁰.

Как сказано в обозрении прессы, проект возвращивания «сверху» оппозиции в России предложен американцами и представлен в интервью под названием «Путин надеется на то, что Запад закроет глаза» и статье Марка Бжезинского и Ричарда Холбрука «Америка должна дать России дозу «жесткой любви», опубликованной «The Financial Times» (07.10.04)».

Если судить по заявлениям политиков и политологов США, то «оранжевые» революции в Грузии и на Украине надо считать лишь первым этапом демонтажа постсоветских государств, окружающих РФ. Главным достижением на этом этапе является успех «оранжевой» революции на Украине. В конце марта Кондолиза Райс представила 300-страничный доклад Госдепартамента США «Американское содействие распространению демократии в мире в

2004-2005 годах». В нем самым большим успехом Штатов считается «низвержение жульнического правительства на Украине».

В обзоре сообщений, связанных с появлением этого доклада, говорится, что «демократический» пожар вокруг России разгорелся с такой силой, что США уже составляют список новых очагов возгорания. Список из 25 «неблагополучных» государств, в который войдут страны «наибольшей нестабильности и риска», Национальный совет по внешней разведке США будет обновлять каждые полгода. Пока что в него попали Армения, Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Узбекистан. «В каждой стране мы пытаемся наладить контакты с представителями оппозиции, независимыми СМИ, пытаемся оказывать поддержку их усилиям по продвижению демократии», – заявил помощник госсекретаря США Майкл Козак²⁵¹.

Збигнев Бжезинский в статье «Русская рулетка», опубликованной в «The Wall Street Journal» 29 марта 2005 г., отметил, что, конечно, «демократическое» окружение само по себе не сможет «угрожать» России, так как обладает недостаточной мощностью. Однако тут же добавляет: «Их пример неизбежно усилит давление внутри России за аналогично решительный разрыв с авторитарной и шовинистической традицией, которая все еще господствует в умах политической элиты Москвы. И этот разрыв наступит очень скоро. Когда свойственная Европе притягательность вызовет решительную переориентацию умов более молодых россиян и их видения того, чем должна быть Россия». Бжезинский считает, что в авангарде «борьбы за демократию» в России окажется молодежь – «хорошо образованная, нередко бывавшая за рубежом и имеющая реальные представления о международных правах человека».

«Аналогично решительный разрыв», как в Грузии и на Украине, – это и есть «оранжевая» революция. Причем, по мнению Бжезинского, борьба за российскую демократию произойдет намного быстрее, чем воображают себе многие (к ним он относит людей, воспитанных на марксизме, тех «чье сознание отстает от действительности»).

«Чем скорее сама Россия станет демократией, тем более вероятно, что перемены в бывшем Советском Союзе консолидируют геополитический плюрализм мирным путем и одновременно придадут революционной волне более молодого поколения подлинно демократическую отчетливость», – уверен Бжезинский²⁵².

Европейские наблюдатели выражаются более уклончиво и корректно, но сомнений в намерениях США не высказывают. Французский эксперт в области политической стратегии Жерар Шальян дал газете «Liberation» интервью, где утверждает, что США «делают все, чтобы не допустить восстановления России как сверхдержавы». По его словам, в этом суть украинского политического кризиса. Он видит в цели этой операции «классическое применение американской политической тактики, называемой *roll-back* (оттеснение). Этот термин появился в годы “холодной войны” (в 1952 г.), когда госсекретарь США Даллес высказался за “оттеснение” Советского Союза. При этом данный призыв подразумевал активные действия, а не простое сдерживание Восточного блока. В интересах США – держать Россию в рамках региональной державы”.

По мнению Шальяна, Украина стала “отправной точкой” реализации данной стратегии. США исходят из того, что у них не осталось равноценных соперников и теперь задача состоит в том, чтобы не допустить их возникновения. Чтобы помешать России возродиться в качестве сверхдержавы, США предполагают опереться на Польшу и Украину²⁵³.

Немецкий политолог Ганс-Йоахим Шпангер в интервью со зловещим названием «Опасный лик путинизма» предсказывает РФ жесткие меры со стороны Запада и «предрекает главе Кремля уже скорое и неприятное пробуждение». Он говорит: «Пришло время: американское рейтинговое агентство “Freedom House” в своем последнем ежегодном докладе отнесло Россию, впервые со времени распада Советского Союза, к числу “несвободных стран”, наравне с Пакистаном, Руандой или Того».

Это – факт, и он на Западе считается существенным для составления прогнозов. Дальше г-н Шпангер занудливо перечисляет все грехи «путинизма», и это перечисление можно принять как стандартное обвинительное заключение: «Свидетельства ускорившегося в 2004 году упадка демократии видны повсюду. Тут и дело ЮКОСа... Здесь и отмена прямых выборов губернаторов... Тут и последняя реформа избирательной системы... Это и реформа судебной

системы... И здесь же – достаточно бесцеремонная попытка навязать авторитарную модель господства путинизма также соседним странам... В Москве снова популярны антизападные теории конспирации и страхи оказаться в окружении...»

Любопытна, впрочем, терминология: «Курс Путина на авторитарную модернизацию... был и в начале его правления, прежде всего, следствием политико-экономических отношений, сформировавшихся на диком Востоке в период системных перемен...»²⁵⁴. Понятно, что с *диким Востоком* разрешается делать все, что угодно. О судьбе Милошевича В.В.Путин может только мечтать, надо примерять на себя тюремный халат Саддама Хусейна.

Шпангер не верит в то, что Путин и его «чекисты» могут исправиться. Он заявляет дальше: «Однако успокаиваться рано: смены курса пока ожидать не следует. В данной ситуации наиболее естественным станет желание вышибить “клин клином”. Но это таит серьезную опасность не только для политической стабильности в России, но и для отношений с Западом. Здесь Путину до последнего времени удавалось с помощью клятв в верности “стратегическому партнерству” и прагматичных уступок добиваться некоторой разрядки, как во внутренней, так и во внешней политике...»

Однако это не смогло ни нейтрализовать возрастающую критику Запада в отношении авторитарного курса Путина, ни предотвратить поражение путинского кандидата в президенты на Украине, произошедшее при помощи США и их европейской интервенции, как ее называет Москва... Отягощает ситуацию то, что “чекистская” часть кремлевской администрации вместе с государственным контролем над ключевыми секторами российской сырьевой отрасли получают еще и геостратегический козырь. Это может создать соблазн продемонстрировать силу не только в отношении более слабых соседей, но и в отношении западных потребителей энергии»²⁵⁵.

Вот из-за чего волнуется Запад – как бы нефть и газ не были бы перенаправлены на восстановление российского народного хозяйства, о чем невыносимо даже думать «западным потребителям энергии». Именно такой «русский национализм» создает главную угрозу западному миру. Можно ли даже при малейшей угрозе такого рода обойтись без «оранжевой» революции?

Пока политики и политологи рассуждают, практики делают свое дело. Предполагается перераспределение денег и усилий «правозащитников». Лозунг момента – «Лицом к Кавказу!» Под занавес украинской “оранжевой революции” в “Независимой газете” появилась статья председателя ОБСЕ, министра иностранных дел Болгарии Соломона Пасси, в которой говорится: “В этом году я уже указывал на географический дисбаланс в распределении бюджета ОБСЕ, когда примерно 50% всех ресурсов выделяется Юго-Восточной Европе, в то время как только 6% расходуется в Центральной Азии и 15% – на Кавказе. Я считаю, что нам необходимо установить новый баланс и новый оптимальный уровень расходов, при которых больше средств будет выделяться в будущем Кавказу и Центральной Азии”. ОБСЕ занимается периферией, а США – «ядерной зоной».

Быстро формируется и международная бригада специалистов из постсоветских стран. В Киеве представители ряда международных организаций, наблюдавшие за ходом украинских выборов, в преддверии 2005 г. организовали встречу активистов “Поры” и оппозиционеров из ряда стран СНГ, где должны произойти следующие “демократические революции”. Руководители миссий “независимых наблюдателей” обговаривали схемы и сроки “революций” в Казахстане, Азербайджане и Киргизии. Прогноз о том, что в ближайшие два года бархатные революции по киевскому сценарию могут пройти в Белоруссии, Молдавии, Казахстане, Киргизии и, возможно, Армении поддерживает Ричард Пайпс.

Причем им даже не понадобилось специально приглашать “оппозиционеров” из этих стран – они числились в наблюдательных миссиях, работавших на украинских выборах. Во встрече принимали участие представители Национального демократического института США (NDI), спонсирующего большое количество дочерних организаций в СНГ, и Международной сети организаций, наблюдающих за выборами (ENEMO). Киргизские “демократы” уже даже придумали название планируемого переворота – “тюльпановая революция”. В Казахстане, по мнению участников встречи, в феврале “революцию” организовать уже не получится, но будет идти работа над ее осуществлением в октябре наступающего года²⁵⁶.

В РФ эта бригада уже сформирована, и каналы финансовых потоков прочищены. Как пишет “Комсомольская правда”, сегодня в России действует около 600 зарубежных фондов, финансирующих “институты гражданского общества”. Председатель Московской хельсинкской группы Л.Алексеева так и сказала корреспонденту “КП”: “Можете считать, что я – агент влияния Запада”. Директор одного из таких фондов сообщил о его деятельности: “Распределяем гранты среди организаций, целью которых является сопротивление системе государственного подавления гражданских свобод. Мы даем деньги на митинги и уличные шествия, – широко улыбнулся г-н Подрабинек. – Недавно провели демонстрацию на Пушкинской площади. Отмечали годовщину войны в Чечне. Собрались три тысячи человек... Путин – человек старой авторитарной системы. Он реставрирует советский порядок. И логично было бы его сменить. А для этого надо расшевелить общество”.

Глава 18. Общее недовольство населения – объективное основание для «оранжевой» революции

Как говорилось выше, для любой революции, в том числе проводимой с применением постмодернистских политических технологий, требуются объективные предпосылки в виде реального недовольства больших социальных групп. Насколько серьезны такие предпосылки для организации «оранжевой» революции в РФ?

Как показал опыт многих «бархатных» революций, *количественные* характеристики («острота») недовольства для их воспламенения не слишком важны. Если недовольство есть и торчит, как заноза, в массовом сознании, его всегда можно активизировать средствами манипуляции. Кроме того, оно обладает свойством самовозрастания после того, как революционные настроения достигли некоторой критической точки. Например, революция 1968 г. во Франции произошла, по нынешним меркам, практически без объективных оснований для недовольства студентов.

Манипуляция массовым сознанием требует предварительного изучения причин реального недовольства властью, скопившегося в разных группах населения. Располагая “картой недовольства”, манипуляторы подбирают способы его искусственного обострения – так, чтобы ради утоления временно обостренного недовольства люди были даже готовы пожертвовать своими фундаментальными долгосрочными интересами. При этом причины недовольства в разных социальных группах могут быть несовместимыми и даже диаметрально противоположными.

В 1990-1991 гг. удалось подорвать легитимность власти в СССР, разжигая одновременно и недовольство “уравниловкой”, и недовольство “льготами номенклатуры”. В особо удачных операциях удается создать острое недовольство властью даже в самых привилегированных группах, которые заведомо станут первыми социальными жертвами свержения этой власти (так произошло, например, с шахтерами и научной интеллигенцией в 1990-1991 гг.)²⁵⁷.

Осознанное стремление *свергнуть* власть возникает под влиянием не материальных тягот самих по себе, а от их несправедливости, от наглого попиранья той системы ценностей, которая господствует в социальной группе или в большинстве общества. Американский социолог Г. Дерлугьян, изучающий постсоветские страны, пишет: «Массовое обнищание и недовольство политически не опасны и могут регулярно уходить в эмиграцию, рост заболеваемости, алкоголизма, мелкую преступность, падение рождаемости и прочие социальные патологии. Все это превращается в социальный динамит только когда возникает детонатор – неподконтрольные религиозные проповедники, интеллигенция, организовавшаяся в революционное движение, или выпавшие из невоетчинной обоймы начальники и особенно молодые харизматические личности, которым не удастся встроиться во власть»²⁵⁸. Таких детонаторов в РФ сейчас с избытком.

Обычно для начала революции бывает достаточно добиться благосклонного отношения к открытым действиям против существующей власти от части населения столицы и двух-трех крупных городов. Если активной поддержки добиться не удастся, достаточно бывает и апатии, равнодушия к судьбе власти. Это характерно для обществ со слабой способностью к

самоорганизации – при отсутствии развитых структур гражданского общества (например, политических партий). РФ относится именно к этой категории стран. В таких случаях перехват власти достигается даже силами ничтожного политически активного меньшинства – как это произошло, например, в августе 1991 г. в Москве при ликвидации советской государственной системы.

В современной РФ таких изощренных методов применять не придется, т.к. недовольство властью в результате реформ и без того достигло критического уровня по вполне разумным основаниям. Наиболее спокойным является положение в Москве, но и здесь накопилось достаточно “горючего материала”. Главный и для нынешней власти неустранимый источник недовольства населения – вся доктрина и практика реформ. Руководитель аналитического отдела ВЦИОМ Л. Бызов пишет: «Несмотря на общую социально-политическую стабильность в стране, которую не могут поколебать даже акции протестов, только 17,1%, то есть явное меньшинство, признает справедливость и эффективность нынешнего социально-политического строя. 40,4% опрошенных, хотя и видят множество недостатков в существующем положении вещей, не хотели бы менять строй путем новой революции и новых социальных потрясений. Иной точки зрения придерживаются 32,5% россиян, настолько не принимающих нынешний строй, что выражают готовность к более решительным формам его замены на лучший»²⁵⁹. Треть населения уже перешла в фазу радикального неприятия реформ!

Разве может не оскорблять разумного человека наглость реформы РАО ЕЭС, план которой уже одобрен В.В.Путиным? Большинство не сомневается, что готовится расчленение и теневое присвоение небольшой кучкой дельцов огромного достояния, которое досталось всему народу от советского периода. Специалисты утверждают, что расчленение этой уникальной системы лишит ее замечательных качеств целостности и резко ухудшит эффективность энергетики. Мало того, директора региональных энергосистем, по сути дела государственные чиновники, которые будут в ходе приватизации электростанций уволены, получают компенсацию по 750 тысяч долларов – среднюю зарплату по РФ за 300 лет! И это при том, что и так доход директора областной энергосистемы сейчас составляет 150-300 тысяч долларов²⁶⁰. Это нормально? О какой борьбе с бедностью может идти речь в таком государстве?

Но в этой доктрине и практике реформ есть компоненты, несовместимые с идеалами и интересами *всех* социальных групп России, включая и те меньшинства, которые нажились на этой реформе. Именно вследствие этого “тотального противостояния” в оппозиции к власти находятся даже враждующие между собой политические силы, что и является признаком того, что РФ находится в исторической ловушке. Более того, власть, поддерживающая исключительно крупный капитал, сумела посориться даже с ним.

Г.Павловский пишет: «Власть и бизнес находятся в состоянии углубляющегося кризиса доверия и подходят к тому, что этот кризис превратится в обширный политический кризис. Что будет полезно, я думаю, для правительства. Такой кризис доверия наблюдался в Киеве. У нас он, видимо, будет выглядеть иначе. Причем там, в Киеве, власть в каком-то смысле заняла противоположную позицию – встала на сторону крупного бизнеса, решила „обороняться“ вместе с ним, но ей это не помогло: „оборону“ прорвали. То, что происходит у нас, – это накопление проблем, отсрочка их решения»²⁶¹.

Непонятно, правда, чем может быть полезно правительству страны «накопление проблем, отсрочка их решения»? Что, наше правительство – враг народа? Непонятно также, почему «кризис доверия у нас, видимо, будет выглядеть иначе». Разве в РФ, в отличие от Украины, власть не встанет «на сторону крупного бизнеса»? Она так и будет стоять на стороне трудящихся, как и все последние годы? Станный, все-таки, у нас главный советник Кремля. Но все же и он признает наличие «углубляющегося кризиса доверия».

В целом, морально-политическая обстановка в РФ явно ухудшается. Директор ВЦИОМ по исследованиям В. Петухов пишет: “Вниз пошли практически все показатели, характеризующие удовлетворенность как собственной жизнью, так и ситуацией в стране. Ничего хорошего многие россияне, судя по результатам декабрьского [2004 г.] опроса ВЦИОМ, не ждали и от 2005 г. В связи с этим становится понятно, почему среди первопричин острой реакции населения на вступивший в действие закон о монетизации льгот россияне выделяют прежде всего общее ухудшение экономической и социальной ситуации в стране, а также глубокий

социальный раскол, который пока преодолеть не удастся. Причем по мере развертывания “льготного кризиса” число уверенных в том, что именно ситуация в экономике и социальной сфере является главной причиной недовольства общества, только растет. Только за две недели конца января – начала февраля число уверенных в этом увеличилось на 10% – с 28 до 38%”²⁶².

Мониторинг всех видов недовольства и его динамики ведется в РФ непрерывно. Внимательно следят за структурой и динамикой недовольства властью в РФ и на Западе. Специалист по России Американского института предпринимательства Л.Арон пишет со ссылками на российские источники: «Только 22% опрошенных в октябре россиян считают, что за последние несколько лет Россия достигла стабильности, тогда как 67% признали, что стабильности в стране нет. Больше всего пугает то, что более половины назвали политическую ситуацию „напряженной“, а 45% сообщили о росте „недовольства властями“»²⁶³.

Трудно расчленивать истоки недовольства властью в РФ на классы – оно уже представляет собой динамическую систему, в которой разные причины переплетаются и усиливают друг друга через синергический (кооперативный) эффект. Для анализа выделим условно несколько «срезов» этой системы, имея в виду, что каждый из этих «срезов» подпитывается другими. Молодой человек может возненавидеть власть за то оскорбление, которое она нанесла старикам своей «монетизацией» льгот, хотя сам может даже не иметь родственников-пенсионеров.

Первый «срез», порождающий недовольство быстрое и активное – социальная политика власти РФ. Е.Холмогоров: «Социальный вопрос – это именно тот вопрос, с помощью которого российское общество можно довести до катастрофического взрыва. Ни потуги либералов изображать из себя “оппозицию диктатуре”, ни угрозы и провокации террористов не имели и не могли иметь такого разрушительного эффекта. Социальная тема доведет общество до температуры кипения очень быстро. И менеджеры российской “оранжевой революции” это очень хорошо понимают»²⁶⁴.

Надо подчеркнуть, что недовольство населения социальной политикой нынешнего режима достигло в РФ красной черты при том, что в целом народ России вот уже пятнадцать лет проявляет беспрецедентную непритязательность и терпение. Несмотря на небывалую по своей несправедливости экспроприацию общественной собственности, ее преступную приватизацию ничтожным околовластным и теневым меньшинством, хищническое перераспределение доходов и массовое обеднение квалифицированного трудящегося населения, оно до сих пор не идет на открытое социальное противостояние, стараясь до последней возможности улаживать дело миром через неформальные механизмы.

Это – ценнейший культурный ресурс, который один раз уже позволил России спасти ее хозяйство от полной катастрофы после февраля 1917 г. Он же предотвратил полное разрушение хозяйства в 90-е годы. Этому не могут понять западные левые социологи, да и многие отечественные марксисты. Французский социолог Карин Клеман пишет: «В своем восприятии хозяев как оппонентов французские наемные работники сильно отличаются от их российских коллег. Немыслимо, например, чтобы они находились с работодателями в одних профсоюзах (а в России ФНПР принимает в свои ряды и представителей администрации). Маловероятно и то, чтобы они – по российскому образцу – вступили в неформальное сотрудничество с начальством.

Повседневная жизнь в России пронизана множеством неформальных правил... И сами работники чаще предпочитают жить по этим неписанным правилам, нежели вступать в открытый социальный конфликт. Наоборот, в Западной Европе, и особенно во Франции, люди законопослушнее, больше надежд возлагают на государство и формальные нормы защиты своих прав. Поэтому они более склонны к конфликтам из-за нарушения законного порядка... В России же неформальные правила связывают между собой наемных работников и работодателей, правящие группы и простых граждан. Из этого сотрудничества “низам” иногда удается извлекать для себя пользу, но гораздо чаще они становятся уязвимыми заложниками игры, правила которой очень мало от них зависят»²⁶⁵.

Ни власти, ни «работодатели» не сумели оценить это качество российских работников, злоупотребили им и своей тупой политикой временщиков уничтожают сейчас огромную национальную ценность. Создается порочный круг – именно трудящееся население, которое объективно должно было стать заслоном против «оранжевой» антироссийской революции,

подталкивается властью к тому, чтобы стать ее пушечным мясом.

Как быстро тает в настоящее время легитимность власти РФ, видно из опросов, проводимых телевидением. В отдельности они не имеют научной ценности, но в совокупности показывают, что население просто отшатнулось от власти (причем речь идет в основном о москвичах, самой благополучной части населения страны).

Вот, например, результаты некоторых телефонных опросов на московском канале ТВЦ (мы приводим довольно большую выборку за осень 2004 г. и весну 2005 г.):

– На вопрос “каков главный результат перестройки?” ответили: нищета и бесправие – 82,3%; распад СССР – 15%; свобода и демократия – 2,7% (11.03.05). Причем позвонили на ТВЦ более 25 тыс. человек.

– На вопрос “Что вызывает у Вас работа правительства?” ответили: оптимизм – 3,1%; пессимизм – 4,3%; протест – 92,6% (14.12.04).

– На вопрос “Считаете ли вы, что правительство России является вашим должником?” ответили: да – 97,1%; нет – 1,5% (21.04.05).

– На вопрос о состоянии экономики РФ ответили: растет и крепнет – 2,6%; топчется на месте – 4,8%; катится вниз – 92,6% (18.04.05).

– На вопрос “Что принесли лично вам реформы, проводимые в стране правительством?”, ответы распределились так: “больше пользы” – 1,1%, “больше вреда” – 91,8%, “одни сомнения” – 7,1% (16.12.04).

– На вопрос “Что, на ваш взгляд, надо делать с крупным бизнесом в России?” ответили: поддерживать – 3,6%; ограничивать – 3,2%; национализировать – 93,2% (24.03.05).

– На вопрос “Что бы вы предпочли?” ответили: изобилие и свободные цены – 20,3%; госцены и дефицит – 15,3%; карточную систему – 64,4% (7.04.05).

– На вопрос, какова “главная беда российской медицины”, ответили: безденежье – 5,2%; бездушие – 10,2%; горе-реформаторы – 84,6% (1.04.05).

– На вопрос, из-за чего в нашей стране возникают чрезвычайные ситуации, ответили, что из-за: отсутствия средств – 5,5%; короткой памяти – 4%; воровства – 90,5% (14.04.05).

– 95% позвонивших ответили, что “бюрократия и криминал в России [находятся] в прочном союзе”, и 3,4% – что “в мирном соседстве” (25.10.2004).

– На вопрос “Какой должна быть российская армия?” ответили: как в СССР – 68,6%; как в НАТО – 28,2%; как есть – 3,2% (22.03.05).

– На вопрос о том, кто “главный враг России на Кавказе”, ответили: террористы – 5%; зарубежные спецслужбы – 14%; воровство и коррупция – 81% (9.03.05).

– На вопрос о том, как “страны НАТО, на ваш взгляд, относятся к России”, ответили: дружелюбно – 3,4%; враждебно – 56,5%; корыстно – 40,1% (20.04.05).

– На вопрос “Каких событий в вашей жизни было больше в 2004 г.?” 82,5% ответили: “печальных” (28.12.04).

– На вопрос, что означает для России “серия революций в бывших республиках СССР”, ответили: угроза – 48%; предостережение – 46%; не наше дело – 6% (25.03.05).

Эти опросы явно говорят об опасном повороте сознания. Для доведения его до порога нестабильности достаточно небольших манипулятивных усилий. Из них видно также, что в сознании активной части населения созрело категорическое отрицание всей *доктрины реформ в целом*. Ответы на последний вопрос показывают, что 94% ответивших воспринимают угрозу «оранжевой» революции в РФ очень серьезно. Вопрос сформулирован так, что нельзя определить, какая часть ответивших эту революцию отвергает, но важен сам факт, что люди обдумывают ее как реальный поворот в ходе событий и пытаются определить свою позицию.

В рамках социальной политики возник очаг острого недовольства, связанного с пенсионной реформой и вообще с положением пенсионеров. И лишь на первый взгляд речь идет о проблеме, которая касается лишь той четверти населения, которая уже перешла в разряд пенсионеров. Их положение примеряют на себя и половина населения трудовых возрастов. Всем было очевидно, что рыночная реформа стала ограблением пенсионеров, покупательная способность средней пенсии снизилась по сравнению с советским временем в четыре раза и лишь в последние три года стала медленно расти. Однако лишь сейчас, в ходе «монетизации»

льгот, люди стали подсчитывать и сопоставлять экономические величины и убедились, что дикое обогащение «новых русских» произошло даже не за счет эксплуатации нынешнего поколения трудящихся, а прежде всего за счет присвоения богатств, созданных трудом нынешних пенсионеров. Был дан толчок к такому повороту в сознании, который может иметь очень далеко идущие последствия.

Приведем, в сокращенном виде, рассуждения Е.Холмогорова на этот счет. Он пишет: «Российская проблема не в “плохом начальстве” и даже не в “очень плохом начальстве”, а в чудовищной социальной системе, природу которой наконец-то начали чувствовать и даже осознавать пенсионеры, занимающие в этой системе самую униженную и эксплуатируемую позицию.

Вся тяжелая, изматывающая, и, иногда, очень квалифицированная работа совершена ими в прошлом. Современная “капиталистическая” олигархическая экономика России основана, на самом деле, на превращении в рабский труд свободного труда граждан социалистического СССР. Это “порабощение” совершено при помощи уникальной и, по своему, беспрецедентной, манипуляции с прошлым.

“Рыночные реформы” 1990-х полностью передали эти огромные социальные фонды, по сути именно заработную плату пенсионеров, сперва в руки “приватизационных комиссий” и “пенсионных фондов”, а затем и в частные руки. Все богатство нынешней олигархии, коррупционного чиновничества и, в значительной части, даже среднего бизнеса основано на распоряжении и оперировании этими социальными фондами, то есть продуктами труда нынешних пенсионеров. При этом сами пенсионеры не только не допущены к результатам распоряжения своим трудом, но и, при помощи механизмов инфляции и с помощью манипуляций пенсионным законодательством, лишены даже возможности считать себя “наемными рабочими”, которым запоздало выдают задержанную зарплату. Суммы нынешних пенсий несопоставимы с уровнем нормальной зарплаты и тем более несопоставимы с произведенной пенсионерами стоимостью. В пересчете на античные понятия “паяк” нынешних пенсионеров – это пайка старого, нетрудоспособного раба, которого по каким-то причинам еще не успели отправить умирать на остров посреди Тибра...

Крипто-рабовладельцами, в этой ситуации, оказываются практически все трудоспособные граждане России, однако в то время как бедная часть населения пользуется плодами рабского труда лишь по касательной, виртуальная финансовая аристократия располагает огромными латифундиями из нефтяных скважин, сталелитейных заводов, бюджетных и внебюджетных фондов. И то, что рабы трудятся на этих объектах в другом временном измерении, а сейчас приходится иметь дело все-таки с обычными наемниками, экономической природы постсоветского богатства не меняет, – без обращения свободного труда в рабский эти богатства частных лиц не были бы созданы и не могли бы служить их личному обогащению...

Спасает крипто-рабовладельческий строй, пока что лишь то, что рабы еще не вполне понимают, против чего они восстают... Однако уже сейчас и в звонках пенсионеров на радиостанции, и среди плакатов на улицах все чаще раздаются убийственное для всей системы требование “подлинной монетизации”: «Гребуй: зарплату – 50 тыс., пенсию – 25 тыс., стипендию – 17,5 тыс.» Если осознание своего собственного положения к пенсионерам придет, и если лозунг “монетизации по настоящему” станет всеобщим, то, в этом случае, под угрозой окажется весь основанный на рабовладении социально-экономический строй современной РФ.

Олигархически-коррупционное государство вынуждено будет либо начать распинать стариков вдоль дорог, либо будет погребено дефолтом, поскольку даже если изъять у всех олигархов все их живые денежные активы, то расплатиться не получится, – слишком много уже пострачено на элитных проститутках обоих полов... И срок, отмеренный этой системе, похоже, кончается»²⁶⁷.

И не только плоды прошлого труда пенсионеров присвоены меньшинством – началось и заметное сокращение пенсий по отношению к зарплате. В соответствии с правительственным прогнозом социально-экономического развития соотношение размера трудовой пенсии к среднемесячной заработной плате уменьшается с 27,4% в 2004 г. до 25,4% в 2005 г. Депутат Госдумы, доктор экономических наук О. Дмитриева объясняет: “Согласно заложенному механизму, пенсия должна индексироваться в соответствии с ростом средней заработной платы,

потому что пенсионные отчисления идут от заработка. Так что пенсия должна расти тем же процентом, что и средняя заработная плата. А у нас она ниже. Фонд оплаты труда возрастает на 29%, а пенсии – на 9%. Тем самым финансируют все эти затеи – и пенсионную реформу, и снижение ЕСН [единого социального налога]. То есть за все эти затеи расплачиваются пенсионеры”.

В какой-то мере затушевать грядущее в 2005 году реальное уменьшение пенсий власть и пытается с помощью монетизации льгот, создающей эффект увеличения наличности. О. Дмитриева говорит: «Начинали мы, когда средняя пенсия у нас была 32–33% от средней заработной платы. В этом году она уже 25%, а в 2007 г. она, по прогнозам правительства, должна быть 22%. И это за счет двух факторов – снижения накопительной части и снижения тарифа [ЕСН]... Провалилась пенсионная реформа – надо расширить театр военных действий и перейти к монетизации льгот, затем к реформе медицинского страхования и так далее»²⁶⁸.

Менее непосредственным и острым, но более фундаментальным является недовольство, вызванное тем, что реформа подорвала саму базу народного хозяйства РФ. Нарастание этого недовольства происходит нелинейно, с ускорением, потому что обрушиваются надежды, которые население возлагало на президента В.В.Путина. Он истратил данный ему кредит доверия, но не сделал ничего, чтобы переломить тенденцию.

Экономист Виктор Полтерович, академик РАН, зав. лабораторией математической экономики ЦЭМИ, пишет: «Согласно А. Мэдисону, авторитету в области измерения экономического роста, в 1913 г. российский душевой ВВП составлял 28% от американского уровня. Сейчас – около 25%. Реформируя экономику в 1990-е гг., мы совершили все мыслимые и немыслимые ошибки. Приватизацию средних по размеру предприятий следовало отложить на 4–5 лет, как это сделала Польша, а гиганты сырьевого комплекса должны были оставаться в государственной собственности еще лет 20»²⁶⁹.

Как должно население относиться к власти, которая угробила хозяйство второй в мире экономической державы, отбросила это хозяйство на относительный уровень ниже 1913 г.? Ведь В.В.Путин ни разу не отмежевался от действий в экономике его предшественников (неважно даже, разрушали они хозяйство по ошибке или по злему умыслу). Никто из разрушителей не только не понес хотя бы символической ответственности, но даже ничего не потерял в престиже и уважении, в том числе со стороны самого В.В.Путина – так же поются дифирамбы Е.Ясину, так же уважительно говорят об А.Чубайсе, так же «советует» президенту А.Илларионов. В чем же тогда функции президента как «гаранта, отвечающего за все»? Не могло в таких условиях не возникнуть нарастающего разрыва между населением и В.В.Путиным.

Подавляющее большинство граждан исключительно болезненно переживает утрату Россией наукоемких производств, создание которых стоило всему народу много крови и пота. Правительство наблюдает за их гибелью с равнодушием или даже с радостью. Как же должны относиться к этому ответственные за будущее страны граждане?

Сегодня российское правительство тратит на поддержку собственного авиапрома 100 млн. долл. в год (бюджет 2004 г.)²⁷⁰. При этом потребность авиаперевозчиков РФ составляет 120–150 самолетов, и примерно столько же в странах СНГ, ориентированных на родных самолетостроителей. Но для обеспечения этого рынка современной авиатехникой промышленности не хватает 1,5–1,7 млрд. долл. поддержки государства, которому принадлежит 100% акций предприятий.

Что же мы видим на Западе? Ведь мы судьбой обречены равняться на него в производстве хотя бы истребителей, а для этого нужно держать уровень всего авиастроения. Две фирмы, «Боинг» и «Аэробус», продали в 2004 г. 586 самолетов на 116 млрд. долларов. 30% производственных затрат этих двух фирм берет на себя государство. Десятки миллиардов долларов в год – вот нормальная государственная поддержка авиапромышленности. Тогда эта промышленность приносит огромный доход. А в РФ поддержка – 0,1 млрд. В сотни раз меньше! И речь уже не о доходах, а об утрате возможности производить необходимое вооружение. И, как утверждает Минфин, РФ, Стабилизационный фонд которой составляет более 570 млрд. руб., а золотовалютные резервы 114 млрд. долл., не в состоянии вкладывать в свою авиапромышленность больше, чем вкладывает²⁷¹. Да это не правительство, а вредитель –

как к нему можно относиться!

Вот, РФ теряет свой военно-морской флот. У нас уже не могут ни строить новых современных кораблей, ни модернизировать старые – подорван научно-технический потенциал отраслей, поставляющих электронику и специальные материалы. Это положение оценивают так: «Пока наша оборонная промышленность, хотя гособоронзаказ в 2004 г. сориентирован именно в сторону резкого повышения качества разработки систем разведки, связи, наведения и целеуказания, все же не может предложить армии и внешнему оружейному рынку конкурентоспособный „электронный товар“. И проблема тут не только в конструкторах, а в металло– и материаловедении, в научных разработках на уровне молекулярной физики и химии, в состоянии структуры оборонной науки и промышленности, их государственном управлении... За один-два года не исправить то, что было упущено и разрушено за последние пятнадцать лет»²⁷².

Так разве власть не отвечает за то, что «последние пятнадцать лет разрушалась» основа обороноспособности страны? И разве теперь она не продолжает разрушаться? Взгляните только на доктрину приватизации большинства еще оставшихся научных институтов! Это – еще одно важнейшее основание для резкого недовольства населения властью.

Подрыв обороноспособности России воспринимается большинством взрослых граждан как национальная трагедия и прямо создает образ власти как *врага народа*. Мало кто знает, что практически демонтирована вся система радиолокационной разведки ПВО, так что воздушное пространство РФ, за исключением нескольких небольших пятен, открыто для авиации врага. Но есть и признаки очевидные и вопиющие – утрата военных навыков. Вот, например, маленькая зарисовка с натуры, о кадрах морских летчиков: «В России практически не осталось строевых летчиков, которые умеют взлетать и садиться на палубу. На весь ВМФ их сегодня десять. На февральских учениях в Заполярье, где президенту страны гордо демонстрировали мощь отечественного флота, над кораблем пролетали, изображая заходы на посадку, не боевые пилоты, а летчики-испытатели „Сухого“²⁷³.

У населения вызывает уже холодную ярость сказка, которую пятнадцать лет рассказывает нам власть – о добрых иностранных инвесторах, на деньги которых будет восстановлено наше хозяйство. При этом наполовину государственные нефтедобывающие фирмы вывозят прибыль в США. В 2000 г. ЛУКОЙЛ за 71 млн. долл. приобрел компанию «Getty Petroleum Marketing», владевшую правом долгосрочной аренды 1300 АЗС и сети нефтебаз в восточных штатах США. В 2004 г. ЛУКОЙЛ дополнительно купил за 375 млн. долл. у «ConocoPhillips» еще 795 АЗС в штатах Нью-Джерси и Пенсильвания²⁷⁴. Почему же в РФ пойдут иностранные инвесторы, если и свои убегают? Как сообщил вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей И.Юргенс, «отток капитала из РФ в 2004 году составил, по оптимистическим данным, семь миллиардов долларов, а по пессимистическим – 17 миллиардов. Это зависит от системы отчета».

Возмущает издевательство министров и чиновников над здравым смыслом – и полная невозможность задать прямой вопрос министру, глумливо изрекающему абсурдные вещи. Герман Греф заявляет, что из-за высоких цен на нефть «предстоящие реформы будут очень тяжелыми»: «На сегодняшний день легких и популярных реформ не осталось, они будут болезненными и будут нарушать привычный образ жизни».

Выходит, по Грефу, что до сих пор реформы были «легкими и популярными», но теперь эта манна небесная кончается. Почему же? А потому, что теперь много денег у России, девать их некуда – и вот, реформы придется сделать «болезненными». Можно ли назвать это рассуждениями нормального человека? Греф сказал, что «интересы государства будут противопоставлены интересам большой прослойки людей». Эта «большая прослойка людей» уже приблизилась к 99% населения. Да мыслимо ли было в истории государство, интересы которого «противопоставлены интересам» такой большой «прослойки»? И мыслим ли был министр, который такие вещи заявляет?

На телепередаче у В.В.Познера (17 апреля) Греф объяснял, что надо делать с деньгами, которые якобы душат Россию: «У стабилизационного фонда есть две функции. Первая функция очень малопонятна – это функция стерилизации избыточных денег». Стерилизовать деньги – как бродячих собак! Как же правительство РФ кастрирует деньги, заработанные российской

экономикой? Оно их вкладывает в чужую экономику! Греф объясняет: «Когда в экономику приходит большая масса денег, то они либо должны изыматься из экономики и не тратиться внутри страны, или будет очень высокая инфляция, ну в полтора раза выше, чем сейчас, а это прямое влияние на инвестиционный климат, отрицательное влияние».

Вдумайтесь в логику: если у нас завелись деньги, то инвестировать их внутри страны нельзя, потому что это испортит инвестиционный климат и у нас будет мало инвестиций! Да что же это творится! Человек издевается над логикой, а власть ему кивает. Греф продолжает: «Все профессиональные экономисты утверждают в один голос – стабилизационный фонд нужно инвестировать вне пределов страны для того, чтобы сохранить макроэкономическую стабильность внутри страны. Как это не парадоксально, инвестируя туда, мы больше на этом зарабатываем. Не в страну! Это первое».

Если инвестиции «в страну» вредны, то зачем же нам этот инвестиционный климат? А если правительство ради этого климата старается, то почему же деньги «нужно инвестировать вне пределов страны»? Ну какой дурак будет вкладывать деньги в России, если сам министр экономического развития предупреждает: «Не в страну!» Мол, инвестируя «туда», мы больше на этом зарабатываем. Значит, и всем надо инвестировать «туда», а не «сюда». Греф утверждает, что все это «парадоксально». Но все это жульничество, для которого просто нельзя придумать правдоподобного объяснения. Да и ссылка на «профессиональных экономистов» – вранье. На той же передаче дали сказать пару слов академику Д.Львову, так он наоборот говорил – деньги надо инвестировать именно в России, для развития ее экономики.

Всем известно, о чем идет речь. Есть у нас в хозяйстве дыры, где все уже висит на ниточке, где требуется именно срочная стабилизация. Например, во многих городах на грани отказа водопровод. И вот, города берут на Западе кредиты под 20,5% годовых (как это сделал Ярославль). Из каких же денег западный банк дает им эти кредиты? Из тех российских денег, которые туда отправил Греф на хранение! Ну разве это не безумие (или не вредительство)?

Люди возмущены тем, что власть, начиная с Горбачева, шаг за шагом сдает рубежи суверенитета России. Для этого не было объективных оснований, в этом видят сговор. Все ближе и ближе к нашим границам запускают США свою вооруженную руку – и никто не считает ее дружественной. А внутри РФ агентам Запада открыты все двери. Все подписанные В.В.Путиным «доктрины безопасности» на деле были лишь клочками бумаги, власть и не думала им следовать.

Бжезинский пишет, что Россию превратят в «нормальное европейское государство среднего ранга», которое станет младшим партнером США, постоянно сдающим свои позиции. И дело тут – вовсе не в победе США, а якобы в воле самих русских: «Сделанный Россией выбор предоставил Западу стратегический шанс. Он создал предпосылки для прогрессирующей геополитической экспансии западного сообщества все дальше и дальше вглубь Евразии. Расширение уз между Западом и Россией открыло возможности для проникновения Запада, и в первую очередь Америки, в некогда заповедную зону российского ближнего зарубежья». Когда Россия сделала такой выбор? Когда мы желали «проникновения Запада в заповедную зону»? Это все устроила власть помимо и вопреки нашей воле. Как же мы должны к ней относиться?

М.Чернов подводит горький итог: «Эти последние 15 лет мы все разваливали нашу собственную страну... Ну, хорошо, развалили, разворовали, но зачем в последние семь лет, когда страна продолжала рушиться и рассыпаться, надо было создавать иллюзию того, что все хорошо и великая империя восстанавливается?... „Оранжевые революции“ лишили нас иллюзий, что все само собой образуется. За фасадом дутого „имперского благополучия возрождающейся России“ не оказалось ничего – потемкинская деревня, один на всю страну сытый город. Старое советское, еще, по сути, сталинское наследие, пошедшее по рукам, заканчивается, а нового не создано ничего. Уродливая попытка восстановить досоветскую Российскую Империю на пустом месте провалилась. А как все начиналось – Михалков, „Сибирский цирюльник“...»

Тут, впрочем, много риторических выражений. Как это «мы все разваливали страну»? Если бы так, она давно бы развалилась. «Мы все» по мере сил старались страну сохранить, а вот власть, составленная из национальных и региональных князьков, и раздирающие на куски народное хозяйство олигархи страну действительно разваливали. И В.В.Путин, на которого надеялись, особого рвения в сохранении страны не проявил.

Понимая все это, потирают руки идеологи «оранжевой» революции в РФ – вот они, объективные предпосылки. Б. Березовский даже сочувствует патриотам: «Все, что происходит на постсоветском пространстве, – неизбежность... Когда он [Путин] пришел к власти, была огромная система ожиданий у так называемых патриотов. Тех, кто хотел видеть Россию сильной, возрождающейся империей, с русскими как титульной нацией во главе. И вот эта идея, казалось, могла быть реализована молодым, энергичным на вид товарищем Путиным. Но он не сделал Россию великой, он не стал собирателем земель русских и уж тем более советских. Вместо этого он говорит про „вертикаль власти“, „диктатуру закона“. За этим скрывается незнание процессов, которые идут в реальности»²⁷⁵.

Недовольство нарастает потому, что в сознании людей происходит важный сдвиг. В.В.Путин был символом, и все терпеливо ждали, что под прикрытием этого символа власть будет трудиться над созданием действительной силы, которая и позволит государству выполнить свою миссию. А через пять лет выясняется, что ничего за этим символом нет – власть не трудилась, а занималась интригами и переделом остатков собственности. И символ стал рушиться. Социолог Б.Дубин из ВЦИОМ говорит: «Путин играет роль сегодняшнего общего символа. Для людей такая фигура важна с точки зрения психотерапевтической: местные власти могут безобразничать, но есть ОН, который в случае чего, может быть, все-таки наведет порядок. В 2000 году на это надеялось более 70% населения, сегодня Путин не собирает и 60%, при том что имеет высокий уровень доверия и поддержки. Но доверие и поддержка все менее обозначают надежды, за ними стоит безальтернативность – другого никого нет. Поэтому так велика готовность и населения, и лидерских групп закрывать глаза на то, что, например, Путин два дня не появлялся, когда развернулись события в Беслане, когда произошла катастрофа на подводной лодке “Курск”. Если открыть глаза, придется признать, что в центре круга никого нет, и станет тревожно. А россияне и без того достаточно напуганы»²⁷⁶. Только не напуганы они уже, а возмущены.

Возмущает людей и коррупция, от которой при нынешней власти уже стало трудно укрыться рядовым гражданам. И дело не в том, что жалко денег на взятку – мы же видим, как эти взятки растлевают государство снизу доверху, а затем растление проникает и в те профессии, на которых держится Россия и в которых коррупция недопустима. На заседании руководителей законодательных органов Приволжского федерального округа, которое прошло под председательством полпреда С. Кириенко в Казани, было сказано, что россияне ежегодно тратят на взятки около 40 млрд. долл.²⁷⁷

На недовольство коррупцией стратеги «оранжевых» революций делают в РФ большую ставку. Л.Арон пишет: «Хотя большинство россиян действительно привыкли к повсеместно распространенному взяточничеству и должностным злоупотреблениям и сносят их уже долгое время, не стоит надеяться, что они будут терпеть коррупцию вечно, особенно после того, как осознают, что она мешает жизненно важному политическому и экономическому прогрессу их страны. В этом контексте чрезвычайно важен пример соседней Украины: в еще более коррумпированной, чем Россия, стране народное возмущение правительственными злоупотреблениями стало одной из движущих сил общественных протестов против сохранения правящего режима. В России на смену покорности тоже может прийти массовое движение, выступающее за перемены»²⁷⁸.

Недавно международная организация «Transparency International», изучающая уровень коррупции в разных странах, опубликовала свой доклад за 2004 г. Рейтинг TI составляется по шкале от 0 до 10 баллов, где десяти баллам соответствует наивысшая степень порядочности и честности чиновников квалифицируемой страны.

Из 146 стран, фигурирующих в списке 2004 г., 60 стран набрали менее трех баллов из 10 возможных. Это крайне коррумпированные страны. РФ, набрав 2,8 балла, заняла место между 90 и 96. И это вовсе не от бедности. Сегодня очень трудно жить в Северной Корее, но ей поставили 4,5 балла, а Кубе – 3,7. Вряд ли эксперты старались приукрасить их чиновников. А вот оценки стран, где уже произошли «оранжевые» революции: Киргизия и Украина – 2,2; Грузия – 2,0²⁷⁹.

Не будем уж трогать особый, больной срез – безопасность против угрозы терроризма, который буквально взращен властью реформаторов. Уж что-что, а о нем никак нельзя сказать,

что он унаследован от проклятого советского режима. Не знали мы этого зла, потому что не было для него питательной среды. А теперь эту питательную среду создали, а противоядие против терроризма – разрушили.

После «Норд-Оста» и Беслана число граждан, которые не верят в способность правительства защитить их от терроризма, увеличилось в полтора раза – с 50 до 75%. А «архитектор перестройки» А.Н.Яковлев дает «Независимой газете» такое интервью. Его спрашивают: «Не жалеете, что в свое время с Горбачевым силовиков не разогнали?» И этот заслуженный агент влияния довольно отвечает: «Я думаю, это наша ошибка. Что касается монстра, я бы его ликвидировал... Кстати, по моей записке КГБ был разделен на несколько частей»²⁸⁰. И подобные ему разрушители при этой власти ходят в уважаемых наставниках.

Нынешнее растущее недовольство властью имеет обоюдоострый потенциал. Оно может качнуться как в сторону отрицания этой власти и ее замены через «оранжевую» революцию. Но может и оформиться в политический проект, направленный на *излечение* больной власти и подавление «оранжевых». Интуитивно большинство тяготеет ко второму варианту, и опыт Украины в таком повороте сознания сильно помог. Но это тяготение не сломало неустойчивого равновесия, и оно может быть сдвинуто в любую сторону. За это и борется набирающая обороты пропагандистская машина российских «оранжевых». Сама власть, похоже, колеблется, но более активны в ней группы, тайком помогающие «оранжевым».

Глава 19. Монетизация льгот – активизация «мины недовольства»

Крупной акцией российской власти, которая резко укрепила и социальную базу, и идеологию будущей «оранжевой» революции, стала монетизация льгот – замена ряда социальных льгот в их натуральном выражении фиксированной денежной компенсацией.

Во время прохождения через Госдуму законов, предусматривающих это изменение в социальной политике, власть получила исчерпывающие аналитические материалы, показывающие разрушительный характер этой акции для общества и государства и ее бессмысленность с экономической точки зрения. Объяснить последствия этой акции ошибками власти или плохим исполнением невозможно – все произошло именно так, как и предсказывали эксперты (эксперты как самой власти, так и оппозиции).

Член совета Ассоциации политологов и экспертов-консультантов (АСПЭК) В. Горюнов говорил в январе, в разгар демонстраций протеста пенсионеров: «Происходит то, о чем говорили еще полгода назад, когда началось обсуждение монетизации льгот. Основа социальных протестов объективна – закон полностью асоциальный и неправильный по сути... Была проведена мерзкая с этической точки зрения PR-кампания в СМИ, в которой участвовали правительство и „Единая Россия“. Говорили о прибавке реальных денег людям с мизерными доходами, для которых 200 руб. – это лишняя конфетка, в которой они себе отказывали. При этом утаивалось, что эти люди теряют»²⁸¹.

В те январские дни «Живой журнал» в интернете собрал личные впечатления людей, которые сами наблюдали эти события, слушали разговоры и составили какое-то мнение, представляющее общий интерес. Вот пара таких реплик:

«В общем, если кто-то хотел „антинародных реформ“ – может гордиться. Они действительно получились по-настоящему антинародными. В Кремле (и вокруг Кремля) долго говорили, что весь смысл концентрации власти, ограничений свободы, ужесточения режима и прочих нововведений последних двух лет – только в том, чтобы с помощью „антинародных реформ“ вывести страну в светлое завтра рыночной экономики и процветания. Рано или поздно надо было эти антинародные реформы предъявлять. Вот и предъявили. Каков будет толк от реформы, понять пока сложно, зато по части антинародности все вышло прекрасно. Задание выполнено. Цель достигнута»²⁸².

«Тысячи обычных пожилых россиян протестуют против закона о „монетизации льгот“. Действуют они стихийно, но довольно эффективными методами – перекрывают важные дороги, пытаются прорваться в региональные кабинеты власти. И, заметьте, никаких политических лозунгов... Ответ на вопрос, почему вдруг начались выступления пенсионеров, очевиден. Люди впервые, что называется, „пощупали“ компенсации своими руками. Ощущение оказалось не из

приятных. Во всем мире степень цивилизованности государства определяется по отношению к детям и старикам. Старикам наша власть уже показала во всей своей красе, отобрав натуральные льготы и выдав взамен несколько жалких рублей. А губернатор Подмосковья Громов, например, и вовсе заявил во вторник, что зачинщиков несанкционированного митинга в Химках надо привлечь к ответственности... Вообще, уровень неприкрытого цинизма властей в отношении наименее социально защищенных слоев россиян поражает. А пока суд да дело, наши бабули в беретиках и стареньких платочках потихоньку продолжают свою „ситцевую революцию“²⁸³.

В результате январских протестов власть дала задний ход и фактически вернула ряд льгот некоторым категориям граждан (как говорили, затратив на это в три раза большие суммы бюджетных средств, чем стоили эти льготы в натуральном выражении). Однако на диалог с обществом о самой сути этой акции власть не пошла. Общее настроение людей было, однако, выражено вполне ясно. Вот результаты некоторых телефонных опросов на московском канале ТВЦ:

– На вопрос о том, как использованы бюджетные деньги, потраченные на нынешние реформы (монетизацию льгот), ответили так: помогли пенсионерам – 1,6%; потрачены зря – 2,6%; лягут кому-то в карман – 95,2% (10.03.05).

– На вопрос “Как сказалась на Вас лично денежная компенсация вместо льгот?” ответили: “устраивает” – 1,9%, “разоряет” – 94,6% (1.12.04).

– На вопрос о смысле отмены льгот ответили, что это: просчет центра 3%; неразбериха на местах – 1,3%; попытка ограбления – 95,7% (17.01.05). Чтобы ответить на этот вопрос, позвонили более 30 тыс. человек.

– На вопрос “Ваше отношение к уличным протестам льготников?” ответили: сочувствую – 1,7%; осуждаю – 2%; поддерживаю – 96,3% (14.01.05). Позвонили 36 тыс. человек.

– На вопрос о том, как можно реально защитить свои права в связи с отменой льгот, ответили: в суде – 3,5%; через профсоюзы – 1,3%; в акциях протеста – 95,2% (12.01.05).

И самих пенсионеров, и многих наблюдателей (в том числе видных социологов и экономистов) возмущал демонстративный характер антисоциальной акции, проводимой в условиях экономического роста и небывалого притока нефтедолларов, при профиците бюджета – около 650 млрд. руб. Людей приводил в ярость сам отказ власти внятно объяснить, почему рост доходов государства сопровождается урезанием социальных расходов.

Пресса сообщила, что в середине января в городской суд Петербурга был подан первый в стране иск против монетизации (профессора Петербургского университета К. Буркова). Истец оспорил закон, который лишил пенсионеров права бесплатного проезда на общественном транспорте, введенного в 1993 г. сессией Ленсовета.

Согласно Закону № 122, местные власти, проводя монетизацию, не должны ухудшать условия предоставления льгот. Это требование закона невыполнимо, что и создало условия для дестабилизации общества. В Петербурге льготные категории граждан понесли очевидный ущерб. Проезд на городском транспорте стоит 10 руб., а единый проездной билет – 600 руб. Компенсация пенсионерам составляет 230 руб. – ровно на 23 поездки вместо ранее неограниченного их числа. Угроза проигрыша суда была для власти вполне реальна, и в срочном порядке были введены льготные проездные билеты стоимостью 230 руб. По сути, это означало возвращение права пенсионеров на бесплатный проезд²⁸⁴.

Целый ряд авторов убедительно показывал, что конфликт власти с большей частью населения, вызванный монетизацией льгот, носит фундаментальный характер. Настаивая на своем, власть превращается в экзистенциального врага большей доли народа, ибо она нанесла удар по устоям его представлений о справедливом бытии, а вовсе не по каким-то элементам материального благополучия. Государство попыталось уйти от выполнения вечного договора с народом – и его легитимность пошатнулась.

Е.Холмогоров выразил это в эссе, прямо связывающем эту акцию с подготовкой к «оранжевой» революции. Вот краткие выдержки из него: «Не имея никакого экономического и финансового смысла, особенно в государстве, бюджет которого лопается от излишка “нефтедолларов”, эти реформы били по самым основам той социальной системы, которая была

создана нашим народом за советский период и которая в наибольшей степени отвечала его представлениям о правильном и справедливом социальном устройстве. Ни всевозможные “повышения цен”, ни чубайсовская “приватизация”, ни ужесточение трудового законодательства, ни даже реформа ЖКХ не несли в себе такого протестного потенциала, как “монетаризация льгот”. Чубайс крал то, что и не находилось в нашей личной собственности. Повышения цен били по карману, но не по чувству справедливости. Даже реформу ЖКХ возможно было оправдать тягостным состоянием отрасли. “Монетаризация” же была формально абсолютно невинной реформой, от которой, как утверждали официальные пропагандисты, никто ничего не теряет, просто льготы заменяются живыми деньгами. Но именно эта “замена”, даже будь она проведена безукоризненно честно и без того административного хаоса, который наблюдается в реальности, являлась бы разрушением всего строя русской социальности. Строя, основанного именно на идее бесплатности, несвязанности с денежными отношениями и “чистоганом” определенных социальных гарантий.

Наша система социального обеспечения была построена на социалистическом принципе бесплатных услуг как единственно возможной формы выполнения целого ряда социальных обязательств. Все нынешние поколения граждан России выросли с представлением, что есть вещи, за которые просто не надо платить или надо вносить чисто символическую плату. И это воспринималось не как “отрывка социализма”, а как значительное достижение нашей цивилизации, благодаря которому в целом ряде сфер – медицина, образование, обеспечение старшего поколения, – человек освобожден от необходимости унижать себя денежными расчетами по любому поводу. И от коммерциализации этой сферы как таковой. Были вещи, которые полагались человеку по той единственной причине, что он родился и трудился в великой стране.

Система бесплатных (для рядового человека) социальных льгот была мощнейшим фактором поддержания национального достоинства... Представить себе систему, в которой платный социальный сектор существует вместо, а не вместе с бесплатным, большинство народа и по сей день не в силах. И только этот “недостаток фантазии” избавляет страну от более серьезных социальных потрясений.

Единственной причиной подобной реформы могло бы стать желание полностью дестабилизировать и разрушить формировавшуюся не одно десятилетие социально-политическую систему. Некоторые российские либералы не скрывали, что хотят именно этого. Они заявляли, что борются прежде всего с народным представлением о государстве как о “народной кассе”, которая должна платить в критических случаях. Но они при этом забывали оговориться, что конечной целью для них является ликвидация не только подобного представления о государстве, но и самого государства как суверенной, основанной на исторической традиции политической единицы»²⁸⁵.

Надо подчеркнуть, что население России, в массе своей отвергавшее социальную политику власти, долгое время разделяло ответственность за эту политику между правительством и президентом. Этот искусственный прием сохранения, насколько возможно, авторитета и легитимности верховной власти («добрый царь, злые министры»), был давно выработан в русской культуре. Он всегда использовался, чтобы исчерпать все возможности разрешения конфликта с властью без нанесения удара по сердцевине государственности – но зато когда оказывалось, что эти возможности исчерпаны («и царь – злой!»), происходила катастрофа. Монетизация льгот впервые сделала именно президента В.В.Путина объектом прямых обвинений.

А. Чадаев пишет: «На самом деле за „монетизацию льгот“ ответственность несет именно правительство. Это идея, вышедшая из недр Минэкономразвития, поданная как первое серьезное реформистское действие нового, прошедшего административную реформу аппарата. Это – первая серьезная проверка на прочность нового „экономического блока“ (Греф-Кудрин-Жуков) и нового премьера. Однако волна протеста направлена не на них, а персонально на Путина. И все эти правительственные персонажи рассматриваются людьми не как какие-то самостоятельные ответственные персонажи, а как исполнители воли главы государства. То есть невозможно критиковать их деятельность и при этом оставаться лояльными президенту. Милиционер – старушке в метро: „ты за Путина голосовала? Вот и

думай в следующий раз“... Как следствие – плакаты в руках стариков на перекрытом Ленинградском шоссе: „Путин – враг хуже Гитлера“... Но правда состоит в том, что торжествующий сегодня принцип коллективной безответственности – действительно лежит на совести лично Путина»²⁸⁶.

Нельзя еще забывать о том, что власть совершает операцию, которую невозможно объяснить никакими открытыми рациональными доводами – она в преддеверии острой дестабилизации государства делает своим социальным врагом армию. Монетизация льгот сильнейшим образом ударила и по интересам, и по моральному состоянию военнослужащих и сотрудников МВД.

В. Сафонов пишет в «Политическом журнале»: «В городах России продолжаются протесты пенсионеров против отмены льгот и их монетизации. Но депутаты, публицисты, демонстранты и министры молчат о тех, кому митинги, голодовки и перекрытие федеральных трасс запрещены законом, – о военнослужащих. А они от отмены льгот пострадали, пожалуй, сильнее всего. А есть еще ветераны боевых действий в возрасте до 60 лет, их в РФ около 5 млн. человек. У них тоже отняты все гарантированные им когда-то государством льготы.

На сайте газеты [«Красная звезда»] пользователи Интернета все же могли ответить на вопрос: улучшила ли монетизация льгот благосостояние военнослужащих? Из 1237 человек, посетивших сайт на конец января (а доступ в Интернет имеют далеко не все прапорщики, офицеры, члены их семей и ветераны), 1177 (95% проголосовавших) ответили на этот вопрос однозначно: ухудшила.

По информации Минобороны, негативно относятся к монетизации льгот лишь чуть больше 80%. При этом только 15% офицеров и прапорщиков (мичманов) и 27% военнослужащих срочной службы удовлетворены этим государственным актом».

В этом материале приводятся данные, известные и из других источников, которые, однако, кажутся абсурдными в условиях назревания угроз государству при одновременном огромном избытке денег в госбюджете: «Лейтенант, командир взвода, получает сегодня со всеми надбавками 4,5–5 тыс. руб. – меньше, чем уборщица в московском метро. Его начальник – капитан, командир роты „зарабатывает“ 5–5,5 тыс. – как секретарша в очень скромном офисе. Подполковник, командир батальона – 7–8 тыс., в два раза меньше, чем водитель троллейбуса в Москве. Кроме того, каждый третий из офицеров российской армии и флота не имеет квартиры, снимает жилье или ютится с семьей в непригодном помещении – в каптерке или отгороженной части казармы. И не имеет никакой перспективы в обозримом будущем получить обещанное ему законом жилье. 10 тыс. квартир, которые армия ежегодно строит для 165 тыс. бездомных, – капля в море.

Солдаты из полка охраны, что находится в Лефортове, не могут приехать на Арбат и Фрунзенскую набережную, где они проходят службу, потому что их не пропускают без денег в метро. 100 руб., которыми им компенсируют транспортные расходы, не покрывают стоимости дороги. А проездной, который вынуждены выдавать им командиры под строгий учет, приходится один на двоих-троих...

О том, что монетизация льгот парализовала и осложнила выполнение своих обязанностей военнослужащими, из действующих генералов осмелился заявить только главком ВВС генерал армии Владимир Михайлов»²⁸⁷.

Пожалуй, еще сильнее монетизация льгот ударила по рядовому и среднему составу милиции. Эта акция способствовала тому, что социальное положение сотрудников милиции привлекло внимание общества. И хотя число посвященных этому публикаций было невелико, они произвели большое впечатление на читателей. Ситуация поистине абсурдна. Вот что можно прочесть в одном из обзоров: «Львиную долю легальных „живых денег“ управления внутренних дел получают не из бюджета, а за счет вневедомственной охраны, а вузы МВД – за счет внебюджетных факультетов, которые позволяют им хоть как-то поправить материальное положение сотрудников.

У милиционера рабочая неделя вроде как 40-часовая, а на самом деле 12– и более часовой рабочий день, с одним выходным в неделю, плюс 3–5 суточных нарядов в месяц. Фактически рабочих не 40 часов в неделю, а все 70 и больше. При этом, практически никто за переработку ни копейки не получает.

Когда же встал вопрос об оплате, в том числе и через суд, оказалось, что никаких письменных приказов о 12-часовом рабочем дне не было, а служба в усиленном режиме ничего под собой не подразумевала. Вроде как работали все за спасибо и по доброй воле. Среди уходящих на пенсию более 60% обращаются в суд с надеждой отсудить причитающиеся компенсации, деньги за переработку и боевые.

Основная причина ухода из органов МВД: невозможность содержать семью, крайне низкий доход, нежелание работать из-за разочарования в самих правоохранительных органах.

Вот зарплата из имеющихся составляющих для основных категорий сотрудников. Сержант милиции, сотрудник патрульно-постовой службы, проработавший 3 года, минимальный оклад 1115 руб., с учетом индексации, пайка и всех надбавок – 2916 руб. Выпускник вуза МВД, лейтенант милиции, оперуполномоченный с минимальным окладом 1240 руб. и всеми надбавками – 3017 рублей. Участковый уполномоченный, старший лейтенант милиции, обучавшийся 5 лет по очной форме, проработавший 4 года в должности, с окладом 1550 руб. и всеми надбавками – 4668 руб. Начальник районного отдела, полковник, с выслугой 25 лет, с максимальным окладом 2520 руб. и всеми надбавками – 7258 руб.

Сержант ППС получает меньше, чем рабочий мусоросвалки; лейтенант-оперуполномоченный на уровне дворника, преподаватель вуза меньше заправщика бензоколонки; а начальник райотдела вдвое меньше секретарши директора частной фирмы. Органам региональной и местной власти запретили производить дополнительные выплаты сотрудникам милиции – и участковые лишились тех 500–1500 рублей, которые им «доплачивались» губернаторами и мэрами. Текучка кадров участковых – 40% в год. В ближайшие полгода эти должности опустеют еще сильнее.

Милиционеры спускаются все ниже к подножию социальной лестницы. Как сказал нам один из уважаемых сотрудников милиции: «буржуйская власть делает все, чтобы милиционер не хотел работать и его было легко купить». Милиционеров в очередной раз лишили не их привилегий и льгот, их на самом деле пытаются лишить возможности честно выполнять свой служебный долг.

Ряды правоохранителей стремительно тают. И верхи делают все для этого. Для чего? Скорее всего в ближайшие годы мы увидим повторение грузинского и украинского сценариев»288.

Глава 20. Социальная база “оранжевой революции” в РФ

Для “оранжевых революций” не обязательно иметь полноценную *социальную* базу. Эти революции организуются по принципу вируса, который внедряет в клетку свою информационную программу, заставляющую массивные части клетки действовать по ее команде. Функцию “вируса” в “оранжевой революции” могут играть *маргинальные* общественные группы или организации. Они лишь должны быть снабжены финансами, технологиями и господством в СМИ, чтобы организовать политический спектакль, превращающий зрителей в очарованную толпу. Эту комбинацию организованных маргиналов и поддержавшей их толпы и будем условно называть социальной базой “оранжевой революции”.

Такие активные маргинальные группы и такие склонные поддержать их массы имеются в трех главных столицах РФ – Москве, Петербурге и Екатеринбурге – и больших городах. Постановка спектакля “оранжевой революции” даже в этих трех городах достаточна, чтобы осуществить перехват власти – разумеется, при условии, если ее сопротивление будет фиктивным. Никакого “ополчения” посадских людей, как во времена Кузьмы Минина, в настоящий момент для защиты команды В.В.Путина не возникнет.

“Революционный авангард” для свержения нынешней властной верхушки РФ составляют три группы:

– космополитическая часть новых крупных собственников, претендующих на принадлежность к глобальной элите и на выполнение функции смотрителя за богатствами России как сырьевого придатка Запада;

– часть либеральной западнической интеллигенции, которая охвачена страхом перед опасностью возрождения недобитой “империи зла”;

– часть бюрократической элиты РФ, в особенности ее «региональные кланы», теряющие свои позиции при укреплении государственности и центральной власти.

Все эти группы действительно понесут тяжелый ущерб, если нынешняя властная верхушка не справится с задачей блокировать тенденцию к восстановлению и укреплению российской государственности, а вслед за этим и “империи”. Судя по многим признакам, они уже пришли к выводу, что В.В.Путин и его окружение с этой задачей не справляются, а возможно, даже потворствуют указанной тенденции. Об этом и говорит пропагандистская кампания в мировых СМИ, о которой шла речь выше.

Для всех этих групп признаком опасности стало нарастающее присутствие в правящей верхушке РФ “силовиков” («чекистов»), а также проявление ими пусть не принципиальных, но символических знаков государственного инстинкта. И собственники-космополиты, и интеллигенты-западники не примирились даже с теми шагами режима В.В.Путина, которые были просто необходимы для стабилизации власти при том откате массового сознания, что произошел после 1998 г. Это видно из того, как болезненно они отнеслись к “выдавливанию” с телевидения Гусинского (конфликт с НТВ) и к “делу ЮКОСа”. Оба эти шага власти не угрожали ни собственности олигархов в целом, на засилью западников (и даже открытых русофобов) в СМИ. Но эти разумные (с точки зрения интересов самих олигархов и западников) меры не были приняты и прощены.

Три указанные группы имеют достаточные финансовые средства, административные ресурсы и кадровый потенциал для того, чтобы организовать в РФ большой политический спектакль, даже с феерическими эффектами “терроризма по заказу” – если на то будет согласие Запада и участие его спецслужб и политиков.

Насколько вескими являются признаки заинтересованности указанных трех групп в осуществлении «оранжевой» революции в РФ? Итак, первая группа – космополитическая часть крупного капитала. Вспомним ее происхождение, генезис.

Крупный российский капитал, верхушку которого представляют так называемые «олигархи», был создан в ходе программы приватизации через залоговые аукционы (1995 г.). Эта программа стала важным шагом в углублении коррупции властной верхушки и огосударствлении преступного мира. Сам А.Чубайс говорил о залоговых аукционах так: “Что такое залоговые аукционы 95-го года? Это было формирование крупного российского капитала искусственным способом. Далеко не безупречным... Мы действительно получили искажение равных правил игры, давление на правительство с целью получить индивидуальные преимущества, к сожалению, нередко успешное. Получили мощную силу, зачастую ни во что не ставящую государство”²⁸⁹.

Е.Ясин, влиятельный идеолог и политик российского “олигархического капитализма”, раскрывает смысл залоговых аукционов и их связь с политикой: “Ельцин нарушил тогдашнюю конституцию, то есть прибег к государственному перевороту. Это позволило удержать курс на реформы... Единственным социальным слоем, готовым тогда поддержать Ельцина, был крупный бизнес. За свои услуги он хотел получить лакомые куски государственной собственности. Кроме того, они хотели прямо влиять на политику. Так появились олигархи”²⁹⁰.

Лауреат Нобелевской премии по экономике Дж.Стиглиц говорит о технологической стороне этой программы: “Наиболее вопиющим примером плохой приватизации является программа займов под залог акций. В 1995 г. правительство, вместо того чтобы занять необходимые ему средства в Центральном банке, обратилось к частным банкам. Многие из этих банков принадлежали друзьям членов правительства, которое выдавало им лицензии на право занятия банковским делом. В среде с очень слабым регулированием банков эти лицензии были фактически разрешением на эмиссию денег, чтобы давать их займы самим себе или своим друзьям, или государству.

По условиям займов государство давало в залог акции своих предприятий. А потом вдруг – ах, какой сюрприз! – государство оказалось неплатежеспособным, и частные банки оказались собственниками этих предприятий путем операции, которая может рассматриваться как фиктивная продажа (хотя правительство осуществляло ее в замаскированном виде “аукционов”); в итоге несколько олигархов мгновенно стали миллиардерами. Эта приватизация

была политически незаконной. И тот факт, что они не имели законных прав собственности, заставлял олигархов еще более поспешно выводить свои фонды за пределы страны, чтобы успеть до того, как придет к власти новое правительство, которое может попытаться оспорить приватизацию или подорвать их позиции»²⁹¹.

Таким образом, значительная часть возникших в середине 90-х годов крупных собственников не была ориентирована на восстановление и даже поддержание производства. Она в больших размерах вывозила капиталы, подрывая и так резко ослабленный экономический потенциал РФ. Сращивание высшего чиновничества с этими «капиталистами» создавало крайне коррумпированную среду, обладавшую очень большими ресурсами, которая становилась теневой властью в государстве. Когда президентом стал В.В.Путин, конфликт между властью и этой средой стал неминуем. Подготовка к нему заняла три года, а в 2003 г. он вступил в открытую фазу, выразившись в аресте самого богатого и энергичного «олигарха» – М.Ходорковского.

Независимо от реальных мотивов и расчетов власти, дело ЮКОСа вызвало большой резонанс и вызвало большую тревогу в среде крупных собственников. Действительно, из этого дела очень трудно выйти. Н. Иванов пишет: «Если ЮКОС и „группа Ходорковского“ – единичные явления в остальном безоблачного российского инвестиционного ландшафта, то налицо будет вопиющая несправедливость. Ни компания, ни „группа“ не выделялись из среды себе подобных в худшую сторону, а потому их эксклюзивное преследование будет означать преследование по политическим мотивам, о чем, собственно, и говорили защитники Ходорковского с самого начала. Их голословные обвинения в адрес власти станут фактом. А если с теми же мерками подходить к остальным олигархам и олигархическим группам, то что вообще от российского инвестиционного ландшафта останется – одно только национальное достояние?»²⁹²

Дело ЮКОСа – лишь верхушка айсберга этого конфликта, поэтому ему придается такое значение и в РФ, и на Западе. Это и сигнал о намерениях власти, и прецедент. Пресечь дальнейшее развитие событий в этом направлении – насущный интерес и крупного российского капитала, и Запада. Одна из ведущих западных газет «The Financial Times» писала в связи с этим делом: «Если с российской нефтью что-нибудь случится, это будет катастрофой и для всей мировой экономики в целом. Кто-нибудь должен объяснить Путину, что ему необходим нормально управляемый нефтяной сектор с серьезной капитализацией... Судя по тому, как развивается дело ЮКОСа, Путин движется в прямо противоположном направлении»²⁹³.

Именно в связи с этим делом состоялся демарш представителей крупного капитала и, можно сказать, В.В.Путину был выдвинут ультиматум. Е.Ясин заявил в статье-манифесте, обращенной к «демократам»: «Власть хочет всех убедить, что дело ЮКОСа – изолированное явление, необходимая акция в процессе борьбы с экономическими преступлениями, курс остается неизменным. Моя позиция иная: мы имеем дело с качественным изменением. В экономике... [дело идет] либо к победе одной из сторон, либо к установлению правил игры, позволяющих разрешать их конфликты в рамках закона. В политике: от “управляемой демократии” – либо к полицейскому государству, либо к реальной демократии»²⁹⁴.

Итак, сказано главное: идеологи олигархов считают, что произошло качественное изменение, причем под “законностью и демократией” Ясин понимает именно “победу одной из сторон” – крупного капитала. Его заявление никак нельзя считать приглашением к диалогу, в нем используется фразеология войны: “События вокруг ЮКОСа – это шаг к победе бюрократии над бизнесом... Это шаг от управляемой демократии к полицейскому государству”.

Еще незадолго до этого ультимативные ноты звучали приглушенно – Чубайс лишь требовал, чтобы “президент внятно заявил о своей позиции”. Осенью 2003 г. В.В.Путину прямо брошено обвинение. Ясин говорит: “До недавнего времени казалось, что президент стоит над схваткой, что ему для равновесия нужны две стороны – либералы и государственники. Теперь стало ясно, что это не так, по крайней мере, в данный момент. И выбор его очевиден”.

Ясин угрожает В.В.Путину мобилизацией всего “класса” новых собственников: “Сегодня бизнес-сообщество практически единогласно дает негативную оценку преследованию Ходорковского... Владельцы компаний всех размеров формируют единый фронт для защиты своих интересов... Итак, позиция президента ясна и менять ее он не собирается. Получается, на

события могут повлиять только бизнесмены: замедление экономического роста, сопровождаемое бегством капиталов”.

Ясин откровенно шантажирует власть саботажем: “Разговоры об удвоении ВВП можно спокойно прекратить – как бы не было упадка”. Если учесть, что тезис об удвоении ВВП являлся главным лозунгом предвыборной кампании В.В.Путина 2003 г., подобную угрозу следует считать открытым объявлением войны. В терминах войны Ясин и заканчивает свою статью: “Искусство политика, как и полководца, состоит в том, чтобы почувствовать момент, когда из обороны надо переходить в наступление. Да, риски высоки. Но так бывает всегда, когда дело идет о качественных сдвигах. И сейчас, я думаю, время пришло”.

Конечно, в деле ЮКОСа вовсе не было принципиальной установки на смену курса реформ. В словах и делах В.В.Путина нет признаков такого поворота, все катится своим чередом. Замысел состоял не в том, чтобы запустить процесс демонтажа олигархической надстройки, а, наоборот, в том, чтобы провести ее профилактический ремонт. Она стала давать сбои и действовать не совсем по той программе, которая в нее была изначально заложена. Но сама логика этого конфликта заставила государство идти дальше – как ни сопротивляется этому сама властная верхушка. Так и возникает соблазн «оранжевой» революции как сравнительно безболезненной формы разрешения этого конфликта. Ее успех на Украине породил радужные ожидания.

Политолог В. Игрунов пишет в апреле 2005 г.: “Сегодня уже ясно, что череда революций воодушевила российскую оппозицию – как это часто бывает в истории. А плотная вовлеченность в избирательные кампании Абхазии и Украины кремлевских технологов и поражение в этих кампаниях вызвали ощущение у противников режима, что всемогущему Путину может быть брошен вызов. В сущности, российские предприниматели, финансировавшие Ющенко, и политики, поддержавшие его, воспринимали украинские выборы как первое поле сражения с действующей российской властью, и уверенность в собственных силах посетила многих из них. Теперь мы уже имеем дело не со стихийным протестом, даже не с эмоциональным всплеском, вызванным победой революций, но с рациональным планированием, подготовкой революции собственной”²⁹⁵.

Но представители крупного российского капитала вовсе не были пассивными наблюдателями «оранжевой» революции, предвкушавшими ее победу. Они эту победу ковали. В своем анализе событий на Украине Д. Якушев отмечает: «Только наивные люди, вроде современных российских “марксистов”, могут рисовать схемы, будто за Ющенко стоит западный капитал, а за Януковичем российский. На самом деле, *на стороне* Ющенко был не только западный, но и крупный российский частный капитал. *Против* Ющенко пыталась бороться российская государственная бюрократия, находящаяся в состоянии войны с собственными компрадорами»²⁹⁶.

Ряд московских экспертов считает, что и закон о монетизации льгот, и неизбежные массовые протесты против его введения в действие уже следует считать первыми операциями грядущей «бархатной» революции в РФ. М. Чернов из «RBC daily» пишет: «Не исключено, что за реформой по монетизации льгот с надеждой на стихийное возникновение народных протестов против этой реформы стоят одни и те же силы, основная цель которых – дестабилизация обстановки в стране и смещение режима президента Владимира Путина. Так, по словам опрошенных RBC daily экспертов, прошедшие в 2003–2004 гг. через Государственную думу либеральные реформы скорее всего были “продавлены” олигархами, и теперь те же самые группировки стоят, возможно, за организацией массовых протестов. Основная их цель – дестабилизация обстановки в стране и подготовка почвы для отстранения от власти президента Владимира Путина»²⁹⁷.

В этой кампании участвуют СМИ, подконтрольные крупному капиталу, а также и некоторые государственные СМИ, например, выходящая на ОРТ программа В. Познера “Времена”, на которую ориентируется либеральная интеллигенция РФ. Как сообщает М.Чернов, по мнению большинства опрошенных RBC daily экспертов именно СМИ во многом и ответственны за “поддержание в России на плаву “пятой колонны”, которую можно обозначить как слой элит, который тесно связан с иностранным капиталом»²⁹⁸.

Сторонниками освободительной «оранжевой» революции являются и довольно широкие

круги *интеллигенции* – часть идейно, а привилегированная часть и вполне корыстно. С. Земляной пишет об идейной части: «Мираж “цветной” революции в России захватил воображение штатных оппозиционеров из “Яблока” и бывшего СПС. Эта идея не чужда Ирине Хакамаде, хотя она предостерегает против ее балаганной трактовки: “Если Россия хочет стать конкурентоспособной, великой, сильной державой, с которой бы все считались, она пройдет через революцию. Я бы не хотела, чтобы это был кровавый бунт. Дай бог, если она будет “оранжевая” по типу Украины, но, к сожалению, может получиться все наоборот”²⁹⁹.

Другой обозреватель того же журнала пишет о части привилегированной: «Сегодня оппозицией Путину стала богатая, паразитическая интеллигенция – те самые люди, которые все 90-е гг. находились у власти. Сейчас они тоже имеют влияние и деньги, но уже не за счет государства, а в силу близости к хозяевам бывшей госсобственности. Олигархи и интеллигенты – чем не основа для будущей оппозиции? Нет, не основа, и не потому, что им уже не удастся, повторяя заклинание о демократии, повести за собой народ. В ближайшие десятилетия никакой массовой поддержки у них не будет – и они это прекрасно понимают. Одним словом, не бойцы. Их максимум на сегодня – это интриги, группы влияния, использование фактора Запада. В общем, все, что может привести к перевороту, но уж никак не к возникновению массовой оппозиции»³⁰⁰.

Товарищ, видимо, проникнутый идеями Просвещения и исторического материализма, заблуждается. Для «оранжевых» революций не требуется «повести за собой народ» – постмодерн на дворе. «Использование фактора Запада» для Москвы несравненно важнее, чем интересы народа в вологодской глубинке. И нужен нашей «богатой, паразитической интеллигенции» именно переворот, а вовсе не «возникновение массовой оппозиции». Если бы «оранжевая» революция была чревата таким «возникновением», то ее бы расстреляли по приказу Кондолизы Райс.

Активно выступили те интеллектуалы, которые принадлежали к авангарду перестройки. Архитектор перестройки А.Н. Яковлев буквально в унисон с американской прессой бросает В.В.Путину едва ли не главное обвинение: “Создается впечатление, что в то время, как уголовщина ленинско-сталинского режима уходит в прошлое, вой мотора корабля власти остается старым, советским”. Вскользь он бросает и «черную метку» фашизма: «Россия больна вождизмом. Это традиционно. Царистское государство, князья, генеральные секретари, председатели колхозов и так далее. Мы боимся свободы и не знаем, что с ней делать. Я понимаю, что тысячу лет жить в нищенстве и несправии – другого менталитета не создашь. Отсюда и появляются у нас фашистские группировки. „Идущие вместе“... Завтрашние штурмовики». Так же вскользь затрагивает и другой больной вопрос, в точности повторяя обвинение Запада: “Или чеченцы... Кто мы такие, чтобы судить-то их? Это они должны нас судить, а не мы. Это перевернутое имперское сознание! И виновата в этом власть. Власть как система, как феномен”³⁰¹.

В различных политологических “клубах” оживленно обсуждался текст, написанный в жанре аналитической записки Виталием Найшулем (3 февраля 2005 г.). В нем он предупреждает о грядущей новой русской революции. А вот откровения еще одного неолиберального идеолога, Л.Радзиховского: “Мне совсем не симпатичны бандеровские традиции Западной Украины, но факт есть факт – националисты смогли соединиться с киевской интеллигенцией, соединиться во имя Украины и свободы. Bravo, украинцы! Вам у нас учиться нечему. Нам у вас – есть чему”³⁰².

Ловко соединяет Юлия Латынина демократичность и коррумпированность элитарной интеллигенции как идейную основу «оранжевой» революции: “Возможная победа Ющенко важна для российской оппозиции еще и тем, что даст ответ на вопрос: может ли в славянской стране демократическая оппозиция, некогда бывшая частью элиты и получавшая огромные коррупционные доходы, – а) выиграть выборы, б) прийти к власти, опираясь на поддержку взбешенного народа”³⁰³.

Целый трактат на вечную тему «Что делать?» написал прораб перестройки 3 степени Леонид Баткин. Он достаточно поучителен, чтобы привести из него большие выдержки: «Разумеется, речь идет о “бархатной” или “оранжевой” революции. Без выстрелов и крови, но при непрременной массовости и выходе миллионов людей на улицу. Мы отстали от грузин и

украинцев. Вызревавший при Ельцине режим российской бюрократии, гораздо откровеннее и наглее пролгавшийся при Путине, с 2004 года вступил в исторически новую фазу. Стало быть, необходимо разительное преобразование облика, стиля и тактики демократических сил...

Я представляю дело так. В каждом регионе должна протянуться цепочка предвыборных собраний во всех городах и городках, которые делегировали бы участников для региональных совещаний демократически настроенных людей, безусловно, антипутинской и антинационалистической ориентации. Если где-то таких активных людей мало, надо договариваться с соседями и устраивать межрегиональные совещания...

Оргкомитет, избранный на предварительных региональных совещаниях и получивший затем свои мандаты непосредственно от съезда, мог бы предложить участие в нем руководству “старых” партий и известным общественным деятелям, людям культуры. Мне кажется уместным распространить это на Э. Лимонова и его ребят, на правозащитников, на комитеты солдатских матерей, на союз адвокатов, на союзы журналистов, писателей и т.д., на независимых депутатов Думы. Я думаю, нужно привлекать и лидеров молодых коммунистов. Таким образом, съезд сформировался бы (в большинстве своем) из людей избранных – но отчасти и приглашенных...

Никого не отталкивать без серьезных оснований. Программы не нужны. За Россию без войны, без коррупции, без милитаризации, с отменой закона 122, с честными выборами. С тщательно просчитанным увеличением зарплат и пенсий (за счет Стабилизационного фонда и перекройки бюджета). С общественным независимым телевидением. Без возвращения к советским нравам. Без Путина... Этот перечень (чего мы хотим и что отвергаем) мог бы занять одну или две страницы...

Нужны действия. Перенос борьбы на улицу. Ориентация на ее настроения. На настроения тех, кто митингует, голодает, звонит на “Свободу” и “Эхо Москвы”. Нужен тотальный международный контроль за выборами. Нужна демократическая перемена власти. Остальное придет вслед за ней»³⁰⁴.

Здесь Баткин предлагает план создания «партии нового типа», решающей не классовые, а геополитическую задачу – окончательный демонтаж «империи зла». В эту партию он считает возможным собрать политически совершенно разные силы – от СПС до национал-большевиков! Примечательно, что последних он считает «антинационалистическими». Отсюда видно, что свержение В.В.Путина идеологи нашей либеральной интеллигенции считают задачей надклассовой и безусловно приоритетной по сравнению с задачами социальными.

Третья условно выделяемая группа, которая очень невелика по численности, но обладает большим революционным потенциалом и активно участвует в политическом процессе в РФ, это та часть *постсоветской элиты*, которая не может принять отхода от «ельцинского курса». И, конечно, не может принять того, что при В.В.Путине она частично оттеснена от кормушки и значительно – от политического влияния. Эту группу можно даже считать особой тенью «партией», представленной в центре, на местах и даже за пределами РФ. Можно считать ее и особой субкультурой, со своими мировоззренческими особенностями и своим стилем.

С.Земляной пишет: «Первый серьезный оппозиционный вызов Путину бросила ельцинская “семья” в ее расширенном составе, куда по сей день входит и лондонский сиделец Березовский. “Семья” группирует вокруг себя отставленных Путиным высокопоставленных чиновников из правительства и президентской администрации, обиженных им олигархов и работающих не за страх, а за деньги политтехнологов и медийных персон. Борис Ельцин уже сделал публичную заявку на возвращение к политической деятельности. “Семья” на сегодня является единственной силой, способной при благоприятном стечении обстоятельств осуществить в России самостоятельный антипутинский проект. Российские политические партии это сделать не в состоянии, да у них нет и никакого желания играть в оппозицию»³⁰⁵.

Элита – социальная прослойка очень закрытая, и о том, что в ней творится, имеется смутное и отрывочное представление. Во многом приходится полагаться на мнение политологов. Но мнение это довольно определенное. Часто встречаются реплики подобные этой: «Сегодня об организации бархатной революции в России мечтают многие, и немалая часть политэлиты (надо полагать, именно для этих людей, скучающих по бурным ельцинским

временам, придуман в Кремле пугающий термин “пятая колонна”) не скрывает своего желания такую революцию поддержать»306.

Ю.Шевцов тоже замечает: «Во время “стояния на Майдане” в России можно было наблюдать формирование небольшой, но влиятельных группы “сочувствующих оранжевым”. В основном, речь идет о масс-медиа и части оппозиционно настроенных политических сил. Они есть в Белоруссии и их – подавляющее большинство в элите России»307.

В ноябре-декабре 2004 г. симпатии «оранжевой» революции открыто выражались в Москве на многих элитарных собраниях. Вот зарисовка с такого собрания, на котором вручалась премия Букера Василию Аксенову: «То председатель жюри Букера Владимир Войнович поздоровается с прессой: “Здоровеньки булы!” То зрение приковывали “оранжевые” магниты – папки с пресс-релизом, шариковые ручки, буклеты, блокноты – все как один содержали апельсиновый код (разве что портрет Ходорковского в буклете был помещен на черном фоне)... Мы спросили его [Василия Аксенова], освободилась ли от крепостного права соседняя с Россией Украина. В ответ последовал восторженный гимн “духовной революции угнетенных народов”, проходящей нынче на майдане Незалежности»308.

Более широкий слой – элита региональная, местные группы чиновников, бизнесменов, интеллектуалов и теневого «авторитетов», которые связаны с администрацией. Б. Березовский считает даже, что главная политическая сила в РФ – именно губернаторы: «Проблема сейчас в том, что у них (губернаторов) кишка тонка, они боятся встать во весь рост и сказать „нет“ нынешнему режиму. Если бы завтра десять губернаторов выступили против Путина, его режим не продержался бы и дня. Но, к сожалению, они все слишком трусливы. Их трусость стала ясна еще в 2000 г., когда Путин выгнал их из Совета Федерации. Тем не менее, они совсем не сторонники этой власти»309.

Успех «оранжевых» на Украине оживил этих «не сторонников центральной власти». Шендерович полон энтузиазма в отношении местных элит: «В последнее время очень любопытная симптоматика обнаружилась. Приезжали мы еще полгода назад куда-нибудь в провинцию... Члены Комитета-2008 – я, Немцов, Пархоменко Сережа, Каспаров, Рыжков. На встречу с нами приходили студенты, местная интеллигенция. А начальство по преимуществу пряталось. А сейчас вдруг начали приходить, бизнес подтягивается. Слушают. Причем они же понимают, что услышат от Каспарова, да? Но приходят. Это знаете что? Это они нутром чувствуют – началось. Запах тления чувствуют. Номенклатурный нюх – самая тонкая в мире вещь. Они пока не могут сделать шаг в нашу сторону – боятся. Но им ведь надо точно определить время, когда пора рвать когти в демократы. Не раньше, но и не позже – потом все места опять будут заняты. И они, местные элиты, уже серьезно задумались... Мне один голландский журналист говорит недавно: но ведь они же все выразили поддержку реформе власти! Я ему отвечаю: „Голландец! Это у вас в Голландии если политик кого-то или чего-то поддерживает, то он действительно „за“. А у нас тут – Восток: вечером все кланяются в ноги падишаху, желают ему спокойной ночи, халва-халва, а утром он просыпается, а его голова уже на колу“. Все они и будут кланяться ровно до тех пор, пока не пойдут отпиливать падишаху голову ржавой ножовкой. В этом разница между демократическим способом переустройства и азиатским. Там идет мягкое, пошаговое давление на власть, власть постоянно меняется, подстраивается под народ. У нас просто однажды переворачиваются песочные часы. Р-раз – и пошло другое время».

Некоторые аналитики даже считают, что дестабилизирующая активность региональных элит уже проявилась в ходе январских протестов против монетизации льгот. Вот одно из таких суждений: «Главным виновником нынешнего политического кризиса, вне всяких сомнений, является Кремль. Инициатива монетизировать льготы исходила от президента. Поэтому свалить на регионалов вину за „неправильную“ реформу не получится... География выступлений против монетизации льгот все же наводит на определенные размышления. Наиболее мощные народные выступления против монетизации прошли в тех регионах России, лидеров которых причисляют к числу оппозиционных президенту Путину... Трудно было сомневаться в том, что рано или поздно региональные элиты, измученные атмосферой путинской политической казармы, предпримут попытку бунта. И она состоялась. На улицу вышли униженные и оскорбленные монетизацией пенсионеры, чтобы стать орудием борьбы столь же униженных и оскорбленных региональных элит против федерального центра»310.

Вообще, в отличие от больших революций, совершаемых общественными классами и массовыми социальными группами, исход «бархатных» революций в огромной степени зависит от позиции элитарных слоев общества. В одном из последних обзоров сказано: «Оранжевая революция на Украине с легкой руки российских политехнологов внесла в повестку дня вопрос о предательстве элит. Безусловно, предательство элит является одним из важнейших условий победы любой бархатной революции, но в России его уже сегодня можно смело включать в формулу будущей победы оранжевой революции»³¹¹.

Есть еще небольшие элитарные группы, которые можно назвать «маргинальными» – они вытеснены из легальной политики и легального бизнеса, но не скатились к открытому противостоянию с государством и обществом (например, в рядах организованной преступности или терроризма). Помимо идейных и социальных мотивов для борьбы с В.В.Путиным они имеют свои клановые и даже личные причины. «Бригада В.В.Путина», укрепляя свое положение в РФ, создала несколько оплотов непримиримой вражды к ней.

В Лондоне ведет подрывную работу Березовский, где-то притаился Гусинский, к оппозиции относится, видимо, и группа Невзлина. Они только ждут острого политического кризиса в РФ и по мере сил приближают его. М.Чернов пишет: «Попытка отстранить президента России Владимира Путина от власти будет осуществлена до весны 2008 г. С этим утверждением согласны большинство экспертов вне зависимости от их личных политических симпатий. Обстановка в стране стремительно ухудшается, авторитет действующей власти так же стремительно падает. В этих условиях игроки начинают делать ставки. Недавно такую ставку сделал владелец группы „Менатеп“ Леонид Невзлин. Он заявил о том, что поддерживает бывшего премьер-министра Михаила Касьянова. „Если ему понадобится какая-то помощь, то, конечно, – всегда“, – заявил г-н Невзлин в интервью журналу „Коммерсант-Власть“. Понятно, что позиция г-на Невзлина ни на какие расклады уже особенно не влияет, поскольку он уехал из страны. Леонид Невзлин – обиженный властью олигарх, основной бизнес „Менатеп“ в России разгромлен. Ему практически нечего терять, и поэтому он делает свои ставки открыто. Важно не мнение г-на Невзлина – важен симптом. Олигархи сказали „пора“, „надо активно действовать“, и они начали активно действовать».

Но это не только симптом. После завершения «оранжевой» революции была высказана и такая гипотеза: «Передача Михаилом Ходорковским права распоряжения 60% акций „Менатеп“ Леониду Невзлину в момент социальных волнений есть старт его победной избирательной кампании в 2008 году. Не в том смысле, что Ходорковский станет президентом России, а в том, что путинская команда её проиграет (так считает Искандер Хисамов – заместитель главного редактора журнала “Эксперт”»³¹².

На демонтаж всей олигархической надстройки В.В.Путин не пошел, а точечными уколами лишь нажил себе врагов. Такой конфликт можно разрешить только на принципиальной основе, а твердых принципов-то как раз и нет. Значит, на этом фронте мира не предвидится.

Все указанные «ядерные группы», составляющие социальную базу для «оранжевой» революции в РФ, имеют значительные возможности для организации массовки в нужные моменты спектакля. В этом они во многом опираются на помощь самой власти с ее «социальными реформами».

Вот результат социологического анализа: «За четыре года число тех, кто готов протестовать, выросло с 17% в 2001 г. до 34% в феврале 2005 г., а число убежденных в том, что ни при каких обстоятельствах выходить на митинги и демонстрации они не будут, осталось на том же уровне – 60–70%. Радикально же настроенных (готовых к захвату зданий, перекрытию транспортных путей и даже к вооруженному сопротивлению) сравнительно немного (3%). Однако, как показывает исторический опыт России, и такого количества людей хватало для масштабной дестабилизации ситуации в стране»³¹³. Как показывает исторический опыт, в городском обществе 3% радикально настроенных – это многократно избыточная величина. Потенциальная массовка для «оранжевой» революции в РФ готова, и все теперь зависит от того, какой вектор удастся придать ее протесту.

На тот факт, что оскорбленная монетизацией льгот часть населения РФ уже превращена в потенциально готовую к действию революционную массу, обращают внимание многие политологи. Вот несколько из высказываний с политологических интернет-сайтов:

«Подрывной закон о монетизации льгот, о вреде которого аналитики безуспешно предупреждали власть, наконец, заработал. После длинных новогодних каникул рвануло сразу и по всей стране. Требования протестующих просты, они понятны из самодельных плакатов: „Президент Путин верни народу льготы“ и „Путин – враг хуже Гитлера“... Немецкая газета „Die Welt“ прямо пишет, что „бунт пенсионеров“ может привести к смещению Путина с должности еще до окончания срока его полномочий в 2008 году... Уже сегодня в крупных городах доля убежденных в неправильности путинского курса превысила критический порог в 50%. Так что социальная база для будущей „городской революции“ успешно создана самим правящим режимом. Порох уже готов, дело – за спичками!»³¹⁴.

«Продолжение курса на реформирование „социалки“ в перспективе может привести к осознанию гражданами того, что их держат за „быдло“. Ну, а за осознанием этого недалеко и до кличей типа „Мы не быдло, мы не козлы...“ под оранжевыми стягами»³¹⁵.

«Эти действия все равно не пройдут даром. Они будут создавать определенной фон социального напряжения. Все нагромождение реформ этого года, без их идеологического и организационного оформления, при неумении власти быстро реагировать на каждый случай своего промаха может привести к тому, что начнет оскорблять нравственное чувство россиян. Предел, до которого чувство обиды может копиться, не бесконечен. Плюс на это чувство оскорбленности может наложиться пример оранжевой революции, которая показала, что люди не столько выступали за Ющенко, против России и за Запад, сколько против того, чтобы с ними обращались как с быдлом»³¹⁶.

Второй большой контингент, который охотно выходит на улицу при любых потрясениях, дестабилизирующих порядок, – *молодежь*. Украинский опыт это показал вполне надежно. Видимо, в «оранжевой» массовке в РФ согласится участвовать значительная часть студентов. Реформа, ведущаяся правительством В.В.Путина, лишила эту часть молодежи перспектив социального роста (вследствие явной ориентации на развитие в РФ периферийного капитализма сырьевого типа). С другой стороны, назревающий конфликт режима В.В.Путина с Западом ставит под угрозу возможность для студентов трудоустройства на западном рынке (или иллюзию такой возможности). Именно эти мотивы толкнули на Украине студенческую молодежь в ряды сторонников Ющенко.

Еще более важным фактором стал процесс *десоциализации*, который в последнее десятилетие переживает постсоветское студенчество. Утрата мировоззренческой основы, неопределенность карьеры, перспектива для большинства работать не по специальности предопределили длительный культурный кризис в среде студентов. Для многих из них обучение в вузе стало лишь способом получить отсрочку от призыва в армию и оттянуть момент перехода в категорию безработных. В условиях *деиндустриализации* страны значительная часть студентов становится асоциальной.

Историки (А.И.Фурсов) отмечают необычное явление – российское студенчество начала XXI века по своему культурному типу («бессемейному») стало походить на студентов начала XX века³¹⁷. Об особых качествах (нигилизме, «*нелюбви к жизни*») такого студенчества писал в книге «Вехи» А.С. Изгоев (статья «Об интеллигентной молодежи»). Для нашей темы важно качество *деидеологизированного революционизма*, тяга «быть на площади», в радикальной толпе, без положительного проекта. Быть в «зоне неправа» («зоне неполитики», то есть власти силы, насилия). Это свойство резко проявилось на киевском Майдане. Но это же происходит и в городах Западной Европы и США, которые переживают деиндустриализацию.

Разумеется, некоторая часть студенчества политизирована, и в части этих политизированных студентов сильны либерально-демократические установки.

Корреспондент немецкой газеты Маркус Венер рассказывает: Роман Доброхотов – лидер студенческого антипутинского движения. «Мы сегодня решаем, будет ли Россия демократической страной или же потеряет связи с Западом»... Студенты-«революционеры» объединились через базу данных, договорились по электронной почте и по сотовым телефонам. На этой неделе они выйдут на демонстрацию, когда Михаил Ходорковский, объявленный вне закона олигарх, будет приговорен к содержанию в колонии... Молодых противников Путина пока немного. Но они чувствуют себя частью прорыва, который Россия переживает последние полгода. Апатия прошла, волна протестов набирает силу... Демонстранты почувствовали свою

силу и вкус борьбы. Мужество в них вселила, не в последнюю очередь, смена режима на Украине и в Киргизии – и нервозность Кремля стала перерастать в легкую панику. «Революции на Украине, а также в Грузии имели для многих из нас решающее значение», – говорит Доброхотов. Движение пока насчитывает в одиннадцатимиллионной Москве сотню молодых людей. Однако в следующем году их будут тысячи и десятки тысяч по всей стране, говорит студент. «Наш самый главный союзник – Владимир Путин, – убежден Доброхотов. – Он делает все, чтобы разрушить свою собственную систему»³¹⁸.

Без всяких идеологических причин к студентам примкнет значительная часть *старших школьников*. Это будет определяться и инстинктом подражания, и подростковой тягой к непослушанию авторитету власти, и разожженными в ходе реформы притязаниями (потребительство и вседозволенность). Организаторам «оранжевой» революции будет легко воззвать к уже укорененным «бунтарским» стереотипам сытой столичной молодежи, тем более что ей предложат шикарную тусовку с бесплатным пивом и рок-музыкой.

Структуры для организации этой части «массового протеста» уже готовятся. Многие из активистов прошли практику на Украине. На сайте Всероссийского гражданского конгресса «Россия за демократию, против диктатуры» появилось обращение к студентам, призывающее поехать на третий тур в Киев поддержать оппозиционеров на майдане: «Студент! Студентка! Просыпайся! Пора вставать. Пора жить по-настоящему! Мы формируем команду, которая на три дня едет в Киев, чтобы приобщиться к Истории, которая творится на твоих глазах. Познакомиться со своими сверстниками. Спешите! Поездку финансируем мы».

В электронных СМИ была информация о появлении в России филиалов организации «Пора», которая агитировала за революционные методы борьбы на Украине³¹⁹. Русские последователи уже застолбили брэнды «Красная Пора» и «Оранжевая Москва». Информация о появлении в России структур под названием «Красная Пора», «Русская Пора» и «Оранжевая Москва» прошла на нескольких сайтах, освещавших деятельность украинской оппозиции, в том числе и на интернет-странице самой «Поры».

Неназванные представители новых организаций опубликовали воззвание «к честным русским юристам, политикам, адвокатам, депутатам, судьям, бизнесменам, предпринимателям, банкирам, журналистам, издателям, фотографам, кинотелеоператорам, писателям», где призвали принять участие в акциях, направленных на объявление импичмента Владимиру Путину. В Волгограде уже в начале декабря 2004 г. группа молодых людей с оранжевыми шарфами на шеях блокировала здание исполкома волгоградского отделения партии «Единая Россия». Они разбили стекла в здании и забросали апельсинами вывеску у входа³²⁰. Все это – пока что лишь пробы и создание ячеек. Однако интернет позволяет быстро соединить такие ячейки в сетевую структуру, способную синхронизировать действия большого числа людей.

В столицах весьма велика и прослойка *прозападной интеллигенции*, прежде всего гуманитарной. Здесь она представляет собой массовый социальный слой. Эта группа сыграла большую роль в событиях 1991 и 1993 гг. За последние десять лет изменений в сознании этой группы не произошло. Активизировать эту уже пожилую когорту «ветеранов антисталинского фронта» также не составит большого труда, и организационная работа в этом направлении идет интенсивно.

Эта прослойка сможет выставить столь тяжелую артиллерию (вроде Е.Боннэр, М.Ростроповича и В.Войновича), что перечить ей не станет и большая часть научной элиты. Научную элиту подогрели планами назначенного В.В.Путиным министра ликвидировать две трети государственных научных учреждений (похоже, что это решение уже является одним из залпов «оранжевой Авроры» и предназначено для того, чтобы обозлить научную интеллигенцию РФ).

Вероятно, подтолкнуть падающий режим В.В.Путина согласится и очень небольшая, но активная в СМИ часть *«левой» интеллигенции*, в которую войдут тяготеющие к троцкизму сторонники «альтернативной глобализации» (перманентной революции против капитала), часть ортодоксальных марксистов с их догмой классовой борьбы пролетариата, «не имеющего отечества», а также «наследники 1968 года» (бунтари постмодерна). Они поддерживали слом советской государственности, но оказались враждебными и нынешней антисоветской государственности.

Наконец, большую долю столичного населения представляет собой деклассированное агрессивное мещанство. Эти “люди из подполья” были массовой антисоветской революцией именно как революции потребителей. Их идеал – “прилавки, полные продуктов”, их бытийный (и бытовой) враг – государство с его мобилизационными проектами. В том, что такой проект станет неизбежен в случае конфликта власти с Западом, никто не сомневается.

Социальную базу противников «бархатной революции» в РФ составляют массивные социальные слои РФ – как раз те, кто скептически приняли реформу Горбачева-Ельцина, но не могли организовать для сопротивления ей.

Это те, кто больше всего пострадали от этой реформы, но понимают, что смена власти с целью ускорения реформы представляет для них фундаментальную угрозу. Это – вся обедневшая, но еще не деклассированная масса трудящихся города и деревни. Она уже почти утратила иллюзии относительно намерений и возможностей нынешней власти в восстановлении хозяйства и государственности РФ, однако высоко ценит ту передышку и ту относительную стабильность, которые обеспечил ей нынешний режим.

Эта передышка дает людям шанс собраться с мыслями и нащупать тот тип политической самоорганизации, который позволит отстоять достаточно независимую государственность, а затем восстановить и приемлемое жизнеустройство. Для этих людей перехват власти, который в данный момент означал бы возвращение к ее рычагам хищников-космополитов, является не просто «бульшим злом», чем нынешний режим, но катастрофой. Она на много лет похоронила бы всякие надежды на возрождение той страны, в которой только и может существовать культурно-антропологический тип, что живет на пространстве Евразии.

Надо подчеркнуть, что здесь мы говорим об *объективных предпосылках* к тому, чтобы это большинство трудящегося населения РФ отвергло соблазны «бархатной революции». Из этого вовсе не следует, что объективные предпосылки автоматически реализуются, тем более в форме политического действия. В критические моменты важна не численность (*масса*) социальной группы, а ее *активность*. В общем сторонники «оранжевой» революции проявляют большую активность, имеют более развитые навыки самоорганизации и налаженные средства коммуникации между собой, на них работает большинство российских СМИ, они опираются на поддержку мощных и опытных внешних сил.

На все население РФ оказывается интенсивное воздействие телевидением, которое до сих пор программируется той частью гуманитарной интеллектуальной элиты, что в момент «бархатной революции» окажется, скорее, на стороне «революционеров», а не свергаемой ими властной команды. Телевизионный эфир насыщен антигосударственными (и «антипутинскими») смыслами, образами и намеками. В целом массовое сознание дезориентировано, и без контрнаступления в электронных СМИ основная масса населения РФ займет, скорее всего, безучастную позицию или будет колебаться в зависимости от хода событий.

Органичными противниками «оранжевой революции» являются большинство *«технарей»* – инженеров, конструкторов, квалифицированных рабочих. В отличие от немногочисленной научной элиты, они не могут эмигрировать на Запад и конкурировать там на рынке труда. Восстановить свой высокий в прошлом социальный статус они могут только при восстановлении отечественной наукоемкой промышленности и отечественного научно-технического потенциала. Эти люди по роду своей профессии являются державниками и патриотами и считают, что со временем смогут найти тот тип политической организации, в рамках которого они будут оказывать давление на власть, без революции поворачивая ее на приемлемый для России курс. «Оранжевая» революция, за которой будут стоять Каспаров с Немцовым, пресекла бы такое развитие событий.

Противниками «оранжевой революции» являются большинство *работников государственного аппарата* среднего и нижнего звена – все те, кто тянет ляжку, сохраняя и латая уничтожаемые реформой системы жизнеобеспечения. В подавляющем большинстве это люди «местные», консервативные, множественными связями связанные с оседлым населением России и стран СНГ. Их усилиями обеспечен высокий кредит доверия В.В.Путину, на их шее въехали во власть бонзы «Единой России». Насколько определенной является их позиция, видно из той ненависти, с которой о них говорят СМИ, оказывающие идеологическую

поддержку назревающей «оранжевой революции».

Противниками «оранжевой революции» являются большинство *офицеров* вооруженных сил, МВД и ФСБ (хотя здесь это большинство не столь подавляющее, как в предыдущих случаях – сказались чистки последних 15 лет, а также целенаправленное коррумпирование офицерского состава правящей верхушкой). Офицерский корпус, унаследованный от СССР, обладает, как выяснилось, неустрашимым государственным инстинктом. И этот инстинкт будет воспроизводиться, пока не сменится два-три поколения преподавателей в военных училищах и академиях, а это слишком большой срок.

Если в результате «оранжевой революции» в РФ установится власть космополитической клики, представляющей интересы глобальной элиты, то нынешнее офицерство ей будет совершенно не нужно – придется искусственно, с помощью «генетической инженерии», выводить новый для нашей земли сорт, «гориллу российскую». Таким образом, патриотические установки офицерства сочетаются со шкурными групповыми интересами, а это и есть наиболее сильная мотивация при выработке позиции.

Наконец, в высшем эшелоне властной верхушки РФ уже созрела существенная по размерам группа лиц, которая имеет мало шансов сохранить свое место в элите при утрате Россией статуса независимой державы. Не сбылись ожидания, что Запад будет относиться к властной верхушке зависимой РФ столь же благожелательно, как к «борцам за свободу» в СССР. Те немислимые привилегии и льготы, которые установили Ельцину и его окружению, уже не распространяются на его преемников. У соратников В.В.Путина есть все основания полагать, что в случае ухода из власти они не получат режима наибольшего благоприятствования для их жизни ни здесь, ни на Западе.

Кроме того, в окружении В.В.Путина много лиц, перешедших свой Рубикон в выполнении заданий, к которым на Западе относились неодобрительно. Такие задания давались почти во всех сферах. Это и «дело ЮКОСа», и «разгон НТВ», и «тайная поддержка белорусского диктатора», и «нарушение прав человека в Чечне», и т.д. Во всех этих делах было задействовано много *высших чиновников и офицеров*. Многие из них выполняли такие задания охотно и творчески, им невозможно будет оправдаться перед демократической инквизицией. Даже те из них, кто переправил свои теневые сбережения на Запад, в душе с ними уже распростились. Эти люди никому не нужны, кроме России, а ей они могут сослужить службу, которая смоет прежние грехи. Их шанс в том, чтобы организовать и сорвать попытку «оранжевой революции».

В отличие от украинской российская бюрократия высокого уровня является значительной силой, так как контролирует Газпром, нефтепроводы, а теперь после разгрома ЮКОСа будет контролировать еще и значительную долю нефтедобычи. Такая бюрократия может отрываться от крупного капитала и занимать самостоятельную позицию. Поэтому можно предположить, что существенная часть российского высшего чиновничества выступит против «оранжевой революции», хотя и не слишком активно.

Позиция политических партий, скорее всего, не будет решающей в момент острой нестабильности в случае «оранжевой революции». Что из установок их руководства донести до сведения населения, а что не донести, будет зависеть от телевидения. Однако существенно, какие установки будут вырабатывать партийные идеологи. Исходя из тех процессов, что происходили в главных партиях в течение последнего года, можно предположить следующее.

Руководство СПС и «Яблока» займет антипутинскую позицию, а низовых организаций у этих партий практически не существует. Руководство ЛДПР будет гибко реагировать на изменение ситуации и в конце концов примкнет к побеждающей стороне. В руководстве КПРФ и «Единой России» в момент нестабильности обострится групповая борьба, и верхушки этих партий расколются по тем же линиям, по которым пойдет размежевание политической элиты вообще – с разной аргументацией и риторикой.

Для КПРФ и «Единой России» важнее будут установки среднего слоя партийных кадров, поскольку они находятся в прямом контакте с населением и могут эффективно противодействовать влиянию телевидения. Кадры КПРФ на уровне обкомов и райкомов определенно будут активными противниками «оранжевой революции». Кадры «Единой России», не имея устойчивой общей идеологии, в гораздо большей степени будут зависеть от

той позиции, которую займут предводители региональных кланов. Однако в массе своей кадры районного и областного звена симпатизировать «оранжевой революции» не будут.

Глава 21. Прогноз риска «оранжевой» революции в РФ

Через четыре месяца после завершения «оранжевой» революции на Украине среди политологов РФ не сложилось определенного мнения о степени риска того, что попытка подобной операции будет предпринята в РФ. Можно встретить, например, такое суждение: «В политтехнологической среде сегодня преобладает твердое убеждение, что Россия – не Украина и, несмотря на старания различных политических и олигархических групп, никакая “оранжевая революция” Российской Федерации не грозит. Однако это вовсе не значит, что в Кремле никак не готовятся к появлению “майдана” в Москве или в Уфе»³²¹.

Такого же мнения придерживается профессор из США Г.Дерлугьян, изучающий постсоветское пространство. Он пишет: «Поскольку в завуалированной или открытой форме регулярно возникает вопрос о путинской России, особо отмечу, что здесь отсутствуют две важнейшие предпосылки восстания. Во-первых, в России и, самое главное, в Москве и близко нет такой демографической массы неудовлетворенной молодежи, как в странах со все еще активным сельским населением. Во-вторых, едва ли не важнее, что Путину удалось восстановить централизацию бюрократического аппарата (с его эффективностью дела обстоят пока хуже). Если что-то власти и грозит, то не свержение, а застой из-за неспособности наполнить смыслом децентрализацию государства и диверсифицировать экспортно-сырьевую экономику»³²².

Исчерпывающего систематического анализа мнений экспертов, скорее всего, никто не делал и уж точно не публиковал. Ознакомление с наиболее доступной литературой показывает, на наш взгляд, что большинство не просто считает этот риск большим, но ожидает, что какой-то вариант «бархатного» переворота произойдет в РФ неминуемо. Поэтому лучше сначала рассмотреть доводы меньшинства, которое не видит возможности для «оранжевой» революции в РФ.

Вот, с некоторыми сокращениями, итоговая статья политолога Дмитрия Юрьева на тему об «оранжевых» революциях – *“Революции не будет”*:

“Кажущаяся неизбежность “революционного марша” по просторам СНГ порождена наложением внешних и внутренних обстоятельств. Внешние обстоятельства – это глобальный характер вполне технологичного, организованного и ресурсно обеспеченного процесса продвижения демократических услуг на сформированном и тщательно упакованном “всемирном рынке демократии”...

Второй базовой причиной кажущейся неизбежности революционного крушения всех пока еще не свергнутых режимов в СНГ является тяжелейший кризис, который можно назвать кризисом недореволюции...

Однако революции в России пока что не будет. Точнее – не будет той “оранжевой революции”, которую уже примерили на нее все – от руководителей путинской администрации до лондонских герценов-самозванцев.

Глобинтерновский проект в целом близок к выходу на “режим насыщения”. Конвейерное применение отработанных технологий на самом деле обеспечивает один-единственный гарантированный результат – подрыв народного повиновения, всплеск бунта. Однако неотроцкисты-догматики... ожидают, что вслед за “праздником непослушания” успокоившийся и довольный народ перейдет в режим лояльности к новой власти, к окончательно десоветизированной номенклатуре, эффективно заточенной под выполнение традиционных обязанностей колониальной администрации, сформированной “из местных”... Но даже на Украине и в Грузии идет вовсе не как по маслу... Куда более мрачные перспективы – у эрзац-революций в Казахстане, Киргизии, Узбекистане, Азербайджане...

Российская же ситуация – совсем особая. С одной стороны, в стране, несомненно, наблюдаются самые острые признаки “недореволюции”. Настроения фрустрационного озлобления, массовой неудовлетворенности фиксируются во всех слоях общества... С другой стороны, специфика властно-общественной конфигурации в России делает “оранжевый”

вариант невозможным в принципе... Конфликт между разными ложноножками “партии власти” – это борьба за ресурс, за право называться “настоящей партией власти”, причем в случае утраты лояльности всякая возможность бороться за этот ресурс исчезает, а значит, утрата лояльности невозможна. Это существенно отличает ситуацию от номенклатурных драк в братских республиках – там значительные пласты номенклатуры выбрасывались из власти буквально на улицу, лишались всякого доступа к ресурсу и превращались в мощный инструмент антисистемной активности.

Во-вторых, та оппозиция, которую можно было бы назвать политической, более-менее реальной, оказывается оппозицией по существу реваншистской, при этом маргинальной. Из кого она состоит? Из КПРФ, СПС, “Яблока” и политических проектов опальных “олигархов”... Что может противопоставить власти этот конгломерат, кроме мстительной ненависти и безнадежной мечты о реванше?

“Оранжевый процесс” в России не может завершиться узурпацией победы на выборах его инициаторами. В силу специфики протестных настроений в России, особенно в регионах, можно ожидать, что инициаторы “оранжевого бунта” станут первым объектом социальной агрессии, более ненавистным, чем партия власти. Никакой реальной базы для формирования в ближайшие годы системной оппозиции, которая могла бы обеспечить обновление политического класса и эффективный перехват власти, нет; социальной базы и ресурсных возможностей для ее формирования тоже нет. Поэтому единственной альтернативой катастрофическому прогнозу (будь то оккупационный оранжевый, будь то фундаменталистско-погромный “черный”) становится реальное восстановление властно-общественного диалога, отказ от схематизма, от шаблона, перехват информационно-политической инициативы.

В частности, одним из немногих эффективных “выходов” из кризиса недореволюции мог бы стать вариант использования энергии массового недовольства через включение механизмов “управляемой революции”, “революции сверху” – вариант, системно воспроизводящий схему победы в 1999 г. При этом власти не обойтись без радикального кадрового обновления (в первую очередь, без замены безликих “андроидов” во главе властных политпроектов), без радикализации политического словаря, без перехвата эмоциональной, популистской риторики с выводом на первый план тематики национального достоинства и социальной защиты. Данный вариант мог бы быть реализован при наличии политической воли и жесткого проектного планирования через слом существующих общественных настроений и снятие социально-психологической напряженности – хотя и представляется достаточно маловероятным в силу инерции политического мышления и ограниченности кадрового ресурса”.

На наш взгляд, эта конструкция, призванная показать невозможность “оранжевой” революции в РФ, внутренне противоречива. Вес факторов, толкающих к революции, нам представляется несоизмеримым с теми, что эту революцию блокируют. Модель Д.Юрьева просто не дает оснований, чтобы соизмерить вес этих двух групп факторов.

На одной чаше весов – решение “Глобинтерна” сменить властную верхушку в РФ, а также “тяжелейший кризис” в РФ (“настроения фрустрационного озлобления, массовой неудовлетворенности фиксируются во всех слоях общества”), “мстительная ненависть и безнадежная мечта о реванше” организованных политических сил справа и слева. На другой чаше весов – невозможность “утраты лояльности” разными частями (“ложноножками”) партии власти.

Во всем этом много метафор, но нет меры, позволяющей “взвесить” конфликтующие факторы. Интуитивная оценка, скорее, отдает предпочтение факторам, толкающим к революции. И решение правящей верхушки Запада, и тяжелый кризис в РФ – вещи вполне серьезные. А тот факт, что на Украине не все идет как по маслу, для этой самой правящей верхушки фактор несущественный. В Ираке тоже не все идет как по маслу – ну и что?

Сам же Д.Юрьев признает, что “*единственной* альтернативой катастрофическому прогнозу становится реальное восстановление властно-общественного диалога, отказ от схематизма, от шаблона, перехват информационно-политической инициативы”. И каковы же возможности этого поистине чудесного преображения власти? Откуда у нее возьмутся ресурсы

для диалога с обществом, отказа от шаблона, перехвата инициативы и пр.? В каких “ложноножках” партии власти таится этот потенциал?

Этот потенциал Д.Юрьев оценивает очень низко, а задачи для власти ставит непомерные – совершить “управляемую революцию” с выводом на первый план тематики национального достоинства и социальной защиты”. Надеется ли Д.Юрьев, что власть сможет решить эти задачи? Нет, нисколько не надеется – “в силу инерции политического мышления и ограниченности кадрового ресурса”.

Таким образом, общий вывод, что “оранжевой революции в России пока что не будет”, противоречит и доводам, и конкретным частным выводам самого же Д.Юрьева. Прогноз, вытекающий из его модели, стал бы более реалистичным, если бы он назвал еще одну альтернативу катастрофическому сценарию – проведение *невидимой* «оранжевой» революции сверху, то есть самой властью. Иными словами, совершение властью такой «управляемой революции», при которой на первый план выводится не «тематика национального достоинства и социальной защиты”, а совсем наоборот – ликвидация всякого национального достоинства и углубление „социальных реформ“. Будет ли при этом использована радикальная патриотическая риторика, поставят ли на Красной площади памятник Сталину – зависит от выбранного сценария и таланта режиссера.

Другие политологи, отрицающие угрозу переворота для РФ, обычно не дают развернутых доводов, а указывают как на вещи очевидные на два момента: эта революция никому не нужна, потому что и так в РФ правит прозападная элита; эта революция невозможна, потому что народ В.В.Путина любит и свергать его никому не позволит. А если кто и полезет, то В.В.Путин и сам кого хочешь свергнет.

Г. Павловский считает революцию «безудержно популистским» проектом и на этом основании не видит для него условий в РФ. В интервью «Независимой газете» он даже угрожает глупым революционерам: «Кстати, следует помнить, за кем в России есть реальный ресурс популизма. Этот „революционный потенциал“ сегодня, безусловно, в руках Путина. Если бы он захотел, он мог бы перевернуть страну ста словами, отменив политику и партии. Одним своим заявлением он может сформировать общенациональную силу, верную лично ему. То, что он этим не пользуется, а идет на выборы и усиливает партийную систему, – одно из самых надежных подтверждений его демократической лояльности»³²³. Трудно понять эту парадоксальную логику. «Революционный потенциал» в руках у Путина, но он его применять не будет, потому что демократ. А если бы захотел... В том-то и проблема, что *не хочет*, что «*демократ*». И Николай II, если бы захотел... Непонятно, как это тайное желание может предотвратить действия тех, кто и хочет, и может.

О том, что “революционным потенциалом” располагает не только В.В.Путин, но и внешние силы, которые, когда считают нужным, используют этот потенциал очень даже эффективно, “советник вождя” отозвался снисходительно: “Я не могу исключать и у нас попыток интернациональной помощи «русским народным демократам». Это надо разбирать отдельно – зачем, почему они это делают, зачем это нужно». В принципе, вопрос «зачем им это нужно» представляет в данном случае чисто академический интерес. Важно, что это зачем-то делают, а задача власти РФ – организовать *противодействие*. Но эта часть проблемы Г. Павловского не интересует.

Некоторая часть нашей демократической элиты отрицает угрозу «оранжевой» революции «с другой стороны» – дескать, нос у нас не дорос до таких тонких технологий. Будет у нас, конечно, революция, но не такая элегантная. В интервью спросили А.Н. Яковлева: «Возможна ли у нас оранжевая революция?» Отставной перестройки барабанщик, разочарованный в русском народе, мрачно ответил: «Беда в том, что так, как на Украине, не получится. Там стоят, разговаривают два противника и улыбаются, доказывая что-то друг другу. А мы ведь резать начнем друг друга»³²⁴.

В феврале в информационно-исследовательском центре «Панорама» произошла дискуссия на тему революции в среде московской художественной интеллигенции. Для обмена опытом приехали гости-писатели прямо с Майдана Незалежности и из штаба Ющенко, для обмена опытом. Как сказано в репортаже об этой дискуссии, «в заключение московские интеллигенты сошлись во мнении, что, к сожалению, в ближайшее время „бархатная революция“ России не

грозит, а ожидается традиционный „бессмысленный и беспощадный“ бунт»³²⁵.

Этот прогноз поддерживает и Б.А.Березовский – видимо, для нагнетания эмоций перед спектаклем: «Ни о какой „бархатной революции“ в России речь не идет. Вопрос только в том, будет много крови или мало. Судя по той глупой и нерешительной власти, какая есть в России, – не думаю, что будет много крови, но она неизбежна».

Ряд экспертов считает, что революция в РФ приобретет «коричневую» окраску. Иногда эту группу называют «кор-алармисты»: «Это эксперты, опасющиеся того, что оранжевая революция в России будет коричневого цвета. Хотя аргументация именно подобного сценария развития событий в России представляется недостаточно убедительной, под знамя „кор-алармизма“ уже встали известные российские интеллектуалы: Марк Урнов, Юлий Нисневич и многие другие»³²⁶.

Менее эмоциональные авторы видят положение так. Ю.Громыко пишет: «Мы приближаемся к некоторому своеобразному рубежу российской истории, когда так и не сформулированные цели, не выстроенная идеология страны оборачиваются возможностью развала всех политических групп и даже полным разрушением всё ещё пока слабо колышущейся социально-стративной структуры страны».

Здесь – ожидание революции, порожденное не интригами закулисных сил, а фундаментальным фактором, динамикой углубления кризиса в самой РФ. Ее системное ослабление приближается к такой пороговой точке, когда эти всегда имеющиеся в наличии закулисные силы просто не могут не воспользоваться моментом.

Из таких же фундаментальных причин исходит в своем прогнозе и Е.Холмогоров: «В России и вовсе трудно ожидать, что на улицы “свергать режим” можно вывести действительных “оранжевых” (или даже оранжево-голубых) мальчиков. Если кому-то необходимо было бы похоронить нынешний российский режим, то нельзя было бы придумать ничего лучше, чем похоронить его под грузом собственных системных противоречий. Эти противоречия настолько фундаментальны, что вообще непонятно – как еще что-то держится»³²⁷.

Вячеслав Игрунов в ожидании революции также исходит из «массивных» причин: «Все тот же олигархический режим, при котором “либеральные реформаторы” экспериментируют с народным долготерпением. Все тот же разгул корыстолюбивого чиновничества и то же пренебрежение интеллектуальными элитами, которые болезненно переживают свою маргинальность. Продолжается разрушение отечественных науки и образования, недопустимо медленно идет развитие малого бизнеса»³²⁸.

М.Чернов рассуждает, исходя из аналогии: «На просторах бывшего Советского Союза началась очередная „оранжевая революция“... „Оранжевые революции“ произошли в Грузии и на Украине. Аналогичные по смыслу события происходят в Киргизии... Судя по выступлениям в Башкирии и активности аналогов украинской „Поры“ в двух столицах, все эти революции – этакий бикфордов шнур, который тянется к России, и рвануть он должен именно здесь».

Как видят эти авторы конкретные поводы и признаки назревающей революции? В. Игрунов пишет: «Рассуждения об угрозе “цветной” революции в России за короткое время стали расхожими. Разумеется, помогают этому протестная активность, вызванная монетизацией льгот, оранжевые шарфы и палатки на улицах Петербурга и Башкирии и объявившаяся в наших пределах “Пора”...»

До революции не так и далеко. Если мы посмотрим на отношение населения к институтам власти, то увидим страшную картину. Наши граждане ни в грош не ставят парламент, не верят судам, ненавидят милицию. Авторитетом не пользуется никто, кроме президента. Но если – не дай бог – с президентом что-то случится? Или обрушится его рейтинг? Да и, наконец, если во властной элите не окажется яркой фигуры – как не видно ее сейчас, – то процедура передачи власти в стандартной ситуации 2008 года может привести к нетривиальным результатам. Даже если Путин сохранит значительную часть поддержки, не факт, что он сможет “передать” свое доверие предполагаемому преемнику...

Доверие к власти уже не так безусловно и в силовых структурах, армейские офицеры не жалеют крепких слов не только для своего министра...

Если пытаться предотвратить нежелательный исход смены власти так грубо, как это

делается сейчас на каждом шагу, взрыв хотя бы в одной из точек напряжения практически неизбежен. Тогда власти уцепиться будет не за что».

Игрунов отмечает очень важную особенность момента, которую, как правило, совершенно упускают из виду политики и эксперты – тот психологический стресс, в котором вот уже двадцать лет живет население наших стран и в котором нет просвета: “Что одинаково характерно для всех революций последних полутора лет? Прежде всего усталость людей от власти. Моральная изношенность режимов”.

М.Чернов очень оптимистично оценивает и нашу способность предвидеть ход событий, и исход «оранжевой» революции в РФ: «Ну так что ж, сценарии ясны. Западные манипуляторы оседлали вызванное действительно объективными причинами недовольство народов и сделали все очень технично – направили энергию в „правильное русло“. В Киеве разыграли сценарий столичного уличного противостояния, в Киргизии играет военный элемент. С теми же, возможно, слегка модифицированными технологиями придут и сюда. Сразу напрашивается вопрос – стоит ли нам опасаться мещанской „оранжевой“ революции? Похоронят ли прозападные „цветные“ марионетки Россию? Я думаю, что нет. По одной простой причине – наша революция не просчитывается. Свидетельство этому – наша история. Ну, брал Ленин деньги у немцев – не по немецкому сценарию все вышло же. Поддерживали британцы и американцы меньшевиков и всяких окраинных националистов, и что стало в итоге с теми меньшевиками и локальными „фюрерами“?»

Технологии «оранжевой революции» приведут к брожению в обществе, и на политическую и социальную авансцену выйдут новые, еще не задействованные в текущих раскладах силы. «Оранжевая революция» обязательно перерастет в другую – «красную», и совсем не бархатную. В отличие от тех же украинцев, грузин, молдаван – не в обиду этим народам будет сказано – российским людям не свойственно местечковое мышление. Что бы ни произошло, в России всегда мыслили большим пространством, куда входит как минимум весь постсоветский мир. Никому мало не покажется».

Трудно разделить его оптимизм, хотя бы потому, что и Украина – не менее Россия, чем РФ. И особо «российским людям» похвастать пока нечем, очень уж свойственно им оказалось в иные моменты и в определенных отношениях местечковое мышление, и удалось его просчитать нашим революционерам – и Горбачеву, и Ельцину. Да, вряд ли на этот раз прозападные «цветные» марионетки похоронят Россию – но не вследствие загадочной русской души, мыслящей большим пространством. Не похоронят потому, что «российские люди» все-таки научились быстрее соображать, подсчитывать и договариваться между собой. И из урока «оранжевой» революции на Украине тоже кое-какие уроки извлекли – спасибо братьям-славянам. Однако наша сила и наша слабость пока что находятся в очень неустойчивом равновесии.

Е.Холмогоров смотрит на наши перспективы с большой тревогой: “Проблема– 2005”, основная опасность, которая угрожает в течение 2005 года, формулируется очень просто – это угроза самоубийства власти. Попытка политической системы, сложившейся в России с 1991-93 годов и частично реформированной в 1999-2000 гг., добровольно прекратить свое существование, “выйти из игры”, выведя с собой капиталы и вывезя людей, а заодно упразднив и суверенное Российское государство как таковое...

В России первым и главным выводом из украинских событий было предположение, что “все это только репетиция того, что должно произойти в Москве”. И появились многочисленные гипотезы того, “как оно все будет у нас”. На роль “вождя революции” назначали то Лимонова, то Рогозина, то Березовского, то выискивали в верхнем эшелоне элиты ту “темную лошадку”, которая попытается повести за собой народ. Но при этом недостаточно учитывался тот факт, что организованная “оппозиция” не является коренником в революционной тачанке. “Коренным” остается все-таки сам политический режим, который разыгрывает перед публикой драму самоуничтожения и легитимизирует любую оппозицию тем, что трудно себе вообразить что-то хуже, чем “эти негодяи у власти”. Поэтому выискивать надо не столько куколки (или гниды, если говорить более точным языком) будущих революционных вождей, сколько признаки подготовки к “суициду власти” – будь то дрожание рук, нервическое покуривание или поиск орудий самоубийства.

И тут, оказывается, далеко ходить не нужно. Веревка, на которой в любой момент может повеситься политическая система современной России, свита, завязана в прочную петлю и даже уже перекинута через потолочную балку. Правда, этот факт почему-то все обнаружили лишь тогда, когда петля затянулась на шее, и с начала года страну начали сотрясать массовые акции социального протеста, равных которым Россия не знала за весь “путинский период”. “Монетаризация льгот” – самая бессмысленная, абсурдная и вредительская из всех квази-либеральных реформ последних лет – начала приносить свои плоды. Плоды абсолютно закономерные...

Крайне сомнительно, что подобные либеральные проекты могли бы быть приняты государством, не имеющим тяги к политическому суициду... Готовность “злить народ” может быть только сознательной, и те, кто предложил и протацил подобную реформу, скорее всего, руководствовались именно стремлением к большим потрясениям, ролью того самого “бессмысленного и бессильного злодея”, каковым должна быть власть по сценарию новейших импортных революций. Петля была изготовлена и прикреплена вполне сознательно, и голова в нее просунута совершенно добровольно.

Просчитать политические последствия “монетаризации” труда не составляло... Радикальная западная оппозиция, “лондонский центр”, патронируемый Березовским, также не скрывали своего стремления использовать социальное недовольство в целях ликвидации ненавистного “режима”. Либеральные издания в течение всего прошедшего года пестрели призывами к “интеллигенции” осознать свое братство с народом, протестующим против той же власти, и сделать социальные требования тем тараном, который разрушит политическую систему»³²⁹.

М.Чернов считает, что «оранжевая» революция в РФ, если начнется, перерастет в «красную». Эксперты, близкие к либеральному лагерю, опасаются, что она проделает в нынешнем порядке брешь, в которую ворвется националистическая струя. Игрунов пишет: «Сегодня многие либералы не прочь поиграть с уличной стихией. Однако в случае потрясений общество неизбежно сползает туда, куда движется оно в спокойный период. А движемся мы сегодня к обострению социальной напряженности, к росту ксенофобии и изоляционизма, к жажде твердой руки и решительных действий. Словом, если наша “оранжевая революция” состоится, она будет иметь отчетливо коричневый оттенок. А может, кто-то именно этого и ждет?»

Подавляющее большинство политологов не касается возможных альтернатив революционного сценария для РФ, хотя нет особых оснований считать, что будет в точности повторена схема, использованная в Сербии, Грузии и на Украине. Нет и открытых дискуссий между сторонниками разных сценариев, хотя «оранжевая» в РФ явно может пойти по двум разным траекториям – или она начнется в «центре», или «на местах». Р. Сафиуллин пишет: «На территории России сценарий переворота по образцу ОР будет отличаться от ОР, произошедших в отдельных мононациональных республиках. **Сначала должны произойти региональные перевороты (достаточно 3-х или 4-х), которые один за другим будут делегитимизировать центральную власть**. В конечном счете, это должно привести к распаду России как целостного государства де-факто, идеологической дезориентации региональных элит и установлению над ними внешнего контроля, а уже затем юридического оформления нового статус-кво в Москве. Будет это ОР или подковерное соглашение элит, в принципе, уже не важно. Можно утверждать, что технический сценарий разрушения СССР, реализованный в 91-м году, может быть с успехом применен для сегодняшней России, в случае если нынешние элиты не внесут принципиальных изменений в политический курс страны. Судя по последнему посланию президента страны Федеральному собранию – принципиальных изменений курса не предвидится»³³⁰.

С. Белковский на пресс-конференции 17 мая 2005 г. в «РИА-Новости» высказал сходный прогноз: «Сегодня власть удерживается традиционной легитимностью Кремля как наследника центральной власти. Как только эта система распадется, а сегодня набирают силу внутренние тенденции, ведущие именно к этому, в этот момент очень значительная часть России утратит стимул к пребыванию в его составе. Я имею в виду не только Татарстан, но и Якутию, и значительные территории Сибири и Дальнего Востока» (www.apn.ru).

Р. Шайхутдинов также относится к тем немногим аналитикам, которые указывают на вероятность второй траектории: «Один из возможных сценариев для России – не планомерно-систематическая революция с одним лидером, а революция „кусочная“, с несколькими лидерами, которые могут даже и не договариваться между собой. В России скорее всего произойдет несколько „цветных революций“ – происламская, сибирская, прозападная, дальневосточная, в результате чего Россия может не только потерять существенные территории, но и распасться на части»³³¹.

Подход Р. Шайхутдинова к прогнозу характера возможной «оранжевой» революции в РФ плодотворен. Поскольку революция представляет собой лавинообразный распад легитимности политического режима (власть утрачивает «силу и согласие»), то Р. Шайхутдинов и предлагает выявлять главные уязвимые точки в легитимности властной конструкции, возникшей после 1999 г. Уже в ходе программы Горбачева, а затем Ельцина был подорван и во многих своих элементах разрушен тот «образ истинности» (картина мира, представление о благой жизни), который связывал множество социальных групп и субкультур в общество, в единый народ. Теперь начинается второй раунд рассыпания уже рыхлого, слабо связанного общим культурным ядром «российского народа». В разных измерениях происходит его разделение на много «малых народов», связанных своей новой солидарностью – и легитимность общей власти растаскивается.

Р. Шайхутдинов пишет: «Например, в сознании прозападно настроенных людей российская власть частично утратила свою легитимность из-за того, что она нецивилизованная, не заботится о соблюдении прав человека, разбойничает по отношению к чужой собственности, трактует политических противников как уголовников, не культивирует экономические свободы и т.д. Теперь уже дело техники сформировать из так настроенных граждан *прозападный народ* (например, со «столицей» в Калининграде) и, опираясь на чужую, европейскую легитимность, начать атаку на власть. Скажем, под лозунгом «Отпусти народ мой» (так обращались евреи к фараону) – в данном случае, в Европу. И лидеры легко найдутся.

Точно так же, в сознании исламистов российская власть не до конца легитимна, потому что она про-православная, потому что не строит правильные отношения с исламом и так далее. То же с точки зрения жителей Сибири и Дальнего Востока – она не до конца легитимная, потому что не выполняет своих обязательств по отношению к населению, потому что эти регионы сегодня забыты – и так далее.

Кстати говоря, народы не обязательно должны быть локализованы территориально. Например, по отношению к пенсионерам российская власть потеряла свою легитимность, потому что не выполняет никакие свои обязательства – начиная с обмена денег, когда все сбережения были потеряны, и кончая нынешними фокусами с монетизацией. А сейчас еще начнутся проблемы с лекарствами и с отменой льгот на жилье...

Потеря властью тех или иных оснований легитимности свидетельствует о том, что любой из этих народов, восстав и выйдя на площадь, получает возможность ее скинуть. И сегодня этому ничего нельзя противопоставить. Ведь власть не может признать, что она – «антинародный режим»³³².

В «Живом журнале» большую широту мышления обнаруживают непрофессиональные аналитики. Один участник обсуждения предложил прогноз хотя и слишком изощренный, но указывающий на возможные риски. Ведь ценность прогнозов не в том, что они сбываются, а в том, что при их подготовке и изучении у нас работает системное мышление – мы конструируем в уме разные образы будущего, а для этого нам надо выявить и расставить по местам все части настоящего и их корни в прошлом, увидеть возможности возникновения между ними разных конфигураций связей. Это позволяет в какой-то степени преодолеть механистическую веру в то, что какие-то «объективные законы» фатально предопределяют ход событий.

Он считает, что доктрина революции для РФ будет ставить первой целью расчленение страны, а не овладение рычагами центральной власти. А для достижения этой первой цели режим В.В.Путина должен будет уйти, уступив место у власти «патриотическому» правительству, которое и доведет РФ до катастрофы.

Вот, с сокращениями, эта версия прогноза:

«Кто сказал, что Западу в России нужно прозападное правительство? Оно было бы

необходимо, если бы Запад по-прежнему стоял на тех позициях, что ему нужна слабая, зависимая, но целостная Россия. В середине 90-х в Европе и США писали, что пока распад России пугает – мол, это “вызов к которому мы не готовы”. А если сейчас готовы? В таком случае вполне логично предположить, что “майдан” в Москве не входит в планы кукловодов. Гораздо нужнее дюжина “майданчиков” в Уфе, Казани, Калининграде, Нальчике, Новгороде, Санкт-Петербурге, Пскове, Томске, Ростове и т.д... В общем, как верно написал Владимир Горюнов: “Наивно думать, что технологии “розовых революций” будут применены к России как единому государственному организму – “расхватывать” нашу страну, скорее всего, станут по частям”.

Самоубийственные либеральные кульбиты правительства, тотальная коррумпированность чиновничества, глубокая апатия населения, неспособного к отстаиванию даже самых насущных интересов порождает оптимизм революционеров – “что хошь сделаем, никто не встрянет!” Но те же самые факторы присутствовали и в середине 90-х, более того – тогда существовал блок протестных территорий, т.н. “красный пояс”, но сепаратистских тенденций в них не наблюдалось. Если “раскачать” национальные республики, в ряде случаев не составит особого труда, то отделенческие настроения в русских областях при всей неприязни к “зажравшейся Москве” и отвращению к “политике центра” остаются пока что гипотетическими.

Можно, с большой вероятностью считать, что “бегство от безумного центра” будет маловероятным до тех пор, пока «в его безумье есть система», т.е. пока он будет привычно “либерально грабить”. Более того – уверенность, что будет только хуже, настолько велика, что может прошибить даже пресловутую “стену равнодушия” и по-домашнему, оплеухами разогнать жалкие кучки “майданчиков” до подхода готовой “перейти на сторону народа” милиции и малопонятных “Наших”.

В общем, если на Кавказе и части Поволжья замутить что-нибудь при определённом стечении обстоятельств вполне реально, то в остальной России “тачанка оранжевой революции” запросто может увязнуть. Такая “недорезанная” Россия вряд ли устроит Запад в силу сохранения за ней неприемлемо большого потенциала возрождения – нож в спину надо втыкать наверняка, без риска заново “налаживать конструктивный диалог” с жертвой.

По-видимому, не существует такого уровня “либерального террора”, при котором в русской провинции возобладали бы центробежные тенденции... Значит, для активизации подобных настроений к власти должен прийти, пусть на короткое время, режим, который принёс бы с собой проблемы, решаемые отделением от Москвы. Вероятно, к весьма желательным его свойствам следует отнести также его способность полностью дискредитировать все возможные альтернативы “либеральному проекту”, представив их в виде кровавой бессмыслицы, каковой их давно себе представляют “все порядочные люди”. Также этот режим должен дружно отвергаться “всем международным сообществом”, никаких проколов типа “иракских” демаршей Франции и Германии быть не должно, рядом прописана монолитность.

Увы, но подобными качествами вполне может обладать власть какой-либо “грамотно сконфигурированной” национально-имперской группы (приход к власти при сохранении нынешних темпов саморазложения “вертикали” технологически решаемая задача). Нужно только “контрастно подчеркнуть” родовые пятна современного русского национально-государственнического направления: слабость проработки экономических вопросов, легкомысленно-эстетское любование государственным насилием, вера в безграничность возможностей пропаганды, интеллигентская кружковщина, любовь к радикальной фразе. Главный недостаток – отсутствие внятной реализуемой экономической концепции. Совершенно правильный тезис о том, что “Экономика консерватизма – это экономика, подчинённая внеэкономическим факторам” служит оправданию немислимой каше в головах, которая может породить такие последствия, что 1993 год покажется торжеством “дирижизма”.

К сожалению, нет зачастую и четкого осознания того, насколько глубока, системна, многостороння наша зависимость от Запада. А значит, нет и понимания того, что ресуверенизация волей-неволей должна быть крайне осторожной, “зигзагообразной”... Масса теоретических “дыр” в представлениях о путях решения целого ряда экономических и

социальных проблем объясняется просто – надеемся на лучшее (“революцию в умах”, “духовное возрождение”), готовимся к худшему (мобилизационная экономика, прямые формы принуждения). Вот здесь-то и находится “волчья яма”, в которую рискует угодить любое, а особенно “правильно подставленное” патриотическое правительство: противоречие между умозрительно исповедуемым “патриотизмом свершений” наших национально-ориентированных интеллектуалов и народным “патриотизмом достойной жизни”, отторгающим любую “чрезвычайщину”, если она не локализована в границах “элиты”.

Причина пусть ограниченной, но успешности путинизма – в необыкновенно острой востребованности “возвращения к нормальной жизни”. Самые подлинно вдохновляющие события начального, “эйфорического” этапа этого правления связаны с “восстановлением функционирования”: на полуразоренных верфях достраивались заложенные ещё при Советах подлодки, далеким заводам возвращались долги по госзаказу, бюджетники начали получать зарплату и т.д. Никакая жертвенность, никакие сверхусилия современным “народным патриотизмом” впрямую не востребованы, напротив – по-прежнему актуальна тема компенсации (начиная с банальной компенсации вкладов и заканчивая восстановлением статусов тех или иных социальных групп), право на которую переживается как безусловное, а сама она (при некоторой размытости понятия) как необходимое условие “перевёртывания тёмной страницы истории”.

Это не патриотизм иждивенцев, но это – “патриотизм мирного времени”. Учитывать это необходимо. Таким образом, столкновение между “национально мыслящим режимом”, тяготеющим к мобилизационной экономике (если мы будем иметь на консервативно-державном поле примерно ту же картину, что и сегодня), и народными ожиданиями представляется совершенно неизбежным. Дальнейший сценарий предсказать вчерне не так уж сложно. Поскольку никакой “скамейки запасных” у новой власти нет, она будет вынуждена опираться на старые кадры. Тысячи чиновников (в т.ч. в погонах) и бизнесменов (особенно контролирующих предприятия с большим количеством работников) получают от оранжевых кураторов “предложение от которого нельзя отказаться” (“Ну что, арестовываем твой заграничный счёт, сторонник кровавой диктатуры, или пополняем его, о, мужественный защитник свободы?”).

Начинается саботаж одних решений и чрезмерное рвение в исполнении других. Контроль над федеральными телеканалами принадлежит центральной власти, но региональные СМИ успешно ведут окрашенную до поры в верноподданнические тона контрпропаганду. Спешно отменяются отсрочки по призыву, нескольких заведомо больных молодых людей (“из Центра приказали брать всех!”) призывают и через пару недель возвращают родителям в гробах. Широко распространяются слухи о готовящемся снижении пенсий под консервативным лозунгом “Дети – живая пенсия” и мерах по розыску этих самых детей. Массовую панику вызывают попытки ввести какой-нибудь учёт всех владеющих специальностями, необходимыми в оборонной промышленности или работавших в ней. Очень возможны срывы отопительного сезона в нескольких крупных регионах. Введенная де-факто международная блокада всё чувствительнее выражается в росте цен. Попытка заморозить цены на основные товары проваливается с треском. На телевидении борьба с безнравственностью оборачивается избытком “говорящих голов”, которые сыплют словами типа “идентичность”, “этатизм”, “конвенциональность”, “аскетическая доминанта”, “противодействие релятивизму” и проч. Как следствие – проигрыш на информационном поле. Наконец, в одной из национальных республик вспыхивает новый мятеж (вариант – разрастается чеченский), объявляется частичная мобилизация.

Под общий хор “Верните, как было” страна расцветивается десятками “майданов”. Много работы у популярных исполнителей: сегодня надо “быть с народом” в Калининграде, завтра в Казани, послезавтра в Якутске. Одна-две недели и всё кончено. Правители Новгородской Республики, Свободной Сибири, Великого Татарстана и Европейской России (С.-Петербург) подписывают соглашение о передаче под международный контроль ядерных арсеналов. На всю операцию “Патриоты” достаточно от 2-х до 4-х месяцев (дольше рискованно, могут появиться не подконтрольные ни Кремлю, ни “демократической оппозиции” центры силы). Занавес.

Значит ли это, что традиционалистам лучше по-прежнему почитать Леонтьева, Ильина

и житийную литературу и никоим образом не приближаться к реальной власти? Нет. Я только указываю, на абсолютную неготовность к такому обороту событий на текущий момент. Необходимо быстрое организационное оформление, поиск контактов с “попутчиками” в органах власти и бизнесе. Выработка не просто экономической программы, а доступной каждому и привлекательной картины жизненного уклада “при патриотах” (почему это хорошо, почему хорошо именно для тебя, почему хорошо для твоей семьи). Выработка внешнеполитической линии, подходов к формированию не столько однозначно привлекательного (это невозможно) сколько “сложного” имиджа России, мешающего созданию единого антирусского фронта. И самое главное (и самое непростое) создание собственного “сектора жизни” (чем-то подобного “миру кооператоров” конца 80-х) для демонстрации “преимуществ нового строя”... А пока ничего этого нет – *никаких революций* . Любой ценой».

Прогноз интересный. Жаль только, что требование «никаких революций!» может прозвучать неубедительно для Сороса и «Freedom House». Да и к чему такой тоталитаризм мышления – *любой ценой!* » Как это любой? Всегда есть верхний предел цены, которую общество готово платить за благо прожить без революции.

Автор этого прогноза сделал упор на тех элементах и связях системы нашего кризиса, к которым патриотические политики стараются не привлекать внимания. Но это не значит, что их не видят и не учитывают. Представленная в прогнозе практическая программа «искреннего» правительства патриотов – полезная гротескная карикатура. Трудно согласиться и с утверждением, что «никакой “скамейки запасных” у новой власти нет». Положение отличается от 1917 г. тем, что все подсистемы общества еще наполнены образованными опытными кадрами, а также тем, что кризис еще не расколол государственный аппарат на воюющие классы. Саботаж «тысяч чиновников», сидящих на крючке у «оранжевых кураторов» может быть нейтрализован сравнительно легко.

А главное, эти «оранжевые кураторы» ни за что не позволят ни нынешней власти, ни своим подопечным устроить такой рискованный эксперимент – отдать в РФ на пару месяцев власть патриотическому правительству. Слишком большой риск. Они больно обожглись со Сталиным, и такой ошибки больше не повторится. Мы пойдем другим путем.

Глава 22. Отношение к «оранжевой» революции на левом фланге

В нынешней структуре политических партий и движений, которая была сформирована на исходе перестройки и в первой половине 90-х годов, основным ядром «левого» фланга, отвергающего программу рыночных реформ и превращение РФ в периферийную зону западного капитализма, является КПРФ и союзные с ней организации³³³. Другим ядром, для идеологических установок которого характерно значительное расхождение с КПРФ, является немногочисленный, но активный конгломерат ортодоксальных марксистов, троцкистов, «антиглобалистов» и радикальных молодежных организаций (например, Национал-большевистская партия).

От позиции левых во многом зависят программные лозунги тех массовых протестов, которые в случае развертывания «оранжевой» революции в РФ мобилизуют необходимую для нее уличную массу. В настоящее время во всех левых организациях ведется работа по выработке позиции относительно назревающей «оранжевой» революции. Ситуация здесь меняется, приводимые здесь данные, скорее всего, к моменту выхода книги устареют. Однако важна не только выработанная на закрытых совещаниях и переговорах конъюнктурная позиция, но и само видение проблемы у лидеров разных движений, их логика в обсуждении той угрозы, перед которой оказалась государственность РФ.

Рассмотрим с этой точки зрения заявления ряда политиков и левых интеллектуалов. Вот выдержки из интервью Г.А.Зюганова (председателя президиума ЦК КПРФ), данного газете «Утро». Репортер задает вопрос: «Насколько вероятно, что сценарий „оранжевой“, „каштановой“, „ситцевой“ или иной революции воплотится в России? Может ли сложившаяся в стране ситуация привести к народному восстанию?»

Вопрос или двусмысленный или очевидно неверный. Можно подумать, что сотрудник

левой газеты ставит знак равенства между «оранжевой» революцией и народным восстанием. Однако Зюганов как будто не замечает этого противоречия и дает ответ – или неопределенный, или неверный, как и вопрос: «Это может случиться в любое время... У нас сегодня все предпосылки для этого есть. Но у нас не будет „оранжевой“ революции, у нас будет скорее „желто-коричневая“».

Судя по всему, различия между «оранжевой» революцией и «народным восстанием» руководитель КПРФ не видит – «это может случиться». Далее следует замечание, которое с трудом поддается толкованию – у нас революция будет не «оранжевая», а «желто-коричневая». Что это значит, на что намек? Кто в РФ «желтый», кто «коричневый»? КПРФ решила поддержать раскрутку большого идеологического мифа о российском «фашизме»? Но главное, из этого туманного афоризма вытекает, что Зюганов не принимает понятия «оранжевой» революции как обозначения вполне определенного типа программ по замене власти и государственности – при том, что обсуждение сущности этих программ в течение четырех месяцев было главной темой дебатов в политологии. Чем вызван этот отход от вполне однозначного понятия?

Далее Зюганов выражает скептицизм в отношении благотворного воздействия «оранжевых» революций на жизнь простого народа: «Если придут Греф с Чубайсом, вы думаете, будет лучше? Поэтому, организовывая акции протеста, я выступаю как раз за то, чтобы было сформировано очень грамотное и способное руководство, которое поддержит производство, малый и средний бизнес, создаст условия для хорошей работы всех форм собственности. Правительство, которое будет понимать, что XXI век – это век науки и образования, и приоритетными для него будут наука, образование и культура; которое знает, что государство должно гарантировать каждому прожиточный минимум, крышу над головой и качественные знания, тогда можно спокойно думать и развиваться».

Это – явный уход от проблемы. Разве «оранжевая» революция в РФ нужна, чтобы пришли Греф с Чубайсом? Зачем им приходиться, они и так здесь. И разве в момент революции акции протеста могут быть направлены на «формирование очень грамотного и способного руководства»? Революции меняют вектор исторического развития, меняют тип государственности и цивилизационную идентичность. Какой средний бизнес, какая «каждому крыша над головой»? Не об этом же речь. Что можно понять из этого ответа об отношении КПРФ к угрозе «оранжевой» революции?

В конце беседы нестыковки в понятиях достигают крайности. Репортер спрашивает: «Если не Греф и не Чубайс, то кто в результате возможной революции может прийти на смену нынешней власти и поднять страну?» Таким образом, газета «Утро» все же исходит из предположения, что «оранжевая» революция, направленная на «смену нынешней власти», призвана «поднять страну». И если «поднять страну» придет не Греф и не Чубайс, то кто же?

Зюганов отвечает, просто игнорируя этот нелепый вопрос: «Мы заинтересованы в том, чтобы правительство было коалиционное, левоцентристского толка. В стране много грамотных людей... России нужен сильный, опытный хозяйственник-управленец, человек, знающий, что такое зима и коммуналка, понимающий транспортные артерии России, прекрасно чувствующий науку и образование, а также национально-территориальную специфику России».

Ясно, что ответ неадекватен вопросу, и руководитель КПРФ просто предпочел уйти от того, чтобы ясно высказать свой прогноз исхода «оранжевой» революции в РФ – его же спрашивали не о том, в чем заинтересовано руководство КПРФ, а кто реально сможет прийти к власти. Походя и вскользь Зюганов опять высказал тезис о том, что суть исторического выбора, перед которым оказалась Россия, заключается в том, опытный ли хозяйственник-управленец стоит у власти и хорошо ли он понимает транспортные артерии России.

Более подробно изложили установки КПРФ в отношении «оранжевой» революции директор близкого к партии Центра исследований политической культуры России С.Васильцов и его заместитель С.Обухов³³⁴.

Первый их тезис является методологически неприемлемым, он ставит под сомнение добросовестность любого суждения по сути проблема: «Угроза „оранжевой смуты“ буквально на наших глазах превращается в орудие тотального морально-политического шантажа, используемого чуть ли не всеми против всех». Что это значит? Вы считаете, что такой угрозы

не существует, есть только шантаж ею (причем «тотальный»)? Так и скажите. Этот прием широко использовал Горбачев, затыкая рот оппонентам во время перестройки: «Товарищи нагнетают... Нам подбрасывают...» Известно, к чему это привело.

При этом данный тезис о шантаже, поставленный в самое начало доклада, противоречит буквально следующему параграфу – о сути «оранжевых» революций. Суть эта видится так: «Цель – передача основных экономических ресурсов России непосредственно в руки западных ТНК, без „туземных“ посредников и управляющих. Иначе говоря, взят курс на прямое иностранное управление российской экономикой... Мало того, становится ненужным и опасным само нынешнее население России, как историческая данность. Укорененное в эту землю и обладающее пусть даже порушенными, но сохраняющимися моральными, этическими, историческими ценностями и ориентирами, оно остается для Запада вечной угрозой». Но если это так, то при чем здесь обвинение в шантаже? Или аналитики КПРФ тоже зря пугают жителей РФ?

Далее С.Васильцов и С.Обухов выражают полное согласие с той трактовкой «оранжевых» революций, которая ранее была дана целым рядом других авторов и приведена в предыдущих главах этой книги: «Политические деятели, сложившиеся в советскую эпоху, подлежат при этом смещению с занимаемых ими ключевых государственных постов. Даже если они проявили себя патологическими антисоветчиками и антикоммунистами. Даже если они ковриком расстилалась под ногами американских хозяев... Запад, как это неоднократно бывало, демонстрирует свою жесткую прагматичность: все, кто так или иначе испытал на себе воздействие советской цивилизации, для него опасны и обречены уйти... Таким образом, речь идет о целостной системе действий по трансформации российского общества. О новом витке глобализации. Об очень серьезном шаге в деле преобразования всего мирового порядка, особенно в его нынешнем „слабом звене“ – России».

Изложение же собственного взгляда С.Васильцова и С.Обухова на замысел называемой в РФ «оранжевой» революции нам представляется внутренне противоречивым и даже вызывает недоумение. Они пишут о наиболее вероятных, на их взгляд, возможностях объяснения этой угрозы:

«Первая. Путин и в самом деле стал в глазах Запада личностью, уже сделавшей все, на что она была способна.

Второе. Не исключено, впрочем, что муссирование угрозы «цветных смут» для России преследует совсем иную цель. Оно провоцируется самим же путинским кланом. Задача проста – накрепко ассоциировать фигуру Путина с российской государственностью. По типу: «Не будет Путина – погибнет Россия». Цель такой операции понятна. Главное здесь нейтрализовать оппозицию, а если удастся, то и «приручить» ее.

Третье. Возможен, наконец, и еще один сценарий. «Оранжевая революция», а точнее говоря – уличный переворот, вызывается самой же властью. А затем с помпой задавливается ею же. Тем самым путинский режим наконец-то получает в свое распоряжение столь желанную для него «маленькую, но победоносную войну». В данном случае – войну гражданскую, может быть, прямо на московских улицах.

Четвертое. В принципе возможен и такой вариант. Массовое уличное движение начинают эксплуатировать сразу несколько политических сил, представляющие, в основном, разные ответвления партии власти. Возникает не протестная масса, а хаос управляемых толп. Общество идет вразнос.

Какая из этих перспектив окажется реальной, покажет время. Хотя наиболее реальным выглядит второй сценарий, «сдобренный», быть может, элементами третьего.

Тем не менее, каждая из перечисленных вероятностей предельно опасна для России. Хотя бы уже потому, что путинский режим давно доказал свою полнейшую неспособность реализовывать на практике любую сколь-либо масштабную общественно-политическую операцию. Результат всегда получается с точностью до наоборот».

Если бы речь не шла о докладе аналитического центра главной левой партии, не стоило бы распутывать логические неувязки всей этой конструкции. Вот, по мнению авторов, самый вероятный вариант: *муссирование угрозы провоцируется самим же путинским кланом*. Как это? Всего страницей выше эти же авторы пугали нас переходом к «прямому иностранному

управлению российской экономикой» и планами искоренения всего российского населения – они что, тоже принадлежат к путинскому клану? А в начале раздела мы видели, как сам Зюганов «муссирует угрозу» – так и он тоже? Считает ли КПРФ, что угрозы «цветных смут» не существует, а есть лишь наивный шантаж путинского клана с целью «приручить оппозицию»? Определитесь с вашими оценками, товарищи!

Далее следует еще более экстравагантное предположение – муссирование и шантаж путинского клана могут быть «сдобрены» реальным уличным переворотом, вызванным самой же властью, а затем с помпой подавленным ею же. Как говорится, мasons отдыхают!

Оказывается, путинский режим желает иметь «маленькую, но победоносную войну», причем «войну гражданскую, может быть, прямо на московских улицах». Вы что, товарищи левые аналитики, белены объелись? Допустим, ваша творческая фантазия не знает предела, но ведь речь идет о вполне конкретном явлении – «оранжевой» революции. Где и когда в формулу такой революции входила гражданская война на улицах столицы, к тому же с помпой выигранная властью?

Наконец, четвертый вариант, когда «возникает не протестная масса, а хаос управляемых толп». В-первых, если толпы управляемые, то почему же хаос? Как раз порядок. Во-вторых, «оранжевые» революции осуществляются на таком этапе, когда действует вовсе не «протестная масса», а управляемая толпа с вполне определенными *требованиями* – передачи власти ее предводителям. И что в таком случае будут требовать в РФ «разные ответвления партии власти»? И разве эти ответвления и их лидеры «так или иначе не испытали на себе воздействие советской цивилизации и не обречены уйти»? Каждый раздел этого доклада находится в вопиющем противоречии с предыдущим, как будто в каждом разделе говорится о совершенно новом фантастическом явлении, причем неизвестно каком.

Озадачивает и вывод, что любой из вероятных вариантов «предельно опасен для России». Неужели нет нам спасения? Скажите, каков план действий КПРФ – ведь какую-то лазейку нам история оставила? И почему опасность исходит из того, что «путинский режим доказал свою неспособность реализовать на практике любую операцию?» Ведь если неспособен, то и прекрасно – не сможет он организовать гражданскую войну в Москве, а если и сможет, то не сможет с помпой подавить революцию.

Завершается доклад разделом «КПРФ перед лицом „разноцветного“ шантажа». Иными словами, авторы отбрасывают три «наиболее вероятных» варианта и возвращаются к исходному тезису – КПРФ должна определиться не по отношению к угрозе, а по отношению к шантажу. Ведь когда применяют слово «шантаж», то подразумевается, что ему не следует подчиняться. Теперь, в заключении, тезис о шантаже приобретает еще более противоречивый характер. Он выглядит так: «Не вызывает сомнений, что власть приложит все силы к тому, чтобы вывести протестное движение из-под первенствующего влияния Компартии. Дабы преобразовать его в ту самую организованную толпу, на гребне которой и совершаются „цветные революции“... Что делать в этих условиях правящему режиму? В перспективе, как было сказано, использовать шантаж „оранжевой революцией“ и под патриотическими лозунгами ломать оппозицию».

Если задача власти состоит в том, чтобы, шантажируя общество «оранжевой» угрозой, ломать оппозицию, то непонятно, зачем ей «преобразовывать протестное движение в ту самую организованную толпу, на гребне которой и совершаются „цветные революции“? Что собирается свершать власть на гребне этой толпы? А если что-то и свершится, то, значит, это был вовсе не шантаж, и левые аналитики дезориентировали общество, отвлекли его внимание от реальной угрозы.

Не будем затрагивать здесь внутренние программные вопросы КПРФ, поднятые в докладе, упомянем лишь один тезис, связанный с нашей темой. Авторы пишут: «Коммунисты ни в коем случае не должны уходить с улиц. В любом городе и селе есть масса „больных“ проблем, коммунисты призваны стать во главе их решения... Не будем забывать, что любое массовое движение всегда действует по своей собственной, вполне определенной, логике. Партии необходим особый, соответствующий моменту, язык: емкий, краткий, образный и близкий для человека улицы».

Это многозначительный абзац. Итак, от категорий классовой борьбы КПРФ отходит и

предлагает нового социального субъекта – *человека улицы*. Это скачок в царство свободы. На каком же языке будут с ним говорить коммунисты XXI века? Определение интригует – это особый язык: емкий, краткий, образный и близкий для человека улицы. Судя по набору определений, это язык матерный.

По мнению аналитиков КПРФ, любое массовое движение всегда действует по своей собственной, вполне определенной, логике. Почему же тогда коммунисты должны оставаться на улице? Видимо, чтобы наконец-то приобрести какую-то логику, пусть и логику человека улицы – иначе понять невозможно. И как могут коммунисты «стать во главе решения» больших проблем любого города и села? Они что, уже повсюду пришли к власти? И разве большие проблемы решаются на улице?

Похоже, что с такой логикой и вообще с таким подходом руководство КПРФ не сможет определить свою позицию в момент реализации угрозы «оранжевой» революции – так же, как не смогла ее определить для себя коммунистическая партия Украины. В целом, по данному вопросу в руководстве КПРФ на конец апреля 2005 г. наблюдается разброд. Примечательно противоречивое рассуждение одного из руководящих работников КПРФ А.Фролова.

Он пишет: «Сегодня в широком ходу версия о том, что акции протеста левопатриотической оппозиции льют воду на мельницу импортируемой с Запада “оранжевой революции”, цель которой – окончательно разрушить Россию. И хотя я полагаю, что запущена эта версия не без стараний путинских пропагандистских служб, тем не менее отвергать ее с порога никак нельзя. Одно дело – “оранжевая чума” как пропагандистский жупел, призванный дискредитировать левопатриотическую оппозицию. И совсем другое – угроза превращения оппозиции в “пристяжную” в “оранжевой” тройке. Здесь, не отказываясь ни в коем случае от борьбы, необходимо суметь “пройти по лезвию”. Как это сделать, должна подсказать практика.

Что же показывает практика? Мощный митинг КПРФ прошел в Уфе отдельно от акции “оранжевых”. С его трибуны было четко сказано: “Мы все очевидцы того, что происходило под “оранжевыми” знаменами в Грузии и на Украине, кто финансировал “оранжевых” и кто сейчас ставленники в правительстве этих стран. Это ставленники Америки. Мы родились и присягали красному знамени и верны будем ему до конца жизни. КПРФ не входила ни в какой блок “оранжевых” и “голубых”. Коммунисты всегда были верны своему народу и своей Родине и всегда в бой шли первыми”.

Затем протестанты двинулись к Дому республики, где соединились с участниками “оранжевого митинга” и приняли участие в пикетировании»³³⁵.

А.Фролову с самого начала не удастся «пройти по лезвию». С одной стороны, опять тезис о шантаже оппозиции – «запущена эта версия не без стараний путинских пропагандистских служб». Значит, читатели «Советской России» должны эту версию отбросить? Нет, «отвергать ее с порога никак нельзя». Если нельзя, значит, угроза реальна? Так скажите ясно, как будет действовать КПРФ и как должны вести себя ее сторонники.

Вместо ясного ответа следует странный пример, который надо принять как урок практики. Митинг КПРФ разоблачает «оранжевых» как ставленников Америки. Заявляется даже, что «коммунисты всегда в бой шли первыми». Казалось бы, они должны были бы пойти в бой именно против ставленников Америки, против «оранжевых». Нет, как сообщает Фролов, они «соединились с участниками “оранжевого митинга” и приняли участие в пикетировании». Да что же это такое? Тут есть признаки глубокого поражения рационального сознания.

Фролов считает, что так реализуется старый принцип РСДРП: “Врозь идти, вместе бить”. Он даже проводит аналогию с Февралем 1917 года – «именно это и породило тогда ситуацию двоевластия Временного правительства и Советов, разрешенную лишь в Октябре». Каковы основания для такой аналогии? Разве в Сербии или на Украине в результате «оранжевой» революции возникло двоевластие «американских ставленников» с Советами? С кем должны коммунисты «врозь идти» и кого «вместе бить»? Фролов утверждает, что «дело в различии социально-классовых интересов и целей тех, кто “врозь идет, но вместе бьет”. И важнейшая сегодня практическая задача коммунистов – разъяснить массам эти различия, завоевать массы на свою сторону, вырвать их из-под влияния оранжевых».

Прежде чем такие вещи объяснять массам или «человеку улицы», надо их объяснить сначала читателям газеты или хотя бы узкому активу КПРФ. Но даже таких объяснений

получить не удастся. А ведь вопрос простой: если власть («путинский клан») будет пытаться устоять против «американских ставленников», то в чем будет социально-классовый интерес российских рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции? В том, чтобы «вместе со ставленниками» покрепче ударить власть? Или «вместе с властью» покрепче ударить «оранжевых»? Тут с помощью демагогии выкрутиться нельзя, надо отвечать.

От ответа на этот вопрос уходит и один из левых идеологов «новой волны» С.Строев³³⁶. Сначала он дает вводную в радикально-классовом стиле: «Начиная с 2000 года, то есть с момента прихода к власти В.В. Путина правящий буржуазно-криминальный режим начал свое стремительное злокачественное перерождение в фашистскую диктатуру, завершившееся в конце 2004 г ... В условиях, когда главной политической угрозой стала прямая фашистская диктатура, началось сближение всех противников фашистского режима из обоих антагонистических лагерей – коммунистического и “демократического”... На наших глазах формируется единый фронт противников фашистской административной вертикали от “комитета 2008” и сторонников Хакамады до анпиловцев и лимоновцев включительно».

Итак, главной политической угрозой С.Строев считает прямую фашистскую диктатуру (перерождение в которую, по его мнению, завершилось в конце 2004 г.). Казалось бы, отсюда и вытекают все остальные выводы – «оранжевая» революция, свергающая «прямую фашистскую диктатуру», должна рассматриваться как благо или во всяком случае как меньшее зло, устраняющее *главную* угрозу. На этом фоне дальнейшие сомнения приводят в недоумение. Вот в чем сомнения: «На первый взгляд такая ситуация [образование единого антифашистского фронта] может вызвать определенный оптимизм. На самом же деле она несет в себе огромные риски и угрозы, как для Компартии, так и для России в целом. Фактически в России начал реализовываться “оранжевый” сценарий, уже обкатанный и отрепетированный на Украине».

Как это понять? Ведь «оранжевый» сценарий, даже если он и несет риски и угрозы, все же представляет угрозу низшего уровня по сравнению с *главной* угрозой. Нельзя же в условиях войны с фашистской диктатурой отовсюду получать одни удовольствия. Да и в чем, по мнению Строева, угроза «оранжевой» революции? В чем «огромный риск для России» победы «оранжевых»?

Строев пишет: «И путинский режим, и либеральная “СПСовско-ходорковская” оппозиция выражают интересы одного и того же слоя – консолидированной олигархии, извлекающей сверхприбыли из распродажи российских недр. Конфронтация между “путинской вертикалью” и “демократической оппозицией”, в сущности, исчерпывается разборкой между двумя криминальными кланами. Социальная и классовая их природа тождественна – консолидированный слой компрадорской буржуазии и высшего чиновничества... Кто бы ни победил в этой борьбе, принципиально вектор политики государства не изменится».

Смысл этого абзаца напрочь отрицает смысл прежнего. Если «оранжевые» побеждают «фашистскую диктатуру» и при этом «принципиально вектор политики государства не изменится», то радоваться надо. Ну, разобрались два криминальных клана, социальная их природа тождественна – зато мы освобождаемся от диктатуры и можем восстановить «демократические институты», которые у нас были до 2004 г. В чем же тут риск? Да здравствует революция!

Строев пытается разрешить это противоречие с помощью риторических вопросов: «Можем и должны ли мы воспользоваться конфликтом двух буржуазных кланов для дестабилизации ситуации в стране и инициирования революционной ситуации? Или даже так: можем ли мы использовать фронт олигархов для подрыва откровенно фашистского режима? Итак, какова же цена предлагаемого нам политического апельсина?

1. Потеря политического лица и морального авторитета... Когда первый секретарь горкома КПРФ оказывается на митинге в одной компании с гражданами, держащими плакаты “Свободу Ходорковскому”, Партия явным образом дискредитируется – и это неизбежная цена участия в “общепротестных мероприятиях”.

2. Идеологическое влияние... В ходе совместных акций происходит взаимное идеологическое и стилистическое влияние. И ключевой вопрос: кто здесь пересилит...

3. Вовлечение в “общедемократический” проект потребует от нас отмежеваться и отказаться от достигнутого нами стратегического союза с “белыми” державниками, русскими

националистами, консервативными и традиционалистскими кругами Православной Церкви. Иными словами, КПРФ окажется вовлечена в разрушение национального единства русского народа...

Не слишком ли велика цена за временный и неустойчивый альянс с заведомо классово и социально враждебной силой?»

Риторикой тут не поможешь. Боязнь, что КПРФ потеряет невинность, побыв «в одной компании с гражданами, держащими плакаты “Свободу Ходорковскому”», ничтожна по сравнению с той картиной битвы богов с титанами («олигархов с фашистами»), которую поначалу нарисовал Строев. Классовый анализ, даже сдобренный гипертрофированными ругательствами, тут обнаруживает полную беспомощность. Какая, к дьяволу, фашистская диктатура? Совсем забыли азы истории – или лавры Швыдкого с его пугалом «русского фашизма» уязвили самолюбие?

В целом, мышление нынешних российских «левых» пока что ограничено довольно жесткими рамками ортодоксального исторического материализма с упором на долговременные (*формационные*) классовые противоречия и действие «объективных законов общественного развития». Например, компартия Украины во время «оранжевой» революции действовала, исходя из марксистской установки о ведущей роли борьбы классов в истории. Они представляли обострение кризиса как столкновение между буржуазией и пролетариатом, а на деле имел место гипертрофированный средствами манипуляции конфликт между малороссийской цивилизацией, ориентированной на Россию, и западно-украинской цивилизацией, ориентированной на Запад.

Особый характер украинско-российских отношений не нашёл отражения ни в программных документах, ни в практической деятельности КПУ. Компартия «выпала» из реального конфликта, связанного с историческим выбором Украины. Это привело к разброду в ее рядах. Часть украинских коммунистов почти открыто работала на Ющенко, доказывая, что между ним и Януковичем нет разницы. 4 ноября Пленум призвал всех сторонников партии во втором туре выборов не голосовать ни за одного из кандидатов.

А. Бузгалин пишет: «Во время декабрьского противостояния социалисты (поддерживаемые в основном украиноязычной интеллигенцией) поддержали Ющенко, мотивируя это необходимостью борьбы за демократию, против олигархо-бюрократической власти. КПУ заняла позицию “чума на оба ваших дома”, а ряд сталинистских групп выступил (с массой оговорок) за Януковича. Небольшое число троцкистских и анархических организаций, а также независимой демократической левой (стоящей левее социал-демократов) интеллигенции проявили себя крайне слабо, как правило, в общем и целом поддерживая демократические лозунги Майдана, но не поддерживая Ющенко»³³⁷. Таким образом, можно считать, что левые марксистские партии в условиях острого общественного противостояния оказались без методологической основы для того, чтобы определить свою позицию.

Более того, самые ортодоксальные марксисты, в общем, весьма благосклонно отнеслись к «оранжевой» революции, видя в ней признак подъема политической активности трудящихся масс. По мнению А. Бузгалина, “Майдан стал не просто массовой общедемократической акцией гражданского неповиновения. Он стал прообразом мирной народно-демократической (антиолигархической) революции, столь необходимой народам Украины”³³⁸. Конечно, любой открытый социальный протест – необходимая школа для воспитания гражданского чувства и обучения гражданским навыкам. Но в данном случае этот протест был инструментом для достижения вполне жесткой и ограниченной цели, не имеющей ничего общего с «мирной народно-демократической (антиолигархической) революцией». Чтобы не увидеть этого, надо было иметь на глазах фильтр, резко искажающий реальность.

Часть левых видит в «оранжевой» революции удобный трамплин для того, чтобы с нее прыгнуть в революцию «красную». Б. Кагарлицкий пишет: «Урок и вызов украинского кризиса для российских левых предельно ясен. Мы стоим перед историческим распутием. Если мы сегодня не возьмем на себя исторической ответственности, то упустим шанс, предоставленный нашему поколению, нашей стране, нашему классу. Предадим свою историю, свою идеологию и своих товарищей в бывших советских республиках. Мы должны принять самое активное участие в борьбе за демократические преобразования. Но не в качестве придатка никчемной и

лживой либеральной оппозиции, а в качестве самостоятельной и независимой силы. Отказ от самостоятельности – даже хуже, чем отказ от борьбы.

Левые выступают за демократию не для того, чтобы обслуживать либералов, а для того, чтобы при поддержке большинства народа отправить либералов на свалку истории. Следовательно, наш выбор – борьба и независимость. Наш принцип – демократия в интересах трудящихся классов. И каким бы трудным ни казался путь, как бы далека ни казалась от нас победа, мы не должны отчаиваться. Мы должны и можем победить»³³⁹.

Симпатии к «оранжевой» революции как активному действию против «олигархов и буржуазного государства» идут рука об руку с неодобрением по отношению к трудящимся, никак не желающим порвать пуповину советских общинных связей. А. Бугалин как ортодоксальный марксист сожалеет о том, что рабочие Украины никак не сбросят с себя цепи советского мировоззрения и не превратятся в «пролетариев, не имеющих Отечества». Он пишет: «Рабочий класс... далеко еще не вырос из полуфеодальных-полукриминальных пут внеэкономического принуждения и патерналистских пережитков, не осознал в полной мере противоречий между своими интересами и интересами хозяев (одна из господствующих до сих пор линий – совместное спасение администрацией и рабочими “нашего” кризисного предприятия, уже давно ставшего совершенно чужим для рабочих). Похоже, что рабочие Украины пока еще не превратились до конца в класс наемных рабочих даже объективно, будучи сращены с местом жительства, “дачами”, пост-советской привязанностью к “своему” заводу и т.п. Отсюда слабость его классового самосознания».

Идейная слабость левых видна уже в том, что они не нашли языка, на котором можно верно описать главные угрозы нашему бытию, порождаемые нынешним кризисом. Марксистские и торжественно-державные понятия, которыми полны программы и выступления левых политиков, скользят мимо, не выражают той беды, которую интуитивно чувствуют люди.

Сейчас положение организованных левых сил резко осложняется. Тот альянс, который в 1991 г. добился ликвидации СССР, начал новую военную операцию в бывших советских республиках. Преследуется много целей, и одна из них – пресечь попытки к восстановлению хозяйственных и культурных связей. На наших глазах проведена замена стоявших у власти группировок в Грузии и на Украине. И это была вовсе не косметическая замена, а разновидность радикального переворота с резким усилением антироссийских установок новой власти. Недаром эти акции получили название «революций». Никакого отношения к классовой борьбе они не имеют, никаких социальных противоречий не разрешают, но ведь и противоречия, и борьба бывают не только классовыми.

Глава 23. Позиция умеренных либералов и лево-центристов

Спектр политических организаций, которые склоняются или уже склонились к тому, чтобы поддержать «оранжевую» революцию в РФ, очень широк. Это не значит, что в решительный момент все они займут определенную активную позицию, но даже нейтрализация какого-то сегмента общества в такие моменты бывает очень важна (так это было на Украине, например, в результате нейтралитета коммунистической партии).

Американский эксперт по России Л. Арон пишет: «На страницах газет и журналов (а зачастую и на телевидении) лидеры общественного мнения как правого, так и левого толка и сегодня безоглядно и яростно критикуют режим. Все крупные издания, большинство политических партий, движений, группировок, и даже многие частные лица имеют собственные вебсайты, а доступом к интернету обладает уже как минимум 15% населения, и число пользователей растет безудержными темпами»³⁴⁰.

Французская «Ле Фигаро» так представляет нашу радикальную либеральную журналистку А. Политковскую в статье «Готовится революция»: «Российская „пустыня“, в которой раздавался ее [Анны Политковской] „глас“, похоже, в одночасье наполнилась оппозиционерами: „В регионах возникают антипутинские движения, где вместе выступают коммунисты, пенсионеры, националисты и либералы“, – говорит Политковская в Париже на презентации своей книги „Путинская Россия“, „живо свидетельствующей о рабском положении

российского народа“. Эта взрывная волна, по ее мнению, вызвана революциями на Украине и в Киргизии: „Наши сказали – как? Разве мы не сможем сделать то, что получилось у наших младших украинских и киргизских братьев?“³⁴¹.

Ю.Громько резюмирует выводы многих политологов, которые анализируют этот процесс: „Итак, развёртывается борьба между двумя процессами за перехват власти у Путина и за сохранение власти у Путина. Ряд потенциально “оранжевых” бесконечно расширяется, включая в эту группу все спектры политических партий и движений”.

Что касается претендентов на роль *организаторов* «оранжевой» революции, то их позиция уже вполне определена – это “Комитет– 2008”, СПС, “Яблоко” и “Открытая Россия”. Московские либералы и консультировались с украинскими “революционерами”, и консультировали их. В Киеве работали члены политсовета СПС Иван Стариков и Борис Немцов.

Группа “яблочников” во главе с лидером молодежного “Яблока” Ильей Яшиным выезжала на Украину и участвовала в акциях на Майдане. “Начинают появляться активисты, маленькие студенческие инициативные группы, которые “в принципе не против”, – рассказывает Яшин, – но пока главным партнером организации “Пора” в России остается молодежное “Яблоко”³⁴². Ассоциация «Поры» и «Яблока» уже воспринимается как нечто само собой разумеющееся. В интервью А.Н.Яковлева «Независимой газете» его спрашивают: «Как вы оцениваете возросшую активность молодежных движений? Таких, как “Пора!”, молодежное “Яблоко”? Заменят ли они в будущем старые либеральные партии?» Он отвечает: «Возможно. Я знаю, например, молодежную организацию “Яблока” – мне многие ребята там нравятся. Это люди с состоявшимися демократическими взглядами, желающие что-то понять»³⁴³. Прав архитектор перестройки, хорошие кадры растут – «желают что-то понять» (это называется «состоявшиеся демократические взгляды»).

М.Чернов («RBC daily») пишет: «Эмпирическое свидетельство того, что „процесс пошел“, – резкий рост активности оппозиционных партий и политиков. На телеэкранах все чаще стали мелькать уже почти канувшие в небытие „политические трупы“ Бориса Немцова и Ирины Хакамады, свои президентские амбиции обозначил и Михаил Касьянов. Совершив неубедительный кульбит с голодовкой-голоданием, неожиданно перешла в декларативную оппозицию считавшаяся „пропутинской“ „Родина“, возрождается Народно-патриотический союз России (НПСР) Семигина. Понятно, что все это не случайно, и вряд ли можно допустить, что вдруг у кого-то из уже набивших оскомину политиков внезапно „проснулась совесть“ и они „перешли на сторону народа“... Активность возросла не только в секторе „официальной“ политики. Открыто, например, действует движение „Пора“, „Молодежное Яблоко“, которые практически работают на повторение украинского сценария в России...»

Суть начавшихся процессов – реструктуризация российского политического поля, создание системы, которая могла бы стать эффективным инструментом для дальнейшей раскачки корабля «государство Россия» до тех пор, пока он не грохнется днищем о скалу... Для начала система будет, скорее всего, приведена к общему знаменателю. Ее контуры вполне проглядываются уже сейчас. Организация на базе «Яблока», Национал-большевистской партии (НБП) и более мелких организаций и группировок станет работать на крайне левом фланге. Это будет небольшой, но реально способный на эффективные действия и готовый к ним блок. Более умеренным крылом, по-видимому, станет декларативно пропутинский НПСР Геннадия Семигина...

По той же схеме «радикалы и умеренные» будет структурирован и правый фланг. Радикалы сплотятся под крайне националистическими, практически фашистскими лозунгами «очищения» России от иммигрантов, гастарбайтеров и евреев. В новое движение войдут куски разваливающейся «Родины» и традиционные националистические движения. Более умеренная правая фракция, которая не будет выдвигать на первый план погромные лозунги, может быть сформирована на базе части «Родины» и даже депутатов из «ЕдРа»... Такая схема может вполне эффективно работать – одна часть будет заниматься парламентской борьбой, а «боевые отряды» выйдут под лозунгами свержения власти на московские и петербургские «майданы». По мнению члена совета Ассоциации политологов и экспертов-консультантов (АСПЭК) Владимира Горюнова, населением востребована только лево-националистическая идеология, и

именно она будет на знаменах российских «майdanов»³⁴⁴.

В обзоре молодежных «антипутинских» движений выделены такие. «Идущие без Путина», созданное студентом из Петербурга М. Обозовым. У этой организации есть московское отделение, которое возглавил Р. Доброхотов. «Идущие без Путина» планируют открыть региональные ячейки в Казани, Екатеринбурге, Нижнем Новгороде и Омске. «Наш план-максимум – смена режима в стране и свободные выборы-2008, „оранжевая революция“ в России», – отмечает Доброхотов. Движение «Пора» возглавляет бывший спецпредставитель Березовского в партии «Либеральная Россия» А. Сидельников. «Пора» поддерживает М. Касьянова как кандидата в президенты. На правом фланге возникла молодежная коалиция «Оборона», в которую вошли представители молодежного «Яблока», СПС, студенческой ассоциации «Я думаю», института «Коллективное действие» и др.³⁴⁵

Вот репортаж о январской демонстрации в Петербурге: «Объединились те, кого доселе считали несоединимыми. Вместе, под ярким многоцветьем флагов, шли молодые люди из „Яблока“ и НБП, анархисты и коммунисты, предприниматели и пенсионеры – в общем, фактически весь народ. Которому, по Конституции, и принадлежит верховная власть... Наш оранжевый десант – группу питерских журналистов, видевших своими глазами торжество революции в братской стране – обычно встречали довольно приветливо. Многие участники марша повязывали себе на руку революционные „стрічки“, а кто-то даже устанавливал символические „майdanовские“ палатки. Здесь оранжевый цвет не ассоциируется персонально с Ющенко – он стал просто символом народного сопротивления и общей победы над зарвавшейся властью. А также – соединения идеалов Свободы и Справедливости – которые в России, увы, зачастую противопоставляются...»

Именно эта инерция проявилась в паре случаев встречи с краснознаменными старушками, которые смотрели на наши солнечные шарфы, как Ленин на мировую буржуазию. Их просто искренне жаль – выступая против ограбившего их Путина, они при этом все же заразились путинской антиоранжевой пропагандой. Жаль, что у нас с собой не было веселых американских валенок! И потому их злобное шипение: «Вы еще завоюете!» приходилось неполиткорректно обламывать: «Да вы уже воете!»

А вот нацболы, напротив, воспринимали оранжевую символику с живым интересом. И мы охотно дарили им стикеры «Мир вам!» Они – молодые, яркие, размахивавшие своими эпатажными флагами – парадоксальным образом, оказались на этом митинге самыми близкими по духу киевскому Майдану. Когда кажущееся всемогущее властью преодолевается волей к победе и свободному историческому творчеству.

Метафизика революции вообще состоит в резком освобождении от «правильных» иллюзий. Поэтому особенно круто звучала на митинге кричалка: «Долой „Единую Россию“!» – ведь кавычки-то не произносятся... Наверное, русская история действительно возобновится лишь тогда, когда рухнет эта лунная пародия на великую империю, с ее ненасытной чиновничьей вертикалью, полицейским террором и медиа-ложью. И новую эпоху вновь начнут те, кто думает не о сроках и границах, а о началах и открытиях...»³⁴⁶.

Если позиция право-либеральных политиков ясна и логична, то намерения лево-центристских и националистических организаций понять пока трудно. Вот, на левом интернет-сайте pravda.info выложена статья о том, что «на этапе революционной борьбы, когда будут решаться общедемократические задачи, российские левые должны консолидироваться со всеми оппозиционными силами, в том числе и с экс-премьером Михаилом Касьяновым». Какова программа Касьянова? Каковы основания для того, чтобы левым заключать с ним не просто союз, но даже «консолидироваться»? Основания смехотворные: «его аппарат состоял из действительно высококлассных профессионалов с преимущественно левыми взглядами... Здесь достаточно упомянуть главного экономического советника Касьянова, знаменитого Михаила Делягина, чтобы составить впечатление о том, какая была бы политика Михаила Михайловича, будь у него свобода рук в кадровых вопросах... Так или иначе, сегодня мы – революционные левые – и сторонники Касьянова имеем общего противника в лице кремлевского режима. Почему бы нам тогда не объединить силы для решения общих задач?»³⁴⁷ Ничего себе логика. Шамиль Басаев тоже имеет «общего противника в лице кремлевского режима» – достаточно ли это основание для консолидации с ним?

Вот самая радикальная из этих организаций – *национал-большевики*. Очевидно, что сама доктрина «оранжевых» революций не вяжется ни с одним словом этого их самоназвания. Если они примут в ней активное участие на стороне «Сороса и Вулси», то это будет означать, что мы имеем дело с подставной организацией «зубатовского» толка.

Между тем национал–большевики были в восторге от «оранжевой» революции на Украине. В заявлении НБП говорилось: “Мы приветствуем неожиданный, но исключительно взрывчатый союз украинских демократов и либералов с националистами. Так держать, товарищи! Против мрачных мертвецов Кучмы и Януковича. Мы приветствуем под оранжевым знаменем начавшуюся украинскую революцию живых против мертвых. НБП следит за вами с напряженным вниманием. Ваш пример вдохновляет нас. Если получится у вас, получится и у нас. А если у вас не получится, то получится у нас”.

Рейтинг нацболов «накачивает» и сама власть. Е.Холмогоров пишет: «В том, что со стороны значительной части политической элиты идет игра на сознательное разложение государства, не остается сомнений, если обратить внимание, допустим, на целенаправленную раскрутку “национал-большевиков” Эдуарда Лимонова из положения полумаргинальной партии на роль действительного силового центра новой оппозиции. Лимонов бросает своих мальчишек на штурм кабинетов непопулярных (да что уж там, действительно ненавидимых) социальных министров. За эти штурмы суд назначает им явно несоразмерные и жестокие срока наказания, в то время как “вождь” остается безнаказанным и регулярно получает эфир на телеканалах, на которых давно уже и муха не пролетит без дозволения сверху. А тем временем пострадавшие от рук лимоновцев социальные министры продолжают делать заявления, за которые заслуживают куда более серьезного наказания, чем погром кабинета»³⁴⁸.

Сейчас нацболов нахваливают те, кто, казалось бы, должен был быть их заклятыми врагами. «Никого значительнее нацболов сейчас я не вижу, хотя во многом и не разделяю их идеологии. Но сегодня они являются наиболее опасной, а следовательно, с моей точки зрения, полезной в противостоянии существующему режиму силой», – заявил Б. Березовский³⁴⁹.

Неясной остается позиция сравнительно новой лево-патриотической организации «Родина», хотя некоторые аналитики (Ю. Крупнов) считают, что именно это движение станет лидером «оранжевой» революции. Крупнов отмечает, что Д. Рогозин 27 декабря стоял в оранжевом на Майдане Незалежности в Киеве рядом с Ющенко, потом выступил на оппозиционном «Пятом канале» и поддержал «оранжевую» революцию. Выступая на «Эхе Москвы», он заявил, что залог победы лидера «оранжевых» был в том, что «он построил свою кампанию как кампанию антикоррупционную, антиолигархическую». Затем Рогозин продолжил в том же духе уже по поводу России: «Мы сегодня ощущаем, что коррумпированность российской власти превращает эту власть в посмешище... Не будет у нас разумной, сильной, последовательной внешней политики до тех пор, пока мы в самой России будем терпеть власть, которая демонстрирует серость, безынициативность, неграмотность, непрофессионализм и отсутствие просто желания управлять государством»³⁵⁰.

Радикально «оранжевую» позицию занимает видный представитель «Родины» М.Делягин. Он дает убийственный прогноз: «Трясти страну начнет уже осенью». Его спрашивает корреспондент, почему «некоторые крупные предприниматели и экономисты, в частности, Евгений Ясин, сейчас заговорили об угрозе экономического кризиса... Причем...с плохо скрываемой радостью и надеждой на смену власти». Делягин отвечает: «Их радость и даже злорадство понятны: ведь кризис сметет власть силовой олигархии и, вероятно, приведет к уходу президента. Хотя и не в этом году, а, скорее, в 2006-м или 2007-м, но сейчас не вызывает сомнений, что никаких президентских выборов в 2008 году не будет».

Причины кризиса он видит так: «Главная причина в том, что государство объявило войну на уничтожение собственному народу. И здесь уже поздно перекладывать вину на министров или губернаторов: дело сделано, „монетизацией льгот“ России объявлена война на уничтожение... Второй фактор приближающегося кризиса – агрессия государства против бизнеса... Отношения между властью и бизнесом, которые в ельцинские времена можно было охарактеризовать как коррупционные, сейчас являются отношениями грубого силового рэкета, причем хаотического. Коррупция и взяточничество переросли в прямой грабеж...»

Протестный потенциал регионов силен. Региональным элитам вряд ли удастся

организовать серьезное сопротивление, но они могут устраивать «гадости» – каждая в своем отдельно взятом регионе. Потому что ведь государственная власть объявила войну не только населению и бизнесу, но и региональным элитам тоже, отнимая у них политическое влияние и ничего не давая взамен».

Но дело не в прогнозе, а в том, что «лекарство» от кризиса Делягин видит именно в «оранжевой» революции. В ее избавительную силу верит и С. Глазьев. При этом ни Делягин, ни Глазьев никогда не излагали свое видение целей и движущих сил «оранжевых» революций в Грузии и на Украине. А ведь очевидно, что и цели, и движущие силы просто несовместимы с тем патриотическим направлением, которому привержены эти политики (как они сами заявляют). Возможно, здесь кроется какая-то интрига, смысл которой станет ясен только тогда, когда «оранжевая» революция действительно вспыхнет в РФ.

Неопределенной является трактовка «оранжевой» революции и у «евразийца» А.Дугина. Это примечательный факт – много заметных политиков избегают вслух признавать то, что давно стало общеизвестным. А.Дугин выступил с манифестом, в котором ухитрился как бы взлететь над схваткой. Он пишет: «В политической жизни России стала явно обозначаться картина нового расклада сил и новой модели противостояния. Это Россия-1: Россия Путина... – и Россия-2: “Россия оранжевая”... Между ними нет оформленных противоречий... Пока их траектории ещё переплетены друг с другом, но всё же начинают постепенно расходиться. И где-то впереди – в прогнозируемом будущем, в критической точке 2008 года – они прочерчиваются как две по-настоящему противоположные позиции, между которыми баррикады».

Как это «нет оформленных противоречий», если Россия-2 и возникла, чтобы *свергнуть* Путина? В чем же тут «новая модель противостояния»? И зачем вообще понадобилась эта Россия-2?

Дугин продолжает: «Что такое Россия-2? Ничего особенно нового: просто отлежавшаяся на бермудских пляжах и накатавшаяся на лыжне Куршевеля старая ельцинская Россия. Элиты уходят к оранжевым от России-1 почти по графику: пересидев под крылом Путина узкий момент политической истории и утихомирив массы, они ясно осознают, что можно всё начинать сначала – силы восстановились и аппетиты выросли... Чего хотят строители России-2? Пока конкретного плана, судя по всему, нет. В отличие от Украины, где задача была поставить прозападного политика вместо пророссийского, в самой России эта альтернатива не проходит. Россия – страна, населённая патриотическими массами. Поэтому прозападная элита – которая и так есть и правит – не может открыто заявлять о своих приоритетах, её массы опрокинут. Этого не могут не понимать заокеанские заказчики всего процесса...».

Это странные рассуждения. Прозападная элита в РФ за милую душу открыто заявляет о своих приоритетах, и патриотические массы ее не опрокидывают. И откуда видно, что украинские массы непатриотичны? В том-то и суть раскола, в том-то и ситуация выбора, что трудно людям определить, в чем сегодня заключается патриотизм. А если между «Россиями» 1 и 2 нет принципиальной разницы, то тем более легко одного правителя заменить на другого – почему «в России это не проходит»?

Дальше идет поэтическая фантазия на тему какой-то новой России, не 1 и не 2: «Кто мог бы делать, защищать, любить, строить, творить эту Третью Россию, третью имперскую фигуру? Честно сказать, не знаю... Ума не приложу... Я не вижу во внешнем мире подтверждений её существования, не различаю её завязей, не замечаю русских лиц, осенённых её светом... Я вижу лишь ошарашенные автоматы, будто чья-то тёмная воля наложила на всех нас проклятие. Что бы ни делали сегодня наши люди, они будто брыкаются во сне, бредят, раскидывают руки, комкают простыни... Обрывки фраз, куски слов, мы перестали понимать, о чём говорим, то, что звучит вокруг, похоже скорее на лай, шипение, лязг... Но я ни на мгновение не сомневаюсь, что всё будет хорошо, и в миг самого чёрного события нашей истории великий огонь придёт нам на помощь. Жар России-3, её благословенные крылья, её железная поступь, её гулкий зов, её бесконечные воды...».

Россия-3 – баррикады острых лучей, армия невылупившихся волшебных зародышей, безумное напряжение пробивающейся из последних бездн бесконечной энергии, момент настоящей вертикальной любви, океан власти... Последнее прикосновение к стремительно

остывающему миру трансцендентного перста. Мы ставим там знамя всеобщего сбора. Подаём прощальный сигнал. Мы вскроем ваше чрево, и оно раскроется с иудиным позором, и ваша пустота вывалится наружу, и нас никто более не обманет. Вы ещё не видели этого. Вот это праздник, скажу я вам! Идти в Россию-3, когда – по-мармеладовски – “идти больше некуда”. Это значит – Домой».

Из этого можно сделать только один вывод: нас действительно ждет нечто серьезное, так что проникательные люди боятся даже высказаться мало-мальски связно.

Наконец, в списке организаций, призванных сыграть существенную роль в спектакле «оранжевой» революции, называется коалиция «Патриоты России» под руководством Г.Семигина. Она двигается навстречу революции (не говоря о ней ни слова), крупными шагами.

10 марта 2005 г. в Доме союзов прошла презентация “Народного правительства” (премьер Г.Семигин). Было сказано: “В России появилось первое Народное правительство”. Этим подчеркивается его отличие от “теневых” правительств оппозиционных партий и коалиций (какие существовали при КПРФ и НПСР). *Народное* – не есть *партийное*.

О порядке формирования, принадлежности и подчиненности было сказано очень смутно: “Наше правительство является независимым органом российской оппозиции”. В документах сказано также: “Правительство создано по инициативе политической коалиции “Патриоты России”, **но не является ни его, ни чьим-либо органом. Оно независимо**”. Ничего себе, сказать такое об *организации*.

О целях этого нечто сказано: “Главная задача народного кабинета – в реализации конкретных социально-экономических проектов в различных отраслях экономики и регионах страны. Народное правительство будет реализовывать не только социальные и экономические проекты, но и оказывать поддержку внедрению научных разработок, а также осуществлять проекты в сферах искусства и культуры”.

Тут оппозицией и не пахнет, Народное правительство претендует на то, чтобы совместить в себе функции государства и бизнеса, в условиях РФ оно берется **реализовать конкретные проекты** во всех сферах жизни страны, включая науку, искусство и культуру. Сказано также: “Народное правительство – и в этом его уникальность – будет работать без властных полномочий”. “Мы хотим впервые показать, что, не имея их, в России можно делать реальные дела для людей” – отмечает Г. Семигин.

Вся эта акция – признак глубокого кризиса. С одной стороны, это примитивная зубатовщина – создание властью подставных “оппозиционных структур”. Но с другой стороны, администрация президента закладывает опасную мину под стабильность государства, допуская существование организации, которая объявляет себя параллельным **народным правительством**. Это – совсем не то же самое, что “теневое” виртуальное правительство оппозиции, все полномочия которого сводятся к критике действующего правительства путем предложения альтернативных программ.

В руководстве Дж. Шарпа по проведению «бархатных» революций сказано: «Даже когда режим еще занимает позиции в правительстве, иногда появляется возможность создать демократическое “параллельное правительство”. В таком случае диктатура во все возрастающей степени теряла бы характеристики правительства. В конце концов параллельное демократическое правительство может полностью заменить диктаторский режим в качестве элемента перехода к демократической системе. Затем в должном порядке будет принята конституция и проведены выборы».

В условиях интенсивной подготовки к вероятной “оранжевой революции” в РФ создание пусть фантомного, но легального параллельного правительства выглядит как провокация.

Глава 24. Угроза «оранжевой» революции в РФ и состояние политической системы

Мы можем принять как факт, что угроза «оранжевой» революции для РФ признается вполне реальной и обществом, и властью. Основания для этого в виде «сигналов» с Запада, где

и находятся центры разработки и дизайна современных «бархатных» революций, приведены в гл. 17. «Своих» сигналов тоже вполне достаточно.

Сама нынешний премьер–министр Украины Ю. Тимошенко заявляла, что опыт “оранжевой революции” следует перенести и на Россию: “У вас тоже есть что делать”. Другой «революционер» с Украины, Николай Томенко, открывая митинг на майдане Незалежности, заявил: “Сегодня президенты постсоветских стран с ужасом говорят о нашей “оранжевой” революции. Поэтому мы должны помочь братским народам провести такие же демократические революции в России, Беларуси, Туркмении, Таджикистане, Узбекистане”.

На элитарных тусовках в РФ поговаривают, что “пора Касьянова травить диоксином и делать из него Ющенко”. Политологи из числа «статусных» пишут такие вещи: “Недовольство режимом Путина в российском обществе нисколько не уступает недовольству режимом Кучмы в Киеве. Ментальный прессинг государственных СМИ на тему о “всесхватченности” и “рейтинге в 103%” не дает пока что этому недовольству проявиться публично, но оно уже вполне достаточно для того, чтобы его можно было превратить в нечто типа киевской майданной оперы, предоставив ему отдушину для проявления. В силу этого группа Ч и их атлантические друзья вряд ли станут ждать 2008 года для повторения этой истории в Москве. Найдут что-нибудь повеселее фальсификации очередных выборов”³⁵¹.

Даже кремлевский советник Г.Павловский, потерпев фиаско в Киеве, пессимистически смотрит на оборону Москвы. Э.Михневский пишет об этих настроениях окол властных интеллектуалов: “Маститый стратег [Глеб Павловский] не только намекает, но и говорит прямо: “Человек, который способен раскрутить пару рок-групп, способен раскрутить и революционного вождя средней вредности. Можно ли применить эту технологию к России? Конечно, и это будет делаться. “Разрушить Россию” могут и местные специалисты”. И далее: “наша политическая система не готова к новым революционным технологиям эпохи глобализации. Сочетание внутреннего ослабления и внешнего давления может привести к тому, что мы сорвёмся в новую революцию”³⁵².

Итак, по словам Павловского, есть риск сорваться в новую революцию. Как он этот риск оценивает и как будет действовать власть, вот вопрос. В интервью 8 апреля 2005 г. он уточнил: «Объективно система работает на изоляцию Путина. Если она не войдет в режим идеологического и партийного обновления заранее, то к 2007–2008 году она способна подвести общество к популистскому коллапсу, который, увы, придется подавлять»³⁵³.

Итак, по мнению советника администрации президента, созданная Кремлем система толкает к революции («работает на изоляцию Путина»), и если она за год принципиально не обновится, причем даже *идеологически*, то подведет общество к коллапсу. Видимо, имеется в виду эта самая революция. Как же власть будет ее преодолевать? *Подавлять!* Как сказал Павловский, *увы*. В принципе, советник после такого признания должен пойти и повеситься. Довести до революции при таких ценах на нефть и при избытке денег у государства – это надо уметь.

Как же видит Павловский разумный способ избежать революции? Ведь в этом сейчас, казалось бы, главная работа интеллектуальной бригады Кремля. Его и спрашивает корреспондент «Независимой газеты»: «Так что же делать?» Ответ поражает своим убожеством (если только это не притворство): «Оптимальный вариант – умеренно прогрессистский. Это достройка в реальную партию, укрепление и усиление самой „Единой России“. Что предполагает прежде всего обновление ее способности работать на региональных выборах. Достроить систему подготовки политических кадров для партии. Создание периферии молодежных организаций, которых тоже пока фактически нет. Создание мозговых центров – то есть центров выработки партийной политики. Этого нет начисто».

Что-то неладно у нас наверху с рациональностью. Кто спрашивает Павловского про «оптимальный вариант»? Когда дело идет о катастрофе, и речи нет об оптимуме – надо определить необходимые и достаточные средства для того, чтобы предотвратить катастрофу. А тут – прогресс, региональные выборы, подготовка политических кадров, создание каких-то мозговых центров... К чему обо всем этом говорить, если «этого нет начисто»? Вас, г-н Павловский, как раз и создали как «мозговой центр» – и что вы насоветовали? Какая «достройка», какое усиление «Единой России»? На какой основе?

Сами эти рассуждения – свидетельство полного банкротства, полной беспомощности всей политической конструкции В.В.Путина. Вот чем угрожает Павловский «оранжевым» революционерам: «Надо честно и вслух сказать, что заигрывание с идеей дубль-перестройки, дубль-революции означает не что иное, как желание положить конец свободе. В стране, заплатившей 30 миллионами жизней за суверенитет, свобода невозможна без суверенитета. Требование переворота означает намерение лишить граждан России суверенных прав на жизнь, которой они живут. Зимние дворцы и белые дома ни штурмовать, ни блокировать нельзя. Для чего у властей должны быть особые законные средства. Всем ясно, что некоторые из видов массовых действий, разрушительные для страны и опасные для ее соседей, получают силовой отпор. Это норма любого политического класса – что в Англии, что в России».

Получат силовой отпор ! Как в Англии! Мы не в Чикаго, моя дорогая... Мы даже не в России, а конкретно в РФ – России сокращенной, обобранной и с ограниченным суверенитетом. Какие такие «особые законные средства» имеет сейчас власть – особый законный вопрос. И такую нелепицу вещает наш «мозговой центр» (если, конечно, это не провокация).

Что же мы видим за окном, какую «периферию молодежных организаций»? Как только молодежь примкнула к протестам по поводу монетизации льгот, она сразу привнесла с собой «оранжевый» оттенок (по крайней мере в столицах). Пресса пишет о январских демонстрациях в Петербурге: «Центр города на Неве окрасился в цвет украинской революции. Протестующие против замены льгот денежными компенсациями установили на трамвайных путях на пересечении Садовой улицы и Невского проспекта (возле Гостиного двора) пять детских палаток оранжевого цвета. Как символ прихода в Питер „оранжевой революции“. Движение по обеим магистралям вновь полностью заблокировано. „Палатки будут стоять, пока нам не вернут льготы“, – заявляют протестующие...

Волнения в Северной столице стали обретать политическую окраску. В воскресенье в толпе появились красные флаги, в понедельник, как уже говорилось, к ним прибавился и оранжевый цвет. При этом контингент протестующих значительно помолодел. Пенсионеры теперь здорово «разбавлены» нацболами, лозунги становятся все агрессивнее. К примеру, в воскресенье толпа дружно скандировала: «Путина – на нары!», «Зурабова – в больницу!», «Долой Матвиенко!», «Путин, уходи сам!». У некоторых митингующих в руках появились пустые кастрюли и колотушки»³⁵⁴.

Многие видят признак надвигающейся революции в действиях самой власти, как будто решившейся на самоубийство. Вот типичный для первых дней «революции льгот» комментарий пользователя «Живого журнала» (Livejournal.com) от 17.01.2005: «...Либеральный чекизм по государственной глупости бьет все рекорды. В казне денег девать некуда, так ты дай пенсионерам *чуть больше*, дай компенсацию на проезд хотя бы 500 рублей, и пенсионер возблагодарит Власть за заботу. Инфляция? Ерундовая, а с учетом стимуляции внутреннего спроса и соответственной стимуляции экономического роста – одна лишь польза для экономики. Так нет же, Они Там решили цинично обобрать пенсионеров – выморить неэффективных русских старушек. А ведь старики были самой верной опорой путинского режима, буквально молились на Володечку-заступника, и он им устроил веселый Новый год. Накануне 2005 года я не думал, что власть решит ускорить революционные процессы и дискредитировать свою последнюю опору в стране – веру народа в Путина-заступника. Теперь в перспективах «бархатной революции» 2008 года не может быть никаких сомнений».

При этом монетизация льгот показала лишь кончик той дубины, которую представляет для населения вошедший в действие «закон 122». Теперь от самой власти зависит, с какой интенсивностью она будет злить основную массу граждан – применяя или не применяя, по своему усмотрению, те или иные положения этого закона.

Р.Вахитов пишет об этом: «22 августа 2004 года Президентом РФ был подписан Федеральный закон №122-ФЗ. Законом была определена дата вступления в силу его основных положений – 01.01.2005. Этот закон вносит изменения в 152 федеральных закона и полностью или частично отменяет 112 законов и иных нормативных правовых актов. Большая часть из них вообще не имеет отношения к натуральным льготам.

Этим законом отменен закон “О социальном развитии села”, где установлена 25-процентная надбавка для сельской интеллигенции, а это вовсе не натуральная льгота.

Отменено постановление Верховного Совета, регулирующее уровень родительской платы в детских дошкольных учреждениях. Сейчас уже во многих регионах жалуются на то, что в результате этого (хотя и не только этого) резко пошла вверх плата за содержание детей в детских дошкольных учреждениях. Отменен закон о компенсационных выплатах на питание для малообеспеченных детей в школах, техникумах и ПТУ. Это отнюдь не натуральная льгота, это денежная компенсация. Этим же законом отменен закон о моратории на приватизацию образовательных учреждений. При чем здесь натуральные льготы или монетизация? Этим законом внесены изменения в закон “О социальной защите инвалидов”, которые не имеют никакого отношения к монетизации, никакого отношения к распределению полномочий между субъектами власти. По новому закону поддержка инвалидов по группам инвалидности заменена поддержкой по степеням утраты трудоспособности, чего определить вообще никто не может. Насенен также существенный материальный ущерб работникам милиции.

Ликвидирована также норма, запрещающая сокращать бюджетные учебные места, сокращены налоговые льготы, что приведет к повышению платы за обучение на внебюджетной основе в государственных и негосударственных вузах.

Своеобразный “подарок” от власть имущих получили родители, имеющие малолетних детей. В начале января, аккурат после путинской праздничной десятидневки, те из них, кто явился со своими чадами в детские поликлиники, услышали, что... бесплатная медицина, как пережиток проклятого тоталитарного прошлого, отменена. Это значит, что пока родители не получают медполис на ребенка, то врач его принимать не будет. Более того, даже если у ребенка температура, то по новым законам вызывать врача из поликлиники можно только при наличии полиса».355

Предвидя последствия реализации доктрины социальной реформы в целом, Ю.М.Лужков и заявил, что дальнейшее продолжение правительством этой реформы чревато «не только потрясениями Государства Российского, но и утратой *российской государственности*».

Очевидно, что угроза назрела, и общество напряглось в ожидании связного объяснения ситуации и намерений власти в отношении этой угрозы. Предполагалось, что эта проблема будет если не главной, то одной из главных в Обращении президента к Федеральному собранию 2005 года. В Москве даже прошли совещания и «круглые столы», на которых обсуждались возможные варианты трактовки этой проблемы в Послании.

Что требуется от такого послания на подходе к новому перекрестку, к моменту нового исторического выбора, где возможен срыв? Ведь в этот момент повторять послания того же типа, что и предыдущие пять лет абсолютно неприемлемо. В этот момент от послания требуется рефлексия над тем, что происходило пять лет до этого. Было пять посланий, все они вызывали серьезную критику, были сделаны замечания по их фундаментальным положениям. Сейчас надо дать ответ, что было верно, а что было кардинально ошибочно в том проекте, которому следовали все пять лет.

Требуется сказать, как выполнялись три главных функции, обязательные для любой государственной власти. Все пять лет в посланиях имел место уход от *целесолагания*. Куда мы идем? РФ жила без проекта в ожидании, что наконец-то он будет обнародован, и в этот раз уходить от этого нельзя. Вторая функция – это определение поля возможного, тех ограничений, которые мы не можем преодолеть. Ведь первая обязанность власти – обеспечить выживание страны и народа. В обществе разлито ощущение, что власть этого не обеспечивает. Четырнадцать лет мы болтаемся в условиях кризиса легитимности нашей государственности, но нынешнего перекрестка она может не пережить. Критический момент, который сейчас наступает, эту слабую легитимность отметет сходу. Третья фундаментальная функция, от которой тоже президент уходил в своих посланиях – это изложение критериев деятельности власти. Что хорошо, что плохо? Во всех посланиях ставились задачи и не говорилось – а что хорошего в том решении, которые принимает власть? Зачем, например, РФ вступать в ВТО? Ведь нашу больную, почти на грани издыхания, экономику, это убьет. Ну пусть хоть скажет – зачем. Что вы хотите сделать с Россией в результате этой операции? Зачем надо ликвидировать российскую систему высшего образования, которая складывалась триста лет?

Наконец, в послании должно быть сказано, как власть видит угрозы, перед которыми оказалась РФ. Люди чувствуют, что над нами навис целый ряд совершенно новых, неосвоенных

в исторической памяти угроз. Власть должна выложить «карту угроз» и сказать, какими силами мы располагаем, чтобы эти угрозы отвести. Речь, в частности, идет и об угрозе «оранжевой» революции.

Как известно, В.В.Путин нисколько не изменил тип своего Послания и не коснулся угрозы «оранжевой» революции ни словом, ни намеком. Таким образом, власть решила игнорировать очевидное. Начиная с 2000 г. по новой («постграмшианской») теории революции и по схеме, предположительно предложенной Соросом, было проведено свержение поздних советских (почти *антисоветских*) или квази-советских режимов в Сербии и ряде бывших республик СССР. Часть «освобожденной» территории невнятно обещают принять в ЕС, другая часть реально превращается в безгосударственное контролируемое Западом периферийное пространство. Эта программа пока не выполняется в «авторитарных» республиках с сильным влиянием культуры ислама, а в европейской части произошел сбой в Белоруссии из-за успешного контрнаступления национального государства, быстро построившего систему защиты.

В настоящее время осталось лишь одно крупное постсоветское европейское государство, не вполне интегрированное в контролируемую периферию Запада – Российская Федерация. Инфраструктура для какой-то разновидности «оранжевой» революции здесь быстро создается, хотя ее технологическое оформление, видимо, будет иным, чем в Грузии и на Украине.

То, что администрация президента РФ, единственная минимально дееспособная властная структура, делает вид, что не замечает этих процессов, является тревожным признаком. А.Чадаев пишет: «Нет ничего более опасного, чем обманываться заклинаниями вроде “Россия не Украина” – точно так же за полгода до оранжевой революции в Киеве все, кому не лень, говорили, что “Украина не Грузия”. Гораздо прагматичнее будет ошибиться в обратную сторону: признав возможность революции, тем самым уничтожить её неизбежность”356.

Р.Шайхутдинов отмечает опять же очевидный факт: «Власть ни на Украине, ни в России не действует как современная власть, способная конкурировать на мировой арене с созданными за последние годы технологиями власти... Оппозиция на Украине выигрывает – это четверть беды; однотипные оппозиции выигрывают раз за разом в зоне исторического влияния России – это полбеды; но настоящий кризис, подлинная беда в том, что никто не видит, за счёт чего это делается... Украина – лишь один из плацдармов проводимой стратегии на распространение новой империи. И ни одно государство постсоветского пространства не может ничего противопоставить этому распространению”357.

Важным фактором, объясняющим неразумное поведение власти, является присущий ей аномальный тип сознания, в котором соединились обрывки советского исторического материализма с его уверенностью в стабильности политической системы, если «нет признаков революционной ситуации», с деформированными за последние двадцать лет нормами рационального мышления, подавившими интуицию и здравый смысл. Политолог В. Гуцин пишет: «У государственных руководителей, вышедших из советской партийно-аппаратной среды, инстинкт самосохранения давно атрофировался. Им до самой последней минуты казалось, что их властные политические позиции непоколебимы, а все желаемое, собственно, и есть действительность, от которой они танцевали. Эту генетическую особенность очень точно подметил один из телекомментаторов: „События в Грузии, на Украине и в Киргизии наглядно продемонстрировали, что распад Советского Союза происходит как бы во второй раз. Теперь психологический. Трудно поверить, что этот процесс минует Россию“358.

То, что пытается противопоставить импорту «оранжевой» революции нынешняя власть, говорит о полной неадекватности господствующих во властной верхушке представлений о природе этой революции. Иным объяснением было бы признание верным предположения о намерении власти совершить «самоубийство».

Первое объяснение кажется более правдоподобным, потому что «бригада чекистов» и их политехнологов по своему типу мышления является типичным постсоветским образованием. Это мышление – продукт советской «номенклатурно-диссидентской» интеллектуальной традиции. Номенклатура, преданная советскому строю, не поняла природы ведущейся против него информационно-психологической войны и строила его оборону исключительно с помощью танков и ракет.

Уже говорилось, что как “технология” перестройки была использована теория революции Антонио Грамши. Казалось бы, сведения о принятии ее на вооружение антисоветизмом должны были быть восприняты с полной серьезностью. А посмотрите, как пишет об этом историк, специалист по ЦРУ проф. Н. Н. Яковлев: “Для ЦРУ Поремский [деятель антисоветской эмигрантской организации Народно-трудовой союз – НТС] сочинил “молекулярную” теорию революции. НТС вручил ЦРУ наскоро перелицованное старье – “молекулярную доктрину”, с которой Поремский носился еще на рубеже сороковых и пятидесятых годов. Под крылом ЦРУ Поремский раздул ее значение до явного абсурда... Этот вздор, адресованный Западу, конечно, поднимается на смех руководителями НТС, которые в своем кругу язвят: “у нас завелась одна революционная молекула, да и то пьяная”³⁵⁹.

Н. Н. Яковлев приводит доклад об этой доктрине, сделанный в НТС в 1972 г. и точно отражающий ее суть, – и издевается над ним. Какая, мол, чушь! Издевается в 1985 г., когда “молекулярная агрессия” продолжалась уже десять лет.

Диссидентская часть, составляющая интеллектуальный костяк постсоветской власти, также не поняла природы этой войны, хотя и приняла в ней активное участие на стороне противника СССР. Это видно по тому замешательству, в которое пришли искренние диссиденты (и западники, и патриоты) при виде того, к каким результатам для России привела их деятельность. Большая идеологическая кампания по празднованию 60-летия Победы поражает своим «расщеплением». Власть явно стремилась консолидировать общество, обращаясь к его патриотическим архетипам, а телевидение и пресса под прикрытием «ура-патриотической» ширмы вели подрыв символа Отечественной войны как главного актуального устоя национального сознания.

В результате положение таково. Те силы, которые явно объявили о своей поддержке «оранжевой» революции, власть квалифицировала как «пятую колонну», которую будет преследовать (разумеется, в рамках демократических правовых норм). Даже на Западе это воспринято как странная тупость. Л.Арон пишет с удивлением, как будто подозревая подвох: «В интервью, которое большинство наблюдателей восприняли как установочное заявление о политике Кремля, заместитель главы президентской администрации Владислав Сурков заявил, что чеченские террористы „работают на политические технологии“ неназванных врагов России, которые, по его утверждению, уже двести лет пытаются „взорвать южные границы“ страны. Далее Сурков отметил, что любые предложения, альтернативные нынешнему подходу Кремля „попахивают изменой“, а их сторонников заклеил как „пятую колонну“³⁶⁰.

Речь идет об интервью В.Суркова «Комсомольской правде» (29 сент. 2004 г.). Там он сказал: «Фактически в осажденной стране возникла пятая колонна левых и правых радикалов. Лимоны и некоторые яблоки растут теперь на одной ветке. У фальшивых либералов и настоящих нацистов все больше общего. Общие спонсоры зарубежного происхождения. Общая ненависть. К путинской, как они говорят, России. А на самом деле к России как таковой»³⁶¹.

Таким образом, администрация президента собирается останавливать «оранжевую» революцию методами *контрреволюции* – путем подавления мелких очагов подрывной деятельности, как хозяйка на кухне бегающая за тараканами с тапком в руке. Это путь, ведущий к провалу даже в случае революции «марксистско-ленинского» типа. Просто не верится, что все это говорится всерьез, а не является частью еще более сложного спектакля, чем сама «оранжевая» революция. Г.Павловский дошел даже до того, что пригрозил нашим «оранжевым» самым примитивным *силовым отпором*. Это уже не театр, а цирк.

Примером лобового и заранее обреченного на провал ответа «оранжевым» может служить создание в рамках пропутинского молодежного движения «Идущие вместе» другой, более массовой организации – «Наши». Это что-то вроде молодежного либерально-демократического варианта Союза русского народа, который пытался защитить российскую монархию от революции.

Эта идея поддерживается и некоторыми политологами. Так, в «Русском журнале» Я. Греков пишет: «Было бы глупо предполагать, что, будучи осведомленной о существовании технологии „революции“-переворота, современная российская, избранная демократическим путем, власть не стала бы превентивно противостоять попыткам создания всевозможных ПОР и ОТПОРОВ... Именно поэтому действующая власть имеет полное право на создание

полувоенных контрреволюционных молодежных политических движений, ибо как „оранжевая революция“ является политической технологией, так и контрреволюционное движение является контрполиттехнологией»³⁶².

Да, «власть имеет полное право», да не о праве речь, а об адекватности. Попытка действовать против революции «симметричными» методами заведомо означает поражение, об этом говорит весь исторический опыт. Грекову возражает А. Чадаев конкретно по поводу «контрреволюционных молодежных политических движений»: «Один из самых любопытных сюжетов, общих для Киева и Бишкека – это провал попыток мобилизации провластного низового актива, „федаинов“ и „партизан порядка“. Оказалось, что эти „добровольцы режима“ работают скорее в минус, нагнетая градус нестабильности и увеличивая критическую массу „революционной ситуации“ – но при этом категорически не в состоянии противостоять оппозиционерам, организованным „снизу“ и выступающим не за власть, а за себя... И, значит, не надо никаких федаинов»³⁶³.

Ю.Громько отвечает с более общих позиций: «Обратим внимание, что “не давать захватить власть” более слабая позиция [чем у революционеров]. Поэтому “стражи существующей власти” либо проигрывают, либо сами превращаются в политических рейдеров и захватывают власть... В поле взаимодействия партий, готовящихся к выборам, различить оранжевых и неоранжевых невозможно. Они выявляются только из метаполитической позиции, исходя из которой могут быть различены три принципиально разных случая: 1) отсутствие проекта национального масштаба; 2) наличие в качестве основания действия нероссийского проекта и, наконец, почти невероятный случай 3) наличие проекта, заданного с позиции России”.

Вот в чем проблемы нынешней РФ – «различить оранжевых и неоранжевых невозможно». Только выработка «проекта национального масштаба» позволяет преодолеть «оранжевую» слабость государства.

Ввиду отсутствия такого проекта Ю.Громько пишет, уже меланхолично: «Нам представляется, что попытка укрепить власть Путина подобным путём [контрреволюции], приведёт к её окончательному слому и очень тяжёлым последствиям. Дело в том, что огромной массе населения невозможно самоопределяться в рамках “защитников” власти Путина. Проект национального масштаба и сценарий реализации подобного проекта отсутствует.

В этих условиях переключить население на критику коррупции властных структур, произвола бюрократии в обществе, ухудшения социального положения, ограничений свободы слова очень легко. И передовые “чёрные сотни” “контрреволюционной” молодёжи здесь не помогут... *Попытка построить неаутентичное самоопределение завершится не борьбой с революцией, а окончательным развалом России и кровавым мятежом”.*

Е.Холмогоров указывает на этот классический прием превращения тупой контрреволюции в инструмент свержения власти: «При этом и сама “революция”, и страхи, с ней связанные, тоже без всякого труда могут быть вписаны в общий деструктивный план. Ведь неумная и неверная “самозащита” власти от революционных взрывов не меньше способствует их возникновению, чем беспомощная капитуляция. Вполне законный и понятный народный протест против “социального террора” вполне может быть объявлен “провокацией иноземных сил”, от начала и до конца “проплаченный иноземными спецслужбами”. На этом основании вполне могут быть предприняты попытки его игнорировать, подавлять его силовыми методами и списывать любой протест против чиновнических безобразий по иностранному ведомству. Подобное отношение к социальному протесту – самая надежная гарантия, что он будет доведен до крайних форм, а порядочному человеку будет очень сложно выбрать верную сторону в конфликте»³⁶⁴.

Если говорить об РФ, то культурные ресурсы и власти, и ее политической базы, и оппозиции неадекватны философскому, культурному и технологическому арсеналу “оранжевых революций”. Внутренние силы, претендующие на свержение нынешней власти, получают этот арсенал извне, как получили его революционеры в Грузии и на Украине. Силы, потенциально противостоящие этой революции в РФ, *симметричного* арсенала создать не могут. Они или должны мобилизовать альтернативные культурные средства (как это сделано, например, в Белоруссии), или будут побеждены.

Здесь – корни главной организационной проблемы. Актуальные (на уровне стереотипов и идеологии) культурные ресурсы позднего советского общества не выдержали столкновения с ресурсами цивилизационного противника СССР в холодной войне. Однако главные политические организации и государственный аппарат РФ – наследие СССР времен перестройки. Мировоззрение и идеология людей, “наполняющих” эти организации и госаппарат, находятся в длительном кризисе, из которого не видно выхода. Их стереотипы и рациональность остались на уровне 80-х годов или даже находятся в состоянии деградации.

Рациональность кадров властной верхушки, “Единой России”, правых (СПС и “Яблоко”) и левой оппозиции (КПРФ, “Родина”) представляет собой смесь упрощенных и сильно подпорченных норм Просвещения и советского традиционализма. Из этого блока выпадают лишь организованные маргинальные течения – ЛДПР и молодежные левые радикалы (НБП, новые красные, антиглобалисты, молодые консерваторы). Большинство их (за исключением консерваторов) в случае “оранжевой революции” в РФ вольется, скорее всего, в ряды революционеров.

Неадекватность рациональности (характера мысли, слова и дела) главных политических организаций РФ структуре “оранжевой революции” не зависит от их политической позиции и формальной идеологии. В.В.Путин говорит о либеральных ценностях, Гайдар о рыночной экономике, Зюганов о справедливости и русской духовности – все это *не о том*. Все эти понятия потеряли силу в результате краха всего проекта Просвещения – и в его либеральной, и в марксистской версии. На Украине не шла речь ни о рынке или плане, ни о распределении доходов, ни о национализме или интернационализме. Все это – тематика *модерна*.

Недееспособность постсоветских *партий* как формы организации политической борьбы граждан за свои фундаментальные интересы имеет ту же самую природу, что и неспособность структур постсоветского *государства* выполнить свои функции по защите государственности. Постсоветские структуры напоминают оружие, из которого вынута незаметная, но необходимая деталь (например, боёк из винтовки). Перестройка уже была открытой фазой большой программы по изъятию из советских структур всех этих «бойков», и результат мы могли наблюдать в 1991 г.

Здесь мы обсуждаем конкретную и срочную проблему. Существует вполне определенная, локализованная во времени и пространстве *угроза* обществу и государству. Существуют структуры, которыми общество и государство располагает, чтобы преодолеть эту угрозу самому их существованию. Обнаруживаются несоответствие этих структур данной конкретной угрозе.

Угроза эта – «оранжевая» революция, то есть операция по «хирургическому» уничтожению (или «пересадке» от несовместимого с нами донора) жизненно важных для нашего общества и государства органов. Известны авторы замысла этой операции, ее будущие исполнители и те инструменты, которыми они располагают. На наших глазах эта операция производилась в обществах и государствах, похожих на наши. Только что эта операция с успехом была проведена на Украине, причем и государственные службы, и общественные организации из РФ принимали участие в тех событиях, пытаясь противодействовать этой операции, – и оказались несостоятельны. Нам говорят, что в ближайшее время (1-3 года) эта операция начнется и на нашей территории, и никто этого не отрицает. И что же? Полная апатия и безучастие. У всех винтовок, которыми располагают государство и общество, вынуты бойки.

Характер размежевания в обществе по отношению к этой угрозе известен, все делается открыто. Цели «оранжевой» революции отвечают интересам ничтожного меньшинства населения РФ и работников государственного аппарата. Если бы большинство смогло организовать хотя бы в минимальной степени для того, чтобы выразить свою волю в явной, осязаемой форме, то угроза была бы отведена. Потому что вся ее технология предполагает, что победа достигается в виртуальной сфере спектакля, при полном исключении осязаемых форм, хоть какого-то *действия* большинства. Как только большинство вырывается из зазеркалья этой виртуальной сферы в реальную жизнь, наваждение испаряется, а вместе с ним и «оранжевое» меньшинство.

В 1991 г. СССР был сломан спектаклем в Москве, где для этого была организована толпа, составлявшая 1% населения Москвы и 0,03% населения СССР. Даже одни только члены КПСС

составляли 6,4% населения СССР, а они в подавляющем большинстве были противниками тех «оранжевых». Но КПСС не то чтобы не организовала эти 6,4% на осязаемое волеизъявление, она его *не допустила*. Как и государственные структуры не позволили своему личному составу противодействовать «оранжевым». «Агрессивному большинству», как его тогда называли, было приказано *молчать*, и оно не осмелилось нарушить этот приказ.

Такое же положение в существующих структурах и сегодня. Главная политическая партия – КПРФ и ее осколки. Весь смысл существования этой политической организации трудящихся – предотвращение следующего цикла антироссийской «оранжевой» революции, который добьет Россию и ввергнет население в уже бездонную социальную катастрофу. Все остальное сейчас – это волосы на нашей голове, которую собираются отрубить. Но об этом – ни одного ясного слова.

Ничего не изменилось в программных установках и образе действий с 1991 г. Это показали и январские протесты. Роль политической партии в момент острого социального конфликта – показать людям связь этого частного конфликта с фундаментальными противоречиями. Тогда люди увидят, что, выступая против конкретного действия власти (в данном случае против монетизации льгот), они борются не ради своего небольшого интереса, а за судьбу всей страны, за идеал справедливости для всех. Но ораторы на митингах принижали проблему, сводя дело к тому, что правительство обидело пенсионеров – отняло льготы натурой, а денежная компенсация маловата.

А ведь эта «монетизация» – уже подготовительная акция «оранжевой» революции в РФ. И бороться против нее надо было не просто ради защиты тощего кошелька пенсионеров, а ради защиты российской государственности, которую «оранжевые» министры и депутаты готовят к сдаче теневому мировому правительству. «Монетизация льгот» – акт государственной измены, что и должны были понять *вместе* и пенсионеры, и ОМОН, который их пытался мягко остановить.

Левые не нашли языка, на котором можно верно описать главные угрозы нашему бытию. Марксистские и торжественно-державные понятия, которыми полны программы и выступления левых политиков, скользят мимо, не выражают той беды, которую интуитивно чувствуют люди.

Слабость программной и идеологической работы в КПРФ обусловлена той организационной и идейной матрицей, которая была в нее заложена уже при создании и унаследована от поздней КПСС. Отрезать эту пуповину было необходимо, но этого не было сделано, хотя все признавали, что КПСС проиграла битву и в сфере идей, и в сфере организации. Значит, низовые организации той же КПРФ и отдельные ее члены в виду грядущей угрозы всем трудящимся и будущему страны обязаны действовать *помимо* организационной и идейной матрицы КПРФ. Они обязаны исходить из своего разума, чувства и опыта и использовать то ценнейшее народное достояние, которое им вверено – *организацию*, для собирания граждан в их противодействии «оранжевым». Для этого не надо рыться в цитатах Маркса и Ленина, надо объяснить людям суть угрозы в простых земных понятиях на простом обыденном языке. И это будет самое верное объяснение, потому что угроза является земной и обыденной.

Информационно-психологические и «оранжевые» гражданские войны – это войны без ясной линии фронта, без тыла, а часто и без связи. Чтобы их вести, хотя бы в обороне, нужно иметь навыки автономных действий, в том числе в самых трудных условиях – когда штаб твоей армии уничтожен или перешел на сторону врага. Эти навыки начисто утрачены в поздних советских структурах и не восстановлены в постсоветских. Устоять против «оранжевой» революции можно только, если все ячейки общества, все «сгустки» человеческих связей смогут определить свою линию поведения и проводить ее в жизнь, даже не получая команд «сверху», просто следуя ориентирам, заданным главными идеалами и интересами. Иными словами, когда возникнет воля и ее определенное направление на *молекулярном* уровне. Тогда туманные заявления Зюганова или Рогозина не помешают ячейке КПРФ или «Родины» действовать против «оранжевого» нашествия – и при этом не вступать в разрушительный конфликт ни с Зюгановым, ни с Рогозиным.

В том-то и сила западного гражданского общества, что его ячейки в случае общественного конфликта будут на своем уровне в прямом диалоге вырабатывать свою позицию, а затем

отстаивать ее независимо от того, что там решит правительство, либералы или консерваторы. В этом обществе развиты навыки самоорганизации. В условиях резко ослабленной и «дырявой» государственности, как сейчас в РФ, мы не можем уповать на институты власти, мы должны выстраивать оборону на всех доступных нам уровнях и прежде всего на низовом.

Таким образом, сложившиеся в РФ организованные политические силы, вышедшие из перестройки и сохранившие рациональность поздней КПСС, не могут противопоставить «оранжевой революции» арсенал постмодерна собственного производства. В то же время, они не могут противопоставить «оранжевой революции» и арсенал советского Просвещения – он находился в кризисе уже в позднем СССР, а затем был добит перестройкой и реформой. Обновленные средства советского культурного арсенала, которые с успехом использовал Лукашенко, требуют политической и организационной базы, которая отсутствует в РФ и для создания которой уже требуется революция (антагонистическая «оранжевой»). Чтобы она вызрела, надо продержаться с помощью подручных средств – сети личных контактов и перевода встающих перед нами проблем и угроз на язык простых и однозначных понятий. Таких, которые выводят нас из зазеркалья в реальный земной мир.

Глава 25. Возможный путь преодоления «оранжевой революции» в РФ

Многие мыслители, бывшие очевидцами больших революций, пришли к выводу, который в разных вариантах звучит примерно так: «Единственный способ победить революцию – это совершить ее».

«Совершить ее» – значит овладеть ее энергией и перенаправить ее на иные цели, несовместимые с целями революционеров, но приводящие к разрешению тех противоречий, которые заставили людей поддержать революционеров. В случае РФ такой главной целью можно считать сохранение ее цивилизационного вектора – как выразался Д.И.Менделеев, *«уцелеть и продолжить свой независимый рост»*.

Другими словами, проект подготовки к «оранжевой революции» с целью *подавить* ее наличными средствами мы считаем невыполнимым – он или потерпит поражение, или приведет к такому углублению кризиса, которое позволит антироссийским силам добиться своего иными средствами. Лобовая контрреволюция, попытка реванша сил, которые были атакованы революцией, означает реакцию, которая в случае победы подрывает потенциал развития и приводит к затяжному кризису, удушающему творческие силы обеих конфликтующих сторон.

Николай Бердяев высказал в 1923 г. очень важную мысль: «Гражданские войны революционных и контрреволюционных армий есть обычно борьба сил революционных с силами дореволюционными, революцией поражёнными. Настоящую же контрреволюцию, полагающую конец революции, могут сделать лишь силы пореволюционные, а не дореволюционные, лишь силы, развившиеся внутри самой революции. Контрреволюцию, начинающую новую, пореволюционную эпоху, не могут сделать классы и партии, которым революция нанесла тяжелые удары и которые она вытеснила из первых мест жизни. Кончил революцию во Франции „сын революции“ Наполеон, а не дворяне, не эмигранты, не партии, которые революция вытеснила из жизни в своем стихийном потоке... Идейная контрреволюция должна быть направлена к созданию новой жизни, в которой прошлое и будущее соединяются в вечном, она должна быть направлена и против всякой реакции».

В 1923 г. Бердяев, похоже, был еще слишком потрясен трагедией русской революции, потому и обратился к Наполеону. Сейчас мы ту же мысль можем подтвердить отечественным опытом. Буржуазно-либеральная революция (февраль 1917 г.) могла быть преодолена только «контрреволюцией Советов», но никак не силами, «революцией поражёнными». Если представить себе, что монархисты и черносотенцы взяли реванш у либералов, то это стало бы реакцией, задушившей Россию. Идя от Февраля назад, реакция не разорвала бы ни один из порочных кругов, в которые попала монархическая государственность. Подавить либеральную революцию могли только «силы, развившиеся внутри самой революции» – сплав Советов с большевиками. И эта сила была именно «направлена к созданию новой жизни и против всякой

реакции».

Не имеет перспектив и альтернативный проект – заранее готовить контрреволюцию, чтобы, уступив на первом этапе натиску «оранжевой революции» и, получив дополнительные пропагандистские преимущества за счёт саморазоблачения «оранжевых», взять реванш и произвести оздоровление государственности, связанное с вытеснением «оранжевых» с политической сцены. Так, по крайней мере декларативно, собиралась вести дело «партия Януковича» на Украине. На практике проекты лобовой контрреволюции после свержения прежней власти к успеху почти никогда не приводили. Силы, пришедшие к власти в результате любой революции, включая «оранжевые», успевают произвести перераспределение собственности и сфер влияния, кадровые перестановки и структурные изменения во власти. Новая власть всегда получает кредит доверия и обладает средствами, чтобы его продлевать и продлевать. А значит, если уступить «оранжевым», то уже через короткий промежуток времени контрреволюция оказывается невозможной, приходится готовить *революцию*, что гораздо сложнее, нежели контратака сходу.

Рассуждая о возможностях преодоления «оранжевой» революции в РФ, некоторые авторы даже вводят понятие (контр)революции – такого организованного действия общественных сил, которое по своей природе само является революционным, а не реставрационным.

В редакционной статье журнала «Со-Общение» (2005, № 1) в номере, целиком посвященном «оранжевой» революции на Украине, говорится: «В случае (контр)революции, а не реакции на революцию, мы имеем дело с опережающим, перехватывающим проектом элит, который реализуется поверх революционного тренда, и поворачивает этот тренд. Мы не случайно подчёркиваем здесь важность различия реактивного и проективного подходов. Реагируя на вызов революции, её не одолеть (вспомним трагический опыт множества борцов с революциями). Но действующие элиты, заинтересованные в сохранении и укреплении своих позиций, могут и должны опередить своих соперников, осуществив спланированное, организованное и целенаправленное (контр)революционное действие. Речь идёт об освоении и присвоении властью конкурентных социальных энергий и превращение их в энергии созидания. Итак, проект, направляющий процесс: буквально – бросок вперёд».

Это рассуждение элитарно, и его можно принять в том смысле, что принадлежность к «действующим элитам» России определяется не в буржуазном или номенклатурно-сословном стиле, а как активная способность осознавать и формулировать суть исторического выбора, перед которым стоит Россия, вести диалог об альтернативах и выработать проекты, соответствующие общей стратегической цели, а затем участвовать в их реализации. При таком понимании элиты, в настоящий момент постсоветские образования как раз переживают этап смены элит, на общественную арену выходит новое поколение, с новыми достоинствами и слабостями. Назревающие революция и (контр)революция довершат формирование этого поколения – в драматических условиях.

Видимо, правы те наблюдатели и исследователи «оранжевой» революции на Украине, которые считают, что нынешняя власть РФ противостоять попытке аналогичной революции *не сможет*. Опыт «оранжевых» революций – не только на Украине, но и в Сербии, Грузии и Киргизии – показал, что нынешняя власть РФ не обладает ресурсами и доводами, с помощью которых она могла бы защититься от этой революции в канонах *реакции*, традиционной контрреволюции «полицейского» типа, даже посредством создания организаций «контрреволюционных бой-скаутов». Подорвана культурная гегемония этой власти, и второго дыхания не ожидается. Любая общественная сила, которая поставит перед собой задачу просто защитить *эту* власть от «оранжевых», сыграет реакционную роль, растративая свой потенциал ради консервации или даже создания благоприятных условий для развития кризиса.

Постсоветская власть унаследовала родовой порок номенклатурно-сословной власти позднего СССР, и не может выполнить дело «отца» народа. Она просто не понимает, что происходит с народом, она с поразительной тупостью плюет ему в душу, считая, что граждане – даны, как дан ландшафт страны. Никуда не денутся!

Р.Шайхутдинов пишет: «Это происходит не только на Украине, но и в России, поскольку власти наших стран рассматривают свой народ как неисчерпаемый ресурс, а может быть, и как материал, как то, что всегда было и будет, к чему не надо прилагать никаких усилий. Каждый

человек рассматривается властью как обуза, как объект бюджетных трат, поэтому чем меньше будет населения, тем лучше: оно должно достичь таких размеров, чтобы власть могла бы с ним без труда управляться. После этого не надо удивляться, что целые области (типа Сахалина, Владивостока или Калининграда в России или Львовщины или Волынщины на Украине) готовы без труда перекинуться под иную юрисдикцию, а выпускники самых престижных вузов куют экономическое процветание США. Попытки выращивать нужных людей делаются на нашем постсоветском пространстве на редкость неуклюже и неэффективно, с использованием устарелых идеологических приёмов, а в это время власти Европы и США создают для себя граждан на чужих территориях»³⁶⁵.

Как же можно решить столь противоречивую задачу? Ведь надо не допустить, чтобы эта власть совершила «самоубийство», сдав страну «оранжевым» – значит, надо *бороться* с властью. При этом надо не ослабить власть настолько, чтобы «оранжевые» смогли сломать нашу большую государственность. Значит, надо бороться с «оранжевыми». Но очевидно, что по многим вопросам власть и «оранжевые» заодно – как можно устоять против их давления и ударов? Как вообще можно обратиться к людям, которых власть оскорбила до глубины души, и сказать им: «Не дайте добить эту антинародную власть!»?

А. Чадаев пишет: «Успех контрреволюции возможен только тогда, когда она сама выполняет задачи, которые ставит перед собой революция; когда её целью является не сохранение существующего порядка любой ценой, а такое его видоизменение, которое лишает революцию „воздуха“, сводит на нет „революционную ситуацию“. Тогда она втягивает в себя революционную энергетику, распыляет её на новые объекты, изматывает революцию в бесконечной борьбе за право диктовать условия и рамки»³⁶⁶.

Как же можно «втянуть в себя революционную энергетику», если сама технология революции постмодерна обессиливает общество, превращает граждан в созерцателей бесконечного одурманивающего спектакля? Существует ли вообще идейное и духовное пространство, на котором может быть побеждена манипулятивная сила постмодерна? На наш взгляд, несомненно существует. В общем случае оно существует для всех постсоветских республик, но особенно созрели для него предпосылки в РФ.

Идейное основание, на котором может быть выстроена оборона от соблазнов «оранжевой революции» – это соединение двух больших и, казалось бы, очень далеких друг от друга духовных пространств. Одно из них – это наша коллективная историческая память (говоря высоким слогом, наши архетипы коллективного бессознательного). Это память об Отечественных войнах, как особом неизбежном, предназначенном судьбой срезе всего нашего народного *бытия*. Эти войны мы *можем* выиграть, это исторический факт. Второе пространство – опыт наших цивилизационных поражений, включая последнее. В нашей культуре есть свои подходы и методы для рефлексии, анализа таких поражений. Эти методы плохо формализованы и изложены, но это дело поправимое. Сейчас идет невидимая, но интенсивная работа по освоению этого опыта, и она начинает давать плоды.

На пересечении этих двух «срезов» и рождается новый язык, новые интеллектуальные инструменты для выработки проекта, происходит пересборка идеологических конструкций. Здесь и находится та полоса, на которой энергия части «оранжевых» может быть перенацелена на общий проект.

В этой интеллектуальной работе более трудной задачей является обращение к коллективной памяти, а не к рациональному расчету. Рефлексия на рациональном уровне хотя и идет с трудом, но все же дается легче – помогает пока еще довольно высокий образовательный уровень населения и высокая концентрация в нем интеллигенции. Другое дело – наше коллективное бессознательное. Мы, в массе своей, вообще не учились с ним «работать», обращение к этим духовным материям считалось чем-то предосудительным, чуть ли не как обращение к мистике. Да и сегодня положение не намного лучше, здесь мы легко впадаем в патетику, а это сразу отвращает людей.

И в то же время мы знаем, что чаяния людей глубоки и сильны, люди их оберегают и исповедуют почти тайно. Фундаментальные неосознаваемые идеалы и архетипы сохранились в массовой культуре русского народа и большинства народов России, несмотря на острый культурный кризис, поразивший «верхние» слои сознания (стереотипы и идеологию). Мы

должны на них опереться в трудный момент. Обратиться к архетипам – это значит ответить на чаяния людей, восстановить для них ядерную зону «образа истинности», невысказанных представлений о добре и зле. Именно через обращение к архетипам государство и может мобилизовать народ на Отечественную войну – причем так, что даже вестернизированная элита, исповедующая либеральные взгляды, соединяется с общинно-крепостным крестьянством в общем походе против «освободителя» Наполеона.

Архетипы закованы в броню традиции, коллективной памяти и предрассудков. Они с большим трудом поддаются воздействию манипуляции. Хотя эта защитная броня была сильно повреждена за последние 20 лет, она сохранилась и в последние годы даже восстанавливается. Поэтому главный инструмент антироссийской манипуляции в РФ – телевидение – работает почти исключительно на уровне идеологии и стереотипов.

К чаяниям народа смогли обратиться в 1917 г. большевики (в отличие от консерваторов, либералов и меньшевиков), а в начале 30-х годов Сталин (в отличие от большевиков-космополитов). После этого архетипы «ушли вглубь», а власть начала говорить на языке стереотипов и идеологии, что и привело к взаимному отчуждению между номенклатурой и народом. Архетипы коллективного бессознательного населения Белоруссии эффективно мобилизовал Лукашенко – благодаря сильной интуиции (причем мобилизовал помимо усилий политработников и идеологов – в этом заключается и хрупкость политической системы Белоруссии). Конкретная разработка этой проблемы здесь не рассматривается, она представляет собой особую программу.

Очевидно, однако, что ни нынешняя власть РФ, ни нынешняя организованная оппозиция не могут, каждая по своим причинам, обратиться к архетипам коллективного бессознательного. Все они уже слишком сильно связаны своим языком, стилем, доктринами и делами. Для появления политического субъекта, способного выразить чаяния народа, нужна «пересборка» всех наличных организованных сил с образованием принципиально новой матрицы, на которой соберется новое социокультурное сообщество, свободное и от советских, и от антисоветских слабостей.

Из этого следует, что новые культурные и организационные ресурсы, *асимметричные* ресурсам «оранжевой революции» и сравнимые с ними по мощности, должны быть *созданы*. И лучше всего, если они будут созданы в предреволюционный период – так, чтобы замещение «оранжевых» прошло быстро, не затягивая изматывающий страну хаос.

Они не могут быть созданы ни в лоне власти и под ее эгидой, ни в лоне и под эгидой какой-то устоявшейся готовой партии (будь то «Единая Россия» или КППРФ). В обоих случаях они создавались бы на готовой генетической матрице и унаследовали бы те самые культурные коды, которые, как мы предположили выше, не обеспечивают спасения от «оранжевой» революции. Кроме того, они унаследовали бы и все уязвимые точки власти и нынешних партий, по которым уже «пристрелялись» потенциальные «оранжевые». На Украине Янукович проигрывал уже потому, что не мог отмыться от ярлыка «человек Кучмы», как он ни старался сделать это после второго тура выборов. КПУ помогла «оранжевым» голосованием в Верховной Раде, а потом просто самоустранилась из борьбы, потому что не смогла составить неклассовое понимание происходящих событий.

А. Чадаев пишет: «Как остановить революцию? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно сначала задать другой: может ли это сделать сама власть? Правда состоит в том, что сама власть, оставаясь такой, как она есть, этого сделать не может... Чтобы контрреволюция стала реальностью, ей нужна собственная массовая энергетика, отличимая от энергетике власти и не встроенная в вертикаль. Должно быть мобилизовано сословие, могущее в критический момент выступить на авансцену как самостоятельная сила, имеющая свои отношения и с властью, и с революцией.

В решении этой задачи – главный вызов для государства, которому гораздо проще иметь дело с революцией, чем с контрреволюцией. Первая однозначна, она востребует логику простых действий: держать, не пущать, сажать и вешать в меру кровожадности; вторая же подразумевает сложные отношения партнёрства, к которым власть редко бывает готова».

Таким образом, та часть общества, которая видит в «оранжевой» революции угрозу для России *бытийного* масштаба, обязана в ближайшее время сделать сверхусилие и найти

духовные и организационные средства, чтобы войти в диалог, сотрудничество и борьбу с обоими своими противниками, которые в то же время являются ее «вторыми Я» – и с властью, которая мучает общество и страну, но свержения которой нельзя допустить, и с потенциальными будущими «оранжевыми», которые во многом справедливо восстают против этой власти, но победы которых нельзя допустить.

Может ли за достаточно короткий срок возникнуть и соорганизоваться такое сообщество?

Глава 26. Проект

Главный вывод для РФ из “оранжевых революций” в Сербии, Грузии и на Украине состоит в следующем: преодолеть операцию Запада по смене типа государственности России, по превращению ее в полностью контролируемого вассала с внешней легитимацией его власти и “новым народом”, нынешняя власть («режим Путина») не в состоянии.

Р. Сафиуллин пишет о состоянии российской бюрократии: «Адекватные действия, направленные на предотвращение „оранжевых“ революций, противоречат всей сути системы, которую эта бюрократия создавала в течение многих лет. Поэтому ждать от нее сколько-нибудь конструктивных „контрреволюционных“ мер на сегодняшний день не имеет смысла»³⁶⁷.

В данный момент власть стоит перед выбором: или готовиться к более или менее завуалированному «самоубийству», зачищая хвосты и уничтожая улики перед капитуляцией, или она должна в короткие сроки произвести значительные изменения в своем идейном и организационном оснащении. Однако эти изменения могут произойти только под давлением снизу. Более того, они должны быть частью проекта, «рожденного» и сформулированного «внизу» – и «заданы» власти.

Иными словами, обновление власти и обретение ею силы и «воли к жизни» возможно только параллельно со сплочением и обретением самосознания той части общества, идеалы и интересы которой *несовместимы* с целями «оранжевой» революции. Состояние общества и государства таковы, что в данный исторический момент, так же как в тяжелейший момент начала XX века, этот единый процесс может зародиться только «внизу», в обществе. Кризис зашел столь глубоко, что речь уже может идти лишь о *революционном* процессе, альтернативном революции «оранжевой». Если интенсивная «кристаллизация» общества запустит процесс обновления власти в режиме *взаимо* действия, а не *противо* действия, то есть в рамках того же мировоззренческого коридора, то нынешний цивилизационный кризис России будет преодолен без тяжелых потрясений. В противном случае произойдет столкновение разных частей общества с властью и между собой.

А. Чадаев пишет: «Сюжет 2005 года для России – это конкуренция двух одновременно набирающих силу процессов – революции и контрреволюции. И, соответственно, двух политических стратегий: войны с властью и диалога с ней. Отказываясь от диалога, власть сделает выбор в пользу войны; в свою очередь, отказ от войны будет означать диалог. Однако оба субъекта – и субъект „войны“, и субъект „диалога“ – конкурировать будут не с властью, а друг с другом, и это будет игра на опережение.

Иначе говоря, если в обществе не будут созданы лояльные, но независимые от «начальства» политические силы, революция станет не только возможностью, но и неизбежностью. И потому форсированное создание таких сил, даже вопреки воле власти, инстинктивно пытающейся сохранить свою монополию на политику, – главная задача современной российской контрреволюции»³⁶⁸.

Преодолеть ближайшую, актуальную угрозу «оранжевой» революции может только новая организованная общественная сила, отделенная от нынешней власти и даже оппозиционная ей – но защищающая ее как *российскую* (пусть беспомощную и большую).

В нынешнем разделенном обществе за последние десять лет выявились и смутно определились те его части, которые в своих главных ценностях и интересах сходятся достаточно для того, чтобы на их основе собраться в сообщество с существенным уровнем солидарности. Основа этой солидарности – общее представление (или даже ощущение) о том, перед каким историческим вызовом стоит Россия, какую угрозу означает для нее полная утрата, даже на короткое время, независимой государственности, и общее категорическое неприятие

такого исхода. Это сообщество всех людей, независимо от их социального положения, возраста, национальности и идеологических предпочтений, которым нестерпима сама мысль, что Россия – как цивилизация, как культура и тип существования людей и народов – будет ликвидирована.

Понимание того, что это сообщество, в разделенном и неорганизованном виде, существует в РФ и на землях бывшего СССР, не раз уже выражалось в разных формах и с разной окраской. Были и попытки его соединения, пока что неудачные. Нынешняя угроза и новый опыт заставляют продолжить эту работу, уже на новой основе.

Почему прежние попытки были неудачными, почему при попытках договориться сходство фундаментальных идеалов и интересов отступало перед разногласиями по проблемам второго уровня? Во многом потому, что все мы в своем представлении об общественном жизнеустройстве и в его проектировании по инерции пользовались категориями и понятиями, унаследованными от советской идеологии, в то время как ее связность была разрушена кризисом последних трех десятилетий. Это и есть, в духовном и интеллектуальном отношении, *постсоветское* состояние.

М.Ремизов сформулировал важную вещь: «Многие думали, что “эпоха Путина” выходит за рамки “постсоветского” времени и имеет собственный, позитивный характер, как бы к ней ни относиться. Оказалось, что это не так, и ясность внес сам президент, сказавший после Беслана честные слова: “мы живем в условиях, сложившихся после распада огромного великого государства”... Путин фактически признал, что с его приходом “переходный период” не закончен, но переходить-то уже некуда...»³⁶⁹.

Чтобы переходить было *некуда* – такого не бывает в обществе, в котором есть воля к жизни. Эта воля не появляется сразу у всех, она разгорается, как уголек, в какой-то сплоченной части. Пока что она разгорелась «не у нас», а в стаях и прайдах хищников, у «новых народов». Зато у нас есть намного больше чему гореть – без треска и вспышек, но жарко.

Надо преодолевать яд, возникающий при распаде «огромного великого государства». То, что работало в том организме, не годится при нынешней буре в чистом поле. Сборка общества на теоретической матрице «советского Просвещения» сейчас невозможна. Советская интеллигенция говорила на чужом, адаптированном к потребности нашей идеологии языке западного гражданского общества в версии марксизма. Мы видели жизнь страны через очки исторического материализма, то есть как движение производительных сил и производственных отношений, как созревание и разрешение противоречий в порожденной этими производственными отношениями социальной структуре общества. Оказалось, что многие, в том числе ставшие фатальными для нас, противоречия не были видны через эти очки и не видны сегодня. Выйти из тупикового постсоветского пространства значит, прежде всего, снять эти очки.

Сила «оранжевых» революций, во многом обязанная гению Грамши и таланту Сороса, поразила даже американских неоконсерваторов и фундаменталистов неоллиберализма. В языке этих революций задан новый, постмодернистский смысл важным понятиям Просвещения, в которых привычно мыслило и западное гражданское, и советское общество. В «оранжевом» языке постмодерн смыкается с архаикой и мобилизует, казалось бы, давно уснувшие архетипы. С помощью магии слов и художественных образов режиссеры «оранжевых» спектаклей смогли на короткое время создавать *народы*. Не классы, не партии, а народы – с искусственной заданной им религией, искусственно сконструированными историей и будущим, причем народы с сильным мессианским чувством. «Оранжевая революция станет эпидемией свободы по всему миру!» – взывала Тимошенко, и новый народ выл от восторга.

Сейчас мы обязаны исходить из того факта, что сложилась особая область науки и технологии, предметом которой является создание и демонтаж народов – *демотехника*. В рамках ее понятий можно построить плодотворную модель «оранжевой» революции и борьбы с ней. Такую модель и предлагает Р. Шайхутдинов, вводя в обиход сам термин «демотехника». Вот как он видит возможность победы над «оранжевой» революцией в России:

«Киргизские события показывают очень важную вещь: если тысяча людей, объявившая себя народом, начинает что-то требовать, то власть не может удержаться, если не появляется другой народ, который выходит на ту же площадь и говорит: „мы не хотим так, как вы требуете“. Только если между этими народами возникает напряжение, а может быть даже и

столкновение, власть оказывается нужной, необходимой. Но именно народ, а не фальшивые созданные политтехнологами „движения“.

Ведь если этого народа, который готов существующую власть и существующий порядок защищать, нет – то значит, власть действительно никому не нужна. Этого не понимают политтехнологи, работающие в идеологии обмана народа и создающие подделки («фальшивки») народа в форме псевдо-общественных движений. И дело тут не в «контрреволюционных молодежных политических движениях» и не в «федаинах» – а в том, чтобы начал, наконец, существовать народ, поддерживающий существующий порядок».

В гл. 21 приведены представления Р. Шайхутдинова о том, как может развиваться фрагментация России, раздираемой несколькими «новыми» народами, сплотившимися на основе культурной общности («западники»), исламского фундаментализма или местнических интересов (Сибирь). Преодоление всех этих сепаратизмов он видит в том, что на политическую арену выходит народ, защищающий целостность России и вступающий с каждым народом-сепаратистом в диалог или столкновение:

«Если, например, в Сибири возникает сильное сепаратистское общественное движение, то должно появиться сильное, равномогущее ему, движение, ориентированное противоположно, члены которого бы заявляли, что они хотят жить в России и не хотят, чтобы Сибирь или Дальний Восток были отдельными государствами. И это не должно быть движение в европейской части страны, которое бы твердило „Не отпустим“ (все помнят, чем кончил фараон из книги Исхода) – этому реально может помешать лишь движение, укорененное в Сибири, но желающее сохранения России... И только тогда, когда между этими двумя народами возникает содержательное столкновение, напряжение, взаимодействие – власть оказывается нужна. Тогда именно она пытается этот вопрос регулировать, пытается создать такой порядок, который бы устраивал обе стороны – и тогда возникает основание для подлинной демократии».

Здесь стоит вспомнить 1917 г. Временное правительство способствовало децентрализации и сепаратизму не только национальных окраин, но и русских областей. Резко усилилось движение за автономию Сибири. Конференция в Томске (2-9 августа 1917 г.) приняла постановление «Об автономном устройстве Сибири» и даже утвердила бело-зеленый флаг Сибири. 8 октября I Сибирский областной съезд постановил, что Сибирь должна обладать всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти, иметь Сибирскую областную думу и кабинет министров. Ожесточенными противниками «областничества» были только большевики. После Октября Дума Сибири не признала советскую власть и была разогнана.

В 90-е годы «областничество» набирало силу уже в Российской Федерации – под знаменем идеологии *этнорегионализма*. Один из ведущих идеологов татарской интеллигенции Р.Хахим писал в книге «Сумерки Империи» (1993 г.): «Региональные интересы и в целом идея регионализации могут стать для России выходом из идеологического тупика». А в Якутии в среде интеллигенции культивировали идею формирования региональной общности «людей, живущих по морально-этическим нормам Севера»³⁷⁰.

С уходом Ельцина «областничество» ушло в тень, хотя никуда не делось и сдерживается, скорее, административными рычагами. Напротив, «племя» западников даже в тень не уходило и мобилизуется уже в открытой конфронтации с режимом В.В.Путина. Здесь мысль Р.Шайхутдинова еще более определена: «То же – с „прозападным народом“: если какая-то часть народа говорит „Мы хотим в Европу“ (как было на Украине), то для того, чтобы этому противостоять, должен возникнуть другой народ, который заявляет: „Мы не хотим в Европу, мы хотим здесь жить и жить по-своему, а не по европейски“. И снова, в условиях такого взаимодействия появляется необходимость во власти...»

Но если мы выяснили, что противостоять возможным сценариям потери власти в России могут только такие народы, стоящие за единство и целостность России и за сохранение ее суверенитета на основе сформированного в России типа порядка – то мы должны себе задать вопрос: есть ли те, кто может составить собой такой народ?

Есть ли у нас сильное общественное движение, которое будет говорить, что Сибирь – это Россия, мы и есть Россия, наша задача развивать ее? Есть у нас антизападное движение, такое, которое было бы против глобализации, против навязывания европейских стандартов?»

И в конфликте с «западниками» большевики стали организационным воплощением воли

народа, *желавшего жить в России*. Этим многонациональным народом Красная Армия воспринималась как *своя* армия. При Временном правительстве Украина отделилась от России – западники-либералы буквально разгоняли народы. Глава образованного Украинской Центральной Радой правительства (Директории) В.К.Винниченко в воспоминаниях, изданных в Вене в 1920 г., признает «исключительно острую неприязнь народных масс к Центральной раде» во время ее изгнания в 1918 г. большевиками, а также говорит о враждебности, которую вызывала проводимая Радой политика «украинизации»: «Ужасно и странно во всем этом было то, что они тогда получили все украинское – украинский язык, музыку, школы, газеты и книги».

Речь шла о том, что этот народ желал жить в России и «жить по-своему, а не по европейски». В тот исторический момент эту возможность и давал советский проект. Этот цивилизационный смысл большевизма тогда прекрасно понимали и западники, и традиционалисты. В том числе на Западе. Вальтер Шубарт в своей известной книге 1938 г. «Европа и душа Востока» пишет: «Самым судьбоносным результатом войны 1914 года является не поражение Германии, не распад габсбургской монархии, не рост колониального могущества Англии и Франции, а зарождение большевизма, с которым борьба между Азией и Европой вступает в новую фазу... Дело идет о мировом историческом столкновении между континентом Европы и континентом России ...»

То, чего Запад боится, – это не самих идей, а тех чуждых и странных сил, которые за ними мрачно и угрожающе вырисовываются, обращая эти идеи против Европы. Большевистскими властителями тоже руководит настроение противоположения Западу. То, что случилось в 1917 году, отнюдь не создало настроений, враждебных Европе, оно их только вскрыло и усилило. Между стремлениями славянофилов и евразийцев, между лозунгами панславизма и мировой революции разница лишь в методах, но не в цели и не в сути. Что касается мотивов и результатов, то все равно, будут ли призываться к борьбе славяне против немцев или пролетарии против капиталистов. В обоих случаях мы имеем дело с инстинктивной русской попыткой преодолеть Европу»³⁷¹.

Говоря о нынешнем состоянии этого протонарода, который должен встать и защитить целостность и культурную идентичность России, Р. Шайхутдинов приходит к пессимистическому выводу:

«Кто может составить собой такой народ?.. Вопросы – риторические. Даже возможность таких движений с трудом мыслится российским человеком. И это свидетельствует о том, что такое, как в Киргизии – элементарно возможно в России. Если движение пенсионеров или дальневосточных сепаратистов догадается сказать, что они – *народ*, а власть – *антинародная*, то они смогут, собрав пару тысяч человек, вышвырнуть власть из ее кабинетов. При этом вокруг будут стоять толпы зевак, которые, как в октябре 1993 г. будут считать, что все эти игры – не их дело. Но сегодня ситуация может стать значительно драматичнее.

Сегодняшняя архаическая власть в России эту дыру в принципе не закрывает. И как только пойдет какое-то финансирование и любые силы, заинтересованные в том, чтобы сбросить нынешнюю власть, поймут эту схему – она сработает на все сто процентов. Ведь нет народа (и он не формируется), который бы сказал, что мы хотим быть Россией. Больше того: всех тех, кто сейчас говорит такого рода вещи, во многом справедливо считают националистами и шовинистами. А значит, демотехническая задача только усложняется: надо создавать, формировать не просто народ, который заинтересован в сохранении России и тех порядков, которые регулируют нашу жизнь, но и является современным, модным и осмысленным.

Но может ли существующая российская власть взяться за решение этой задачи? Очевидно, что нет.

Мы должны вырастить, создать, вылепить российский антизападный народ, российский антиисламистский народ, выступающий за светский характер российского общества. И только тогда, когда в трудный момент он сможет противостоять иным общественным силам, мы поймем, что власть в России – современная и прочная»³⁷².

Последний абзац отвергает пессимизм предыдущих. Раз мы *должны* – «вырастить, создать, вылепить» – то и следует это делать. Нет гарантии успеха, но нет и оснований для фатализма. Мы находимся в состоянии неустойчивого равновесия, и победит тот, кто вовремя и

точно приложит пусть небольшие, но целеустремленные силы.

Мы считаем, что сообщество, имеющее черты *российского державного народа*, может возникнуть за достаточно короткий срок. Оно уже почти созрело и ждет лишь «затравки», чтобы пошла его кристаллизация. Все ждали, что такой затравкой станет после 2000 г. команда В.В.Путина, но, к сожалению, не получилось. Будем действовать сами.

Чтобы действовать, надо ответить на ряд вопросов. Каковы могут быть организационные формы, в которых это сообщество будет представлено на политической арене? В каких отношениях оно должно быть с властью, чтобы выполнить свою хотя бы первую миссию – принять в себя энергию “оранжевой революции” и перенаправить ее не на разрушение, а на укрепление России?

Эту организационную форму с большой натяжкой можно назвать привычным словом “партия”. Партии (от слова “часть”) есть порождение буржуазных революций, когда сословное общество с его стабильной структурой распределения прав и обязанностей уступало место *классовому гражданскому обществу*. Партии представляли интересы разных социальных групп в обществе “войны всех против всех”. Эта роль партий отражена в теориях классовой борьбы как части *формационного подхода* к пониманию общества.

Этот процесс шел и в России периода раннего капитализма (начало XX века) – возник спектр “классовых” партий – кадеты и октябристы, эсеры и социал-демократы. С активным участием Запада (через политическое масонство) готовилась и “оранжевая” революция февраля 1917 г. с опорой на *социальное* недовольство практически всех классов и сословий.

Но в противовес этим партиям возникли и совсем иные политические организации – “партии нового типа”, целью которых было действие, *предотвращающее* разделение народа на классы. С точки зрения либералов и всего “оранжевого” масонства, это были партии *контрреволюционные*. Одна из этих “партий”, Союз русского народа, была консервативной (и даже реакционной). Она была полностью лояльна к монархической власти и пыталась выполнить безнадежную программу – *остановить* революцию. Другая “партия”, большевики, интуитивно (и вопреки ее официальной доктрине марксизма) “оседлала” архаический крестьянский коммунизм подавляющего большинства населения России и, вобрав в себя энергию “оранжевой” революции, перенаправила эту энергию на восстановление российской государственности, реставрацию империи и даже, в новых формах, самодержавия. “Классовые” партии в союзе с Западом попытались преодолеть этот проект в Гражданской войне, но безуспешно.

М.Агурский пишет в важной для нас книге : «Если до революции главным врагом большевиков была русская буржуазия, русская политическая система, русское самодержавие, то после революции, а в особенности во время гражданской войны, главным врагом большевиков стали не быстро разгромленные силы реакции в России, а мировой капитализм. По существу же речь шла о том, что России противостоял весь Запад. Это не было неожиданностью, и дело было даже не в самой России, а в потенциях марксизма, который бессознательно локализовал мировое зло, капитализм, географически, ибо капитализм был достоянием лишь нескольких высокоразвитых стран.

По существу, капитализм оказывался аутентичным выражением именно западной цивилизации, а борьба с капитализмом стала отрицанием самого Запада. Еще больше эта потенция увеличилась в ленинизме с его учением об империализме. Борьба против агрессивного капитализма, желающего подчинить себе другие страны, превращалась невольно в национальную борьбу. Как только Россия осталась в результате революции одна наедине с враждебным капиталистическим миром, социальная борьба не могла не вырасти в борьбу национальную, ибо социальный конфликт был немедленно локализован. Россия противостояла западной цивилизации»³⁷³.

По своему отношению к России как цивилизации черносотенцы и большевики были партии родственные, имевшие целью разрешение противоречия не классового, а *цивилизационного* типа (только в этом случае разрешались и социальные противоречия). Кадеты даже называли большевиков *красной сотней*. Именно поэтому наша западническая либеральная часть интеллигенции питает совершенно иррациональную ненависть именно к этим двум культурно-политическим течениям – черносотенцам и большевикам. Она

благосклонно относится к кровавым террористам эсеров, к разрушительному пафосу анархистов, к тоталитарному революционизму Троцкого или марксистскому социализму меньшевиков. Но цивилизационный вектор черносотенцев и большевиков, их отрицание западного либерализма делают их исчадиями ада – и создаются черные мифы, которые лелеет подсознание российского «демократа» (да и западного тоже).

Черносотенцы и большевики разными способами пытались преодолеть одну и ту же угрозу – втягивание России в зону периферийного западного капитализма с утратой ее цивилизационной идентичности (отсюда следовали и прямые социальные угрозы для главного сословия России – крестьянства). М.Агурский писал: «Имеются свидетельства, что вскоре после революции и даже за некоторое время до нее массовый элемент правых партий перешел в основном к большевикам. Московский священник С. Фрязинов писал в конце 1917 года, что под флагом большевизма „объединились люди двух крайних лагерей. С одной стороны, мы знаем, – говорит Фрязинов, – что вся рабочая молодежь и матросы Балтийского флота, всегда примыкавшие к крайним левым течениям, составляют основное ядро большевиков, но с другой, ни для кого не секрет, к ним примыкают и все те громады, которые раньше представляли из себя грозную и вместе с тем грязную армию т.н. черносотенцев“.

Уже перед Февралем 1917 г. черносотенцы практически исчезли в столицах, влившись в революцию. Вот одно письмо, перлюстрированное полицией 12 января 1917 г.: «Сегодня вот что было: группа фабричных рабочих – мужчин и женщин – пошли на Театральную и Красную площади... говорят, что скоро будет большой бунт. Рабочие говорят, что если поднимут восстание, то студенты тоже поднимутся, радуются, что теперь нет черносотенцев, что все идут за народ. Прошли те времена, когда мужики студентов с Каменного моста в Москву-реку бросали за то, что те были против правительства; теперь правительство последние деньки доживает».

Сами правые осознали этот сдвиг еще раньше. Председатель правой фракции Госдумы А.С.Вязигин писал князю Д.П.Голицыну 30 ноября 1915 г.: «Трудно сказать, кто более революционно настроен, правые ли низы или левые интеллигентные круги. Характерно, что недовольство объединяет и тех, и других»³⁷⁴.

Если бы образованный слой России с середины XIX века не был так проникнут евроцентризмом (в версии либерализма и марксизма), что позволило бы раньше созреть партиям “цивилизационной” (а не классовой) борьбы, то Россия избежала бы Гражданской войны (а может быть, и свержения монархии, о чем размышляли и консерватор Леонтьев, и “стихийный сталинист” Солоневич). Если бы большевики не были вынуждены принять жесткую марксистскую фразеологию, к ним примкнуло бы множество людей из «привилегированных» сословий, которые *цивилизационно* были не просто близки к советскому проекту, но жаждали его. От активного участия в советском строительстве на первом, самом трудном этапе не были бы отстранены едва ли не большая часть купечества, буржуазии, духовенства и старой русской интеллигенции.

Тогда такой возможности история нам не дала. Только марксизм мог в тот момент соединить мировоззренческую матрицу русского общинного коммунизма с рациональностью Просвещения. И только этот новый «образ истинности», соединивший идею справедливости с идеей развития, позволил России вырваться из исторической ловушки периферийного капитализма и совершить рывок, на инерции которого мы протянули еще целых полвека после Второй мировой войны.

Партия большевиков строилась в соответствии не с формационным, а с *цивилизационным* подходом – и уже на первых этапах стала «орденом меченосцев», а не торговцем на политическом рынке программ и голосов. Природа большевиков видна и в том, что в ходе дальнейшего развития советского общества КПСС вообще перестала быть партией в строгом смысле слова, а стала чем-то вроде постоянно действующего *собора*, т.к. включала в себя представителей всех “сословий” и профессий, всех национальностей и всех местностей. “Классовая” оппозиция была из нее вычищена, даже с удивительной избыточной жестокостью. Эта партия отражала структуру общества и тип власти, сложившиеся в российской цивилизации в XX веке.

Опыт последних 15 лет показал, что в РФ не произошло деления общества на

враждующие классы – “новые русские” выделились в особый малый народ, квази-этнос. Социокультурные архетипы большинства населения России оказались очень устойчивыми, и гражданского общества западного типа не возникает – не сложилось той многопартийной системы, о которой говорили демократы в начале 90-х годов. Предполагалось, что система таких партий «нарежет» общество по социальным интересам, на классы. Этого не произошло, и реально в качестве партий мы имеем два осколка КПСС – “Единую Россию” (“КПСС от райкома и выше”) и КПрФ (“КПСС от райкома и ниже”). Остальные партии, возникшие при временном сдвиге интеллигенции к социал-демократии и либерализму, сникли.

Построение власти на многопартийной основе было с недоверием воспринято в массовом сознании. В 1995 г. ВЦИОМ опубликовал большой обзор результатов социологических опросов “Мониторинг перемен: основные тенденции”. Вывод таков: “И старая, и новая идеологическая мода побуждает добрую половину респондентов склоняться к признанию несовместимости отечественного образа общественной жизни с “западной демократией”. Сравнение двух замеров, разделенных полутора годами, – да еще какими [замеры делались в июне 1993 г. и в октябре 1994 г.]! – показывает, что перед нами не просто показатель настроения, а установка, что-то вроде канона общественного сознания россиян. Это не усредненная, а поистине универсальная установка, разделяемая – в неодинаковых, впрочем, пропорциях относительным и абсолютным большинством практически во всех наблюдаемых категориях респондентов”. В 1994 г. 33% опрошенных посчитали, что “многопартийные выборы” принесли *больше вреда*, и 29% – что *больше пользы*. С тех пор отношение изменилось несущественно.

За последние годы происходит преодоление мировоззренческого раскола общества и даже идейно-политического разделения, группы населения опять стягиваются в *народ*. Радикальная группа «новых русских» превратилась в маргинальную. Руководитель аналитического отдела ВЦИОМ Л. Бызов сообщает: «Лишь 26,2% опрошенных считают фактор идейных и партийных различий в обществе „весьма значимым“, а 33,5% – вообще „малозначимым“... Продолжалась за минувший год и деградация традиционного идейно-политического деления общества по принципу „левые“ – „правые“ – „патриоты“. В середине 90-х гг. более 65% россиян готовы были отнести себя к одной из этих групп. Сегодня только чуть менее 37% опрошенных идентифицируют себя с одним из этих направлений... Гораздо больше тех, кто ищет что-то среднее между всеми этими направлениями (24,9%) или вообще не видит себя в рамках предложенного деления (32,0%)».

Маргинальной стала и право-либеральная субкультура, ее вес в обществе многократно преувеличивается СМИ в результате ее положения во власти и в среде крупного капитала. На деле затягивается, зарастает и раскол на «правых» и «левых». Волошин верно писал в стихотворении «Русская революция»:

*Но жизнь и русская судьба
Смешали клочки, стерли грани
.....
Мы все же грезим русский сон
Под чуждыми нам именами.*

Л. Бызов пишет: «Среди „левых“ лозунгов... с большим преимуществом (46,8%) доминирует „правая“ интерпретация „левой“ идеи – это сильное государство, заботящееся о всех своих согражданах. Запрос на социальную справедливость в этом случае обращен не к обществу, а к сильному государству, к власти. И поэтому, если исходить из наиболее распространенной европейской традиции, это направление не может быть названо однозначно „левым“. Собственно же „левая“ идеология, характеризующаяся такими лозунгами, как социальная справедливость, равные права и возможности, самоуправление, имеет значительно меньше сторонников (16,3%)»³⁷⁵.

В целом, можно с уверенностью сказать, что создание в РФ (и шире – в РФ, на Украине и в Белоруссии) новой большой “квази-партии”, построенной исходя из представлений *цивилизационного* (а не формационного) подхода, возможно и необходимо. Именно эта партия и создаст организационную основу, на которой соберется и обретет самосознание *российский*

державный народ. Культурные и интеллектуальные силы, привлеченные этой партией, и станут «будителем» этого народа.

Мы говорим прежде всего о республиках со славянским, в большинстве, населением потому, что в первую очередь перед РФ, Украиной и Белоруссией в полной мере и с очевидностью встала угроза расчленения и утраты своей государственности и культурной идентичности. Победа “оранжевой” революции в РФ будет означать моментальное изъятие у нее ядерного оружия и остатков научного потенциала, после чего демонтаж православных славянских стран будет проведен форсированным темпом.

Эта угроза более или менее отчетливо осознается большинством населения, однако это осознание не может быть преобразовано в политическую волю в рамках нынешней системы партий. По многим признакам видно, что уже полностью созрела социальная база для организации, которая сформулировала бы эту угрозу и возможности ее преодоления в ясных понятиях и в политической программе. При появлении “зародышей кристаллизации” такой партии и издания первых программных документов процесс ее наполнения пошел бы очень быстро.

Создание такой массовой организации резко изменило бы весь ход событий в РФ и СНГ. Сразу была бы снята опасность распространения “оранжевых” революций и погружения РФ в новый период хаоса и массовых страданий. Власть, получившая реальную поддержку и в то же время подвергнутая гражданскому давлению, смогла бы (и была бы вынуждена) постепенно восстановить суверенитет РФ и отцепиться с крючка США. Именно постепенное восстановление государственности и хозяйства, на которое еще дает кредит времени население, позволило бы предотвратить назревающее разрушительное социальное противостояние, не имеющее шансов перерасти в конструктивную революцию.

Если власть в данный момент не пойдет на компромисс с этими чаяниями народа и “затопчет” (или подомнет под себя) ростки этой новой организации, то она встанет перед дилеммой, обе части которой загонят страну в разные, но фатальные тупики. Или власть сразу капитулирует и “сдаст” государство какому-то “российскому Ющенко” (в него может переодеться и сам В.В.Путин) – тогда процесс демонтажа РФ пройдет без заминки. Или на какой-то момент власть сумеет отсрочить “оранжевую” революцию – с тем, чтобы через пару лет она разразилась в гораздо более разрушительной форме.

Если власть РФ уже повязана с правящей верхушкой США обязательством подавлять зародыши подобных инициатив и выполнит эти обязательства, то этот исторический шанс будет упущен, а следующая попытка, если вообще окажется возможной, будет совершаться уже в ходе “оранжевой” революции, с гораздо большим риском гибели российской государственности.

Социальную базу новой партии составят все те группы, которые перечислены в гл. 20 в качестве естественных противников «оранжевой» революции. На первом организационном этапе наиболее мобильными, видимо, будут служащие госаппарата (прежде всего связанные с жизнеобеспечением населения и безопасностью государства), часть научно-технической интеллигенции, крестьянства и студенчества. Затем, если будет наглядно показано, что программой партии является не консервация нынешнего состояния РФ, а его преодоление через “революцию без катастрофы” (альтернативную “оранжевой”), то партию поддержат существенные доли всех общественных групп.

Программа-минимум этой «горизонтальной» партии, пересекающей линии раздела кусков нынешней политической системы, – преодоление угрозы «оранжевой» революции через «встречное» движение. Об этой программе-минимум Е.Холмогоров пишет так: «России нужна полноценная тактика противодействия “импортной” революции. Тактика, которая приведет не к национальному расколу и политической катастрофе, а к национальному единству и укреплению суверенитета страны. Спровоцированный агентами “политического самоубийства” во власти социальный кризис должен быть развернут в противоположную сторону – не к разрушению, а к укреплению нации. И народ не должен в этой ситуации допустить “самоубийства власти”, распада государственности и фактического ухода политической системы от ответственности за взятые ею обязательства. “Политический дефолт” должен быть для власти невозможен. Российская государственность должна сохраниться и обновиться, ни одна из внешних сил не

должна получить полного контроля над российской политической жизнью и не может приобрести права самовольно смещать и назначать власть в России.

Для того, чтобы этого добиться, необходимо следующее:

1. Власть должна отказаться от гипноза неизбежности заказанной Вашингтоном “революции” и обратиться вместо мнимого источника легитимности – “мирового сообщества” и “цивилизованного мира”, – к единственному подлинному ее источнику, – народу России, русской нации. Решительно опираясь на силу нации, государство может сохранить свой суверенитет сколь угодно долго.

2. Должны быть со всей решительностью изолированы от власти все агенты “политического суицида”, то есть те, кто провоцирует и нагнетает социально-политический конфликт, руководствуясь принципом “чем хуже, тем лучше”. Единственным критерием сохранения чиновничества у власти должна быть не преданность текущему начальству, которая вполне сочетается со способностью “слиться” в решающую минуту. Единственным критерием сохранения у власти, должна быть готовность защищать государство и нацию до последнего»³⁷⁶.

В других терминах формулирует эту задачу М.Чернов – как задачу «пересборки» самого властного аппарата, отрыва его от «народа» горбачевско-ельцинской антисоветской революции. Он пишет: «По словам экспертов RBC daily, единственный способ справиться с ситуацией – очистить госаппарат и администрацию президента от ставленников олигархических группировок и прекратить „шизофреническую политику“. „Руководству пора определиться. Сейчас проводится две взаимоисключающих политики – линия на укрепление государства и либеральные реформы. Нельзя работать с командной, где две части противоположны друг другу“, – считает Горюнов. Согласен и Собянин: „Либеральные реформы никак не вписываются в контекст восстановления российского государства“³⁷⁷.

Как известно, никакая цель не достигается, если вместе с ней не ставится цель более высокого уровня. Преодолеть угрозу «оранжевой» революции можно только в том случае, если российский державный народ предложит «народам-сепаратистам» *проект жизнеустройства*, снимающий те причины, которые толкают людей к поддержке «оранжевых» проектов. Соблазнитель – Саакашвили, Ющенко и пр. – находят отклик потому, что обещают хотя бы иллюзию какого-то выхода из постсоветской безысходности. Продолжение шизофрении «переходного периода» становится невыносимым, и люди тянутся за дудочками крысоловов.

Собрав из раздробленных частей общества новое тело большого народа, станет возможным осуществить революционный выход из этой ситуации. При этом угроза «оранжевой» революции будет устранена походя, ее энергия вольется в революцию *возрождения* российской государственности. Таковую революцию может совершить только народ, а не класс и не партия. Потому что теперь уж точно придется пройти по лезвию ножа – вырваться из удавки, тянущей Россию на периферию Запада, не вступив в антагонистический конфликт с этим самым Западом. Ведь «антиоранжевая» революция санкции Запада не получит, и Сорос ее финансировать не будет. Возможно ли это? В классическом варианте невозможно, потому что на этапе становления современного общества революции легитимировались только насилием – гильотиной. Но классическое время прошло, «антиоранжевая» революция должна быть тоже *революцией постмодерна*.

М.Ремизов пишет: «Возможна ли революция без внешней санкции? Разумеется. Но революция принципиально не “бархатная”. В случае классической революции механизмом становления толпы в качестве народа является насилие... Собственно, политическое насилие является единственным способом “самоучреждения” народного суверена из стартовой ситуации “небытия”. Но именно на политическое насилие и наложено табу в рамках логики “бархатных революций”. Они происходят в ситуации, когда, во-первых, действующая власть неспособна насильственно защититься от “изненашивания” (как удачно сказал Егор Холмогоров) со стороны технично организованной толпы. А во-вторых, и сама толпа неспособна “в борьбе обрести право свое”, право быть народом, право создавать право. Эта неспособность имеет общий источник: принятие логики мировой империи».

Да, революция во спасение возможна для России только как отрицание «логики мировой империи». Но этого от нее и ждет большинство человечества, включая и большую часть

европейцев и американцев. США со своей имперской логикой и стоящим за ней безумным проектом «золотого миллиарда» зашли в тупик и все больше превращаются в «сверхдержаву-изгоя». Восстановление России как культурной и геополитической реальности разорвет этот порочный круг.

Проект этого революционного восстановления не будет нести уже мессианского проекта Просвещения в его марксистском варианте – глобализации через пролетарскую революцию. Ошибочная идея универсализации мира на основе единой модели жизнеустройства преодолевается, мир будет устойчивой системой только как «симфония народов». Такой проект получит внешнюю поддержку, он необходим для выхода из тупика всеобщего кризиса индустриализма. И эта внешняя поддержка не втянет нас ни в какой блок и ни в какую периферию.

Трудно и опасно идти по лезвию ножа, многие сорвутся. Но не идти – гибельно для всех. Без России нам нет места на земле как народу.

Примечания

1

Насколько это нетривиальная мысль видно из того, что до сих пор многие марксисты и их «антиподы» демократы убеждены в насильственном характере власти. В рамках марксизма идею Макиавелли развил Антонио Грамши, о чем будет сказано ниже.

2

С.Земляной. Двойники власти. – «Политический журнал», 2005, № 8.

3

Н.Коровицына. С Россией и без нее: восточноевропейский путь развития. М.:Алгоритм – ЭКСМО. 2003.

4

П.А.Сорокин. Причины войны и условия мира. – СОЦИС, 1993, № 12

5

О.Шпенглер. Пруссачество и социализм. М.: Праксис. 2002. С. 71, 114.

6

Там же, с. 113.

7

Это развитие на небольшом пятачке «золотого миллиарда» уже невозможно повторить на периферии. Периферия шла (и вынуждена идти) иным путем, нежели капитализм Запада, и на

его путь перескочить не может, но этого теория Маркса не признает.

8

В 80-е годы экономисты-народники развили концепцию некапиталистического («неподражательного») пути развития хозяйства России. Один из них, В.П.Воронцов, писал: «Капиталистическое производство есть лишь одна из форм осуществления промышленного прогресса, между тем как мы его приняли чуть не за самую сущность». Это была сложная концепция, соединяющая формационный и цивилизационный подход к изучению истории. В работе 1897 г. «От какого наследства мы отказываемся» Ленин так определил суть народничества, две его главные черты: «признание капитализма в России упадком, регрессом» и «вера в самобытность России, идеализация крестьянина, общины и т.п.»

9

Энгельс был так возмущен брошюрами Ткачева, что предупредил: «Русские должны будут покориться той неизбежной международной судьбе, что отныне их движение будет происходить на глазах и под контролем остальной Европы» (Соч., т. 18, с. 526).

10

Т.Шанин. Революция как момент истины. М.: Весь мир, 1997. с. 533.

11

В.И.Ленин. Соч., 5-е изд. Т. 27, с. 400.

12

Эти суждения Энгельса, изложенные в письмах, находятся в резком противоречии с его гласными отповедами народникам (см. выше его ответ Ткачеву).

13

О.Шпенглер. Пруссачество и социализм. М.: Праксис. 2002. С. 205.

14

Н.Коровицына. Цит. соч.

15

Шарп обозначил борьбу с незападно-ориентированными государствами, как борьбу с диктатурой. Чтобы прозападная направленность книги не бросалась в глаза, все формы государственного устройства разделяются им на две большие группы: демократии, которые подконтрольны Западу, и все остальные формы государственного устройства, которые

обозначаются как диктатуры.

16

<http://www.zubr-belarus.com>; <http://www.psyfactor.org/lib/sharp.htm>.

17

Грамши в теории гегемонии уделял большое место театру, особенно театру Луиджи Пиранделло, который немало способствовал приходу к власти фашистов в Италии. Сам Пиранделло тоже понимал эту роль театра. Он писал, что Муссолини – «истинный человек театра, который выступает, как драматург и актер на главной роли, в Театре Веков».

18

В. Гушин. Зачистка власти. – «Политический журнал», 2005, № 12.

19

О.Шпенглер. Пруссачество и социализм. М.: Праксис. 2002. С. 193.

20

Там же, с. 121.

21

О. Маслов, А. Прудник. «Бархатная революция» как неизбежность. – «Независимая газета», 13.05.2005.

22

М.Ремизов. Неоколониальная революция: осмысление вызова. – www.apn.ru/?chapter_name 29.12.2004

23

Очевидно, что эта задача далеко выходит за временные рамки текущих материальных интересов ныне живущего населения. Здесь и возникают противоречия, которые могут использовать антигосударственные силы.

24

В условиях, когда народ расколот на враждующие классы, сословия, группы, государство в этих конфликтах встает на сторону «правлящих» классов и сословий. Но даже и в этих

условиях оно выполняет спасительную функцию для всего населения, ибо самую большую угрозу массовой гибели и массовых страданий представляет хаос. Во время Гражданской войны 1918-1920 гг. в России погибло, по оценкам, 12 млн. человек, из них менее 2 млн. человек – от боев и репрессий. Только от инфекционных болезней в условиях разрухи умерло более 5 млн. человек.

25

Например, во время перестройки власть сумела почти полностью заблокировать способность граждан предвидеть реальные опасности, которыми были чреваты действия верхушки КПСС – настолько, что люди не видели и не могли здраво оценить масштаб этих опасностей даже в тот момент, когда они были уже реализованы (например, опасности, порождаемые ликвидацией СССР в декабре 1991 г.).

26

Раньше, когда была общепринятой «классовая» риторика, говорили правящий класс. Однако уже в XX веке в большинстве стран, за исключением небольшого числа великих держав, и сам национальный правящий класс (например, буржуазия) оказался в такой зависимости от внешних сил, что главные решения, определяющие судьбы страны, стали приниматься за ее пределами. Чтобы не углубляться в эту отдельную проблему, мы и говорим правящие силы.

27

Перед нашими глазами разыгралась драма ликвидации СССР, который ценой огромных лишений обеспечил себе военный паритет с Западом, но не создал культурных средств, чтобы защититься от информационно-психологической войны. Эту войну Запад выиграл при том, что СССР имел потенциальные предпосылки для победы, но не смог воплотить их в виде «оружия».

28

Р.Шайхутдинов. Со-общение, 2005, № 2.

29

Дж. Шарп. От диктатуры к демократии. 1993. – www.psyfactor.org/lib/sharp.htm

30

Действия царской власти в ходе революции начала XX века в этом смысле очень схожи с действиями государственной верхушки СССР в ходе перестройки – ведь невозможно рационально объяснить, например, действия ГКЧП в августе 1991 г.

31

Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году: реформы и революция. СПб.: Наука.

1991.

32

В 1905 г. усилилось пассивное сопротивление и крестьянского населения другими методами (например, бойкот винной монополии).

33

Точно такая же двухходовка была реализована и в экономике: сначала был произведён вброс идеологии свободного рынка, экономической свободы, частной собственности, предпринимательства, и хозяйство Украины (да и России) было переломано и перестроено на этих основаниях, – а потом выяснилось, что реальные механизмы современного капитализма только частично связаны с этим.

34

Все революции такого типа имеют что-то от «революции гвоздик» или «революции роз». Как замечает наблюдатель событий в Киеве, девушки выдвигаются как особый отряд революционной толпы и лишают силы «щиты спецподразделений – в них есть такие особые дырочки, как нарочно приспособленные, чтоб миловидные студентки вставляли в них гвоздички».

35

«Бархатная» революция 1991 г. в Москве – слишком большая тема, в которую мы здесь не будем углубляться. Что касается попытки «военного переворота ГКЧП» как одной из самых совершенных в истории провокаций, ей посвящена глава в книге С.Г.Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием» (М.: Алгоритм-ЭКМО, 2004).

36

Кто готовит разноцветные «революции» (по материалам статьи Джонатана Мовата) – <http://left.ru/2005/8/movat125.phtml>

37

О. Маслов, А. Прудник. «Бархатная революция» как неизбежность. – «Независимая газета», 13.05.2005.

38

В. Гушин. Зачистка власти. – «Политический журнал», 2005, № 12.

39

С. Тамба. Национальное государство, демократия и этнонационалистический конфликт. – В кн. «Этничность и власть в полиэтнических государствах». М.: Наука. 1994.

40

В. Гуцин. Зачистка власти. – «Политический журнал», 2005, № 12.

41

А. Чадаев. Оранжевая осень. – «Со-общение», 2005, № 1.

42

Русский перевод: Ги Дебор. Общество спектакля. М.: ЛОГОС, 2000.

43

С. Тамба. Национальное государство, демократия и этнонационалистический конфликт. – В кн. «Этничность и власть в полиэтнических государствах». М.: Наука. 1994.

44

Там же.

45

Советского человека, которому приходилось в самом конце 80-х годов выезжать на Запад и наблюдать многопартийные выборы, чрезвычайно поражало необъяснимая враждебность и даже ненависть кандидатов, демонстрируемая ими в ходе выборной кампании. По советским меркам она нарушала все обычные нормы приличия и часто казалась абсурдной – при том, что разницу в программах кандидатов надо было искать с микроскопом.

46

С. Тамба. Национальное государство, демократия и этнонационалистический конфликт. – В кн. «Этничность и власть в полиэтнических государствах». М.: Наука. 1994.

47

Н.Коровицына. С Россией и без нее: восточноевропейский путь развития. М.: Алгоритм-ЭКМО. 2003.

48

Убить его (а не просто свергнуть) посчитали необходимым, видимо, потому, что он создал

недопустимый для «нового мирового порядка» прецедент – выплатил весь внешний долг Румынии. Чаушеску освободил страну от финансовой удавки – показал, что в принципе можно, хотя и с трудом, выскользнуть из этой петли.

49

Примечательно, что недавно, в декабре 2004 г., откровенный западный фильм об этой страшной провокации был показан по российскому телевидению. Для кого? Не для Путина ли?

50

В.Осипов. – «Со-общение», 2005, № 1.

51

Дж. Комарофф. Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX века. – В кн. «Этничность и власть в полиэтнических государствах». М.: Наука. 1994.

52

При этом из литературы по социальной психологии видно, что «коррективы в поведение» эти технологии предполагают вносить без ведома субъектов человеческих отношений.

53

С.Вальцев. Украинский раскол, как он есть. – «Дуэль», 2005, № 2 (402).

54

Там же.

55

В.Осипов говорит о его работе политтехнологом на Украине в выборной кампании в Верховную Раду группы кандидатов, которая имела условное название «Озимое поколение».

56

«Известия». 1990, 13 апреля.

57

Сергей Донецкий 2005. Контр ТВ

58

www.inosmi.ru/translation/215643.

59

И. Гальперин. «Роковая вечеря»*

60

Так, восточноевропейские социологи отмечали, что самый высокий уровень самоубийств характерен для маятниковых мигрантов, живущих в селе и работающих в городе. Эти перемещения и отрыв от домашней среды у восточноевропейцев были главным фактором психологического дискомфорта, агрессии и самоагрессии.

61

Для понимания процесса «двух трансформаций» в восточноевропейских странах – в 1950-1970 и 1980-1990 годах – полезно прочитать книгу Н.Коровицыной «С Россией и без нее: восточноевропейский путь развития» (М.: ЭКСМО-Алгоритм, 2003).

62

ВПТ была создана в 1948 г. путем объединения компартии с Социал-демократической партией Венгрии.

63

Н.Коровицына. Цит. соч.

64

В настоящий момент Даниэль Кон-Бендит является депутатом Европарламента от партии зеленых и вполне встроился с капиталистическую систему.

65

Как сказано в словаре, дадаизм (от фр. детский лепет) – литературно-художественное течение в среде европейской анархистствующей интеллигенции (1916-1922). Его протест выражался в иррационализме, антиэстетизме и художественном хулиганстве.

66

Потlach – праздник индейцев с раздачей подарков.

67

Ги Дебор. Общество спектакля. М.: Радек, 2000. С. 182-183.

68

Там же. С. 179.

69

МАЮ сыграла позже важнейшую роль в «Красном Мае», создав «параллельные курсы», на которых в пикку официальным профессорам с их официальной «наукой» читали курсы лекций приглашенные студентами выдающиеся специалисты из неуниверситетской (и даже неакадемической) среды, а иногда – и сами студенты, хорошо знавшие предмет (многие из них вскоре прославились как философы, социологи и т.п.).

70

Дубинин Ю. Как уцелел режим пятой республики. Вспоминая кризис во Франции. – www.comsomol.ru/ist22.htm.

71

Позже стало известно, что де Голль тайно летал в Баден-Баден, где располагался штаб французского военного контингента в ФРГ, и вел переговоры с военными. Затем он провел такие же переговоры в Страсбурге.

72

Н.Коровицына. Цит. соч.

73

www.hro.org/editions/karta/nr1314.

74

Н.Коровицына. Цит. соч.

75

Там же.

76

Кроме того, анализ финансирования этих движений показывает, что его основой были денежные почтовые переводы с Запада, которые были разрешены в Польше.

77

Majcherski J. Pierwsza dekada III Rzeczpospolitej. 1989-1999. W-wa, 1999. S.8.

78

www.auditorium.ru/books/160/

79

Ярузельский В. 2000.

80

Шахназаров Г. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993. С. 127.

81

Mitev P.-E. European integration and young people in Eastern Europe // Europe. The young. The Balkans. Sofia. 1996. P. 17.

82

Mason D. Public opinion in Polands transition to market democracy // Social policy, social justice and citizenship in Eastern Europe. 1992. P. 193.

83

Горбачев М. Жизнь и реформы. М., 1995, кн.2. С. 163.

84

Написано по материалам статей: <http://home.ptt.ru/ego/ddr-ru>; www.inopressa.ru/nzz/2004/11/09; www.bolshe.ru/unit/75/books/2422; www.krugosvet.ru/articles/59; www.rg-rb.de/win/41-99; www.svoboda.org/11/world/1104

85

Когда в Венгрии открыли границу, министр иностранных дел ГДР прибыл в Москву, чтобы просить советское руководство вмешаться в эту проблему. Ему ответили: «Мы ничего не можем сделать».

86

Данные о численности демонстраций и беженцев из ГДР понимать буквально не следует, т.к. достоверных сведений никогда не публиковалось. Речь идет об интерпретации событий в СМИ.

87

Например, ранее было заключено соглашение об интеграции научных систем ФРГ и ГДР. После присоединения Академия наук ГДР была просто ликвидирована. «Реваншизм» чиновников ФРГ тогда удивил научный мир Европы – были закрыты некоторые институты АН ГДР, аналогов которых ФРГ не имела и которые в течение 40 лет «обслуживали» всю немецкую нацию (в частности, Институт немецкого языка).

88

Цапф В., Хабих Р., Бульман Т., Делей Я. Германия: трансформация через объединение. – «СОЦИС», 2002, № 5.

89

«Financial Times», 23.09.2004.

90

Использованы материалы статьи А.Багирова «За что убили Николае Чаушеску» – Дуэль, 1996, № 3 (3), а также интернет-сайтов www.agentura.ru/dossier/romania; www.litportal.ru/?a=527t=3294

91

Американские эксперты, изучая посмертные фотографии четы Чаушеску (характер пулевых отверстий и т.д.), предположили, что их убили еще до «суда». Французские эксперты также заявили, что ряд кадров на видеопленке «суда» был вставлен посредством монтажа. Они считают, что чета Чаушеску была убита примерно за четыре часа до начала съемок.

92

«NRC Handelsblad», 14.12.1999.

93

Действия полиции в Праге были названы в западных СМИ «жестокими», так что политический режим ЧССР даже стали называть «диктатурой». Одному из авторов этой книги довелось присутствовать в конце ноября 1989 г. на большом собрании студентов и

преподавателей университета Сарагосы (Испания). Туда вернулась группа испанских студентов, находившихся в это время в Праге и принявших участие в демонстрациях. Послушать очевидцев собралось множество людей из университета. Они рассказывали, что действия полиции против демонстрантов были столь мягкими, что в Испании они не были бы даже названы «инцидентом» – а в 1989 г. полиция в социал-демократической Испании была исключительно корректна. Студенты, вернувшиеся из Праги, были просто ошарашены тем, как представляла те события демократическая пресса Испании.

94

Сами студенты разоблачить эту провокацию не могли, даже если бы старались. В Карловом университете было два студента с такой фамилией, и оба они в это время отсутствовали в Праге. Поэтому возникла неопределенность, и никто не мог выступить с опровержением известия о «гибели студента».

95

На Пленуме министр обороны Милан Вацлавик предложил применить для подавления демонстрации в Праге силовые методы. Он сказал: «Было бы достаточно, чтобы над Летенской площадью, где через день будет проходить самый крупный митинг, пролетели низко над землей два истребителя и включили форсаж».

96

Human Development Report – 1999, Washington 1999, p. 39. Здесь и ниже выдержки из Докладов ООН взяты на сайте left.ru.

97

Human Development Report for Central and Eastern Europe. 1999. p. 2, 10.

98

Human Development Report for Central and Eastern Europe the Cis. 1999. Washington 1999, p. 7-8, 89; Eastern Europe Central Asia: Millions of children bypassed by economic progress. Moscow: UNISEF, 2004; www.unicef.org/sowc02/pdf/sowc2002-eng-p85-90.pdf.

99

«New York Times», 4.05.2000 (с сайта left.ru).

100

Verhofstadt G. «A Vision for Europe», 21.09.2000.

101

Использованы данные В. Лещенко «Китай и Россия: выбор жизни и смерти». – forum.msk.ru/news/2004/325.html

102

Выйдя на площадь к митингующим, он призвал прекратить голодовку, обещал рассмотреть все их требования и попросил прощения за то, что не сделал этого раньше.

103

В изложении событий использованы материалы информационных агентств Рейтер, Ассошиэтед Пресс и БиБиСи, а также статья Григория Илича «Тайная война против Югославии».

104

В Югославии доходы от них инвестировались в экономику края Косово. Теперь шахты контролируются силами НАТО и формально принадлежат частным корпорациям. В бюджет Косова доходы от шахт не поступают.

105

Иногда говорят о демонизация сербов. Подробно эта кампания изложена в книге Брука Финли «Отцензурировано: 2005».

106

Тележурналисты ITN не видят за собой никакой профессиональной и моральной вины. Да, они пустили на весь мир фотографию, которую политики затем использовали в своих целях, а западный обыватель в массе своей поверил политикам. Но сами журналисты в комментариях к кадру не употребляли слов «лагерь смерти» и не утверждали, что из-за колючей проволоки нельзя выходить. Поэтому они подали на журнал в суд за клевету.

107

Н.Хомский. Государства-изгои. Право сильного в мировой политике. М.: Логос. 2003. С. 63,

108

Н.Хомский. Государства-изгои. С. 62.

109

Эта группа была названа стереотипным для данной серии «революций» штампом –

«Хватит!» (на Украине в это время уже действовала аналогичная организация «Пора!»).

110

Редин М. «Революция роз». Шипы отдельно, лепестки отдельно. – www.smi.ru/04/11/23/3051156.html 23.11.2004.

111

Грань здесь очень зыбкая. Упоминаются, например, такие методы как «возведение баррикад» и «уничтожение частной собственности», а также «захват земель ненасильственными методами».

112

Мартова М. Революция и контрреволюция вчера и сегодня. Альманах «Восток», 2004, № 11 (23).

113

D. Sands. Необузданная Грузия рвется к демократии. – «The Washington Times», 22.11.2004. www.inosmi.ru/translation/214853.html

114

<http://www.strana.ru/stories/01/11/26/2093/210086.html>

115

Независимые эксперты считают, что безработица на начало 2005 г. составляет около 47% трудоспособного населения Грузии.

116

П. Георгадзе П. Во что превратилась Грузия после «розовой» революции. – zadonbass.org, 27.01.2005..

117

Например, газета «Резонанс» от 13 января 2004 г. на первой странице публикует информацию из Абхазии под заголовком крупными буквами: «Российские собаки оскорбили самолюбие абхазов».

118

Ш. Мамаев. Фабрика грёз. – «Политический журнал», 2005, № 1.

119

Там же.

120

В январе 2005 г. президент Киргизии Аскар Акаев прямо заявил в Москве, что в его стране готовится «революция тюльпанов» и главным каналом поступления финансовых средств для нее служит «Freedom House» (Ш. Мамаев. Бархатные интервенции. – «Политический журнал», 2005, № 16).

121

И. Замятина – «Политический журнал», 2005, № 1.

122

А. Головков. На пороге заказных переворотов – «Политический журнал», 2004, № 47.

123

Д. Юрьев. Как сделать революцию («Оранжевые политтехнологии»). – www.edinros.ru/forum.html?FID=161page=3FThrID=110391416910

124

«США делают все, чтобы Россия не стала сверхдержавой». – RBC. ru, 06.12.2004.

125

А. Бузгалин. Майдан: народная революция или...? – www.apn-nn.ru/diskurs_s/25.html, 2005.

126

Из глав монографии Н.И. Ульянова, опубликованных в журнале «Россия X I X», № 1 (1992) и №№ 1, 4 (1993).

127

Вот выдержка из такого памфлета: «Если у нас идет речь об Украине, то мы должны оперировать одним словом – ненависть к ее врагам... Возрождение Украины – синоним ненависти к своей жене московке, к своим детям кацапчатам, к своим братьям и сестрам

кацапам. Любить Украину – значит пожертвовать кацапской родней».

128

К. Янг. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность. – В кн. «Этничность и власть в полиэтнических государствах». М.: Наука. 1994.

129

Дж. Комарофф. Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX века. – В кн. «Этничность и власть в полиэтнических государствах». М.: Наука. 1994.

130

Попытка апеллировать к мировому сообществу с идеей «украинского холокоста» была обречена на неудачу и может даже считаться политически некорректной. Не может быть «второго холокоста», претендующего на сходный с первым статус.

131

А. Марчуков. А был ли «голодомор»? – «Россия XX I», 2004, № 6.

132

Я. Батаков. Балканизация Украины. – «Русский Журнал». 2004, № 2.

133

А. Бузгалин. Цит. соч.

134

www.inosmi.ru/stories/01/06/22/3006/215135.html.

135

«Политический журнал», 2004, № 44.

136

www.inosmi.ru/stories/01/06/22/3006/215784.html

137

П. Малиновский. – «Со-Общение», 2005, № 1.

138

Для сравнения напомним, что в 2000 г. зарплата в Белоруссии составила 95%, а в РФ 42% по отношению к уровню 1990 г.

139

А. Фарнам. Дети остаются без родителей, когда мигранты бегут из бедной Украины. – «Левая Россия» (left.ru). 2005, № 2.

140

«День», № 138, 6 авг. 2004 г.

141

В ходе этого заседания депутат-социалист Рудьковский прямо предупредил своих коллег: «Я обращаюсь к народным депутатам, вы должны понять: на улице сейчас находится 200 тысяч человек, и никто из этого зала не выйдет до тех пор, пока мы не...» (в этот момент его перебил спикер).

142

www.bhhrg.org/CountryReport.asp?CountryID=22ReportID=230.

143

В. Богданов. Апофеоз незалежности. – «Политический журнал», 2004, № 48.

144

«Организация и экономика „оранжевой революции“: www.regnum.ru/news/373890.html. Опубликовано 09.12.2004.

145

www.russian.kiev.ua/archives/2004/0412/041209upt1.shtml.

146

«Политический журнал», 2004, № 44.

147

А. Головков. На пороге заказных переворотов – «Политический журнал», 2004, № 47.

148

Якушев Д. Оранжевый туман не будет вечным. – «Левая Россия» (left.ru). -left.ru/2004/17/yakushev116.phtml.

149

А. Чадаев. Оранжевая осень. – «Со-общение», 2005, № 1.

150

Р. Шайхутдинов. Демократия в условиях «спецоперации»: как убить государство. – «Со-общение», 2005, № 1.

151

Д. Семенова. Березовский предрекает кровавую революцию в России. – Utro.ru, 11 апреля 2005.

152

Создание плацдарма – почти необходимое условие для смены власти или начала гражданской войны. Для Февраля и Октября 1917 г. была необходима «колыбель» в виде Петрограда, для зарождения Белого движения – Донская область, для августа 1991 г. – Москва.

153

А.Н.Яковлев. «Независимая газета», 19.04.2005.

154

Например, Янукович непрерывно называется уголовником, хотя в действительности Верховный Суд СССР оправдал его, т.к. в отношении него произошла судебная ошибка. Более того, запускается легенда, будто он был осужден за изнасилование, тогда как приговор был вынесен за драку.

155

Д. Юрьев. Как сделать революцию («Оранжевые политтехнологии»). – www.edinros.ru/forum.html?FID=161page=3FThrID=110391416910

156

А. Чадаев. Цит. соч.

157

Р. Шайхутдинов. Цит. соч.

158

И. Герасимов. Заря новой революции. – [www.livejournal.com / users / i _ gerasimov /1355.html](http://www.livejournal.com/users/i_gerasimov/1355.html).

159

На багдадском Майдане толпа шиитов могла на время стать «оранжевой» – после того как американцы арестовали Саддама Хусейна. Но мало кто верит, что дарованная оккупационными войсками США «внешняя легитимность» реально принята шиитами.

160

А. Бузгалин. Майдан: народная революция или...? – www.apn-nn.ru/diskurs_s/25.html, 2005.

161

Р. Шайхутдинов. Цит. соч. – «Со-Общение», 2005, № 2.

162

Э. Михневский. Фабриканты страха. – «Со-общение», 2005, № 1.

163

А. Головков. На пороге заказных переворотов – «Политический журнал», 2004, № 47.

164

Р. Шайхутдинов отмечает: «Нынешние властные элиты (по крайней мере, в России, Украине и Белоруссии) не знают способов эффективного включения интеллектуалов во власть. Если во Франции после 1968 г. такие механизмы, включая ротацию, были разработаны, и теперь каждый интеллектуал может участвовать в выработке государственных решений: работать в различных экспертных советах, занимать соответствующие должности, то на Украине (и в России) интеллигенция не понимает власть, поскольку власть не знает, что с ней делать».

165

Надо подчеркнуть, что речь здесь идет о республиках, культура которых в достаточной степени «пропитана» европейским Просвещением. В азитатских постсоветских республиках революции, начавшиеся с Киргизии, при внешней схожести, например, с «революцией роз» в Грузии, опираются на использование других культурных средств, другого языка и норм рациональности. Здесь «оранжевые» революции идут не вполне по плану, и результаты их пока что очень неопределенны.

166

Оранжевое цунами. – «Со-Общение», 2005, № 1.

167

А. Бузгалин. Майдан: народная революция или...? – www.apn-nn.ru/diskurs_s/25.html, 2005.

168

А. Головков. На пороге заказных переворотов – «Политический журнал», 2004, № 47.

169

Д.Якушев проводит такую аналогию с Сербией: «Многие врачи Сербии радовались „освобождению от Милошевича“. Опираясь на опыт „революции“ 1991 г. в СССР, им говорили, что напрасно они так радуются: каким бы ни был Милошевич, миллионам таких, как они, лучше от подобных революций не бывает. Они в это не верили. Сегодня, два с лишним года спустя, они уже не ликуют. Они слишком заняты элементарным животным выживанием в мире „прозрачных и равных условий для всех“. Точно так же теперь украинцам сербский опыт не указ. Главное – не допустить того, „чего хочет Путин“!».

170

Е.Холмогоров. Проблема 2005. – «Спецназ России», 2005, № 1 (100).

171

Е.Холмогоров. «Мы не рабы. Рабы – они». 25.01.2005.

172

А.Чадаев. Цит. соч.

173

Юрьев Д. Цит. соч.

174

Гильбо Е. 2004. Анализ «номенклатурной карты» Украины. 01.12.2004.
<http://www.analysisclub.ru/index.php?page=socialart=1919>

175

Ш.Мамаев. Бархатные интервенции. – «Политический журнал», 2005, № 16.

176

Дж.Шарп. От диктатуры к демократии. – www.psyfactor.org/lib/sharp.htm

177

Чиверс К. Д. 2005. Как украинские шпионы изменили судьбу страны. Нью Йорк Таймс.
<http://www.inopressa.ru/nytimes/2005/01/17/17:00:21/ukraina>.

178

Начальник СБУ Смешко прокомментировал это так: «Официально СБУ не имеет никакого отношения к слежке за представителями Виктора Януковича. Такая слежка была бы незаконной без санкций судебных органов. К этому мне нечего добавить».

179

Д. Юрьев. Как сделать революцию («Оранжевые политтехнологии»). – www.edinros.ru/forum.html?FID=161page=3FThrID=110391416910

180

Якушев Д. 2004к.

181

Р.Шайхутдинов. Демократия в условиях «спецоперации»: как убить государство. – «Со-общение», 2005, № 2.

182

Там же.

183

Я. Батаков. Балканизация Украины. – «Русский Журнал». 2004, № 2.

184

П.Малиновский. – «Со-общение», 2005, № 1.

185

Якушев Д. Оранжевый туман не будет вечным. – «Левая Россия» (left. ru). -left.ru/2004/17/yakushev116.phtml.

186

Если договоренность не достигается, то исполнительная власть даже с очень слабой легитимностью легко расправляется с «дружинниками». Это показали события 3-4 октября 1993 г. в Москве. Огромное здание Верховного Совета РСФСР было расстреляно четырьмя танками с неполными экипажами, а большое число защитников здания, находившихся во дворе, было уничтожено членами «незаконных вооруженных формирований», выступивших на стороне Ельцина.

187

Р.Шайхутдинов. Демократия в условиях «спецоперации»: как убить государство. – «Со-общение», 2005, № 1.

188

<http://www.izvestia.ru/comment/article983602>

189

В. Богданов. Апофеоз незалежности. – «Политический журнал», 2004, № 48.

190

www.russian.kiev.ua/archives/2004/0412/041209upt1.shtml.

191

В Польше деятели «Солидарности» подчиняли себе органы власти через воздействие на родных и близких официальных лиц (например, жене члена парткома на работе объявлялся бойкот). К детям работников правоохранительных органов приставали на улицах, их избивали «хулиганы». Многие работники правоохранительных органов, офицеры и партийные работники

такого прессы не выдерживали.

192

А. Чадаев. Оранжевая осень. – «Со-общение», 2005, № 1.

193

www.izvestia.ru/world/article783925

194

С. Вальцев. Украинский раскол, как он есть. – «Дуэль», 2005, № 2.

195

Там же.

196

Е. Панова. США готовят «революцию» в России. – Росбалт, 30.03.2005.

197

www.ukraina.utro.ru/news/2004/12/14/386037.html.

198

www.nr2.ru/policy/11288.html

199

Легальное финансирование оппозиции из-за рубежа – признак неполного суверенитета государства. Любое суверенное государство должно блокировать поступление иностранной финансовой помощи действующим на политической арене партиям. Например, в соответствии с Законом Республики Беларусь «О политических партиях» финансовая и иная материальная помощь политическим партиям, действующим на территории Белоруссии, запрещена.

200

Кто заказывает марсельезу? – «Со-Общение», 2005, № 1.

201

www.regnum.ru/news/373890.html.

202

Там же.

203

А. Чадаев. Цит. соч.

204

www.regnum.ru/news/373890.html

205

www.russian.kiev.ua/archives/2004/0412/041209upt1.shtml

206

Скрябин Д. В Киеве кончаются запасы оранжевого. Украинская столица столкнулась с дефицитом товаров, окрашенных в цвета оппозиции.
www.strana.ru/stories/04/10/29/3567/235468.html.

207

http://www.ng.ru/ideas/2004-12-07/1_pavlovskiy.html.

208

Так, в Греции во время сходных политических схваток просто писали на стенах три буквы – «НЕТ». И всем было понятно. А если за этим делом заставала полиция, то говорили, что пишут «нет» загрязнению окружающей среды.

209

pomarancha.info/articles/newga041216.php.

210

www.inosmi.ru/print/219775.html

211

Л. Бызов. В России ценят справедливость. – «Политический журнал», 2005, № 15.

212

О. Маслов, А. Прудник. «Бархатная революция» как неизбежность. – «Независимая газета», 13.05.2005.

213

Р. Денбер Р. (Rachel Denber). Постсоветская демократия: кроме Украины, повсюду картина мрачная. – «The International Herald Tribune», 28.12.2004 (www.inosmi.ru/translation/216047.html).

214

В. Никитаев. Кабинет и площадь. – «Политический журнал», 2005, № 5.

215

С. Фигнер. Олигарх-губернатор все же лучше генерал-губернатора. – «Новая газета», 2005, № 29.

216

Невозможно понять, например, кто и зачем выдвинул проект приватизации (то есть ликвидации) почти 80% государственных научных организаций. Это беспрецедентное решение, ставящее крест на возможности возрождения РФ как независимой страны, принимается в момент большого профицита госбюджета и создания большого «стабилизационного фонда».

217

Гильбо Е. 2004. Анализ «номенклатурной карты» Украины. 01.12.2004. <http://www.analysisclub.ru/index.php?page=socialart=1919>

218

Н.Петраков. – «Политический журнал», 2004, № 44.

219

Один обозреватель выразился так: «Коррупция при той системе, которая создана в России, является системообразующим фактором: как только прекратится коррупция в нашей стране, нельзя будет получить ни одной справки в жэке. Либо надо менять систему, либо перестать говорить об искоренении коррупции» («Политический журнал», 2004, № 46).

220

«Политический журнал», 2005, № 14.

221

К.Янг. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность. – В кн. «Этничность и власть в полиэтнических государствах». М.: Наука. 1994.

222

В «Московском комсомольце» (12.02.1992) поэт А.Аронов писал об участниках первого митинга оппозиции: «То, что они не люди – понятно. Но они не являются и зверьми. „Зверье, как братьев наших меньших...“ – сказал поэт. А они таковыми являться не желают. Они претендуют на позицию третью, не занятую ни человечеством, ни фауной».

223

В советскую литературу это понятие из-за ошибки переводчиков вошло в искаженном виде как «невидимый колледж» ученых.

224

Г.Павловский. Война так война. – «Век XX и мир», 1991, № 6.

225

Д.Драгунский, В.Цымбурский. Рынок и государственная идея. – «Век XX и мир», 1991, № 5.

226

Д.Драгунский. Законная или настоящая? – «Век XX и мир», 1991, № 7.

227

Г.Померанц. Враг народа. – «Век XX и мир», 1991, № 6.

228

Д.Драгунский. Имперская судьба России: финал или пауза? – «Век XX и мир», 1992, № 1.

229

Подавляющее большинство из миллиона заключенных в местах лишения свободы, как и

основная масса жертв преступного насилия – представители обедневшей части населения, превращенной в «охлос».

230

А.Иголкин. Историческая память как объект манипулирования (1925-1934 гг.). – «Век XX и мир», 1996, № 3-4.

231

А.Иголкин. Пресса как оружие власти. – «Век XX и мир», 1995, № 11-12.

232

Б.Т.Величковский. Реформы и здоровье населения страны. М., 2001.

233

В отношении Запада эту мысль развивает А.М. Столяров в статье «Запад и Восток: новая „эпоха пророков“». – „Россия XX I“, 2004, № 4.

234

Важным элементом этой программы является, например, кампания против «русского фашизма». Поскольку отрицание фашизма стало частью мировоззренческой матрицы русского народа, внушение ему мысли о якобы присущем русской культуре «гена фашизма» вызывает душевный разлад и подспудное чувство исторической вины и неполноценности.

235

К. Нагенгаст. Права человека и защита меньшинств. Этничность, гражданство, национализм и государство. – В кн. «Этничность и власть в полиэтничных государствах». М.: Наука. 1994.

236

Дж. Комарофф. Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX века. – В кн. «Этничность и власть в полиэтничных государствах». М.: Наука. 1994.

237

Подтверждением сказанному служит тот факт, что меньшинствами считаются индейцы Перу, Боливии и Гватемалы, а до недавнего времени считалось и черное население ЮАР, составляющее 80% жителей страны.

238

К. Нагенгаст, цит. соч.

239

Здесь Р. Шайхутдинов делает примечание: «Обратите внимание, что в свое время в Азербайджане подобная ситуация была пресечена быстро и очень свирепо. Но Азербайджан никогда не объявлял себя демократическим государством, его власти не клялись, что не будут стрелять в свой народ. Была выстроена династическая власть, народ это принял – и значит, таков суверенный азербайджанский порядок, как это ни кажется недопустимым кому бы то ни было».

240

Стало считаться, как пишет антрополог, что «человек должен иметь национальность точно так же, как нос и два уха; отсутствие одного из этих элементов время от времени имеет место, но лишь как результат какого-то несчастья и само по себе является своего рода несчастьем».

241

Кратко обозначенные здесь проблемы были обсуждены в 1993 г. на международной конференции «Этничность и власть в полиэтнических государствах», материалы которой вошли в цитируемую здесь книгу под таким же названием.

242

Ю. Крупнов. Оранжево-березовые против Путина и России. – www.rosbalt.ru/2005/01/14/192262.html.

243

«Режим Путина: за репрессии придется платить». – «The Washington Post» (США), 2.05.2005.

244

Там же.

245

Ш. Мамаев. Бархатные интервенции. – «Политический журнал», 2005, № 16.

246

Там же.

247

Там же.

248

www.inosmi.ru/216176.html, 11.01.2005.

249

М. Ростовский – «Московский комсомолец», 26.02.2005.

250

Дайджест зарубежной прессы. – «Политический журнал», 2004, № 13.

251

Е. Панова. США готовят «революцию» в России. – Росбалт, 30.03.2005.

252

Там же.

253

«Либерасьон»: США делают все, чтобы Россия не стала сверхдержавой. – RBC. ru, 06.12.2004

254

Г.-И.. Шпангер. Опасный лик путинизма. – «Handelsblatt» (Германия), 21 апреля 2005.

255

Там же.

256

www.inosmi.ru/stories/01/06/22/3006/215691.html?

257

Это примеры искусственной шизофренизации сознания – шахтеры требовали «полной экономической самостоятельности» для шахт и перевода их на рыночные отношения при том, что эти шахты были нерентабельными, а высокая зарплата шахтеров была целиком предопределена дотациями из госбюджета.

258

Г. Дерлугьян. Выход из революции. – «Политический журнал», 2004, № 13.

259

Л. Бызов. В России ценят справедливость. – «Политический журнал», 2005, № 15.

260

А.Темкин. Подарок для директора. – «Ведомости», 28.02.2005.

261

Г.Павловский. – «Политический журнал», 2005, № 1.

262

В. Петухов. Бунт против бегства. – «Политический журнал», 2005, № 7.

263

Л. Арон. Риски Путина. – «American Enterprise Institute» (США), 17.01.2005

264

Е.Холмогоров. Проблема 2005. – «Спецназ России», 2005, № 1 (100).

265

К.Клеман. Толстый и тонкий. Российские профсоюзы как школа коллаборационизма. – «Политический журнал», 2004, № 19.

266

На телевидение звонят, чтобы ответить на вопрос, люди из тонкого «кипящего» слоя. Вся «толща» населения, конечно, не так радикальна. Но мотором революции бывает именно эта «активная пленка», а не толща. Однако более строгие социологические исследования

показывают, что «толща» думает примерно так же, как активная часть.

267

Е.Холмогоров. «Мы не рабы. Рабы – они». – www.apn. ru 25.01.2005.

268

Н. Михеенко. Первый дефицитный бюджет. Правительство отказывается платить по счетам пенсионного фонда. – «Политический журнал», 2004, № 40.

269

В. Полтерович. Почему не идут реформы. – «Политический журнал», 2004, № 13.

270

Закупая и арендуя вместо этого на 200 млн. долл. подержанных (до 10-12 лет износа) самолетов в США и Европе.

271

В. Сафонов. Поставить «на крыло». – «Политический журнал», 2004 № 46.

272

Там же.

273

Там же.

274

А. Корнеев. Россия подпитает США энергией. – «Политический журнал», 2004 № 46.

275

Д.Семенова. Березовский предрекает кровавую революцию в России. – Utro. ru, 11 апреля 2005.

276

«Политический журнал», 2004, № 40.

277

«Политический журнал», 2004, № 46.

278

Л.Арон. Риски Путина. – «American Enterprise Institute» (США), 17.01.2005

279

Р.Хестанов. Уровень честности. – «Политический журнал», 2004, № 40.

280

«Независимая газета», 19.04.2005.

281

М. Чернов. В России готовится госпереворот? – www.rbcdaily.ru/news/policy/index.shtml, 14.01.2005

282

А. Протопопов. «Униженные и оскорбленные». – www.globalrus.ru/comments/139607

283

А. Трифонов, «В России начинается ситцевая революция». 13.01.2005. – www.utro.ru/articles/2005/01/13/395377.shtml

284

Б. Вишневский. Кроватка и пулемет. – «Политический журнал», 2005, № 3.

285

Е.Холмогоров. Проблема 2005. – «Спецназ России», 2005, № 1 (100).

286

А. Чадаев. «Президент бюрократии». – www.russ.ru/culture/20050113_cron.html.

287

В. Сафонов. Гусарам денег не дают. – «Политический журнал», 2005, № 4.

288

В. Соловьев, В. Гончар. Монетизация для милиции.
02-02-2005. -www.rednews.ru/article.phtml?id=4507

289

«Московский комсомолец». 23.09.1998.

290

«Московские новости», 18.11.2003.

291

Дж.Стиглиц. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль. 2003. С. 194.

292

Н. Иванов. Кто следующий. – «Политический журнал», 2005, № 1.

293

«Политический журнал», 2005, № 4.

294

«Московские новости», 18.11.2003.

295

В. Игрунов. Революция произойдет, и довольно скоро. – «Независимая газета», 11.04.2005.

296

Д. Якушев. Оранжевый туман не будет вечным. – «Левая Россия» (left. ru). -left.ru/2004/17/yakushev116.phtml.

297

М. Чернов. В России готовится госпереворот? – www.rbcdaily.ru/news/policy/index.shtml, 14.01.2005

298

Там же.

299

С. Земляной. Репетиция оркестра. – «Политический журнал», 2005, № 7.

300

П. Акопов. От противного. – «Политический журнал», 2004, № 40.

301

«Независимая газета», 19.04.2005.

302

«Независимая газета», 25.11.04.

303

«Новая газета», 2004, № 87.

304

Л. Баткин. «Новая газета», 2005, № 24.

305

С.Земляной. Дело Зубатова: американский след. – «Политический журнал», 2004, № 40.

306

К. Кахиани, Д. Слободянюк. Режим охлаждения. – «Политический журнал», 2005, № 13.

307

Ю. Шевцов. Революцию должна совершить сама российская власть. «Оранжевое продолжение»: взгляд из Минска. – «Русский Журнал», 4.02.2005

(http://www.russ.ru/culture/20050204_yushev.html).

308

А. Щуплов. Оранжевый Вольтер. – «Политический журнал», 2004, № 46.

309

Д.Семенова. Березовский предрекает кровавую революцию в России. – Utro.ru, 11 апреля 2005.

310

Д. Елькин. «Бунт элит, униженных и оскорбленных». – www.apn.ru/?chapter_name=advertdata_id, 14.01.2005.

311

О. Маслов, А. Прудник. «Бархатная революция» как неизбежность. – «Независимая газета», 13.05.2005.

312

Э.Михневский. Фабриканты страха. – «Со-общение», 2005, № 1.

313

В. Петухов. Бунт против бегства. – «Политический журнал», 2005, № 7.

314

А. Невзоров. «Гони монету!». – www.apn.ru/?chapter_name=impresdata_id=212do=view_single, 12.01.2005.

315

Г. Ковалев, «Популярность теперь не в моде». 13.01.2005 – www.politcom.ru/2005/gvozd538.php

316

«Окружение Путина дискредитирует президента» (интервью с вице-президентом ИНС В.Милитаревым). 11.01.2005 – www.apn.ru/?chapter_name=eventsdata_id=1151do=view_single

317

А.И. Фурсов. Колокола истории. Часть I. М.: ИНИОН РАН. 1996.

318

М. Wehner. «Frankfurter Allgemeine Zeitung» (Германия), 26.04.2005 – www.inosmi.ru/translation/219159.html

319

В Минюсте РФ отрицают, что регистрировали организации с такими названиями. Это не исключает возможности ее появления в одном из регионов в статусе региональной общественной организации.

320

А. Корня. «Пора» приближается: московские радикальные либералы уже консультируются с украинскими революционерами. – «Независимая газета», 10.12.2004 (www.ng.ru/politics/2004-12-10/1_pora.html).

321

К. Кахиани, Д. Слободянюк. Режим охлаждения. – «Политический журнал», 2005, № 13.

322

Г. Дерлугьян. Выход из революции. – «Политический журнал», 2005, № 13.

323

Г. Павловский. – «Независимая газета», 08.04.2005.

324

«Независимая газета», 19.04.2005.

325

«Политический журнал», 2005, № 4.

326

О. Маслов, А. Прудник. «Бархатная революция» как неизбежность. – «Независимая

327

Е.Холмогоров. «Мы не рабы. Рабы – они». – – www.apn. ru 25.01.2005.

328

В. Игрунов. Революция произойдет, и довольно скоро. – «Независимая газета», 11.04.2005.

329

Е.Холмогоров. Проблема 2005. – «Спецназ России», 2005, № 1 (100).

330

Р. Сафиуллин. Революция по краям. – www.apn.ru 05.05.2005.

331

Р. Шайхутдинов: Киргизия-2005: «Демотехника» на марше. – rus-crisis.ru/modules.php?

332

Там же.

333

Само понятие «левые» в современной РФ очень условно, оно применяется как привычное обозначение, но мало соответствует издавна принятой в политологии классификации. Например, КПРФ определяет себя как патриотическая партия государственников, высоко ставящая в своей идеологии ценности православия, что по классическим канонам характерно именно для консервативного, даже правого фланга.

334

08.04.2005

335

А.Фролов. Репетиция? «Советская Россия», 1 марта 2005 г., № 27.

336

С. Строев. Красное или оранжевое? Партия перед лицом новой угрозы.*

337

А. Бугалин. Майдан: народная революция или...? – www.apn-nn.ru/diskurs_s/25.html, 2005.

338

Впрочем, классовый анализ завел в тупик самого Бугалина: если Майдан «отвечал интересам практических всех основных слоев украинского общества», то почему же он был столь слабо поддержан на Востоке Украины, где, напротив, большинство населения (даже с учетом возможных подтасовок) проголосовало против Ющенко?

339

Б. Кагарлицкий. Перемены на Украине: вызов и урок для российских левых. – [aglob.ru / analysis /? id =895](http://aglob.ru/analysis/?id=895) 11.05.2005.

340

Л. Арон. Риски Путина. – «American Enterprise Institute» (США), 17.01.2005.

341

Л. Мандевиль. Анна Политковская: «Готовится революция». – «Le Figaro» (Франция), 21 апреля 2005.

342

А. Корня. «Пора» приближается: московские радикальные либералы уже консультируются с украинскими революционерами. – «Независимая газета», 10.12.2004 (www.ng.ru/politics/2004-12-10/1_pora.html).

343

«Независимая газета», 19.04.2005.

344

М. Чернов. В России готовится госпереворот? – RBC daily (14.01.2005) [www.rbcdaily.ru / news / policy / index. shtml?2005/01/14/36075](http://www.rbcdaily.ru/news/policy/index.shtml?2005/01/14/36075)

345

Н. Антипова, Дм. Великовский. Наши и не наши. – «Политический журнал», 2005, № 17.

346

Краткий иллюстрированный отчет о питерском «Марше против кремлевского произвола». – Политотдел ИНАЧЕ. 30.01.2005.

347

Н. Роева: Нужен ли революционным левым диалог с Михаилом Касьяновым? – <http://www.pravda.info/politics/2705.html> – 29.04.2005

348

Е.Холмогоров. Проблема 2005. – «Спецназ России», 2005, № 1 (100).

349

Д.Семенова. Березовский предрекает кровавую революцию в России. – Utro. ru, 1 1 апреля 2005.

350

Ю. Крупнов. – www.rosbalt.ru/2005/01/14/192324.html.

351

Гильбо Е. 2004. Анализ «номенклатурной карты» Украины. 01.12.2004. <http://www.analysisclub.ru/index.php?page=socialart=1919>

352

Э.Михневский. Фабриканты страха. – «Со-общение», 2005, № 1.

353

Г. Павловский. – «Независимая газета», 08.04.2005.

354

С. Тимченко. Город революции окрасился в оранжевый цвет. – «Независимая газета», 18.01.2005.

355

Вахитов Р. Ироды рыночной эпохи. Советская Россия. sovross.ru/2005/16/16

356

«Со-общение», 2005, № 1.

357

Р.Шайхутдинов. Демократия в условиях «спецоперации»: как убить государство. – «Со-общение», 2005, № 2.

358

В. Гушин. Зачистка власти. – «Политический журнал», 2005, № 12.

359

Н. Н. Яковлев. ЦРУ против СССР. М.: Мысль. 1985.

360

Л. Арон. Риски Путина. – «American Enterprise Institute» (США), 17.01.2005.

361

Примечательно определение, которое дает администрация президента геополитическому положению РФ: «фактически осажденная страна». Так скажите, кем она осаждена. И кто довел до такого состояния, какая по номеру колонна.

362

www.russ.ru/culture/20050322_ygrek.html

363

www.russ.ru/culture/20050326_chad.html

364

Е.Холмогоров. Цит. соч.

365

Р.Шайхутдинов. Демократия в условиях «спецоперации»: как убить государство. – «Со-общение», 2005, № 1.

366

А.Чадаев. Оранжевая осень. – «Со-общение», 2005, № 1.

367

Р. Сафиуллин. Революция по краям. – www.apn.ru 05.05.2005.

368

А.Чадаев. Оранжевая осень. – «Со-общение», 2005, № 1.

369

М.Ремизов. Неоколониальная революция: осмысление вызова. – www.apn.ru/?chapter_name 29.12.2004.

370

Л.М.Дробижева. Интеллигенция и национализм. Опыт постсоветского пространства. – В кн. «Этничность и власть в полиэтнических государствах». М.: Наука. 1994.

371

В.Шубарт. Европа и душа Востока – Общественные науки и современность, 1992, № 6.

372

Р. Шайхутдинов: Киргизия-2005: «Демотехника» на марше

373

М. Агурский. Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм. 2003.

374

Ю. Кирьянов. Правые партии в России (1905-1917 гг.). – «Россия – XX I», 1999, № 2.

375

Л. Бызов. В России ценят справедливость. – «Политический журнал», 2005, № 15.

376

Е.Холмогоров. Проблема 2005. – «Спецназ России», 2005, № 1 (100).

377

М. Чернов. В России готовится госпереворот? – RBC daily, 14.01.2005.